

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт философии

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2014 году

Выпуск

9

Минск
«Беларуская навука»
2022

Содержание девятого выпуска ежегодного сборника научных трудов «Философские исследования» охватывает широкий спектр современных актуальных проблем философского знания. Сборник посвящен решению проблем социальной динамики, исследованию в философском ракурсе проблем экологии, философскому осмыслению проблем человека, применению междисциплинарной методологии в различных областях знания, анализу диалектической связи глобализации и этнокультуры и др. В философско-теоретическом осмыслении представлены евразийская интеграция, военная сфера национальной безопасности, социальные коммуникации, билингвизм, методология и методика образования, историческая память, физическая культура и др. В издание включены статьи как известных философов и ученых, так и начинающих исследователей.

Рассчитан на профессионалов в области философии, ученых, применяющих в своих исследованиях философскую методологию, а также всех, интересующихся проблемами развития современного общества, человека, природы и познания.

Сборник научных трудов «Философские исследования» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по философской отрасли науки (Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 156 от 19.06.2015 г.).

Рекомендовано:

Ученым советом ГНУ «Институт философии НАН Беларуси»,
протокол № 6 от 18 мая 2022 г.

Редакционная коллегия:

- Т. И. Адуло* (главный редактор), доктор философских наук, профессор;
А. Ю. Дудчик (зам. главного редактора), кандидат философских наук, доцент;
А. О. Карасевич (ответственный секретарь), магистр психологических наук;
П. Ганчев, доктор философских наук, профессор (Болгария);
А. Л. Куши, кандидат философских наук, доцент;
А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент;
В. К. Лукашевич, доктор философских наук, профессор;
В. А. Максимович, доктор филологических наук, профессор;
О. А. Павловская, кандидат философских наук, доцент;
О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор (Украина);
С. И. Санько, кандидат философских наук;
Э. М. Сороко, доктор философских наук, доцент;
А. И. Субетто, доктор философских наук, профессор (Россия);
Д. И. Широканов, академик НАН Беларуси, доктор философских наук

Рецензенты:

- В. И. Чуешов*, доктор философских наук, профессор;
Е. В. Беляева, доктор философских наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Бабосов Е. М., Спасков А. Н. Синтетический концепт времени в динамике антропо-космогонических процессов	7
Ксенофонтов В. А. Социальная диалектика как методологическая основа исследования военной сферы национальной безопасности	23
Колесников А. В. Моделирование социальных кризисных явлений, связанных с распространением COVID-19.	40
Червинский А. С. Коэволюционная динамика как объект социально-экологического исследования.	51

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Адуло Т. И. О методологической базе философской рефлексии современной эпохи	64
Божанов В. А. Г. В. Плеханов: философский взгляд на некоторые вопросы исторической науки	85
Амоненко С. А. Понятие социального кризиса: проблема концептуализации и методы исследования.	100
Куксачёв Н. Н. Онтология кризисов современного общества: феноменологический подход	111
Петровский П. С. Становление и развитие евразийской теории интеграции	118
Одиноченко В. А. Трансформации пространственных и временных характеристик межкультурного положения современной Беларуси.	128
Игнатов В. К. Концепция белорусской национальной идеи И. В. Кончевского и теория русского мира К. Н. Леонтьева: сравнительный анализ.	137
Цзиаци У. Философские истоки проекта эко-цивилизации в современном Китае	152

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Лазаревич А. А. Социальные коммуникации и технологический детерминизм.	162
Широканов Д. И., Червинский А. С. Роль философии в формировании концептуальных структур социальной экологии	174
Сороко Э. М. Эволюция системного мировидения от самоорганизации к самоорганизации	181
Лукашевич В. К. Формы когнитивной ассимиляции резонансных процессов.	193
Можейко М. А. Билингвизм в когнитивной проекции: язык мышления и процедуры code switch	204
Павлюкевич В. И. Логическое знание в эпистемологическом измерении	220

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Калмыков В. Н. Сущность и природа человека и противоречивость трансгуманизма. . .	231
Сокол М. А. Диалогическая философия языка в отечественных и зарубежных исследованиях	241
Шатерник М. Г. Речевые параметры моральной коммуникации.	252
Буйко Т. Н., Сяоянь У. Телесный подход к исследованию физической культуры и спорта в Китае.	262

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Румянцева Т. Г. Актуальные проблемы современных историко-философских исследований	273
Малахов Д. В. «Экзистенциальный генезис науки» М. Хайдеггера в ценностно-мировоззренческих перспективах конституирования исторической памяти. Часть 1. Темпоральность и трансценденция	286
Прись И. Е. Интенциональный реализм Д. Деннета как контекстуальный реализм	298
Санько С. І. Элементы этнаметафізики: ст.-гр. <i>ΟΥΣΙΑ</i> : блр. <i>ІСНАСЦЬ</i> : ням. <i>WESEN</i> . . .	308
Лянькевич Г. Ч. Сократовский диалог двух ученых и докторов: о воззрениях и сотрудничестве Николая Судзиловского (Русселя) и Сунь Ятсена	318
Дудчик А. Ю. Диссертации по философским наукам в БССР 1950–1980-х: специализация дисциплин и трансфер знания	329

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Куиш А. Л. Исследование образования: методология, методика, процедура.	343
Титаренко Л. Г., Аветисян П. С. Философия образования в эпоху цифровизации и пандемии COVID-19.	355
Смоляков Д. А. Критика глобализации в концептуальных моделях интернационализации высшего образования.	362
Цзимао Го. Интернационализация высшего спортивного образования как объект социально-философского исследования	371
Максімовіч В. А. Канцэптуальна-аксіялагічныя дамінанты ў кантэксте адраджэнскай парадыгмы творчасці пачатку ХХ ст.	380
Фурс В. В. Структурно-семиотический подход к исследованию медиакультуры в цифровую эпоху.	392

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Куиш А. Л. II Конференция Белорусского философского общества: подведение итогов и оценка перспектив.	405
Морозова И. И. К юбилею Ф. М. Достоевского	409
Никонович Н. А. Философское и религиозноведческое наследие выдающегося мыслителя: к 115-летию со дня рождения М. Элиаде	413
Лазаревич А. А., Павлюкевич В. И. Выдающийся философ, логик, социолог, писатель. Он шел против течения: Александр Александрович Зиновьев (1922–2006)	419
Лазаревич А. А. Памяти великого ученого и человека: к 90-летию члена-корреспондента НАН Беларуси Л. Ф. Евменова	423
Коваленя А. А., Лазаревич А. А. Анатолию Изотовичу Зеленкову – 75 лет.	426
Лазаревич А. А., Колесников А. В. Владимир Константинович Лукашевич: к 75-летию . . .	429
Колесников А. В., Санько С. И. Фактор поколений в философской науке	431

РЕЦЕНЗИИ

Адуло Т. И. О состоянии современного философского образования и путях повышения его эффективности	435
Романов О. А. Глобальная социодинамика в философском осмыслении	443
Сведения об авторах	447
Информация для авторов.	450

CONTENTS

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF SOCIAL DYNAMICS

Babosov E., Spaskov A. Synthetic concept of time in the dynamics of anthropocosmogonic processes.	7
Ksenofontov V. Social dialectics as the methodological basis for the study of the military sphere of national security	23
Kolesnikov A. Modelling of social crises associated with the pandemic of COVID-19	40
Chervinsky A. Co-evolutionary dynamics as a socio-ecological research object	51

PHILOSOPHY OF HISTORY

Adoulo T. On the methodological basis of philosophical reflection of the modern era.	64
Bozhanov V. G. V. Plekhanov: a philosophical view on some issues of historical science.	85
Amonenko S. The concept of social crisis: the problem of conceptualization and research methods.	100
Kuksachou N. Ontology of crises of modern society: a phenomenological approach	111
Piatrouski P. Formation and development of the Eurasian theory of integration	118
Odinochenko V. Transformation of spatial and temporal characteristics of the intercultural situation of modern Belarus.	128
Ignatov V. The concept of the Belarusian national idea of I. V. Konchevsky and the theory of the Russian world of K. N. Leontiev: a comparative analysis.	137
Jiaqi Wu. Philosophical origins of the eco-civilization project in modern China	152

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Lazarevich A. Social communications and technological determinism	162
Shirokanov D., Chervinsky A. The role of philosophy in the formation of conceptual structures of social ecology	174
Soroko E. Evolution of the system worldview from self-organization to self-harmonization	181
Lukashevich V. Forms of cognitive assimilation of resonance processes.	193
Mojeiko M. Bilingualism in cognitive projection: language of thinking & code switch procedures	204
Pavlyukevich V. Logical knowledge in epistemological assessment.	220

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL INVESTIGATIONS

Kalmykov V. Essence and nature of human and contradictions of transhumanism	231
Sokol M. Dialogical philosophy of language in domestic and foreign studies	241
Shatsernik M. Discursive parameters of moral communication.	252
Bouiko T., Xiaoyan Wu. Body approach to research for physical culture and sport in China.	262

RESEARCHES IN HISTORY OF PHILOSOPHY

Rumyantseva T. Actual problems of modern history-philosophical research	273
Malakhov D. "Existential genesis of science" by M. Heidegger in the value-worldview perspectives of the constitution of historical memory. Part I. Temporality and transcendence	286

Pris I. Dennett's intentional realism as a contextual realism	298
San'ko S. Elements of ethnometaphysics: Old Greek <i>ΟΥΣΙΑ</i> : Belarusian <i>ІСНАЦІЎА</i> : German <i>WESSEN</i>	308
Lian'kievich G. Socratic dialogue between two scientists and doctors: views and cooperation of Nikolai Sudzilovski (Russel) and Sun Yat-sen	318
Dudchik A. Dissertations on philosophical sciences in BSSR 1950 ^s –1980 ^s : specialization of disciplines and transfer of knowledge	329

PHILOSOPHY OF EDUCATION AND CULTURE

Kuish A. Education investigations: methodology, methodics, procedure	343
Titarenko L., Avetisyan P. The philosophy of education in the epoch of digitalization and COVID-19 pandemic	355
Smaliakou D. Criticism of globalization in conceptual models of internationalization of higher education.	362
Jimao Guo. The internationalisation of higher sports education as an object of socio-philosophical research	371
Maksimovich V. Conceptual and axiological dominants in the context of the revival paradigm of creativity at the beginning of the 20 th century	380
Furs V. Structural-semiotic approach to the media culture studies in the digital era	392

SCIENTIFIC LIFE

Kuish A. 2 nd Conference of the Belarusian Philosophical Society: summing up and assessing the prospects	405
Morozova I. To the jubilee of F. M. Dostoevsky	409
Nikonovich N. Philosophical and religious heritage of an outstanding thinker: to the 115 th Anniversary of the birth of M. Eliade	413
Lazarevich A., Pavlyukevich V. An outstanding philosopher, logician, sociologist, writer. He went against the current: Alexander Alexandrovich Zinoviev (1922–2006)	419
Lazarevich A. In memory of the great scientist and man: to the 90 th Anniversary of the Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus L. F. Evmenov	423
Kovalenya A., Lazarevich A. Anatoly Izotovovich Zelenkov is 75	426
Lazarevich A., Kolesnikov A. Vladimir Konstantinovich Lukashevich: to the 75 th Anniversary	429
Kolesnikov A., San'ko S. Generational factor in philosophical science	431

BOOK REVIEWS

Adulo T. On the state of modern philosophical education and ways to improve its effectiveness . . .	435
Romanov O. Global sociodynamics in philosophical understanding	443
Information about the authors	447
Information for authors	450

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

УДК 115+111

Поступила в редакцию 21.04.2022
Received 21.04.2022

Е. М. Бабосов¹, А. Н. Спаськов²

¹Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

²Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СИНТЕТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ ВРЕМЕНИ В ДИНАМИКЕ АНТРОПОКОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ*

В статье выявляются онтологические основания антропокосмологического концепта времени и приведено его специфическое осмысление в современной философской антропологии постмодернизма. Обоснована идея зависимости модели времени от выбора темпоральной онтологии. Рассматриваются три относительно независимые представления времени, основанные на причинной, корреляционной и трансцендентной онтологии. Осуществлен концептуальный синтез темпоральных онтологий на основе субстанциально-информационной онтологии. Введены понятия диахронного, синхронного и трансхронного временных измерений. Эксплицирована модель трехмерного времени, основанная на трех онтологически несоизмеримых представлениях, синтетически связанных в единую концептуальную модель.

Ключевые слова: космогоническое и антропологическое время, концепт, темпоральная онтология, причинность, корреляционная связь, трансцендентная зависимость, диахронное, синхронное и трансхронное временное измерение

E. Babosov¹, A. Spaskov²

¹Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

²Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SYNTHETIC CONCEPT OF TIME IN THE DYNAMICS OF ANTHROPOCOSMOGONIC PROCESSES

The article reveals the ontological foundations of the anthropocosmological concept of time and provides its specific understanding in the modern philosophical anthropology of postmodernism. The idea of time model dependence on the choice of temporal ontology is substantiated. Three relatively independent representations of time based on causal, correlational and transcendental ontology are considered. A conceptual synthesis of temporal

* Публикация подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г20МС-031).

ontologies based on a substantial-information ontology has been carried out. The concept of diachronic, synchronous and transchronic temporal dimension is introduced. The model of three-dimensional time is explicated, based on three ontologically incommensurable representations, synthetically linked into a single conceptual model.

Keywords: *cosmogonic and anthropological time, concept, temporal ontology, causality, correlation, transcendent dependence, diachronic, synchronous and transchronic time dimension*

Введение

Время – это фундаментальная сущность бытия, основной модус последовательной смены его явлений, состояний и процессов. Веками оно будило и пленяло воображение, дарило надежду, порождало фантазии и верования людей. Философы, ученые, художники, композиторы, религиозные мудрецы вглядывались в грядущее с надеждами и тревогами, с уверенностью и сомнениями, с воодушевлением и боязнью. Особенно интенсивными исследования потоков времени стали в XIX, XX и XXI вв. Так, во второй половине XIX в. выдающиеся физики и математики пришли к осмыслению парадокса времени, где будущее и прошлое выполняют существенно различные роли. А в XX в. (в 1929 г.) А. Эддингтон в своей книге «Природа физического мира» ввел в научный оборот термин «стрела времени», который с успехом применяется и поныне при исследовании и экспликации необратимых процессов. Дальнейшее изучение области необратимых процессов привело к отчетливому пониманию целого каскада физических и физико-химических явлений и процессов, которые могут быть осмыслены и истолкованы как самоорганизация и функционирование диссипативных структур.

Мы все живем в историческом времени. Это значит, что наша жизнь развивается как процесс, состоящий из упорядоченной последовательности событий с причинно-следственной связью (диахронное время), связанных в смысловое единство с другими событиями (синхронное время), образующих целостную по смысловому содержанию историю. Но что или кто детерминирует этот процесс, задавая онтологические пределы и смыслообразующие горизонты нашего исторического бытия? И насколько мы свободны в историческом творчестве?

Мы живем во времени, выбирая в активном действии свой уникальный путь в глобальном историческом потоке либо пассивно предаваясь течению времени. Между тем и время живет в нас, вплетая нашу собственную свободную волю в ткань исторических событий. Но это не статическая пространственная ткань с завязанными раз и навсегда узлами-событиями. Это – динамическая ткань, в которой переплетаются не только события текущего (настоящего) времени, но и раскрываются новые нелокальные связи с прошедшими уже событиями, а также заплетаются новые потенциальные связи с еще не наступившими (будущими) событиями.

В каждый момент текущего времени проявляется не только активная жизнь настоящего, но и вновь оживает прошлое, раскрывая новый смысл прошедших уже событий и реализуя новые следствия старых причин. Можно сказать, что в каждом настоящем событии раскрывается новый смысл целого ряда прошедших событий (происходит их новое прочтение и переосмысление) и закладывается первопричина целого ряда будущих событий (происходит их новое целеполагание).

Таким образом, каждое событие связано с другими событиями множеством диахронных и синхронных связей, образующих в своем сплетении ткань исторического времени. В первом приближении можно сказать, что историческое время – это динамическое множество событий, имеющих исторически значимое содержание и связанных между собой синхронными и диахронными связями. Но помимо внешних связей с другими событиями и собственными последовательными состояниями каждое событие имеет еще внутренние (глубинные) связи с собственными потенциальными значениями (потенциальное время).

Данная статья посвящена проблеме разработки синтетического концепта времени, непротиворечиво сочетающего в себе космогонические и антропологические представления о темпоральной структуре реальности. Эта задача предполагает формулировку нового смыслового содержания категории времени в постнеклассической науке и разработку понятийного аппарата для интеграции новых смыслов в концептуальную конструкцию современной научной картины мира в соответствии с естественнонаучными и гуманитарными концепциями. Онтологическим основанием такого синтеза является, с нашей точки зрения, антропный принцип [1].

Нелинейность – основополагающий принцип синтетического концепта времени

Выдающийся физикохимик И. Р. Пригожин, руководитель знаменитой Брюссельской школы термодинамики необратимых процессов, навсегда вошел в историю науки как разработчик концепта времени. Всем своим многогранным научным творчеством он утверждал, что на рубеже XX и XXI вв. важнейшим направлением исследовательской деятельности становится изучение не только статично существующей реальности, но прежде всего реальности, развивающейся в непрестанно изменяющемся потоке ее турбуленций к возможному грядущему будущему. Это многогранное, многообразное и многокачественное изменение, согласно его теоретически проработанным и эмпирически эксплицированным постулатам, базируется на трех взаимосвязанных основаниях, «на трех китах» – стрела времени, парадокс времени и теория неравновесных необратимых процессов.

И. Р. Пригожин утверждал, что стрела времени возникает из фундаментальной концептуальной схемы физики. По его твердому убеждению, «во всех

явлениях... будущее и прошлое играют различные роли. Существование стрелы времени здесь очевидно» [2, с. 73]. Именно такой подход, считал ученый, образует базис для синтеза, объединяющего свойства микромира и макромира, поскольку он вводит необратимость в фундаментальное динамическое описание и истолкование окружающей реальности. Это новое понимание реальности предполагает не только взаимодействие между познающим и познаваемым, но и то, что это взаимодействие создает различие между прошлым и будущим.

Когда объектом исследования становится возрастающая роль науки не только в исследовании ныне осуществляющихся процессов окружающей реальности, но и возможных их изменений в грядущем будущем, тогда необходимо принимать во внимание очень важную в теоретико-методологическом значении разработанную И. Р. Пригожиным и его последователями неравновесную термодинамику и статистическую механику необратимых процессов и наполнения бифуркациями хаотических систем, которые дают вероятностное описание исследуемых событий в образах стрелы времени и в научных терминах сжатия траекторий. Подчеркивая активную творческую роль субъекта познания в проникновении сущности прошлого и предвиденного в вероятностной парадигме предстоящего будущего, И. Р. Пригожин в совместной с И. Стенгерс монографии утверждал, что человек отвечает и за стрелу времени, и за переход от квантовой «потенциальности» к квантовой «актуальности», а все содержание развиваемой им теории иллюстрирует созидательную роль человека в истории [2].

Конкретизируя тезис о фундаментальной роли стрелы времени, ученый подчеркивал, что «жизнь эволюционирует по вероятностным законам» [3, с. 158]. Однако при всем многообразии таких вероятностей «стрела времени существует, и она является необратимой последовательностью событий» [3, с. 42]. А понимание возникновения событий, в истолковании выдающегося ученого и мыслителя, связано с бифуркациями, при которых прежние основы организации и регулирования системы распадаются, она оказывается в ситуации неуправляемого хаоса с непредсказуемыми для всей системы последствиями. Бифуркация вследствие отсутствия в ней предопределенности разворачивающихся событий может привести как к более высокой организации системы, так и к полной ее дезинтеграции. Если с этих позиций проследить развитие Вселенной, считал И. Р. Пригожин, то можно предположить, что Вселенная находится далеко от положения равновесия и ориентирована во времени и для понимания процессов, в результате которых Вселенная, окружающая нас, стала неравновесной и ориентированной во времени, необходимо разработать теорию, включающую в себя необратимость и стрелу времени [3].

Этот постулат в своей сущности означал, что для И. Р. Пригожина величие и созидательная мощь физики и космологии, в целом науки, раскрывающей

в своем развитии все новые и новые тайны природы, заключаются в ее созидательной сущности, неотрывной от постоянной восприимчивости к расширению и необратимости научного познания. По словам его многолетнего соавтора и коллеги И. Стенгерс, «для Пригожина... необратимость должна была обрести фундаментальный смысл или же превратиться в иллюзию не только человеческого опыта, но и всех биологических и исторических процессов, свидетельствующих в пользу стрелы времени» [3, с. 92].

И. Р. Пригожин был убежден, что основные теоретические положения развиваемой им концепции диссипативных структур «применимы ко многим областям исследований, включая даже экономические и социальные науки» [3, с. 173]. Поскольку всё происходящее в данных сферах социально-экономической реальности связано с бифуркациями, вследствие чего будущее неопределенно, утверждал он, постольку «в наше время глобализации и коммуникационной революции поведение на индивидуальном уровне играет как никогда ключевую роль при формировании эволюции всего человеческого рода... Роль отдельных личностей сейчас более важна, чем когда-либо» [3, с. 198].

Последнее из приведенных высказываний содержит в себе методологически значимый постулат, открывающий путь к правильному истолкованию спасительной роли научного познания предстоящих перспектив будущего для всепланетарного человечества в условиях нарастания турбулентности окружающей реальности.

Человеку как индивиду и человеку как общепланетарному роду людскому всегда свойственно задумываться о предстоящем будущем. Причем такое осмысление чаще всего сопрягает воедино представления об открывающихся перед ним возможных путях к будущему и осмысление человеком самого себя в категориях будущего. Именно такую ориентированность человеческого существования выразил в своей постнеклассической научной доктрине И. Р. Пригожин. Теоретико-методологический инструментарий этой парадигмы достаточно обширен и многогранен, но его стержень составляют четыре взаимосвязанных принципа: дисциплинарность, интердисциплинарность, трансдисциплинарность и практикоориентированность.

Уникальным по своей масштабности и значимости воплощением дисциплинарности являются проведенные и осуществленные Брюссельской научной школой исследования процессов диссипативности. Во всем своем многообразии диссипативная система предстает как открытая система, которая функционирует вдали от термодинамически равновесных состояний. Такие системы формируются и действуют в неравновесной среде при условии диссипации (от лат. *dissipatio* – рассеяние) энергии, поступающей извне.

Принцип интердисциплинарности как исследовательской матрицы реализуется в разветвлении на две, три и более частей чего-либо, например, на три главные и взаимосвязанные друг с другом составные части научного знания – естественные, технические и гуманитарные науки; центральный орган крове-

носной системы человека подразделяется на четыре камеры. Причем время в сложных системах (а они составляют в окружающей реальности большинство) протекает с разными скоростями. Возьмем, к примеру, лиственное дерево – корневая система в нем начинает формироваться раньше других его систем и существует длительное время, ствол развивается позже, крона дерева проявляет свои особенности еще позднее, а покрывающие его листья существуют непродолжительное время и сменяются ежегодно.

Как междисциплинарная наука нелинейная динамика включает в себя множество разнообразных физических, химических, биологических, социальных, экономических и других состояний, дискретно или непрерывно изменяющихся во времени. Трансдисциплинарность (от лат. *transcendens* – выходящий за пределы) проявляется в перенесении методов и приемов исследовательской деятельности из одной сферы научного познания в другую: математических методов – в физику или социологию; физических методов – в химию, биологию, в технические науки.

Практикоориентированность воплощается в практической реализации научно, социально и оборонно значимых проектов – в существенно важных сферах миропреобразующей деятельности человека и общества.

Из всего изложенного вытекает, что умение конструировать свое будущее, а в нем – и самого себя означает, что человек научается овладевать временем. Но в процессе такого овладения выявляется, что в своем стремлении достичь желаемого будущего человек лицом к лицу сталкивается с множественностью перспектив. И здесь возникает один из парадоксов времени: с одной стороны, человек и социальная группа (организация, фирма, страна и т.п.) знает, что программируемые проекты имеют альтернативу, но с другой стороны, субъект целеполагания (человек, группа и т.д.) убежден, что в его распоряжении достаточно ресурсов (когнитивных, экономических, организационных), необходимых для успешного завершения запланированной цели в рамках намеченного времени. А это означает, что овладение временем – это ключевое действие отдельного человека либо социальной общности (группа, партия, класс и т.п.), которое становится столь существенным, чтобы «вывести систему на предпочтительный путь будущего развития» [4, с. 43]. Речь в данном случае идет о проектировании не просто будущего, но и его практического создания.

Вот здесь-то и вступает в действие аттрактор – устойчивое состояние системы, которое как бы привлекает, притягивает к себе все множество возможных траекторий реальных структур в открытых нелинейных средах. Именно аттракторы дают возможность установить пределы предсказуемости, которые обусловлены чаще всего не ограниченностью исследовательских возможностей человеческого познания, а объективно существующей природой изучаемых природных или социальных систем. Можно с достаточной точностью предсказать состояние погоды на два-три дня, но более или менее точный прогноз повышения или снижения тепла или холода на месяц, а тем более на

полгода в принципе невозможен. Еще более сложно достичь предсказательной точности в исследовании социально-экономических и политических процессов. Чем более отдаленным во времени становится горизонт, на который ориентировано напластование темпоральных вариантов предсказательной человеческой деятельности, тем чаще в объективной реальности и в отражающих ее динамику предсказательных действиях сказываются возникающие флуктуации вариантов и тенденций. Широкое распространение таких ситуаций в динамике различных, особенно социально-политических и экономических, процессов приводит, по утверждению И. Р. Пригожина, «к переформулировке законов физики (и в других сферах научного познания. – *Авт.*) в терминах несводимого вероятностного описания» [2, с. 47]. Претворение в действительность такого флуктуационного истолкования происходящих в окружающей реальности процессов подводит И. Р. Пригожина к выводу, согласно которому «некоторые события должны обладать способностью изменять ход эволюции» и становятся тем самым «исходным пунктом нового развития, нового глобального взаимообусловленного порядка» [2, с. 49].

На каждом уровне глобального взаимодействия, считает ученый, человек в своем понимании и истолковании природы и особенностей необратимости объясняет происходящие в ней события в образах стрелы времени, сжатия траекторий и поливероятности.

Внимательнейшим образом исследуя феномен, называемый им «парадоксом времени», И. Р. Пригожин выделяет три «различных уровня времени: время, выражаемое понятием классической или квантовой механики; время, связанное с необратимостью процесса через функцию Ляпунова; и время, характеризующее “историю” системы через бифуркацию». Он был убежден, что «на основе проведенного выделения различных концепций времени можно добиться лучшей интеграции теоретической физики и химии с другими науками» [3, с. 215].

В своем послании будущим поколениям известный ученый и мыслитель подчеркивал, что «человеческие решения зависят от памяти о прошлом и от ожидания будущего». А чтобы эти ожидания сбылись, «наконец-то должен совершиться переход от культуры войны к культуре мира». В таком долгожданном переходе «человек постоянно испытывает новые возможности, которые могут привести к более гармоничным отношениям человека с человеком и человека с природой...» [3, с. 223–226].

Человек как сложноорганизованная биосоциальная система для активного и целеустремленного действия научился использовать различные темпорализованные объекты и их особенности в качестве инструментов выявления тех или иных параметров потоков времени (песочные или атомные часы, колебания маятника, движение Земли вокруг Солнца, преобразование политических смыслов из объективной действительности в виртуальную реальность и т.п.). Возникновение подобного рода ситуаций и событий, по утверждению

И. Р. Пригожина, свидетельствует о том, что «понятие структурной устойчивости и порядка через флуктуацию применимы и к более сложным проблемам». На примере развития городов он показывает, что в процессе возникновения таких территориально-временных пунктов формируются «экономические функции, сравнимые с флуктуацией. Окончательный результат сложным образом зависит от взаимного влияния детерминированных экономических законов и вероятностной последовательности флуктуаций» [5, с. 124–126].

Здесь открывается возможность для выяснения специфики социального времени и его взаимосвязи с хронополитикой. А. Л. Алюшин и Е. Н. Князева считают, что «социальное время можно определить, как последовательность фаз и состояний в движении общества, как особые ритм и темп социального процесса» [6, с. 163].

Понятие социального времени является собирательным для темпоральных особенностей, относящихся к различным сферам социально-политической, экономической и социокультурной жизнедеятельности. Его многообразное применение проявляется в терминах «политическое время», «эпоха Возрождения», «сталинская эпоха», «годы перестройки», «бюджет времени» и др. Когда, к примеру, говорят о политическом времени, то имеют в виду, что действующая в ту или иную эпоху политическая власть выполняет реальные функции синхронизации и упорядочения временных потоков в стране. При этом необходимо принимать во внимание, что крупные изменения в социокультурной сфере совершаются более медленно и плавно, чем преобразования в политике, экономике, демографии, спорте и т.п. Данная историческая тенденция отчетливо проявляется в социокультурном развитии Беларуси и ее народа как самобытной этнической и социокультурной общности, которая включилась в процесс формирования и эволюционирования белорусского этноса, языка, обычаев и традиций еще в IX–X вв. и продолжается через смену ряда своеобразных темпорально-культурных эпох вплоть до настоящего времени (см. [7, с. 208–226]).

Влиятельный американский экономист, профессор Пенсильванского университета Дж. Рифкин утверждает, что в современном толковании времени необходимо следовать за «ритмами и циклами более широкого биосферного общества, неотъемлемой частью которого мы являемся» [8, с. 313].

В более широкой темпоральной панораме интерпретирует современные представления о сущности и специфике времени президент Всемирного экономического форума в Давосе (Швейцария) К. Шваб. В своей работе «Четвертая промышленная революция» он пишет об ошеломляющих технологических прорывах, открывающих для человека новые каналы восприятия и преобразования окружающего мира и ускоряющих коренным образом временные потоки в разных сферах деятельности [9].

Как убеждают приведенные суждения авторитетных ученых, стремительно текущее вперед время неотрывно от пространства. Время всегда опространст-

венно, а пространство овременено. Прекрасно выразил данную идею М. Кастельс: «Пространство есть кристаллизованное время. Это материальная опора социальных практик разведения времени» [10, с. 385]. Он ввел в научный оборот новую концепцию темпоральности, получившую название «вневременного времени». Утрата временной зависимости означает «свободу капитала от времени и избавления культуры от человека» [10, с. 403]. По утверждению М. Кастельса, «отношение ко времени определяется использованием информации и коммуникационных технологий в неослабевающей попытке упразднить время» [11, с. 53].

В последние годы появилось немало публикаций, в которых излагается доктрина, согласно которой многообразие и многочисленные модификации времени, осуществленные современной наукой, неизбежно приведут к новому качественному скачку в эволюции человечества, что воплотится в «способности придать Вселенной смысл». Но решить такую сверхзадачу, считает историк и культуролог, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Ю. Н. Харари, способно только появление сверхлюдей с их исключительными физическими, эмоциональными и интеллектуальными способностями. Для этого «потребуется совершить важную когнитивную революцию, связанную с перенастройкой мозга и коренными изменениями в нашем геноме, в результате которых возникает новый этап человеческой эволюции – появится сверхчеловек – *Homo Deus*» [12, с. 463–464].

Еще более радикально технологическую версию преобразования человечества отстаивал А. А. Болонкин, утверждавший, что человечество выполнило свою историческую миссию и открывает новый путь для развития более высокой электронной цивилизации [13].

Но, воздавая должное вызывающим значительный интерес футурологическим изысканиям Ю. Н. Харари и А. А. Болонкина, отметим, что выводы о технологической обусловленности неизбежного ухода человечества с исторической арены и возникновении сверхчеловека не являются ни теоретически, ни эмпирически обоснованными. Скорее всего, все произойдет иначе: достижения науки, культуры и непрестанно обогащающегося опыта сделают более эффективными успехи человека в покорении пространства и времени, в многообразном практическом истолковании нелинейности времени.

Онтологические детерминанты синтетического концепта времени

Мы привыкли описывать процессы в виде функциональной зависимости от однопараметрического непрерывного времени (физическое время). Часы – это модель времени, основанная на воспроизводстве равномерно текущего и периодически повторяющегося физического процесса. У И. Ньютона такой тип движения – это относительное время, которое отражает абсолютное математическое время, текущее независимо от любых физических процессов.

Но логически возможны и другие модели времени с нетривиальной структурой: дискретно-непрерывной, многомерной, расслоенной и даже фрактальной. Особенности структуры, с нашей точки зрения, зависят от выбора онтологии времени.

В классической механике Ньютона течение абсолютного времени ни от чего не зависит в материальном мире, но от него зависят все виды движения, которые описываются в виде функциональной зависимости. Это представление логически следует из метафизической предпосылки Ньютона, согласно которой онтологическим основанием и абсолютным детерминантом физической Вселенной является Бог-Вседержитель. Он сотворил Вселенную и установил незыблемые законы ее движения, подобно заведенному раз и навсегда гигантскому часовому механизму.

Таким образом, онтология и структура абсолютного времени у И. Ньютона непосредственно связана с онтологией действия Бога. На этом основании можно прийти к заключению, что раз Бог – это абсолютное первоначало и перводвигатель Вселенной, то, приведя вселенский механизм в движение, Он должен также и сохранять это движение в абсолютном виде, производя неизменное течение времени.

Лапласовский детерминизм логически следовал из механики Ньютона при условии устранения Бога от участия в движении механической Вселенной. В своем знаменитом ответе на вопрос Наполеона о месте Бога во Вселенной «Я не нуждаюсь в этой гипотезе» П.-С. Лаплас выразил идею каузально замкнутой Вселенной. В этой концепции вместо Бога во Вселенной присутствует закон, управляющий миром, и демон в качестве пассивного наблюдателя.

Это, по сути, идеал объективной науки, в которой беспристрастный ученый исследует объективный мир, существующий независимо от его сознания. При этом разум и сознание (вначале Бога, а затем человека) элиминируются из физической Вселенной и в дальнейшем редуцируются к материи, движущейся в соответствии с физическими законами. Фундаментальный парадокс заключается в том, что мы объясняем и понимаем физические законы благодаря разуму, но когда разум и сознание пытаемся объяснить на основе закономерного поведения материальных частиц, то возникает логический круг и провал в объяснении.

Мы полагаем, что для более адекватного описания сложных процессов, таких как когнитивная деятельность, жизнь, социальная динамика и проч., необходимо разрабатывать новые онтологические модели времени, отличные от модели однопараметрического, равномерно текущего, непрерывного и однонаправленного времени, принятой в физике для описания простейших систем.

Функциональная зависимость – это лишь один из способов детерминирования физической Вселенной, справедливый для простейших систем. Но существуют и другие, более тонкие и сложные онтологические детерминанты движений. В таком случае следует искать другие, не функциональные формы

зависимости, которые будут записываться не в виде дифференциальных уравнений, а каким-то другим способом.

Традиционное представление времени, принятое в классическом естествознании и гуманитарных науках, основано на причинной онтологии времени. Согласно причинной теории времени, которая разрабатывалась рядом философов, начиная с Г. В. Лейбница и И. Канта и кончая Х. Рейхенбахом, все основные свойства времени можно вывести из свойств причинной взаимосвязи. Однако при дальнейшей разработке этой теории возникли непреодолимые трудности, так как для того, чтобы установить причинно-следственный порядок и выразить его в виде физического закона, мы должны уже иметь установленный и независимый от действующей причины временной порядок. Таким образом, невозможно определить временной порядок на основе причинного порядка, потому что при этом неявно предполагается наличие временной последовательности и возникает логический круг в определении.

Этот парадокс, с нашей точки зрения, связан с тем, что в физических теориях под причиной понимают динамическое взаимодействие, приводящее к кинематическим следствиям, и вкладывают, таким образом, в данное понятие узкий механистический смысл. Такая ограниченность физической картины мира прослеживается вплоть до современных поисков теории суперобъединения, когда все многообразие физических феноменов пытаются объяснить на основе фундаментального уравнения, объединяющего в единой форме все физические взаимодействия.

По определению действующая причина порождает следствие и задает, таким образом, диахронный временной порядок, в котором прошлое детерминирует настоящее. Действие такой причины в физике выражается в виде закона, имеющего форму дифференциального уравнения. Диахронный порядок возникает также и в случае действия телеологической причины, когда будущее детерминирует настоящее. Выражением указанной зависимости в физике являются вариационные принципы (например, принцип наименьшего действия), которые имеют форму интегральных уравнений.

Причинная онтология хорошо описывает динамику простейших объектов (к примеру, материальной точки) и механических систем, когда для описания достаточно одного временного параметра. В механической картине мира элементы, составляющие мир, сами по себе инертны и не обладают внутренней активностью. Это значит, что причины их движения заключаются во внешних телах, что и обуславливает, с нашей точки зрения, диахронный порядок времени, когда внешние и начальные во времени условия задают последующий во времени характер собственного движения элементов, составляющих мир. Онтологическое основание такой картины мира заложено уже в античной атомистической гипотезе, согласно которой в мире нет ничего, кроме неделимых и неизменных атомов и пустоты, отделяющей их друг от друга, а все качест-

венное многообразие возникает в результате движений этих атомов, сочетаний и соединений в более сложные системы.

Но на более глубоком, квантовом, уровне элементы материи обладают внутренней активностью, а их движение носит индетерминистический характер. Это означает, что нет жестко детерминирующей внешней причины движения квантовой частицы, а есть некоторая вероятность их квантового поведения, обусловленная случайными флуктуациями внешней среды и собственной внутренней спонтанностью. Таким образом, в квантовой механике онтологическим детерминантом поведения считается случайность, а уравнения движения носят вероятностный характер. В связи с этим возникают квантовые парадоксы, которые невозможно описать в рамках классической причинной теории времени. Несмотря на хорошо разработанный математический аппарат, существует множество интерпретаций квантовой механики, но до сих пор нет однозначного понимания квантового мира. Мы полагаем, что ключом к решению парадоксов квантовой теории станет новая теория времени, для обоснования которой необходима разработка квантовой онтологии.

В случае сложных систем, когда надо учитывать взаимосвязь всех элементов внутри системы, структура времени приобретает более сложный вид. Так, для биологических и социальных систем характерна синхронная взаимосвязь входящих в систему элементов. Эта взаимосвязь, с нашей точки зрения, обусловлена корреляцией всех элементов системы на глубинном уровне их органического единства. Данный уровень детерминации мы связываем с корреляционной онтологией.

Корреляционная онтология означает, что все элементы, входящие в систему, представляют собой нераздельное органическое единство. Такое единство имеет синхронный и согласованный во времени порядок, в отличие от диахронного порядка, определяемого причинно-следственной зависимостью индивидуального существования каждого элемента. Взаимная корреляция прослеживается уже на уровне квантового ансамбля частиц. Важнейшим подтверждением такой глубинной взаимосвязи является открытие квантовой нелокальности, согласно которой все квантовые частицы, имеющие общее происхождение, находятся в состоянии квантовой сцепленности [14].

На макроскопическом уровне корреляционная связь проявляется в коллективном поведении отдельных элементов, которые в процессе синергетического взаимодействия образуют более сложную и высокоорганизованную систему. Корреляция и самосогласованность поведения элементов является характерным признаком живого организма.

Таким образом, на основе причинной онтологии мы можем определить причинно-следственную связь событий, происходящих с одним телом, а также взаимодействие тел и описать механический (физический) уровень организации материи. Можно сказать, что физический мир каузально замкнут и движение материальных тел детерминируется физическими законами, устанавливаю-

щими причинно-следственную связь событий. В этом мире движение, понимаемое как механическое перемещение тел, носит чисто количественный характер и сводится к перераспределению материи в пространстве и времени при условии сохранения интегралов движения, таких как энергия, импульс и др.

Корреляционная онтология обосновывает, с нашей точки зрения, синергетическую и нелокальную связь событий, происходящих с разными телами, образующими вследствие квантовой сцепленности органическое единство, и описывает, таким образом, органический уровень организации материи. На этом уровне возникает необратимость времени, связанная с возрастанием или убыванием энтропии системы. В таком случае изменение энтропии можно объяснить как результат качественного изменения корреляционных связей внутри системы при их фиксированном общем количестве. Это значит, что при возрастании индивидуальной дифференциации элементов внутри системы происходит качественная перестройка уже имеющихся корреляционных связей между ними и в итоге возникает внутреннее разнообразие, которое внешне проявляется как некоторое эмерджентное качество.

На основе корреляционной онтологии мы можем также ввести понятие внутреннего времени системы. Оно характеризует внутреннюю динамическую взаимосвязь всех входящих в систему элементов, поведение которых обладает высокой степенью корреляционной согласованности. Таким образом, для характеристики поведения сложных систем мы можем ввести два относительно независимых временных параметра:

внешнее время, обусловленное взаимодействием всей системы как единого целого с внешней средой;

внутреннее время, характеризующее взаимосогласованное поведение множества элементов, образующих органическое единство.

Причинная онтология локальна. Она объясняет причинно-следственную взаимосвязь событий, происходящих с одним и тем же физическим телом, разделенных в пространстве и времени, но объединенных во времениподобном интервале.

Корреляционная онтология нелокальна. Она детерминирует связь событий, разделенных пространственноподобным интервалом, и объясняет взаимосогласованное синергетическое поведение разных физических тел, нелокально связанных в целостное органическое единство.

В этих онтологиях базовым структурным элементом является интервал между событиями, а сами события считаются мгновенными и точечными, то есть не имеющими внутренней структуры. Такая идеальная модель бесструктурного события хорошо описывает макроскопический уровень реальности. Но в квантовом мире само понятие мгновенного и точечного события не имеет смысла из-за принципа неопределенности Гейзенберга. В квантовой механике время – это единственный ненаблюдаемый параметр, и для измерения времени используют макроскопические часы.

Мы полагаем, что любое квантовое наблюдение имеет сложную темпоральную структуру. Квантовое событие – это совместное бытие наблюдаемого квантового объекта и наблюдающего субъекта, при этом описание этого процесса должно включать сознание наблюдателя, имеющее квантовую природу. В квантовых процессах, которые обладают спонтанным и индетерминированным характером, роль онтологического детерминанта, с нашей точки зрения, играет сознание наблюдателя. Можно сказать, что квантовый мир и сознание наблюдателя трансцендентны по отношению к физическому миру. В соответствии с этим для описания темпоральной структуры квантового события мы используем модель расслоенного времени, где временные расслоения определяются на базе диахронной последовательности моментов [15]. Онтологию, обуславливающую эту темпоральную модель, будем называть трансцендентной.

Все эти три региональные онтологии можно свести в итоге к единой субстанциально-информационной онтологии [15]. Таким образом, в контексте дальнейшего развития и практического применения субстанциально-информационной онтологии времени предлагается следующая модель трехмерного времени, основанная на трех онтологически несоизмеримых представлениях времени.

Диахронное время – это упорядоченное множество событий с причинно-следственной связью. Данное временное измерение определяется на основе причинной онтологии времени (функциональная связь событий). В диахронном времени проявляется также телеологическая онтология времени (принцип наименьшего действия, эволюция жизни и сознательное целеполагание).

Синхронное время – это множество причинно независимых, но образующих целостное органическое единство на основе корреляционно-смысловой связи событий. Такое временное измерение, независимое от диахронного, задается на основе корреляционной онтологии.

Трансхронное (потенциальное) время – это временное расслоение, формирующее потенциальную структуру единичного события, содержащую в состоянии суперпозиции множество всех возможных вариантов события, которые могут быть реализованы в данный момент актуального времени. В акте реализации (настоящее время) осуществляется только одна из всех возможностей (потенциально-вероятностная связь возможных событий). Соответствующее временное измерение, независимое от диахронного и синхронного и имеющее трансцендентный характер, задается на основе трансцендентной онтологии.

При этом возможности возникают, во-первых, как следствие более ранних причин (диахронное время), во-вторых, как различные потенции в разных смысловых контекстах (синхронное время) и, в-третьих, в результате трансцендентного акта рождения новых потенций и смыслов (трансхронное потенциальное время).

Таким образом, по аналогии с пространством, можно ввести три временных измерения:

- 1) диахронное (перспективное);
- 2) синхронное (горизонтальное);
- 3) трансхронное (глубинное).

Они будут независимыми, но, в отличие от пространства, онтологически разными или несоизмеримыми.

Связь между событиями в диахронном времени описывается времениподобным интервалом. В этих событиях диахронного временного ряда обязательно присутствует один и тот же наблюдатель, самосознание которого определяет самотождественную базу различных моментов времени. Различие этих моментов определяется активным проявлением в событии других соучастников и внутренними актами свободной воли, реализуемыми в физическом действии. Длительность диахронного времени можно измерить физическими часами при условии, что есть наблюдатель, фиксирующий показания этих часов.

Связь между событиями в синхронном времени описывается пространственноподобным интервалом. Это – нелокальная связь в пространстве.

Трансхронное время, в отличие от диахронного и синхронного, характеризуется не связью между событиями, а темпоральную структуру самого события.

Заключение

Важным результатом нашего исследования стало раскрытие специфики концепта времени в современной философской антропологии постмодернизма как смыслообразующего принципа, конституирующего нелинейную темпоральную структуру существования субъекта в историческом процессе. Были проанализированы качественные различия представлений о времени в классической, неклассической и постнеклассической науке и выявлены онтологические основания антропокосмологического концепта времени.

Показано, что разработанная И. Р. Пригожиным теория времени базируется на трех основаниях: а) стрела времени; б) парадокс времени; в) термодинамика вероятностных необратимых процессов. Эта доктрина сопряжена с эволюцией и деятельностью человека, с перспективами его будущего. Выявлены сущность, особенности и формы проявления нелинейности времени.

Осуществлен междисциплинарный синтез космогонического и антропологического концептов времени в рамках субстанциально-информационной онтологии. Выявлены перспективы философского эксплицирования принципа синтетического концепта времени применительно к управлению социальными процессами. Обоснована необходимость разработки новой онтологической модели времени и эксплицирована модель трехмерного времени, базирующая на трех онтологически несоизмеримых представлениях диахронного, синхронного и трансхронного времени. Дано обоснование трансдисциплинарной

программы исследований сложных эволюционирующих систем на основе субстанциально-информационной онтологии времени и ее дисциплинарных приложений.

Перспективным направлением дальнейших исследований является философское обоснование и методологическое обеспечение программы воспроизведения темпоральной структуры сознания. В этом направлении предполагается разработка подхода к концептуальному описанию феномена сознания и онтологической модели психофизического ядра естественного интеллекта на основе интерпретации феномена времени в контексте квантовомеханических представлений, построение концепции когнитивной темпорологии в перспективе моделирования сильного искусственного интеллекта.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Антропный принцип в контексте глобального эволюционизма / Е. М. Бабосов, А. Н. Спасков // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2019. – Вып. 6. – С. 7–20.
2. Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Едиториал УРСС, 2000. – 239 с.
3. Пригожин, И. Определено ли будущее? : [сборник] / И. Пригожин. – Изд. 2-е, испр. – Ижевск : ИКИ, 2005. – 240 с.
4. Князева, Е. Н. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : КомКнига, 2007. – 272 с.
5. Пригожин, И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках / И. Пригожин. – М. : КомКнига, 2006. – 296 с.
6. Алюшин, А. Л. Темпомиры: скорость восприятия и шкалы времени / А. Л. Алюшин, Е. Н. Князева. – М. : ЛКИ, 2014. – 240 с.
7. Бабосов, Е. М. Социокультурные истоки идеологии белорусского государства / Е. М. Бабосов // Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е. М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2008. – Разд. 3.2. – С. 208–227.
8. Рифкин, Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом : пер. с англ. / Дж. Рифкин. – М. : Альпина нон-фикшн, 2014. – 409 с.
9. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / Клаус Шваб. – М. : Эксмо, 2016. – 138 с.
10. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
11. Кастельс, М. Власть коммуникации : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд., доп. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. – 591 , [1] с. – (Переводные учебники ВШЭ).
12. Харари, Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Ю. Н. Харари. – М. : Синдбад, 2018. – 496 с.
13. Болонкин, А. Бессмертие людей и электронная цивилизация / А. Болонкин. – М. : Lulu, 2017. – 120 с.
14. Массер, Д. Нелокальность: феномен, меняющий представление о пространстве и времени, и его значение для черных дыр, Большого взрыва и теории всего : пер. с англ. / Д. Массер. – М. : Альпина нон-фикшн, 2021. – 360 с.
15. Спасков, А. Н. Природа и структура времени: в поисках новой онтологии / А. Н. Спасков // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2020. – Вып. 7. – С. 190–204.

В. А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННОЙ СФЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье актуализирована роль социальной диалектики и ее инструментария – принципов, законов и категорий – в познании сущности и характерных особенностей функционирования военной сферы национальной безопасности как динамично развивающейся социальной системы. Особое внимание обращено на базовые критерии научности знания в этой сфере. Сделан вывод, согласно которому использование методологии социальной диалектики, а также достижений современной науки – важнейшее условие теоретического обеспечения национальной безопасности государства в военном отношении.

Ключевые слова: *международные отношения, государство, насилие, мир, война, военная сфера национальной безопасности, военная доктрина, методология науки, критерии научности, законы диалектики*

V. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL DIALECTICS AS THE METHODOLOGICAL BASIS FOR THE STUDY OF THE MILITARY SPHERE OF NATIONAL SECURITY

The article actualizes the role of social dialectics and its tools – principles, laws and categories – in understanding the essence and characteristic features of the functioning of the military sphere of national security as a dynamically developing social system. Particular attention is paid to the basic criteria of scientific knowledge in this field. It is concluded that the application of the methodology of social dialectics, as well as the achievements of modern science, is the most important condition for the theoretical provision of national security of the state in military terms.

Keywords: *international relations, state, violence, peace, war, military sphere of national security, military doctrine, methodology of science, criteria of scientificity, laws of dialectics*

В условиях геополитических трансформаций мира и усиления турбулентности международных отношений фактор нарастания насилия в различных его формах становится повседневной реальностью. Стремление Запада во главе с США сохранить однополярный мир и оставить за собой право навязывать модели социально-экономического и политического развития иным странам

в условиях формирующихся новых центров силы сопровождается непрекращающимся военно-силовым вмешательством во внутренние дела многих суверенных государств.

Установка мировых центров силы на господство над странами мирового сообщества заложена в природе глобального капитализма, а его существование невозможно без угрозы применения или непосредственного применения силы, в том числе и военной. Глобальный капитализм проявляет себя:

в наличии военной силы, которая существует и применяется для реализации внешнеполитических потребностей мирового центра (центров) силы, а также для обеспечения непрерывности и нужной отвечающей его интересам направленности глобализационных процессов;

в подавлении политических, экономических, военных, идеологических и информационных действий государств, которые не хотят вписываться в структуры глобального капитализма, определенные мировым центром (центрами) силы [1, с. 43].

По указанным причинам государства стремятся иметь достаточную военную силу для защиты своих национальных интересов на международной арене.

Не подлежит сомнению, что военная опасность как социальное явление при обладании ведущими государствами мира современной военной силой является объективным фактором бытия человеческого общества вне зависимости от его цивилизационных предпочтений. Для предотвращения потенциально возможного вектора развития военной опасности и перерождения ее из потенциальной в реальную военную угрозу социальной системе государства в интересах национальной безопасности (далее – НБ) занимаются, как правило, военной деятельностью, формируют собственный военный потенциал.

Целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов по обеспечению своей защиты от современных и перспективных внутренних и внешних военных конфликтов включена в важнейшую составляющую бытия социума – создание и постоянное развитие военной сферы НБ. В силу этого исследование данной составляющей является актуальной научной и вместе с тем жизненно востребованной политической задачей в интересах сохранения личности, общества, государства и безопасного будущего.

Несмотря на определенную научную проработку проблем функционирования военной сферы НБ [2], ее комплексного философского изучения в республике не проводилось.

Предметом нашего исследования выступает военная сфера НБ как объект социально-философского анализа. Полагаем, что использование для этого инструментария социальной диалектики является наиболее оправданным и целесообразным, поскольку военная сфера НБ выступает как сложная развивающаяся социальная система. По мнению Т. И. Адуло, в прошлые годы в области социальной диалектики белорусскими исследователями был создан серьезный

задел в плане теоретического осмысления ее категорий, принципов и законов [3]. К исследованиям в этой области в полной мере можно отнести наработки академиков НАН Беларуси Е. М. Бабосова, Д. И. Широконова, члена-корреспондента НАН Беларуси В. И. Степанова, В. И. Горбача, В. Д. Морозова, В. Л. Акулова, Ю. А. Харина и др.

Сегодня роль диалектической методологии незаслуженно принижена. А ведь «понять законы диалектики – означает выработать у себя способность понимать многогранный мир во всех его взаимосвязях и взаимозависимостях. Но постичь сущность законов диалектики не представляется возможным без постижения природы и диалектического характера самих философских категорий – тех предельно общих понятий, которые-то и позволяют воспроизвести в человеческой мысли весь богатый, сложный и такой изменчивый мир, окружающий человека» [3, с. 142].

Сторонниками диалектики в России можно, пожалуй, назвать В. М. Межуева, Ю. К. Плетникова, Ю. И. Семенова и др. Методологический потенциал социальной диалектики достаточно основательно раскрывается профессором М. В. Поповым [4].

Отметим, что в системе военного образования Беларуси диалектику, и в частности диалектическую логику, сохранили как дисциплину, осознавая ее значимость для формирования интеллектуального потенциала курсантов (слушателей), более продуктивного овладения ими навыками военно-политической практики. И это оправдано: в военной сфере, как в никакой иной, оказываются востребованными именно системные знания, а диалектика – уникальный инструмент их систематизации.

Обозначим основные *характерные черты военной сферы НБ*. Она является объективно существующей сферой социальной реальности, потенции которой коренятся в самом обществе. Военная сфера НБ представляет собой относительно самостоятельную, сложную, целостную систему разнообразных элементов, относящихся к наличному социальному бытию, а также выступает подсистемой более сложного уровня – НБ государства.

Именно в рамках этой сферы НБ осуществляется целесообразная человеческая деятельность по созданию военной силы, ее развитию и применению (в случае необходимости) в соответствии с реалиями военно-политической обстановки. Военная сфера НБ выполняет существенную социальную роль – сохранение в безопасном состоянии самой социальной системы в условиях нарастания военного насилия в мире. Можно отметить, что именно количественно-качественные параметры данной сферы НБ позволяют государству решать свои повседневные проблемы и видеть перспективы своего развития [5].

В методологическом плане постижение сущности и в особенности динамики военной сферы НБ непростая задача. Поэтому сначала уточним роль самой методологии науки, а затем покажем потенциал социальной диалектики в исследовании военной сферы НБ.

Методология науки, представляющая собой систему принципов и методов организации и осуществления теоретической и практической научной деятельности [6, с. 11], является одной из самых актуальных проблем современного теоретического знания. Включенная в содержание понятия «методология науки» система принципов выражает философскую позицию, в соответствии с которой *научные принципы* – это теоретические положения, определяющие рациональную интеллектуальную и практическую деятельность людей, адекватно отражающие закономерные связи и отношения реальной действительности. Понимание методологии науки выступает важнейшим инструментом познания сложной и противоречивой действительности, в том числе социальной и военно-политической.

Уяснить сущностные процессы методологии науки проблематично без постижения основных ее составляющих. На наш взгляд, основными элементами, *регулятивными ориентирами научного познания*, исследования, равно как и проблемами, являются:

во-первых, учет, развитие и активное использование психических процессов человека, а также формирование научных знаний и использование их для решения теоретических и практических задач;

во-вторых, философско-методологический анализ науки главным образом для обеспечения дальнейшего развития науки и ее методологии;

в-третьих, методология объективно истинного научного знания и на этой основе осуществление не только рациональной теоретической и практической научной, военно-научной, но и социальной инновационной деятельности людей.

Данная методология предполагает раскрытие сущности явлений действительности, закономерностей и противоречий их развития (решение главной задачи научного познания), а также разработку, совершенствование и использование соответствующих средств для выполнения указанной задачи [6].

Основными *функциями*, вытекающими из самой сути методологии науки и синтезирующими главные аспекты ее различных функций, являются логико-онтологическая и рационально-практическая.

Среди элементов методологии науки, на наш взгляд, особую значимость имеют: *научное знание*, которое сегодня фактически превратилось из проблемы в философско-методологическое учение, *диалектика* как методологическая основа науки и *методология научно-исследовательской деятельности конкретной науки*, базирующаяся на общей методологии науки.

Акцентируем внимание, что научное знание является системообразующим компонентом науки (то, без чего наука не может существовать), главной задачей интеллектуального познания, органически связанного с научно-исследовательской деятельностью мыслителей, их практикой. Научное знание опирается на практику, проверяется практикой и определяет развитие самой практики.

Именно научное знание представляет собой руководство к действию, основу рациональной деятельности людей. Справедливо утверждение древних философов о том, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория – наиболее развитая форма научного знания.

Представители рациональной философии П. П. Гайденко, В. А. Лекторский, В. С. Стёпин и др., опираясь на реальные процессы жизни, ее всеобщую логику, современную методологию науки, сумели сформулировать *основные критерии научности, научного знания*. Такими критериями они считают:

- объективную истинность знаний;
- нацеленность познания на раскрытие и постижение глубинных аспектов изучаемого явления, сущности, законов и противоречий его развития;
- предвидение будущего с целью дальнейшего практического освоения окружающей действительности;
- обоснованность, доказательность идей, концепций;
- системность знаний;
- постоянную методологическую рефлексию;
- проверяемость научных истин [7, с. 22–28].

В современной методологии выделяют различные уровни критериев научности, относя к ним, кроме перечисленных, формальную непротиворечивость знания, воспроизводимость, открытость для критики, свободу от предвзятости, строгость и т.д. [7, с. 28].

В теории и практике военной сферы НБ, связанной с высоким уровнем знания – научным, мы не можем ограничиться законами, действующими только в военной области действительности, – законами частного характера (законы войны, вооруженной борьбы). Мы должны следовать законам развития и функционирования общества (война, как и военное дело в целом, – это социальное явление), то есть законам общего характера (например, законам взаимообусловленности экономики и политики, политики и права, политики и военного дела, войны, вооруженной борьбы и др.). Кроме того, нам необходимо руководствоваться законами диалектики, действующими в природе, обществе и человеческом мышлении, то есть законами всеобщего характера.

Без учета и использования в процессе познания «требований жизни» всеобщего характера, выраженных в методологических установках основных законов диалектики, неосновных законов диалектики (так называемых парных категорий), принципов диалектической логики, не может быть научного, рационального решения проблем в любой области знания. Военная сфера НБ не является исключением и функционирует сообразно законам социальной диалектики.

Содержание диалектики представляет собой систему принципов, законов и категорий. Они раскрывают процесс развития применительно к духовному (идеальному) и физическому (материальному) бытию. Исследование военной сферы НБ как социального феномена инструментарием диалектической логики

и будет выступать в качестве *социальной диалектики*. Установление законов функционирования военной сферы НБ, ее источников и противоречий, механизма количественно-качественной динамики, направленности развития, причинно-следственной обусловленности, выявление сущностного содержания ее элементов, а также уяснение трансформации содержания и формы и др. – все это относится к методологическому содержанию социальной диалектики в контексте нашего исследования. Следовательно, использование принципов, законов и категорий диалектики в познании военно-социальной проблематики определяется как методология ее познания.

Кратко рассмотрим основные элементы избранной методологии.

Принципы диалектики. Принципы в теории – основное, исходное положение какого-либо учения, конкретной науки, а также убежденность исследователя в чем-либо, норма или правило его мышления и социальной активности.

Принципы диалектики – всеобщие научные положения о поступательных изменениях взаимосвязанного в своих элементах бытия, которые имеют исходное значение для мыслительной и практической деятельности. Они сформулированы на основе категорий и законов диалектики, являются их обобщением.

Обычно выделяют два основных принципа диалектики: принцип всеобщей связи и принцип развития.

Существуют и другие принципы диалектики: историзма, противоречия, объективности, всесторонности, конкретности, восхождения от абстрактного к конкретному, детерминизма, единства качественной и количественной определенности и ряд других.

Принцип всеобщей связи – это всеобщее положение (требование, рекомендация, императив), которое выражает (охватывает) все многообразие связей бытия.

Указанный принцип отражает единую основу, универсальную взаимосвязь и взаимообусловленность всех предметов, явлений и процессов действительности, нацеливая на выявление этой (единой) основы и многообразных связей между явлениями.

Связи проявляют себя и в природе, и в обществе, и в мышлении. Следовательно, действуют они и в военной сфере НБ. Условно эти связи можно разделить на три группы: 1) связи организации, 2) связи функционирования и 3) связи развития военной сферы НБ.

Первую группу составляют связи, характеризующие организационную структуру основы военной сферы НБ – военную организацию государства и ее ядра – вооруженных сил (далее – ВС). Выделяются два основных вида – связи субординации и связи координации.

Связи субординации выражают иерархические отношения между элементами разных уровней внутри основных силовых компонентов военной орга-

низации государства – подразделениями, частями, соединениями и т.д. Данные связи обеспечивают интеграцию всего организма военной организации государства в единое целое и возможность централизованного управления действиями каждой из ее структурных единиц.

Связи координации раскрывают другую сторону организационной структуры военной организации государства. Они характеризуют функциональную согласованность, взаимодополняемость входящих в военную организацию государства структурных элементов, а также связи между компонентами внутри ВС. Применительно к ВС это касается связей между видами ВС, родами войск, специальными войсками, оперативными командованиями, а также соединениями, частями и подразделениями, находящимися на одном организационном уровне. Это, например, связи между ротами в батальоне, батальонами – в бригаде, батареями – в дивизионе и т.п.

К координационным связям относятся и связи, характеризующие боевую деятельность войск. Это прежде всего связи противодействия и взаимодействия.

Первые из них выражают способы и виды противоборства между противниками в ходе ведения военных действий. В военное время они проявляются в форме военно-силового, информационно-психологического, а также огневого и других видов воздействия каждой из противоборствующих сторон в целях дезорганизации и разгрома противника. Связи противодействия могут различаться: по масштабу (стратегические, оперативные и тактические); по способам и формам осуществления боевых действий (наступление, оборона, удар, маневр и т.д.); по целям и техническим средствам (воздушный бой, радиоэлектронная борьба, противотанковая оборона и т.п.).

В органическом единстве со связями противодействия находится второй вид связей боевой деятельности – взаимодействие в ходе ведения военных действий (военное взаимодействие). Оно характеризует процессы упорядочения, согласования военных действий участвующих в противоборстве сил и средств. Связи военного взаимодействия весьма многообразны. Они могут быть стратегическими, оперативными, тактическими, устанавливаться между видами ВС и родами войск, объединениями, соединениями, частями и подразделениями по задачам, направлениям, рубежам и времени. Упорядочение военных действий происходит в плане согласования действий соседних, при данных и поддерживающих подразделений, частей и соединений.

И, наконец, третья группа связей военной сферы НБ характеризует ее развитие в системе всех действующих на нее факторов. Это те связи, которые устанавливаются между военной деятельностью и другими областями общественной жизни – экономической, социальной, политической, духовной. Эти связи оказывают непосредственное воздействие на развитие военной сферы НБ и показывают, что принцип развития неотделим от принципа всеобщей связи [8, с. 61].

Принцип развития – это всеобщее положение (требование, рекомендация, императив), которое выражает (охватывает) все многообразие бытия.

Философия определяет такое развитие как связь состояний предметов, явлений, процессов во времени. Таким образом, развитие – это конкретное проявление всеобщей связи, господствующей в объективной реальности. В данном случае мы говорим о развитии военной сферы НБ в период совершенствования военного строительства и развития ВС, направленного на улучшение качественных параметров как военной, так и общей безопасности страны (НБ).

Следует иметь в виду, что военная сфера НБ, получив импульс к возникновению, функционированию и развитию от социальных условий и факторов, приобретает относительную самостоятельность, внутреннюю логику собственного развития. Она выражается через связи, преемственность этапов, периодов, фаз в развитии компонентов военной организации государства как системы. Связи выделяются (проявляются) в развитии оружия, техники, организации, способов ведения военных действий и других сторонах военной сферы НБ. Так, проводимые в ВС мероприятия по совершенствованию их качественных параметров в соответствии с характером военно-политической обстановки и тенденциями ее развития, экономическими возможностями государства не означают, что следует исключить опыт осуществленных ранее преобразований в военной составляющей НБ, все то положительное, что имеется в наших ВС.

Что касается социальной обусловленности дальнейшего развития как самих ВС, военной организации государства, да и всей военной сферы НБ, то этот процесс находится в прямой зависимости от новых геополитических условий и внутригосударственных общественных отношений. Во многом дальнейшее развитие ВС Беларуси, их модернизация зависят от возможных изменений международной и военно-политической обстановки, характера войны и вооруженной борьбы, экономических возможностей государства.

Важнейшим противоречием современной эпохи является, с одной стороны, стремление людей к миру и безопасности, а с другой – увеличение насильственных действий в различных проявлениях по отношению к личности, обществу и государству. По нашему мнению, наметилась устойчивая тенденция глобального военно-силового противоборства. По меткому выражению И. Н. Сидоренко, мы живем в эпоху «военизированного гуманизма» [9, с. 165]. В сложившейся ситуации защита государства и национальных устоев не представляется возможной без постоянного совершенствования военной сферы НБ.

В современных условиях наша республика в соответствии со своей Военной доктриной показывает приверженность миру и призывает к урегулированию межгосударственных противоречий без военного насилия. В положениях Военной доктрины зафиксировано: «Республика Беларусь осуждает любой военный конфликт как средство реализации политики и придерживается прин-

ципа мирного урегулирования споров... Применение военной силы рассматривается как крайняя мера после исчерпания всех возможностей принятия политико-дипломатических, правовых, экономических, информационных, идеологических и других мер по обеспечению военной безопасности» [10, ст. 15].

Учет современных тенденций в области международных отношений, фактора увеличения военной активности стран НАТО вблизи границ белорусского государства, реализация в военно-политической практике положений Военной доктрины страны, а также Военной доктрины Союзного государства обязывает ВС, как и ранее, в любое время и в различных условиях обстановки быть готовыми к решительному отпору любого агрессора. В этом заключается основное социальное предназначение наших ВС.

Чтобы исключить противоречивое толкование миролюбивой политики нашего государства некоторыми «экспертами», обратимся к 18-й статье Конституции Республики Беларусь: «Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права.

Республика Беларусь исключает военную агрессию со своей территории в отношении других государств» [11].

К числу важнейших противоречий в области военной сферы НБ относится традиционное (классическое) восприятие войны большинством общества и неклассический способ современного противоборства при опоре на военную силу. Разрешение этого противоречия может быть осуществлено посредством научного осмысления характера и тенденций развития международной и военно-политической обстановки, потенциальных военных конфликтов, подготовкой в мирное время военной организации государства и ее ядра (ВС). Стоит подчеркнуть, что происходит смена парадигмы войны (переход от классической к неклассической). Так, в классической парадигме войны признается определяющая роль вооруженной борьбы, а в неклассической – значительная роль отводится невоенным средствам противоборства, при этом роль применения военной силы становится вспомогательной (страховочной) [12–25].

Важно понимание не только политическим и военным руководством существенного содержания современной войны, но и формирование готовности всех субъектов общества к отстаиванию национальных интересов в любых условиях обстановки.

Осознание и учет в системе государственного и военного управления характера и тенденций современных конфликтов позволяет не только рационально готовить военно-силовой компонент страны к защите национальных интересов, но и осуществлять деятельность по управлению социальными процессами в контексте обеспечения военной безопасности.

Полагаем, что в связи с нарастанием информационного противоборства в современном мире [18–20], значимым противоречием является, с одной стороны, стремление стран западной коалиции осуществить переформатирование сознания белорусского социума, а с другой – непонимание определенными слоями общества сути происходящего в духовной и гуманитарной сферах. Идет непрекращающаяся война смыслов социального бытия, когда нашими оппонентами гражданам страны навязываются чуждые для нас духовно-нравственные нормы общественного поведения и развития.

Убеждены, что важнейшим фактором защиты социальной идентичности белорусского общества является сохранение исторических и духовных традиций, всемерное развитие гуманитарной культуры отдельной личности и всего общества.

Информационная и цивилизационная составляющие [26] современного противоборства настойчиво требуют ориентации общественного сознания на духовные и гуманистические ценности, формирование нового мировоззрения, ориентированного на человека, на высокий уровень развития духовных потребностей индивида, на активную реализацию их в созидательной социальной деятельности. Речь идет о комплексном развитии гуманитарной культуры, возрождении лучших духовно-гуманистических традиций, способствующих непрерывному саморазвитию и самосовершенствованию личности.

Гуманитарная культура, критическое осмысление личностью сути происходящего в военно-политической области, активная гражданская позиция позволяют более эффективно функционировать в военной сфере НБ, так как сегодня меняется в определенной степени парадигма «от безопасности сверху» к «безопасности снизу». У нас не вызывает сомнения необходимость строгого государственного управления и правового регулирования социальных противоречий субъектами политического руководства и соответствующими институтами государства и общества («безопасность сверху»). Однако все предпринимаемые ими усилия могут не привести к искомому результату в силу низкой заинтересованности личности, отдельных социальных групп в достижении общей цели по сохранению и развитию белорусского социума, укреплению его духовного и материального бытия («безопасность снизу»). Поэтому человекоцентричная, культурная и гуманитарная составляющие являются важнейшими факторами обеспечения НБ.

Напомним, что как ВС, так и другие войска и воинские формирования, входящие в военную организацию государства, в рамках реализации комплекса мер по вооруженной защите Республики Беларусь должны быть готовы к различным сценариям развития силовых акций в отношении государства. Поэтому в мирное время делается все необходимое для готовности всех элементов военной организации государства в случае агрессии к сохранению независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь.

Как уже отмечалось, диалектика, будучи методологической основой познания военной сферы НБ, обладает определенной структурой, составной частью которой являются *основные законы диалектики – закон единства и борьбы противоположностей, закон взаимного перехода количественных и качественных изменений, закон отрицания отрицания.*

Данные законы объективны и как философские законы обладают определенной степенью универсальности, то есть действуют и в природе, и в обществе, и в мышлении. Тем не менее их действие в этих областях действительности имеет свои особенности в каждой из них, что, конечно же, справедливо и для такой специфической сферы общественной жизни, как военная сфера НБ. Данная специфика обусловлена природой и особенностями военной деятельности, характером и социальным предназначением всей военной организации государства и ее ядра – ВС.

В силу специфики военной сферы НБ жизнедеятельность ВС строго регламентирована не только общеправовыми актами (как у всех граждан республики), но и военно-правовыми: уставами, приказами, инструкциями, наставлениями и т.д.

Исходя из функционального предназначения ВС и особенностей воинского служения у военнослужащих должны преобладать такие качества, как преданность Родине, осознание личной ответственности за безопасность страны, верность воинскому долгу, высочайшая дисциплинированность, готовность в любой момент с оружием в руках выступить на защиту Отечества и т.д. Особенности военной деятельности накладывают определенный отпечаток на проявление законов диалектики в военной сфере НБ.

Важнейшую основу развития военной сферы НБ составляет человек, в данном случае человек военный, сознание и деятельность которого обуславливают единство и взаимосвязь объективной и субъективной сторон военной подсистемы НБ, ее эффективность. Следовательно, военный человек должен не только глубоко знать сущность, содержание основных законов диалектики, видеть возможности и последствия их проявления в практике профессиональной деятельности, но и постоянно руководствоваться своим диалектическим мышлением. Военнослужащему следует понимать, что военная теория и практика развиваются по объективным законам диалектики.

Необходимо иметь в виду, что эти законы действуют в неразрывной диалектической взаимозависимости, при этом одновременно и комплексно. В целом же они определяют *источник развития, его механизм и направленность.* Все это в полной мере относится и к развитию военной сферы НБ.

Так, *закон единства и борьбы противоположностей (закон диалектической противоречивости)* вскрывает самое основное в развитии – его *источник*, каким является противоречие. В последнее время данный закон стали называть законом диалектической противоречивости, потому что, во-первых,

единство и борьба противоположностей выражают противоречие; во-вторых, главный его разработчик Г. В. Ф. Гегель при его описании использовал термин «противоречие»; в-третьих, противоречие – источник развития. Последнее осуществляется прежде всего путем взаимовлияния противоположностей, заставляющего их «работать», совершенствоваться. Противоречие – это центральная категория закона. Противоречия в военной сфере НБ можно классифицировать следующим образом:

противоречия в формировании системы военной безопасности (военное насилие – защита социума (государства) от него; военный потенциал противника – военный потенциал своей страны; необходимость создания современной техники и вооружения – экономические возможности государства; всеобщий характер современной войны – нежелание обычного человека воевать; интенсивность и многосферность военного насилия – ограниченные физиологические возможности человека; доминанта информационного воздействия на личность – реальные возможности получения и анализа информации человеком и т.д.);

противоречия в средствах противоборства (нападения – защиты; обнаружения – маскировки и др.);

противоречия в способах вооруженной борьбы (наступление – оборона, сосредоточение – рассредоточение и др.);

противоречия в управлении войсками (объем информации – время ее обработки; время обработки информации – обоснованность и четкость принятого решения; централизация – децентрализация управления и т.п.).

Указанные противоречия обуславливают развитие той или иной стороны военной подсистемы НБ как в мирное, так и в военное время. Их выявление и разрешение – одна из важнейших проблем деятельности гражданских и военных управленцев. Кратко суть данного закона может быть выражена формулой: разделение единого на противоположности, их борьба и разрешение в новом единстве. Тем самым развитие предстает как процесс возникновения, роста, обострения и разрешения многообразных противоречий, среди которых определяющую роль играют внутренние противоречия предмета или процесса. Именно они и выступают в качестве решающего источника, движущей силы их развития. Этот закон называют ядром диалектики, поскольку он является источником развития всего сущего, в том числе и самой диалектики, и проявляет себя во всех ее законах, в том числе и в основных.

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений (закон перехода количества в качество) раскрывает механизм развития, показывает, как происходит развитие. Основные категории закона: качество, количество, мера, скачок. Взаимосвязь указанных категорий и выражает сущность закона. Развитие с точки зрения данного закона осуществляется от старого к новому путем накопления количественных изменений и их скачкообразного

перехода в коренные качественные преобразования. Военная сфера НБ находится в постоянной динамике, качественно меняется в зависимости от существующих и потенциальных угроз военной безопасности государства, а появление новых типов и видов насилия определяет и новые структуры подсистемы НБ и ее важнейшей части – военной безопасности, способные противостоять современным угрозам. Количественные параметры возможного направленного на противника насилия привели к новому типу противоборства (к новому качеству) – так называемой гибридной войне, являющейся новым феноменом по сравнению с классической войной [17, 21–23]. Кроме того, все те качественные преобразования, которые произошли, например, в современной вооруженной борьбе, когда приоритеты в ней отдаются неконтактным действиям, а удары наносятся без входа носителей в зону поражения, действиям сил специальных операций, – и есть результат количественных накоплений и изменений, прежде всего в средствах ведения вооруженной борьбы.

Закон отрицания отрицания (закон диалектического синтеза) показывает направление развития, то есть куда идет развитие, какова связь между старым и новым. Важнейшей категорией закона является категория «отрицание». Согласно этому закону, старое отрицается новым, в свою очередь новое отрицается более новым – и получается цикл в виде «тезис – антитезис – синтез». В результате отрицания и отрицания отрицания сохраняется преемственность в развитии и происходит в итоге двойного отрицания (синтеза) воссоздание (реконструирование) пройденного, но на более высоком уровне. Закон выражает поступательный, преемственный, циклический характер развития и его форму – «спираль» (а не «круг» или «прямую линию»), повторение на высшей стадии некоторых свойств низшей, «возврат якобы к старому». Действие закона обнаруживается не в каждый данный момент, а лишь в целостном, относительно завершенном процессе развития. Ярким примером этого является взаимосвязь и преемственность в самой системе НБ государства и ее подсистемах (политическая, экономическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная, экологическая), которые наполняются новыми национальными интересами, отрицая отжившие как неактуальные. Это можно проследить на военной идеологии, содержащейся в Военной доктрине Республики Беларусь. С одной стороны, по сравнению с предшествующей, она создана на принципах преемственности государственной политики в сфере военной безопасности, а с другой стороны, содержит значительное количество новаций как по структуре, так и по содержанию [10].

Подчеркнем, что названные законы действуют одновременно, вместе, определяя глубокие преобразования, поступательное развитие любых явлений и также военной сферы НБ.

Диалектика в свое содержание включает и *неосновные законы – парные категории*, которые в своей совокупности формируют основное содержание

метода диалектики, образуют своего рода логический каркас, в котором движется познающая мысль.

Особую роль в системе категорий диалектики играют те пары основных категорий, с помощью которых идет углубление в сущность изучаемых явлений. К ним относятся *единичное и общее, содержание и форма, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, явление и сущность, часть и целое*.

Знание категорий и умелое применение их в теории и на практике – одно из важнейших условий успеха в любой сфере деятельности, в том числе и в области военной сферы НБ. Оно способствует пониманию войны в целом как социально-политического явления, осмыслению системы НБ как главного условия развития социума, глубокому уяснению закономерностей формирования военной организации государства и ее элементов, принципов подготовки войск и воспитания личного состава ВС.

Будучи ступеньками познания объективного мира, категории диалектики помогают военным специалистам ориентироваться в противоречивой действительности, более эффективно анализировать военно-политическую обстановку, положение дел в подчиненных структурах.

С помощью категорий диалектики военный человек в состоянии более глубоко уяснить полученную им задачу и оценить обстановку, двигаясь от живого созерцания явлений к пониманию сущности происходящего.

По нашему мнению, особое внимание следует обратить на то, что законы диалектики работают не только во всех явлениях сущего, но отражаются и на действии самих законов как общего, так и частного характера. Например, сущность войны, выражая фактически основной закон войны – взаимосвязь политики и войны, вооруженной борьбы, представляет собой одновременно единство и борьбу данных противоположных явлений, процесс количественных изменений и качественных преобразований в самой политике и в вооруженной борьбе, отрицание старого новым, причинно-следственные зависимости, необходимость и случайность событий, возможность и действительность реализации боевых задач и т.д.

Можно отметить, что процесс управления военной организацией государства и ее основой – ВС, будучи диалектическим по своей природе, требует диалектического подхода со стороны всех категорий управленцев, и в частности правильного и гибкого применения знаний парных категорий диалектики – важнейших элементов научной методологии.

В контексте наших соображений о роли диалектической логики в познании военной сферы НБ следует особое внимание обратить на то, что диалектическое мышление является высшим уровнем рационального познания.

Следовательно, подлинно научное знание может быть получено только на основе диалектического мышления, дающего возможность постигнуть

глубинные связи, перманентные изменения и преобразования всеобщего характера природы, общества и человеческого мышления, вскрыть источник, механизм и направленность развития данных процессов, сущность, противоречивость и закономерность единичного и общего, содержания и формы, причины и следствия, необходимости и случайности явлений действительности и т.д.

Учитывая важность, сложность и многогранность военной сферы НБ, нами обозначены лишь основные контуры перспектив исследования.

По нашему убеждению, знание и умелое использование принципов диалектики, понимание механизмов действия законов диалектики, уяснение парных категорий как неосновных законов диалектики является основой методологической культуры всех управленческих кадров, а также постижения сущностного содержания военной сферы НБ. Так, для ее представителей это означает умение своевременно выявить противоположности и сущности тех или иных сторон военной сферы НБ, вскрыть внутреннюю противоречивость этих сторон; подходить к этому процессу диалектически, с пониманием того, что внешняя противоположность каких-либо явлений военной сферы НБ выражает их глубокую внутреннюю противоречивость.

В процессе решения насущных задач военной сферы НБ мы постоянно должны учитывать и понимать развитие, уметь выделять связи и отношения в военной сфере НБ, умело оперировать парными категориями, руководствоваться законами диалектики и рациональным философским инструментарием. И это не дань моде, а объективная потребность для разумного решения возникающих проблем развития всей системы НБ и ее военной составляющей.

Несмотря на стремление ученых, политиков, военных к мирному разрешению проблем существующих международных отношений, военное насилие присутствует в человеческом бытии. Причем, просматривается закономерность – по мере развития человеческой цивилизации количество военных конфликтов увеличивается. Руководствуясь вечным противоречием между войной и миром как состояниями социума, человечество для его разрешения придерживается постулата «хочешь мира – готовься к войне». Это означает, что социальной системе необходимо иметь такую военную подсистему НБ и ее ключевой военно-силовой компонент – военную организацию государства, которая может на практике осуществлять систему стратегического сдерживания агрессии. До тех пор, пока не ликвидирован такой социальный институт, как армия, пока военные конфликты все еще являются средством разрешения тех или иных противоречий, мы должны поддерживать качественное состояние ВС, их боеготовность и боеспособность на уровне, гарантирующем надежную защиту суверенитета, территориальной целостности Республики Беларусь и неприкосновенности ее территории.

Исходя из того, что военная безопасность не является застывшим феноменом и обеспечивается в «принципиально новых геополитических, политических и экономических условиях... исходя из принципов оборонной достаточности и стратегического сдерживания потенциальной агрессии» [27, с. 93], будет продолжено совершенствование и развитие военной сферы НБ. При рассмотрении новой редакции Концепции НБ целесообразно закрепить приоритетный характер обеспечения военной безопасности государства.

Таким образом, методологической основой осуществляемых в области военного строительства изменений качественных параметров военной сферы НБ выступает социальная диалектика. Использование инструментария социальной диалектики, а также достижений современной науки – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности государства в военном отношении.

Список использованных источников

1. Военная сила в международных отношениях : учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Анненкова. – М. : КНОРУС, 2011. – 496 с.
2. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.] ; под ред. М. В. Мясникова, Л. С. Мальцева. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 557 с.
3. Адуло, Т. И. Проблемы диалектики в белорусской философии / Т. И. Адуло // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2017. – Вып. 4. – С. 134–150.
4. Попов, М. В. Социальная диалектика / М. В. Попов. – СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2014. – 468 с.
5. Ксенофонов, В. А. Военная сфера национальной безопасности как условие социального благополучия государства / В. А. Ксенофонов // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2021. – № 1 (251). – С. 85–89.
6. Дикселис, В. П. Методология науки: концептуальные основы, военный аспект / В. П. Дикселис, В. А. Ксенофонов // Вест. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2014. – № 2 (43). – С. 11–23.
7. Кохановский, В. П. Философия и методология науки : учеб. для высш. учеб. заведений / В. П. Кохановский. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 576 с.
8. Военные вопросы в курсе философии : учеб. пособие / Б. Л. Беляков [и др.]. – Серпухов, 2016. – 140 с.
9. Сидоренко, И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск : БГУ, 2017. – 175 с.
10. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г., № 412-3 [Электронный ресурс] // Министерство обороны Республики Беларусь : воен. информ. портал. – Режим доступа: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/doktrina/ – Дата доступа: 29.12.2021.
11. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/?print=1> – Дата доступа: 25.03.2022.
12. Месснер, Е. Э. Всемирная мятежовина / Е. Э. Месснер. – М. : Кучково поле, 2004. – 512 с.
13. Владимиров, А. И. Основы общей теории войны : в 2 ч. / А. И. Владимиров. – М. : Моск. финансово-пром. ун-т «Синергия», 2013. – Ч. 1 : Основы теории войны. – 832 с.
14. Владимиров, А. И. Основы общей теории войны : в 2 ч. / А. И. Владимиров. – М. : Моск. финансово-пром. ун-т «Синергия», 2013. – Ч. 2 : Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. – 976 с.

15. Попов, И. М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы: очерки стратегической мысли / И. М. Попов, М. М. Хамзатов. – М. : Кучково поле, 2016. – 832 с.
16. Понкин, И. В. Неклассические войны / И. В. Понкин. – М. : ИНФРА-М, 2021. – 87 с.
17. Панарин, И. Н. Гибридная война: теория и практика / И. Н. Панарин. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 402 с.
18. Манойло, А. В. Информационные войны и психологические операции: руководство к действию / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 496 с.
19. Новиков, В. К. «Дранг нах Остен» – сценарии информационных войн в действии / В. К. Новиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 344 с.
20. Анненков, В. И. Информация – ключ к победе в современной войне / В. И. Анненков, В. Ф. Моисеев, В. К. Новиков. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 428 с.
21. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности / С. М. Иншаков. – М. : РУСАЙНС, 2021. – 306 с.
22. Бартош, А. А. Серая зона: театр гибридной войны / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 308 с.
23. Бартош, А. А. Мировая гибридная война в стратегии США и НАТО / А. А. Бартош // Независимое воен. обозрение. – 2022. – № 7 (1178). – С. 1–4.
24. Ильницкий, А. М. Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
25. Караваев, И. Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии / И. Н. Караваев // Воен. мысль. – 2022. – № 3. – С. 35–42.
26. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М. : АСТ, 2016. – 571 с.
27. Арчаков, В. Ю. О состоянии национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе / В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский // Проблемы управления. – 2021. – № 3 (81). – С. 86–97.

А. В. Колесников

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ COVID-19*

На основе разработанной математической модели, представляющей собой систему нелинейных разностных уравнений, исследуется взаимодействие эпидемического процесса с общей социальной динамикой. В качестве методологической основы исследования выступает авторская концепция киберкосмизма, представляющая собой синтез философской основы русского космизма, синергетики, нелинейной динамики и теории хаоса. Приводятся примеры моделирования динамики социальной системы под перманентным волнообразным воздействием пандемического процесса. На основе построенных фазовых портретов обосновывается вывод о том, что эпидемический процесс способен оказывать существенное влияние на социальную динамику, имеющую квазициклический и хаотический характер. Приводятся параллели между социальными последствиями пандемии и цепочками некоторых событий в книге Откровения (Апокалипсисе).

Ключевые слова: *эпидемия, пандемия, киберкосмизм, нелинейная социальная динамика, хаос, циклы, синергетика, COVID-19, социальные последствия пандемии, Апокалипсис*

A. Kolesnikov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

MODELLING OF SOCIAL CRISES ASSOCIATED WITH THE PANDEMIC OF COVID-19

On the basis of the developed mathematical model, which is a system of nonlinear difference equations, the interaction of the epidemic process with the general social dynamics is studied. The methodological basis of the study is the author's concept of cybercosmism, which is a synthesis of the philosophical basis of Russian cosmism, synergetics, nonlinear dynamics and chaos theory. Examples of modeling the dynamics of a social system under the permanent undulating influence of the pandemic process are given. On the basis of the constructed phase portraits, the conclusion is substantiated that the epidemic

* Работа подготовлена при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Философские, социальные, этические вызовы пандемического процесса COVID-19 и способы противодействия им в глобальном и региональном измерении» (договор с БРФФИ № Г21КОВИД-022 от 01 февраля 2021 г.).

process can have a significant impact on social dynamics, which has a quasi-cyclical and chaotic character. Parallels are given between the social consequences of the pandemic and the chains of some events in the book of Revelation.

Keywords: *epidemic, pandemic, cybercosmism, non-linear social dynamics, chaos, cycles, synergetics, COVID-19, social consequences of the pandemic, Apocalypse*

Социум представляет собой многоэлементную распределенную динамическую систему, покрывающую всю планету и развивающуюся по сложным нелинейным законам. Характерной особенностью таких систем выступает всеобщая взаимосвязь явлений, а также чувствительность ко всякого рода внешним и внутренним флуктуациям, которые способны вызвать и инициировать крупные, порой весьма радикальные трансформации всей системы в целом. Пандемия COVID-19 послужила спусковым механизмом больших социально-динамических исторических процессов, чей характер, влияние и направленность необходимо выявить, определить и осмыслить [1]. От социальных последствий глобальной пандемии в значительной степени зависят судьбы как отдельных социальных систем, цивилизационных кластеров, так и всего человечества в целом. Таким образом, проблема моделирования социальных кризисных явлений, вызванных пандемией COVID-19, представляет собой актуальную научную задачу.

Принципиально важно обозначить парадигму, на основе которой проводилось наше исследование. В качестве основы выступила разрабатываемая нами концепция киберкосмизма. Киберкосмизм включает в себя и наследует элементы философского космизма, синергетики, нелинейной динамики и теории хаоса. Рассмотрение социальных последствий пандемического процесса с применением понятийного и математического аппарата киберкосмизма определило новизну, а также составляет теоретическую значимость настоящего исследования.

С практической точки зрения было важно представить возможные социальные последствия пандемии, а также определить критические точки воздействия на происходящие процессы с целью предотвращения наиболее опасных и вредных последствий происходящих глобальных изменений.

Контекст драматических исторических событий последнего времени указывает на то, что глобальная социальная динамика вступила в экстремальную фазу. Периоды исторической турбулентности человечество переживало и в прошлом. В связи с этим может представлять определенный интерес обращение к опыту их осмысления в древних источниках. Серия возможных апокалиптических сценариев представлена в последней книге Нового Завета – Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе). В шестой главе речь идет о четырех всадниках Апокалипсиса. Тема этих предвестников конца времен часто поднимается в средствах массовой информации и медиапространстве. В докладе на сессии Генеральной Ассамблеи ООН об итогах 2019 года и задачах

на 2020 год Генеральный секретарь этой международной организации Антониу Гутерриш использовал данный образ, обозначив свои представления о главных рисках и вызовах, стоящих перед современным человечеством [2]. Они несколько расходятся с оригиналом пророчества, совпадая лишь в оценке роли и губительных последствиях пандемий.

Пророчество, а также описанная в нем сущность и очередность всадников обладают достаточно строгой внутренней логикой.

«...И вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить» (Откр. 6 : 2). Первый всадник, имеющий лук, появляется после снятия первой печати. До настоящего времени нет единства в интерпретации символизма всадников. Однако среди имен первого всадника фигурирует Чума. Тогда образ получается вполне зримым: болезнь, победоносно следующая по миру и в итоге захватывающая его весь. Всадник вооружен луком. Стрелы поражают инфицированных, которым не довелось справиться с болезнью и в результате почивших. В недавнем прошлом волны массовых смертей от коронавирусной инфекции прокатились по ряду стран мира...

Таким образом, глобальная пандемия представлена как основной спусковой механизм следующей серии апокалиптических событий. Символизм белого цвета (*конь белый*) в данном случае, вероятно, возникает случайно. Но именно белый цвет ассоциируется прежде всего с медициной, врачеванием и борьбой с болезнью.

Удар глобальной пандемии вызвал целый ряд весьма существенных изменений в мире. Во-первых, повсеместно выявились недостатки, а также неготовность управленческих элит к адекватным и своевременным противодействиям быстро и относительно внезапно возникшей угрозе. Это можно считать в значительной степени естественным, так как с подобными вызовами в произошедших масштабах человечество давно не сталкивалось. Причем всеобщее недовольство вызывали практически любые применяемые властями тех или иных стран и регионов стратегии. В принципе всякие предпринятые в этих условиях руководящими кругами усилия несли в себе серьезные риски отрицательных последствий экономического, социального и медицинского характера. Таким образом, в социуме повышался уровень критичности, протестной энергии и массового недовольства.

На политическом и межгосударственном уровне последствия пандемии выразились в массовом закрытии границ и обособлении национальных обществ. Последовала серия взаимных обвинений в искусственном создании распространяющегося вируса как биологического оружия. Такие взаимные обвинения выдвигались в отношении Китая, США и России – фактически основных глобальных центров силы, в том числе и прежде всего военной. Поднялась волна конспирологических версий причин происходящего. На этом

фоне в глобальном масштабе резко углубились и обострились политические и экономические противоречия между государствами, блоками и цивилизационными кластерами.

«И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч» (Откр. 6 : 4). Имя второго всадника трактуется как Война. Цветовой символизм в данном случае также имеет место: рыжий – цвет огня. Обострение политических, экономических, межкультурных и внутренних противоречий закономерно ведет к возникновению вооруженных конфликтов, а рост напряженности в глобальном масштабе создает условия для мирового военного противостояния.

«...И вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай» (Откр. 6 : 5–6). Имя третьего всадника – Голод. Об угрозе голода заявляют ряд мировых лидеров. В частности, Генеральный секретарь ООН неоднократно предупреждал мир об угрозе надвигающихся глобальных проблем с продовольствием и голода для значительной части населения планеты.

Пандемия, военные конфликты и голод создают благоприятные условия для еще более тяжелых последствий. *«...И вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним...»* (Откр. 6 : 8). В этом образе угадываются черты глобального ядерного конфликта, вероятность которого существенно повышается в условиях наметившейся всеобщей конфронтации.

Таким образом, социальные последствия пандемии, которую, вероятно, следует рассматривать как часть более глубокого и обширного кризиса в современной исторической социальной динамике, вполне укладываются в один из возможных апокалиптических сценариев. А упомянутую книгу Откровения можно рассматривать как раз как свод нескольких основных возможных вариантов конца времен. Впечатление усиливает описание постапокалиптического мира, обозначенное в конце шестой главы: *«И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих. И цари земные и вельможи, и богатые и тысяченачальники и сильные, и всякий раб и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор»* (Откр. 6 : 14–15).

Пророчество следует рассматривать как возможный вариант будущего, но не фатально неизбежный, ибо будущее не определено, оно рождается. Сейчас мир завис где-то между приходом второго и третьего всадников. В наших силах затормозить и перенаправить этот процесс.

В ряде источников, включая и книгу Откровения, судьба цивилизации ставится в зависимость от соотношения и взаимодействия двух основных конкурирующих социотипов. Они по-разному обозначаются и имеют свое происхождение в фундаментальной двойственности человеческой природы. В классическом религиозном русском космизме речь идет о земной и божественной

человеческой природе. В рамках развиваемой нами концепции киберкосмизма [3–5] вводится понятие *автодиохронной динамики* (αὐτός – «сам, он», δύο – «два», χρόνος – «время»). В автодиохронной динамике современного социума выделяются два базовых социотипа – космический человек (H_c) и так называемый молекулярный человек (H_{ml}). Они оба вовлечены в процесс воспроизводства совокупного ресурса системы, однако их участие в этом воспроизводстве отличается. Так, H_{ml} склонен в основном потреблять, нежели производить. Его коэффициент воспроизводства ресурса меньше единицы ($k_{ml} < 1$). Социотип H_c воспроизводит совокупный ресурс, продуцирует новое научное знание, создает культурные и материальные ценности, видя в этом смысл своего существования. Его коэффициент воспроизводства выше, чем у молекулярного человека и больше единицы ($k_c > 1 > k_{ml}$). Уравнение динамики совокупного ресурса социальной системы при постоянной доле пассионариев рассматривалось нами в [6]. В силу своей характерной периодической колебательной природы эпидемический фактор может учитываться в форме волнообразного квазихаотического воздействия, понижающего текущее значение совокупного ресурса системы. На этой основе в случае стационарной социальной динамики (при постоянном соотношении долей социотипов H_c и H_{ml}) можно выделить три генеральных сценария: пессимистический, стационарный и оптимистический. Однако более реалистично предположить, что доля пассионариев в популяции переменна. Более того, оба названных социотипа (H_c и H_{ml}) могут совмещаться даже в одной личности, проявляясь в различной степени в зависимости от обстоятельств. Зависимость эта принципиально может быть выражена степенной функцией. В результате мы имеем систему уравнений, в которую входит и эпидемический фактор x , который моделируется логистическим уравнением [7]:

$$R_{i+1} = b_i R_i (k_c q_i + k_{ml} (1 - q_i)),$$

$$x_{i+1} = \alpha \cdot \sin(\pi x_i); b_i = (1 - x_i); q_{i+1} = q_i^{R_{i+1}}.$$

Здесь R_{i+1} и R_i – объем совокупного ресурса социальной системы в последующий и текущий моменты времени; q_{i+1} и q_i – доля социотипа H_c в последующий и текущий моменты времени; k_c и k_{ml} – коэффициенты воспроизводства совокупного ресурса представителями космического и молекулярного социотипа соответственно; x_{i+1} и x_i – эпидемический фактор в следующий и текущий моменты времени; b_i – множитель (фактор) убыли совокупного ресурса под влиянием эпидемического фактора; α – параметр хаотичности эпидемического фактора.

В данном случае смысл математического выражения для q_{i+1} отображает тот факт, что избыточная обеспеченность ресурсом стимулирует и поощряет потребление, снижая потребность социума в пассионариях. Недостаток ресурса,

напротив, увеличивает социальный заказ общества на пассионарных «космических» людей. Фактор x с позиции современной социальной динамики уже можно рассматривать как достаточно гладкое постоянное воздействие, совокупно снижающее комплексный ресурс социальной системы.

Ранее нами в работах [6, 8] выведено и подробно рассмотрено нелинейное отображение без влияния эпидемического фактора. Динамическое поведение этой простой модели чрезвычайно сложно. Она одновременно имеет стационарные точки, демонстрирует циклы, квазиколебания и динамический хаос. Все это характерно и для социальных систем. Добавление дополнительного эпидемического фактора еще больше усложняет динамику модели. На рис. 1

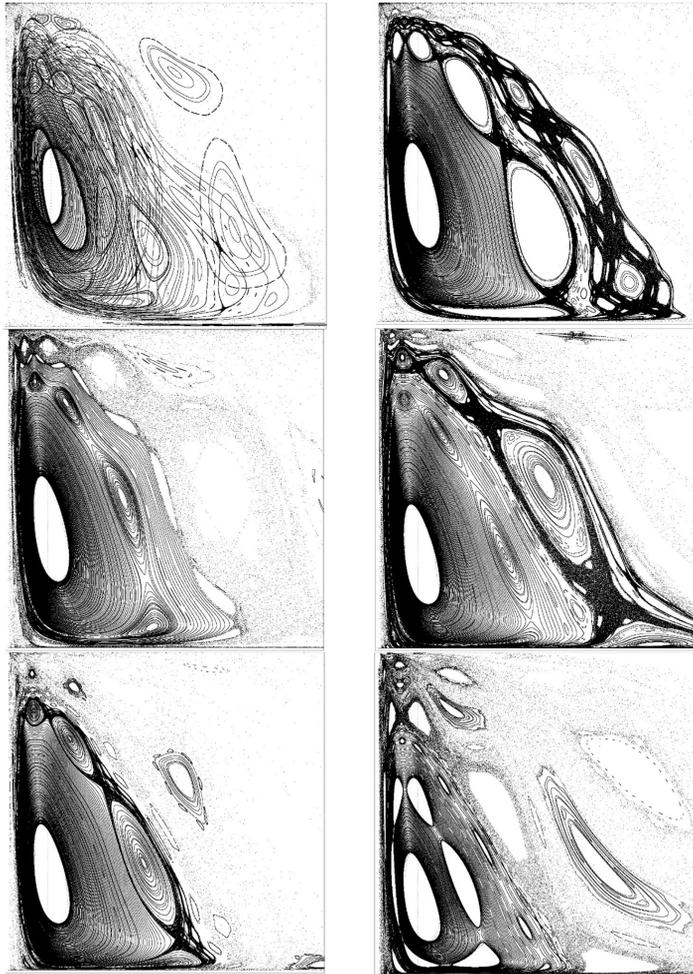

Рис. 1. Примеры фазовых портретов описанной нелинейной модели социальной системы при эпидемической нагрузке и различных значениях параметров. Портреты построены в координатах (R, q)

приведено несколько фазовых портретов, иллюстрирующих сколь богат возможный спектр динамических сценариев и как ничтожны факторы и причины перехода системы с одного варианта будущего на другой. Все это свидетельствует о высокой доле ответственности каждого элемента социального сообщества, так как самые малые флуктуации способны вызвать макроскопические последствия.

В приведенном виде модель представляет консервативный вариант динамики социальной системы. Диссипативные варианты могут иметь различную направленность. Важнейшим фактором, способным задать вектор движения социальной системы к нужному результату, является воля. События книги Откровения разворачиваются вокруг конкуренции альтернативных социотипов в популяции, вокруг борьбы добра и зла, божественного и звериного начала в человеке. Совокупный нравственный выбор оказывается связанным с явлениями космическими. В развиваемой нами концепции автодиохронной динамики ядром движения социальной системы во времени также выступает противодействие альтернативных социотипов, один из которых суть надстройка над геном, а другой – личность, поднимающаяся до высоты осознания космической миссии человечества, разумной жизни – по-видимому редчайшего явления во Вселенной.

Апокалиптические события оказываются результатом накопления в социуме последствий совокупной деструктивной социальной активности молеку-

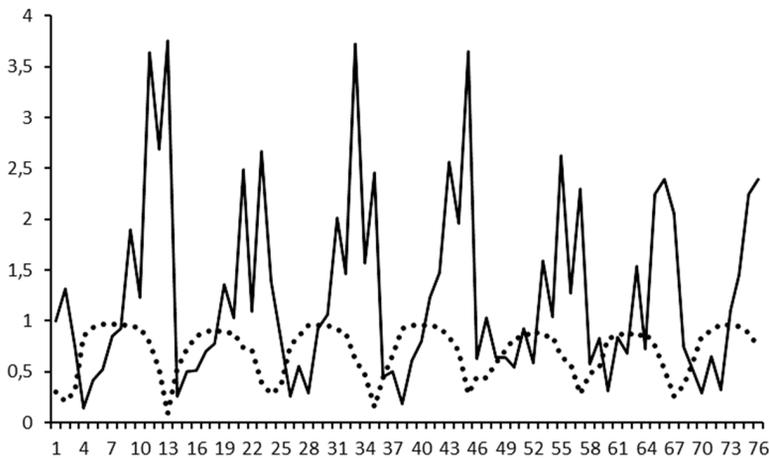

Рис. 2. Динамика совокупного ресурса социальной системы (сплошная линия в долях от исходного значения, принятого за единицу) и доли космического социотипа (пунктирная линия).

Расчеты приведены для $k_c = 5$; $k_{ml} = 0,2$; $\alpha = 0,89$; начальные значения $R_0 = 1$; $x_0 = 0,2$; $q_0 = 0,3$. По оси абсцисс отложены циклы модельного времени (i). Ось ординат для сплошного графика изменения совокупного ресурса отображает долю совокупного ресурса системы по отношению к исходному объему, принятому за единицу, а для пунктирного графика долю q социотипа H_c (изменяется от 0 до 1)

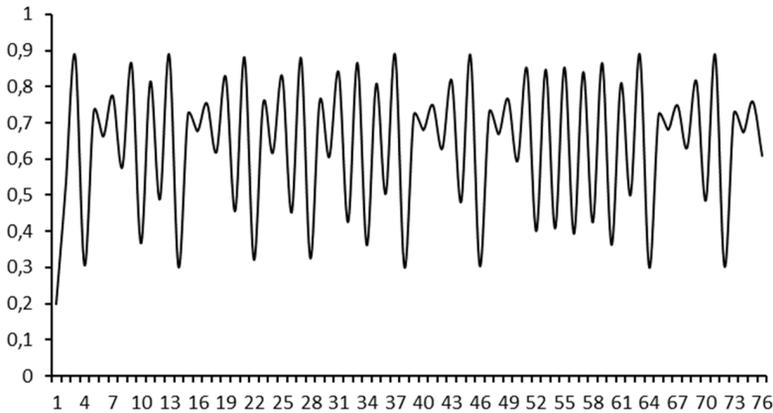

Рис. 3. Динамика волн условной эпидемической нагрузки на популяцию (фактор x) в условных долях максимума. По оси абсцисс отложены циклы модельного времени (i). По оси ординат — уровень эпидемической нагрузки в условной доли максимума (от 0 до 1)

лярного социотипа. В терминах рассмотренной модели это происходит в фазе избыточного накопления в социальной системе представителей социотипа H_{ml} в условиях достатка совокупного ресурса. После этого в результате деструктивной активности молекулярных агентов наступает резкий обвал (рис. 2, 3).

В теории самоорганизованной критичности подобные явления в системах самой различной природы, включая социальные, ассоциируются с насыпанием кучи песка [9]. В некоторый момент угол наклона краев кучи становится критичным, и с них начинают осыпаться лавинки. В куче песка действуют две противоположно направленные силы — гравитация и сила взаимного сцепления песчинок. В критической куче песка формируется так называемое состояние самоорганизованной критичности. Песчинки выстраиваются таким образом, что добавление всего одной песчинки может вызвать сход лавины любого размера. При этом объем сошедших лавин всегда имеет характерное степенное распределение. Оказалось, что очень многие массовые процессы, в том числе в социальных системах, происходят именно по такой схеме. Пандемия COVID-19 также имела прямое сходство с осыпанием критической глобальной лавины, порожденной добавлением одной песчинки — единичного заражения в перенаселенном мегаполисе. Мир оказался в состоянии самоорганизованной критичности. Сход эпидемической лавины обнажил и обострил прочие противоречия, о которых уже шла речь выше. Последовали волны протестных лавин, затем военные конфликты. Обозначилась вероятность волны глобального дефицита продовольствия.

Ключевым историческим моментом, с которого целесообразно вести речь о выделении двух социотипов — молекулярного и космического человека, является отрезок времени, на протяжении которого происходит научное осознание молекулярной, в том числе и прежде всего генетической природы животной

и растительной жизни в целом, а также и самого человека. На основе этих знаний происходит фундаментальный мировоззренческий перелом и возникает ситуация выбора: следует ли оставаться разумной формой животной молекулярной жизни либо подняться на качественно иной эволюционный уровень, вступив в фазу ноогенеза и постепенно освобождая познающий разум и сознание от молекулярной власти. Осознание принципиальной возможности и перспективы ноогенеза свидетельствует о наличии его потенциалов в самом космическом процессе. Интуитивно фиксируемый более высокий нравственный статус ноогенеза по отношению к биосоциогенезу придает некоторое новое, более полное смысловое наполнение понятию воли Вселенной в том его значении, которое было введено К. Э. Циолковским [10].

Капитализм – это общество молекулярного человека. В процессе научного осознания своей природной молекулярно-генетической сущности общество потребления вступает в эпоху, которую иногда обозначают как биокапитализм. Потребительская ценностная ориентация молекулярного человека трансформирует полученные научные данные о своей собственной природе в реализацию целей, традиционных для животной жизни: достижение власти, доминирование, сверхпотребление, конкуренция потребительской элиты за контроль над ресурсами социальных систем, а в итоге на низшем социальном уровне рядового молекулярного индивидуума – дыхание, питание и размножение (хотя с размножением в этой фазе уже возникают нюансы) в максимально комфортных и безопасных условиях. В условиях глобальной пандемии жизнь в молекулярном обществе становится самым ходовым, своего рода идеальным товаром. Получив контроль над правом на жизнь, капитализм гипотетически достигает своей высшей точки развития и становится абсолютным. Но при этом он вступает в конфликт с высшей волей Вселенной, с потенциалами познания и разума, стремящегося к автономизации и освобождению от власти эгоистичного гена.

Противоборство молекулярного и космического человека, автодиохронная социальная динамика, погружает в хаос не только общество, но и атмосферу планеты. Неспособность техногенного капитализма контролировать и ограничивать экономическую экспансию, непомерное энергопотребление (с термодинамической точки зрения не столь существенно, насколько «зеленым» способом энергия получена) разогревают Землю. В результате глобального потепления наступает климатический хаос. Все это в совокупности с глобальными пандемиями, военным противостоянием представляет собой комплексный результат экстенсивного развития социотехносферы на преимущественно молекулярных принципах.

В отличие от стайных животных или общественных насекомых, действующих инстинктивно, глубинной конечной первопричиной каких-либо человеческих действий выступает господствующая в данной социальной системе философская парадигма. Именно она определяет результирующий вектор

направления преобразующих усилий социума. На нашей планете, обладающей и окруженной развитой социотехносферой, коллективные действия глобального человеческого сообщества преобразуют ландшафты, изменяют пространство. Можно утверждать, что социум на своем современном уровне развития выступает важным или даже основным фактором трансформации как самой поверхности Земли, так и околоземного пространства. Поскольку первопричиной этой совокупной социальной активности людей, в отличие, например, от термитов, выступает именно философия как основной регулятив разумного поведения, то можно утверждать, что она представляет собой значимый и даже важнейший космический фактор. Философия антропоцентризма в свое время привела к значимым изменениям карты и климата планеты. Философия устойчивого развития также приведет к значимым космическим последствиям в форме возможного изменения альбедо планеты в результате покрытия части площади солнечными батареями. Популяция разумных существ освоила всю поверхность Земли. Масштабная деятельность людей, созданная ими кибертехносфера преобразуют вещество, извлекая металлы из руд, преобразуя углерод в наноструктурные формы, соединяя мономеры в искусственные полимеры, изменяя планетарный метаболизм. Вокруг очагов этой преобразующей деятельности возникают поселения, мегаполисы, концентрируются огромные социальные колонии-сообщества. Массы людей перемещаются по планете в наземных, водных и воздушных пассажиропотоках. Создается благоприятная среда для возникновения, распространения и эволюции низших форм жизни – бактерий и вирусов. Глобальные инфекционные атаки, в свою очередь, способны оказывать, и оказывают влияние на сложную социальную динамику современного мира, обостряя его противоречия, усиливая конкуренцию и углубляя социальное неравенство. Нарушается межцивилизационный баланс сил. Создаются условия для обострения военных конфликтов. Дестабилизируются мировая торговля, обмен ресурсами, логистика. Возникают продовольственные кризисы.

Динамика кибертехносферы современного человечества определяется собственно научными и философскими идеями, лежащими в основе мыслительных процессов. Мысль материализуется в процессе функционирования социума. Хаос в области базовых философских оснований, религиозных и этических принципов порождает хаос экономический, политический и климатический. Человек создан (возник) в природе как орган ее самопознания. В докладе на II съезде ученых Республики Беларусь академик С. В. Гапоненко выделил науку как миссию человека во Вселенной [11], обосновывая вместе с тем идею перехода от гуманизма и биоэтики к более общей идее *космоэтики*.

Таким образом, социум и космос взаимосвязаны, что нашло отражение в мифологических и религиозных пророчествах, включая упомянутую нами книгу Откровения. Соотношение конструктивных и деструктивных социотипов

в популяции, «грешников» и «праведников» оказывает влияние на космос, на природные процессы, которые иногда можно метафорически интерпретировать как гнев Создателя или нарушение воли Вселенной. Эту взаимосвязь и фиксирует Пророчество.

Нами разработана математическая модель, на основе которой рассмотрен консервативный вариант нелинейной автодиохронной социодинамики системы в условиях давления дополнительного эпидемического фактора. Демонстрированы крайне сложные квазициклические и хаотические сценарии динамического поведения социальной системы в условиях пандемии. Разработанная общая консервативная модель позволяет на следующем этапе исследования перейти к выявлению точек воздействия на процесс и переходу к управляемому диссипативному варианту социальной динамики.

Перечень использованных источников

1. International Science Council, 2022. Unprecedented & Unfinished: COVID-19 and Implications for National and Global Policy [Electronic resource]. – Paris : International Science Council. – Mode of access: <https://council.science/publications/covid19-unprecedented-and-unfinished> – Date of access: 05.07.2022.
2. Guterres, A. Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020 [Electronic resource] / A. Guterres. – Mode of access: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> – Date of access: 05.07.2022.
3. Колесников, А. В. Киберкосмизм как философская доктрина / А. В. Колесников // Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси : материалы Междунар. науч. конф. (15–16 апр. 2021 г., г. Минск) : в 3 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2021. – Т. 1. – С. 273–275.
4. Колесников, А. В. Киберкосмизм как научно-философский проект / А. В. Колесников // Материалы 56-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. – Калуга : ИП Стрельцов И. А. (Изд-во «Эйдос»), 2021. – Ч. 2. – С. 19–22.
5. Колесников, А. В. Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума / А. В. Колесников. – Минск : Беларус. навука, 2022. – 315 с.
6. Колесников, А. В. Нелинейная социодинамика конкурентных социотипов молекулярного и космического человека / А. В. Колесников // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности : тр. 4-й Междунар. конф. (4–5 февр. 2021 г., г. Москва). – М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2021. – С. 209–219.
7. Куркина, Е. С. Математическое моделирование и прогнозирование распространения COVID-19: многоволновая модель развития эпидемии в Великобритании / Е. С. Куркина, Д. И. Зинченко, Е. М. Кольцова // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности : тр. 5-й Междунар. конф. (3–4 февр. 2022 г., г. Москва). – М. : ИПМ им. М. В. Келдыша, 2022. – С. 182–192.
8. Колесников, А. В. Нелинейная социодинамика в цифровую эпоху / А. В. Колесников // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: тр. 5-й Междунар. конф. (3–4 февр. 2022 г., г. Москва). – М. : ИПМ им. М. В. Келдыша, 2022. – С. 89–99.
9. Бак, П. Как работает природа. Теория самоорганизованной критичности / П. Бак. – М. : Либроком, 2017. – 276 с.
10. Циолковский, К. Э. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы / К. Э. Циолковский. – Калуга : [б. и.], 1928. – 23 с.
11. Гапоненко, С. В. Наука как миссия человека во Вселенной / С. В. Гапоненко // Наука и инновации. – 2017. – № 5 (спецвыпуск). – С. 69–71.

А. С. Червинский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

КОЭВОЛЮЦИОННАЯ ДИНАМИКА КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию роли философии в методологическом обеспечении молодой научной дисциплины – социальной экологии. Обоснована необходимость междисциплинарного подхода к описанию процессов социально-природного взаимодействия. Коэволюционные системы характеризуются функциональной взаимозависимостью социального и природного компонентов. В основу коэволюционной системы положены основные принципы существования биосферы: циклическая организация жизни, устранение и полезное преобразование вредных отходов, оптимальное использование материальных ресурсов и др. Делается вывод, что коэволюционные принципы эффективны как нормативные ориентиры в теории социального природопользования и могут способствовать выработке методологически верных подходов к формированию общей теории взаимодействия общества и природы. В прикладном проявлении результаты исследования возможно использовать в практике оптимизации природопользования.

Ключевые слова: *качество окружающей среды, принципы существования биосферы, развитие искусственных биоценозов, концептуально-нормативное описание коэволюционных процессов*

A. Chervinsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

CO-EVOLUTIONARY DYNAMICS AS A SOCIO-ECOLOGICAL RESEARCH OBJECT

The article is devoted to the study of the role of philosophy in the methodological support of a young scientific discipline – social ecology. Co-evolutionary systems are characterized by functional interdependence of social and natural components. The goal is to substantiate the need for an interdisciplinary approach to describing the processes of social and natural interaction. The co-evolutionary system is based on the basic principles of the existence of the biosphere: the cyclic organization of life, the elimination and beneficial transformation of hazardous waste, the optimal use of material resources, etc. It is concluded that co-evolutionary principles are effective as normative guidelines in the theory of social nature management, and can contribute to the development of methodologically correct approaches to the formation of a general theory of interaction between

society and nature. In the applied manifestation, the results of the study can be used in the practice of optimizing nature management.

Keywords: *quality of the environment, principles of existence of the biosphere, development of artificial biocenoses, conceptual and normative description of co-evolutionary processes*

Введение

Разработка теоретических основ *коэволюции* человека и биосферы как условия выживания человека на планете, равно как введение в широкий оборот самого понятия «коэволюционное развитие» принадлежат Н. Н. Моисееву [1]. Со времен выхода основных работ исследователя по настоящее время в философской и естественнонаучной литературе, посвященной описанию коэволюционных процессов, при всем разнообразии авторских позиций прослеживаются два противоположных подхода. С одной стороны, все активнее выступают приверженцы невмешательства в динамику природных процессов, требующие сведения антропогенного воздействия на биосферу к нулевому или близкому к нулевому уровню и тем самым возвращения природы к ее «естественному» состоянию; с другой – выступают «коэволюционисты», то есть исследователи, признающие объективный, исторически необратимый характер такой формы социоприродного взаимодействия, при которой среда неизбежно меняет свои параметры, эволюционируя под непосредственным воздействием антропогенных факторов.

Развитие искусственных биоценозов сторонниками невмешательства (Э. И. Колчинский [2], Э. Уилсон [3], Ф. Сен-Марк [4], А. М. Михайловский [5]) в систему биосферы в целом оценивается негативно, так как особенности системной организации таких экосистем: низкое видовое разнообразие и слабая биологическая продуктивность монокультурных агроценозов, – не отвечают основным критериям устойчивого развития и с позиции естественнонаучного (биогеоценологического) подхода свидетельствуют о регрессивном характере этого направления в эволюции биосферы. В этом отношении характерной представляется позиция Э. И. Колчинского, который в своем неприятии видовой бедности культурных биоценозов постулирует необходимость смешанного межвидового выращивания сельскохозяйственной продукции на промышленных площадях [2]. Еще большую категоричность демонстрирует Э. Уилсон, отвергая необходимость использования машины для работы в саду на том основании, что машина «негармонична» системной организации садового биоценоза [3].

Позиции, представленные Ф. Сен-Марком и А. М. Михайловским, можно рассматривать комплексно, поскольку их концептуальные построения принципиальных различий между собой не содержат. Эти исследователи полагают социализацию пользования природными богатствами необходимым условием

гармонизации отношений общества и природы с последующим внедрением коэволюционных параметров в практику социального природопользования [4, 5].

Формирование единого синтетического подхода затрудняется тем, что его практическая реализация связана с комплексом проблем, еще не нашедших однозначного решения в науке. К ним относятся естественнонаучная и философская интерпретации проблемы прогрессивного и регрессивного развития биосферы, проблемы структурной организации экологических систем, выявление механизма их саморегуляции в связи с перспективой замены на механизмы антропогенной регуляции и др.

Основной целью авторского исследования в настоящей статье является попытка аргументировать постулат о принципиальной возможности и, более того, актуальной необходимости социоприродного сосуществования, а также определить основные экологические параметры и перспективы коэволюционной динамики.

Для автора также очевидно, что попытка любого «безотносительного» по отношению к человеку и его социальным потребностям рассмотрения коэволюционной динамики неизбежно приводит к неоправданной абстрактности концептуальных построений, что обуславливает общую уязвимость подхода. Какой бы заманчивой ни представлялась перспектива замены монокультурных агроценозов на сложнообразованные, биологически более продуктивные естественные экосистемы, этот вариант в практике социоприродного взаимодействия является тупиковым. Само понятие биологической продуктивности в данном контексте содержит элемент абстракции, и при его конкретизации становится очевидным, что продуцируемый естественной системой объем биомассы в принципе не может обеспечить условий нормальной жизнедеятельности человека, которому биомасса нужна в конкретном проявлении, прежде всего в виде продуктов питания. В «естественной» природе человек прожить не в состоянии, тогда как развитая искусственная экосистема, значительно дополненная комплексом технических и технико-биологических средств, может обеспечить нормальное развитие и само существование человека.

Козволюционные ориентации в теории и практике социального природопользования

В теоретическом анализе проблемы оценки результатов техногенного преобразования природной среды объединены усилия представителей различных научных дисциплин. В рамках такой теории (своеобразной метанауки об интегративных процессах в коэволюции человека и природной среды) допускается перспектива достижения оптимального варианта трансдисциплинарного синтеза естественных и общественных наук, потребность в котором постоянно возрастает.

Возможность грамотной коррекции процесса технического освоения природной сферы может быть достигнута только на высоком уровне научно-технической вооруженности общества и развитости социальной системы. Если активная социальная деятельность по восстановлению утраченных биосферой состояний не противоречит объективному ходу ее развития, а наоборот, способна содействовать этому процессу как на локальном, так и на глобальном уровне, то, следовательно, возражения против функционального единства природного и техногенного должны быть сняты. Техническое и природное не находятся в отношении взаимоисключения, и для реализации этой возможности необходимы определенные социально-экономические условия, предполагающие высокую научно-техническую оснащенность общества.

Критерии соответствия принципу трансформации вещества и энергии, характерному для природных экосистем, могут быть положены в основу концептуально-нормативного описания коэволюционной целостности. Подобно тому как в биогеоценозах «многообразие видов организмов обуславливает возможность замкнутого цикла в движении вещества и энергии, так и в общественном производстве само многообразие его видов служит важной предпосылкой обеспечения замкнутости контуров технологических процессов» [4, с. 47].

Несложно заметить, что оценочным критерием в этом случае выступает биогеоэкологический показатель – степень функционального соответствия динамик природных циклов, и проявляется именно в количественном выражении.

Проблема построения такой системы не сводится к созданию комплекса предприятий, негативное влияние которых на окружающую среду будет близким к нулевому, а сложности преодоления противоречий между природными и техногенными процессами заключаются не только в организации экологически оптимальных метаболизм на уровне локальных экосистем. Следует учесть, что технические системы не обладают системностью развития, свойственной живой материи, и задача обеспечения необходимой коррекции между отдельными элементами целого становится социальной функцией.

Основные функциональные характеристики коэволюционной системы определяются способностью к эффективной утилизации и реутилизации вовлекаемых в хозяйственный оборот природных ресурсов, а показателем пределов, в которых возможно и допустимо техногенное преобразование природной среды, является сохранение способности биосферы к выполнению функций постоянного поддержания системы жизнеобеспечения планетарной биоты.

Необходимо учитывать, что антропогенная деятельность на современном этапе не сводится к созданию технических комплексов, оказывающих влияние на окружающую среду, а выступает также в виде целенаправленных антропогенных преобразований естественных экологических систем (процесс «окультуривания» природы).

Возникновение развитых технических систем в структуре биосферы основывается на необходимости удовлетворения постоянно возрастающих потребностей. Но остается неясным, возможно ли формирование социоприродной саморазвивающейся системы на уровне естественной природы или для ее реализации необходимо создание таких экологических систем, которые могли бы включить техногенные факторы в качестве внутренних, необходимых условий своего существования.

Как результат техногенного воздействия на абиотические компоненты среды такая связь с биотическим компонентом природной среды – животным и растительным миром, носит опосредованный характер и осуществляется путем изменения среды обитания живых организмов

Козволюционный подход к системе «человек – общество – природа» отражает концептуально-нормативное описание процесса формирования нового этапа в развитии земной биосферы, возникновение которого обусловлено целенаправленным антропогенным преобразованием природной среды в глобальных масштабах. Становление таких систем – закономерный этап в развитии социоприродного взаимодействия, а признак этого процесса – появление в рамках биосферы социально-детерминированных экологических систем с высокой степенью взаимопроникновения и взаимозависимости природного и искусственного.

Природная среда, которая подверглась антропогенному преобразованию, не может быть чем-то внешним, принципиально иным по отношению к биосфере. Экокомплексы, помимо выполнения социальных функций, должны сохранить свою функциональную определенность в системе природных связей, поэтому становление козволюционной системы «человек – общество – природа» выступает как естественный этап в эволюции биосферы, отличающийся от предыдущих тем, что к числу факторов, детерминирующих развитие природных систем, добавляется воздействие антропогенного характера. На этом уровне экологическое обеспечение живого вещества требует оптимального сочетания биологической деятельности организмов и техногенной деятельности человеческого общества, и перед человеком стоит задача объединить живое вещество естественной природной среды с комплексом искусственных урбанотехнических объектов в единую саморазвивающуюся систему. В процессе создания нового состояния экологического самообеспечения, необходимого человеку и сосуществующим с ним формам живого вещества, появляется возможность экстраполировать способы построения техногенных систем по образцу природных, приспособлявая их к специфическим условиям козволюционной системы.

Замена естественного механизма саморегуляции природных систем на антропогенный рассматривается в связи с анализом возможности управления процессами трансформации вещества и энергии не только между живыми организмами и средой их обитания, но прежде всего между техногенными

и природными системами, что особенно актуализирует задачу устранения стихийных воздействий на биосферу [2, с. 32].

В основу организации коэволюционной системы могут быть положены основные принципы существования биосферы: циклическая организация жизни, устранение и полезное преобразование вредных отходов, оптимальное использование материальных ресурсов и др. Организация такого социоприродного конструкта характеризуется тесной функциональной взаимозависимостью основных компонентов – социального (в техногенном аспекте) и природного (абиотических и биотических элементов). Принципы взаимозависимости природных и социальных факторов, характерные для антропогенно преобразованных биогеоценозов (культурных экологических систем), могут быть использованы в организации коэволюционной системы, и в этом смысле принципы организации, по которым построены культурные биоценозы, выступают своеобразной коэволюционной моделью.

Характерным компонентом модели, определяющим ее качественную специфику, является высокая степень зависимости живых организмов от целенаправленной техногенной деятельности. На практике такая зависимость может быть достигнута только на уровне системы с социально регулируемым режимом существования биогеоценозов. Например, многие окультуренные растительные организмы настолько изменены, что не способны эффективно потреблять необходимые химические элементы из «естественной» (необработанной) почвы, и для нормального протекания процессов ассимиляции и диссимиляции им необходимо создавать специальные условия агротехнического характера.

В обобщенной форме функции такой системы условно можно разделить на две группы – внешние и внутренние. К внешним относятся функции, выполняемые в системе биосферы как едином целом. Примерами реализации глобальных функций могут служить: поддержание стабильности состояния атмосферы, активное участие в газообмене, выполнение функций по биологической очистке среды обитания, участие в поддержании динамического равновесия различных биосферных компонентов и т.д. Выполнение этих функций характеризует коэволюционную систему как часть по отношению к целому – земной биосфере. В этом проявлении система является объектом естественнонаучного исследования.

Внутренние функции можно определить как социальные. Их реализация связана с обеспечением условий жизнедеятельности человека, удовлетворением его материальных запросов в системе, и в этом смысле такая реализация выступает аренной решения основного экологического противоречия, то есть противоречия между тем, в каком конкретно виде существуют жизненно важные элементы в окружающей среде, и тем, в каком выражении они могут удовлетворять потребности человека [3, с. 121].

Обобщая структурно-функциональные характеристики, козволюционную систему можно определить как часть земной биосферы, состав, структура и энергетика которой в сущностных чертах обусловлены техногенной деятельностью человека, обеспечивающей динамику социоприродных циклов трансформации вещества, энергии и информационно-регулятивных процессов. Существенной характеристикой указанной системы является структурно-функциональное единство природных и социальных факторов, выражающихся в образовании устойчивой динамичной целостности, в которой протекание природных процессов в определяющей степени детерминировано развитием социального компонента. Козволюционная система – часть природной среды, преобразованная в процессе антропогенеза в целях достижения ее максимального соответствия потребностям человечества. Такое понимание обладает следующими достоинствами: в нем определен структурно-функциональный статус биоценоза в структуре земной биосферы и отмечено качественное отличие нового, порожденного социальной деятельностью, образования. Также важным является то обстоятельство, что система трактуется как результат целенаправленной антропогенной деятельности.

На нынешнем этапе взаимодействия человека и природы главной предпосылкой козволюционной системы выступает совокупность разрозненных, имеющих опосредованную функциональную взаимосвязь культурных экологических систем со сходной структурной определенностью. В дальнейшем с развитием социального природопользования территориально разобщенные культурные экосистемы приобретут устойчивые как в пространственном, так и в функциональном отношении связи и в их состав войдет система экологически оптимальных производственно-технических комплексов.

С позиций системного подхода взаимодействие человека и природы на уровне козволюционной системы характеризуется тем, что общество и антропогенно преобразованная среда рассматриваются в качестве обменивающихся информацией внутренних подсистем динамичной саморазвивающейся системы. Данная система, в свою очередь, обладает способностью к саморегулированию, в то время как ее элементы (человек и природа) в значительной мере утрачивают способность саморегулирования независимо друг от друга. Тесная функциональная взаимозависимость природных и социальных систем, дополненная возможностью влияния человека на биотические системы всех уровней организации, включая биосферу, подчеркивает необходимость перехода от стихийных форм антропогенной деятельности к разумным формам. Целенаправленное антропогенное преобразование природной среды в глобальных масштабах с необходимостью детерминирует формирование новых отношений между человеком и окружающей природой, характеризующихся высоким уровнем взаимопроникновения природного и социального факторов в целях обеспечения нормальной жизнедеятельности планетарной биоты во

всем многообразии ее проявлений. Кардинальные изменения коррелятивных связей в коэволюционной системе, связанных с возникновением регулируемой природной среды, свидетельствуют о становлении нового этапа в развитии биосферы.

Каждый этап в истории развития такого динамического объекта, как коэволюционная система, выдвигает свои актуальные проблемы в качестве объекта теоретического исследования. Содержание глобального процесса, охватывающего практически все стороны взаимодействия общества с окружающей природной средой, заключается в качественном изменении роли социального фактора в обеспечении темпов и направлений дальнейшего развития всей совокупности биосферных компонентов, в усилении регулятивных функций общества по отношению к природе в связи с развитием научно-технической революции [5].

Антропогенная регуляция динамического равновесия природных экосистем отличается от биотической саморегуляции целенаправленным характером, тем, что основывается на определенной гипотетической схеме, а эффективность регуляции в итоге зависит от того, насколько научно обоснована схема. В связи с этим возрастает роль способа воздействия человека на природу, выбора цели, обоснования и прогнозирования конечного результата, а также разработки методов определения эффективности антропогенного преобразования.

Рассматривая перспективы возможности трансдисциплинарного описания коэволюционных систем, следует иметь в виду, что на нынешнем этапе взаимодействия общества с окружающей средой всепроникающая деятельность человека уже не позволяет в чистом виде изучать природу. В процессе развития биосферы, с одной стороны, и поступательного развития общественного организма – с другой реальный статус человека в системе биосферы претерпел значительные изменения, это привело к тому, что сегодня многие природные процессы протекают под непосредственным или опосредованным влиянием антропогенных факторов. Биосфера как открытая динамичная система включает в качестве своего компонента человека с его социальными атрибутами. Степень социальной детерминации природных процессов на различных уровнях структурной организации биосферы настолько возросла, что следует говорить о правомерности выделения *антропогенного* круговорота вещества и энергии, отличающегося от естественных – биотического и геохимического, а также о необходимости различать естественную и антропогенную типы эволюции. Зависимость природных биосистем от социального влияния в структуре биосферы носит крайне неоднородный характер, а мера участия антропогенных факторов в трансформации вещества и энергии выражает степень взаимопроникновения природного и социального в каждой конкретной экосистеме. Так, для природных систем различных географических регионов характерны особенности взаимодействия природных и социальных факторов,

выражающие специфику структурно-функциональной организации. Экосистемы, обладающие устойчивостью к антропогенному воздействию, в большей мере способны к сохранению своих функциональных связей в системе биосферы, и наоборот, низкая экологическая пластичность является причиной многих антропогенных преобразований.

Структурную организацию биосферы составляют качественно разнообразные по своему составу компоненты: живое вещество (включающее в себя всю совокупность живых организмов), биогенные вещества – продукты жизнедеятельности живых организмов, скапливавшиеся на протяжении длительной эволюции биосферы, биокосные вещества, создаваемые живыми организмами, косные вещества и вещества космического происхождения.

В основе системности биосферы лежит функциональная организованность ее компонентов, которая состоит в трансформации живым веществом вещественно-энергетических и информационных потоков. Организованность природных элементов заключается не только во взаимосвязи эволюционных процессов на каждом из уровней организации биогенных систем, но и в строгой функциональной взаимозависимости и взаимодополнении каждого отдельного материального элемента со средой. Функциональные отношения являются связующим и системообразующим фактором природных систем. При этом морфологическое многообразие элементов биосферы компенсируется их функциональным единством – геохимической деятельностью живого вещества, результаты которого связывают в одно целое все структурные компоненты биосферы.

Организованность биосферы означает ее определенное строение, сопряженное с явлениями жизни. Выражая внутреннее единство биосферы как целостной саморазвивающейся геологической оболочки планеты, понятие организованности биосферы устанавливает единство биогеохимических процессов на всех структурных уровнях биосферы. Функции живого вещества в системе биосферы разнообразны по формам и масштабам проявления, а их совокупность определяет химические превращения в биосфере – газовые, окислительно-восстановительные, биохимические и биогеохимические.

Принципиальным представляется то обстоятельство, что геохимическое выражение живой природы позволяет определить соотношение между организмами и средой их обитания, расширяя тем самым возможности нормативной интерпретации биосферной динамики.

Неизменность массы живого вещества сочетается с эволюционным процессом изменения форм жизни, выражающимся в перегруппировке химических элементов в организмах, поэтому эволюция биосферы обусловлена изменением (как правило, качественным) и усложнением биогеохимических функций живого вещества. Системность биосферных комплексов проявляется в том, что каждый организм в эволюционном процессе выступает не обособленно, не только как представитель своего вида, а как составной элемент биогеоценоза – элементарной, «первичной», системы эволюционных преобразований.

Из этого логически следует авторский вывод, что движущей силой эволюционного процесса является борьба противоположностей: организма как носителя биологической формы движения материи и окружающей его природной среды, развитие которой одновременно детерминирует эволюцию вещества.

Жизнедеятельность организмов приводит к качественным изменениям условий жизни, вызывающим преобразование норм реагирования в такой же мере, как вековые изменения климата, геологические преобразования поверхности Земли, глобальные катаклизмы и т.д. На основе представлений о глубокой связи живого вещества со средой обитания углублены представления об эволюционном процессе живой материи.

Этот подход указывает на существование определенного направления, в котором должен идти эволюционный процесс организмов в биосфере. Изменения в биогенной миграции элементов, связанные с увеличением пространственных параметров реализации этого процесса, находятся во взаимосвязи с эволюцией живых организмов в их популяционном и видовом выражении.

Характерной чертой биосферной эволюции является чередование периодов относительно спокойного хода процесса с периодами активного формообразования, которые могут быть определены как революционные периоды в общей эволюции биосферы. Каждый этап революционных преобразований сменялся длительным периодом эволюционных накоплений, предпосылок для перехода на качественно новый уровень организации биосферы [4, с. 153].

Синтез органического вещества – соединение организмами-автотрофами исходных минеральных соединений с использованием солнечной энергии – детерминирует развитие и пространственную экспансию живого вещества.

Обратный процесс – разложение сложных органических соединений с последующим образованием минеральных соединений – выступает источником увеличения абиотических компонентов биосферы.

В основе развития биосферы лежит борьба противоположностей: организма и окружающей его среды как неразрывных частей, и именно противоречия между живым и абиотическим веществом, а не внутренние противоречия организмов (процессы ассимиляции и диссимиляции), выступают определяющими факторами эволюции природных систем на всех уровнях их организации.

Органическую эволюцию движет противоречие между постоянно изменяющимися условиями внешней среды и наследственностью организмов, которое обусловило возникновение таких свойств живых систем, как гомеостазис, наследственная изменчивость, приспособляемость к динамике условий среды существования.

Эволюция биосферы базируется на прогрессивном развитии живых систем, составляющих ее структурно-функциональную определенность, и ха-

рактируется следующими основными показателями: изменение структуры биосферы, включающее в себя образование биогенной среды, развитие автотрофной биоты планеты, накопление значительных запасов органического вещества, пространственное увеличение пленки жизни на поверхности планеты; усложнение и усовершенствование функций биосферных систем и отдельных элементов, выступающих в форме накопления свободного кислорода в атмосфере, обеспечения нормального протекания процессов биотической трансформации биогенных химических элементов, формирования и развития механизмов саморегуляции природных систем, поддержания биогеохимического круговорота; прогрессивное усложнение организации жизни, проявляющееся в возникновении социальной формы движения материи и в дальнейшем развитии этой формы. В каждой отдельной экологической системе в зависимости от величины и сложности ее организации эти показатели имеют конкретное выражение. Специфика их проявления определяется структурно-функциональными особенностями их биотического блока, а также их ролью в трансформации вещества и энергии в биосфере [5, с. 42].

Эволюция органического мира выступает как неразрывный процесс прогрессивного развития популяций, видов, надвидовых таксономических единиц и биогеоценозов как динамичных открытых подсистем единой экологической системы – биосферы.

Научный анализ коэволюционного этапа эволюции биосферы требует выяснения роли человека как новой геологической силы, которая детерминирует качественное изменение многих природных процессов, и как фактора, выступающего своеобразным посредником между живой и неживой природой в процессе синтеза органических соединений. Человек участвует в процессе движения вещества в системе биосферы, а его производственная деятельность является составным элементом биосферных вещественно-энергетических круговоротов. Биосфера выступала в качестве системы двух взаимодействующих параметров: биогенного и абиогенного, – которые за длительный период синтетического развития достигли высокой степени взаимной корреляции. В производственном процессе создаются новые возможности для трансформации продуктов геохимической деятельности в структуру жизнедеятельности организмов, поскольку этот процесс включает в себя геохимическую деятельность в качестве функционального аспекта [6, с. 17].

Развитие человечества связано с пространственной экспансией, социальной деятельностью и качественным изменением форм антропогенного воздействия на биосферу. Сопутствующая ему урбанизация привела к формированию третьего параметра биосферы – антропогенного, перспективы развития которого связаны с возможностью изменений сбалансированности живых систем с динамикой абиогенных природных процессов [7, с. 26]. Превращая

природу в объект целесообразного производственного воздействия, человек берет на себя функции регулирования процесса развития природной среды на уровне коэволюционной системы планетарного уровня. Выполнение этих функций обеспечивается способностью человека к сознательному преобразованию своей природной среды, и прежде всего способностью воздействовать непосредственно на механизм эволюции – изменчивость, отбор и наследственность.

Изменения природной среды под непосредственным влиянием антропогенных факторов приводят к появлению принципиально нового уровня взаимодействия человека и природы, характеризующегося структурно-функциональной взаимоопределенностью природных и социальных факторов, и к возникновению экологических систем, в которых детерминация протекания природных процессов будет носить выраженный антропогенный характер.

Заключение

Таким образом, в соответствии с естественнонаучным содержанием биогеохимической концепции в основе развития биосферы лежит противоречие между процессами образования живого вещества и его разложения. Определяющим условием нормального функционирования биосферы в ее поступательном развитии является уравновешенность между противоположно направленными процессами. Именно эта сбалансированность, по нашему мнению, и составляет искомый объект трансдисциплинарного описания как отдельного биосферного комплекса, так и в целом природной среды обитания человека.

Из изложенного можно заключить, что анализ биогеоэкологического описания биосферных процессов, обусловленных активной техногенной деятельностью, приводит к выводу о необходимости усиления коррелятивных связей между различными концептуальными позициями.

Формирование единого синтетического подхода затрудняется тем, что его практическая реализация связана с комплексом проблем, еще не нашедших однозначного решения в науке. К ним относятся естественнонаучная и философская интерпретации проблемы прогрессивного и регрессивного развития биосферы, структурной организации экологических систем, выявление механизма их саморегуляции в связи с перспективой замены на механизмы антропогенной регуляции и др.

Окружающая человека природная среда обитания может «оптимизироваться» путем антропогенного преобразования, вопрос заключается в достаточной научной обеспеченности природопреобразующего процесса, выработке обоснованных параметров оптимальности социоприродного взаимодействия и строгом следовании экологическим критериям.

Список использованных источников

1. Моисеев, Н. Н. Человек, среда, общество: проблемы формализованного описания / Н. Н. Моисеев. – М. : Наука, 1982. – 240 с.
2. Колчинский, Э. И. Эволюционный процесс в современной биосфере / Э. И. Колчинский // Филос. науки. – 2000. – № 1. – С. 34–37.
3. Уилсон, Э. Будущее Земли: наша планета в борьбе за жизнь : пер. с англ. / Эдвард Уилсон. – М. : Альпина нон-фикшн, 2017. – 280 с.
4. Сен-Марк, Ф. Социализация природы / Ф. Сен-Марк. – М. : Прогресс, 2007. – 440 с.
5. Михайловский, А. Ю. Человек в системе отношений / А. Ю. Михайловский. – Одесса : ОСТОС, 2017. – 176 с.
6. Широканов, Д. И. Категории диалектики и развитие обобщений в истории научного познания / Д. И. Широканов // Академик Широканов Дмитрий Иванович: философия, методология, познание / сост.: В. Г. Гавриленко, Р. И. Ядевич ; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2016. – С. 273–285.
7. Рябкова, С. А. Возникновение и основные проблемы вхождения концепции устойчивого развития в мировую политику и науку / С. А. Рябкова // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманитар. и социал. науки. – 2010. – № 2. – С. 12–21.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

УДК 101.1:316.4.051

Поступила в редакцию 30.12.2021

Received 30.12.2021

Т. И. Адуло

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

В статье представлены две базовые методологические модели постижения сущности социальности, получившие признание на постсоветском пространстве на рубеже XX–XXI веков, – тектология (всеобщая организационная наука) А. А. Богданова и синергетика. Не отрицая их права на существование, автор актуализирует значимость диалектики, представляет ее в качестве основного метода философской рефлексии современной эпохи. Диалектика выступает в виде сплава фундаментальных теоретических знаний, логики и высокой культуры философского мышления познающего субъекта, позволяющего ему постигать сущность социума и в не меньшей степени обладающего способностью формировать интеллектуально развитого, мыслящего человека, что особенно важно в условиях глобальной социодинамики и политической нестабильности. Указано на значимость определения базовых категорий диалектики, четкого фиксирования их содержания, чего не наблюдается в современных философских исследованиях, выстраиваемых на так называемой плюральной методологической установке, «размытых» в содержательном плане понятиях и категориях, например «ризомы». Сделан вывод о том, что, несмотря на негативное отношение к диалектике, она не остановилась в своем развитии, в том числе в силу объективно вызревшей гносеологической потребности в новых категориях и необходимости конкретизации содержания уже известных понятий и категорий применительно к динамично развивающемуся бытию.

Ключевые слова: современная историческая эпоха, социальность, тектология, синергетика, диалектика, интеллект

T. Adoulo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ON THE METHODOLOGICAL BASIS OF PHILOSOPHICAL REFLECTION OF THE MODERN ERA

The article presents two basic methodological models of comprehension the essence of sociality, which were recognized in the post-Soviet area at the turn of the 20th – 21st centuries – tectology (general organizational science) by A. A. Bogdanova and synergetics.

Without denying their right to exist, the author actualizes the significance of dialectics, presents it as the main method of philosophical reflection of the modern era. Dialectics acts as an alloy of fundamental theoretical knowledge, logic and a high culture of philosophical thinking of the cognizing subject, allowing him to comprehend the essence of society, and no less able to form an intellectually developed, thinking person, which is especially important in the context of global sociodynamics and political instability. It is pointed out the importance of defining the basic categories of dialectics, clearly fixing their content, which is not observed in modern philosophical studies based on the so-called "pluralistic" methodological attitude, concepts and categories "blurred" in terms of content, such as "rhizome". It is concluded that, despite the negative attitude towards dialectics, it has not stopped in its development, including due to the objectively matured epistemological need for new categories and the need to concretize the content of already known concepts and categories in relation to dynamically developing being.

Keywords: *modern historical epoch, sociality, tectology, synergetics, dialectics, intellect*

Современный мир достаточно далек от стабильности, хотя еще в 2000 г. Организацией Объединенных Наций (ООН) была принята Концепция устойчивого развития («Цели развития тысячелетия») и предложена система конкретных мер по ее практической реализации. В частности, в докладе Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша от 8 мая 2019 г. отмечается: «Во многих частях мира усиливаются конфликты и нестабильность, причиняя людям невыразимые страдания, негативно сказываясь на достижении целей в области устойчивого развития и даже сводя на нет уже достигнутый прогресс... Достижение целей в области устойчивого развития осложняется также экономической динамикой... Рост неравенства доходов и благосостояния может подрвать усилия по достижению целей в области устойчивого развития» [1, с. 5].

Причины нестабильности мира носят объективный и субъективный характер. Объективные основания нестабильности заключены в онтологии самих общественных процессов – атрибутивном характере социальных противоречий, вне которых развитие социального организма невозможно. Субъективные основания нестабильности общества связаны с деятельностью самих участников социальных процессов – людей, а также с недостаточной теоретической обоснованностью их практических действий на национальном и наднациональном уровнях. В современной философской науке, призванной теоретически обеспечивать общественные процессы, наблюдается необоснованная и абсолютно не отвечающая практическим запросам актуализация венаучных способов постижения мира, на которых в свое время акцентировали свое внимание М. Вебер и Г. Гадамер.

В данной статье предпринята попытка раскрытия значимости теоретического обеспечения общественных процессов. Речь, безусловно, пойдет не о роли всей теоретической мысли, не о мышлении человечества в целом, а лишь о значимости социально-философского знания в этом процессе.

Конкретный эмпирический материал, ежедневные социальные факты свидетельствуют о явной рассогласованности социальной теории и социальной практики. Причинами тому могут быть либо не отвечающий запросам современной социальной практики уровень социально-философской теории, либо нежелание лиц, отвечающих за принятие практических решений, руководствоваться предложенными учеными-обществоведами теоретическими разработками. Впрочем, могут иметь место и обе причины. На самом деле так оно и есть: в отсутствии необходимых условий для теоретического обеспечения общественных процессов виновны и теоретики, и в не меньшей степени практики. Не касаясь профессиональной деятельности управленцев (практиков), поведем речь о теоретиках – попытаемся выяснить состояние и когнитивный потенциал современной социально-философской теории и дать ответ на вопрос относительно адекватности ее уровня тем сложным проблемам и вызовам, с которыми столкнулось человечество в первой четверти XXI века.

Кто в наше время занимается и кто обязан заниматься решением этой проблемы, в рамках какой дисциплины представляется возможным это делать? На этот и другие связанные с теоретическим обеспечением общественных процессов вопросы мы вправе дать ответы. В свое время Ф. Энгельс пришел к такому заключению: «Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей» [2, с. 290]. Между тем и сама философия, как отмечает современный французский исследователь Ж. Бенуа, «терпит издержки по причине своей пассивности» [3, р. 139], то есть теряет кредит доверия общественности. Активное творческое развитие философского мышления, философской культуры общества в целом будет служить как теоретическому обеспечению общественных устоев, так и повышению социального статуса самой философии.

Начиная с древних времен формирующееся теоретическое мышление стремилось проникнуть в тайны общественных процессов, постичь их сущность. Вот и сейчас эту сверхсложную задачу пытаются решать некоторые социальные философы. Но прежде чем анализировать и давать оценку их профессиональной работе в этом направлении, рассмотрим состояние самой социальной философии.

В виде самостоятельной дисциплины социальная философия сформировалась не так давно – в конце 1980-х годов, накануне распада СССР. Ее дальнейшее развитие проходило уже в интеллектуальном пространстве обособившихся постсоветских государств с учетом специфики функционирования их научных секторов и политических интересов. Мы до сих пор не обладаем надежной информацией, позволяющей судить о состоянии данной дисциплины

в ближнем зарубежье. В какой-то степени картина состояния философской мысли и философского образования на постсоветском пространстве прояснилась благодаря изданной в 2021 г. в Институте философии и социологии Национальной академии наук Азербайджана монографии «Преподавание современной философии: методология, теория и практика» [4], авторами которой являются азербайджанские, российские, казахстанские, украинские и белорусские исследователи. Как выяснилось, несмотря на тридцатилетний путь самостоятельного национального развития, у постсоветских государств по-прежнему имеется много общего в сфере философской культуры, причем как позитивного, так и негативного.

Отчасти это связано с процессом «переформатирования» философии, решительным ее отказом от «советскости» и с неумной устремленностью к чему-то иному. На рубеже 1980–1990-х годов ведущим центром по «переосмыслению» советской философии стал Институт философии Академии наук СССР, в дальнейшем – Институт философии Российской академии наук. В его структуре были перепрофилированы или упразднены подразделения, занимавшиеся разработкой проблематики диалектического и исторического материализма, изменены программы научных исследований и уже сверстанные планы научных изданий (кстати, вскоре по указанию Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии таким же образом поступили и в Институте философии Академии наук БССР).

Радикальным образом изменились мировоззренческие установки многих исследователей, взгляды на философию как дисциплину. В связи с этим нельзя не сказать о мощной критической кампании, развернутой по отношению к материалистической диалектике, в которой активно участвовали даже те ученые, которые в недалеком прошлом были ее разработчиками. Так, автор фундаментального исследования «Формирование философии марксизма» Т. И. Ойзерман не только выступил противником научного статуса философии, но и усомнился в научности и эвристичности материалистической диалектики как метода познания окружающего мира и самого человека. Он пришел к выводу о том, что «ряд категориальных форм мышления не получил в системе диалектического материализма основательной разработки» [5, с. 140]. По этой причине «диалектический материализм (или, говоря другими словами, материалистическая диалектика) не может быть общенаучной теорией и методом исследования, так как в каждой науке исторически вырабатывается соответствующий предмету ее исследования метод и его теоретическое обоснование, которые воспринимают те или иные черты диалектического метода, но не превращаются в силу этого в диалектико-материалистическое исследование. Поэтому материалистическую диалектику следует понимать как философское осмысление истории познания природы и общества, теоретическое обобщение сущности многообразных, качественно различных закономерностей, короче

говоря, как философскую, а не общенаучную теорию и метод» [5, с. 154]. При этом у автора встречаются не вполне аргументированные оценки творчества классиков марксизма. Например, Т. И. Ойзерман считает, что Ф. Энгельс «говорит о диалектическом характере “современного материализма”». Однако и у него я не нахожу выражения “диалектический материализм”; характеризуя свои философские воззрения, Энгельс чаще всего говорит о материализме, о материалистической диалектике. Речь, разумеется, идет о диалектическом материализме, а почти полное отсутствие этого выражения, очевидно, объясняется тем, что свои философские воззрения Энгельс, как это ни парадоксально, трактовал как преодоление философии» [5, с. 112].

Для прояснения ситуации обратимся к текстам самого Ф. Энгельса. В предисловии к трем изданиям «Анти-Дюринга» он указывал: «Уразумение того, что существующий немецкий идеализм совершенно ложен, неизбежно привело к материализму, но, следует заметить, не просто к метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно революционному, простому отбрасыванию всей прежней истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества и ставит своей задачей открытие законов движения этого процесса... *современный материализм является по существу диалектическим* (курсив наш. – Т. А.) и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками» [2, с. 24–25]. О «современном материализме», который является «диалектическим», Ф. Энгельс утверждал и в своей фундаментальной работе «Развитие социализма от утопии к науке». Он отмечал: «...современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше в стоящей над прочими науками философии» [6, с. 207]. То есть Ф. Энгельс признавал «материализм диалектический», считал, «что диалектика существует в действительности» [7, с. 323]. И относительно имевшего, якобы, место «отказа» немецкого классика от философии: в данном случае речь у Ф. Энгельса шла вовсе не об отказе от философии, а лишь об отказе от прежней философии, претендовавшей на роль «науки наук». Правда, чуть позже Т. И. Ойзерман частично пересмотрел прежнюю точку зрения. В статье «Диалектический материализм», опубликованной в первом томе «Новой философской энциклопедии», он указал: «Маркс и Энгельс доказали необходимость диалектического материализма, предполагающую материалистическую переработку идеалистической диалектики, диалектическую переработку предшествующего материализма и диалектико-материалистическое осмысление и обобщение научных достижений. Они заложили основы этого принципиально нового типа философии» [8, с. 658].

В целом же начиная с 1990-х годов диалектика в качестве метода познания была практически отвергнута и политиками, и философским сообществом постсоветского пространства. Вместо нее сначала предложили тектологию А. А. Богданова, а вслед за ней – синергетику.

Поскольку тектология вызвала своеобразный резонанс на постсоветском пространстве и, по мнению отдельных исследователей, до сих пор является «востребованной как научная общесистемная концепция менеджмента современного общества» [9, с. 53], остановимся на учении русского мыслителя детальнее.

Разработке и пропаганде тектологии, или же всеобщей организационной науки, А. А. Богданов посвятил всю свою жизнь. Мыслитель исходил из признания человеческой деятельности как организующей или дезорганизующей. Но последнее представлялось им как «результат столкновения разных *организационных* процессов». Поэтому «у человечества нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных». Ученый резко отрицательно высказывался по поводу неорганизованности. Он считал понятие «полная неорганизованность» категорией без смысла, «голым небытием» [10, с. 30–32].

А. А. Богданов, по его словам, раньше других осознал «необходимость выработки универсально общих организационных методов, которая положила бы предел анархичности в дроблении организационного опыта» [10, с. 27], и в связи с этим предпринял энергичные усилия для их разработки. Своей целью ученый определил создание всеобщей организационной науки (тектологии), задача которой сводится к систематизации организационного опыта. По мысли А. А. Богданова, «тектология должна выяснить, какие способы организации наблюдаются в природе и в человеческой деятельности; затем – обобщить и систематизировать эти способы; далее – объяснить их, т. е. дать абстрактные схемы их тенденций и закономерностей; наконец, опираясь на эти схемы, определить направления развития организационных методов и роль их в экономии мирового процесса» [10, с. 74].

За исходный пункт всеобщей организационной науки (тектологии) А. А. Богданов принял «прогрессивную универсализацию методов», которая, по его мнению, началась с распространения машинного производства и базируется на энергетизме». Под «энергетизмом» мыслитель понимал «использование энергий путем их планомерного превращения из одних форм в другие» [10, с. 27]. Это касается как природы, так и человека. В этом плане «науки социальные, отстающие в своем развитии, менее точные вследствие сложности своего объекта и ряда затемненных общественно-идеологических моментов, все же начинают, в свою очередь, вступать на него (путь энергетизма. – *Т. А.*); этому сильно содействует их прогрессирующее сближение с биологией» [10, с. 27]. Наряду с энергетизмом в качестве базового принципа тектологии выступает принцип отбора (*Selection*), который также охватывает все сферы бытия, в том числе общественные науки. Таким образом, А. А. Богданов, по сути, стирал различие между природой и обществом и отстаивал идею о «*единстве механизмов* в самых разнородных группах явлений» [10, с. 27]. Важнейшая компонента тектологии – универсализация методов, по мнению мыслителя, состоит

в том, что создаваемая новая наука «имеет дело с организационным опытом не той или иной специальной отрасли, но всех их в совокупности... охватывает материал всех других наук», но «берет его только со стороны метода, т. е. интересуется повсюду способом организации этого материала» [10, с. 74].

Тем не менее следует признать, что сама тектология, несмотря на чрезвычайные усилия ее творца, не обрела законченного вида, то есть не стала научной дисциплиной. Так, в *первой* части «Всеобщей организационной науки», которая неоднократно перерабатывалась в процессе переиздания книги, рассматривались два феномена (универсальные организационные принципы) – «формирующий принцип ингрессии» («механизм формирующий») и «регулирующий принцип мирового подбора» («механизм регулирующий»). «Механизм формирующий» представлен в виде совокупности конъюгации (соединения комплексов), цепной связи (формы мышления об организованных комбинациях), ингрессии (всеобщей формы цепной связи), дезингрессии (основной формы дезорганизации), отдельности комплексов, признаков и других элементов. К «механизму регулирующему» отнесены консервативный подбор (сохранение существующих форм), подвижное равновесие и прогрессивный подбор (прогрессивное развитие комплексов и их относительный упадок). Значительное место в работе отведено исследованию устойчивости и организованности форм. Выделены, в частности, качественная и структурная устойчивость, закон относительных сопротивлений, закон наименьших в решении практических задач, структура слитная и «четочная», система равновесия.

Во *второй* части «Всеобщей организационной науки» продолжено исследование основных организационных механизмов. Автором выделены такие разделы, как «Расхождение и схождение форм» (закон расхождения, дополнительные соотношения, противоречия системного расхождения, разрешение системных противоречий – контрдифференциация, тектология борьбы со старостью, схожесть форм, вопрос о жизненной ассимиляции); «Формы централистические» (происхождение и развитие эгрессии – процесса концентрации организуемого содержания, дегрессии – процесса фиксирования организуемого содержания; их значение и границы, взаимоотношения); «Пути и результаты подбора» (подбор в сложных системах и в изменяющейся среде, подбор прямой и репрезентативный, отрицательный и положительный, познавательный подбор, обобщающая роль подбора).

Третья, заключительная, часть «Всеобщей организационной науки» содержит анализ кризисных форм (общие понятия о кризисах, типы кризисов, предельное равновесие, универсальность понятия кризисов и др.) и организационной диалектики (тектологический акт, диалектика формальная и организационная, структурный прогресс и регресс, путь образования и разрушения форм).

Дальше, по мнению ученого, предстояло создать специальные работы по приложению тектологии к отдельным областям науки. Впрочем, такую работу

активно осуществлял и сам теоретик. Например, в 1921 г. он выступил с докладом на Первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства. В качестве двух основных моментов научно-организационной точки зрения А. А. Богданов выделил следующие:

1. «Всякое организационное целое есть система активностей, развертывающихся в определенной среде, в непрерывном взаимодействии с нею» [11, с. 286].

2. «Каждая часть организованной системы находится в определенном функциональном отношении к целому» [11, с. 86].

Ученый обосновал необходимость четкой пропорциональности отраслей народного хозяйства, их взаимодостаточности. В качестве исходного пункта расчета предложил принять уровень человеческих потребностей.

Всеобщую организационную науку А. А. Богданов пытался применить и в области здравоохранения, а именно как эффективное орудие борьбы со старостью в виде «прямой физиологической конъюгации» (переливания крови). Проводившиеся под его руководством опыты в возглавляемом им Институте переливания крови закончились для испытателя трагически. Смерть А. А. Богданова наступила 7 апреля 1928 г. в Москве в результате неудачно проведенного опыта – он обменялся кровью с больным малярией.

Ученый был уверен в огромной практической значимости идей тектологии. Так, он подчеркивал: «Если девять лет тому назад моя попытка оказалась идеологически несвоевременной, то теперь уже дело обстоит совсем иначе. Пережитые годы – годы великой дезорганизации, как и великих организационных попыток, – породили во всем мире острую потребность в научной постановке вопросов организации» [10, с. 22].

А. А. Богданов признавал определенное сходство тектологии и диалектики. В частности это обнаруживалось при сопоставлении известной гегелевской триады с тектологическим актом, выступающим в виде трехступенчатого процесса. Но метод тектологии, по утверждению исследователя, более продуктивен по сравнению с диалектическим методом. «Итак, с нашей точки зрения, – резюмировал он, – старая диалектика еще недостаточно динамична и в своем голом формализме оставляет невыясненной общую механику развития, разве лишь минимально ее намечая» [10, с. 390].

Отмечая несомненные заслуги А. А. Богданова, одним из первых попытавшегося на теоретическом уровне осмыслить проблему организации и самоорганизации систем, нельзя не сказать и о том, что его учение все же противоречиво. Мыслитель задумал создать всеохватывающую теоретическую конструкцию. С этой целью сознательно отвлекался от чувственно-конкретного, эмпирического материала и уходил в мир «чистого», идеального бытия, то есть совершал восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному понятийно-категориальному уровню осмысления природы и общества. Он указывал: «Чтобы перейти в область собственно тектологии, надо отвлечься от конкретно-физиологического характера элементов, заменить их безразличными

символами и выразить связь их абстрактною схемою» [10, с. 76]. Но это, согласно классической философской методологии, лишь одна сторона (ступень) мыслительной деятельности познающего субъекта. Чтобы постичь сущность вещи, то есть всесторонне, во всем богатстве содержания, воспроизвести ее в мысли, необходимо совершить обратный переход от абстрактного к конкретному: наполнить абстрактные, отвлеченные мыслительные категории конкретным содержанием, воспроизвести в идеальной форме тот же объект, но на основе уже выработанных всеобщих понятий. А. А. Богданов пытался это сделать. Но перед взором читателя лишь попытка, не более. Созданная им система понятий, терминологически заимствованная из биологии и других естественных наук, чрезмерно схематична и оторвана от конкретной действительности. Предложенные абстрактные схемы, скрывающие конкретность под «безразличными символами», не проецировались на «грешную» землю – эмпирический опыт. И получилась не очень убедительная картина достигнутых результатов: тектология как новая методология, превзошедшая, якобы, философию, существовала сама по себе, а жизнь шла своим чередом.

Несомненно, как незаурядный мыслитель и творческий естествоиспытатель А. А. Богданов в своих теоретических разработках постоянно оперировал эмпирическим материалом из области медицины, биологии, физики, химии, то есть в большей мере естественнонаучным материалом (в этом, собственно, проявилась позитивистская методологическая установка ученого). Но в отличие от Ч. Дарвина, Д. И. Менделеева, И. П. Павлова и других ученых-естествоиспытателей, он шел не от опыта, а, напротив, от абстрактных теоретических конструкций к эмпирическому материалу, пытаясь им упрочить свою теоретическую концепцию. Эти «эмпирические подпорки» нередко выглядели искусственными, а потому и неубедительными.

Особенно уязвимой оказалась позиция А. А. Богданова в той области теоретических разработок, где он определял отношение тектологии к частным наукам и философии. Можно, по-видимому, согласиться с ученым в той части рассуждений, где он обосновывает необходимость тектологии как особой науки об организационных процессах в целом, способной по-новому взглянуть на известные факты и оказать практическую помощь управленцам всех уровней. Однако никак нельзя признать продуктивной попытку объяснения всех явлений и процессов исключительно с позиции тектологии. А ведь А. А. Богданов стремился создать именно такую универсальную, и по методам, и по своему содержанию, *всеобщую науку* – науку наук, которая «охватывает весь мир опыта» [10, с. 80] и которой принадлежала бы «объединяющая и контролирующая функция» по отношению к специальным наукам [10, с. 85]. Тектология в этом смысле задумывалась и создавалась автором как более фундаментальная наука по сравнению с философией. Конечно, в отличие от С. К. Минина, Э. С. Енчмена и других теоретиков той исторической эпохи, ученый

не считал нужным немедленно ликвидировать философию, а признавал за ней право на существование. Но лишь на *временное* существование, поскольку «по мере своего развития тектология должна делать излишней философию» [10, с. 86]. Таким образом, методологическая и гносеологическая роль философии была им неоправданно принижена. И в самом деле, какова роль философии, если в качестве всеобщего метода способна выступать лишь тектология, а «всякая задача практики и теории сводится к тектологическому вопросу» [10, с. 86].

Каково же реальное место А. А. Богданова в современной социально-философской мысли и способно ли идейное наследие ученого и политика-практика стать прочной теоретической основой для решения назревших проблем сегодняшнего общественного развития?

На основании изучения трудов ученого можно сделать следующее заключение об их идейно-теоретической и практической ценности в современных условиях.

Многогранное наследие А. А. Богданова (в том числе одна из основных его работ «Всеобщая организационная наука») на многие десятилетия выпало из поля зрения ученых, хотя посильно изучалось в советское время на философских факультетах. Но особую популярность оно обрело в конце 80-х годов XX в. Работы маститого автора, наряду с произведениями Н. А. Бердяева, Ф. Ницше, В. С. Соловьева, З. Фрейда, Э. Фромма, в те годы активно использовались как альтернатива марксизму. Можно ли признать эти работы фундаментальными в области социальной философии? Думается, что нет. Несомненно, А. А. Богданов – крупный мыслитель, но в социальной философии достаточно противоречивый. Он исходил из необходимости строительства социализма на базе «чисто пролетарской культуры», в которую включал и развиваемую им особую «организационную науку» как высшую ступень методологии.

Согласно концепции социалистического строительства А. А. Богданова, советскому обществу не хватило «культурности». Однако культура была. Великая культура. И люди были образованными. Не культура повинна во многих бедах прошлого. По А. А. Богданову, способом решения всех проблем могла бы стать апелляция к разуму, совести, чести – то есть просветительство. Но, как нам представляется, нужны и другие более эффективные рычаги: экономические, политические, правовые и т. п. Таким образом, проект гуманистического переустройства общества А. А. Богданова оказался лишь социальной утопией.

Попытка отыскать «универсальную отмычку» из прошлого для решения современных проблем не нова. Но в практическом плане она малопродуктивна. Жизнь не стоит на месте, а следовательно, и теория не может не обогащаться новыми идеями. Более того, она должна опережать практику, однако некоторые теоретики, наоборот, развивающуюся социальную практику пытаются загнать в прокрустово ложе старых схем, пусть и оригинальных.

С конца XX в. философы постсоветского пространства все активнее продвигают в качестве универсального метода синергетической. Сама же синергетика представляется ими как «междисциплинарное направление научных исследований, возникшее в начале 70-х гг. и ставящее в качестве своей основной задачи познание общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах самой разной природы: физических, химических, биологических, технических, экономических, социальных» [12, с. 545–546]. В данном случае имеются в виду разработки 1970-х годов бельгийского ученого И. Пригожина и немецкого физика Г. Хакена. Их суть сводится к следующему.

Прежде всего для разработчиков новой дисциплины характерен принципиальный отказ от жесткой детерминации структур, их линейной связи и ставка на самоорганизацию – формирование порядка из хаоса.

Характеризуя синергетику, обратим внимание на ее истоки, учтем то обстоятельство, что она формировалась в лоне и на базе естествознания. Это подтверждается практической деятельностью и опубликованными трудами профессора Штуттгартского университета Г. Хакена, заложившего теоретические основы исследования хаоса и процессов, связанных с формированием самоорганизующихся структур. Одно из базовых понятий синергетики «хаос» трактуется ученым «как *нерегулярное движение, описываемое детерминистскими уравнениями*» [13, с. 363]. Для раскрытия сущности хаоса им используются многочисленные модели химических реакций, изученные О. Ресслером, модель турбулентности жидкости Е. Н. Лоренца, теории лазеров (лазерных уравнений), теории колебаний А. А. Андропова, А. А. Витта и С. Э. Хайкина. Как отмечает Г. Хакен, значительная часть результатов, изложенных в его книге «Синергетика», «основана на адиабатическом исключении быстро релаксирующих переменных» [13, с. 373]. Лишь одна глава книги объемом в четыре страницы посвящена общественным процессам, а конкретнее – стохастической модели формирования общественного мнения [13, с. 359–362], в которой для раскрытия означенной проблемы используется математический аппарат – модель Изинга для ферромагнетика. В области гуманитаристики ученый предлагает идти «подобно тому, как это делается в физике, где не слишком много известно об индивидуальных взаимодействиях [13, с. 360]. Г. Хакен приходит к заключению, согласно которому модель Изинга «дает возможность объяснить, по крайней мере качественно, и другие процессы, например, неустойчивую ситуацию, когда параметр социального климата приближается к критическому значению... Такие модели, безусловно, весьма ценны для понимания общих свойств кооперативного поведения, даже когда речь идет о людях, хотя поведение одного какого-либо человека может быть чрезвычайно сложным и недоступным для математического описания» [13, с. 362].

Другой основатель синергетики, бельгийский физикохимик И. Пригожин, также выстраивал свои теоретические разработки, например теорию диссипа-

тивных структур, на базе естественных наук. «Изучение химических неустойчивостей в наши дни стало довольно обычным делом, – отмечают И. Пригожин и И. Стенгерс. – И теоретические, и экспериментальные исследования ведутся во многих институтах и лабораториях... эти исследования представляют интерес для широкого круга ученых – не только для математиков, физиков, химиков и биологов, но и для экономистов и социологов» [14, с. 107].

В отличие от методологов постсоветского пространства, многие из которых приняли синергетические разработки за последнее слово в области методологии, зарубежные ученые заняли более взвешенную позицию. Известный американский футуролог О. Тоффлер отмечает: «Если Пригожин и Стенгерс правы и случайность играет существенную роль лишь в самой точке бифуркации или в ее ближайшей окрестности (а в промежутках между последовательными бифуркациями разыгрываются строго детерминированные процессы), то не укладывают ли тем самым Пригожин и Стенгерс самую случайность в детерминистическую схему?» [15, с. 15].

На основании анализа работ в отрасли социальной философии, в которых был использован синергетический метод, мы приходим к выводу о том, что данный метод пока не в состоянии выступать в качестве инструмента, позволяющего получить истинное социальное знание, не говоря уже о его способности дать адекватную картину современной чрезмерно сложной социальной реальности, спрогнозировать динамику общественных процессов на ближайшую и отдаленную перспективы. Несмотря на активные усилия сторонников синергетики, до сих пор ими не определено содержание базовых категорий синергетики, не говоря уже об их систематизации. Так, скажем, исследователи не пришли к согласию относительно акцидентальности (случайности) или же субстанциальности (существенности) хаоса и порядка. Пока нет отечественных исследований, в которых на основе синергетического метода были бы раскрыты современные проблемные ситуации общественного развития, например, истоки и сущность протестного движения в Беларуси, кульминационным пунктом которого стал 2020-й год, или же внешне схожего, но не тождественного по существу социального феномена, имевшего место в Казахстане в начале 2021 г. Опубликованные аналитические материалы, касающиеся данных событий, выполнены учеными путем использования традиционных методов, выработанных и апробированных в рамках эмпирической социологии, политологии, социальной психологии и т.д.

Достаточно критично по отношению к синергетическому методу высказался известный российский философ Ю. И. Семенов. Он отметил: «По мнению И. Пригожина, самоорганизующий процесс первоначально всецело подчинен детерминизму, затем в результате нарастания флуктуации или комбинации флуктуаций существующая его организация не выдерживает и разрушается. В этот момент, который И. Пригожин называет особой точкой или точкой

флуктуации, наступает господство случайности. Развитие становится неопределенным. После выбора одного пути из массы возможных вновь вступает в силу детерминизм и так до следующей точки бифуркации. Понять, что любой процесс на всех этапах своего развития одновременно и предопределен, и неопределен, причем на одних стадиях может выступить на первый план предопределенность, а на других – неопределенность, вследствие чего и возникает иллюзия смены полной предопределенности полной же неопределенностью, И. Пригожин так и не смог. Причина – незнание диалектики и соответственно отсутствие у него диалектического подхода к миру» [16].

Иной точки зрения придерживается российский философ Ю. В. Сачков. Говоря о теоретических разработках И. Пригожина и И. Стенгерс, он приходит к заключению: «...решение проблемы синтеза законов жесткой детерминации и статистических закономерностей направлено на раскрытие особенностей взаимопроникновения жесткого и пластичного начал мира, что характерно для познания сложноорганизованных динамических систем как основного пути концептуального развития современной науки» [17, с. 636].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что по методологическому и эвристическому потенциалу диалектика не только не уступает тектологии и синергетике, но во многом превосходит их. Поэтому не следует отказываться от нее. Напротив, диалектику, а конкретнее социальную диалектику необходимо и впредь использовать в качестве методологического инструмента постижения сущности исторического процесса и современной эпохи, учитывая и то обстоятельство, что научный задел в этой области в отечественной философии имеется.

Как известно, системное исследование проблем диалектики и диалектической логики в СССР началось в середине 1950-х годов. Данной проблематикой занимались в Москве, Киеве, Минске, Тбилиси, Алма-Ате. Тем не менее, как и ранее, практически не разрабатывалась диалектика общественного развития: в своих публикациях философы ограничились только дискуссией относительно сущности противоречий при социализме. Возникший пробел в области социально-философского знания необходимо было восполнить. Это актуальное направление научных исследований на многие годы стало главным для белорусского философа Ю. А. Харина, проявившего интерес к данной теме еще во время обучения в Ленинградском государственном университете, а также его учеников и коллег.

В монографии Ю. А. Харина «Диалектика социального отрицания» [18] прежде всего актуализирована данная проблематика и, кроме того, раскрыта диалектическая сущность отрицания, представлен механизм функционирования закона отрицания отрицания в социуме, выявлена специфика «духовного отрицания», обоснована несовместимость диалектически трактуемого социального отрицания и нигилизма. Данное исследование стало важным этапом в разработке диалектики общественного развития.

Не останавливаясь на достигнутом, белорусский ученый поставил перед собой более масштабную цель – разработку социальной диалектики как таковой, и именно этому посвятил свои дальнейшие теоретические разработки. Как и некоторые другие советские философы той эпохи, например П. В. Копнин, Ю. А. Харин исходил из признания того факта, что категории и законы диалектики длительное время разрабатывались преимущественно применительно к естествознанию. Общество по разным причинам оказалось как бы вне интересов ученых. Именно поэтому назрела потребность в разработке социальной диалектики. Практическую реализацию столь масштабного научного проекта пришлось начать с разработки понятийно-категориального аппарата. И это было правильное решение. Следовало определить базовые, фундаментальные категории, четко зафиксировать их содержание, чего, к сожалению, не наблюдается в современных философских исследованиях, выстраиваемых на так называемой плюральной методологической установке, «размытых» в содержательном плане понятиях и категориях типа «ризомы».

Для дальнейшего исследования в качестве потенциальных категорий, способных составить предмет теории социальной диалектики, Ю. А. Харин выделил социальный субъект, социальный объект, социальную материю, социальную реальность, социальную действительность, социальное качество, социальное пространство, социальное время, социальное отношение, социальное действие, социальное явление, социальное изменение, социальный прогресс, социальное противоречие, социальную противоположность, социальное различие, социальное отрицание и др. Многие из означенных категорий получили разработку в работах Ю. А. Харина, отдельные из них были освещены в изданной под его редакцией в 1978 г. коллективной монографии «Категории социальной диалектики» [19]. Определенный вклад в разработку социальной диалектики внес известный белорусский философ В. И. Горбач. Исследования белорусских ученых вышли далеко за рамки нашей республики. Так, монография В. И. Горбача «Проблемы диалектических противоречий» [20] увидела свет в 1972 г. в Москве в издательстве «Наука», что стало признанием разработок белорусских философов в области социальной диалектики.

С той поры прошло много лет, и, к сожалению, по разным причинам проект «социальная диалектика» не был реализован в объеме, требуемом самим общественным бытием. Хотя социальная диалектика, безусловно, служила методологической базой для многих фундаментальных разработок в области философии истории советской эпохи. Как тут не назвать трехтомный труд «Марксистско-ленинская теория исторического процесса», созданный сотрудниками Института философии Академии наук СССР под руководством Ю. К. Плетникова.

Между тем следует отметить, что имеющиеся отечественные публикации свидетельствуют о продуктивности теоретического осмысления социальной природы посредством категорий и законов социальной диалектики. Именно таким

путем шли когда-то российские и белорусские ученые в отрасли социальной философии (философии истории). Это, естественно, предполагало дальнейшую разработку системы категорий и конкретизацию законов социальной диалектики. Нынешняя философская дисциплина под названием «социальная философия» не обладает и не стремится обладать системой категорий, позволяющих теоретическому мышлению адекватно воспроизводить и логически осмысливать современные социальные процессы во всем их многообразии и динамике, а следовательно, она не в состоянии служить прочной теоретической основой выверенных социальных действий.

Социальная диалектика – это сплав фундаментальных теоретических знаний, логики и высокой культуры философского мышления. Она не только позволяет постигать сущность социума, но и способна формировать интеллектуально развитого, мыслящего человека.

Позитивную оценку диалектическому методу дает Ю. И. Семенов. Он отмечает: «Материалистическая диалектика и в том виде, в котором она выступает в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, вполне может быть использована в современной науке. Но, разумеется, важнейшей задачей является дальнейшая ее разработка. Для этого прежде всего необходим учет достижений современной науки. Сейчас вряд ли может быть сомнение в том, что состав категорий диалектики должен быть пополнен такими понятиями, как “предопределенность”, “неопределенность”, “вероятность”. Не нужно забывать и Г. Гегеля. Но наряду с использованием его достижений в области разработки диалектики, необходим и критический подход к его методу» [16].

Каков же результат «переосмысления» советской философии и ее методологических разработок, осуществленный на рубеже XX–XXI вв.?

Обстоятельная картина состояния и перспективы философской мысли в России представлена в докладе «Философия в публичном пространстве современной России: институциональные аспекты» [21], направленном в 2015 г. в Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. В его разработке принимали участие академики РАН В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, член-корреспондент РАН В. В. Миронов и другие известные российские философы, в их числе многие функционеры, то есть лица, занимавшие в те годы руководящие посты в научно-исследовательских и образовательных учреждениях в отрасли философских наук. В качестве несомненных достижений постсоветской российской философской мысли в докладе отмечалось следующее: «Самое большое изменение состояло в том, что философия стала плюралистичной: у нас появились свои религиозные философы, свои кантианцы, свои феноменологи, свои постмодернисты, свои буддисты, при том, что сохранились приверженцы диалектического материализма... Плюрализм является результатом и одновременно несомненным свидетельством того, что философия в нашей стране стала тем, чем она и должна быть, – делом свободного индивидуального творчества» [21, с. 37–38]. Правда, авторы доклада тут же

корректируют свои выводы, признают «опасность фрагментации философской жизни, потери единого пространства интеллектуальных поисков и дискуссий» [21, с. 38].

Наряду с успехами в документе представлены и наличные изъяны, проблемные ситуации, выражена обеспокоенность относительно возможности дальнейшей позитивной тенденции в развитии философской мысли. Речь идет о явно усиливающемся разрыве «между фундаментальной гуманитарной наукой и массовым сознанием» [21, с. 23], о расхождении запросов интеллектуальной философствующей элиты и социальной практики российского общества, отрыве идей от насущных задач государства. Именно поэтому был предложен проект создания Национального философско-просветительского центра «на принципах государственно-частного партнерства национально-ориентированных бюрократических и деловых элит», способного «выполнять коммуникационные и просветительские функции как внутри страны, так и за ее пределами, в особенности в русскоязычном мире» [21, с. 17].

Однако надежды на быстрый, причем безболезненный перевод России на стандарты западноевропейской социально-экономической модели, «надежды получить быстрые позитивные результаты путем простого заимствования западного опыта не оправдались... Время убаюкивающей риторики, порой сильно напоминающей “советскую застойную”, уже прошло. Игнорировать сложившуюся непростую ситуацию не позволяет жесткий экономический императив времени: экономика уже не позволяет имитировать изменения, она безотлагательно требует реальных перемен» [21, с. 25–26]. По логике вещей, именно философам и следует осмысливать на теоретическом уровне возникшие проблемы, причем учитывая горький опыт 1990-х годов. А для этого нужны должная методологическая база исследований, соответствующего уровня теории истории, вернее, философия истории. Создание же такой теории исторического процесса на эклектически подобранной методологической платформе, по нашему мнению, проблематично. Вот почему необходимо сконцентрировать внимание на разработке методологии исторического процесса. И, полагая, за ее основу необходимо принять социальную диалектику.

А что предлагают в этом плане российские специалисты? Позиции их разнятся. Одни из них считают возможным использование интеллектуального ресурса. «Для любого движения вперед, – указывается в докладе, – необходима энергия. В современном мире главным видом энергии является интеллектуальный ресурс. Однако, к сожалению, в нашем обществе сегодня сложился антитеоретический консенсус, в соответствии с которым отсутствие интеллектуального творчества и лень мысли являются нормой» [21, с. 28]. В целом, можно согласиться с такого рода выводом, правда, с некоторой его корректировкой. Действительно, интеллектуальный прорыв необходим. Поэтому, казалось бы, и следует заниматься в первую очередь собственными интеллектуальными разработками, в том числе в области философской науки. А пока

на постсоветском пространстве философы нередко довольствуются ретрансляцией идей зарубежных мыслителей, выдавая это за приращение научного знания в области гуманитарной науки. И подтверждением тому служит сам доклад, который в русле идей Ж. Бодрийера наполнен «символическими» понятиями и предложениями типа «символический капитал общества», «символическая иммунная система», которая обеспечивает, якобы, «восприятие чужих идей с пользой для себя» [22, с. 38]. По заключению авторов доклада, «цель философии состоит в построении такой символической системы, которая, будучи открытой, обладает иммунитетом против вирусов чужого» [21, с. 38]. Далее в документе говорится о «свободном индивидуальном творчестве» как позитивной тенденции современного типа философствования в России. Но не констатируется интенциональность такого творчества, направленность его на решение злободневных проблем бытия, фактически постулируется абстрактное, иллюзорное философствование, которое действительно оказывается не востребованным обществом. Правда, уже в самом конце доклада его авторы все же согласились с тем, что «необходимо ориентировать талантливых философов на то, чтобы давать ответы на запросы общества» [21, с. 41].

Другие же философы, напротив, предлагают решительно отказаться от не оправдавших надежд россиян социально-экономических проектов западноевропейской мысли XX в. и обратиться к подлинной теории К. Маркса, к тем немногим советским наработкам в области философии истории, которые выстраивались в духе требований самого К. Маркса – критического подхода к различным теориям и согласования своих теоретических разработок с социальной практикой, вернее, их верификации посредством последней. Наиболее радикальной позиции придерживается крупнейший специалист в области исторического процесса Ю. И. Семёнов. В статье «Идеологическая мода в науке и скептицизм» он рассуждает о своеобразной закономерности «перестроечной эпохи»: «...чем больше человек в старые времена восхвалял марксизм, чем больше он громил тех, кого он объявлял отступниками от марксизма, ревизионистами, тем больше он в новую пору изощрялся в проклятиях этому учению... Но главное не в этом. Самое печальное заключается в том, что наши обществоведы, покончив с верой в тех кумиров, которых им раньше навязывали, отнюдь не стали свободомыслящими. Они стали просто инаковерующими. Отрекшись от одних идолов, они тут же нашли новых, которым стали поклоняться так же истово, как раньше классикам марксизма» [22]. Появилась целая плеяда «культовых фигур» – О. Шпенглер, П. А. Сорокин, А. Дж. Тойнби, Л. Витгенштейн, К. Р. Поппер, Л. фон Мизес, Ф. А. фон Хайек, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, Л. Н. Гумилев и др. [22].

Впрочем, устойчивая практика поклонения западным идолам стала складываться на Руси начиная с правления Петра I. Позже, в XIX в. высшее общество в качестве коммуникативного инструмента использовало исключительно фран-

цузский язык, что нашло отражение, например, в первоначальном варианте романа «Война и мир» Л. Н. Толстого, который изобиловал французским текстом. И не пояись А. С. Пушкин, русский язык, пожалуй, исчез бы. Поэтому еще в XIX в. был дан своеобразный бой «идолопоклонству»: одними из первых его активных критиков выступили П. Н. Ткачѳв и В. О. Ключевский. «Хорошо бы было, – отмечал П. Н. Ткачѳв, – если бы, действительно, каждый новый идол наших самозванных ученых знаменовал бы собою новую, более высокую стадию их умственного развития, если бы они, действительно, всегда переходили от худшего к лучшему, от низшего к высшему. Но ведь в том и беда, что идолаы их меняются совершенно случайно: “что последняя книжка скажет, то на душу и ляжет”» [23, с. 342].

Критикуя сложившуюся практику философствования на постсоветском пространстве, Ю. И. Семѳнов предлагает такой путь ее преодоления: «Для настоящего ученого в принципе неприемлемо понятие культовой фигуры и недопустимо существование в науке моды... Единственный принцип, которым он должен руководствоваться, – стремление к истине. И только в том случае, когда наши гуманитарии усвоят эти, в общем, не такие уж новые, принципы, можно рассчитывать на прогресс философии и социальных наук в нашей стране» [22]. И с этим мнением известного ученого следует согласиться.

Белорусские философы, как и их российские коллеги, избрали европейский вектор. Прежде всего пересмотрены предмет философии и ее основные функции, а также методологическая база философских исследований. Правда, трансформационный процесс идет не безболезненно, не столь быстро и, главное, не столь продуктивно для самой национальной философии, как хотелось бы этого. Это касается в первую очередь научного статуса философии.

Начиная с 1990-х годов в Беларуси активно продвигались антисциентистские установки философствования, в силу чего подавляющее большинство исследователей стали сторонниками «аксиологического измерения» философии. Тем не менее эпистемную традицию философствования все же удалось в какой-то степени сохранить. Защитников научного статуса философии оказалось не так много. Один из них – доктор философских наук, профессор В. Л. Акулов. Именно он обратил внимание на неудовлетворительность «перестроечного» лекционного курса по философии и на его опасность для мировоззрения обучающейся молодежи. Он считал философию такой же строгой наукой, как и другие дисциплины. «Мы стоим, таким образом, – утверждал ученый, – перед дилеммой: либо признать, что философия – это наука, имеющая свой особый, четко фиксируемый предмет своего исследования, либо отказать ей в этом статусе... В первом случае курс будет вырабатывать у студента апробированное работой собственной мысли мировоззрение и вооружать логикой анализа тех проблем, которые будет ставить перед ним жизнь. Во втором – превращать голову студента в компьютер, а еще точнее – в плюшкинскую кладовую» [24, с. 6].

В связи с этим следует отметить позицию Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Республики Беларусь. В целом она отстаивала эпистемную традицию философствования – принципы рационализма и научности в области философских наук, сохранила уважительное отношение к классическому философскому наследию и признанным в мире теоретическим разработкам советской философской школы.

Как оказалось в дальнейшем, такая позиция ВАК была оправданной. Само общество, достигшее в своем развитии информационной ступени, толкает философию на научную стезю, обязывает ее становиться научной дисциплиной и предоставляет ей для этого необходимые условия в виде продвинутой технико-технологической и информационной базы. На научную стезю направляет философию и современная общественная ситуация, связанная с наличием превращенными формами бытия, с непредсказуемостью дальнейшего хода человеческой истории. Сама жизнь нацеливает исследователей на познание не внешних, вербально воспринимаемых социальных явлений и процессов, а на постижение посредством абстрактного мышления внутренних, скрытых от внешнего наблюдения механизмов общественного развития. Исключительно это позволяет понять природу и сущность современных социальных кризисов, рисков и угроз, дает возможность выработать конкретные предложения по их предотвращению или по их минимизации.

В заключение отметим следующее. В 90-е годы XX в. философской общественностью была развернута широкая кампания по переосмыслению методологических основ познания социума. В поле ее зрения оказались, в первую очередь, тектология А. А. Богданова и синергетика: именно они были предложены в качестве альтернативы диалектическому методу. Социальная практика последних лет доказала утопичность методологических установок обществоведов той эпохи. Обнаружившийся в недалеком прошлом активный интерес исследователей к тектологии в наши дни фактически иссяк, поскольку данная дисциплина разрабатывалась ее создателем в качестве альтернативы философской науке. Синергетический же метод, о продуктивности и, самое главное, о практическом использовании которого до сих пор заявляют многие диссертанты-философы, пока находится лишь на стадии философского осмысления, не более.

На основании проведенного исследования приходим к выводу о том, что важнейшим методологическим инструментом постижения сущности исторического процесса в целом и современной эпохи в частности следует признать социальную диалектику. Именно она позволяет постичь социальность в ее онтологической природе и антропологической сущности, исторической динамике и современной модификации как той базе, на которой произрастают потенциальные вызовы и угрозы XXI в. При этом представляется важным определить базовые, фундаментальные категории социальной диалектики, четко

зафиксировать их содержание, чего не наблюдается в современных философских исследованиях, выстраиваемых на так называемой плюральной методологической установке, «размытых» в содержательном плане понятиях и категориях. К фундаментальным категориям, способным составить предмет теории социальной диалектики, следует отнести: социальный субъект, социальный объект, социальное пространство, социальное время, социальное отношение, социальное различие, социальное противоречие, социальную противоположность, социальное отрицание, социальное изменение, социальный прогресс, социальное действие и др. И хотя многие из означенных категорий в 1960–1970-е годы получили разработку в исследованиях белорусских философов, современные социальные реалии требуют их дальнейшего теоретического осмысления, развития и систематизации. Как отмечал когда-то И. Кант, «под управлением разума наши знания вообще должны составлять не отрывки, а систему, так как только в системе они могут поддерживать существенные цели разума и содействовать им» [25, с. 680]. Определенная работа в этом направлении ведется преимущественно в России. Так, Ю. И. Семёнов, А. А. Зиновьев, А. И. Субетто и другие российские ученые в научный оборот ввели ряд новых и конкретизировали содержание уже известных понятий и категорий.

Таким образом, несмотря на негативное в целом отношение к социальной диалектике, она не остановилась в своем развитии. Ведь современное бытие, характеризующееся глобальной социодинамикой, требует именно диалектического мышления.

Список использованных источников

1. Специальное издание: ход достижения целей в области устойчивого развития: докл. Ген. Секретаря, Экономический и Социальный Совет ООН, 8 мая 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2019/secretary-general-sdg-report-2019--RU.pdf> – Дата доступа: 21.12.2021.
2. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 20. – 1961. – С. 5–338.
3. Benoist, J. Quelques réflexions sur comment penser le monde aujourd’hui : réponses à Jing Xie / J. Benoist // *Phàsis: European Journal of Philosophy*. – 2018. – № 5. – Р. 139–147.
4. Преподавание современной философии: методология, теория и практика. – Баку : Нац. акад. наук Азербайджана, Ин-т философии и социологии, 2021. – 786 с.
5. Ойзерман, Т. И. Марксизм и утопизм / Т. И. Ойзерман. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 568 с.
6. Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке / Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 19. – 1961. – С. 185–230.
7. Энгельс, Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» / Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 19. – 1961. – С. 321–323.
8. Ойзерман, Т. И. Диалектический материализм / Т. И. Ойзерман // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – Т. 1. – С. 656–659.
9. Антонович, И. Суперклассик из-под Гродно / И. Антонович // *Беларус. думка*. – 2003. – № 7. – С. 53–59.

10. Богданов, А. А. Тектология: всеобщая организационная наука / А. А. Богданов ; редкол.: В. В. Попков (отв. ред.), Г. Д. Гловели, В. Д. Мехряков. – М. : Финансы, 2003. – 496 с.
11. Богданов, А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология) : в 3 ч. / А. А. Богданов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Л. ; М. : Книга, 1925. – Ч. 1. – 300 с.
12. Аршинов, В. И. Синергетика / В. И. Аршинов // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2010. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 3. – С. 545–546.
13. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен ; пер. с англ. В. И. Емельянова ; под ред. Ю. Л. Климонтовича, С. М. Осовца. – М. : Мир, 1980. – 404 с.
14. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 239 с.
15. Тоффлер, О. Наука и изменение (Предисловие) / О. Тоффлер // Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – С. 4–15.
16. Диалектический (прагмо-диалектический) материализм: его место в истории философской мысли и современное значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_51.html – Дата доступа: 21.12.2021.
17. Сачков, Ю. В. Статистические и динамические закономерности (закономерности жесткой детерминации и статистические закономерности) / Ю. В. Сачков // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 635–636.
18. Харин, Ю. А. Диалектика социального отрицания / Ю. А. Харин. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 280 с.
19. Категории социальной диалектики / под ред. Ю. А. Харина. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 199 с.
20. Горбач, В. И. Проблемы диалектических противоречий / В. И. Горбач. – М. : Наука, 1972. – 358 с.
21. Философия в публичном пространстве современной России: институциональные аспекты. Доклад Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию // Философия в публичном пространстве современной России : сб. материалов. – М. : ЛУМ, 2015. – С. 21–70.
22. Семёнов, Ю. Идеологическая мода в науке и скептицизм [Электронный ресурс] / Ю. Семёнов. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_313.html – Дата доступа: 21.12.2021.
23. Ткачев, П. Н. О пользе философии («Философские этюды» А. А. Козлова. Ч. I. С.-Петербург, 1876. – «Опыт критического исследования основоначал позитивной философии» В. Лесевича. С.-Петербург, 1877) / П. Н. Ткачев // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1976. – Т. 2 / под общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова ; сост., примеч. и библиогр. послесл. Б. М. Шахматова. – С. 236–268.
24. Акулов, В. Л. Основы философии : сокращ. курс лекций / В. Л. Акулов. – 2-е изд. – Минск : МГЛУ, 2011. – 224 с.
25. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения : в 6 т. – М. : Наука, 1963–1966. – Т. 3. – 1964. – 799 с.

В. А. Божанов

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

**Г. В. ПЛЕХАНОВ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД
НА НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Выдающийся представитель русской философской мысли, обладавший необычайно широким кругозором и талантом публициста, Г. В. Плеханов в своих трудах в характерной ему полемической форме разрабатывал и отстаивал в борьбе с идеалистами марксистский взгляд на историю. Используя труды классиков марксизма, а также философов материалистов и идеалистов, он продемонстрировал преимущества марксизма в понимании истории. Сравнив марксизм с идеалистическим пониманием истории различными авторами, которые остановились на полпути в разгадке феномена движущих сил человеческого развития, Г. В. Плеханов определил тот поворотный пункт, где его оппоненты не сумели дойти до первоисточников истории – развития производительных сил и складывающихся на их основе производственных отношений. Марксистский подход кардинально усилил возможности найти действительные причины исторического движения человечества. Мысли Г. В. Плеханова об истории во многом современны, вписываются в полемику о новой исторической науке, где за философами утверждается приоритет. Марксистский взгляд на историю признается многими учеными-гуманитариями частью мирового интеллектуального наследия.

Ключевые слова: марксизм, идеализм, общественный человек, абсолютная идея, производительные силы, материальные условия бытия, прирожденные идеи, диалектика Гегеля, теория факторов

V. Bozhanov

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

**G. V. PLEKHANOV: A PHILOSOPHICAL VIEW ON SOME ISSUES
OF HISTORICAL SCIENCE**

An outstanding representative of Russian philosophical thought, with an unusually broad outlook and talent as a publicist, G. V. Plekhanov in his writings in his characteristic polemical form developed and defended the Marxist view of history against the idealists. Using the works of the classics of Marxism, as well as of the materialist and idealist philosophers, he demonstrated the advantages of Marxism in understanding history. By comparing Marxism with the idealistic understanding of history, starting with various authors who stopped halfway in unraveling the phenomenon of the driving forces of human development, Plekhanov identified the turning point where his opponents failed to reach the primary sources of history – the development of productive forces and the production relations formed on their basis. The Marxist approach cardinally strengthened the possibilities of finding the real causes of humanity's historical movement. Plekhanov's thoughts

on history are in many ways contemporary and fit into the polemics of the new historical science, where philosophers are claimed to have priority. The Marxist view of history is recognized by many scholars of the humanities as part of the world's intellectual heritage.

Keywords: *Marxism, idealism, social man, absolute idea, productive forces, material conditions of being, innate ideas, Hegel's dialectic, theory of factors*

Человек в истории

Георгий Валентинович Плеханов – один из выдающихся представителей русской интеллигенции, который воплотил в себе блеск и богатство философской мысли, необычайно широкий диапазон и талант публициста, а также глубокую научную компетентность. В этой работе мы обратимся к его пониманию человека и исторического процесса, которое, как нам представляется, сохраняет свою актуальность по настоящее время.

В своих работах теоретик и последователь марксизма Г. В. Плеханов обращает внимание на то, что в домарксов период естественные науки достигли больших успехов в изучении природы, что позволяло человеку «выжимать» из природы соответствующие блага и комфорт. Познание же непосредственно самого человека долгое время оставалось прерогативой религии и области гуманитарных наук, где познание тормозилось многочисленными предрассудками и запретами. К XVIII в. назрела задача изучения и объяснения человека в его единой сущности. Пройдя увлечение абсолютизацией знаний человека, ученые вслед за открытием К. Марксом бесконечного развития производительных сил вышли, наконец, на исследовательский простор.

Уже в работах переходного периода К. Маркс и Ф. Энгельс достаточно четко определили в качестве главной проблемы философии проблему человека. Это привело к пересмотру гегелевской концепции истории, в соответствии с которой человеку отводилась роль средства, материала для осуществления конечных целей истории [1, с. 24]. Как отмечал Г. В. Плеханов, по этому вопросу К. Марксу импонировала позиция Л. Фейербаха, в соответствии с которой история не делает ничего, а именно действительный живой человек – вот кто создает историческое бытие. Человек – не средство для истории, а наоборот, «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [2, с. 102].

Русский философ использует идею К. Маркса о том, что человек является не только объектом, но и подлинным субъектом исторического процесса. Теория Маркса формировалась вокруг проблемы освобождения человека, униженного, поработанного, презренного существа, от всех тех условий, в которых человек становится таковым. Поэтому для немецкого мыслителя, по убеждению Г. В. Плеханова, проблема состояла не в том, как описать существующий мир, а как изменить условия существования человека, или, говоря словами греческого философа Платона, как из человека худшего сделать человека

лучшего. Г. В. Плеханов обращает внимание на мысль К. Маркса о том, что «обстоятельства изменяются именно людьми» [3, с. 68]. То есть речь идет о том, что в историческом развитии люди занимают активную позицию, а она в свою очередь направлена на изменение обстоятельств, в которых происходит творение истории. Каков же путь человека к историческому творчеству?

Проследивая историческую линию жизни людей, русский философ исходит из простой истины, что повсеместно люди озабочены улучшением своего положения и с этой точки зрения живут рутинной [4, с. 130], то есть не выходят за круг ежедневных узких, сугубо практических интересов. Вывести из этой ограниченности человека может, считает Г. В. Плеханов, привычка «к само-бытному участию в гражданских делах». Именно здесь исследователь подходит к главному – пониманию превращения человека в движущую силу истории. Он упрекнул идейного главу революционно-демократического движения в России Н. Г. Чернышевского в том, что тот не вник в *«ту внутреннюю логику общественных движений, под влиянием которой совершается развитие человечества»* [4, с. 138]. «Чтобы олицетворять общественные дела и влиять на них», человеку нужно выйти за пределы индивидуальных забот и войти во взаимоотношения с другими людьми по поводу уже общих с ними жизненных дел. В ходе этих коммуникаций человек-индивид становится человеком общественным. «История делается общественным человеком, который есть ее единственный “фактор”» [5, с. 333].

Современная наука подтверждает предположение Г. В. Плеханова. Так, американские исследователи В. Вудз и Б. Хэар писали: «Преимущества социальных взаимодействий (т. е. способности более эффективно решать проблемы сообща, чем поодиночке) во многом определили эволюционный успех нашего вида и даже оказали большое влияние на формирование естественным отбором наших тела и разума» [6, с. 89]. И тогда человек поднимается над массой каждодневных дел, мыслит категориями того, что полезно для всего общества или для его большинства. Выстраивается суждение о добре и зле. «Субъективная логика мыслителя, – пишет русский философ, – должна следовать за объективной логикой исследуемого явления» [7, с. 269]. Добро общего возвышается над личным, подчиняет его себе. Таким образом, индивидуальная мыслительная деятельность поднимается до понимания объективного смысла положения. Таким образом, главная особенность диалектического метода, по мнению Г. В. Плеханова, состоит в сознании «зависимости хода идей от хода вещей» [7, с. 270]. В результате общий производительный труд возвышает человека до осознания общественных проблем, что ведет к созданию большего блага, чем индивидуальный труд. Коллективность порождает новое мышление, которое двигает эволюционное развитие человека.

Наличие идеи как источника человеческого мышления и исторического творчества стала в работах идеалистов основополагающей. В это время

господствовало учение Г. В. Ф. Гегеля об абсолютной идее (мировой дух, мировой разум). В рамках этого учения немецкий мыслитель рассуждал о том, что природа разумна «внутри себя» и изучать ее надо как имманентный закон и сущность. Подчинение природному закону – необходимость, подчинение общему закону зависит от того, насколько человек в самом себе «находит подтверждение или неподтверждение того, что имеет силу закона» [8, с. 57]. Чтобы решить эту коллизию, человек должен найти в праве «свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права...» [8, с. 57]. Разумность действий человека проистекает из мыслительного постижения себя и окружающего мира. Реальность возникает как фокус мышления. Абсолютный разум наполняет мир разумностью и таким образом формирует разумное знание о действительности. Отсюда знаменитая формула Г. В. Ф. Гегеля тождества бытия и разума – «все действительное разумно, все разумное действительно», воплотившая в себе более широкую идею об абсолютном духе (разуме).

Идея немецкого философа привлекла к себе внимание общественности. Всем казалось, отмечает Г. В. Плеханов, что найден тот светоч, который озарит все уголки непознанного, и человечество, отбросив случайности, начнет новую, сознательную жизнь, обеспечит себе возможность сознательного воздействия на процесс исторического развития. Как пишет русский ученый, это был прекрасный момент истины, придавший мыслительной деятельности человека высшее предназначение для самосовершенствования человека и человечества в целом. Однако, по мнению Г. В. Плеханова, здесь проходит водораздел между идеализмом Г. В. Ф. Гегеля и материализмом К. Маркса: действительность по Гегелю – умозрительная конструкция, действительность по Марксу – реальность, существующая независимо от человека.

Русский философ не отвергает, что, обладая способностью мыслить, человек способен выстраивать свои поступки. Однако, считает Г. В. Плеханов, человек не столь своеволен в своих мыслях. Несомненно, говорит он, мозговые фибры обладают свободой деятельности, но по «роковым законам необходимости» [9, с. 591]. Деятельность отдельного индивида историю не творит, «если в основе человеческих поступков не лежит доступная пониманию деятеля необходимость» [9, с. 593]. Независимо от того, замечает исследователь, к чему стремится человек, общественные отношения, которые формируются в совместной деятельности, являются чем-то иным, что выходит за пределы каждого индивида-участника. Они превращаются в результаты, в которых сами индивиды с трудом или вовсе не находят свои цели и желания. В коллективном труде усилия каждого становятся общественно необходимыми и только поэтому исторически значимыми.

Обращаясь к авторитету К. Маркса, Г. В. Плеханов объяснял суть учения Г. В. Ф. Гегеля тем, что у последнего «абсолютный дух истории» находит свое истинное выражение только в философии. У Гегеля философ является лишь посредником между философией и абсолютным духом, через которого абсо-

лютный дух приходит к самопознанию. И далее Плеханов завершает словами Маркса «по окончании движения», то есть когда историческое событие произошло. Только тогда абсолютный дух познает историю. К. Маркс понял стихийный материализм Г. В. Ф. Гегеля. Но, по Гегелю, тем и ограничивается участие философа в понимании истории, то есть в создании условий для познания абсолютным духом того, что свершило реальное движение. Суть же – в понимании интересов этого движения. Русский философ концентрирует наше внимание на марксовской мысли, которая дает ключ к пониманию действительного хода исторического развития – интересы, порожденные производительными силами. Это замечательный пример синтеза гегелевской диалектики, доведенной Марксом до своего логического и фактического завершения в экономических отношениях. То, что для Гегеля должно быть воплощено в абсолютной истине идеализма, достигло у Маркса воплощения в живых и постоянно развивающихся производительных силах и вытекающих из них экономических вопросах. «Великая заслуга Маркса, – писал Г. В. Плеханов, – заключается в том, что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что на самую природу человека заглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого *вне* человека. Чтобы существовать, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя для него вещества из *окружающей его внешней природы*. Это заимствование предполагает известное действие человека на эту внешнюю природу. Но действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу» [9, с. 608].

Г. В. Плеханов предостерегает исследователей от часто наблюдаемого преувеличения влияния личности на исторические события. Это влияние, безусловно, есть, и в ряде случаев довольно ярко впечатляет современников и даже последующие поколения. Однако исторические события – это то, что выходит за пределы индивида и формируется совокупно вне его воли. Но так как историю творят люди, то где-то в ее глубине спрятаны помыслы и действия каждого исторического актора. Вычислить их не представляется возможным. Плеханов замечает, что благодаря ряду своих достоинств влиятельные личности проявляются в некоторых частных событиях и их последствиях, но, что существенно, «они (эти личности. – В. Б.) не могут изменить их *общее направление*, которое определяется другими силами» [5, с. 326]. Личные способности великого человека под влиянием различных общих и особенных причин могут сделать его весьма заметным в определенных событиях. Совершенно бессмысленно рассматривать события с позиции: а если бы этого героя не было? Тогда, отвечает Г. В. Плеханов, лишь некоторые индивидуальные физиономии изменились бы, но ход истории не остановился бы, не изменил бы свой маршрут. В. И. Ленин вряд ли мог изменить настроения масс огромной России, вернувшись всего лишь за шесть месяцев до Октябрьской революции после 15-летней эмиграции. Личность может лишь понять сложившийся ход событий,

расстановку борющихся сил и в той или иной мере «вписать» в них свои способности. Г. В. Плеханов приводит замечание К. Маркса о том, что идеи всякий раз посрамлялись, если они не совпадали с реальными экономическими интересами в данное время носителей исторического прогресса. Так, император Римской империи Юлиан пытался отстоять язычество против наступающего православия и потерпел полное поражение.

Суть исторического процесса

Г. В. Плеханов, безусловно, признает знание как важнейший компонент устройства жизни, «успешнее прежнего». Он с благоговением говорит о том, что умственный труд «развивает умственные силы человека, и чем больше людей в стране выучиваются читать, получают привычку и охоту читать книжки, тем больше становится в ней число людей, способных порядочно вести дела, какие-то ни было, – значит, улучшать и ход всяких сторон жизни в стране» [4, с. 93]. Чтение, являясь интеллектуальным процессом, наполняет мысли человека благородными знаниями, вызывающими действия во благо людей.

Однако ни чтение, ни само по себе обладание разумом не определяют ни мысли, ни поступки человека, ни в конечном счете развитие исторического процесса. Следуя материалистическому учению марксизма, Плеханов утверждает, что именно материальные условия бытия определяют осмысление человеком своего положения и идей по их изменению. В этом, считает он, состоит суть исторического процесса. Производственная деятельность людей является не только основным условием всякой истории, но и первым [10, с. 504]. Русский философ отмечает, что понимание силы исторического развития переносит идеализм на произвольные логические построения (законы собственности у А. Сен-Симона, экономические отношения собственности у А. Токвиля). Г. В. Плеханов не только утверждает здесь правоту марксизма против идеализма, а и аргументированно доказывает ошибку последнего. Мысли для Плеханова сами по себе имеют источник (причину) происхождения. Он решительно восстает против идеалистической концепции врожденной идеи в человеческой природе. В своей работе «О материалистическом понимании истории» философ заявляет: «...нельзя признать умственное развитие людей первой причиной всего общественного движения» [11, с. 241].

Люди делают историю не по заранее определенному маршруту или законам. Вектор движения человеческого сообщества определяется насущными потребностями отдельного индивида. В коллективной жизни людей совершенствование орудий труда, то есть производительных сил, становится важным фактором успеха в подчинении себе природы. Отсюда вытекают и соответствующие общественные отношения людей [11, с. 243]. Экономические отношения в свою очередь создают определенные интересы, которые закрепляются в *праве и нравственности*. Этими же отношениями (опосредованно)

обуславливаются мысли и воображение (искусство, наука и т.д.). Такова, по мнению Г. В. Плеханова, материалистическая основа исторического процесса, развитие общества. Интересы, закрепленные в праве, исходят не из сознания, а из заботы о хлебе насущном. Увеличение производительных сил вызвало у нарождающейся буржуазии соответствующую философию [11, с. 264–265]. И те философы, которые восприняли эту практическую задачу, овладели умами, а их работы стали популярными.

Одной из опорных позиций идеализма стала теория прирожденных идей у человека независимо от опыта. Она сложилась со времен французского философа Р. Декарта. Являясь горячим сторонником увеличения человеческого могущества путем познания окружающего мира, Р. Декарт взял на вооружение знаменитое латинское выражение «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую»), из которого он вывел критерий истинного знания: истинно то, что является настолько ясным и отчетливым, что исключает всякое сомнение. Для этого следует обратиться к существующим в нашем уме уже в наличности познаниям и проинвентаризировать их на предмет соответствия или несоответствия этому условию. Те познания, которые относятся к врожденным идеям, суть истинные, неизменные и вечные сущности.

В этом споре Г. В. Плеханов вооружается научной аргументацией английского философа Д. Локка, который в своей известной работе «Опыт о человеческом разумении» отвергает идею Р. Декарта как лживую [12]. Не первоначальные идеи, а зрение, способное различать цвета от действующих извне вещей, отвергает первоначальность понятий или принципов. Проще говоря, цвет познается человеком в процессе физиологической способности глаза, что лишь затем оседает в мозге как знание. Человеку, пишет Д. Локк, нет необходимости обращаться к прирожденным истинам посредством отпечатков и врожденных знаков, когда у нас есть способность «прийти к такому же легкому и достоверному познанию и без того, чтобы они были первоначально запечатлены в душе...» К тому же люди относятся ко всякого рода принципам и, решительно утверждает английский философ, «нет принципов, которые пользовались бы признанием всего человечества» [12, с. 97]. Если душа не знает о таких отпечатках, значит, эти отпечатки ничто, заключает Д. Локк [12, с. 98]. Истоки человеческих идей – вовне человека, в опыте его практической деятельности. Именно из опыта ум приобретает обширный запас для своего безграничного человеческого воображения: «На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит, он поставляет нашему разуму весь материал мышления» [12, с. 154].

На вопрос, когда же человек начинает иметь идеи, Д. Локк отвечает: «...когда он впервые получает ощущение... Когда окружающие нас тела по-разному действуют на наши органы, ум вынужден получать впечатления и не может избежать восприятия связанных с ними идей» [12, с. 167–168]. Человек со всеми своими мнениями есть плод среды и преимущественно общественной среды.

Это неизбежный вывод из основного положения английского мыслителя: *no innate principles – нет врожденных идей*, из которого Г. В. Плеханов делает заключение по проблеме врожденных идей и в целом об источниках познания человеком окружающего мира: *мнения людей определяются их интересами* [9, с. 515]. Признавая человека частью природы, следует помнить, что, в отличие от животных, он творит историю, где развивается его самосознание. Поэтому человек творит историческое развитие, свою собственную практику, конкретную историческую деятельность [9, с. 673].

Неизменно ставя производительные силы как причину соответствующих экономических отношений, Г. В. Плеханов считает, что историческим исследованиям должно предшествовать изучение состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. И затем – как этот остов покрывается живой плотью социально-экономических форм. Самым интересным, самым привлекательным русский философ называет формирование идей, чувств, стремлений и идеалов [9, с. 678–679]. Говоря о последнем переходе от экономического описания эпохи к состоянию ее идей, К. Маркс признает, что «много, очень много еще темного для нас в этой области, хотя еще больше темного здесь у идеалистов» [цит. по: 9, с. 684].

В поисках движущих сил истории Г. В. Плеханов обращается к идее одного из основателей французского материализма XVIII в. П. Гольбаха – *противоречие ведет вперед*. Рассуждая о познании, русский философ приходит к выводу, что мышление и среда взаимодействуют. Но чтобы понять историю человечества, по его мнению, необходимо изучить фактор, «который определяет собою и развитие *общественной среды и развитие мнений*» [9, с. 521]. На вопрос о взаимодействии между народом и государственным устройством с точки зрения того, какой из субъектов является первичным, философы XVIII в. назвали бы третий фактор, которому обязаны названные два, – гражданский быт людей, их имущественные отношения. Таков был взгляд на человеческую природу как на высшую инстанцию для разрешения проблем в области права, морали, политики, экономики, который от просветителей XVIII в. перешел в XIX в. Следовательно, рассуждает Г. В. Плеханов, объяснение истории можно также найти в природе человека. Тогда философ советует объяснение истории искать в природе индивидуума. Но природу индивидуума, замечает он с легкой иронией, изучают науки, охватывающие физиологию и психические явления индивидуума. Но эти науки мало что дали в понимании реформаторской деятельности человека. Эта точка зрения, как видно, заводит исследователя в тупик [9, с. 560].

В этом отношении марксистский взгляд на процесс производительного воздействия человека на внешнюю среду дает ключ к научному объяснению исторического развития. Г. В. Плеханов считает, что великое открытие К. Маркса стоит в одном ряду с величайшими, плодотворнейшими открытия-

ми [9, с. 636]. Несомненно, что с немецким мыслителем история приобрела подлинно научную основу, а его метод диалектического материализма стал ведущим средством научного познания мира. В этой концепции бытие человека прочно заняло приоритетное место по отношению к сознанию. «Бытие определяет сознание» – эта фраза воплотила в себе гигантский переворот в познавательных способностях человека, во много крат усилив их. Если на определенном историческом этапе сложившиеся общественные отношения препятствуют развитию производительных сил, тогда против них выступают новые общественные силы, совершающие общественный переворот, в атмосферу жизни врывается новый «дух времени».

Ввиду того что каждое общество живет в своей общественной и исторической среде, возможны их взаимовлияние, похожесть друг на друга, однако отсутствует тождественность. Поэтому, как и в природе, этот фактор разнообразит процесс общественного развития, не терпит схематизма и шаблона. Помимо утверждения, что человек со всеми своими мыслями и чувствами есть продукт общественной среды, мы должны помнить гегелевское «каждая истина конкретна» и провести тщательное научное исследование каждого исторического случая, факта, события, понять и генезис этой среды. Необходимо на конкретном историческом материале утвердиться в том, что многообразные изменения в фактических взаимоотношениях людей ведут за собой перемены в «состоянии умов», во взаимных отношениях идей, чувств, верований.

Прибегая к диалектике Г. В. Ф. Гегеля, Г. В. Плеханов обращает внимание на то, что мир живой и неживой природы находится в постоянном движении [13], следовательно, по Гегелю, диалектика есть душа всякого научного познания. Под действием сил каждое явление не только существует, но и со временем неизбежно превращается в свою собственную противоположность. Такова суть знаменитого гегелевского диалектического мышления. То есть речь идет о том, что в каждом явлении скрыты как положительные, так и противоположные качества и силы. Это позволяет постепенно всесторонне исследовать предмет, выявляя все его действительные качества, и таким образом познать истину. Это гегелевское правило, по оценке Г. В. Плеханова, стало грандиозным сдвигом в понимании процесса мышления при всех обстоятельствах, от которых зависит каждый конкретный факт. Произвольное толкование предыдущих эпох становилось более конкретным, более определенным.

Русский мыслитель отмечает, что гегелевская философия призвала исследователей к внимательному изучению действительности, к самому добросовестному отношению к данному предмету при всех обстоятельствах времени и места, через которые проходит предмет. Со времен греческого «все течет, все изменяется» прошло более 24 столетий, прежде чем гениальное наблюдение приобрело концептуальный характер, стало методологическим принципом научного познания. «Человеческая природа» из неподвижной данности

превратилась в гибкий инструмент познания реального мира природы и людей. Исчез, как говорит Г. В. Плеханов, «тот наивно-идеалистический взгляд на историю, который утверждал, что *разум, мнения правят миром*. Первым, кто взглянул на все явления с точки зрения их развития, был Гегель (Ф. Энгельс). В историческом движении есть свои законы, но это не означает, что люди осознают их и таким образом своим разумом являются главными факторами исторического движения» [9, с. 589].

Постепенно в философии и общественной науке XX в. закрепляется в качестве господствующей точка зрения, что изучать исторические явления необходимо в развитии самого явления. Надо согласиться, считает Г. В. Плеханов, с гегелевским положением, что природа всемирного духа состоит в вечном стремлении вперед. За ним стоит крушение всего старого, отжившего. По теории марксистов-диалектиков, отмечает философ, общественные отношения должны изменяться вместе с развитием общественных производительных сил. Где пределы, спрашивает Г. В. Плеханов, для развития этих сил? И отвечает – их нет. Отсюда нет и идеального порядка, который нельзя было бы не совершенствовать. Отсюда верность гегелевской позиции, что диалектика есть душа всякого научного познания.

Следует обратить внимание на замечание Г. В. Плеханова, что овладеть диалектическим методом очень трудно. Формально признавая его, ряд исследователей до сих пор допускают в своих работах и «диалектическую основу», и «человеческую природу», порой не придавая этому значения. Г. В. Плеханов принципиально выявлял эту мешанину, свои тонким и глубоким анализом помогал исследователям на каждом примере убеждаться в преимуществах марксистской диалектики. Сегодня под прикрытием постмодернизма многие следуют правилу исследовательской всеядности: мол, все способы хороши, кроме неинтересного. Однако интерес не может быть выше научности, иначе мифы и небылицы вновь заполняют историческую литературу. Запрос на массовую культуру уже породил в историческом жанре его шоковое препарирование под интригующим посылом «а знаете ли вы, что было на самом деле?».

К. Марксу присваивали «формулу прогресса», от чего тот решительно отрекался. Г. В. Плеханов поясняет, что утописты смотрели на историческое движение как на законосообразность, которая предначертана заранее и не была подвержена никаким историческим событиям. Производственный процесс меняется под влиянием производительных сил. Общественное движение законосообразно. Но каждое общество идет своим «самобытным путем», поэтому никакой «формулы прогресса» нет, что снимает вопрос о предсказании будущего экономического движения всех обществ [9, с. 709]. При этом Плеханов вновь замечает, что законосообразность исторического развития человечества не надо искать во взглядах людей, в их мнениях, «законосообразность показывает, что люди делают свою историю бессознательно» [14, с. 733].

Суть исторического процесса толкуется Г. В. Плехановым как стремление человека удовлетворить свои нужды путем общественного производства, вмешиваясь в этот процесс через познание законов развития общественного производства, выходя за пределы личных интересов и желаний.

Законы природы, производительные силы и человек

Развитие человеческого общества русский философ рассматривал как «слепые силы исторического движения, действующие подобно законам природы» [4, с. 106]. Природа неумолимо живет по своим законам, независимо от того, что мы об этом думаем. Опираясь на размышления немецкого философа и естествоиспытателя К. Фогта, Г. В. Плеханов отмечал, что если человек совершит по отношению к природе ошибочный поступок, то природа его помнет или совсем раздавит. Строя свою жизнь, человек должен опираться на законы природы, не мешать природе следовать своим правилам существования.

Природа побуждает нас к развитию производительных сил. Лишь открывая природные законы, человек озадачивается мышлением, сначала случайно, потом более последовательно, двигаясь по направлению, указанному извне. Г. В. Плеханов приводит цитату из К. Маркса: «В общественном производстве своей жизни люди наталкиваются на известные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – *отношения производства*, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства составляет *экономическую структуру общества*, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка» [9, с. 633]. Плеханов приводит ряд примеров из истории искусства Древней Греции, готической архитектуры, расцвета Голландии, французской трагедии, расцвет и упадок которых был связан с моральным состоянием общества. «Произведения человеческого духа, как и произведения живой природы, объясняются только их средою», – заключает Г. В. Плеханов словами французского философа И. Тэна [9, с. 654]. Свойства же социальной среды определяются состоянием производительных сил в каждое данное время.

Г. В. Плеханов подчеркивает мысль Н. Г. Чернышевского о том, что, овладевая законами природы, человек становится сильным, влияет на историческое развитие, ибо в природных законах кроются источники человеческой жизни [7, с. 291]. Мысль человеческая становится действенным средством влияния на историческое развитие, когда оно обогащается раскрытием и уяснением для себя законов природной реальности. Правда, Плеханов отмечает, что, используя в своих рассуждениях диалектику, Чернышевский оставляет эту мыслительную конструкцию без завершения. Признавая значение знаний умственного развития для прогресса, Чернышевский, замечает Плеханов, не видит того, что сами знания могут зависеть от социальных отношений, от

которых, в свою очередь, зависит успех прогресса. Делание истории людьми, размышляет Плеханов, приобретает ту или иную реальность независимо от их волевого усилия [7, с. 326]. Люди делают что-то не только по своей воле, но их действия выходят за пределы индивидуального «хотения» или «нехотения», тем более что общая деятельность не является элементарной суммой индивидуальных дел. Эта двойственность проходит во многом через сознание и деятельность людей. Г. В. Плеханов приводит пример по поводу наполеоновских маршалов. До Великой французской революции каждый из них занимался далеким от военного искусства делом: красильщик, актер, наборщик, студент и т. д. Но революция неожиданно вовлекла их в армию, где вскоре проявились их способности к воинскому ремеслу. Реальные события вне их сознания открыли им военную карьеру. Конечно, совершенно случайно они оказались в армии у Наполеона, но совершенно не случайно назревшее время бурных перемен потребовало соответствующих, в том числе военных, людей.

Исторический процесс формируется и, следовательно, конструируется по реальному положению вещей и событий, и только затем на этой основе может возникнуть соответствующая мысль, что мы об этом думаем, и никак не наоборот. Г. В. Плеханов уверен, что человек становится сильным, когда «знает действительную жизнь» и умеет «пользоваться для своей цели законами природы» [7, с. 365], когда, подобно древним грекам, человек не поддается представлениям, искаженным фантазией, а создает действительные предметы [7, с. 366], оставив позади «Гомеровы поэмы, Эдда и наши богатырские песни» [7, с. 378]. XVIII век открыл глаза человеку на то, что изучать и объяснять мир, в том числе и ушедший в прошлое, по Библии, восточным легендам и мифам уже невозможно. Появились более надежные и достоверные свидетельства иных времен. Конечно, каждый человек волен формировать какое-то свое личное отношение к миру. Однако, замечает Г. В. Плеханов, в определенную историческую эпоху преобладает, в известных пределах, одинаковый взгляд на общественные явления. Для философа корень этого единства мирозерцания кроется в бытии, а мнения о нем – в общественных отношениях людей [7, с. 385].

Однако Г. В. Плеханов был решительно против заявления истин как абсолютных. Следуя гегелевскому принципу «всякая истина конкретна», он советовал искать исходную причину поступков, соответственно, мыслей людей и доказать, что это так было в реальности. Политические события конца XVIII в. и начала XIX в. посеяли растерянность у общественных деятелей перед происшедшими политическими событиями (например, Великая французская революция), которые трудно понять как «силу разума» [15, с. 422]. И если идеалисты были повергнуты в глубокое разочарование в разумности человеческой жизни, то материалисты не пали духом, а тщательно исследовали то место в жизненном процессе людей, которое реально обусловило столь

«неразумные действия». И если это место людьми понято, то разумность восстанавливает свое место в жизни и жизнь продолжается.

В ходе исторического процесса человечество подчиняется действию скрытых сил, и именно эти силы, по мнению Г. В. Плеханова, действуют неумолимо, не считаясь ни с какой «силой разума». Выставлять вперед «силу разума», по словам философа, беспечно и опрометчиво, ибо этой своей «силой» разум обладает не изначально сам по себе, а набирает в процессе мощных импульсов, идущих от реальных дел и жизненных условий, которые как первичные источники человеческой силы разума толкают человека на определенные действия и лишь затем осмысливаются им как его новое положение, что порождает мысли и идеи, «как жить дальше».

Отсюда следует еще одно очень важное требование к изучению исторического явления, на которое указывает Г. В. Плеханов, – «изучать его в развитии». Все имеет историю, и именно в историческом развитии создается та реальность, которую мы должны восстановить. Видеть явление в движении, подчеркивает мыслитель, значит понять его в постоянно меняющейся динамике, то есть с точки зрения историзма. История как метод познания живого мира – неотъемлемая часть исследовательской работы.

Процесс движения задается фактором отрицания. Человек склонен привыкать к тому, что есть, и не замечать тех противоречий, которые исподволь, как крот, подрывают привычные устои жизни. Не всякое сознание осознает своевременно эти толчки к новому. Наиболее передовые в этом отношении слои населения вступают в открытый конфликт с окружающей действительностью. Вначале, пишет Г. В. Плеханов, этот конфликт является личным, частным «выражением». И если частное выражение конфликта становится выражением назревшей общей необходимости, тогда частный конфликт «своим отрицанием подготавливает историческую почву для новой действительности, для действительности завтрашнего дня» [15, с. 443]. Отсюда и конфликт с консерваторами, которые дорожат разумной, на их взгляд, действительностью, а ниспровергатели ее часто обвиняются в «нарушении мира и порядка», экстремизме и т. д. Нет, и консерваторы в принципе не против развития, но как-нибудь спокойно, осторожненько, почти незаметно. Однако бессмысленно говорить, чтобы протестующие уняли свою энергию, и еще более бессмысленно надеяться, что в какое-то время все люди созреют к преобразованиям, достигнут в этом отношении единства и согласия. Поэтому-то, по мнению К. Маркса, революции и становятся «локомотивами истории», то есть проталкивающими осознанно необходимость в реальность, преодолевая интересы застоя. «Все, что соответствует нуждам общества, – пишет Г. В. Плеханов, – не имеет за собой никакого права, но зато все, что имеет за собой *подобное* право, рано или поздно будет иметь также и силу» [15, с. 449].

Русский мыслитель критически оценивает теорию факторов, согласно которой общественное развитие есть результат механического действия суммы

разрозненных сторон и условий общественной жизни (географическая среда, политика, наука, раса, нравственность и т. д.). Каждая из них рассматривается как самостоятельная и обособленная от других факторов общественного развития. Г. В. Плеханов полагал, что эта теория превратила общественного человека в набор особых сил, определяющих собой историческое развитие общества. Уже во времена Плеханова в общественных науках утвердилась точка зрения о единстве всех сил, воздействующих на историю, основанную на общественном анализе, «синтетическом взгляде на общественную жизнь» [11, с. 242].

Философские размышления Г. В. Плеханова над историей с точки зрения марксистской методологии дают возможность понять проблематику исторической науки на протяжении последней трети XIX – начала XX в. и соизмерить их с современными веяниями. В нынешних дискуссиях он не был бы архаичен, и насколько исторический процесс сегодня отражает развитие производительных сил – это отдельная и весьма интересная тема.

Список использованных источников

1. Маркс и марксизм в контексте современности [Электронный ресурс] : материалы Междунар. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883), Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Ф. Гигин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – 506 с. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/212537/1/Маркс%20и%20марксизм.pdf> – Дата доступа: 12.04.2021.
2. Маркс, К. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании / К. Маркс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1955–1981. – Т. 2. – 1955. – С. 3–230.
3. Плеханов, Г. В. Н. Г. Чернышевский. Введение / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М. : Изд. соц.-экон. литературы, 1956–1958. – Т. 4. – 1958. – С. 47–69.
4. Плеханов, Г. В. Н. Г. Чернышевский. [1890 г.] / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М. : Изд. соц.-экон. литературы, 1956–1958. – Т. 4. – 1958. – С. 70–180.
5. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М. : Изд. соц.-экон. литературы, 1956–1958. – Т. 2. – 1956. – С. 300–334.
6. Вудз, В. Выживут только дружелюбные / В. Вудз, Б. Хэар // В мире науки. – 2020. – № 10. – С. 82–89.
7. Плеханов, Г. В. Н. Г. Чернышевский [1909 г.] / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М. : Изд. соц.-экон. литературы, 1956–1958. – Т. 4. – 1958. – С. 181–397.
8. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. Б. Г. Столпнера, М. И. Левиной. – М. : Мысль, 1990. – 526 с. – (Филос. наследие).
9. Плеханов, Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М. : Изд. соц.-экон. литературы, 1956–1958. – Т. 1. – 1956. – С. 507–730.
10. Яскевич, Я. С. Человек как основа субстанционального подхода к историческому процессу [Электронный ресурс] / Я. С. Яскевич // Маркс и марксизм в контексте современности : материалы Междунар. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883),

Г. В. Плеханов: философский взгляд на некоторые вопросы исторической науки

Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Ф. Гигин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 502–505. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/212537/1/Маркс%20и%20марксизм.pdf> – Дата доступа: 12.04.2021.

11. Плеханов, Г. В. О материалистическом понимании истории / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М. : Изд. соц.-экон. литературы, 1956–1958. – Т. 2. – 1956. – С. 236–266.

12. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении. Кн. 4 / Дж. Локк // Сочинения : в 3 т. : пер. с англ. – М. : Мысль, 1985. – Т. 2 / редкол.: М. Б. Митин (пред.) [и др.]. – С. 3–201.

13. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа [Электронный ресурс] / Г. В. Ф. Гегель. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/hegel/phen-duha-pred.pdf> – Дата доступа: 12.04.2021.

14. Плеханов, Г. В. Еще раз г. Михайловский, еще раз «триада» / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М. : Изд. соц.-экон. литературы, 1956–1958. – Т. 1. – 1956. – С. 731–737.

15. Плеханов, Г. В. Работы о В. Г. Белинском / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М. : Изд. соц.-экон. литературы, 1956–1958. – Т. 4. – 1958. – С. 417–594.

С. А. Амоненко

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье актуализируется проблема теоретических оснований исследования социальных кризисов в современных социально-гуманитарных науках. Отмечается эклектичность и неочевидность использования понятия «кризис» и его разновидности «социальный кризис» как в современном научном дискурсе, так и на обыденном уровне словоупотребления. Предлагается модель применения понятия «социальный кризис» в исследовательских программах частных наук и философии (соответственно в «узком» и «широком» смыслах). Показано, что данные модели не взаимоисключающие, а комплементарные друг к другу. Сделан вывод о необходимости философского осмысления феномена социального кризиса в целях его предупреждения и поиска путей преодоления.

Ключевые слова: кризис, социальный кризис, социальная динамика, итерационная семантическая модель, философская рефлексия

S. Amonenko

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE CONCEPT OF SOCIAL CRISIS: THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION AND RESEARCH METHODS

The article actualizes the problem of theoretical foundations for the study of social crises in modern socio-humanitarian sciences. It notes the eclecticism and non-obviousness of the use of the concept of “crisis” and its variety “social crisis” both in modern scientific discourse and at the everyday level of word usage. We propose a model for applying the concept of “social crisis” in the research programs of the private sciences and philosophy (in the “narrow” and “broad” sense, respectively). It is shown that these models are not mutually exclusive, but complementary to each other. The conclusion on the need for philosophical understanding of the phenomenon of social crisis in order to prevent it and find ways to overcome it is made.

Keywords: crisis, social crisis, social dynamics, iterative semantic model, philosophical reflection

В исследовательских программах второй половины XX – начала XXI в. приведено немало разнообразных концепций и теорий, описывающих состояние и специфику современного социума. Нынешний этап общественного развития обозначают как «постиндустриальный», «информационный», «цифровой»,

«постэкономический» и т.д. Не вдаваясь в подробный анализ этих концепций и их аргументационную обоснованность, необходимо отметить следующий факт: несмотря на то, что основным, базовым элементом для концептуальной дескрипции современного общества в разнообразных исследовательских программах выступают различные сущности (социально-экономические, технологические, коммуникационные компоненты и т.д.), все эти стратегии, так или иначе, опираются на предположение, согласно которому современный социум вступает на качественно новый уровень своего развития, что неизбежно вызывает трансформации во всех сферах общественной жизни.

Для осмысления и анализа динамики современного социума используются понятия «переходное общество», «модернизирующееся общество», «транзитивное общество», в рамках которых общество трактуется в виде феномена, занимающего «некоторое промежуточное состояние в социальном пространстве между двумя различными функционирующими состояниями социума, находящимися в отношении строгого темпорального предшествования» [5, с. 159]. Таким образом, в социально-философской литературе происходит поворот исследовательского внимания от социальной статики – рассмотрения общества как целостного и застывшего конгломерата социальных институтов, макросоциальных структур, сложившихся и относительно устойчивых систем отношений, к социальной динамике – анализу самих изменений и возможных их следствий. Для решения этой важной задачи, философского исследования динамического характера современного социума необходима выверенная социальная теория, апробированный понятийно-категориальный аппарат. «Как убеждает социальная практика последних лет, – отмечает Т. И. Адуло, – требуется более системное философско-теоретическое понимание механизмов функционирования социума для прогнозирования общественных процессов. Осуществить это можно путем диалектического синтеза двух планов исследования социума – абстрактно-теоретического и конкретно-исторического. Абстрактно-теоретический план предполагает разработку понятийно-категориального аппарата философии истории. В этом плане к числу приоритетных задач следует отнести *задачу создания системы понятий и категорий* (курсив наш. – С. А.), которая бы позволила на принятом в научном сообществе языке излагать авторское видение решения той или иной проблемы общественного бытия, дискутировать с оппонентами и т.д.» [2, с. 132].

Попытки рефлексии динамики общества как сложной и неинертной системы с неизбежностью приводят к необходимости осмысления понятия «кризис», выступающего в качестве системообразующего элемента в структуре процесса общественного развития.

Само понятие кризиса давно утвердилось в качестве одного из наиболее устоявшихся терминов, используемых при описании текущей ситуации в современном обществе. При этом данное понятие существует в бинарном режиме языкового использования. Во-первых, кризис выступает как слово естествен-

ного языка, понимаемое индивидами на уровне обыденного сознания. Так оно функционирует в современном потоке средств массовой информации, находясь в смысловом объединении с такими понятиями, как «нарушение», «дисфункция», «регресс» и т.д., зачастую превращаясь в «набившие оскомину разговоры о перманентном кризисе» [1, с. 79]. Во-вторых, понятие «кризис» выступает в качестве одной из фундаментальных категорий, используемых как в философском дискурсе, так и в дискурсе различных специальных наук, которые направлены на более глубокое постижение причин, сущностей и последствий структурных трансформаций, обозначаемых как кризисные.

Данная семантическая двойственность выступает первым камнем преткновения, с которым сталкиваются исследователи феномена кризиса. Во-первых, очевидно, что понимание кризиса, само диагностирование некой ситуации как кризисной, механизмы выявления ее причин и оценка последствий имеют свою уникальную специфику в различных областях научного знания. Во-вторых, использование слова «кризис» в повседневной речи создает иллюзию его очевидности и самопонятности. Это связано с уже указанными установившимися смысловыми коннотациями понятия «кризис», позволяющими людям использовать это слово и небезосновательно предполагать, что они будут поняты в пространстве повседневной коммуникации. Проблема возникает при переносе данного интуитивно-схватываемого понимания на уровень научного знания, изучающего феномены кризисных явлений в биологических, физических или социокультурных системах. Результатом такого смешения обыденного и специализированно-научного использования понятия является необоснованная уверенность в прозрачности и очевидности понятия «кризис» в его различных вербальных переменных, таких как: антропогенный кризис, экономический кризис, духовный кризис и т.д., что, в свою очередь, приводит к отсутствию четкого понимания самой онтологической природы кризиса, его сути. Таким образом, в рамках общественных наук наиболее размытым и проблематичным оказывается одно из самых используемых и фундаментальных понятий – «социальный кризис».

В самом общем смысле под социальным кризисом подразумевается дисфункция общественной системы и сферы межиндивидуальных отношений, вызванная конгломератом различных деструктивных явлений. Неудивительно, что в ситуации наличия социального кризиса, понимаемого как некое отклонение или нарушение существующего социального порядка, наибольшую актуальность как для властно-управленческого аппарата, так и для разнообразных научных исследовательских направлений принимает вопрос о возможностях выхода из сложившегося кризисного положения, нивелировании деструктивных последствий кризиса и поиске новых устойчивых форм социальных структур. Это объясняется тем, что в своей критической форме общественный кризис требует немедленного реагирования, так как, с одной стороны,

социальный кризис прямым образом оказывает негативное влияние на жизнь большинства индивидов, включенных в данное общество, а с другой, – подрывая устоявшиеся, выполняющие регулирующие функции социальные институты, кризис может привести к полному коллапсу общественной системы, который может выражаться в суверенно-экономическом дефолте, нарушении деятельности социальных служб и кровопролитных столкновениях.

Однако при принятии тезиса о первоочередной необходимости поиска выходов из ситуации социального кризиса возникает закономерный вопрос: возможна ли адекватная стратегическая программа по преодолению кризисных ситуаций в социуме без предварительного исследования самого феномена возникшего социального кризиса, его глубинных оснований и структурных компонентов? И даже в случае удачного разрешения кризисного этапа социодинамики без обращения к фундаментальным исследованиям феномена социального кризиса непроясненными остаются как минимум два вопроса. Во-первых, можем ли мы утверждать, что предпринятые антикризисные меры действительно способствовали окончательному разрешению кризиса, а не краткосрочному моменту хрупкого и краткосрочного социального баланса, если мы не обладаем твердым знанием об основаниях и сущности возникшей кризисной ситуации? Во-вторых, как мы в таком случае можем обосновать закономерность успеха принятых антикризисных мер, а не его случайность? Как мы можем быть уверены, что не впали в логическое заблуждение *post hoc, ergo propter hoc*¹, подменив хронологическое следование следованием причинно-следственным?

В результате отказа от фундаментальных исследований в области социальных кризисов мы оказываемся перед ситуацией, наличие которой отмечал еще П. А. Сорокин, утверждая, что «если само наличие кризиса не вызывает сомнений, то этого никак нельзя сказать о его природе, причинах и последствиях» [9, с. 18].

Разрешение поставленных нами вопросов невозможно без системного анализа конкретных социальных кризисов в их пространственно-временных условиях и, более того, без постижения и исследования самого феномена социального кризиса как такового. На сегодняшний день уже сложилась теоретическая база для таких исследовательских направлений, как кризисный менеджмент или антикризисное управление. Однако данные программы ставят своей целью именно практическое разрешение кризисных ситуаций и не претендуют на фундаментальный уровень исследования феномена кризиса, что утверждают и сами исследователи, отмечая что «первостепенное значение в антикризисном управлении имеет быстрое принятие решений» [7, с. 16]. При данном ракурсе анализа проблемы ключевым становится вопрос: каким образом возможно постижение природы и сущности феномена социального кризиса?

¹ После этого, значит по причине этого (*лат.*).

Сложности с ответом на данный вопрос возникают уже на уровне дефиниции, так как на сегодняшний день само понятие кризиса не имеет однозначного толкования и, как уже отмечалось, многими воспринимается как самоочевидное на уровне обыденного словоупотребления. Историко-этимологически понятие «кризис» было образовано от глагола κρίνω, «который означал отделить, выбрать и порешить между двумя противоположными вариантами» [10, с. 71]. Само же слово «кризис» (κρίσις) в греческом языке «обозначало суд, разбор, судебное разбирательство, а также приговор, судебное решение» [8, с. 18]. Более широкое распространение это понятие получило в медицинской терминологии Гиппократа, где кризис рассматривался как решающий момент для определения возможности выздоровления организма. Позднее это понятие стало чаще использоваться в судебной практике, военной и политической теории, а уже в XIX в. «появляется выражение “экономический кризис”, которое обозначает коренное, отчетливое ухудшение состояния экономики» [10, с. 71].

Немецкий исследователь истории понятий Р. Козеллек отмечает, что уже к концу XVIII в. слово «кризис» становится одним из ключевых понятий для описания общества и его исторической динамики. Он выделяет три основные семантические модели его применения, которые могут быть обозначены как процессуальная, эсхатологическая и итерационная [11, S. 207]. Для первого варианта характерно понимание понятия кризиса как неизменного атрибута самой человеческой истории, постоянно длящегося процесса упадка и деградации. Вторая модель представляет концепт кризиса в горизонтах будущего, как неизбежную конечную точку развертывания исторического процесса, финальный момент, знаменующий собой завершение самой истории. Согласно третьей семантической модели, кризис выступает как единичный процесс, периодически повторяющийся в ходе истории, вызывающий распад существующей системы социальных отношений и, как следствие, формирование новых, относительно упорядоченных, конфигураций социальных элементов.

При использовании разработанной Р. Козеллеком концепции моделей применения понятия «кризис» становится очевидным, что именно итерационная семантическая модель, подразумевающая повторяющийся и этапный, деструктивный и трансформационный характер кризисов, становится доминирующей как в обыденном сознании, так и в различных областях научного и философского знания. В качестве центральных принципов построения этой модели можно выделить дискретность кризиса как процесса и его деструктивный характер по отношению к наличествующей системе. Подобная трактовка самого концепта кризиса является основой для обозначения наличествующих ситуаций как кризисных в разнообразных сферах жизнедеятельности: экономической, юридически-правовой, духовно-нравственной, экологической и т.д. Стоит отметить, что на сегодняшний день все интенсивней распространяются исследования, в основном в рамках системного и социально-синергетического

подходов, фиксирующие «амбивалентный, деструктивно-созидательный характер кризиса в процессах трансформации социума» [4, с. 96] и акцентирующие свой теоретический интерес на позитивном, творческо-созидательном потенциале кризисных ситуаций в сложноорганизованных системах. Но данные исследовательские стратегии остаются в рамках описанной итерационной семантической модели использования понятия кризис, так как выделенные нами основные положения данной модели в них не отвергаются.

Таким образом, под кризисом понимается комплексное многоуровневое явление, отличающееся хаотичностью и неуправляемостью, выступающее как препятствие устоявшегося, «нормального» функционирования какой-либо системы и вызывающее полную деструкцию или временную ее дезинтеграцию. Исключением не является и общество как социальная система, которая включает в себя все многообразие различных взаимодействий между индивидами и общественными институциями. Кризис общественной системы обозначается как социальный кризис, однако ввиду полисемантности использования самих терминов «общество» и «социальное» данное понятие нуждается в дополнительных истолкованиях и прояснениях. Более того, выступая как сложноорганизованная система, общество включает в себя огромное количество подструктур и социальных связей: экономических, технико-технологических, духовно-культурных, политических и биополитических, межгосударственных и иных, – на микро- и макросоциальных уровнях. Вследствие этого на сегодняшний день мы располагаем множеством дефиниций понятия «социальный кризис» в зависимости от того, с исследовательской оптикой какой науки анализируется это явление и на какой конкретный аспект оно направлено. Безусловно, огромное множество толкований социальных кризисов, их сущностей и причин можно обнаружить в работах философов, занимавшихся и занимающихся проблемами общества и социальной динамики, даже если дефиниция понятия «социальный кризис» не дается в их трудах напрямую. Однако в рамках данной статьи более целесообразным будет не вдаваться в историко-философские изыскания, перечисляя ряд мыслителей и пробуя реконструировать их трактовки социальных кризисов, а попытаться выделить существующие в настоящее время модели использования рассматриваемого в рамках данной статьи понятия.

В философской и научно-исследовательской литературе сложилась разветвленная типологизация социальных кризисов, базирующаяся на разнообразных основаниях и критериях. Так, социальные кризисы классифицируют по признаку очевидности (явные и неявные), по характеру причин (объективные и субъективные), по длительности протекания (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные), по масштабу распространения (локальные, региональные, глобальные) и т.д. Само же понятие социального кризиса может рассматриваться в «узком» и «широком» смыслах его использования [6, с. 109],

что соответствует типологизации социальных кризисов на частичный и общий. В «узком» смысле социальный кризис понимается как временное нарушение функционирования одной из сфер жизнедеятельности социума или социального института. Прежде всего это относится к социально-политической сфере, в которую включаются системы социальной защиты индивидов, социального обеспечения, социальных гарантий и легитимации власти, что сопровождается повышением уровня социального дискомфорта и напряженности индивидов. Но при использовании понятия «социальный кризис» в «узком» смысле нарушения в функционировании других сфер общественной жизни, будь то сфера экономики или права, также обозначаются как социальные кризисы. В «широком» смысле понятие социального кризиса применяется для обозначения ситуаций структурных функциональных нарушений в обществе, интерпретируемом как холистическая система, то есть не просто включающем в себя разнообразные сферы общественных отношений и субъектов социального действия, но устанавливающим между ними настолько прочные связи, что проявления кризисов в одной из них с необходимостью отражаются в других общественных подсистемах. Таким образом, при использовании рассматриваемого понятия в «широком» интерпретационном смысле социальный кризис понимается как нарушение сбалансированности внутри социальной системы, потенциально грозящее ей гибелью и делающее невозможным стабильное, устойчивое развитие общества в целом. Разные методологические направления выделяют различные факторы, вызывающие эти качественные отклонения: обострение социальных противоречий, дисфункции институциональных и социальных связей, нарушения потока внутри сетевых взаимодействий и др.

Каковы теоретические следствия принятия такого семантического разделения понятия социального кризиса на «узкий» и «широкий» интерпретационные контексты?

Все концепции, пытающиеся помыслить социальный кризис в его «широком» смысле, развертываются с указания на фундаментальные основания возникновения социальных кризисов, то есть на некие элементы, задающие саму матрицу общественной жизни и трансформация статус-кво которых является тем зерном, из которого произрастают социальные кризисы. Таким образом, использование понятия социального кризиса в «широком» смысле предполагает наличие определенного социально-онтологического проекта, который в рамках своей теоретико-методологической программы располагал бы инструментарием для вычленения сущности социальных кризисов.

Подобный подход, нацеленный на выявление самой сущности социальности, оперируя логико-теоретическими средствами и тем самым отдаляясь от эмпирического наблюдения социальных фактов, присущ тем интеллектуальным практикам, которые исторически обозначаются социальной философией. Именно в рамках данной дисциплины с Античности и до наших дней создавались противоборствующие концепции, направления и школы, нацеленные

на раскрытие природы того, что называется обществом. Социальный кризис, безусловно рассматриваемый ими по-разному, всегда определялся как объективный фактор общественной жизни, вписанный в саму онтологию социального. Однако несмотря на структурность и логическую непротиворечивость характера такого подхода, ему не удалось избежать обвинений в излишней «теоретичности», «абстрактности» и в целом оторванности от жизни. Казалось, что данные теории имплицитно не содержат в себе сведения, позволяющие с очевидностью сделать логический вывод о том, какими конкретными методами мы должны исследовать феномены социальных кризисов, как возможно использовать данные теоретические построения в реальном предотвращении кризисов и в итоге как мы можем эффективно противостоять кризисным явлениям.

Между тем мы можем использовать понятие социального кризиса в его «узком» смысле. Под социальными кризисами в этом случае понимается ряд взаимосвязанных деструктивных явлений в обособленной социально-политической сфере, таких как: делигитимация власти в сознании больших общественных масс, разрушение структур, обеспечивающих механизм «социального лифта», прекращение идентификации себя как общественной целостности населения и т.д. Причинами подобных кризисов может выступать множество факторов, начиная от более структурных (например, неспособность социальных институтов удовлетворять потребности населения и обеспечивать нормальное общественное развитие) до более практико-прикладных, таких как не имеющие поддержки широких слоев населения социальные реформы или борьба и соперничество различных представителей политической элиты. Стоит отметить, что подобный подход к обозначению дефиниции социального кризиса и поиску последующих практических путей его разрешения опирается в теоретическом плане на более фундаментальные социально-онтологические основания, согласно которым основные сферы, выделяемые в структуре общественной жизни (материально-производительная, духовно-культурная, социально-политическая и т.д.), являются в достаточной мере автономными и представляют собой целостные, интегральные системы. При этом данная оптика исследования принимает как самоочевидный факт то, что принципиально возможно при анализе кризисной ситуации в конкретно-историческом обществе ретроспективно установить ту детерминирующую сферу жизни социума, кризисные явления в которой негативно отразились на всем обществе как таковом.

Исходя из того, какая сфера определяется как детерминирующая, и происходит наименование кризисных ситуаций: экономический кризис, эпидемиологический кризис, идеологический кризис и т.д. Социальный кризис представляется как один из множества потенциальных кризисов в общественной жизни. Подобная интерпретация отказывается от претензий на фундаментальное исследование общества как суперсистемы, акцентируя свое внимание на его партикулярных элементах. Изучение же феноменов социальных кризисов

приобретает конкретно-исторический и узкоспециализированный характер и возлагается на «плечи» частных наук, которые своим непосредственным объектом анализа имеют социально-политическую сферу общественной жизни – от политологии и теории государства и права до регионалистики и теории политического администрирования. Таким образом, использование понятия социального кризиса в «узком» интерпретационном смысле, на первый взгляд, вступает в противоречие с интерпретацией этого термина в указанном нами «широком» смысле, стремящейся описать феномен социального кризиса как явление, которое относится к социуму как холистическому единству, то есть выходящему за границы отдельных областей общественной жизни. Происходит отказ от попыток поиска глубинных, онтологических оснований социальных кризисов в пользу более прикладного и наглядного подхода, отсылающего исследования феномена социального кризиса к многочисленным частнонаучным дисциплинам.

Признавая очевидные достоинства данного подхода к интерпретации феномена социального кризиса, включающего в себя четкость дескрипции пространства «социального», в котором обнаруживаются кризисные явления, вытекающую из этого относительную простоту поиска причин и оснований социальных кризисов, ясность при выборе тактик по удержанию и нивелированию этих явлений, представляется необходимым указать на слабые места, лежащие в основании теоретического фундамента описанного интерпретационно-исследовательского подхода, и те следствия, которые данная стратегия влечет за собой.

Во-первых, это нивелирование взаимообусловленной связи между общественными подсистемами и редукция всей сложноорганизованной социальной структуры к одному из ее элементов, который объявляется детерминирующим в сложившейся кризисной ситуации. Однако происходящие в XXI в. кризисы (к примеру, эпидемиологический кризис COVID-19) наглядно продемонстрировали неразрывную связь всех общественных подсистем в современном глобальном мире.

Во-вторых, эклектика в понимании самой природы социальных кризисов, которая является следствием вышеуказанного редукционизма. Понятие социального кризиса трактуется в зависимости от той дисциплины, объектом которой он выступает в данный момент. Это ведет к невозможности создания интегральной, междисциплинарной концепции социального кризиса, без чего объединение усилий исследователей из разных областей научного знания оказывается принципиально затруднено.

В-третьих, приоритет нацеленности на борьбу с последствиями социальных кризисов, на постижение онтологических, объективных оснований их возникновения. Конечно, понимание феномена социального кризиса исключительно в «узком» интерпретационном смысле приводит к созданию специализированных исследовательских направлений, таких как антикризисное

управление, кризисный менеджмент, менеджмент рисков и т.д. Однако целью этих программ мировой кризисной аналитики, как уже отмечалось, является не разработка концепций сущности социальных кризисов, а наиболее эффективное принятие решений по стабилизации кризисной ситуации. При этом под самим кризисом часто понимается, по меткому критическому замечанию И. Валлерстайна, «нечто такое, что стремятся “преодолеть” так быстро, как только возможно, чтобы избежать в результате ужасных (часто неопределенных) последствий» [3, с. 109].

В-четвертых, данный отказ от попыток фундаментальных исследований социальных кризисов на практике приводит к отсутствию долгосрочного целеполагания в области антикризисных мер, что в свою очередь сводит практику управления к множеству «коротких программ» с отсутствием единой методологии изучения и предупреждения кризисов.

Означенные в настоящей статье проблемы могут быть решены лишь путем снятия кажущегося противоречия между «узким» – частнонаучным и «широким» – философскими подходами к исследованию феномена социального кризиса. Именно философская рефлексия может претендовать на попытку поиска истоков явлений и вычленения объективных структурных взаимосвязей между ними, лежащих за пределами их статистических и эмпирических проявлений. Вопрос о природе и сущности социальных кризисов может быть решен лишь в контексте социально-философской проблематики, включающей в себя вопросы о сущности социального, истоков и движущих сил общественной динамики и т.д. Однако социально-философская теоретическая мысль не может адекватно отражать и анализировать динамику современного общества без обращения к самой общественной реальности происходящих в ней процессов и существующих социальных противоречий. В противном случае философия рискует превратиться в некие лишённые реальной наполненности абстракции, которые невозможно верифицировать ни на эмпирическом уровне исследования, ни, зачастую, на логическом уровне аргументации.

Таким образом, частнонаучные и философские подходы к исследованию феноменов социальных кризисов не взаимоисключающи, а комплементарны друг к другу: философское знание снабжает частные исследовательские программы базовыми онтологическими представлениями об изучаемых объектах, а те в свою очередь аккумулируют новое знание о социальной действительности, тем самым позволяя философским теориям корректировать и умножать свой эвристический потенциал. И только этим путем – путем философской рефлексии, возможно прийти к построению фундаментальной теории, объясняющей сущность социальных кризисов, их онтологический статус в общественном бытии и глубинные причины их возникновения, без чего невозможно адекватное прогнозирование социальных кризисов, разработка методов их предупреждения и путей преодоления.

Список использованных источников

1. Аванесян, А. Критика – кризис – акселерация / А. Аванесян // Логос. – 2018. – № 2 (123). – С. 79–86.
2. Адуло, Т. И. Философская рефлексия современной социальности / Т. И. Адуло // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2021. – Вып. 8. – С. 125–136.
3. Валлерстайн, И. Типология кризисов в миросистеме / И. Валлерстайн // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб. : Университет. кн., 2001. – С. 109–130.
4. Колядко, И. Н. Кризис в процессах трансформации социума: социально-философский анализ / И. Н. Колядко // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 87–98.
5. Попов, В. В. Транзитивное общество: опыт концептуализации / В. В. Попов, О. А. Музыка, С. А. Киселев // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2016. – № 12 (54), ч. 2. – С. 159–161.
6. Падерин, В. К. Социальный кризис и инновационное развитие как условие его преодоления / В. К. Падерин, И. Э. Вильданов // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 2. – С. 107–113.
7. Сазерленд, Дж. Стратегический менеджмент: ключевые понятия / Дж. Сазерленд, Д. Кэнуэлл. – Днепропетровск : Баланс Бизнес Букс, 2005. – 440 с.
8. Сидорина, Т. Ю. Философия кризиса : учеб. пособие / Т. Ю. Сидорина. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 456 с.
9. Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / П. А. Сорокин. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2018. – 640 с.
10. Шубрт, И. Размышления о понятии «кризис» / И. Шубрт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 70–84.
11. Koselleck, R. Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache / R. Koselleck. – Frankfurt a/Main : Suhrkamp, 2006. – 560 S.

Н. Н. Куксачёв

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ОНТОЛОГИЯ КРИЗИСОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Исследованы онтологические основания кризисов современного общества в феноменологическом контексте. Показано, что такой подход предполагает принятие наличия социального мира, существующего в качестве субъективно значимого. В ходе приобретения опыта личностного становления человек получает опыт социальной, персональной и, как следствие, исторической идентичности. Эта субъективная значимость формирует индивидуальный опыт человека. Тем самым такой подход позволяет в должной мере учесть значимость субъектного измерения при исследованиях в общественных науках.

Ключевые слова: *онтология кризисов, современное общество, феноменологический подход*

M. Kuksachou

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**ONTOLOGY OF CRISES OF MODERN SOCIETY:
A PHENOMENOLOGICAL APPROACH**

The ontological prerequisites of the crises of modern society in the phenomenological approach are investigated. It is shown that such an approach presupposes the acceptance of the existence of a social world existing as subjectively significant. In the course of acquiring the experience of personal formation, a person acquires the experience of social, personal and, as a consequence, historical identity. This subjective significance forms a person's individual experience. Thus, this approach makes it possible to take due account of the importance of the subjective dimension in research in the social sciences.

Keywords: *ontology of crises, modern society, phenomenological approach*

Исследуя онтологию кризисов современного общества с феноменологических позиций, следует понимать, что такой подход предполагает принятие наличия социального мира, существующего в качестве субъективно значимого. Приобретая опыт личностного становления, человек привносит часть своего персонального опыта в опыт общесоциальный и, как следствие, формирует историческую идентичность данного общества. В свою очередь накопленный в истории и практикуемый в данном обществе опыт обретает субъективную значимость и принимает важнейшее участие в формировании индивидуаль-

ного опыта человека. Тем самым феноменологический подход позволяет в должной мере учесть значимость субъектного измерения в общественных науках.

Анализ кризисных ситуаций современного общества, которые стали объектом представленного в данной статье исследования, выполнялся нами с использованием феноменологического подхода. С целью выявления специфических особенностей феноменологических методов осмысления сущности кризисов современного общества мы попытались дать ответ на следующий вопрос: каким же образом субъективный опыт отдельного человека может быть включен в общесоциальный опыт и получить закрепление в исторической идентичности данного общества?

Феноменологический метод восходит к теоретическим разработкам трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля и отличается от классического эмпиризма, каким мы его знаем в эпоху Нового времени. В подходе немецкого философа приобретаемое знание неразрывно связано с субъективным переживанием (или «проживанием»), духовным освоением встречающихся феноменов и получило свою разработку в понятии интенциональности как направленности сознания на иное, отличное от данного сознания. Сознание у Э. Гуссерля – это всегда «сознание о чем-то». Такая предметная направленность сознания составляет основу его единства.

Вследствие этого намечается качественное различие между человеком, обладающим приобретенным опытом, и человеком, имеющим знание в классическом его понимании. Между тем нельзя отождествлять и проводить различие между этими двумя приобретениями, опираясь только на основной способ их получения – чувственное восприятие и понятийное мышление. Феноменологический опыт – это своего рода «осадок» (sedimentation) прожитой жизни, запечатленный в восприятии индивида. Пережитое как-бы «осаждается» и закрепляется в схемах опыта, которые направляют человека в жизненном мире и составляют его базисные структуры. Таким образом, феноменологический опыт состоит в неразрывности единения знания и переживания в отличие от классического понимания знания как экспериментального и полученного без влияния личной составляющей экспериментатора.

Органично инкорпорируя личностный опыт в исторический контекст действий, феноменологический метод позволяет адекватно охватывать всю палитру переживаемого опыта в таких кризисных моментах человеческого существования, как, например, война, когда личный опыт отдельного солдата, полученный непосредственно при участии в военных действиях, является нам вплетенным в культурно-исторический контекст происходящего. Это позволяет более многогранно и разнопланово оценить происходящие события, а также проследить влияние исторических событий на конкретные человеческие судьбы, что, возможно, является наиболее важным. Субъект и объект в феноменологическом проекте испытывают постоянное взаимное влияние в процессе построения смыслов (см. схему).

Кроме того, культурно-историческая контекстуальность личного опыта позволяет в значительной мере включить изучение такого опыта при составлении общей социально-исторической картины данного общества в определенный отрезок времени, так как в опыте отдельного человека отражается социальный и исторический опыт всего социума, как в капле воды отражается вся окружающая ее обстановка.

При изучении социума в классическом научном подходе инструменты контроля над образованием собственных понятий не всегда доступны, что признает, в частности, Н. М. Смирнова [1, с. 157], приводя в пример таких исследователей, как С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе, Б. Г. Ананьев, А. В. Брушлинский, В. Ф. Петренко и др., в работах которых происходит фактическое снятие проблемы субъект-объектной дихотомии. Отметим, что указанные специалисты занимались преимущественно вопросами психологии. Действительно, появление такого подхода способствовало развитию целой науки и ветви практической деятельности – психологии, в том виде, как мы ее сегодня знаем. Если при своем возникновении психология пыталась руководствоваться классическим принципом «от внешнего к внутреннему» – от социального к индивидуальному, то далее произошел значительный переворот, позволивший рассматривать отношения субъекта и объекта как неразрывную систему, в которой они не существуют друг без друга.

Существовавшая субъект-объектная оппозиция классической научной методологии познания в некотором роде стала одной из предпосылок кризиса, порожденного техногенной цивилизацией.

Если мы обратимся к определению того, что такое кризис, то сможем заметить, что под кризисом обычно понимают некий переворот, вхождение в переходное состояние, перелом сформированного хода вещей, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые флуктуации и вынужденно формируются новые пути выхода из проблемных ситуаций. Кризис (с др.-греч. κρίσις) обозначает суд, приговор, решение, а также и поворотный пункт. В кризисной ситуации явственно проступают доселе подспудные неявные конфликты, существовавшие в обществе, диспропорции, несправедливости.

Что привносит феноменология в вопрос о кризисах? Этим заинтересовался еще сам основатель этого философского направления Э. Гуссерль. К данной

проблеме его подтолкнул кризис, наметившийся в европейских науках, а также в социальном бытии того времени. В связи с этим немецкий философ поставил перед собой задачу разобраться, почему возник кризис в современном мире, ориентирующемся на науку. Таким образом, изначально ориентированная на исключение реальности и конкретного социального анализа феноменология вынужденно обращается к социологическим проблемам при изучении сознания и познания. По словам Н. В. Мотрошиловой, обратившаяся к изучению формальных структур сознания, очищенного от социальных моментов, феноменология была вынуждена признать, что «поток индивидуального сознания, поток феноменов необходимо заключает в себе социальноопределяемые механизмы и связи» [2, с. 93]. Индивидуальное необходимо предполагало социальное и историческое.

Занимавшиеся методологией науки ученые, в частности В. С. Стёпин, В. А. Лекторский, В. И. Аршинов и др., убедительно показали, что присущие техногенной цивилизации методологические установки объективированного отношения к миру привели к ряду проблем глобального масштаба: возможному самоуничтожению человека, экологическому кризису, что поставило под вопрос сохранение человека как биосоциальной цельности. Доведенная до радикализма ценность рациональности, отношение к природе как к инструменту и неисчерпаемому ресурсу, при пренебрежении опытом человека как личности, поставило человечество перед возможностью самоуничтожения вследствие развития оружия массового уничтожения, нарастания экологического кризиса из-за неумеренного потребления ресурсов, а также потери человеком самого себя в результате «одномерности» его направленности при жизни в обществе на потребление все большего объема продукции [3, с. 100–102]. Несмотря на то что научной рациональностью была обусловлена эффективность развития техногенного типа цивилизации, именно с нею, отмечает Е. Л. Терёхин, связываются неустойчивость, риски и негативные воздействия на человека [4, с. 82]. Так или иначе, но техногенное развитие связано с ухудшением экологической ситуации в мире, ускорением темпа социальной жизни, что усложняет социально-психологический климат в обществе. Ввиду этого привычный для нас критерий оценки развития общества – практическая эффективность, как оказывается, может не являться столь универсальным критерием оценки успешности социума в целом, так как в других культурах могут работать абсолютно иные практики оценки.

В связи с этим В. С. Стёпин признает необходимость поиска новой рациональности, которая в явном виде включала бы в себя гуманистические ориентиры и ценности [3, с. 104]. При уходе от рационалистической классической парадигмы сознание, постигающее действительность, столкнулось с ситуацией погруженности в саму эту действительность, ощутило зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации [3, с. 320]. Общая картина рассматривае-

мых взаимодействий становится все более сложноорганизованной, с нелинейной динамикой, характеризуется «возрастанием энтропии, нарушением воспроизводства значимого социокультурного опыта и эскалацией насилия» [5, с. 78]. Традиционные идентификационные паттерны, структурирующие социокультурные системы, претерпевают модернизацию. На уровне индивида кризис характеризуется возрастанием уровня индивидуализации, десоциализацией личности, освобождением от норм и правил социальных общностей и культурных традиций. Однако, как это ни парадоксально, И. Н. Колядко со ссылкой на У. Бека, Э. Гидденса, З. Баумана отмечает, что увеличение уровня индивидуализации не ведет к росту автономии, а еще более структурирует социальное принуждение и стандартизирует социальные отношения.

Но сегодняшний «кризис в социальной системе – это переломный период в развитии, связанный с дезинтеграцией ключевых социальных институтов, обусловленный процессами делегитимации актуального социального порядка и возникновением новых форм социальной практики» [6, с. 5], который свидетельствует о переходе к четвертой глобальной научной революции. Ее признаками являются расширяющаяся междисциплинарность исследований, комплексные исследовательские программы, возрастающая роль экономических и социально-политических целей при планировании осуществления научно-исследовательских программ. Таким образом, сегодня мы можем говорить о постнеклассической научной рациональности, в которой учитывается соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностями средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами, эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными социальными ценностями и целями [3, с. 327; 6, с. 1], а также с экологическими ценностями и потребностями. Вместе с тем экологические ценности и проблемы обретают все более звучный голос при формировании научно-исследовательской и мировоззренческой повестки современного общества. В результате человек вынужден подбирать органичную встроенность в общую систему, состоящую из его самого, общества и природы. Но делать это уже исходя не из мифологических установок мировосприятия, а встраивая в картину мира научный подход.

Определившись с признанием значимости субъективного опыта, исследователю необходимо также решить проблему его реконструкции, ведь феноменологический опыт человека носит глубоко личностный характер. Это опять-таки может порождать непонимание у ученых, привыкших к классическим методам исследования, в плане подозрения на невозможность репродуцирования этого опыта. Действительно, по мере удаления области рассматриваемого опыта от сферы внешнего мира и приближения его к абсолютно интимному ядру человеческой личности реконструируемость подобного опыта значительно сужается, вплоть до полной невозможности его «припомнить». У Э. Гуссерля этот пласт сознания получил наименование «примордиального мира», который образует социально-психологическую основу внутренней идентич-

ности личности, формируемой совокупностью предыдущего личного опыта. Причем такого рода опыт практически не доступен памяти, то есть не ретенциален. К такого рода опыту относят «переживание собственной телесности, душевную боль, любовные и материнские чувства, глубоко личные психические наклонности и аффекты» [1, с. 159–160]. Однако данный опыт вместе с его суверенностью в социальной феноменологии выступает необходимым условием персональной идентичности.

Как возможна наука о такого рода индивидуальном и невоспроизводимом опыте? Принимая феноменологическую позицию, исследователь социального опыта прежде всего должен сохранять открытость и доверие к опыту тех, кого он изучает, что позволяет избежать необходимости редуцирования человеческого опыта до общих форм. Однако при этом следует избегать всяческих априорных предпосылок и метафизических допущений.

Первым незыблемым фактом для Э. Гуссерля и его последователей является существование персонального сознания и возможность его самопостижения. Выход же на социальный характер феноменологического метода происходит при обнаружении интересубъективности жизненного мира. В социальной феноменологии субъективность предстает в виде личного опыта социальных отношений, а место опыта самопостижения занимает коммуникативный опыт в общественных отношениях, в которых происходит опыт встречи с чужим сознанием как соучастником «сотворения смыслов». В этой самоотнесенности человек постигает себя как личность и обогащает свой личный опыт.

В конце XIX – первой половине XX в. в научном философском дискурсе человек выделился как особый объект познавательной деятельности, который является одновременно и объектом и субъектом такого рода деятельности. В связи с этим перед исследователями встал целый ряд вопросов о том, как возможен такой познавательный процесс, где совпадают познаваемый и познаваемое; о соотношении интенций личностного характера с течением всего общественного процесса и др.

Одной из значимых поворотных точек в процессе поиска подхода к обозначенной проблеме стало исследование интенциональности, разработанное Э. Гуссерлем. Такое движение мысли во многом смогло задать вектор психологическим исследованиям советских и российских психологов в виде упрощения субъектного подхода к рассмотрению психологических феноменов и постановке проблемы личности как интегратора этой феноменологии. Созревание осмысливания данных процессов совпало с актуализацией необходимости в гуманизации общественных отношений в связи с изменениями в социальных процессах в постперестроечное время на территории бывших советских республик. Национальный менталитет представляет собой весьма устойчивую во времени комплексную структуру, которая оказывает значительное влияние на отношения, существующие и формирующиеся в данном обществе.

Список использованных источников

1. Смирнова, Н. М. Социальная реальность как смысловой горизонт человеческой жизни / Н. М. Смирнова // Социальная феноменология в изучении современного общества / Н. М. Смирнова. – М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2009. – Гл. 4. – С. 154–202.
2. Мотрошилова, Н. В. Принципы и противоречия феноменологической философии / Н. В. Мотрошилова. – М. : Высш. шк., 1968. – 127 с.
3. Стёпин, В. С. Философия науки. Общие проблемы / В. С. Стёпин. – М. : Гардарики, 2006. – 384 с.
4. Терёхин, Е. Л. Поиск новых типов научной рациональности в условиях антропологического кризиса: релятивистский подход / Е. Л. Терёхин // Вопр. философии. – 2022. – № 3. – С. 81–85.
5. Колядко, И. Н. Антропологический кризис техногенной цивилизации: параметры и пути преодоления / И. Н. Колядко // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 76–80.
6. Колядко, И. Н. Феномен кризиса в социокультурном развитии современных обществ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / И. Н. Колядко ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2020. – 30 с.

П. С. Петровский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ТЕОРИИ ИНТЕГРАЦИИ

Раскрывается вопрос истоков, природы и оснований евразийской интеграционной теории от географических исследований XIX в. и философии евразийства до современных теоретических дискуссий вокруг евразийской теории интеграции. Выявляется роль географического детерминизма в становлении евразийской теории интеграции, а также попытки его переосмысления через марксистскую политическую экономию. В отличие от теории европейской интеграции, евразийские концепции не претендуют на универсализм и имеют в своей основе стремление преодолеть колониальное прошлое и дискриминацию в современных международных отношениях.

Ключевые слова: *Всеобщее, особенное, Евразия, интеграция, евразийство, ирригационная империя, Европа, азиатский способ производства*

P. Piatrowski

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE EURASIAN THEORY OF INTEGRATION

The question of the origins, nature and foundations of the Eurasian integration theory is revealed from the geographical research of the 19th century and the philosophy of Eurasianism to modern theoretical discussions around the Eurasian theory of integration. The role of geographical determinism in the formation of Eurasian theories of integration, as well as attempts to rethink it through Marxist political economy, is revealed. Unlike the theory of European integration, Eurasian concepts do not claim to be universal and are based on the desire to overcome the colonial past and discrimination in modern international relations.

Keywords: *General, particular, Eurasia, integration, Eurasianism, irrigation empire, Europe, Asian mode of production*

Осознание интеграции в рамках Евразии началось только в начале XX в. Это связано с самой проблемой осознания целостности Евразии в географической и общественных науках. Вплоть до середины XIX в. ученые-географы разделяли континент на Европу и Азию, не признавая его целостности.

Первоначально идентификация «евразиец», возникшая в Индии в начале XIX в., имела негативную коннотацию и применялась к детям от смешанных браков между европейцами и азиатами, прежде всего индийцами и китайцами.

Существовал глубокий мировоззренческий разрыв между Европейской и Азиатской частями континента, который коренился в расистских и ксенофобских взглядах представителей «белой» Европы. Только в начале XX в. изначально негативный оттенок этого слова постепенно стал исчезать.

Сам термин «Евразия» был введен геологом Э. Зюссом в 1880-е годы, на полвека позже самой идентичности «евразиец». Древние греки Европой называли легендарную финикийскую царевну, а Асием – царя города Арисбы, союзника Трои. Позже, в эпоху Античности имена мифических правителей древних царств были перенесены на части суши. Европой стала именоваться часть континента, отделенная Эгейским, Средиземным и Черным морями, а также рекой Дон (подобное видение имеется уже у Страбона и Полибия). У Герарда Меркатора граница Европы идет по Дону, а от его истока – строго на север до Белого моря. За Азией закрепилось наименование всего пространства восточнее Европы.

Обозначение Э. Зюссом географической целостности Европы и Азии стало революцией в осмыслении пространства, закрепившегося еще в Античности. Поэтому введение категорий «Евразия», «евразиец» не могло не повлиять на трансформации политического, культурного, идеологического осознания данного пространства.

Геополитика и Евразия

Политическое осознание Евразии стало появляться вместе с выявлением влияния географического фактора на международные политические процессы и последующим зарождением геополитики. Британская и американская школы геополитики (Х. Маккиндер, А. Мэхэн, Н. Спикмен) видели своей задачей выработку механизмов сдерживания развития евразийского пространства и установления над ним своего политического контроля [1, с. 211]. Иной позиции придерживались ученые, направления исследований которых позже стало принято называть континентальными. Они рассматривали выработку механизмов и подходов обеспечения максимальной субъектности евразийского пространства и недопущения его подчинения внешним акторам.

Однако оба геополитических подхода фиксировали отличие политических процессов на приморских территориях и в государствах, акцентирующих свое развитие на морской торговле и владычестве, от тех государств, которые концентрируются на сухопутном развитии, а морские пространства для них если и играют роль, то вспомогательную. Подобные системы именуются в геополитике соответственно талассократией и теллуократией. Доминирование влияния пространства суши или моря влияет на природу и структуру того или иного государства, закладывает определенные тенденции в их развитие. Так, согласно А. Мэхэну, особенностью морских государств выступают обмен товаров и услуг через водные пути, навигация, реализующая этот обмен, колонии, производящие циркуляцию товарообмена на мировом уровне [3, с. 47].

Для обеспечения доминирования морских государств следует проводить политику блокирования («стратегия кольца анаконды») континентальных стран через недопуск их выхода к морю, а значит, и ограничение торговли.

Континентальная стратегия исходит из потребности объединения суши и создания объединенной, автаркийной модели хозяйства без внешнего вмешательства. Между теллуократической и талассократической моделями имеется объективное диалектическое противоречие, которое проявляется в международном противостоянии стран и интеграционных образований.

Географический детерминизм в евразийстве

Зародившееся в среде молодых мигрантов в 1920-е годы евразийство как концепция исходило из достижений того времени в политической и географической сферах. Следует сразу оговориться, что в отличие от теоретиков европейской интеграции, евразийское движение формировалось в эмиграционной обстановке, в отдаленности от реальных политических процессов в России. Поэтому евразийство следует рассматривать как не вовлеченную в реальные политические события рефлексию и интеллектуальный эксперимент.

Несмотря на отвлеченный статус, евразийство впервые сформулировало идеи особой политической роли Евразии, корреляции между евразийским континентом и Россией, потребности в создании единого евразийского субъекта.

В современных исследованиях приводится множество точек зрения и мнений по вопросу влияния на евразийство и его истоков. Не отвлекаясь на подобные дискуссии, необходимо подчеркнуть, что не следует абсолютизировать влияние на евразийство немецкой геополитической школы. В то же время интерес представляет русская географическая традиция, которая, к слову, имела реальный эмпирический и прикладной характер и связана с освоением широких просторов Российской империи.

Между тем любопытно рассмотреть и влияние теории конвергенции Л. С. Берга, согласно которой имеются связи «культуры», придающие те же характерные особенности двум «биологическим» видам, не имеющим генетического родства, просто потому что они соседствуют друг с другом и живут в одной и той же среде. Это иллюстрирует глубину географического детерминизма, который лежит в основе евразийства и разительно отличает его от европейского подхода к интеграции [4, с. 112].

Отсюда и возникает потребность введения евразийцами понятия «месторазвитие», которое в противовес географическому детерминизму классической геополитики имеет двустороннюю направленность, связывающую как географическую, так и конкретную социально-историческую среду. Таким образом, месторазвитие является не столько пространством развития народов, сколько географически определенной социальной общностью. Через взаимосвязь конкретного сообщества с территорией объясняется отличие природы континен-

тальных государств от морских. То есть географический детерминизм евразийства рассматривал прежде всего географически локализованные сообщества, а не отдельно географический фактор.

При этом среди последователей евразийства имелись конкретные трудности по определению границ самой Евразии. Казалось, что географическая детерминированность диктует признание географических границ Евразии и за политические (признать Евразию как завершённый материк и «мир в себе»). Однако использование культурного фактора и его расхождения в части противопоставления славянского православного пространства романо-германскому или исламскому привело к наличию реальных проблем в определении политических и культурных границ Евразии. Так, П. Н. Савицкий предлагал установить западную границу Евразии по восточной границе Польши, что демонстрирует отклонение от географического детерминизма в пользу политической мифологии [5–7]. В этой ситуации исследователь связывает политическую интеграцию не с самой географической данностью границ евразийского континента, а с формами хозяйствования, которые порождаются географической средой.

Например, логичной виделась интеграция степных и речных территорий, которые играют системообразующую роль в обеспечении транзита, но не защищены в условиях отдельного политического существования.

«Евразийцами» признавался фактор худших, нежели у морских государств, условий существования континентальных политических образований, вызванный большей затратностью транзита по суше, чем по морю [7, с. 264]. Также континентальное хозяйство из-за сложных климатических условий и определенной инфраструктуры требует централизации экономических сил, поощряет коллективизм и взаимную ответственность. Оба фактора содействуют установлению автаркийного принципа экономической интеграции.

Особенности континентального управления и существования диктуют и иное отношение к личности. Потребность в постоянной солидарности и первичность сообщества приводят к тому, что обязанность индивида по отношению к общности является первичной.

Отдельный акцент «евразийцы» делали на форме общевразийского устройства. 1920-е годы – время формирования евразийства, диктовало повестку дня, сосредоточенную вокруг положительных и отрицательных сторон советского федерализма. «Евразийцы» считали данную модель чрезмерно централизованной и не соответствующей потребностям больших территорий. По их мнению, народы в Евразии должны быть связаны не принуждением, но посредством единой идеологии (идеократия) [4, с. 180].

Неоевразийство

Неоевразийство, сформированное после распада СССР, оказалось под мощным влиянием сразу нескольких тенденций, как то:

потребность приспособить классическое евразийство к новым политическим условиям,

появление огромного числа наработок в области теории интеграции, геополитики, экономики, теории международных отношений и их использование в евразийстве,

противоречивый опыт социалистической и европейской интеграции, идеологическая фрустрация в странах постсоветского пространства.

Поэтому неоевразийство зачастую критикуют за чрезмерное увлечение внедрением западных концепций, излишнюю доктринальность, отсутствие развитого научного инструментария, имевшего потенциал к использованию для прикладных исследований, разработки моделей и сценариев интеграции, ситуативного анализа и прогнозистики.

Иную крайность представляет так называемое либеральное евразийство. Авторы этой концепции рассматривают евразийскую интеграцию как процесс создания регионального интеграционного объединения, включенного в общемировые глобальные процессы. Неоевразийство, в отличие от классического евразийства, не использует в полной мере географический детерминизм, делая ставку на подход классической политэкономии, либеральной теории интеграции и стремлении вписаться в международные институты и процесс глобализации.

Основными принципами либерального евразийства являются:

эффект континентального масштаба, диктующий принципиальную роль евразийского обмена в интеграции,

интеграция «снизу» через торговлю и ограниченную роль государства, международные и западные либеральные оценки эффективности интеграции,

стремление через евразийскую интеграцию более глубоко объединить страны континента в процессы глобализации на основе западной модели развития и интеграции.

Особую нишу здесь занимают наработки П. Франкопана, который обосновывал реализацию китайского проекта «Один пояс – один путь» через исторические закономерности и культурную потребность [9].

Евразийская политическая экономия

Евразийскую политическую экономия можно рассматривать отдельно. Ее зарождение связано с обращением в постсоветских гуманитарных исследованиях к российским географическим, социальным и хозяйственным особенностям. Евразийская политическая экономия взяла за основу марксистский подход, соединив его с фактором географического детерминизма и используя наработки К. Маркса в области выявления так называемого азиатского способа производства и его развитие Ю. Семеновым как концепции политарного

способа производства, то есть типа производства, характерного для территорий, находящихся в глубине континента и не имеющих выходов к морю [8].

В евразийской политической экономии были взяты за основу методы диалектического материализма, которые усложняются включением географических и культурных детерминант в виде концепции месторазвития и культуры хозяйственных и социальных отношений, а также некоторыми достижениями школы маржинализма. Под месторазвитием при этом понимается «единство природных и жизнедеятельностных процессов в рамках определенной территории» [2, с. 30].

Евразийская политическая экономия исходит из того, что цена логистики, климатические условия создают либо конкурентные преимущества, либо потери. Например, из-за высокой цены континентальной логистики при вступлении в мировое хозяйство континентальные страны всегда несут бóльшие издержки, нежели морские. Усиливается и эксплуатация труда капиталом, так как на труд перекладываются издержки, появляющиеся от более суровых географических условий. Поэтому континентальным странам и их регионам целесообразнее выстраивать отношения не столько с мировым рынком, сколько организовывать автономное и дополняющее друг друга целостное континентальное хозяйство, где роль океанической логистики второстепенна [2, с. 31].

Продолжая идеи К. А. Виттфогеля («ирригационная империя») [12], Ю. А. Семенова (политарный способ производства) [8], Б. Рицци (бюрократический коллективизм) утверждает, что социализм в СССР был ничем иным, как индустриальной формой азиатского способа производства, где вместо капитала утвердился план. Социализм в СССР сохранял в себе диалектические противоречия и не являлся этапом, предшествующим коммунизму. Однако, в отличие от западной формы капитализма, диалектические противоречия в СССР имели иную природу – плана. Подобная форма производства для Евразии является объективной в связи с географическими издержками, исходящими от потребностей централизованной организации дорогостоящей континентальной инфраструктуры.

Для выявления инновационного потенциала евразийской интеграции авторы концепции евразийской политической экономии разделяют продукты производства на два вида: базовые и пионерные. Если первый вид не является инновационным, а воспроизводит уже имеющиеся образцы, то второй создает новый продукт [2, с. 176–179]. Отличие пионерного продукта от инновационного заключается в его новизне не столько в глобальных масштабах, сколько в рамках регионального хозяйственного кластера. Поэтому импортозамещение также включается в пионерную часть экономики как инновация для конкретной геоэкономической зоны. Подобное решение является итогом признания отстающего характера экономик большинства евразийских стран.

Особое внимание в евразийской политической экономии уделяется вопросу экономической культуры, которая видится как противоречивое явление.

Экономическая культура, включающая в себя объективные производительные и потребительские силы, субъективные психологические реакции и институты, с одной стороны, позволяет воспроизводить имеющиеся знания, умения и навыки хозяйствования, но с другой – является довольно инерционной и не позволяет мобильно перестроиться либо внедрить инновации [2, с. 191]. Выделяются планомерные и товарные экономические культуры. В первых господствует внеэкономическое принуждение и централизация, тогда как во вторых акцентируется внимание на товарно-денежных отношениях и распыленности субъектов управления [2, с. 196].

Сторонники евразийской политической экономии констатируют углубляющийся периферийный характер евразийского способа хозяйствования, в котором увеличивается доля базового продукта и уменьшается доля пионерного. Рассматривая перспективы евразийской интеграции, можно выделить три сценария развития.

Первый предусматривает развитие евразийской интеграции в рамках господствующего однополярного мира. В данной ситуации полюс, представленный коллективным Западом, сосредотачивает в себе производство подавляющего количества пионерного продукта. Евразийский интеграционный проект же будет терпеть на себе максимальную капиталистическую нагрузку за счет невыгодных для внутриконтинентальной экономической системы условий. Пионерный и инновационный секторы экономики будут фактически ликвидированы. Евразия сосредоточится на добыче и поставках технологическому центру ресурсов, а также их первичной переработке. Данный сценарий приведет к глубокой эрозии социальных и хозяйственных отношений на евразийском пространстве.

Второй сценарий предусматривает накопление первоначального капитала странами евразийской интеграции за счет увеличения цен на ресурсы и его дальнейшее инвестирование в пионерный сектор экономики. Сектор базового продукта оказывается донором для развития сектора пионерного продукта [2, с. 731]. Данная модель возможна в условиях роста цен на сырье, и в особенности на энергоресурсы. Однако авторы концепции евразийской политической экономии видят и вызовы. Во-первых, страны – технологические лидеры будут пытаться диверсифицировать свои сырьевые источники. Во-вторых, подобная модернизация имеет прямую зависимость от колебаний цен на энергоресурсы и сырье. И в-третьих, при условии все же роста пионерного сектора в евразийском пространстве и нехватке ресурсов для стран технологических лидеров у последних может произойти усиление финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также пионерного сектора в целом для поиска и создания новых, более энергосберегающих технологий. В данном случае попытка евразийского пространства модернизироваться будет являться катализатором ускоренного технологического рывка для технологических лидеров.

Третий сценарий предусматривает развитие евразийской интеграции в условиях многополярного мира, то есть формирование нескольких технологических ядер в мире. При этом основным условием развития здесь становится введение плана. Сторонники евразийской политической экономики объясняют это потребностью в огромных затратах, которые не могут стимулировать рынок, и приконтинентальных издержках, а также незаинтересованностью сырьевого и обрабатывающего секторов экономики вкладывать в инновационные секторы. В условиях же плана «государство будет в плановом порядке изымать прибыли у частных компаний и перераспределять в пользу нового пионерного сектора экономики» [2, с. 736].

Противоречия в евразийской интеграционной теории

Основным противоречием в евразийских исследованиях выступает взаимосвязь всеобщего и особенного как в политэкономии, так и в культурной и политической сферах.

Классическая политэкономия и основанные на ней концепции евразийской интеграции отвергают особенное и базируются на всеобщем (спрос, предложение и т.д.). Иной точки зрения придерживаются сторонники особенного, будь то оно национально, культурно или географически обозначено. Один из основателей исторической школы политэкономии Г. Шмоллер отмечал, что следует учитывать условия хозяйствования и их связи с жизнью нации и государства [10, с. 33–35].

В связи с этим возникает вопрос корреляции особенного с экономическими законами. Сторонники выявления аспектов особенного в политэкономии стоят на позиции отсутствия адекватных универсальных законов, ограничивая выявленные закономерности характеристикой причинно-следственных связей, имеющих объективный и существенный характер в сфере экономических отношений и народном хозяйстве.

Этой же проблеме посвящен вопрос «азиатского способа производства». Марксизм, выступающий за универсальный стадийный и линейный путь развития общественных и производственных отношений во всем мире, столкнулся с противоречиями на примере стран Азии. К. Маркс вначале решил выделить подобный способ производства, однако не разработал его. Впоследствии споры вокруг наличия особенных региональных форм эксплуатации привели к созданию целых теорий, например теории «гидравлического государства», указывающей на важную роль географического фактора, который ставит перед обществом задачу создания сложных инфраструктурных систем, для поддержания чего требуется формирование сильного государства с развитой бюрократической системой. Исходя из этого и производится связь между созданием жестких, деспотических и авторитарных режимов и сухопутным, континентальным характером государства.

Отсюда и второе противоречие: наличие особенного и всеобщего в политической сфере (государственное устройство, политический режим). Сторонники всеобщего (универсалисты) утверждают, что все государства и общества проходят линейную эволюцию от деспотических форм к либерально-демократическим. Критикуя подобное упрощение, сторонники особенного делают акцент на культурные и общественные особенности, вызванные внешними условиями и исторической спецификой формирования того или иного общества.

К. Шмитт, рассматривая корреляции между политическим устройством, правовой системой и культурой с одной стороны и географическим фактором – с другой, разработал теорию «номоса земли», то есть взаимозависимости правовой системы государства от географических факторов, в котором оно находится. Более того, исследователем была прослежена эволюция номоса в международных отношениях: от периода локальных цивилизаций через великие географические открытия и до формирования глобального номоса [11]. Борьба за доминирование и господство и является причиной противоречий между различными моделями развития и претензиями их на универсальность.

Спор универсалистов и регионалистов, наиболее известными представителями которого являлись Ф. Фукуяма и С. Хантингтон, до сих пор не решен. Более того, он затрагивает и иные сферы. К примеру, вопрос вестернизации культуры, наличия всеобщих ценностей и их трансляцию во всемирном масштабе.

Если сравнивать парадигмы основных течений европейской и евразийской теорий, то можно отметить несколько особенностей.

Во-первых, европейская теория интеграции претендует на универсальность. Принимая локальное зарождение европейских ценностей, политической системы, экономических отношений, европейские теории включают универсальный характер своих принципов и норм. Более того, несмотря на локальное происхождение, в концепциях европейской интеграции имеется определенная установка на распространение своих принципов на иные географические и политические зоны.

Во-вторых, подавляющее большинство концепций евразийской интеграции делает акцент на местные особенности, которые ставят под сомнение универсализм западных интеграционных моделей и указывают на вредность их слепого копирования и внедрения. Виден оборонительный, защитный характер евразийских концепций, вызванный негативным колониальным прошлым и дискриминационным настоящим стран региона в мировой системе. В евразийских концепциях предлагается выработка инструментария и обоснования преодоления внешней зависимости.

Особое противоречие в евразийских концепциях занимает вопрос интеграции и лидерства в ней. В отличие от западных моделей, продвигающих принцип равновесия, евразийские концепции не предлагают моделей сопряжения интересов основных акторов Евразии в рамках интеграционных процессов.

Наоборот, наблюдается конкуренция интеграций, рассмотрение интеграционных проектов друг друга как вредоносных, опасных, являющихся вызовом. Это, в свою очередь, несет угрозу блоковой фрагментации Евразии и превращения ее в очередную геополитическую шахматную доску.

В евразийских концепциях имеется дефицит теоретических оснований и инструментария по ведению международной дипломатии, выработке механизмов преодоления конфликтности и совместного принятия решений в интеграционных образованиях, что ведет к недоверию между интеграционными центрами силы.

Список использованных источников

1. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея-центр, 2000. – 928 с.
2. Евразийская политическая экономия : учебник / под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
3. Мэхэн, А. Влияние морской силы на историю, 1660–1783 : пер. с англ. / Альфред Мэхэн. – М. ; Л. : Военмориздат, 1941. – 440 с.
4. Назмутдинов, Б. В. Законы из-за границы: политико-правовые аспекты классического евразийства / Б. В. Назмутдинов. – М. : Норма, 2017. – 272 с.
5. Савицкий, П. Н. Евразийство / П. Н. Савицкий // Основы евразийства: хрестоматия / сост.: Н. Огамян [и др.]. – М. : Арктогея-центр, 2002. – С. 266–280.
6. Савицкий, П. Н. Евразийство как исторический замысел / П. Н. Савицкий // Основы евразийства: хрестоматия / сост.: Н. Огамян [и др.]. – М. : Арктогея-центр, 2002. – С. 281–294.
7. Савицкий, П. Н. Континент-океан. Россия и мировой рынок / П. Н. Савицкий // Основы евразийства : хрестоматия / сост.: Н. Огамян [и др.]. – М. : Арктогея-центр, 2002. – С. 305–323.
8. Семенов, Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России: философско-исторические очерки / Ю. И. Семенов – М. : Ленанд, 2019. – 376 с.
9. Франкопан, П. Шелковый путь / П. Франкопан ; пер. на рус. В. Шаршукова. – М. : Эксмо, 2017. – 688 с.
10. Шмоллер, Г. фон. К методологии общественно-политических и социальных наук / Г. фон Шмоллер // Terra Economicus. – 2011. – Т. 9, № 3. – С. 33–35.
11. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum* / Карл Шмитт ; под ред. Д. Кузницына ; пер с нем. К. Лощевского, Ю. Коринца. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 670 с.
12. Wittfogel, K. A. *Oriental Despotism a Comparative Study of Total Power* / K. A. Wittfogel. – London : Yale Univer. Press, 1963. – 578 p.

В. А. Одиноченко

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
Гомель, Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Концепция межкультурного положения Беларуси была разработана в начале XX в. видными деятелями национального культурного возрождения. В настоящее время она часто используется при объяснении процессов трансформации, которые происходят в стране. Необходимо различать пространственное и временное измерения промежуточного положения Беларуси. В пространственном плане мы находимся между Россией и Европой. Взаимодействие с ними следует рассматривать в историческом аспекте. Современная Беларусь является независимым государством и должна сама формировать свое культурное пространство и время.

***Ключевые слова:** промежуточное положение, культурное пространство и время, глобализация, теория локальных цивилизаций, самостоятельное культурное развитие*

V. Odinochenko

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

TRANSFORMATION OF SPATIAL AND TEMPORAL CHARACTERISTICS OF THE INTERCULTURAL SITUATION OF MODERN BELARUS

The concept of the intercultural position of Belarus was developed at the beginning of the 20th century by prominent figures of the national cultural Renaissance. At the present time, it is often used in explaining the transformation processes that are taking place in the country. Necessary distinguish between the spatial and temporal dimension of the intermediate position of Belarus. In spatial projection, we are located between Russia and Europe. Interaction with them should be considered in a historical aspect. Modern Belarus is an independent state and must form its own cultural space and time.

***Keywords:** intermediate position, cultural space and time, globalization, theory of local civilizations, independent cultural development*

При объяснении специфики белорусской культуры концепция промежуточного положения является наиболее распространенной и часто задает видение проблемы как на повседневном, так и исследовательском уровне. Эта концепция была сформулирована в начале XX в. в произведениях видных представителей белорусского национально-культурного возрождения Максима

Богдановича, Янки Купалы, Игната Абдираловича (Кончевского) и имела вид «Беларусь между Россией и Польшей». Такая трактовка обуславливалась прежде всего политической ситуацией. В ту эпоху на наших землях происходила бескомпромиссная борьба, в том числе и за культурное влияние, между сторонниками возрождения Речи Посполитой и властью Российской империи. Это противостояние, с одной стороны, рассматривалось как препятствие для выработки национального самосознания белорусов, с другой – стимулировало процесс зарождения самосознания народа, способствовало росту национально-освободительных и демократических настроений.

Показательным является название вышедшей в 1915 г. работы М. Богдановича «Хто мы такія?», а также ответ на поставленный вопрос: «“Хто вы такія? Што вы за народ?” Так пытаюцца ў нас, простых людзей... Мы – трэці народ рускага кораню, завёмся б е л а р у с а м і, і старонка наша завецца Б е л а р у с ь... Жывём мы паміж палякаў і вялікарусаў, народаў моцных, і маем шмат крыўды ад іх. Бо ёсць вялікарусы, што намагаюцца, каб мы забыліся на ўсё сваё, беларускае, выракліся яго ды звярнуліся ў вялікарусаў, гаварылі б і жылі па-іхняму. Ёсць і палякі, каторыя таксама хочуць змяніць нас на свій капыл, каб і мы сталіся палякамі» [1, с. 126–127]. Здесь значимым является не только обозначение самой ситуации «между», но и ее неблагоприятного характера, поскольку подчеркивается, что влияние более сильных соседей препятствует формированию национальной самоидентификации белорусов.

В советский период истории концепция промежуточного положения утратила свое значение для национального самоопределения, которое осуществлялось в рамках государственной идеологии. Советский Союз рассматривался как страна победившего пролетариата, которая находится во враждебном капиталистическом окружении, что сопровождалось жестким подавлением любого неприятельского влияния извне. В соответствии с этим оценивались как негативные и враждебные всевозможные «акции» со стороны буржуазной Польши, в том числе и культурно-религиозного характера. После того как образовалась Польская Народная Республика, польский фактор фактически не оказывал серьезного влияния на культурное развитие Беларуси. РСФСР и БССР как две советские республики являлись частями огромной страны, простиравшейся на восток до Тихого океана, поэтому проблема межкультурного положения нашей территории была снята с повестки дня.

Эта проблема вновь приобрела актуальность после того, как в 1991 г. в результате распада СССР образовалась Республика Беларусь. Одной из задач, которые перед ней встали, было определение своего места в мире. При этом структура последнего также резко изменилась. До середины 1980-х годов мир был биполярным, характеризовался социально-экономическим и идеологическим противостоянием двух лагерей – социалистического и капиталистического. В то время БССР, согласно официальной идеологии, находилась в аван-

гарде всемирно-исторического развития, поскольку вместе с другими социалистическими республиками успешно двигалась к построению коммунизма. Затем мир стал однополярным с гегемонией США, и мы оказались в числе тех стран, которые должны были войти в общее русло «цивилизационного развития». Однако постепенно начали формироваться новые центры силы, например Россия и Китай. Современный мир является неоднородным. Выявилась специфика развития различных регионов, наличие которой сейчас принято объяснять традиционными культурными ценностями. Перед большинством постсоветских стран встала задача определить свое место в современном динамичном, неустойчивом мире.

В настоящее время промежуточное положение Беларуси обозначается как нахождение между Россией и Европой. При этом трактовка соотношения последних принципиально изменилась за короткое время. В 1990-е годы в качестве одного из компонентов политики перестройки существовала общая установка на межгосударственный диалог и максимальное сближение стран и цивилизаций. В связи с этим предполагалось, что образуется Европа «от Лиссабона до Владивостока», и Россия станет органичной частью европейского пространства. Однако постепенно все более явными становились препятствия объективного и субъективного плана на этом пути. Россия претендовала на статус «великой державы» и одного из самостоятельных центров сил. О своей исторической субъектности заявили и некоторые другие постсоветские государства. После недавних событий в Украине соотношение «Россия – Европа» приобрело конфронтационный характер, одним из проявлений которого является то, что наша восточная соседка активно подчеркивает свою культурную специфику, центральным положением которой является консолидация многочисленных национально-этнических культур. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем интервью в мае 2020 г. особо подчеркнул: «Россия – это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация: это многонациональная страна с большим количеством традиций, культур, вероисповеданий» [2].

Для Беларуси проблема осмысления своего места в мире является чрезвычайно актуальной. В практическом плане стала очевидной необходимость формирования собственного видения ситуации в мире и в регионе и построения на его основе взаимоуважительных отношений с другими странами. При всем различии существующих подходов, обусловленных политическими установками, как правило, подчеркивается стремление проводить конструктивную международную политику.

При рассмотрении проблемы межкультурного положения современной Беларуси следует учитывать, что основное внимание в ней обычно уделяется пространственному аспекту. В связи с этим, на наш взгляд, продуктивно использовать концепцию локальных культур или цивилизаций. Схематично она может быть изложена следующим образом. Идея единой общечеловеческой

культуры имеет абстрактный характер, реально существуют локальные цивилизации, имеющие свою специфику и элементы, несводимые друг к другу. Положительным следствием принятия концепции локальных цивилизаций является отказ от «культурного империализма», когда вершиной развития человечества объявляется Европа и считается, что все народы должны в своем развитии ориентироваться на нее. Противостояние подобным установкам стало наиболее актуальным в XX в., когда было осознано культурное многообразие мира и необходимость учитывать традиционные ценности при планировании путей дальнейшего развития.

Однако в современных условиях признание разнообразия культур должно быть дополнено выработкой концептуальных принципов их взаимодействия. Обусловлено это прежде всего процессом глобализации, которую в самом общем виде можно описать как сближение между различными регионами Земли. Следует учитывать, что пространство современной культуры сделалось более сложным и многомерным. Одной из тенденций, его определяющих, является «имманентно противоречивая природа глобализации, объединяющая в себе радикально противоположные процессы и их социокультурные импликации» [3, с. 5].

Наряду с унификацией в нашу эпоху происходит возрастание степени неоднородности культурного пространства. Унификация связана преимущественно с распространением массовой культуры и интенсивно осуществляется на повседневном уровне. В то же время очевидным является усиление внимания к национальной культурной специфике, сформированной в ходе исторического развития. Объясняется это не только привязанностью к прошлому и стремлением подчеркнуть свои особенности. В современных условиях традиционная культура рассматривается как естественная среда существования человека. Все более очевидным становится положение о том, что, когда народ утрачивает свою культуру, он исчезает.

В современном обществе актуальной является проблема сочетания традиционных культурных ценностей с установками на развитие и новизну. Отметим, что на ее решение направлены усилия многих государств, Беларусь в этом плане не одинока. Кроме того, взаимодействие культур является одной из причин осознания их непохожести. По этой причине в мире возрос интерес к национальным традициям, результатом развития которых и является культурное пространство того или иного народа.

Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть межкультурное положение современной Беларуси и во временном аспекте. Последний определяется процессом, который обозначается понятием «трансформация». Ее сутью является то, что советская культура, «национальная по форме и социалистическая по содержанию», частью которой была также и белорусская, заменяется культурой независимого государства.

Подчеркнем, что эти две культуры, советская и белорусская, базируются на различных принципах. Поэтому переход от одной к другой не является плавным. Мы можем обозначить его как разрыв во времени. Прежние ценности и схемы поведения утратили свое ориентирующее значение, на смену им постепенно приходят иные. Этот процесс, вопреки оптимистическим ожиданиям конца 1980-х – начала 1990-х годов, оказался непростым и не столь стремительным, на его осуществление потребуется немало времени.

В условиях транзитивности, характерной для современной Беларуси, актуальным становится понимание того, что такое культура. В настоящее время насчитывается около тысячи ее определений, что объясняется как разнообразием исследовательских подходов, так и сложностью самого этого социального феномена.

Для нашего анализа мы будем исходить из деятельностного подхода при рассмотрении культуры. В качестве ее рабочего определения возьмем ставшее уже классическим следующее: «Культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие), специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [4, с. 292].

В онтологическом плане мы можем говорить о культуре как особом типе реальности, созданной человеком. При этом подчеркнем, что произведенный продукт предполагает авторство. Так, известно, кто написал «Войну и мир», «Три товарища» и «Альпийскую балладу». Между тем вся культурная реальность имеет не индивидуальный, а коллективный характер. При этом осуществляются «социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени» [5, с. 40]. Но также в результате этих практик происходит формирование пространства и времени.

Процессы трансформации, начавшиеся во второй половине 1980-х годов, привели к изменению той культурной реальности, в которой мы живем, а также ее пространственных и временных характеристик.

Согласно официальной советской идеологии, задававшей схемы мировосприятия и деятельности, пространство нашей культуры структурировалось имевшим место противостоянием социалистической и капиталистической систем. Во временном плане культура описывалась в терминах «прогрессивная» и «реакционная» соответственно. Будущее советской культуры, частью которой была белорусская, связывалось с построением коммунизма. Реакционным считалось все то, что было помехой на этом пути и служило идеологической дезориентации трудящихся. В условиях Советской Беларуси эти препятствия трактовались как пережитки, которые должны были быть искоренены. К ним относилась, например, религиозная традиция.

Предполагалось, что Советский Союз является образцом для других стран. Фактически мы были частью глобализационного проекта, который базировался на положениях марксистской философии. Одним из его аспектов являлось то, что в перспективе все культуры сольются в одну. При этом не утверждалось, что они утратят свои национальные специфики, но полагалось их единство, которое будет обеспечено победой коммунизма во всемирном масштабе.

После распада социалистической системы на первый план вышло не только культурное многообразие мира, но также его качественная неоднородность. В связи с этим для Беларуси остро встала проблема культурной идентификации. В настоящее время существуют две ее основные трактовки. Согласно первой трактовке мы принадлежим к восточнославянской культуре, согласно второй – к европейской. При этом осуществляется различная временная ориентация: в первом случае акцент делается на традиционные ценности, во втором – на присущую современной культуре динамику развития процессов информатизации и модернизации.

Изменилось также восприятие культуры. В соответствии с прежней идеологией в основу общественного процесса было положено учение К. Маркса об экономическом базисе – совокупности производственных отношений, возникающих в общественном производстве независимо от воли людей, на основе которого выстраивались надстроечные структуры, в том числе определенные формы общественного сознания. Культура принадлежала к надстройке и определялась базисом. Единство культур народов, которые проживали на территории Советского Союза, обеспечивалось общим социальным строем, поэтому республики и Прибалтики, и Средней Азии принадлежали к одной культуре – «национальной по форме и социалистической по содержанию».

Когда в результате трансформационных процессов конца XX в. от этой схемы отказались, культура приобрела самостоятельное значение. Более того, при объяснении различий между странами все большее внимание стало уделяться принятым у них культурным ценностям, трактуемым как ориентиры для деятельности. Также приобретают смысл выработанные в рамках философии социальные идеи при всей их кажущейся абстрактности.

Концепция межкультурного положения Беларуси является одной из возможных при осмыслении нашего современного состояния. Но применяя ее, акцент следует делать не на географии, а на истории. Понимание того, что такое Россия и Европа, должно быть осуществлено через рассмотрение процессов их формирования, в том числе в пространственном и временном аспектах.

Сейчас в постсоветских странах в связи с обретением ими самостоятельности происходит переосмысление собственного культурного прошлого и, соответственно, формирование культурной традиции в интересах настоящего и будущего. Перед Беларусью стоит задача вхождения в современный мир в качестве суверенного государства. Решение этой задачи требует целенаправленных усилий.

В связи с этим необходимо осмыслить, что мы имеем в виду, когда говорим о современности. В «Толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова «современный» определяется как «1. Относящийся к одному времени, к одной эпохе с кем-чем-н. 2. Относящийся к настоящему времени, к текущему моменту, к настоящей эпохе, теперешний. 3. Стоящий на уровне своего века» [6, с. 637–638].

Исходя из третьего значения слова отметим, что современность имеет пространственную локализацию и во многом определяется культурными ценностями, выработанными в рамках европейской культуры. Они продолжают быть ориентиром развития для многих государств мира.

Однако следует учитывать не только гетерогенность пространства современного мира, но и его многомерность. В экономическом и политическом плане оно определяется теми государствами, которые располагают для этого необходимыми ресурсами. Но культура задает иные измерения во взаимоотношениях между странами современного мира. Следует учитывать, во-первых, уникальность каждой национальной культуры, во-вторых, проблему сочетания установок европейской культуры и традиционных ценностей. Последнее наиболее актуально для тех государств, которые встали на путь интенсивного развития за счет использования европейских технологий. Успешно решили эту проблему страны Восточной Азии. Наиболее ярким примером является Китайская Народная Республика, которая за короткое время превратилась во вторую экономику мира. Белорусская культурная традиция по своему характеру является европейской. Одним из показателей этого выступают принятые в нашем обществе установки на ценности личности, свободы, демократии, прав человека, что зафиксировано в Основном законе – Конституции Республики Беларусь.

Наиболее оптимальным при этом, мы считаем, во-первых, рассмотрение Беларуси как части европейского культурного пространства и, во-вторых, признание разнообразия последнего. При общности основных ценностей существуют явные культурные различия между Южной и Северной Европой. Также те страны, которые принадлежали в прошлом к «социалистическому лагерю» и вошли в Европейский союз, усилили разнообразие культурного пространства. Учет их опыта и возникших проблем, которые при этом преодолеваются, могут помочь нам в решении различных вопросов в сфере культуры. То же самое следует сказать и относительно времени. Беларусь является частью европейской культурной традиции, сочетающей в себе единство и многообразие традиций национальных культур.

С учетом перспектив дальнейшего развития Беларуси ее положение в пространственном и временном аспектах более адекватно, на наш взгляд, описывать не в координатах «между Россией и Европой», но «глобализация – локализация». При этом следует учитывать, что в настоящее время на постсоветском пространстве происходит переход от глобализации советского типа, частью

которого мы были, к современной глобализации. Это проявляется, во-первых, в расширении пространства взаимодействия: в него включаются не только бывшие советские республики, но и мир в целом. Во-вторых, пространство мира сжимается вследствие того, что положение в нем определяется не географией, но экономической, политической и культурной активностью. При осмыслении нахождения Беларуси между Россией и Европой следует учитывать, что русская культура по своей сущности является европейской. Одним из показателей служит то, что в основе ее находятся христианские ценности. Тогда возникает задача выявления тех характеристик, по которым Россия отличается от Европы. Это необходимо и для рассмотрения перспектив нашего развития. На протяжении двух столетий территории Беларуси и России были частями одного государства, и это, несомненно, оказало влияние на установки нашей культуры. При этом существующие отличия не являются объективной данностью. Ошибочно, на наш взгляд, выводить их из сущности культуры, которая предварительно постулируется исследователем. Эти отличия сформировались исторически и могут быть изменены.

В результате глобализации происходит переструктурирование современного мира, становятся менее жесткими различия между странами, при этом усиливается культурное разнообразие как результат осмысления своей специфики и стремления сохранить ее. Поэтому наше межкультурное положение может быть использовано как преимущество в развитии. В связи с этим приведем мысль, выраженную в 1995 г. в докладе на II Международном конгрессе белорусистов французским доктором истории Б. Дрвески: «Специфика Беларуси в том, что эта страна – территория постоянного проникновения разнообразных влияний, ареал толерантности и сосуществования многих культур. Здесь прочно укоренились традиции территориального патриотизма, народности, общественного радикализма. Все они необходимы для развития универсализма, без которого невозможно построить новую Европу и прочный мировой порядок. Именно эти особенности, которые более чем где-либо здесь прижились и соответствуют требованиям времени, позволяют Беларуси двигаться вперед» [7, с. 35]. Концепцию межкультурного положения Беларуси сейчас продуктивно рассматривать в контексте происходящей в стране трансформации и как один из возможных ориентиров для деятельности.

Важно при этом опираться на нашу собственную интеллектуальную традицию, чтобы не заимствовать чужие точки зрения. Мы сошлемся на положение эссе И. Абдираловича (Кончевского) «Адвечным шляхам» (1921), в котором представлено его видение межкультурного положения Беларуси: «Будучына належыць да творчай асобы» [8, с. 42]. И также: «Сапраўднай падставай жыцця можа быць толькі творчасць. Творчасць на кожным кроку: у штодзённай працы, ў сямейных адносінах, ў грамадзянскім руху. Толькі тады жыцця ня будзе сыскаць форма і чалавек здаволіць сваё прыроднае імкненне быць тварцом. Цяпер жыццё поўна нядолі, бо мы ня ўмеем быць тварцамі.

Мы робім з нашага жыцця нямілую ні сабе, ні каму іншаму турму, і нярухомы, нятворчы дух пануе ў нашай панурай штодзеннасці» [8, с. 26].

Установа на творчество предполагает самостоятельность и ответственность деятельности как отдельного человека, так и сообществ. Поэтому в современных условиях, на наш взгляд, обнаруживается историческая ограниченность концепции промежуточного положения Беларуси, поскольку в ней акцент делается на нашу зависимость от внешнего влияния с Востока или с Запада.

Актуальной является установка на выработку самостоятельной позиции в различных областях общественной жизни. В связи с этим приведем утверждение директора Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревича о том, что важнейшим итогом развития современной белорусской философии является «формирование комплекса идей, историко-философских знаний и ценностей общественного сознания, связанных с понятием цивилизационно-культурной субъектности Беларуси как нации-государства» [9, с. 8].

Трансформация пространственных и временных характеристик межкультурного положения современной Беларуси осуществляется в условиях, когда в мире происходит борьба интересов, зачастую достаточно жесткая. Поэтому важно, чтобы наше пространство и время не задавались извне. Основным фактором их формирования должно стать развитие Беларуси как самостоятельно-го государства, создающего благоприятные условия для творческого развития личности, мирного и созидательного взаимодействия различных человеческих сообществ.

Список использованных источников

1. Багдановіч, М. Хто мы такія? / М. Багдановіч // Поўны зб. тв. : у 3 т. / рэд. У. М. Конан. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 3 : Публіцыстыка, лісты, летапіс жыцця і творчасці. – 1995. – С. 126–127.
2. Путин назвал Россию отдельной цивилизацией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/05/17/putin-nazval-rossiu-otdelnoj-civilizaciej.html> – Дата доступа: 24.01.2021.
3. Зеленков, А. И. Блеск и нищета глобализации / А. И. Зеленков // Философия и социальные науки. – 2013. – № 3/4. – С. 4–12.
4. Арнольдов, А. И. Культура / А. И. Арнольдов, М. А. Батунский, В. М. Межуев // Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Совет. Энцикл., 1983. – С. 292–295.
5. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс – М. : Акад. проект, 2005. – 528 с.
6. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков – М. : Аделант, 2013. – 800 с.
7. Дрвескі, Б. Беларусь як зона сутыкнення розных культурных традыцый і фармавання асноў грамадзянскай супольнасці / Б. Дрвескі // Беларусіка = Albaruthenica 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнац., міжрэліг. і міжкультур. узаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Ч. 1 / рэд.: Ул. Конан [і інш.]. – Мінск : ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. – С. 24–35.
8. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: даследзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
9. Лазаревич, А. А. Национальная философия как феномен культурно-цивилизационного развития / А. А. Лазаревич // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2018. – № 2. – С. 4–9.

В. К. Игнатов

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**КОНЦЕПЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ
И. В. КОНЧЕВСКОГО И ТЕОРИЯ РУССКОГО МИРА
К. Н. ЛЕОНТЬЕВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье исследуются взгляды И. В. Кончевского на проблему исторической судьбы белорусского народа и идеи К. Н. Леонтьева, посвященные вопросу формирования будущей культуры России. Раскрыты важнейшие темы философского эссе И. В. Кончевского (Игната Абдираловича) «Адвечным шляхам», показана связь его мировоззрения с духовным наследием русской культуры. Рассмотрены основные положения леонтьевской теории восточнохристианской цивилизации, представления К. Н. Леонтьева о роли российского государства, православной церкви и русского народа в процессе создания нового облика этой цивилизации. Выявлены основные сходства и различия воззрений И. В. Кончевского и К. Н. Леонтьева на проблему развития национального самосознания, индивидуального и социального творчества, свободы личности, культурной самобытности.

Ключевые слова: *И. В. Кончевский (Игнат Абдиралович), белорусская национальная идея, К. Н. Леонтьев, русская идея, взаимоотношения культур*

V. Ignatov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**THE CONCEPT OF THE BELARUSIAN NATIONAL IDEA
OF I. V. KONCHEVSKY AND THE THEORY OF THE RUSSIAN WORLD
OF K. N. LEONTIEV: A COMPARATIVE ANALYSIS**

The article studies the views of I. V. Konchevsky on the problem of the historical destiny of the Belarusian people and the ideas of K. N. Leontiev, devoted to the matter of forming the future culture of Russia. The most important topics of the philosophical essay by I. V. Konchevsky (Ignat Abdiralovich) "Eternal Ways" are revealed, the connection of his world view with the spiritual heritage of Russian culture is shown. The main theses of Leontiev's theory of Eastern Christian civilization, K. N. Leontiev's ideas about the role of the Russian state, the Orthodox Church and the Russian people in the process of creating a new image of this civilization are considered. The main similarities and differences in the views of I. V. Konchevsky and K. N. Leontiev on the problem of the development of national self-consciousness, individual and social creativity, individual freedom, and cultural identity are revealed.

Keywords: *I. V. Konchevsky (Ignat Abdiralovich), Belarusian national idea, K. N. Leontiev, Russian idea, cultural relations*

Твары, творачы – руйнуем.
Игнат Абдзіраловіч

Надо подморозить хоть немного Россию,
чтобы она не «гнила».
Константин Леонтьев

Упоминание в одном ряду имен автора «Адвечным шляхам» и создателя «Византизма и славянства», на первый взгляд, выглядит парадоксально. Казалось бы, что может объединять философа, сочинившего «гимн свободному непринужденному творчеству» [1, с. 162] и «византиниста-изувера» [2, с. 59], кроме того факта, что на 2021 год волею случая выпали две юбилейные даты: столетие издания философского эссе И. В. Кончевского и 190 лет со дня рождения К. Н. Леонтьева?

Но отложим в сторону желание навсегда духовно разлучить этих мыслителей и попробуем разобраться, было ли в их мировоззрении что-то общее, сохраняющее свою идейную связь и в наши дни.

Создавая свое произведение, Игнат Абдиралович (псевдоним И. В. Кончевского) выражал надежду на то, что его современники смогут завершить историю многовекового колебания белорусского народа между Востоком и Западом и выйти на дорогу формирования им собственной самобытности [3, с. 11].

Согласно И. В. Кончевскому, дорога в будущее Беларуси не свободна от препятствий [3, с. 34–35]. Одной из главных преград мыслитель назвал отсутствие политической независимости родной страны, что обрекает белорусов либо на восстание, либо на вырождение [3, с. 35].

Для К. Н. Леонтьева идея суверенной Беларуси, вне всякого сомнения, выглядела бы абсолютно неприемлемой. Так, в работе «Национальная политика как орудие всемирной революции» он писал: «Русское... общество, движимое... оскорбленным национальным, кровным чувством своим, при виде неразумных посягательств поляков на малороссийские и белорусские провинции наши, стало гораздо строже самого правительства...» [4, с. 300]. Вообще идея политической независимости славянских народов воспринималась мыслителем как одно из проявлений «космополитической идеи всеравенства и бесплодного всеблага. <...> Расторжение всех преград, бурное низвержение или мирное, осторожное подкапывание всех авторитетов – религии, власти, сословий, препятствующих этому равенству, это все одна и та же идея, выражается ли она в широких и обманчивых претензиях парижской демагогии или в уездных желаниях какого-нибудь мелкого народа приобрести себе во что бы то ни стало равные со всеми другими нациями государственные права» [5, с. 103].

В своем эссе И. В. Кончевский утверждал, что даже в случае обретения государственного суверенитета социальное творчество белорусского народа будет невозможно, если власть сосредоточит в своих руках правящая элита.

Мечты о подлинной независимости и духовной свободе окажутся несбыточными, «бо для нас, грамадзян-беларусаў, ўсё роўна, хто паложыць на наш стол свой капыт у лякерках, ці свой шляхціц-пан, ці соцыялістычны таварыш, ці запанелы мужык, – ня ў гэтым знойдзе свой выраз “воля сьвятая, чаканая”...» [3, с. 35].

К. Н. Леонтьев, напротив, полагал, что существование государства и судьба народа целиком зависят от наличия иерархической организации во главе с самодержцем и приближенным к нему высшим привилегированным слоем: «Для задержания народов на пути антихристианского прогресса... *необходима сильная царская власть*. Для того же, чтобы эта царская власть была *долго сильна*, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легко развратимые; но – напротив того – необходимо, чтобы между этими толпами и престолом царским возвышались *прочные сословные ступени*; необходимы *боковые опоры* для здания долговечного монархизма» [6, с. 796–797]. У русского философа главной творческой силой является верхушка общества, а удел масс – социальная пассивность: «Практическая мудрость народа состоит именно в том, чтобы не искать политической власти, чтобы как можно менее мешаться в общегосударственные дела» [5, с. 64].

Между тем И. В. Кончевский писал о вырождении идеи государства, о том, что оно стало политической игрушкой в руках социальных демагогов и авантюристов, прикрывающих свои личные интересы патетическими рассуждениями о любви к Отечеству: «Справа ў тым, што форма сучаснага гаспадарства з яго паліцыяй, прымусам і турмамі запяўняе ўдачу іх цёмных справаў, і пратэст проціў вяльможнага машэнства раўняецца да здрады бацькаўшчыны і бяз літасці караецца. У парывах соцыяльнага натхнення родзяцца палітычныя партыі, а праз колькі гадоў, бачыш, жменька здольных хлапцоў круціць чалавечыя галовы, а разам не запамінае і аб сваёй кішэні» [3, с. 21].

Согласно К. Н. Леонтьеву, власть имущие не должны класть в основание своей политики принципы морали: «Вождей создает не парламентаризм, а реальная свобода, т. е. *некоторая свобода самоуправления*. Надо *уметь* властвовать беззастенчиво!» [5, с. 144]; «*Политика не этика...* Что делать! Она имеет *свои законы*, независимые от *нравственных*» [7, с. 177].

Какая фигура национальной интеллектуальной истории могла бы стать, по мнению И. В. Кончевского, олицетворением освобождения белорусского народа от угнетающего его индивидуальность воздействия других европейских культур? Это – Скорина, который является главным духовным символом произведения белорусского философа. В эссе мыслитель из Полоцка выступает родоначальником отечественного свободомыслия, поборником народного просвещения, первооткрывателем идеи сохранения уникального культурного облика белорусского народа на его пути к созданию общечеловеческих ценностей: «Першы ад усіх пазнаў, што толькі праз разьвіцьцё асабістага і народнага

духу дойдзем мы да ўсечалавечага ідэалу, і на мужыцкую простую мову пераклаў Сьв. Кнігу – тады адзіны праменьчык усечалавечнасьці» [3, с. 11–12].

За гэтымі строкамі І. В. Кончэвскага явственна праступае духоўная тень Ф. М. Дастоевскага. Мысль автора эссе о том, что лишь сохранение белорусами национальной самобытности станет залогом их полноправного участия в процессе создания народами Европы нового идеала общечеловечности, созвучна суждениям Ф. М. Достоевского об исторической судьбе русского народа: «Мы настолько же русские, насколько и европейцы, всемирность и общечеловечность – вот назначение России. <...> Чем сильнее мы разовьемся в национальном русском духе, тем сильнее отзовемся и европейской душе, примем ее стихии в нашу и породнимся с нею духовно, ибо вот это всечеловечность...» [8, с. 309]. Еще сильнее идея культурного примирения России и Запада прозвучала в речи Ф. М. Достоевского об А. С. Пушкине: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, *всечеловеком*...» [9, с. 147].

В своей статье «О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике» к традиционной мишени своей критики – европейскому идеалу земного благоденствия – К. Н. Леонтьев добавил еще одну – «розовое» христианство русского писателя. За призыв к единению с Европой, проникнутой ненавистной леонтьевскому мировоззрению идеей демократического и либерального прогресса, Ф. М. Достоевский был удостоен философом гневной отповеди: «Из этой речи... оказалось, что г-н Достоевский, подобно великому множеству *европейцев* и русских *всечеловеков*, все еще верит в мирную и кроткую будущность Европы и радуется тому, что нам, русским, быть может и скоро, придется утонуть и расплыться бесследно в безличном океане космополитизма» [10, с. 743]. Убежденность автора «Братьев Карамазовых» в наличии у русского народа высоких нравственных достоинств, дающих ему право быть проводником человечества в царство мировой социальной и духовной гармонии, К. Н. Леонтьев считал заблуждением. «Долготерпение и смирение» русского народа, полагал мыслитель, проистекают из его привычки к повиновению властям и священству [10, с. 753–754]. Не нравственное величие русского народа лежит в основе притязаний России на мировое призвание, а могучая сила самодержавия и духовная мощь православия [11, с. 835].

Отвергнув путь духовной жертвы западного либо восточного культурного мессианизма, белорусский народ, по мнению И. В. Кончэвскага, должен избежать опасности возникновения собственной мессианской идеи. Учение о высшем призвании какого-либо народа к осуществлению мирового спасения, отмечал философ, является воплощением господства застывших форм жизни, уподобляя породивший его народ узнику острога: «...ў сьветлым імкненьні духовага адраджэньня хаваецца і вялікая небясьпека: каб як замест чужацкіх мэсьыянізмаў не стварыць свайго, ўласнага, каб як знойдзеныя формы новага беларускага жыцьця не зрабіліся для нас саміх вялікай турмой і зьдзекам» [3, с. 17].

Между тем К. Н. Леонтьев, хотя и выражал иногда сомнения в успехе мировой миссии России, был убежден в ее особом призвании: «...несомненно... то, что мировое назначение у нас есть; ясно и то, что оно еще не исполнено» [6, с. 793].

Автор исследования белорусского мировоззрения утверждал, что неизбежными спутниками мессианства являются человеческие трагедии, поэтому при формировании своего будущего духовного облика белорусы не могут вдохновляться образом мессианского народа: «...не павінна быць беларускага мэсыянізму. І ў вялікім і малым, і для сваіх і чужых ён – прымус, зьдзек і сьмерць. <...> Не на гэтай падставе збудуем нашу будучыню» [3, с. 17–18].

По мнению русского философа, для распространения своего культурного влияния в мире Россия вправе использовать свою державную мощь [5, с. 88].

Как белорусам избежать участи других народов Европы, чья жизнь оказалась подчиненной власти окаменевших, неподвижных, закостеневших форм, подавляющих человеческую свободу, препятствующих духовному развитию личности, омертвляющих вечно переменчивую, струящуюся и бурлящую реальную действительность?

Согласно И. В. Кончевскому, благодатной социальной почвой для поклонения форме, принимающей облик традиции, учения, партийной программы, становится общественный слой, именуемый автором духовным мещанством [3, с. 22]. Белорусский исследователь описывал его как средоточие культуры социального конформизма, в которой роль первой скрипки играют мода и дисциплина и добавлял, что «ад духовага мяшчанства не ратуе ні нацыянальнасьць, ні рэлігія, ні кляса, ні партыя, ні прафэсія» [3, с. 23].

Рассуждая о мещанстве, мыслитель опирался на многолетнюю традицию критики этого явления, заложенную А. И. Герценом. И. В. Кончевский мог вдохновиться следующими строками автора книги «Былое и думы», который определял мещанские взгляды как «целое, т. е замкнутое, оконченное в себе, воззрение на жизнь, с своими преданиями и правилами, с своим добром и злом, с своими приемами и с своей нравственностью *низшего порядка*» [12, с. 625]. Возможно, на создателя «Адвечным шляхам» оказали свое влияние и Р. В. Иванов-Разумник, описывавший духовное мещанство следующим образом: «...узость, плоскость и безличность, узость формы, плоскость содержания и безличность духа; иначе говоря, не имея определенного *содержания*, мещанство характеризуется своим вполне определенным *отношением* к какому бы то ни было содержанию: самое глубокое оно делает самым плоским, самое широкое – самым узким, резко индивидуальное и яркое – безличным и тусклым» [13, с. 31], и Д. С. Мережковский с его призывом: «Не бойтесь никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая. Одного бойтесь – рабства и худшего из всех рабств – мещанства...» [14, с. 25], и многие

другие мыслители, видевшие в этом феномене олицетворение посредственности, антипод творческого начала.

К. Н. Леонтьев отмечал, что герценовское обличение мещанства стало одним из краеугольных камней его мировоззрения: «Читая только Хомякова, Аксакова (даже скажу и Каткова отчасти), в голову бы не пришло ненавидеть всесветную буржуазию (в которую, в сущности, стремится перейти *и работник западный*); Герцен же издевался *прямо над этим* общим и подавляющим *типом* человеческого развития. И последуя за ним по сродству “природы”, я придумал позднее и выражение “средний человек, средний европеец”...» [15, с. 1063].

В отличие от К. Н. Леонтьева, И. В. Кончевский не связывал возникновение феномена духовного мещанства с развитием европейского капитализма. Он придерживался мнения, что отличительным признаком духовного мещанства является верность традициям, личностям, вещам и идеям, окруженным ореолом святости, стремление принуждать себя и других довольствоваться тем, что есть [3, с. 24]. А поскольку все это существовало в жизни людей всегда, то и духовное мещанство является ровесником человечества.

В атмосфере духовной косности лишь единицам, отмечал белорусский мыслитель, удается сохранить индивидуальную свободу, а стремление человека к творческому самовыражению находит свое прибежище исключительно в научной сфере и искусстве [3, с. 24].

Между тем русский философ отводил науке роль «самоотверженной и честной служанки» религии [16, с. 761] и был убежден, что искусство умрет, если из мира исчезнут вера, власть и аристократия, а на его могиле воцарится «поэзия... всеобщего *рационального мещанского счастья*...» [17, с. 622].

Настала пора, утверждал И. В. Кончевский, уразуметь, что мертвые формы привели к исчезновению из жизни людей гуманистических ценностей, а некогда необходимые плоды человеческого творчества – семья, государство, суд, церковь, партия, – стали оковами для духовной свободы личности. «Змаганьне духу проціў запанеўшай формы – пісал автор эссе, – становіць зьмест жыцьця й яго нядолю; патрэбна ліючаяся, зьменная, заўсёды адпаведная жыцьцёвым працам форма, але гэтага – няма» [3, с. 21].

Иное отношение к форме выказывал К. Н. Леонтьев. «*Форма есть деспотизм внутренней идеи*, – отмечал он, – *не дающий материи разбежаться*. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет» [5, с. 113]. Согласно К. Н. Леонтьеву, не существует универсальных государственных форм [5, с. 120]. Неповторимый облик каждой нации и каждому обществу придает присущая исключительно им форма государства. На протяжении своей исторической жизни она может с той или иной быстротой меняться в деталях, но зиждется на постоянном основании. Человеческая личность подчинена процессу реализации идеи государства и лишена не зависящей от нее автономности.

«Человек в государстве, – утверждал К. Н. Леонтьев, – есть в одно и то же время и механик, и колеса или винт, и продукт общественного организма» [5, с. 116].

Подлинно человеческое существование невозможно, по убеждению И. В. Кончевского, без постоянного творчества, а препятствием для него служит традиционное воспитание [3, с. 25–26]. Атмосфера идеологического, морального и эстетико-бытового принуждения, утверждал белорусский философ, приводит человека в стан духовного мещанства, живущего по заученным жизненным рецептам, глухого к призывам творческого духа. Отсутствие непрерывного созидания новых форм жизни, по мнению мыслителя, есть причина человеческих несчастий, унылой обыденности, общественного рутинерства.

К. Н. Леонтьев в своих работах неоднократно высказывал суждение о бесплодности человеческих попыток заменить религиозную веру верой в разум или науку, о невозможности отказаться от веры в Творца, создавшего Вселенную и человека верой в человека – творца. Поэтому самым важным для юного поколения русский философ считал постижение религиозных истин, а не творческие искания на поприще культуры [18, с. 31]. Поскольку идея достижения всемирного благоденствия благодаря могуществу человеческого разума всегда была чужда К. Н. Леонтьеву, то в вопросах воспитания он следовал традиционным установкам: «...не надо отучать ни народ, ни молодежь, ни детей от повиновения: это противно тому духу Православия, на котором возросло наше монархическое государство...» [7, с. 197].

Социальная сфера является, согласно И. В. Кончевскому, самой сложной для реализации устремлений человека к свободному творчеству. «Дужа цяжка, – писал он, – выхаваць у кожнай адзінцы імкненьне да агульнай творчасьці, зразуменьне неабходнасьці ісьці наперад, а не здаваляцца існуючым» [3, с. 29].

Приверженность людей к привычному жизненному укладу столь велика, что массовое творчество, отмечал белорусский мыслитель, происходит лишь в периоды глубоких социальных потрясений. Это – неестественный процесс, сопровождающийся колоссальной растратой человеческих ресурсов. Поэтому наилучшим путем социального развития является тот, который содержит в себе условия для осуществления каждым индивидом и обществом в целом непрерывного социального творчества [3, с. 29–30].

И. В. Кончевский отмечал, что социальная деятельность в существующих формах, связанных с функционированием политических партий, ни индивидууму, ни обществу не дает простора для творческого развития. Такое положение вещей, по мнению мыслителя, сложилось вследствие того, что все партии, на знаменах которых были начертаны демократические лозунги, на деле проявили себя выразителями интересов отдельных социальных групп, но отнюдь не всего народа [3, с. 30].

Попытки воплотить в жизнь белорусов принципы чужеродных политических доктрин принесли им не благо, утверждал автор эссе, а гнет, издевательство и человеческие жертвы, лишили их свободы творчества [3, с. 33–34].

У К. Н. Леонтьева сама мысль о возможности возникновения в России политических партий вызывала крайнее неприятие. Во многих его произведениях сквозит «отвращение от конституционных порядков, от борьбы *организованных* по-западному партий...» [19, с. 960]. Успех в Европе и в российском обществе идей демократии и свободы личности, по его мнению, являлся свидетельством нарастающего процесса вырождения, упадка и грядущей гибели европейской культуры [20, с. 254–255]. Отвергая перспективу развития России по пути «эгалитарно-либерального прогресса», философ выступал за создание новой самобытной национальной культуры, максимально обособленной от Европы: «Национальный идеал наш должен быть именно религиозно и житейски от Запада независимым. Свобода ума от европеизма (новейшего, современного) и зависимость воли от веры – вот наш идеал» [19, с. 946].

Согласно К. Н. Леонтьеву, обретение Россией национального своеобразия возможно, если достижение этой цели станет неподдельным желанием социальной верхушки, чей пример впоследствии должен оказать свое вдохновляющее воздействие на народ [19, с. 945–946]. Однако ни в органах государственной власти, ни среди духовной элиты общества мыслитель не находил лиц, которые бы удовлетворяли его строгим «антизападным» критериям [21, с. 373]. В качестве идейной основы оригинальной национальной культуры К. Н. Леонтьев не мог признать творчество даже самых близких ему по духу русских мыслителей: ни учение В. С. Соловьева, который «имел в себе с ранних лет *залог* и для религиозности, и для самобытности мысли...» [19, с. 945], но разочаровал К. Н. Леонтьева «гнусным и все более и более тесным союзом с прогрессом...» [22, с. 559–560]; ни взгляды М. Н. Каткова, который заслужил в устах К. Н. Леонтьева титул «истинно великого человека» в том числе за его способность без малейшего промедления отречься «от всех прежних (более либеральных и европейских) убеждений своих, когда понял... что русская нация *специально* не создана для свободы...» [23, с. 1113], но иногда проявлял слепоту при распознавании европейских оттенков панславизма [15, с. 1065]; ни теорию славянофилов, так как считал, что их борьба за гражданское равноправие рано или поздно привела бы к укоренению в России европейских идей конституционализма, свободы личности и демократического индивидуализма [17, с. 635], а слишком сильное проявление ими симпатий к панславизму нередко затмевало в их глазах значение религиозной основы славянского единства [24, с. 594–595].

Отсутствие твердой уверенности в том, что в будущем в России будет создана самобытная культура мирового значения, привела К. Н. Леонтьева к следующему выводу: «Оригинален наш русский психический строй, между прочим, и тем, что до сих пор, кажется, в истории не было еще народа *менее творческого, чем мы*. <...> Мы *сами*, люди русские, действительно весьма оригинальны психическим темпераментом нашим, но никогда ничего дей-

ствительно оригинального, *поразительно-примерного вне себя создать до сих пор не могли*» [15, с. 1069].

Отторгая либеральные концепции и не находя духовных единомышленников в консервативной среде, «одиноким мыслителем», как назвал К. Н. Леонтьева А. К. Закржевский, высказал суждение, что «культурной самобытности нашей мы должны по-прежнему искать в этих *греко-российских, древних корнях наших...*» [15, с. 1064].

Стремление отмежеваться от любых культурных влияний Запада на Россию привело К. Н. Леонтьева к отказу от использования традиционной для русского консерватизма XIX в. уваровской триады, вводу им в свой литературный оборот понятия «византизм», вместо того чтобы говорить так, «как говорят другие: “Православие, самодержавие”... и т.д...» [15, с. 1062]. Тем самым философ хотел подчеркнуть византийские истоки русской культуры, определяющее воздействие культурного кода Византии на духовное становление России [15, с. 1062].

Весьма характерным для леонтьевского мировоззрения является при упоминании формулы С. С. Уварова сокращение «и т.д.» вместо написания третьей ее составляющей – народности. Красной нитью через все сочинения К. Н. Леонтьева проходит мысль о том, что русскому народу в историческом процессе уготована роль пассивного участника, безгласной человеческой массы для воплощения творческих замыслов высших слоев общества. «Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом-“богоносцем”, от которого ждал так много наш пламенный народоловец Достоевский, – утверждал мыслитель, – он должен быть *ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен*. Не надо лишать его тех *внешних ограничений и уз*, которые так долго утверждали и воспитывали в нем *смирение и покорность*» [6, с. 801].

В отличие от К. Н. Леонтьева, И. В. Кончевский не видел в культурном наследии прошлого духовного прообраза для создания новой белорусской самобытности. При всем различии культур Запада и Востока Европы они имели, по мнению философа, одно общее свойство – господство утративших свою жизнеспособность форм [3, с. 25]. «Ўпалі ўсе формы, – писал он, – якія хацелі панаваць над чалавекам, бо ня можна з чыстым сумленьнем пасьвячаць ім свае душы. Ляжаць разьбітыя і растрэсканыя каля ног чалавека Малох рэлігіі, гаспадарства, пісанай моралі і яшчэ, і яшчэ» [3, с. 24].

Осознание краха всех европейских идеалов минувших эпох побудило белорусского философа выдвинуть идею новой социальности. В основу ее И. В. Кончевский положил принцип ненасильственной гармонии между индивидуальным творчеством свободной человеческой личности и социальным творчеством масс: «Незалежная творчая адзінка ў творчым, няўздзержным адзначным эгоізмам хаўрусе – ідэал будучыны» [3, с. 39].

Редкое общественное объединение прошлого могло похвастаться отсутствием принуждения в отношениях между членами сообщества – как правило,

в них «панавала старое абычаёвае права ды воля старшага як бязумоўная ўлада» [3, с. 39]. Одним из самых ярких примеров свободного объединения людей автор эссе считал Запорожскую Сечь [3, с. 40].

Но только современная эпоха, по мнению И. В. Кончевского, может стать прологом универсального общественного развития на началах самоорганизации, самоуправления и саморегуляции. Несмотря на то что политические партии и государство препятствуют воспитанию творческой личности, постепенно возникают условия, благоприятные для «зьяднанья вольных адзінак у няпрымуковыя грамады...» [3, с. 40].

Новые общественные объединения будут свободны от диктата великих идей, шаблонов, предписаний, их деятельность должна быть сосредоточена исключительно на поиске решений реальных проблем, исключающих антигуманные способы достижения социальных целей, это – такое «грамадзянскае зьявішча, якое няпрымукова аб'яднавае сяброў і не дэкларуе прымусу для іншых» [3, с. 41].

Призывая не только к сохранению, но и к восстановлению утраченных принципов «византизма» в русской культуре, К. Н. Леонтьев не был глашатаем охранительства, полагая, что «таяние» России «одним репрессивным *подмораживанием* без некоторых ретроградных реформ вполне и приостановить нельзя» [7, с. 189]. «Быть *просто консерватором* в наше время, – писал он, – было бы трудом напрасным. Можно любить прошлое, но нельзя *верить* в его даже приблизительное возрождение» [7, с. 188].

Русский философ полагал, что без осуществления «осторожных, медленных, но настойчивых реформ» [19, с. 964] по созданию будущего сословного общества Россия не только не станет творцом нового типа культуры, но и не сможет в течение длительного времени сохранять свою политическую независимость от Запада, который, по словам мыслителя, «идет быстро ко всеобщей федеративной безосновной (атеистической) и эгалитарной республике» [19, с. 965].

Главную роль в проведении консервативных преобразований К. Н. Леонтьев отводил самодержавной власти [19, с. 960]. Союзником царизма в борьбе с европейскими идеями у философа выступало обновленное духовенство [11, с. 840–841].

Опорой монархии и духовной иерархии должна была стать, по замыслу К. Н. Леонтьева, новая организация общества, основанная не на индивидуализме и свободе личности, а на жестком прикреплении каждого его члена к определенному сословию с предоставлением выдающимся одиночкам права использования социального лифта [20, с. 244–245]. «А всякая организация, – утверждал мыслитель, – есть по существу своему деспотизм и неравноправность» [19, с. 948].

Леонтьевский проект будущей России предстает как альтернатива европейским идеалам либерализма и социализма. Но если первый К. Н. Леонтьевым

решительно отвергался, то во втором он видел такие направления возможного развития, которые могли стать основой для создания в России, говоря словами самого К. Н. Леонтьева, «охранительного социализма». По мысли философа, коммунисты и социалисты, являясь олицетворением либерально-эгалитарного принципа в его крайнем выражении, «служат бессознательную службу *реакционной организации будущего*» [20, с. 251].

Развитие капитализма должно привести, прогнозировал К. Н. Леонтьев, либо «ко всеобщей катастрофе» [7, с. 187], либо к постепенной, но всеобъемлющей трансформации буржуазного уклада в такое общество, где принцип личной свободы будет полностью вытеснен идеей функционирования иерархической социальной системы [7, с. 187–188].

По мнению русского философа, в основании социальной пирамиды будущего будут располагаться обновленные крестьянские общины, «сложившиеся не в простые, обыкновенные *ассоциации*, подвижные и неосновательные... а в *корпорации обязательные* и строгие, например, как бы вроде монастырей, но с *семейным характером*» [25, с. 606]. После пребывания К. Н. Леонтьева на Афонской горе монастырь в его трудах предстает как эталон социально-экономической основы грядущего общества: «Монастыри суть... готовые образцы *реального* (т. е. возможного), но не *рационалистического социализма*» [19, с. 948].

Завершает леонтьевскую утопию «социалистической и деспотической монархии» (Ю. П. Иваск) образ обновленной бюрократии. Это – новая «старая» власть, представленная выходцами из дворян, возобновляющих свой пошатнувшийся во время реформ Александра II многовековой статус «наследственного чиновничества» [19, с. 963]. Согласно К. Н. Леонтьеву, она должна стать главной опорой самодержавия и православной церкви в осуществлении политики «*государственно-социалистической... а не либеральной...*» [19, с. 936], главная задача которой – повторное закрепощение личности в общине и подчинение ее государству «*благодаря прикреплению* крестьян к земле, какому-то подобию социалистического рабства, вместо лично феодального, как было прежде...» [11, с. 827]. Эта мера должна лишить личность стремления к свободе и индивидуализму, который, как считал мыслитель, «рано или поздно неизбежно и даже неприметно ведет к конституции, т. е. к полнейшему господству *капиталистов, банкиров и адвокатов!*» [25, с. 607]. «Все, что усиливает личную свободу (т. е. своеволие) большинства, – утверждал К. Н. Леонтьев, – не есть основа, а большее или меньшее расшатывание основ. <...> Перенести кое-как свободу – можно, считать ее основой – нельзя» [11, с. 827].

В отличие от К. Н. Леонтьева, И. В. Кончевский, завершая свое эссе, высказал убеждение в том, что грядущая мировая культура навсегда распрощается с идеей насилия: «*Пеўна, што выпрашэньне будучыны – ў зьніштажэньні прымусу...*» [3, с. 41]. Общество будущего – это союз независимых объединений, действующих на основе принципа главенства творческой свободы

личности и общества. «Кожны павінен, – писал белорусский мыслитель, – быць вольны ў сваіх жаданнях. Ніякіх прымусовых ахвяр, ніякіх багоў не павінна быць. Вытвар, гандаль, прасьвета, гаспадарчыя патрэбы здаваляюцца вольнымі аб'яднаннямі спажыўцоў і вытварцоў» [3, с. 42].

Автор не предавался мечтаниям, что человечество в скором времени без утрат и страданий сможет расстаться с трагическим культурным наследием прошлых эпох: «Не адразу ўсяго дасягнуць. Не адразу выхаваць творчую адзінку» [3, с. 42].

Но безвозвратное прощание с ним, уверял своего читателя И. В. Кончевский, произойдет лишь тогда, когда преодоление существующего жизненного уклада произойдет не в результате насилия, а путем творческого преобразования, возвышающего человеческую свободу, личностное достоинство и социальную гармонию [3, с. 42–43].

Размышляя о вселенском призвании России, К. Н. Леонтьев писал, что успех в деле создания нового социально-экономического строя в России выведет русскую нацию на передовые позиции в мировой социологической науке, придаст основам самобытной русской культуры будущего статус универсальных истин. Русский мыслитель прекрасно сознавал, что нации, впитавшие в себя европейские ценности, заставит принять «научную необходимость новых оттенков теократии, сословности, монархизма, аристократизма и порабощения» [11, с. 886] можно будет только путем насилия: «Более по-европейски образованные нации тогда уже не в силах будут самовольно, без помощи завоевания, их в недрах своих приложить» [11, с. 886].

Наибольшие шансы на усвоение основ нового вселенского миропонимания имели, по мнению, К. Н. Леонтьева, славяне и азиатские народы, но только в том случае, если они смогут избежать духовного влияния Европы [11, с. 886].

Русский философ, всегда с настороженностью относившийся к панславизму, готов был признать его только в православной оболочке, но панславизм, пропитанный идеями европейского либерализма, он расценивал не иначе, как «гибель прежде всего для России!...» [26, с. 589]. Поэтому если «братья во Христе» обнаруживали склонность к восприятию европейских идей, К. Н. Леонтьев готов был призывать к возвращению «заблудших чад» в лоно православия силой оружия: «Какова была бы при этом роль России? Не пришлось ли бы ей вскоре... обнажить снова меч свой уже не против турок, а против тех самых югославян, которым она так неразборчиво потворствовала? Победить их, завоевать, покорить, обратить в свои наместничества или даже губернии...» [19, с. 940].

Наделяя Россию правом вершить судьбы других народов, К. Н. Леонтьев, будучи сам любителем «цветущей сложности», не давал себе труда пристальнее взглянуть в исторический путь, пройденный ими.

Размышляя о трагической судьбе белорусского и других славянских народов, чьи земли на протяжении десяти веков являлись местом соперничества

западной и восточной культур Европы, И. В. Кончевский утверждал, что ни белорусы, ни украинцы, ни балканские славяне не стали искренними приверженцами ни Запада, ни России [3, с. 8].

Между тем К. Н. Леонтьев без тени сомнения рассуждал о духовном единстве трех восточнославянских народов: «Что, как не сохранение в христианстве восточно-византийского оттенка народом Белой и Южной Руси дало нам ту вещественную силу и то внутреннее чувство права, которые решили в последний раз участь польского вопроса?» [5, с. 58].

И лишь однажды он заметил, что русские еще не осмыслили свое культурное наследие, а историческое прошлое других народов, в том числе и белорусского, и вовсе им неизвестно: «А много ли мы знаем про себя? И если знаем кое-что, то давно ли? <...> Многие ли у нас знают Кавказ, казаков, русское крестьянство, жизнь мусульманских племен нашей Отчизны? Кто знает Финляндию, Сибирь? Давно ли открыли, что есть на свете Белоруссия?» [27, с. 697].

Но невзирая на это признание, К. Н. Леонтьев был убежден, что историческая миссия России – быть вождем антизападной коалиции народов, куда войдут не только славяне, но и греки, и турки [28, с. 516–517]. «Соединенные тогда в одной высокой цели, – утверждал мыслитель, – народы Востока вступят дружно в спасительную и долгую, быть может, духовную, быть может, и кровавую борьбу с огрубением и анархией, в борьбу для обновления человечества...» [28, с. 517]. Как видно, К. Н. Леонтьев не питал надежд на то, что культурное первенство будущей России будет столь очевидным для остального человечества, что позволит ей покорить мир силой своего духа, а полагал, что она вправе использовать для своего глобального доминирования традиционную материальную силу: «Что касается до *высшего долга*, то среди многочисленного русского населения одна только *армия* во всецелости своей превосходит исполняет его, когда приходит ее время действовать» [15, с. 1085].

Подведем некоторые итоги.

В трудах К. Н. Леонтьева будущая Россия предстает в облике «вечной» самодержавной монархии. Сохранен и унаследованный от Византии принцип «симфонии властей», но православная иерархия становится более самостоятельной. Церковь превращается в средоточие духовной жизни России.

Главной опорой центральной власти в леонтьевском проекте будущего российского государства является высшее сословие – бюрократия, представленная выходцами из дворян. Ее главная функция – управление низшим сословием, состоящим преимущественно из крестьян и, вероятно, рабочих (хотя о будущем социальном статусе пролетариата у К. Н. Леонтьева непосредственно нигде не сказано).

По замыслу русского философа, оба сословия должны быть объединены в замкнутые корпорации, основанные на принципе жесткой иерархии. Взаимоотношения как между сословиями, так и между членами корпораций определяет неравенство прав.

Согласно К. Н. Леонтьеву, высший слой общества является единственным вершителем судеб России. Для установления нового миропорядка, основанного на ценностях русского мира, Россия вправе использовать не только «мягкую силу», но и свою военную мощь.

В философском эссе И. В. Кончевского «Адвечным шляхам» новую Беларусь олицетворяет свободная человеческая личность, проникнутая идеей нескончаемого творчества.

Белорусский мыслитель был убежден, что подлинное призвание человека заключается в постоянном преодолении созданных им же форм жизни. Приобретая огромную власть над людьми, новые формы жизни становятся причиной человеческих страданий, несчастий и бед. Особой разрушительной силой обладают, по мнению автора эссе, мессианские идеи. Трагическими последствиями попыток их воплощения в реальность являются упадок, угнетение, а нередко и гибель целых народов и культур.

По мысли И. В. Кончевского, белорусское общество будущего – это союзы людей, объединенных на добровольной и равноправной основе в организации, действующие на началах самоуправления. Основой социального развития станет свободное сотрудничество независимых индивидов, избравших своим духовным идеалом «вечное» творчество.

Мыслитель был убежден, что в будущей Беларуси право выбора исторического пути развития страны будет принадлежать исключительно белорусскому народу, изжившему насилие в собственной культуре и отвергающему политику принуждения со стороны других государств.

Список использованных источников

1. Конон, В. М. В свободе и творчестве – спасение мира / В. М. Конон // Неман. – 1990. – № 11. – С. 160–162.
2. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // Избранные труды / Г. П. Федотов. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 54–92.
3. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
4. Леонтьев, К. Н. Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к о<тцу> И. Фуделю / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 277–327.
5. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 34–172.
6. Леонтьев, К. Н. Над могилой Пазухина / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 788–803.
7. Леонтьев, К. Н. Чем и как либерализм наш вреден / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 173–198.
8. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); [редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.]. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972–1990. – Т. 24 : Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь–декабрь / текст подгот. и примеч. сост. В. Е. Ветловская [и др.] ; ред. Е. И. Кийко, Г. М. Фридендер. – 1982. – 518 с.

Концепция белорусской национальной идеи и теория русского мира

9. Достоевский, Ф. М. Пушкин (очерк) / Ф. М. Достоевский. // Полн. собр. соч. : в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.]. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972–1990. – Т. 26 : Дневник писателя, 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август / ред.: Н. Ф. Буданова [и др.] ; текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова [и др.]. – 1984. – С. 136–149.
10. Леонтьев, К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 721–757.
11. Леонтьев, К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 813–913.
12. Герцен, А. И. Былое и думы / А. И. Герцен. – М. : Слово, 2008. – 912 с.
13. Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли : в 3 т. / Р. В. Иванов-Разумник. – М. : Республика : ТЕРРА, 1997. – Т. 1. – 416 с.
14. Мережковский, Д. С. Грядущий Хам / Д. С. Мережковский // Собрание сочинений: Грядущий Хам / Д. С. Мережковский ; сост. и коммент. А. Н. Николукина. – М. : Республика, 2004. – С. 4–26.
15. Леонтьев, К. Н. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву. О национализме политическом и культурном / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 969–1085.
16. Леонтьев, К. Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 758–776.
17. Леонтьев, К. Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 607–680.
18. Леонтьев, К. Н. О либерализме вообще / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 25–34.
19. Леонтьев, К. Н. Культурный идеал и племенная политики. Письма г-ну Астафьеву / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 913–969.
20. Леонтьев, К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 198–268.
21. Леонтьев, К. Н. Православие и католицизм в Польше / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 365–376.
22. Леонтьев, К. Н. Избранные письма, 1854–1891 / К. Н. Леонтьев. – СПб. : Пушкинский фонд, 1993. – 638 с.
23. Фудель, И. Культурный идеал К. Н. Леонтьева / И. Фудель // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 1103–1128.
24. Леонтьев, К. Н. Панславизм / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 590–596.
25. Леонтьев, К. Н. А. И. Кошелев и община в московском журнале «Русская мысль» / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 596–607.
26. Леонтьев, К. Н. Наше болгаробесие / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 580–590.
27. Леонтьев, К. Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве. Письмо к Ник<олаю> Ник<олаевичу> Страхову / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 681–700.
28. Леонтьев, К. Н. Панславизм и греки / К. Н. Леонтьев // Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 485–517.

Цзиаци У

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ПРОЕКТА ЭКО-ЦИВИЛИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ**

Нарастание глобального экологического кризиса способствует актуализации данной проблематики в том числе и в рамках философских исследований в Китайской Народной Республике. Проект эко-цивилизации является важнейшим направлением развития китайской гуманитарной науки и призван обеспечить дальнейшую модернизацию китайского общества. В основе проекта лежит интеграция ценностных приоритетов традиционной китайской философии (конфуцианство и даосизм) и результатов работы исследований современных западных мыслителей (эко-этика, эко-марксизм, эко-постмодернизм, теория модернизации).

Ключевые слова: эко-цивилизация, китайская философия, эко-этика, эко-марксизм, эко-постмодернизм, модернизация

Jiaqi Wu

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**PHILOSOPHICAL ORIGINS OF THE ECO-CIVILIZATION PROJECT
IN MODERN CHINA**

The growing global environmental crisis contributes to the actualization of the ecological framework for philosophical research in People's Republic of China. The eco-civilization project is the most important direction in the development of Chinese humanities, designed to ensure the further modernization of Chinese society. The project is based on the integration of the value priorities of traditional Chinese philosophy (Confucianism and Taoism) and the results of research by modern Western thinkers (eco-ethics, eco-Marxism, eco-postmodernism, modernization theory).

Keywords: eco-civilization, Chinese philosophy, eco-ethics, eco-Marxism, eco-postmodernism, modernization

Введение. В условиях нарастания глобального экологического кризиса все более актуальными становятся вопросы эффективной защиты окружающей среды и достижения устойчивого развития. Ученые-философы пытаются осмыслить происходящие изменения как в условиях организации и функционирования социально-экономической среды существования человека, так и в его социальном развитии с точки зрения эволюции его воззрений на природу и стандарты межчеловеческого взаимодействия в социуме. Невозможно оппорить и тот факт, что изменение философского подхода к взаимодействию

человечества с окружающей средой стало одним из важнейших факторов социального и технологического прогресса современной цивилизации, о чем ярко свидетельствуют цели в области устойчивого развития, разработанные в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН [1].

В то же время эволюция социально-философских воззрений на общественное функционирование в условиях приоритета сохранения природной среды в разных регионах мира происходит с разной интенсивностью. Существует глубокое различие во взглядах развитых и развивающихся стран. Имеет свои особенности и Китай.

Имея наибольшее население в мире и являясь традиционной цивилизацией Азиатской части света, Китайская Народная Республика (КНР) является примером взаимного проникновения консервативных воззрений, динамично развивающейся экономики и западной социально-философской парадигмы, базирующейся на марксистской интерпретации идеи прогресса. Все это оказывает влияние на особенности экономического и экологического развития страны, усиливая социальные противоречия внутри общества. В последнее время все более актуальной становится проблема баланса между эффективным и динамичным развитием экономики и устойчивым развитием окружающей среды. Остается непреодоленной проблема баланса приоритетов бережного отношения к экологическому равновесию и требований социализма с китайской спецификой к динамичной модернизации китайской экономики.

Проект экологической цивилизации (эко-цивилизации) в Китае как раз и является попыткой примирить или преодолеть имеющиеся противоречия, обеспечив выход КНР на путь устойчивого развития посредством социально-экономической эволюции общества в сторону актуализации приоритета сохранения окружающей среды. В своей социально-философской основе этот проект базируется как на устоявшихся подходах традиционной китайской философии, так и идеях западных философов. В данном контексте в фокусе настоящего исследования находится не только и не столько марксизм, сколько многообразие западных экологических идей в целом, которые оказывают влияние на современную мысль в КНР, стремящуюся адаптировать комплекс традиционной китайской философии к актуальной повестке дня. В этом свете представляется важным проследить, как западные идеи проникают в традиционный нарратив китайской экологической мысли, модифицируют его и закрепляются внутри современного проекта эко-цивилизации.

Таким образом, *цель данного исследования* – анализ основных путей проникновения и закрепления западных идей внутри экологических исследований китайских ученых по проблематике эко-цивилизации, а также проследить, как эти идеи вступают в симбиоз с комплексом идей традиционной китайской философии, становясь концептуальной основой китайского проекта эко-цивилизации. Для достижения указанной цели выполнен анализ экологических воззрений традиционной китайской философии, принятых в качестве

основы разработки проекта эко-цивилизации, работ западных философов, результаты которых были переняты китайскими авторами, а также рассмотрены основные труды китайских авторов по проблеме эко-цивилизации и определены направления дальнейших социально-философских исследований по указанной теме.

Экологические воззрения традиционной китайской философии. В процессе исторического развития традиционная китайская философия дала начало множеству идей экологической направленности. В древности китайцы рассматривали окружающую среду как важное условие своего выживания, и выдвинули идею единства природы и человека, сформировав приоритеты экологического сознания как норму взаимодействия с природой. Со временем появились философские труды, в которых данные идеи адаптировались к повседневной жизни китайского общества и государства. Среди таких трудов можно упомянуть известный трактат «Весне и осени семьи Лу», где в самом общем виде содержатся традиционные взгляды на ценность устойчивого развития: «Слить воду и ловить рыбу? Но на следующий год рыбы не будет. Жечь леса для охоты, но как после охотиться, ведь на следующий год зверя не будет?» [2].

Невзирая на общую направленность на устойчивое развитие, китайская традиционная культура сформировала два основных подхода к осмыслению взаимоотношений человека и природы. На уровне китайских традиционных учений указанная бинарность отразилась в отличительных особенностях конфуцианства и даосизма. Конфуций полагал, что человек – это источник универсального развития как на уровне повседневности, так и в космологическом плане. Таким образом, нравственное воспитание людей рассматривается как предпосылка экологического развития. Поэтому развитие экологии зависит от уровня этики и нравственности людей. В целом Конфуций придает большое значение нравственному воспитанию людей для изменения ориентиров в их предметной и социальной действительности.

Примером конфуцианской логики можно назвать притчу о местности Нюшань – земле с пышной растительностью, которую вырубili, чтобы увеличить прибыль. Остатки растительности уничтожил скот, в итоге Нюшань превратилась в пустырь [3]. Причиной опустошения, с точки зрения конфуцианства, выступило именно нравственное несовершенство жителей этой местности, так как у них не было сформировано бережливое и гармоничное отношение к природе.

Лао-цзы исходил из более универсальных установок, полагая, что человек, небо и земля одинаково подчинены законам природы, а потому человеку более выгодно соблюдать их, нежели нарушать. В трактате «Чжуанцзы·Сяояою» есть такие строки: «Хуэйцзы сказал: “Император Вэй дал мне семена большой тыквы, и тыква, которую я посадил, была такой большой, что могла вместить пять камней, однако оказалась слишком хрупкой, чтобы удерживать воду.

В итоге от бесполезности я разбил ее». Чжуан-цзы ответил: «Вы действительно не умеете пользоваться большими сосудами»» [4]. Оценка Хуэйцзы основана на человеческом восприятии, в то время как Чжуанцзы исходил из относительности ценности вещей, которая не объективна, а субъективна и меняется в зависимости от целей и способов их использования. В циклическом процессе развития каждая вещь выполняет свою функцию по отношению к природе и самой себе. То есть с точки зрения даосизма все в природе имеет ценность, которая соотнобразуется с законами природы.

Западные идеи, вошедшие в проект эко-цивилизации. Поскольку промышленная революция зародилась на Западе, именно западная философия стала источником и первопроходцем экологической мысли в современном ее понимании. С середины XX в. западные ученые обращают пристальное внимание на экологическую проблематику, размышляя над первопричинами ухудшения состояния окружающей среды и способами выхода из сложившейся ситуации.

В западной экологической мысли, повлиявшей на развитие китайского проекта эко-цивилизации, можно выделить четыре подхода в зависимости от философского направления, в рамках которого и возник каждый из них.

Первый подход – это экологическая этика, изучающая нравственные отношения между человеком и природой. В общем виде такой подход делится на две ценностные категории: антропоцентризм и неантропоцентризм. К первой категории относятся современный антропоцентризм У. Мёрди [5] и слабый антропоцентризм Б. Нортон [6], которые ориентируются на субъектность людей по отношению к природе, рассматривая последнюю как объект реализации человеческих идеалов. Ко второй категории относятся работы Т. Регана, П. Сингера [7], Л. Несса [8], которые выступают за то, чтобы к уже общепринятым бинарностям равного взаимодействия человека и человека, человека и общества, была добавлена и бинарность человека и природы.

Вторым подходом является западный экологический марксизм, в рамках которого исследуется кризис экологической среды исходя из традиционной критики капитализма. Среди авторов данного направления можно упомянуть У. Райса [9], Б. Аггера [10], Д. Пеппера [11], выступающих за возвращение к антропоцентризму и модернизму, а также Д. Б. Фостера [12] и Дж. О’Коннора [13], полагающих, что экологический кризис должен быть разрешен путем изменения капиталистического способа производства и, соответственно, социальных отношений.

Третий подход основан на парадигме экологической модернизации, которую впервые предложил Й. Хубер в книге «Принципы и методы экологической модернизации» [14, с. 12], по его мнению, основной движущей силой модернизационного развития является именно экология. Этот подход также разделяют М. Янике (превентивные стратегии [15]), П. Кристофф (теория ослабления

и усиления [16]), Г. Спааргарен и А. Мол (теория социальных изменений и трансформации [17]).

Четвертый подход – экологический постмодернизм, заключающийся в разработке средовой этики, что предусматривает приоритеты экологической толерантности, критики капиталистической формы производства и потребительского отношения к окружающей среде. Из наиболее ярких представителей данного направления стоит упомянуть Д. Уайта [18] и Ш. Спретнака [19].

Философский фундамент китайского проекта эко-цивилизации. В настоящее время китайское общество рассматривает построение экологической цивилизации как важное направление дальнейшей модернизации КНР. В связи с увеличением актуальности данного направления в последние 5 лет в научной среде наблюдается устойчивый интерес к теоретической разработке экологической проблематики. Концептуализация, как правило, реализуется путем смешения подходов традиционной китайской философии и западной экологической мысли.

Помня о богатом наследии традиционной китайской философии, тем не менее стоит отметить, что в проекте эко-цивилизации не используется все многообразие древней мысли. Современными учеными, как правило, перенимается лишь ценностная основа, как, например, идея «единства природы и человека». Такие ученые, как Цзи Сяньлинь [20], Цянь Му [21], Мэн Пейюань [22] исходят из того, что человек и природа представляют собой органическое целое, а потому для преодоления экологического кризиса человек должен вернуться к исходному единству природной и социальной среды.

Тот же подход может реализоваться как всестороннее взаимное растворение искусственных и природных сред, но этически, то есть как изменение отношения человека к природе от потребительского к бережному. В этом направлении работают такие авторы, как Чжэнжун Ше [23], Моучан Юй [24], Юньфэй Чжан [25], Кэли Фан [26], полагая, что идея «единства человека и природы» заключается в нравственном совершенствовании посредством воспитания, в том числе благодаря формированию новых ценностей.

Такой подход исходит из простого факта невозможности прямого использования идей традиционной философии в современном китайском обществе. Древние максимы должны сочетаться с условиями модернизации современного Китая, соответствуя не только балансу экологических норм и индивидуального поведения каждого человека, но и всестороннему преобразованию общества, достигаемому за счет интеграции экологических приоритетов в экономическую, политическую и культурную повестку дня. В этом отношении речь идет не столько о чистых идеологемах, сколько о гигиенических, пищевых, поведенческих и даже спортивных стандартах современного социума.

Переходя от основ традиционной китайской философии к прямым западным заимствованиям, стоит начать с экологического марксизма (эко-марксизма), который активно изучается в Китае начиная с 1980-х годов. Работы китайских

исследователей Шуня Лю и Ханьцина Ху [27], Шэнчжэня Ван и Хунбина Чжан [28], Хунвэя Ли [29], Цюхуна Хань и Хэцзяо Ян [30], Цинчжи Хуань [31, 32], Вэньгина Цзэн [33] напрямую основываются на исследованиях представителей западной философской мысли Д. Б. Фостера, Г. Маркузе, У. Райса и А. Горца. При таком подходе истоки экологического кризиса усматриваются в приоритете материального обогащения, на котором основана капиталистическая экономика [27, с. 108, 109]. Возможным источником преодоления имеющихся дисбалансов может быть ценностная переориентация общества из субъект-объектной в субъект-субъектную плоскость [28, с. 14]. В этом смысле экологический кризис обусловлен не технологическими и экономическими причинами, а сутью капиталистической идеологии, и потому является кризисом капитализма, распадаясь на политическую, экономическую и ценностную составляющие.

По мнению Хунвэя Ли, «источник противоречия между человеком и природой лежит в противоречии между бесконечностью развития человеческого капитала и конечностью природных ресурсов» [29, с. 168]. Иными словами, Китай должен сохранять баланс между человеком и природой, обращаться к стратегиям устойчивого развития, совершенствуя теорию социализма с китайской спецификой под влиянием экологических норм. Такое совершенствование можно проследить на основе работы Цюхун Хань и Хэцзяо Ян [30, с. 66], где критикуется «параноидальное» развитие современной капиталистической экономики и защищается необходимость ценностного развития общества с учетом таких бинарностей, как человек–человек, человек–общество, человек–природа. Данный подход открывает новую перспективу социального развития современного Китая, обеспечивая ориентир для построения эко-цивилизации в экономике, политике, культуре, обществе и экологии (пять в одном).

С конца 1990-х годов китайские ученые стали обращать внимание на западные теории экологической модернизации и экологического постмодернизма. Исследования теории экологической модернизации такими учеными, как Цинчжи Хуань [31, 32], Шинань Фан [34], Чуанци Хэ [35], Фанфан Чжу [36], Сибао Го и Кайтай Ян [37], в основном сосредоточены на формировании и развитии экологической теории, способной обеспечить сохранение темпов всестороннего развития Китая.

Научный сотрудник Китайской академии наук Чуанци Хэ выдвинул теорию второй модернизации [35, с. 75]. Характеристики первой модернизации включают экономическую индустриализацию, социальную рационализацию, политическую демократизацию и технологическую автоматизацию. Эко-цивилизация выступает новым этапом модернизации по направлению к обществу знания. В связи с этим, завершая первую модернизацию, Китай должен осуществить переход к второй модернизации, то есть преодолеть этап индустриального общества и перейти к обществу постиндустриального типа.

Цинчжи Хуан проанализировал теорию экологической модернизации и сделал вывод, что рост экологических приоритетов способствует повышению производительности труда и модернизации структуры экономики посредством технологических инноваций и рыночных механизмов [31, с. 177, 178]. То есть охрана окружающей среды не является бременем для экономической деятельности, а должна рассматриваться как предпосылка устойчивого роста. Такие организации, как АСЕАН и Европейский союз, стали примером указанной парадигмы, «сыграв важную роль в переходе от стратегии “устойчивого развития” к стратегии “экологической модернизации”» [32, с. 97, 98]. Инна Хуан, Пин Йе, напротив, критиковали ограничения западной экологической модернизации, как неспособной избавиться от оков антропоцентризма [38].

Синьсинь Ван, Цюньоу Ся [39], Вэньсю Юй [40], Чжихэ Ван, Мэйгун Фань [41] разрабатывают постмодернистский подход к проекту эко-цивилизации в Китае. Синьсинь Ван и Цюньоу Ся объясняют экологический постмодернизм как целостное мировоззрение, ориентированное на гармоничное развитие общества путем распространения научных взглядов при отказе от возвращения к традиционализму [39, с. 16, 17]. Согласно Вэньсю Юй, экологический постмодернизм – это онтология и новое экологическое мировоззрение, которое воплощает новый дух культуры в категориях новых ценностей [40, с. 16]. Чжихэ Ван и Мэйцзюнь Фань [41] указывали, что теория и практика эко-цивилизации в Китае объективно зависят от развития постмодернистской парадигмы, так как эко-цивилизация с точки зрения преодоления проблем модернизма сама по себе является элементом постмодерной цивилизации. В этом отношении необходимо выявить ограничения современного образа жизни, на основе чего разработать постмодернистский «зеленый» подход, основанный на гармоничном взаимодействии человека и природы, а также свободном и всестороннем развитии человека [42, 43].

Заключение. Таким образом, китайский проект эко-цивилизации является проектом интеграции идей традиционной китайской философии и западной экологической мысли с целью формирования нового качества отношений между человеком и окружающей средой. Основными источниками заимствования выступают такие философские направления, как эко-этика, эко-марксизм, эко-постмодернизм, эко-модернизация. Общим для различных подходов является приоритет инноваций и развития как с точки зрения индивидуальной и общественной нравственности, так и технологического совершенствования экономики и образа жизни. В целом проект эко-цивилизации делает упор на воспитание, а потому может представляться как стратегия социальной модернизации китайского общества. В этом отношении остается необходимость в дальнейшем развитии проекта эко-цивилизации как стратегии социальной

модернизации китайского общества, а потому институциональные инструменты общественного воспитания могут стать основным фокусом дальнейших исследований, включая такие направления, как эко-образование, культура здорового образа жизни, эко-этика и т.д.

Список использованных источников

1. Technical report by the Bureau of the United Nations Statistical Commission (UNSC) on the process of the development of an indicator framework for the goals and targets of the post-2015 development agenda (Working draft) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/6754Technical%20report%20of%20the%20UNSC%20Bureau%20%28final%29.pdf> – Date of access: 04.03.2022
2. 吕氏春秋 [DB/OL]. <https://wenku.baidu.com/view/bf520a5459cfa1c7aa00b52acfc789eb172d9e19.html> [Весне и осени семьи Лу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/bf520a5459cfa1c7aa00b52acfc789eb172d9e19.html> – Дата доступа: 25.02.2022].
3. 牛山之木:先秦史上最著名的环境事件 [DB/OL]. <https://www.docin.com/p-1144317531.html> [Дерево Ньюшань: самое известное экологическое событие в истории до Цинь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.docin.com/p-1144317531.html> – Дата доступа: 25.02.2022].
4. 五石之瓠 [DB/OL]. <https://baike.baidu.com/item/%E4%BA%94%E7%9F%B3%E4%B9%8B%E7%93%A0/61325305?fr=aladdin> [Тыква пяти камней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BA%94%E7%9F%B3%E4%B9%8B%E7%93%A0/61325305?fr=aladdin> – Дата доступа: 25.02.2022].
5. Murdy, W. H. Anthropocentrism: A Modern Version: Belief in the value and creative potential of the human phenomenon is requisite to our survival / W. H. Murdy // *Science*. – 1975. – Vol. 187, Iss. 4182. – P. 1168–1172. <https://doi.org/10.1126/science.187.4182.1168>
6. Norton, B. G. Environmental Ethics and Weak Anthropocentrism / B. G. Norton // *Environmental Ethics*. – 1984. – Vol. 6, № 2. – P. 131–148.
7. Regan, T. Animal Rights and Human Obligations/ T. Regan, P. Singer // Cambridge University Press on behalf of Royal Institute of Philosophy. – 1989. – Vol. 53, № 206. – P. 576–577.
8. Naess, A. The Deep Ecological Movement: Some Philosophical Aspects / A. Naess // *Philosophical Inquiry*. – 1986. – Vol. 8, № 1/2. – P. 10–31.
9. Leiss, W. The Limits to Satisfaction: An Essay on the Problem of Needs and Commodities / W. Leiss. – Toronto : University of Toronto Press, 1976. – 160 p.
10. Agger, B. Western Marxism: An Introduction / B. Agger. – Santa Monica : Goodyear, 1979. – 234 p.
11. Pepper, D. The Roots of Modern Environmentalism / D. Pepper. – London : Croom Helm, 1984. – 258 p.
12. Foster, J. B. Marx's Ecology / J. B. Foster. – New York : Monthly Review Press, 2000. – 174 p.
13. O'Connor, J. Natural Causes : Essays in Ecological Marxism / J. O'Connor. – New York : The Guilford Press, 1998. – 350 p.
14. 吕君枝 西方生态现代化理论对我国生态现代化发展的启示. 河北:产业与科技论坛 [Цзюньчжи Лу. Просвещение западной теории экологической модернизации к развитию экологической модернизации моей страны / Цзюньчжи Лу // *Промышленно-технологический форум*. – 2020. – № 17. – С. 11–13].
15. Jänicke, M. Preventive Environmental Policy as Ecological Modernization and Structural Policy [Electronic resource] / M. Jänicke. – Mode of access: <https://www.mysciencework.com/publication/show/preventive-environmental-policy-ecological-modernisation-structural-policy-64b1549c> – Date of access: 04.03.2022
16. Christoff, P. Ecological Modernization, Ecological Modernities / P. Christoff // *Environmental Politics*. – 1996. – Vol. 5. – P. 476–500.

17. Spaargaren, G. *Sociology, Environment and Modernity: Ecological modernization as theory of social change* / G. Spaargaren, A. Mol // *Society and Natural Resources*. – 1992. – Vol. 5, № 4. – P. 323–344.
18. White, D. R. *Postmodern Ecology: Communication, Evolution, and Play* / D. R. White. – State University of New York Press, 1997. – 257 p.
19. Spretnak, Ch. *States of Grace: The Recovery of Meaning in the Postmodern Age* / Ch. Spretnak. – New York : Harper Collins, 1991. – 337 p.
20. 季羨林.“天人合一”新解.山东:传统文化与现代化 [Сяньлинь Цзи. Новая интерпретация «гармонии между человеком и природой» / Сяньлинь Цзи // Традиционная культура и модернизация. – 1993. – № 1. – С. 9–16].
21. 钱穆.中国文化对人类未来可有的贡献.北京:中国文化 [Му Цянь. Вклад китайской культуры в будущее человечества / Му Цянь // Китайская культура. – 1991. – № 1. – С. 93–96].
22. 蒙培元.中国的天人合一哲学与可持续发展.北京:中国哲学史 [Пейюань Мэн. Китайская философия гармонии человека и природы и устойчивого развития / Пейюань Мэн // История китайской философии. – 1998. – № 3. – С. 3–10].
23. 余正荣. 生态文化教养:创建生态文明所必需的国民素质. 南京:南京林业大学学报 [Чжэнжун Ше. Экологическое культурное воспитание: национальное качество, необходимое для создания экологической цивилизации / Чжэнжун Ше // Журн. Нанкин. ун-та лесн. хозяйства. – 2008. – № 3. – С. 150–158].
24. 余谋昌. 环境意识与可持续发展.北京:世界环境 [Моучан Юй. Экологическое сознание и устойчивое развитие / Моучан Юй // Мир окружающей среды. – 1995. – № 4. – С. 13–16 + 12].
25. 张云飞. 生态理性:生态文明建设的途径选择.北京:中国特色社会主义研究 [Юньфэй Чжан. Экологическая рациональность: выбор пути для построения экологической цивилизации / Юньфэй Чжан // Исследование социализма с китайской спецификой. – 2015. – № 1. – С. 88–92].
26. 方克立.“天人合一”与中国古代的生态智慧.吉林:社会科学战线 [Кели Фан. «Небо и человек в одном» и экологическая мудрость древнего Китая / Кели Фан // Фронт социальных наук. – 2003. – № 4. – С. 207–217].
27. 刘顺.为什么要生态革命:对资本主义的政治经济学批判——福斯特生态马克思主义的理论旨归.上海:上海交通大学学报 [Шунь Лю. Почему экологическая революция: политико-экономическая критика капитализма – теоретическая цель экомарксизма Фостера / Шунь Лю, Ханьцзинь Ху // Журн. Шанхайск. ун-та Цзяотун. Сер.: Философия и социальные науки. – 2014. – № 6. – С. 100–110].
28. 王圣祯.福斯特的生态马克思主义对我国生态道德建设的启示.黑龙江:学术交流 [Шэнчжэнь Ван. Просвещение экологического марксизма Фостера для построения экологической морали в моей стране / Шэнчжэнь Ван, Хунбин Чжан // Акад. обмен. – 2013. – № 8. – С. 12–15].
29. 李宏伟.马克思主义生态观与当代中国实践.北京:人民出版社 [Хунвэй Ли. Марксистский экологический взгляд и современная китайская практика / Хунвэй Ли. – Пекин : Народ. изд-во, 2015. – 324 с.].
30. 韩秋红.从结构化思维到整体化思维——基于生态马克思主义的中国社会发展思考.山西:晋阳学刊 [Цюхун Хань. От структурного мышления к целостному мышлению: размышления о социальном развитии Китая на основе экологического марксизма / Цюхун Хань, Хецзяо Ян // Акад. журн. Цзиньян. – 2014. – № 1. – С. 64–68].
31. 郇庆治,马丁耶内克.生态现代化理论:回顾与展望.北京:马克思主义与现实 [Цинчжи Хуань. Теория экологической модернизации: обзор и перспективы / Цинчжи Хуань, М. Дженек // Марксизм и реальность. – 2010. – № 1. – С. 175–179].
32. 郇庆治.生态现代化理论与绿色变革.北京:马克思主义与现实 [Цинчжи Хуань. Теория экологической модернизации и зеленой трансформации / Цинчжи Хуань // Марксизм и реальность. – 2006. – № 2. – С. 90–98].
33. 曾文婷.“生态学马克思主义”与马克思主义的关系探析.河南:中州学刊 [Вэньтин Цзэн. Анализ отношений между «экологическим марксизмом» и марксизмом / Вэньтин Цзэн // Акад. журн. Чжунчжоу. – 2006. – № 1. – С. 167–170].

34. 方世南. 生态现代化与和谐社会的构建. 广东: 学术研究 [Шинань Фан. Экологическая модернизация и построение гармоничного общества / Шинань Фан // Акад. исследования. – 2005. – № 3. – С. 10–13].
35. 何传启. 第二次现代化理论与中国现代化. 四川: 世界科技研究与发展 [Хэ, Чуанци. Вторая теория модернизации и модернизация Китая / Чуанци Хэ // Мировые исследования и разработки в области науки и техники. – 1999. – № 6. – С. 72–76].
36. 朱芳芳. 生态现代化的多重解读. 北京: 马克思主义与现实 [Фанфан Чжу. Множественные интерпретации экологической модернизации / Фанфан Чжу // Марксизм и реальность. – 2010. – № 3. – С. 65–69].
37. 郭熙保, 杨开泰. 生态现代化理论评述. 南京: 教学与研究 [Сибато Го. Обзор теории экологической модернизации / Сибато Го, Кайтай Ян // Преподавание и исследование. – 2006. – № 4. – С. 46–52].
38. 黄英娜, 叶平. 20世纪末西方生态现代化思想述评. 北京: 国外社会科学 [Инна Хуан. Обзор западной экологической модернизационной мысли конца XX века / Инна Хуан, Пинг Йе // Зарубеж. соц. наука. – 2001. – № 4. – С. 2–9].
39. 王欣欣, 夏群友. 生态后现代主义及其价值理念. 桂林: 社会科学家 [Синьсинь Ван. Экологический постмодернизм и его ценностная концепция / Синьсинь Ван, Цюньбоу Ся // Соц. наука. – 2010. – № 3. – С. 15–17, 31].
40. 于文秀. 生态后现代主义: 一种崭新的生态世界观. 上海: 学术月刊 [Юй, Вэньсю. Экологический постмодернизм: новое экологическое мировоззрение / Вэньсю Юй // Акад. ежемесячник. – 2007. – № 6. – С. 16–24].
41. 王治河, 樊美筠. 生态文明呼唤一种富有人文情怀的后现代科学. 武汉: 武汉理工大学学报 [Чжихэ Ван. Экологическая цивилизация требует постмодернистской науки, полной гуманистических чувств / Чжихэ Ван, Мэйцзюнь Фань // Журн. Ухан. технол. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 456–464].
42. 王治河. 后现代生态文明与现代生活方式的转变. 广州: 岭南学刊 [Чжихэ Ван. Постмодернистская экологическая цивилизация и трансформация современного образа жизни / Чжихэ Ван // Журн. Линьнан. исследований. – 2010. – № 3. – С. 112–117].
43. 王治河. 中国式建设性后现代主义与生态文明的建构. 北京: 马克思主义与现实 [Чжихэ Ван. Конструктивный постмодернизм и строительство экологической цивилизации в китайском стиле / Чжихэ Ван // Марксизм и реальность. – 2009. – № 1. – С. 26–30].

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 101+004+316

Поступила в редакцию 17.02.2022
Received 17.02.2022

А. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

В статье рассмотрены исторические предпосылки и особенности формирования технологий социальных коммуникаций в разрезе их культурной и научно-технической обусловленности. Современная эпоха охарактеризована с позиций новых возможностей электронно-сетевых коммуникаций, которые, в свою очередь, явились результатом длинной цепи технологических перемен. Идея «технологической лестницы» Д. Белла рассмотрена в контексте более системных представлений о технологических укладах общества. Сделан вывод о том, что две первоначально слабо связанные между собой линии эволюции – эволюция коммуникационных технологий и эволюция технологических укладов – по мере цивилизационного развития интегрируются в один эволюционный процесс, определяющий современные инновации в области науки и культуры, техники и технологии, экономики и социальной организации. Данный синтез свидетельствует о формировании нетрадиционной конвергентной модели социально-технологического развития, интегрально включающей в себя, с одной стороны, новейшие технологии (биотехнологии, нанотехнологии, информационные технологии и др.), полученные в рамках развития фундаментального теоретического знания, и, с другой стороны, коммуникационные технологии, конвергентно представленные всеми известными формами и средствами социальной коммуникации.

Ключевые слова: наука, технология, технологический уклад, социальная коммуникация, технологический детерминизм, инновации, коммуникационные технологии, социальная организация, социально-технологическое развитие

A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL COMMUNICATIONS AND TECHNOLOGICAL DETERMINISM

The author of the paper examines historical prerequisites and features of the formation of social communication technologies in the context of their cultural, scientific and technical conditionality. The contemporary era is characterized from the position of new possibilities of electronic network communications, which have become the result of a long chain

of technological changes. The idea of the “technological ladder” of D. Bell is considered in the context of more systematic ideas concerning the technological structures of a society. The author comes to the conclusion that two initially weakly interconnected lines of evolution – the evolution of communication technologies and the evolution of technological modes – as a result of civilizational development are integrated into one evolutionary process that determines modern innovations in the field of science and culture, engineering and technology, economics and social organization. This synthesis proves that an unconventional convergent model of socio-technological development is formed/ And it integrally includes, on the one hand, the latest technologies (biotechnologies, nanotechnologies, informational technologies, etc.) obtained as a part of the development of fundamental theoretical knowledge, and, on the other hand, communication technologies convergently represented by all known forms and means of social communication.

Keywords: science, technology, technological order, social communication, technological determinism, innovations, communication technologies, social organization, socio-technological development

В пределах основных идеологем современной информационной цивилизации фактически любой коммуникационный процесс выглядит как акт трансляции и восприятия информации. В зависимости от того, как это происходит, можно говорить о различных средствах и способах взаимодействия субъектов коммуникации, определяющих, в свою очередь, ее формы и виды. Выбор соответствующих средств и способов организации коммуникационного процесса лежит в основе понятия технологии коммуникации, претерпевшей к настоящему времени существенные изменения.

Существуют различные типы коммуникаций: по форме использования языка – вербальная и невербальная; по степени охвата аудитории – коммуникация в малых группах, коммуникация внутри организации, массовая; по характеру взаимодействия – монолог, диалог, полилог; по области реализации – религиозная, политическая, музыкальная коммуникация и т.д.; по условию обращения – непосредственная и опосредованная; по характеру речевой ситуации – официальная, бытовая и т.д.

По мере развития общества, усиления глобализационных процессов роль массовой коммуникации все больше возрастает, так как современные информационные технологии позволяют существенно изменить структуру, границы и функции коммуникативного пространства.

Современные средства социальной мобильности значительно превосходят те коммуникативные возможности человека, которые имели место на протяжении ряда наиболее значимых вех в истории общества. Таких вех было несколько: дописьменная первобытная культура, знаково-символическая культура, письменная культура, письменно-печатная культура и, наконец, культура электронных средств коммуникации.

Возникновение языка (первая коммуникационно-технологическая революция) позволило конституировать первый в истории человечества искусственный канал передачи и обмена коммуникационными сигналами.

Изобретение письменности (вторая коммуникационно-технологическая революция) многократно увеличило возможности человека накапливать и передавать знания и опыт, привнесло больше определенности в опосредованные техники коммуникационных практик.

Книгопечатание (третья коммуникационно-технологическая революция) позволило не только накапливать, хранить, но и тиражировать информацию в невиданных ранее масштабах. Оно привнесло изменения в учебно-образовательный процесс, в интеллектуальные и культурные практики, в организацию досуга, сформировав также особые сегменты социально-экономической деятельности.

Радио и телевидение (четвертая коммуникационно-технологическая революция) кардинально повлияли на формирование новых форм и способов коммуникации, придав последним массовый и глобальный характер. Данные технологии вышли за пределы собственно коммуникационного значения, обретя политический, идеологический, экономический, социально-культурный и даже государственный смысл.

Наконец, появление компьютерных технологий и созданных на их основе глобальных коммуникационных сетей (пятая коммуникационно-технологическая революция) до неузнаваемости трансформирует традиционные возможности производства и социализации информации, кардинально изменяет представление о пространственно-временных границах социальной коммуникации, ее онтологических (феномен виртуализации) и эпистемологических (коммуникация знаний) основаниях. Формируется новый стиль в экономике, культуре, жизни людей. Привычными становятся понятия информационной и компьютерной зависимости, искусственного интеллекта, символизации жизненного пространства и т.п.

Все отмеченные революционные сдвиги в формировании коммуникационного пространства человечества отразились на его культурно-цивилизационном развитии на свой лад. По мнению английского социолога Э. Геллнера, изобретение письменности сравнимо по своему значению с происхождением государства. «По-видимому, – пишет он, – письменное слово входит в историю вместе с казначеем и сборщиком налогов: древнейшие письменные знаки свидетельствуют прежде всего о необходимости вести учет» [1, с. 37–38].

Распространению письменной культуры способствовало развитие технических средств передачи информации, революционным достижением которого стало изобретение печатного станка. С этого времени начинается так называемая эпоха Гуттенберга, которая характеризуется принципиально новым уровнем развития технологий социальной коммуникации, когда различные коммуникативные средства начинают использоваться совместно для получения оптимального результата в обеспечении коммуникативного процесса.

Как считает канадский культуролог и философ Г. М. Маклюэн, описывая эпоху И. Гуттенберга в своей книге «Галактика Гуттенберга», именно создание

печатного станка спровоцировало появление нового типа индивида – «индустриального» человека с его ориентацией на технический прогресс. Издание книг, кроме получения непосредственной экономической прибыли, приводило к тому, что новейшие идеи и научные исследования получали широкое распространение, способствуя секуляризации общественной жизни, становлению рационализма и светского просвещения, более динамическому развитию культуры.

С наступлением эпохи электронной коммуникации развитие коммуникативных средств и технологий пошло по пути диверсификации и интенсификации, так как одновременно получили развитие различные технические отрасли, что привело к совершенно новым техническим изобретениям, позволившим значительно обогатить коммуникативные возможности человека, сделать коммуникацию более эффективной.

Отмечая особенности общества электронной коммуникации, можно подчеркнуть следующие: появление принципиально новых технических средств коммуникации; интенсификация и массовизация процесса социальной коммуникации; стирание пространственных ограничений коммуникации, которое положило начало процессам глобализации культуры и ее принципиальной децентрации; появление сложных коммуникационных технологий, являющихся следствием интеграции многих средств коммуникации.

Интенсификация процессов производства и обмена информацией привела к тому, что традиционные средства трансляции и социализации информации не могли в должной мере выполнять свои функции. Поэтому именно Интернет стал тем технологическим и социально-культурным явлением, которое не только удовлетворило запросы общества в скорости и объеме передачи информации, но и способствовало изменению самого характера и структуры социальной коммуникации. По мнению одного из ведущих социологов современности М. Кастельса, «мы приблизились к созданию чисто культурной структуры социальных взаимодействий. Именно поэтому информация стала основным компонентом нашей социальной организации, а потоки идей и образов составляют основную нить общественной структуры» [2, с. 505].

Развитие интернет-технологий и массовое увлечение ими привело не только к решению ряда проблем социальной интеграции и мобильности, но и ко многим негативным явлениям, связанным с физиологической и психологической зависимостью, «клиповым» сознанием, информационной безопасностью и т.п. Интернет по сути носит ризоматический характер, что и определяет весь механизм его функционирования как глобальной информационно-коммуникационной системы. По мнению российского ученого Ю. И. Шелистова, «всемирная сеть – это принципиально незаконченная, неиерархическая, динамично развивающаяся система. Очевидно, что непрерывно происходящие процессы изменения не позволяют Сети стать тождественной самой себе, что делает невозможным ее калькирование» [3, с. 60]. Глобальную сеть можно представить

как децентрализованную структуру с разветвленной системой информационных, коммуникационных линий, соединяющих между собой в разной мере удаленные точки.

В отличие от традиционных средств массовой информации, таких как радио, телевидение, газеты, Интернет можно назвать массовым только по количеству его пользователей, в то время как сам процесс коммуникации посредством Всемирной паутины нередко ведет к обратным процессам демассифицированности. Как отмечает американский философ Э. Тоффлер, описывая развитие так называемой инфосферы, «демассифицированные средства информации демассифицируют и наше сознание. Во время Второй волны постоянная накачка стандартизированного образного ряда привела к тому, что критики называют “массовым сознанием”. Сегодня уже не массы людей получают одну и ту же информацию, а небольшие группы населения обмениваются созданными ими самими образами» [4, с. 278]. Интернет предоставляет человеку возможность выбора альтернативного источника информации, избавляет его от экспансии транслируемых визуальных, вербальных и аудиальных сообщений привычных масс-медиа, в то же время ставя человека в зависимость от вновь выбранного источника информации.

Таким образом, эволюция форм и типов социальной коммуникации, формирование ее существенных особенностей напрямую связаны с определенными средствами и технологиями, которые, в свою очередь, определяются общей технологической линией развития социума и соответствующими ей *экономико-технологическими укладами*. Технологии коммуникации – это своего рода синтез средств и техник коммуникационного процесса с целью достижения реализуемых в его рамках целей и задач. При этом доминирующим элементом в структуре указанного синтеза будут выступать средства коммуникации, функциональный ресурс которых определяется теми или иными технологическими новациями. «Постиндустриальная, или информационная эра, – писал создатель теории постиндустриального общества Д. Белл, – наступает в результате длинной цепи технологических перемен» [5, с. СХХІХ]. При этом американский социолог приводит так называемую «технологическую лестницу», в соответствии с которой можно составить схему позитивных трансформаций общественно-экономической сферы той или иной страны и которая включает следующие ступени:

- 1) ресурсная база: сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность;
- 2) легкая промышленность: текстильная, обувная и т.д.;
- 3) тяжелая промышленность: металлургия судостроение, автомобилестроение, машиностроение;
- 4) высокие технологии: измерительные приборы, оптика, микроэлектроника, компьютеры, телекоммуникации;

5) отрасли, базирующиеся на научных достижениях будущего: на биотехнологии, материаловедении, космических исследованиях и т.д.

В качестве примера продвижения вверх по технологической лестнице Д. Белл рассматривает Японию, которая после утраты в послевоенные годы позиций в легкой промышленности стала активно развивать сталелитейную отрасль и судостроение, отняв у Великобритании лидерство в обеих этих сферах. Но поскольку это были отрасли с высоким уровнем энергопотребления, то после нефтяного кризиса 1973 г. Япония переориентировалась на оптику, микроэлектронику и автомобилестроение, используя новейшие производственные технологии. «В принципе, – пишет американский социолог, – существуют три условия, дающие странам возможность продвигаться вверх по технологической лестнице: политическая стабильность, которая позволяет инвесторам надеяться на получение прибыли; наличие большого класса предпринимателей, инженеров, техников и квалифицированных рабочих, разрабатывающих и производящих товары; соответствующая система образования для подготовки грамотных специалистов, обладающих знаниями, необходимыми для применения новых технологий» [5, с. СXXX].

Идея технологической лестницы Д. Белла пересекается, на наш взгляд, с более систематизированными представлениями о так называемых технологических укладах. Технологический уклад охватывает замкнутый макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующий тип общественного потребления. Технологический уклад, как правило, отличается единым техническим уровнем составляющих его производств, которые связаны потоками качественно однородных ресурсов и опираются на общие ресурсы квалифицированной рабочей силы, общий научно-технологический потенциал и т.п. [6, с. 64].

Начиная с промышленной революции в Англии, в развитии мировой экономики можно выделить периоды доминирования пяти последовательно сменяющихся друг друга технологических укладов. Сегодня в развитых странах преобладает пятый технологический уклад и начинает формироваться шестой. К примеру, основу первого технологического уклада составляли водяной двигатель, обработка железа, текстильная промышленность; второй технологический уклад определяли паровой двигатель, инструментальная промышленность; в основе третьего технологического уклада была электротехника, тяжелое машиностроение; четвертый технологический уклад – это автомобилестроение, транспортостроение, синтетические материалы; пятый технологический уклад определяет электронная промышленность, вычислительная техника, роботостроение. В основе формирующегося шестого технологического уклада – нано- и биотехнологии, клеточная инженерия, наноразмерные производства.

Характерной особенностью трансформации общей эволюционной линии становления и функционирования названных укладов является то, что продол-

жительность каждого последующего технологического этапа заметно сокращается. Это связано с общими процессами кумулятивного развития опыта, знаний и технологий, их интегральными проявлениями в системе генерирования инноваций, с интенсивным характером внедрения инноваций в практику социально-экономического и культурного развития.

Доминирующий сегодня пятый технологический уклад начал складываться в целостную воспроизводственную систему в 50–60-е годы XX в. и стал технологической основой экономического роста после структурного кризиса 1970-х годов. Ядро этого технологического уклада составляют микроэлектроника, программное обеспечение, вычислительная техника и технологии переработки информации, производство средств автоматизации, космической и оптоволоконной связи.

С начала 90-х годов XX в. в недрах пятого технологического уклада стали зарождаться элементы следующего, уже шестого технологического уклада. Его ключевыми факторами являются биотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы, формирование сетевых бизнес-сообществ.

Дальнейшее развитие получают гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, ядерная и водородная энергетика. Произойдут еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. Прогресс в технологиях переработки информации, системах телекоммуникаций повлечет за собой дальнейшую глобализацию основных сфер жизнедеятельности мирового сообщества. В числе определяющих национальные конкурентные преимущества факторов будут образование, развитие науки, возможности информационно-коммуникационной среды, раскрытие интеллектуально-творческих способностей каждой личности, высокое качество жизни, развитие ключевых производственно-технических систем нового технологического уклада.

Возвращаясь к поставленному нами вопросу о взаимосвязи собственно коммуникационных технологий и технологических укладов, определяющих динамику социального развития в целом, следует подчеркнуть, что такая взаимосвязь, несомненно, имеет место, хотя ее характер и степень интенсивности на разных исторических этапах развития человечества заметно отличались. Для более отдаленных периодов человеческой истории характерна локализация коммуникативного пространства с использованием сравнительно однообразных и технологически слабо развитых средств передачи информации. По мере роста цивилизационных факторов становятся более разнообразными средства и формы социальной коммуникации, усиливается их связь с научно-техническим прогрессом общества. В связи с этим можно сделать следующий вывод: по мере развития общества его коммуникационные структуры все бо-

лее технологизировались, характеризуясь при этом усилением их связи с экономико-технологическими укладами. Эволюция же последних зависела от развитости коммуникационного пространства общества.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что две первоначально слабо связанные между собой линии эволюции (эволюция коммуникационных технологий и эволюция технологических укладов) по мере цивилизационного развития интегрируются в один эволюционный процесс, определяющий тот или иной тип общества. Ядро пятого и, особенно, шестого технологических укладов составляют компьютерная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, информационные услуги, системы искусственного интеллекта, сетевые сообщества и глобальные информационные сети. Все эти факторы по основным своим признакам имеют информационно-технологическую и коммуникационную сущность. Другими словами, современные инновации в области науки и культуры, техники и технологии, экономики и социальной организации способны реализовываться на развитой информационно-коммуникационной основе, определяя при этом и их собственный технологический фундамент.

Таким образом, сегодня можно говорить о существенной трансформации концепции технологического детерминизма, в чьей основе лежит прогресс в технологиях экономико-производственного и технического назначения, которые определяют важнейшие тенденции общественного развития. На современном этапе социокультурной эволюции данные технологии не могут развиваться и реализовываться вне развитых коммуникационных сетей производства и социализации интеллектуального ресурса человечества. Пятый и последующий технологические уклады представляют собой синтез достижений научно-технического (технологического) и коммуникационно-технологического характера, при определяющем значении последних в практике инновационного развития общества в условиях глобализации. Данный синтез свидетельствует о формировании *нетрадиционной конвергентной модели технологической картины мира*, интегрально включающей в себя, с одной стороны, новейшие технологии (биотехнологии, нанотехнологии, информационные технологии и др.), полученные в рамках развития фундаментального теоретического знания, и, с другой стороны, коммуникационные технологии, конвергентно представленные всеми известными формами и средствами социальной коммуникации.

Совершенствование технологий социальной коммуникации оказывает огромное влияние на все стороны общественного развития, определяя совершенно *новые формы организации*, особенности ее функционирования, включая такие аспекты, как структура, система управления, направление информационных потоков и способ передачи информации, организационная культура. В новых типах организаций иначе решается ряд классических управленческих проблем. Если в традиционных иерархических организациях управление

основывается на стандартизированных процедурах, правилах и программах (М. Вебер), то современные компьютерные технологии коммуникации «оттягивают» на себя значительный объем деятельности по координации информационных потоков и работы персонала, существенным образом оптимизируя эти процессы в случае с большими сложными организациями.

Данная тенденция может быть обозначена как существенная трансформация традиционных отношений в различных системах социальной организации в направлении явного доминирования в их структуре коммуникационно-технологических решений. «На смену традиционной иерархии властных полномочий, – пишут американские ученые Л. Фостер и Д. Флинн, – приходит иерархия компетентности... Власть и ресурсы все больше концентрируются в экспертных центрах, а не на формальных иерархических уровнях» [7, р. 231].

Увеличение веса информационно-коммуникационных технологий в общественном социально-производственном процессе приводит к появлению глобальных сетевых организаций. К их основным характеристикам относятся: 1) синергетический эффект как результат объединения возможностей отдельных элементов организации; 2) отказ от рутинных средств коммуникации; 3) выстраивание горизонтальных связей, замена односторонней зависимости взаимозависимостью; 4) замещение административных указов (иерархия) нормами «справедливого обмена»; 5) гибкость и адаптивность; 6) формирование взаимовыгодного подхода, заменяющего формальный [8].

Глобальные сетевые организации – это, как правило, многонациональные корпорации, которые на основе прежних (традиционных) технологий коммуникации едва ли могли бы возникнуть по причине наличия трех основных препятствий: большие расстояния, разные временные зоны, разнообразие культур. Современные электронные технологии коммуникации достаточно успешно позволяют преодолевать первые две причины. Третья проблема едва ли может быть решена лишь за счет технического прогресса, но электронные переводчики, мультимедийные сети и коммуникационные базы данных позволяют смягчить ее остроту [9]. Данное обстоятельство приносит существенное изменение в представление о коммуникативной общности организаций. Если традиционно такая общность формировалась по территориальному признаку, а работники идентифицировали себя с конкретной организацией, имея в виду прежде всего ее географическое положение, то возникновение глобальных сетевых организаций предполагает формирование коллективов из разбросанных по всему миру людей с общими интересами, допуская их виртуальное присутствие в структуре организации.

Иначе говоря, современные средства и формы коммуникации не только характеризуют тип технологического уклада в его традиционном социально-производственном значении, но и существенно влияют на формирование новых типов организации и особенностей ее функционирования. Анализ зави-

симости организационной структуры и технологии коммуникации позволяет утверждать, что в настоящее время коммуникационные технологии и организации являются однородными гомогенными образованиями, во многом определяя существование и развитие друг друга. «Разработка формы, в которой существует информационная технология, – отмечают американские исследователи Х. Лукас и Д. Бароди, – и формы существования организации в значительной степени является сходной задачей» [10, р. 9].

В свое время французский социолог Г. Тард отмечал еще более тесную зависимость между коммуникацией и социальной организацией в целом. В соответствии с его теорией доминирующий характер передачи информации определяет способ социального устройства: каждому типу коммуникации соответствует определенный тип общества [11].

Критически оценивая различные концепции информационного общества, британский ученый Ф. Уэбстер дает пять его определений по пяти основным параметрам: технологическому, экономическому, связанному со сферой занятости, пространственному и культурному. С интересующей нас точки зрения обратим внимание на то, что в основе технологического критерия находятся идеи известного австрийского ученого Й. Шумпетера о конструктивном характере «творческого разрушения» и советского экономиста Н. Д. Кондратьева о последовательно наступающих «длинных волнах» экономического развития. В соответствии с этими концепциями изобретение новых средств кодирования и передачи информации приводит к качественным преобразованиям в экономике, а вслед за ним – в социально-культурной сфере общества [12, с. 253]. Данное утверждение практически полностью коррелирует с обозначенной нами позицией Г. Тарда.

Вместе с тем следует указать и на наличие обратной зависимости между социальной организацией и технологией. Так, Ф. Уэбстер отмечает, «что технологии не отделены от области социального. Напротив, они являются составной частью социального. К примеру, решения, принятые по поводу тех или иных исследований и научных разработок, выражают социальные приоритеты, и на основе этих оценочных суждений развиваются те или иные виды технологий» [13, с. 17]. На непосредственную связь между развитием общества и развитием технологий указывает и М. Кастельс, отмечая, что «способность или неспособность общества управлять технологией, особенно стратегическими технологиями, в большой степени формирует судьбу общества... оно может, используя мощь государства, задушить развитие технологии. Или, напротив, также путем государственного вмешательства оно может начать ускоренный процесс технологической модернизации, способной за несколько лет изменить экономику, повысить военную мощь и социальное благополучие» [14, с. 30].

Исходя из того, что коммуникации в человеческом сообществе непосредственно относятся к сфере социального, следует подчеркнуть, что принципы

их организации и функционирования не могут не влиять на технологический процесс, что было нами показано применительно к эволюции технологических укладов общества. Учитывая таким образом тесную взаимосвязь между технологией в широком смысле слова и социальной коммуникацией, а также констатируя усиление этой взаимосвязи в условиях информационного общества, следует еще раз подтвердить продуктивность введенного выше понятия конвергентной социально-технологической картины мира. Вместе с тем процесс «развертывания» этой картины мира крайне неоднозначен и во многом еще недостаточно контролируем. Итальянский философ Э. Агацци, говоря о новой технологической фазе развития цивилизации, которую он противопоставлял индустриальной фазе, в частности отмечает: «Функционирование технологической системы по существу индифферентно целям, ей свойственно “имманентное” развитие, рост на собственных корнях. Именно индифферентность целям позволяет ей воспринимать различные цели и ценности. Чрезвычайная сложность, самодостаточность и вездесущность – вот в чем качественное отличие технологической системы от индустриальной и технологической цивилизации – от индустриальной цивилизации. Технологическая цивилизация – это образ жизни, общения и мышления, она есть совокупность условий, которые в целом господствуют над человеком, тем более что они не подлежат его контролю» [15, с. 90].

Возможно, Э. Агацци слишком категоричен в оценке зависимости человека от технологического прогресса, тем не менее интенсивное конвергентное развитие современных технологий, действительно, кардинально трансформирует не только основополагающие элементы социальной структуры, но и существенным образом влияет на формы и типы социальной коммуникации, на предпочтения и образ жизни людей.

Список использованных источников

1. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М. : Прогресс, 1991. – 320 с.
2. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – С. 494–505.
3. Шелистов, Ю. И. Проблемы человека и становление глобальной информационной среды / Ю. И. Шелистов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2001. – № 6. – С. 55–76.
4. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 670 с.
5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 788 с.
6. Технологические уклады в мировой экономике / подг. И. Емельянович // Наука и инновации. – 2007. – № 2. – С. 64–68.
7. Foster, L. W. Management Information Technology: Its Effects on Organizational Form and Function / L. W. Foster, D. M. Flynn // Management Information Systems Quarterly. – 1984. – Vol. 8, Iss. 4. – P. 229–236.
8. Howell, W. Hybrid Organizational Arrangements: New Forms or Transitional Development? / W. Howell // California Management Review. – 1987. – Vol. 3, № 1. – P. 67–87.

9. Monge, P. R. Global network organizations / P. R. Monge, J. Fulk // *Organization Means Communication* / eds.: R. Cesaria, P. S. Shockley-Zalabak. – Rome : SIP, 1995. – P. 135–151.
10. Lucas, H. C. The role of Information Technology in Organization Design / H. C. Lucas, J. Baroudi // *Journal of Management Information Systems*. – 1994. – Vol. 10, № 4. – P. 9–24.
11. Тард, Г. Социальные законы / Г. Тард ; пер. с фр. Ф. Шипулинского. – СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1901. – 63 с.
12. Ратиев, Г. Социокультурная взаимосвязь «массового» и «информационного» общества / Г. Ратиев // *Соц.-гуманитар. знания*. – 2007. – № 1. – С. 245–262.
13. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
14. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
15. Агацци, Э. Моральное измерение науки и техники / Э. Агацци. – М. : Моск. филос. фонд, 1998. – 344 с.

Д. И. Широканов, А. С. Червинский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ

Транskonцептуальное конструирование предполагает развитые методологические предпосылки, чья совокупность составляет определенный теоретический базис, на котором следует строить структуру познавательного, а затем и деятельного процесса, и который, при наличии определенных условий, позволит осуществлять необходимую корреляцию между абстрактно должным и реально сущим в практике социоприродного сосуществования и природопользования. Характерная для современного естествознания разобщенность методик, особенно в сфере оценки техногенного влияния на структуру биосферных компонентов, может быть преодолена в рамках философского подхода. Качественно-количественная сопряженность нормативных показателей дает возможность выявить значимость исследуемого биосферного объекта. Таким образом формируются условия для классификации конкретной формы антропогенного воздействия по показателям качества окружающей человека природной среды обитания.

Ключевые слова: философские основы социальной экологии, концептуальное конструирование, биогеохимический подход, качество окружающей среды

D. Shirokanov, A. Chervinsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

THE ROLE OF PHILOSOPHY IN THE FORMATION OF CONCEPTUAL STRUCTURES OF SOCIAL ECOLOGY

Transconceptual construction presupposes developed methodological prerequisites, the totality of which constitutes a certain theoretical basis, on which one should build the structure of the cognitive, and then the active process, and which, under certain conditions, will allow for the necessary correlation between the abstractly due and the really existing in the practice of socio-natural coexistence and nature management. The disunity of methods characteristic of modern natural science, especially in the field of assessing the technogenic impact on the structure of biospheric components, can be overcome within the framework of a philosophical approach. Qualitative-quantitative conjugation of normative indicators makes it possible to reveal the significance of the studied biospheric object. Thus, conditions are formed for the classification of a specific form of anthropogenic impact in terms of the quality of the natural environment surrounding a person.

Keywords: philosophical foundations of social ecology, conceptual design, biogeochemical approach, environmental quality

Введение

Важным фактором концептуального конструирования в социальной экологии является методологически грамотное заимствование философских концептуальных структур. Это позволяет, во-первых, обеспечить достаточную адекватность теоретических конструкторов сложившейся реальности, во-вторых, адаптировать их к конкретным природоохранным задачам и, следовательно, сделать их востребованными в практике социального природопользования.

Такие социально-экологические структуры должны обладать: универсальностью делающих их пригодными к анализу качественных изменений как позитивного, прогрессивного характера, так и к оценке деструктивных процессов в структуре природных комплексов; необходимой конкретностью, обеспечивающей их прикладное использование; репрезентативностью, позволяющей в концентрированной форме выразить значительную совокупность приемов и способов оценки состояния природной среды обитания; прогностичностью, способной обеспечить должную эвристичность по отношению к природным объектам, качественные характеристики которых еще не имеют должного концептуального выражения в современном естествознании.

Представляется очевидным, что в процедуре взаимодействия эвристичным оказывается подход, при котором учитывается взаимная зависимость качественных и количественных характеристик экокомплекса, что обеспечивает полноту их концептуального выражения, а комплекс нормативных показателей позволяет взаимно дополнять переменные величины: сущность исследуемого элемента в структуре биогеоценоза (качественный аспект) и его функциональную определенность (количественный аспект). Кроме того, актуальной является способность концептуального описания природной среды с учетом структурно-функциональной многокачественности составляющих компонентов, иерархическая взаимозависимость между которыми обуславливает сбалансированность оценочных процедур как на уровне собственно природных трофических связей, так и на уровне социоприродного обмена вещества, энергии и информации.

Философские основания концептуального описания социоприродной динамики

Соотносительность исходной философской и производной концепций в своем функциональном выражении изначально предполагает определенную взаимонаправленную адаптацию с возможным изменением структурной упорядоченности взаимодействующих компонентов. При этом процесс взаимной адаптации осуществляется комплексно и, как правило, с различными временными интервалами, что создает ситуацию определенной стохастичности протекающих изменений. Особенно это заметно в условиях концептуальных

описаний биоценоза, подвергнувшегося направленному техногенному преобразованию. Исходная дифференциация компонентов по функциональным критериям позволяет выявлять причинно-следственную зависимость в социоприродных процессах на различных стадиях их реализаций, при этом специфические особенности разнопорядковых процессов социоприродной адаптации, наиболее выраженные на начальных стадиях, постепенно по мере взаимного сближения приобретают черты общности, что является необходимой предпосылкой для их трансконцептуальной агрегации [1, с. 156].

В этом плане большой интерес вызывает проблема практической состоятельности комплексной экологической концепции прежде всего на уровне оценочного анализа процессов потребления природных ресурсов в качестве сырьевой составляющей функционирования современных промышленных комплексов, когда полифункциональность биосферных и промышленных комплексов в системе социоприродных связей не позволяет свести всю гамму их отношений к одномерной характеристике. Здесь неизбежны функциональные противоречия между различными аспектами природных комплексов: от эстетических до утилитарно-хозяйственных, – поэтому проблема приоритета характеристик каждый раз должна иметь прикладное решение.

Философские традиции в теоретико-методологическом обогащении естественнонаучных концепций позволяют дополнить социальную экологию путем инкорпорирования критериев нормативной интерпретации динамики социоприродных отношений. В связи с несовершенством и методологической ограниченностью молодой науки – социальной экологии, переживающей сегодня сложности дисциплинарного становления, в ее структуре всегда присутствует проблема адекватности концептуального конструкта реальности, то есть его репрезентативности.

Под концептуальной репрезентативностью следует понимать уровень представленности различных аспектов реального объекта, подлежащего теоретическому описанию, в системе категориально-понятийной интерпретации. При этом необходимо учитывать, что такая репрезентативность не тождественна количественной насыщенности понятийных, категориальных или эмпирических характеристик. Адекватность может быть достигнута и сравнительно небольшим комплексом критериев, если в нем есть необходимая для достоверного описания концептуальная завершенность.

Концептуальный подход, не предполагающий сохранения природной среды как системы, сберегающей самодостаточность и самообеспеченность, не позволяет рассматривать блок проблем, решение которых на современном этапе социального природопользования является приоритетным. К числу таких проблем следует отнести невозможность построения комплекса практических мероприятий по экономическому использованию природной среды в контексте развития экологического туризма, обеспечения нормативно-юридических

претензий по отношению к международным объектам, загрязняющим природную среду обитания, и т.д.

По существу здесь речь идет не о социально-экологической концепции, а о концепции комплексной эксплуатации природной среды, в которой приоритетным фактором социального потребления является ресурсно-сырьевой аспект, и, соответственно, качество окружающей среды интерпретируется в количественных единицах измерения. Поэтому в последнее время в проблемной, концептуально незавершенной форме высказываются мнения о необходимости интеграции экономической и экологической оценочных систем.

Грамотная социально-экологическая концепция на современном уровне предполагает оценочную интерпретацию экологоемкости любого промышленного предприятия, поэтому в определении данного понятия необходима уже отмеченная сопряженность показателей [2, с. 296]. Объем потребленной продукции, а также объем экологически вредных выбросов, интерпретируемых в количественном изменении, должны быть дополнены качественной оценкой. Введение критерия «экологоемкость» сопровождается обоснованием качественно-количественной совместимости показателей состояния окружающей среды.

Концептуально экологоемкость должным образом может быть оформлена исходя из оценочного рассмотрения трех структурных блоков: техногенное воздействие на природную среду; оценка ее состояния, наступившего в результате этого воздействия; анализ обратной реакции на осуществление природоохранных мероприятий по нейтрализации негативных последствий промышленного использования природного комплекса.

Философско-методологическая разработка оснований биогеоэкологических критериев в структуре социально-экологических концепций имеет принципиальное значение. В условиях неразработанности биологических критериев прогрессивного развития биосферы философский подход к проблеме, предполагающий анализ субъектно-объектных связей в системе «человек – природа», позволяет осуществить поэлементную оценку факторов с выделением наиболее приоритетных в обеспечении качества окружающей среды. При исследовании проблемы деградации окружающей среды биогеоэкологическая концепция, с установлением функциональной определенности природных элементов, позволяет выявить качественную характеристику деструктивного процесса.

В этом плане особая роль принадлежит работам В. И. Вернадского, который разработал биогеохимическую концепцию биосферы. В соответствии с данной концепцией фундаментом системности биосферы является функциональная организованность основных структурных элементов – биогеоэкозов, определяющая трансформацию вещественно-энергетических и информационных потоков [3, с. 112].

Биогеохимический подход, при котором объектом изучения становится не отдельный, качественно специфицированный организм, а их системная целостность, когда в процессе исследования совокупность организмов сводима к их массам, количественному атомному составу и геохимической энергии, позволяет в качественном и количественном выражении рассмотреть сложные взаимоотношения между организмами и средой их обитания. Особенностью этих отношений является то, что количественная неизменность массы живого вещества сочетается с качественными изменениями форм жизни, выражающимися в перегруппировке химических элементов в биосфере.

Изменение структурной организации биоценозов имеет в целом деструктивное значение, поскольку значительно сокращаются гомеостатические потенции сложившихся экологических систем, так как быстрая, практически взрывная, вторичная экологическая смена неизбежно приводит к нарушению межвидового баланса и провоцирует вслед за бурным ростом численности отдельных видов массовую гибель особей в результате болезней. Отсутствие лимитирующих факторов для некоторых экологически пластичных видов оборачивается значительным сокращением жизненного ареала для большинства стенобионтных популяций, что в свою очередь ведет к количественному уменьшению видового разнообразия, ослаблению устойчивости экологических систем и сокращению резистентных способностей особей.

Загрязненная среда содержит опасность возникновения очаговых экологически экстремальных зон, в которых значительно ограничены возможности существования человека и трофически связанных с ними живых организмов.

Такая деформация природной среды может быть вызвана изменением количественных характеристик: резким увеличением процентного содержания жизненно опасных элементов в атмосфере, значительным изменением термальных характеристик в определенный период и т.д. Однако даже в этом случае содержание реабилитационного процесса в своих основных проявлениях сохраняется без каких-либо значительных изменений, и завершающей его стадией неизменно явится состояние взаимной социоприродной адаптированности.

Известно, что структурные изменения различных биотопов, подвергшихся воздействию, во многом связаны не столько с морфологическими изменениями эндемических видов, сколько со структурными деформациями экокомплексов, вызванными, как правило, факторами косвенного порядка: миграцией аборигенных популяций, численным сокращением стенобионтных видов и т.д. Опасность собственно морфологических изменений обусловлена характером генетических деформаций, однако ее практическая реализация значительно ограничена адаптивными способностями у видов, не имеющих стенобионтной характеристики [4, с. 56].

Деградация качества окружающей среды – явление многоаспектное, включающее в себя различные факторы: от изменений количественного состава абиотических компонентов до генетических отклонений в структурной орга-

низации биосферных комплексов, – и ее решение пока находится на стадии эмпирической разработки с типичным для этого этапа активным сбором экспериментального материала и первыми попытками индуктивного обобщения экспериментальных данных. Построение концепции даже гипотетического характера затруднено по ряду причин, наиболее значимыми из которых являются принципиальная новизна ситуации, полное отсутствие методологии исследования феномена разноаспектной деградации качества среды обитания, разрозненность общего поискового процесса и, как следствие, фрагментарность, граничащая со взаимной несводимостью результатов научного исследования.

Угроза существованию человека в кризисных условиях выступает главным фактором в выборе уровня иерархической централизации оценочных критериев, когда приоритет медико-биологических показателей не только не противоречит комплексному характеру экологической оценки, но является по сути безальтернативным вариантом.

Структурно-функциональная взаимосвязь различных компонентов биосферы в условиях неустойчивости динамического равновесия создает возможность образования цепи деструктивных изменений в окружающей человека природной среде. Поэтому фрагментарные разработки в области реабилитации качества среды обитания на пострадавших территориях и рационализации практики социального природопользования не могут быть средством эффективного решения проблемы. Структурно-функциональное единство этих частей выступает условием нормального функционирования различных природных комплексов, и в оценке качества среды обитания человека фактор двойственности должен учитываться при обосновании экологических критериев и нормативов. Устранение несоответствий между концептуальными системами различного уровня является условием социально-экологической оценки состояния природных комплексов на региональном уровне [5, с. 23].

Концептуальное агрегирование как методический прием выступает эффективным средством преодоления взаимной несводимости поисковых методик, характерной для каждой из природоохранных структур, а само решение природоохранных задач может осуществляться в следующей последовательности: с выявлением экологической значимости биоценоза, ставшего объектом антропогенного воздействия, устанавливается возможность определения социальных последствий его деградации, а осуществление модальной оценки по принципу «экологически опасно – экологически безопасно» возможно уже на последующих этапах. При этом количественная оценка не может предшествовать качественной, поскольку такое опережение чревато смещением оценочных акцентов на частные внесистемные аспекты ситуации.

Комплекс оценочных процедур, направленно осуществляемых по отношению к природной составляющей системы «человек – природа», изначально ориентирован на получение результата, опираясь на который исследователь может построить собственный поисковый алгоритм, при этом значительно

уменьшив вероятность выбора бесперспективных направлений. В контексте этого обстоятельства становится очевидным, что этот комплекс должен быть представлен такой же последовательностью, и на первых этапах стремление реабилитировать именно природную составляющую социоприродной системы следует считать вполне оправданным.

Заключение

Процесс построения концептуальной структуры, отражающей сложную, саморазвивающуюся систему окружающей человека природы, предполагает ее соотнесение с имеющимися развитыми философскими структурами при безусловном сохранении специфичности как понятийных, так в целом и концептуальных конструкторов. Определенную сложность при переносе исследовательского акцента представляет общая неразработанность исходных постулатов, а также неизбежный дефицит эмпирического, большей частью естественнонаучного материала. Но эти издержки в полной мере компенсируются возможностью своевременного резкого сужения предмета анализа с выделением наиболее значимых в реабилитационном процессе моментов.

При дефиците естественнонаучных разработок по преодолению социоприродного отчуждения после определенной адаптации эвристична концептуальная эксплуатация философских критериев. Также одним из наиболее актуальных направлений в развитии социальной экологии как научной дисциплины является развитие ее методологического арсенала с заимствованием философских принципов.

При этом процесс адаптации базовых принципов, методов, критериев осуществляется путем как концептуального заимствования философско-методологических систем, так и обобщения эмпирического материала и создания на этой основе достаточно полной, внутренне непротиворечивой социально-экологической концепции. Они в данном случае предлагаются в качестве «первокирпичиков» социозкологических концепций, но при этом данные системы не носят исчерпывающий характер и структура концепции может быть дополнена новыми элементами в зависимости от характера протекания социально-экологических процессов в сфере практического взаимодействия человека с природной средой обитания.

Список использованных источников

1. Уиттекер, Р. Сообщества и экосистемы : пер с англ. / Р. Уиттекер. – М. : Мысль, 2008. – 214 с.
2. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? : учеб. пособие / Ю. М. Арский [и др.] ; ред. В. И. Данилов-Данильян. – М. : Изд-во МНЭПУ, 2007. – 322 с.
3. Вернадский, В. И. Избранные труды по биогеохимии / В. И. Вернадский. – М. : Мысль, 1967. – 376 с.
4. Завадский, К. М. Учение о виде / К. М. Завадский. – Л. : Прогресс, 1961. – 254 с.
5. Анохин, П. К. Философские аспекты теории функционирующих систем / П. К. Анохин // *Вопр. философии.* – 2011. – № 3. – С. 19–26.

Э. М. Сороко

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМНОГО МИРОВИДЕНИЯ ОТ САМООРГАНИЗАЦИИ К САМОГАРМОНИЗАЦИИ

В статье рассмотрены функциональный и структурный аспекты информации, играющие первостепенную роль в постижении феномена самоорганизации разного рода сложных самоорганизующихся систем, их динамики и процессов установления их нормы и патологии. Инструментом постижения состояний гармонизированных и самогармонизирующихся систем как структурированных целостностей послужил разработанный аппарат теории меры, узловой линии мер и интегральных показателей этих систем. Основой стала мера (точнее, закон развития меры), предопределившая существование особых точек прогресса, инвариантов, так называемых обобщенных золотых сечений. Они задают точность значений интегральных мер всех структурно сложных самоорганизующихся систем. Поскольку всякая эволюция имеет целью установление гармонии, мы получили возможность создать орудие гармонизации всех структурно сложных систем, а значит, и средства обеспечения их качества на основе системной интеграции их множества, постичь суть системоцентризма. Отсюда и открытие важнейших составляющих процесса превращения компонентов самоорганизации в компоненты процесса самогармонизации, которые интегрируются в сложную целостную систему.

Ключевые слова: самоорганизация, синергетика, обобщенные золотые сечения, инвариант, узловые меры, гармонизация, самогармонизация, системный метод, интегральное измерение действительности, единый закон гармонии систем, принцип (закон) оптимального разнообразия, принцип (закон) кратных отношений, закон степеней

E. Soroko

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

EVOLUTION OF THE SYSTEM WORLDVIEW FROM SELF-ORGANIZATION TO SELF-HARMONIZATION

The article discusses the functional and structural aspects of information that play a primary role in comprehending the phenomenon of self-organization of various kinds of complex self-organizing systems, their dynamics and the processes of establishing their norm and pathology. The developed apparatus of measure theory, the nodal line of measures and integral indicators of these systems served as an operational tool for understanding the states of harmonized and self-harmonizing systems as structured integrity. The basis was the measure (more precisely, the law of development of the measure), which predetermined

the existence of special points of progress, invariants, the so-called generalized golden sections. They set the accuracy of the values of the integral measures of all structurally complex self-organizing systems. Since any evolution aims to establish harmony, thus we got the opportunity to create a tool for harmonizing all structurally complex systems, and, therefore, a means of ensuring their quality based on the system integration of their multitude, to comprehend the essence of system centrism. Hence the discovery of the most important components of the process of transformation of the components of self-organization into components of the process of self-harmonization, integrating into a complex integral system.

Keywords: *self-organization, synergetics, generalized golden sections, invariant, nodal measures, harmonization, self-harmonization, system method, integral measurement of reality, unified law of systems harmony, principle (law) of optimal diversity, principle (law) of multiple ratios, law of degrees*

Даже беглого ретроспективного взгляда достаточно, чтобы увидеть прямую и непосредственную связь организации общества, типа его государственного устройства со способом и характером научного и философского освоения действительности. Иерархическая структура власти в государстве и церкви, ставшая фактом реальности последних двух-трех тысячелетий, тесно коррелировала с логико-аналитической парадигмой умопостигаемости бытия, с восходящими корнями к Сократу и Аристотелю рационализмом и детерминизмом. В эпоху Просвещения, которая открыла путь демократизации Европы и возвышению идеалов свободы, появились первые варианты теории вероятностей, или, как еще ее именовали, теории шансов. Однако в XX в. обнаружилось, что в чистом виде ни детерминизм, ни стохастичность не могут служить самодостаточным орудием и базисными формами в построении научных и философских доктрин для адекватного постижения объективного мира природы и конструирования концептуальных сценариев развития и моделей устойчивого функционирования мира социального. В порядке преодоления кризиса в познании начиная со второй половины прошлого века стала медленно (перманентно) происходить парадигмальная революция в научном и философском познании объективного мира. Господствовавшая почти два с половиной тысячелетия логико-аналитическая парадигма, которая составляла основу детерминизма и рационализма, с одной стороны, и статистико-вероятностный подход, насчитывающий несколько столетий, – с другой, стали уступать место системному подходу, сочетавшему то и другое. (Рафинированный детерминизм нобелевский лауреат И. Пригожин даже назвал «карикатурой на науку».)

Ядро системной методологии составляют архетип целостности, стратегии системного синтеза, феномен самоорганизации. Последний привлек внимание и всестороннему исследованию был подвергнут лишь после Второй мировой войны, когда обретшие независимость государства начали на равных объединяться в союзы, организации, ассоциации. Возникла потребность в знании

законов и принципов, регулирующих поведение свободно действующего субъекта. Соответственно и познаваемый мир стали также представлять «по образу и подобию» – в виде множества самоорганизующихся, обладающих своим собственным (внутренним) пространством и собственным (внутренним) временем систем как локальных универсумов. Философ же, по определению испанского исследователя Х. Ортеги-и-Гассета, «есть специалист по универсумам» [1, с. 103]. Всякое же самодостаточное формирование представляет собой локальный универсум, обладающий определенным внутренним разнообразием. О путях и способах гармонизация этого разнообразия философ должен иметь четкие представления прежде всего потому, что гармония есть норма в состояниях структурированных систем как локальных универсумов.

Теория самоорганизации отнюдь не сразу вошла в философскую и научную культуру послевоенных лет [2]. Английский специалист по кибернетике, пионер в исследовании сложных систем У. Р. Эшби в статье, опубликованной сразу же после войны, поставил проблему самоорганизации, но, очевидно, не придавал ей того фундаментального значения, которое она приобрела спустя полтора-два десятилетия. Об этом говорит тот факт, что в изданной в 1950-х годах и получившей широкое признание книге ученого эта проблема не нашла даже самого скромного места [3]. Она трактовалась У. Р. Эшби лишь с позиций кибернетики, поэтому в механизмах самоорганизационного действия основным регулятивным фактором служила обратная связь. Сама же система, испытывавшая это действие, рассматривалась как «черный ящик» – объект с «входами» и «выходами», то есть с внешней стороны, при неопределенности всего, что касалось ее внутреннего строения. По направленности и специфике деформации ее функционального поведения, реакций, других особенностей, выражающих деятельную сущность данной системы, можно было догадываться о характере ее структурных трансформаций и происходящих в ее организации изменениях.

Поскольку в таком подходе система представляла собою целостность, самоорганизующуюся под воздействием поступающих извне возмущений, то сосредоточенное воздействие на те или иные ее структурные элементы практически исключалось лишь по той простой причине, что информация об их индивидуальных параметрах отсутствовала либо оказывалась крайне недостаточной. Но весьма важным был уже сам тот факт, что в типологическом отношении место самоорганизующихся систем как локальных универсумов было установлено с необходимой и достаточной определенностью [4]. Самоорганизующиеся системы располагались в широком спектре шкалы: между системами жесткой детерминации и стохастическими (вероятностно-статистическими). Теория как тех, так и других систем не давала истинного знания о природе вещей.

Жесткий детерминизм в качестве средства познания мира практически всегда неизменно оказывался неудовлетворительным, потому что причинно-

следственные отношения в действительности так или иначе «подпорчены» случайностью, а теория вероятностей изначальной посылкой имеет условие независимости испытаний, тогда как в реальном мире абсолютно независимых явлений нет. Лишь эти объекты самоорганизующихся систем в наибольшей мере отвечали потребностям адекватного постижения сущности объективного мира, выражения свойств и особенностей сложных формирований, частично определенных, соединяющих или диалектически сочетающих в себе как причинно-следственные связи, так и вероятностные атрибуты. По существу единственным серьезным недостатком теории самоорганизации, построенной на основе идей кибернетики, была, как уже отмечалось, невозможность погружения во внутренний мир систем, в их структурно-организационные порядки.

И здесь недостающее звено в теорию самоорганизации привнесла синергетика, в которой эти трудности были частично сняты [5]. Она ввела в научный оборот ряд новых понятий, с их помощью удалось преодолеть дефицит знания, который создавал и заключал в себе кибернетический подход. Это понятия ведущего центра, аттрактора и репеллера (дистрактора, странного аттрактора), структур-аттракторов и структур-репеллеров, коллективной (интегральной) переменной как параметра порядка, принципа встряхивания как ускорителя межфазовых переходов, ферментативной функции малых факторов, «меронов» (структурных вакансий) как оптимизаторов строения целого, единства и взаимоперехода порядка и динамического хаоса, конструктивной роли последнего и др. Именно поэтому синергетику стали рассматривать в качестве подлинной теории самоорганизации, теории кооперативного действия («со-работничества»), теории возникновения новых качеств, теорию внутрисистемных (локальных) времен и внутрисистемных же (локальных) пространств, теории информации как ограниченного разнообразия, теории возникновения и самоподдержания стационарных состояний за пределами равновесия (неравновесная устойчивость систем) и т.п.

Но и здесь обнаружился существенный недостаток синергетики как теории самоорганизации. Он состоит в том, что в ней отсутствует решение проблемы инвариантов для тех состояний систем, в которых устанавливается наиболее эффективный функциональный режим (оптимальное распределение ресурса между структурными компонентами и минимизация энергетических и других издержек) при наиболее оптимальной организации или структуре (принцип структурно-функционального соответствия). Теория же, не содержащая в себе инвариантов как неотъемлемых своих элементов, не вправе называться таковой. Этот недостаток отсутствия инвариантов был также присущ теории эволюции и самоорганизации систем, развиваемой с позиций кибернетики. При общении с М. Эйгеном, автором теории гиперциклов, за создание которой он был удостоен Нобелевской премии, ему был задан вопрос конкретно об инвариантах, наличествующих в его теории [6]. Ученый не смог ответить

на данный вопрос, сославшись на константу Больцмана, которую использовал в своих расчетах. Но эта константа относится к статистической теории, а в теории самоорганизации функцию собственно инварианта выполнять не может.

Этот изъян теории был восполнен в наших работах [7–9], где в качестве инвариантов были выведены и проиллюстрированы в действии обобщенные золотые сечения. Они служат аттракторами стационарных состояний неравновесно-устойчивых самоорганизующихся и эволюционирующих систем, узлами меры для связанного в их структурах ограниченного гармонизованного разнообразия выражаемого параметрами порядка – интегральными характеристиками (измерителями) качества состояний этих систем, для диагностики нормы и патологии последних. Причем эти инварианты действительны в теории систем иерархического типа и систем неиерархических – модульных, блочных.

Генератор этих инвариантов $0,5; 0,618\dots; 0,682\dots$ – уравнение: $X^k + X - 1 = 0$, где X – это переменная в уравнении, k – натуральное значение целочисленное либо дробное ($k = 1, 2, 3, \dots$). Эти узлы меры можно выражать и в процентной форме: $\dots 31,8\%; 38,2; 0,5; 61,8; 68,2\% \dots$ Они свойственны гармоничным сочетаниям крайностей в пространстве бинарной оппозиции и являются центрами «зон меры» на единичном интервале. При полуцелых k ($3/2, 5/2, 7/2, \dots$) имеем центры «зон безмерия», которые ассоциируются с состояниями дисгармонии самоорганизующихся и эволюционирующих систем. Данное уравнение можно рассматривать как характеристическое для дифференциального уравнения $P^{(k)} + P' - P = 0$, где P – переменная величина, P' – производная первой степени, а k – производная, которая в свою очередь может быть представлена в эквивалентной форме системы из k линейных дифференциальных уравнений. При полуцелых значениях параметра k в базовом дифференциальном уравнении наличествует дробная производная, а равнозначная данному уравнению система уравнений первого порядка в таком случае описывает состояния дисгармонии (динамического хаоса) – репеллер, или странный аттрактор, обладающий дробной размерностью, причем размерностью довольно высоких порядков. Решения этого уравнения с дробными производными (и равнозначной ему системы дифференциальных уравнений) выражаются через разложение в ряды Фурье. Данные уравнения – основа для создания обобщенной теории гармонии (и дисгармонии) самоорганизующихся и эволюционирующих систем как сложноструктурированных целостностей, ансамблей.

В большинстве случаев гармонизация, которая восстанавливает целостность на основе кодов (алгоритмов) системной памяти, и есть то, на что направлена самоорганизация. Система, обретшая такое состояние, способна функционировать и развиваться оптимальным образом, гармонично. Это и соответствует тому, что называется нормой системы как гармонично организованного целого. Патология же всегда дисгармонична: структурная и функциональная рассогласованность, отсутствие соответствия между строением и качеством, составом и свойствами – прямое свидетельство того, что система несовершенна,

нецелостна. Ввергнутая в режим чрезмерных затрат ресурса, она обречена на вырождение. Задача управленческих органов – своевременно увидеть начало этой тенденции и принять адекватные меры по ее предотвращению.

Трудности на этом пути, ставшие препятствием для эффективных управленческих решений, были до недавнего времени обусловлены незнанием общих законов и механизмов самоорганизации, свойственных как природе в целом, так и обществу и его различным подсистемам в частности. На знании принципов, законов и механизмов самоорганизации могут быть построены соответствующие критерии и методы оперативных управленческих вмешательств, быстро выводящие систему из состояния стагнации. Четкий индикатор, полученный в наших разработках [7–9], подобно термометру, фиксирующему меру патологического состояния организма, способен дать ответ на вопрос: в какой мере патологична система, насколько она структурно дисгармонична, как остры и как глубоки аномалии, а следовательно, как быстро она движется к вырождению, к коллапсу, и где в макроплане прилагать усилия, управленческие воздействия для выправления положения. Надо сказать, что анализ конкретных реальных систем в аспекте нормы и патологии уже не ограничивается традиционным в данном смысле кругом объектов – биоорганизмами. Сегодня патогенез, патология, критические состояния есть собственный предмет исследования многих наук, изучающих процессы развития и самоорганизации сложных систем. Таковой, в частности, предстает патэкономика, где теория и практика интенсивно обогащается концептуальным ресурсом общесистемных идей [10].

В диалектическом аспекте самоорганизация (и гармония) непосредственно связана с определенным числом степеней свободы системы. Связи в системе, где субъект (в том числе субъект ассоциативный, кооперативный, ансамблевый, или «симфонический») фигурирует важнейшим звеном, не должны быть слишком жесткими, чтобы не парализовать ее созидательный, воспроизводственный, творческий потенциал [11]. Между тем связи не должны быть и слишком расплывчатыми, слабовыраженными, как это свойственно мягким системам, чтобы не порождать хаос, ибо избыток степеней свободы благоприятен не только для творчества, но и для анархии. Во многих случаях важен и даже решающий такой момент, как наличие либо отсутствие организующего начала, ведущего центра или множества ведущих центров. Именно они в условиях духовной свободы начинают проявлять силу, «кристаллизующую» интеллект. Но это возможно лишь в том случае, когда среда преисполнена его качественно различных форм, перенасыщена его избытком, когда в ней на уровне закона происходит движение людей к самореализации, культивируется атмосфера генерации устремленности – этого важнейшего достояния личности как субъекта творческого действия. Устремленность, естественно, окрашена в те тона, которые предопределены ценностными ориентациями системы в целом, обществом как социальным организмом. Ценностями же, как известно,

могут служить: идеи как атрибуты высокой духовности (например, служение Аллаху или делу коммунизма – в данном случае близки по своему архетипу); капитал («делать деньги» – основное устремление граждан многих стран); самопожертвование (к примеру, в обществе, целенаправленно воспитывающем героев-камикадзе); телесные удовольствия (общество сибаритов с эпикурейскими принципами) и пр.

Всякая эволюция имеет пределом достижение гармонии, которая в данном смысле тождественна качеству [12]. Мир, Вселенная, Космос как порядок (организованность) есть качественная определенность, находящаяся в динамическом состоянии. И эту устремленность к качеству человек может выразить своим творчеством, своей культурой, а также хозяйственной деятельностью. Функциональные системы обладают тем свойством, что самоорганизационно «прорастают» многообразием, которое обуздывается жизнью, единообразием. Этот порядок свойствен и природе, и обществу. В социальных условиях Запада демократия сопрягается с высокой производительностью, так как там свобода зажата в тиски выживания, когда труд дисциплинирован капиталом и тем самым защищен от анархии. Дисциплинарная функция капитала и состоит в том, чтобы поддерживать активную форму труда в высших его степенях, тем самым уводя его от анархических разложений, от деградации. С позиций капитала, предпочитающего порядок в социальном организме общества, труд должен быть «в рамках», подчиненным внутренней (собственной) реальности социального бытия, чтобы быть «в форме», адекватной его имманентной сущности. Одного лишь сознания (идеальный фактор), даже если бы оно было в достаточной степени созревшим, для этой цели недостаточно. Труд материален и требует материальных же регуляторов, ибо, как сказал еще Аристотель, «подобное познается подобным» [13]. Типичная для субъектов со слабо развитым самосознанием безответственная «прохлаждаемость» в ходе выполнения функциональных обязанностей, «перекуры», опоздания на работу и преждевременный уход с работы, имитация труда вместо самого труда и прочие явления в различной мере присущи всякому «реальному» социалистическому производству, требующему внешнего контроля. Здесь остаются втуне пружины индивидуальной ответственности и довлеет ответственность коллективная, а следовательно, никакая (ибо так же, как рефлексия, самосознание, чувства, эмоции, она самореализуется только в индивидуальной форме), что абсолютно нетерпимо в условиях господства капитала, где дисциплинированный им труд становится натуральным, то есть измеряется не показухой и поденщиной, а из него самого исходящим движением, движение – временем, а время там – деньги.

Гармония систем непосредственно сопряжена с количеством и качеством их внутреннего разнообразия, представляющего собой превращенную форму количества и качества связанной в их структурах информации. Это, в свою очередь, связано с качеством организации систем, степенью их целостности,

интенсивности осуществляющихся в них обменных процессов. Естественно, на гармонию также распространяется **закон степеней**. От одного уровня (степени) к другому гармония переходит не иначе как через дисгармонию, что в зависимости от конкретной специфики среды может совершаться в системах с разными скоростями: от практически мгновенного квантового перехода в субатомном мире до медленного дрейфа с «застреванием» на весьма продолжительное время в дисгармоничном состоянии – «потенциальной яме». Здесь мы имеем дело с разного рода несиловыми сменами состояний, переходами типа «порядок – беспорядок», совершающимися, как во всяких фазовых переходах второго рода, без затрат и поглощения энергии: одно разнообразие, сменяясь другим, очевидно, не нуждается в энергетической подпитке или освобождении энергии.

Смена гармонических состояний, или гармонических фаз самоорганизующихся и саморазвивающихся систем объективной реальности, сегодня есть по существу *terra incognita*. Между тем здесь властвуют столь же объективные законы, как и те, что изучаются конкретными науками в своих областях, несмотря на то, что они не физические, не биологические, не химические, не социальные законы. Они «никакие» – или, быть может, метрико-топологические, информационные, а потому обладают широчайшим спектром действия, **универсальной значимостью**. Что же до причастности к этому философии, то здесь все в порядке: философ, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, есть «специалист по универсумам» [1, с. 103] – по «полным в себе» областям предметов, их динамике. Законы гармонии, законы меры, не являясь силовыми, квалифицированы как «нежные». На их основе, в частности, становится возможным выявление **критических точек истории** – эволюционных границ между экономическими укладами, определяющими характерный профиль общества, основной тип работника, основной класс-доминанту, специфичный для данных исторических реалий.

Существует множество других серьезных – тактических и стратегических, локальных и глобальных – проблем, которые получают простое и точное, методологически корректное решение с позиций теории узловых значений меры и теории гармонических фаз, фиксирующих переходы между неравновесноустойчивыми состояниями систем. Узлам меры соответствуют оптимальные типовые структуры, так называемые структуры-аттракторы, как бы **поджидающие и притягивающие** систему на эволюционном пути формирования целостности из того конкретного материала, что обстоятельствами бытия ввергнут в процесс системогенеза. Изучение таких движений и управляющих ими законов на базе универсальных принципов бытия есть назначение синергетики.

Представленный подход и методологическое оснащение суть дальнейшая спецификация всеобщих законов и принципов диалектики применительно к особым объектам реальности – самоорганизующимся системам. Он не панацея для всех возможных случаев и, разумеется, имеет свои ограничения и свою

сферу действия. «Универсальность» данного подхода состоит не в том, что, будучи тотально вездесущим, он способен объять собою **всё**, а в том, что работает на **всех** уровнях универсума, как работают всеобщие законы и принципы диалектики в материальном и идеальном мире. В основе здесь лежит метрическое представление отношений, прежде всего, как уже шла речь, простейших клеточек гносеологии – бинарных оппозиций, способных демонстрировать познавательную силу **метода** и самодовлеющую силу **закона**. На этом поприще и проявляет свою силу **системный метод** как таковой, суть которого есть **интегральное измерение действительности**.

Несколько слов об исторических предпосылках системного метода. Противоречивость природы человека обусловлена его двойственностью. С одной стороны, он – антропос, биологическое существо, размножающееся и взрослеющее по тем же биологическим законам и той же генетической программе, по которой размножается все живое на планете. С другой же стороны, он – существо, вышедшее из-под контроля Природы, из-под ее «опеки», ставший *homo socialis*, общественным индивидом. В этом втором своем качестве за несколько тысячелетий человек безоглядно шагнул так далеко, что уверовал в свое всемогущество и успел изрядно подпортить свою естественную ойкумену, окружающую его природу, существовавшую дотоле миллионы лет для всего живого удобной и чистой средой его обитания. Отрешившись от мысли, что над ним самодовлеющей силой стоит Закон, тот самый *Ontos Logos*, на существование которого указывали древнегреческие мыслители, включая и Аристотеля, современный рационалистический «онаученный» человек мысль эту уже просто не воспринимает. Ему кажется, что он полностью свободен в выборе и способен устраивать свою жизнь, в том числе и общественную, по своему усмотрению, руководствуясь лишь собственным разумом, сознанием, так, как он, субъект действия, сочтет нужным, как ему заблагорассудится. В этом своем заблуждении он слеп и не понимает того, что «защемлен» в своих действиях и волен поступать лишь «от и до», а все то, что он строит, не соотнося с Законом, – кратковременно и обречено. Успеха попросту быть не может там, где человек поступает вопреки Закону.

Целые общественные системы (как недавно казавшаяся еще «вечной» и «незыблемой» система социализма) рушились из-за чрезмерной эксплуатации «субъективного фактора», пренебрежения Законом Универсума, хотя причину усмотреть именно в этом их апологеты до сих пор не в состоянии. «Субъективный фактор» – определяющий у главных теоретиков социализма и коммунизма К. Маркса и В. И. Ленина. Такой принцип применялся для тактики в ограниченных обстоятельствах места и времени конкретных локальных условиях, но не в глобальном плане, где нужны проект и программа, твердый стратегический расчет и прогнозные оценки, согласующиеся с *Ontos Logos*. Древние народы ценой великих потерь и потрясений рано или поздно приходили к пониманию тотальной роли Закона в жизнедеятельности человека,

оформляя это понимание в виде юридических нормоуложений, нравственных императивов, вроде тех, что даны в Библии в форме десяти заповедей. Но нравственные принципы, правовые нормы, а в новейшие времена и экономические законы – еще не всё, что необходимо знать, чтобы достичь уровня устойчивости систем природы. Это лишь отдельные стороны, частности.

Жизнь же требует знания общего. Необходимо знать единый, всеобщий, универсальный закон, которому подвластно всё в организации внутрисоциальной жизни, в самоустройстве человека на Земле, как ему подвластно всё в этом мире, в окружающей человека природе. Только тогда человек может претендовать на то, чтобы свое поведение сделать адекватным объективной реальности. Сформулировать такой закон стремилась диалектика, но она не превзошла порога его контурной прочерченности, не довела его до возможности точного расчета при использовании его в действии. Но даже и в этой форме данный закон служил скорее украшательским, популистским элементом, нежели орудием действия, то есть во всем, что касалось практики, оставался втуне.

К. Маркс придавал особое значение математике, математическому методу в системе наук, оценивая процесс математизации знаний как исключительно важный и перспективный. По свидетельству П. Лафарга, «он (Маркс. – Э. С.) считал... что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой» [14]. Только сейчас, спустя столетие, мы можем по-настоящему понять и оценить это научное предвидение К. Маркса. Созданные буквально в последние десятилетия математические теории позволили существенно продвинуть вперед решение многих проблем физики, экономики, биологии, геологии и других наук. Несовершенная же наука дает и несовершенные результаты, которые не способны противостоять в конкуренции с совершенными результатами, полученными иными путями, а потому если и не «с порога», то по прошествии некоторого времени отменяются историей.

Чтобы придать диалектике черты совершенства, потребовалось соединить ее с другими общенаучными ветвями знания – с идеями общей теории систем, теории информации, синергетики. И здесь выяснилось, что, помимо ранее известных в диалектике законов, статусом всеобщности обладают еще некоторые положения, претендующие на то, чтобы называться законами. Назовем три важнейших из них, определяющих условия и механизм действия **Единого Закона Гармонии систем: принцип (закон) оптимального разнообразия; принцип (закон) кратных отношений; закон степеней**. Все они так или иначе фигурируют у классиков философии, создававших учения о диалектическом развитии и всеобщей организации, в частности у Г. В. Ф. Гегеля [15], но не доведены до того операционального состояния, которое позволяло бы признать их орудийную состоятельность. Это стало возможным благодаря открытию присущего природе вещей счетного ряда инвариантов, названных обобщенными золотыми сечениями (ОЗС). Базирующиеся на них методы окачествления

структурно сложных распределенных систем любого предметного профиля являют собой принципиально новое направление решения многих проблем в русле дальнейшего развития идей цифровой реальности и цифровой экономики. Здесь названные методы имманентны этой реальности глубоко органичны ей, а главное, просты в использовании. На них как на образце трансдисциплинарного инструментария основано принципиально новое направление научных изысканий. Благодаря имеющему место возвышению сегодня значимости цифрового оснащения жизнедеятельности общества вообще и процесса познания в частности, стремительному повышению роли математики в целом как трансдисциплинарного средства выражения объективных истин, цифровой экономики, информации как ограниченного разнообразия, открываются неведомые доньше пути применения «закона развития меры как закона степеней» (Г. В. Ф. Гегель). При этом ОЗС можно рассматривать в качестве инвариантов системогенеза любой природы и любой масштабности, с одной стороны, в объективном мире безотносительно к человеку, а с другой – в познании мира. При этом особое внимание уделяется самоорганизованной критичности в сложных распределенных системах как основе прогнозирования и управления их качественными превращениями, основе прогнозирования их состояний.

Список использованных источников

1. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Наука, 1991. – 411 с.
2. Концепция самоорганизации в исторической ретроспективе / Рос. акад. наук ; Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. – М. : Наука, 1994. – 240 с. ; Пушкин, В. Г. Самоорганизация как общенаучная проблема / В. Г. Пушкин // Самодвижение. Самоорганизация. Самоуправление : тез. докл. межвузов. науч. конф., ноябрь, 1987 г. – Пермь, 1987. – С. 472–474 ; Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М., 1994. – 349 с.
3. Эшби, У. Р. Введение в кибернетику / У. Росс Эшби. – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с.
4. Самоорганизующиеся системы : сб. докл. / под ред. Т. Н. Соколова. – М. : Мир, 1964. – 434 с. ; Гутнер, Л. М. Детерминизм и самоорганизация / Л. М. Гутнер // Самоорганизация в природе и обществе : тез. докл. и сообщ. науч. конф. – Л., 1988. – С. 20–22 ; Щербаков, А. С. Самоорганизация материи в неживой природе / А. С. Щербаков. – М. : МГУ, 1990. – 112 с.
5. Курдюмов, С. П. Синергетика – теория самоорганизации: идеи, методы, перспективы / С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – М. : Знание, 1983. – 64 с. ; Бранский, В. П. Теоретические основания социальной синергетики / В. П. Бранский // Петербургская социология. – 1997. – № 1. – С. 148–179.
6. Эйген, М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул / М. Эйген. – М. : Мир, 1973. – 216 с.
7. Сороко, Э. М. Структурная гармония систем / Э. М. Сороко. – Минск : Наука и техника, 1984. – 264 с.
8. Сороко, Э. М. Управление развитием социально-экономических структур / Э. М. Сороко. – Минск : Наука и техника, 1985. – 144 с.
9. Сороко, Э. М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонии систем / Э. М. Сороко. – Изд. 5-е. – М. : URSS, 2019. – 264 с.

10. Гизатуллин, Х. Н. Патозкономика – экономика кризисных состояний [Электронный ресурс] / Х. Н. Гизатуллин, К. В. Павлов. – 1995. – Режим доступа: https://ecsocman.hse.ru/data/177/352/1216/010_Gizatullin.pdf – Дата доступа: 02.04.2022 г. ; Павлов, К. В. Патологические процессы в экономике (или о патозэкономике) / К. В. Павлов // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15–16 мая 2013 г. / [редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск : БГЭУ, 2013. – Т. 1. – С. 203–205.

11. Неретина, С. С. Н. О. Лосский и Л. П. Карсавин: от симфонической личности к культуре личности / С. С. Неретина // Verbum. – СПб. ; Псков : Псков. гос. ун-т, 2019. – Вып. 21. – С. 28–46.

12. Курдюмов, С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / С. П. Курдюмов. – М. : ИПМ, 1990. – 45с. ; Янок, В. Ф. Философия гармонии / В. Ф. Янок. – СПб. : Изд-во Чернышева, 1993. – 96 с.

13. Аристотель. О душе / Аристотель // Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1976–1983. – Т. 1. – 1976. – Кн. 1, гл. 2. – С. 379.

14. Лафарг, П. Воспоминания о Марксе / П. Лафарг. – М. : Политиздат, 1967. – 32 с.

15. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1970–1972. – Т. 1. – 1970. – 501 с.

В. К. Лукашевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ФОРМЫ КОГНИТИВНОЙ АССИМИЛЯЦИИ РЕЗОНАНСНЫХ ПРОЦЕССОВ

Выявлены мировоззренческие и прагматические интенции в формах когнитивной ассимиляции резонансных процессов. Раскрыты особенности механизма генезиса и действия позитивного резонанса в социальной сфере, основания и перспективы прикладного использования экзистенциального резонанса в русле разработки социогуманитарных технологий.

Ключевые слова: резонанс, шум, стохастический резонанс, позитивный резонанс, экзистенциальный резонанс, социогуманитарные технологии

V. Lukashevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

FORMS OF COGNITIVE ASSIMILATION OF RESONANCE PROCESSES

Identified worldview and pragmatic intentions in the forms of cognitive assimilation of resonant processes. The features of the mechanism of genesis and action of positive resonance in the social sphere, the grounds and prospects for the applied use of existential resonance in line with the development of socio-humanitarian technologies are revealed.

Keywords: resonance, noise, stochastic resonance, positive resonance, existential resonance, socio-humanitarian technologies

Резонанс как отклик на определенное воздействие известен с глубокой древности, причем его «известность» чаще всего обеспечивалась простой фиксацией факта, как сказали бы логики, в форме остенсивного определения (указанием на существование определяемого). На уровне обыденного познания, как правило, не делалось сколь-нибудь последовательных попыток прагматически всесторонне осмыслить это явление. Фиксировались прагматически полезные сведения о влиянии метеорологических явлений на хозяйственные дела, медицинскую практику, эмоции людей, поведение живых существ и т.п. Зато на мировоззренческом уровне можно найти фундаментальные объяснения в форме мифологических и натурфилософских представлений. Сложнейшие переплетения во взаимодействиях «брахман – атман», «небо – земля», «дух – материя» достаточно стройно укладываются в схему объяснения на основе схемы резонансных взаимодействий. Попытки последовательно приложить эту схему для изучения конкретных процессов в природе, социуме,

ментальной сфере нередки, но общая процессуальная картина такого рода попыток очень абстрактна.

В настоящее время резонансные процессы привлекают к себе растущее внимание представителей конкретных наук.

По идущей от Г. Галилея «научомерной» традиции осмысление резонансных процессов осуществляется на основе рационально принятых предпосылок: во-первых, о наличии материальных носителей резонансных взаимодействий как сходных элементов в составе образований, взаимодействующих в резонансном режиме; во-вторых, о свойстве носителей резонансных взаимодействий вибрировать (испытывать регулярные параметрические колебания) как способе существования во взаимодействии со средой; в-третьих, о специфическом диапазоне частот колебаний в образованиях, взаимодействующих в режиме резонанса. Первая предпосылка показывает определенную преемственность с натурфилософским представлением о резонансном взаимодействии как взаимодействии чего-то с себе подобным (горячее вызывается горячим, холодное – холодным, легкое – легким и т.д.), которое так и не получило статуса всеобщего концептуального положения, но периодически поддерживается даже в современных публикациях [1]. Вторая предпосылка, итог осмысления резонансных процессов в конце XIX – начале XX в. в онтологическом аспекте, является фундаментальной, поскольку задает мировоззренческую ориентацию: всё существующее вибрирует в определенных частотах, создавая гармонию и дисгармонию бытия, устойчивость и деструкции его образований, генезис новой реальности на руинах «старого мира», ее эволюцию от первичного хаоса к точкам роста и новым состояниям. Третья предпосылка – конкретизация второй на основе научных наблюдений и экспериментов, а также данных повседневного опыта в определенных сферах. Она обеспечивает ориентацию на исследование количественного аспекта резонансных взаимодействий, замеченного еще на ранних стадиях их когнитивной ассимиляции.

В итоге научные формы когнитивной ассимиляции резонансных процессов так или иначе показывают, во-первых, преемственность (приверженность) древней интеллектуальной традиции в ее направленности на осмысление специфики резонансных взаимодействий (такого рода взаимодействия прочно вошли в предметное и проблемное поле современной науки) и, во-вторых, ориентацию на детальное исследование условий, механизмов детерминации и форм резонансных взаимодействий на основе данных конкретных дисциплин.

Общая картина событий в связи с этим достаточно знакомая и типичная. На ее переднем плане находятся исследования в сфере естествознания, где выработано наиболее общее понимание (понятие) резонанса. «Резонанс (от лат. *resono* – звучу в ответ, откликаюсь) – относительно большой селективный (избирательный) отклик колебательной системы (осциллятора) на периодическое воздействие с частотой, близкой к частоте ее собственных колебаний.

При резонансе происходит резкое возрастание амплитуды вынужденных колебаний осциллятора... Различают резонанс, возникающий в результате воздействия внешней периодической силы на осциллятор, и параметрический резонанс, возникающий вследствие периодического изменения одного из энергоемких параметров осциллятора» [2].

История науки к настоящему времени накопила большой массив сведений о резонансных процессах, в котором они достаточно согласованно представлены в форме фактологических данных и их последующих концептуальных обобщений. Наиболее наглядным примером можно назвать открытие в 1905 г. выдающимся физиком XX в. Н. Теслой феномена стоячих электромагнитных волн, носителем которых является ионосфера (магнитная оболочка Земли). Теоретическое предсказание ученым их параметров и параметров среды распространения оказалось очень близким данным их последующего экспериментального достаточно сложного и дорогостоящего изучения. Н. Тесла обосновал частотную характеристику стоячих волн в диапазоне 6,18–30 Гц (1 Гц равен одному колебанию в секунду) и ареал их распространения на расстояние до 100 км от поверхности Земли. Соответствующие экспериментальные данные, полученные во второй половине XX в., составили 7,83–32,4 Гц и до 850 км.

Современная наука открывает новые резонансные процессы, все более и более впечатляющие своей фундаментальностью и спектром возможных прикладных использований. Расширяются представления об их средах и носителях, уровнях и масштабах осуществления, условиях и механизмах протекания. Экспериментально доказано существование резонансных процессов практически во всех средах (твердотельных образованиях, жидкостях, газах, плазме) и на всех уровнях организации материи (от субатомного до глобального, то есть масштаба Земли). Относительно наличия резонансных процессов, в частности резонанса Шумана, на других планетах Солнечной системы мнения исследователей не столь однозначны, хотя факты просачивания за ионосферу Земли зафиксированы. Выдвигавшиеся гипотезы об их возможности в окружении (среде) планет Венера и Марс получили эмпирическое подтверждение, основанное на данных наблюдений и измерений. Открытым является вопрос о такого рода подтверждении на Титане – спутнике планеты Сатурн. На газовых (Юпитер и Сатурн) и ледяных (Уран и Нептун) гигантах явных предпосылок наличия резонанса, обнаруженных эмпирически, пока недостаточно. Теоретически рассчитанные параметры резонанса Шумана для планет Солнечной системы известны, что вселяет надежду на его открытие там, где пока нет для этого эмпирических оснований. На данное время проблема продолжения исследований состоит в отсутствии необходимой аппаратуры. Тем не менее современная астрофизика использует понятие резонанса в изучении генезиса Большой Вселенной, в частности резонансами именуют частицы вещества (короткоживущие, 10^{-22} – 10^{-24} с, возбужденные состояния адронов),

образовавшиеся на ранних стадиях ее формирования. Общепринятой является концепция орбитального резонанса, масштабы которого коррелируют со сферой действия гравитационных сил во Вселенной (10^{15} – 10^{24} см).

Расширены представления о механизмах детерминации резонансных процессов: экспериментально подтверждены представления об их возникновении под действием негомогенных по отношению к их специфике факторов. В частности доказано, что механические, химические, акустические и иные резонансные процессы могут быть вызваны не только однородными причинами, которые ранее отыскивали по принципу «подобное производится подобным», но и электромагнитными колебаниями на фоне общего шумового воздействия.

Последнее обстоятельство (шумовое воздействие на резонансный процесс) оказалось в поле зрения сравнительно недавно в русле исследования стохастического резонанса. Научный термин «стохастический резонанс» был введен в 80-е годы XX в. для объяснения эффекта возникновения принципиально новых режимов функционирования нелинейных динамических систем при наличии источников шума (отсутствие шума приводило к исчезновению эффекта) [3]. В этом русле ставятся фундаментальные проблемы в исследовании резонансных процессов, одновременно имеющие четко выраженное прикладное значение.

В фундаментальном аспекте (на фундаментальном уровне) постепенно формируется представление о важном значении шумовых воздействий на характер резонансных процессов во многих нелинейных системах. Тем самым шумовые воздействия признаются в качестве своего рода их (резонансных процессов) естественной среды. Эта среда, существуя независимо от порождаемых ею эффектов в некоторых нелинейных системах, на фундаментальном мировоззренческом уровне может рассматриваться в качестве элемента мироздания, известного под названием «шум Вселенной». Ее влияние на характер протекания резонансных процессов в принципе не может быть оспорено. Однако механизмы этого влияния изучены явно недостаточно. В частности неясно, чем обусловлены пороговые значения колебаний, достижение которых включает и соответственно выключает действие шумов. Тем не менее общий когнитивный посыл звучит достаточно оптимистично. «В зависимости от свойств сигнала, шума и конкретных параметров нелинейных систем эффект СР (стохастического резонанса. – В. Л.) будет характеризоваться специфическими свойствами. В то же время, независимо от характеристик системы и структуры сигналов, явлению СР присущи общие фундаментальные свойства, проявляющиеся в увеличении степени порядка в выходном сигнале при оптимальном уровне шума», – отмечают авторы одной из первых фундаментальных публикаций по теме В. С. Анищенко, А. Б. Нейман, Ф. Мосс, Л. Шиманский-Гайер [4, с. 10]. В этой же работе указаны известные на то время области прикладных исследований: кольцевой лазер, магнитные системы, пассивные оптические бистабильные системы, системы с электронным пара-

магнитным резонансом, эксперименты с броуновскими частицами, эксперименты с магнитно-упругой лентой, туннельный диод, сверхпроводящие квантовые интерферометры (SQUID), ферромагнетики и сегнетоэлектрики, химические и биологические системы, социологические модели [4, с. 8, 33–35].

На фоне существенного в современной науке роста содержательных представлений о резонансных процессах в неживой природе (и в определенной мере в биосфере) резонансные явления в ментальной сфере освоены слабо. Здесь доминируют суждения мировоззренческого уровня об их необходимом существовании и специфике механизмов реализации без сколь-нибудь существенного продвижения в исследовании этих механизмов. Своеобразный ренессанс получают мифологические формы когнитивного осмысления резонансных процессов, в которых акцентируется значение «воли Вселенной» и изначального присутствия в ее структуре психической составляющей. Тем не менее к настоящему времени накоплен значительный по объему (но не всегда убедительный по своей обоснованности научными данными и методами) материал, подлежащий дальнейшему анализу.

В самом широком социогуманитарном контексте резонанс – это резко повышенный общественный интерес к определенному событию (объекту, явлению, процессу), а когнитивный резонанс – совпадение во взглядах, мнениях. И то, и другое может быть представлено в качестве оснований позитивного резонанса как микромомента позитивности, возникающего тогда, когда имеются общие положительные эмоции, взаимная забота и временная поведенческая синхронность между людьми [5]. Эти обстоятельства ориентируют на первоначальную работу в сфере субъективного, а не на анализ космических, физических, химических, биологических и в целом «естественнонаучных» детерминант резонансных процессов в ментальной сфере. Они задают контекст позитивности, о наличии которого в неживой природе и в определенной мере в биосфере трудно говорить без большой доли антропоморфности (наделения человеческими психическими свойствами предметов и явлений неживой природы) в такого рода подходе и результирующих его представлениях. Во всяком случае утверждение о наличии эмоций и взаимной заботы в сфере природных объектов, явлений и процессов будет выглядеть весьма архаично.

Соответственно, реализуя научный подход в осмыслении резонансных процессов в социогуманитарном контексте, и в частности в ментальной сфере, предстоит выявить своеобразие позитивности как одного из главных оснований (регулятивных принципов) бытия субъективного. По мнению автора, будет наблюдаться большой разброс в понимании позитивности в зависимости от уровней анализа и соответственно специфики элементов, образующих носители позитивности. В их качестве могут выступать индивиды, малые, средние и большие группы людей вплоть до культур и цивилизаций. Поэтому неизбежны «разночтения» по поводу конкретных проявлений позитивности. Одно и то же качество, сформировавшееся как результат позитивного резо-

нанса (например, решительность, раскованность, настойчивость, вера в авторитеты, преданность обычаям и традициям и др.) в разных сообществах может восприниматься принципиально по-разному, даже с учетом специфики конкретных жизненных ситуаций. Примеров предостаточно, если вспомнить дискуссии по поводу понимания позитивности в христианстве и других религиях, культурно-ритуальные требования к поведению и в целом образу жизни людей в разных культурных сообществах, и в частности полемику их соответствия международному праву и другим общепринятым, казалось бы, в высшей степени рациональным и гуманным установкам общечеловеческого уровня. Мировые войны, классовая борьба, террористические практики, корпоративные интересы и действия зарождались и осуществляются «вопреки», а не «в соответствии». Еще большее количество несоответствий можно зафиксировать в контексте отношений между индивидами и социальными группами, к которым они принадлежат. Буквально до недавнего времени такого рода несоответствия разрешались путем подчинения индивида групповым интересам, меньшинства большинству без особого внимания к тому, кто выступает от имени этого большинства, пока жизнь не заставила задуматься об ущербности столь прямолинейного подхода, ущемляющего в конечном счете интересы большинства.

Эти факты тем не менее не ведут к необходимости отказаться от понятия позитивного резонанса, поначалу введенного Б. Фредериксон для экспликации феномена любви. Они свидетельствуют об объективном существовании явления резонанса в социогуманитарной сфере и его релятивистском понимании в зависимости от содержания резонирующих элементов. Общие эмоции, взаимная забота и временная поведенческая синхронность могут иметь место как в социально стабилизирующих группах людей, так и в асоциальных образованиях. Поэтому на теоретическом уровне осмысления специфики социогуманитарного резонанса возникает необходимость построения его более общего понятия, включающего в свое содержание позитивный резонанс в качестве производного. На наш взгляд, это **экзистенциальный резонанс** как взаимодействие в диапазоне ментальных способностей субъектов социального бытия, в результате которого происходит изменение определенных качеств локальной социальной системы, решающим образом влияющих на динамику ее способа существования и перспективы эволюции.

В настоящее время сущность экзистенциального резонанса наиболее наглядно проявилась в социогуманитарных технологиях. Это схемы ментального и эмоционального воздействия на отдельного человека и социальные группы с целью добровольного выбора (принятия) ими определенных ценностей, ментальных установок, социальных стереотипов поведения в конкретных ситуациях. Рассмотрим более подробно условия и смысл экзистенциального резонанса, всегда проявляющегося в контексте конкретных целостных ситуаций. Это не просто фон (нейтральный фон), а совокупность фундаментальных

детерминант, обуславливающих деятельностно-поведенческую активность субъектов социального действия. Это несимметричное действие, поскольку в русле социогуманитарных технологий ведущее значение имеет активность одного из социальных субъектов (актора социально-гуманитарной технологии), хотя в темпоральном контексте источник доминирующей активности может меняться. Деятельностно-поведенческая инициатива может перейти к другому субъекту, реципиенту социогуманитарных технологий («спарринг-партнеру» первого субъекта), чья простая реакция на конкретную ситуацию (даже пассивная) может оказаться решающей для изменения образа действий актора. В контексте конкретной ситуации разворачиваются события, подвигающие одного из субъектов социального взаимодействия обращать внимание на необходимость что-то менять в механизмах взаимодействия со своим окружением, и в частности с конкретными социальными группами и их участниками индивидуально.

Один из субъектов, оставаясь в этом качестве, начинает маркировать конкретную ситуацию особым образом, а именно рассматривая ее как поле особого рода взаимодействия с другими субъектами социального действия, в котором они квалифицируются как объекты направленного влияния с его стороны, то есть как объекты воздействия. Причинами что-то менять в механизмах взаимодействия со своим окружением могут быть изменения в сознании актора – доминирующего носителя активности: изменение его потребностей, интересов, желаний, стереотипов поведения и деятельности, которые более не вписываются в конкретную ситуацию, даже если не порождают в ней напряженность. Потенциал изменений практически всецело в этом случае создает доминирующий носитель социальной активности в лице властных структур, социальной группы работодателей, «воротил» международного бизнеса, представителей оборонной сферы и в определенной мере (но, как правило, опосредованно) представителей научно-технического сообщества.

Следующий элемент когнитивной карты, социально сопряженный с актором, – это объект социального действия (реципиент социогуманитарных технологий). Как и актор (доминирующий носитель социальной активности), он также обладает специфическими потребностями, интересами, желаниями, которые тоже эволюционируют, но в целом вписываются в конкретную ситуацию посредством практикуемого им (а для актора – приемлемого и предсказуемого) образа деятельности и поведения. Рассогласование образов поведения и деятельности доминирующего носителя социальной активности с тем, что практикуется другими социальными субъектами и в целом характером конкретной ситуации, которая может эволюционировать также под воздействием вне социальных факторов, индуцирует у актора осмысление необходимости что-то менять в эволюционировавшей конкретной ситуации: умерить свои потребности (соответственно ограничить интересы и желания), добиться того же со стороны партнеров (на это могут активно поработать моралисты, теологи,

даже в определенной мере эстети), изобрести новые социальные технологии взаимодействия в дополнение (взамен) функционирующих. Социально-гуманитарные технологии как разновидность социальных технологий являются наиболее подходящим направлением действий, поскольку они допускают неизменяемость параметров конкретной ситуации по первым двум параметрам (потребности, интересы и желания актора и его партнеров, даже эволюционируя остаются не ущемленными). Все это не провоцирует существенного роста социальной напряженности и вместе с тем создает возможность применения «мягкой силы», чтобы найти эффективный путь согласования потребностей, интересов и желаний обеих сторон, показателем рассогласования которых являются прежде всего флуктуации в деятельности и поведении субъектов из окружения доминирующего носителя социальной активности.

В рамках рефлексивного осмысления процесса проектирования социогуманитарных технологий должна произойти и реально происходит очередная уточняющая коррекция статусов социальных взаимодействующих субъектов. Первая коррекция, связанная с осмыслением причин, вызывающих необходимость их разработки (проектирования), означает квалификацию субъекта из окружения доминирующего носителя социальной активности как объекта направленной деятельности последнего. Вторая – с их квалификациями соответственно как заказчика-разработчика и потребителя социально-гуманитарных технологий. Если квалификация актора как заказчика-разработчика логически прозрачна, поскольку оба они могут совмещаться в одном лице, то объект воздействия как потребитель социогуманитарных технологий вряд ли может претендовать на исключительность в этом качестве. Ее потребителем практически в той же мере является и доминирующий носитель социальной активности, особенно в тех случаях, когда он выступает в роли заказчика, не включающего себя в творческую и тем более рутинную работу.

Изложенные представления о метаморфозах в статусе доминирующего носителя социальной активности и партнеров из его социального окружения задают определенный контекст анализа целеполагания в проектировании социогуманитарных технологий, а именно сеть взаимопересекающихся (в идеале взаимосогласованных) потребностей, интересов, желаний обеих сторон. Разумеется, сфера взаимосогласованных целевых интенций – это лишь определенная часть каждой из них, за пределами которой лежит более широкая сфера конкретных жизненных ориентаций. Но эта общая часть должна быть квалифицирована как необходимая, точнее, как фундаментальное основание целевых ориентаций проектируемых социально-гуманитарных технологий. Соответственно, дальнейшая аналитическая работа по изучению их (ориентаций) целеполагания и его рационализации сопряжена с изучением факторов, детерминирующих как процесс целеполагания в заданном контексте в целом, так и его рационализацию.

Целеполагание (телеологизация) социогуманитарных технологий, на первый взгляд, представляется самоочевидным процессом, общая картина которого достаточно четко определяется позицией актора. Он индуцирует (инициирует, затевает) сам процесс, которому предшествует вполне четкий замысел: решить проблемы, связанные с обеспечением текущих интересов по определенным параметрам, создать надежную основу для чего-то подобного и в целом для поддержания своего социального статуса на перспективу (ближайшую и в той или иной мере отдаленную), используя при этом данные прошлого успешного опыта в типичных социальных ситуациях.

Однако здесь же начинаются и существенные трудности, то есть проблемы, поскольку, с одной стороны, актуально сложившаяся конкретная ситуация может оказаться нетипичной, наполненной малопонятным содержательным своеобразием природного, социального, социально-психологического и сферного характера (перечень можно продолжать). С другой стороны, ее содержательное своеобразие может проявиться и в новых возможностях (информационных, технических, управленческих и др.), то есть в ряде позитивных и благоприятствующих обстоятельств, также не ассимилированных прошлым опытом.

Видимо, первая сторона (измерение) конкретной ситуации в большей степени озадачивает доминирующего носителя социальной активности, вторая – потребителя, вместе с тем оба они оказываются перед **неопределенностью** в выборе путей реализации собственных целевых интенций. Для актора она во многом снимается посредством выбора целей. Для реципиента (потребителя) одним из средств преодоления неопределенности являются социогуманитарные технологии, в которых содержится «настоятельная подсказка» относительно ориентации на их использование, то есть на определенный выбор путей достижения собственных целей и одновременно целей доминирующего носителя социальной активности.

Каждый из них (и актор, и реципиент) явно демонстрирует приверженность своим интересам, не всегда соответствующим их социальному положению и определенным функциям в конкретной социальной системе, более или менее внятно строит свои претенциозные представления относительно всего этого на перспективу. Однако в конкретной ситуации всегда найдутся скептики, «негоцианты», оппозиционеры маловнятной ориентации, то есть носители несовпадающих и даже несовместимых ценностей.

Механизм действия прагматических ориентаций во многом осложняется еще и тем, что они нередко выходят по своему содержанию, явным интенциям и предполагаемым ресурсам реализации за пределы данного конкретного социума. Приведем примеры что ни на есть житейские: производственные контакты и альянсы по поводу сырья для ремесел и далее промышленности, агропроизводства, сбыта продукции и оказания услуг на соответствующих рынках и др.

Таким образом, в русле разработки социогуманитарных технологий достаточно определенно вырисовывается контекст неопределенности, для преодоления которой, на наш взгляд, и создается позитивный резонанс. Он и есть один из механизмов той «подсказки» в выборе образа поведения в условиях неопределенности, которая («подсказка») направленно исходит от заказчика социогуманитарных технологий. Понятно, что этот механизм срабатывает лишь при условии, когда окружение актора располагает собственными элементами, способными функционировать в роли носителей позитивного резонанса. А если их нет, то опять же в русле применения социогуманитарных технологий они направленно создаются в виде совокупности определенных ценностных и прагматических ориентаций, нередко вопреки действующему жизненному укладу окружения актора. Жизнь показывает, что в русле потребительских интенций современной техногенной цивилизации такого рода ориентации достаточно успешно прививаются во многих культурах.

Данная схема объяснения специфики экзистенциального в целом и соответственно социогуманитарного (ментального) резонанса базируется на принципе «подобное вызывается подобным». Как уже отмечалось, он не является всеобщим, то есть безусловно применимым в том числе к резонансным явлениям в неживой и живой природе. Поэтому (как следствие ограниченности данного принципа) использовать резонансные схемы для объяснения социальных, социопсихологических и ментальных явлений следует осмотрительно, не злоупотребляя акцентированием космических, физических, географических и иных природных факторов в ущерб социальным. Безусловно, человек и социум включены в реальность как элементы мироздания, испытывающие влияние окружающей среды, в том числе и в русле резонансных механизмов. Иначе они вряд ли смогли существовать. Тем не менее механизм этого влияния весьма специфичен и не может быть истолкован сугубо на основе параметров как физического, так и любого природного резонанса. Особенностью социогуманитарного резонанса является **выбор** по довольно широкому набору ориентиров и критериев, которые хотя и испытывают влияние определенных параметров природных резонансных процессов, но не сводятся к их источникам, периодам и др. Такого рода выбор осуществляется на основе знаний о конкретной целостной ситуации, которыми располагают субъекты социального взаимодействия. Ядром такого рода знания является, во-первых, их внешний и внутренний опыт жизнедеятельности, накопленный в русле различных ситуаций (сходных и несходных), во-вторых, скрытые потенциалы социальной системы, составляющие основание ассимиляции индивидами и социальными группами предлагаемых схем поведения и главный ресурс их более или менее длительного практикования [6–8].

Резонансные процессы – это фундаментальный атрибут мироздания. Он проявляется периодически в соответствующих условиях и столь же законо-

мерно исчезает под действием естественных условий или подавляется более мощным искусственно создаваемыми регулярными процессами. Формы донучной когнитивной ассимиляции резонансных процессов, видимо, есть одно из первых проявлений сознательной реакции человека на окружающую реальность, но вследствие их тонкого механизма генерации, реакции весьма условной и узко прагматичной.

Научное исследование природы и механизмов резонансных процессов дало, во-первых, обоснованное представление об их неустранимости в мироздании. «Все связи между явлениями – отмечал в свое время выдающийся физик Н. Тесла, – устанавливаются исключительно путем разного рода простых и сложных резонансов – согласованных вибраций физических систем» [цит. по 1]. Во-вторых, в ходе работы по их установлению в общей картине мироздания также закрепилось представление о неустранимости шумов, вплоть до «шума Вселенной». Данные представления составили основу для новых форм когнитивной ассимиляции резонансных процессов прикладной ориентации. В их числе набирают значимость социогуманитарные технологии, в русле которых проявляется значение экзистенциального резонанса как фундаментального типа в социальной реальности.

Список использованных источников

1. Аднорал, Н. Его величество резонанс [Электронный ресурс] / Н. Аднорал // Человек без границ: философия, психология, история, наука, искусство. – Режим доступа: https://www.manwb.ru/articles/science/natural_science/Resonans_NatAdnoral/ – Дата доступа: 23.01.2022.
2. Резонанс // Физический энциклопедический словарь. – М. : Совет. Энцикл., 1983. – С. 629.
3. Хорстхемке, В. Индуцированные шумом переходы: теория и применение в физике, химии и биологии : пер. с англ. / В. Хорстхемке, Р. Лефевр. – М. : Мир, 1987. – 400 с.
4. Стохастический резонанс как индуцированный шумом эффект увлечения степени порядка / В. С. Анищенко [и др.] // Успехи физ. наук. – 1999. – Т. 169, № 1. – С. 7–38.
5. Fredrickson, B. Love 2.0: How Our Supreme Emotion Affects Everything We Feel, Think, Do, and Become / B. Fredrickson. – New York : Hudson Street Press, 2013. – 250 p.
6. Горохов, В. Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий / В. Г. Горохов // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. 28, № 2. – С. 110–123.
7. Иванов, В. Н. Социальные технологии : учеб. пособие / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев ; Акад. наук социальных технологий и местного самоуправления. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Муниципальный мир, 2004. – 488 с.
8. Щербина, В. В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние / В. В. Щербина // Социол. исследования. – 2014. – № 7. – С. 113–124.

М. А. Можейко

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь

БИЛИНГВИЗМ В КОГНИТИВНОЙ ПРОЕКЦИИ: ЯЗЫК МЫШЛЕНИЯ И ПРОЦЕДУРЫ CODE SWITCH

Статья посвящена анализу билингвизма в контексте функционирования сознания и познавательных процедур. Эксплицируется механизм мышления билингва, который предполагает процедуру переключения кодов (code switching), открывающую возможность использовать в одной языковой конструкции семантические и экспрессивные свойства обоих языков, не смешивая их и не нарушая правила каждого.

Ключевые слова: билингвизм, критерий билингвальности, контактный билингвизм, билингвизм координативный и субординативный, чистый билингвизм, смешанный билингвизм, композиционное двуязычие, переключение кодов, язык мышления

M. Mojeiko

Belarusian State University of Culture and Art, Minsk, Belarus

BILINGUISM IN COGNITIVE PROJECTION: LANGUAGE OF THINKING & CODE SWITCH PROCEDURES

The article is devoted to the analysis of bilingualism in the context of the functioning of consciousness and cognitive procedures. The mechanism of bilingual thinking is explicated, which implies a code switching procedure, which opens up the possibility of using the semantic and expressive properties of both languages in one language construction, without mixing them and without violating the rules of each.

Keywords: bilingualism, bilingualism criterion, contact bilingualism, coordinative and subordinate bilingualism, pure bilingualism, mixed bilingualism, compositional bilingualism, code switching, language of thinking

Двуязычие (или билингвизм¹) – явление многоплановое и потому может рассматриваться в различных проекциях. С одной стороны, на билингвизм можно посмотреть в контексте функционирования сознания человека и абстрактно-языкового мышления (то есть как на феномен когнитивный), в таком ракурсе его интерпретация будет осуществляться на стыке языкознания и гносеологии, с другой – в контексте функционирования общества (то есть как на феномен социальный), в этом смысле его трактовка будет реализовываться на стыке политологии и юриспруденции. И если когнитивные характеристики

¹ Для определения психолингвистических характеристик двуязычного индивида используют понятие *билингвальности*; для его социолингвистических характеристик – понятие *билингвизма*, которое может быть отнесено не только к индивиду, но и к группе.

двуязычия во многом универсальны, то социально-политические зависят от конкретно сложившейся ситуации и языковой политики в том или ином социуме.

Билингвизм предполагает ситуацию, когда одно и то же лицо использует в своей языковой практике два различных национальных языка. Как формулирует один из основателей социолингвистики У. Вайнрайх¹, двуязычием следует называть практику попеременного пользования двумя языками [3, с. 22]².

Людей, владеющих двумя языками, называют билингвами (соответственно владеющих бóльшим количеством языков – полилингвами). По оценке экспертов, в настоящее время все чаще складываются «такие обстоятельства, при которых в одном обществе сосуществуют два-три, а иногда и четыре языка»: например, «Финляндия – двуязычная, Бельгия – трехязычная, Швейцария – четырехязычная страна» [14, с. 387]. На современном этапе глобализации двуязычие – это практически норма, а «более половины населения Земли являются мультилингвами, то есть используют в повседневной жизни два и более языков» [13, с. 172–173].

Э. Хауген формулирует критериально-инструментальное определение билингвизма, полагая, что билингвизм «начинается в момент, когда говорящий на одном языке может воспроизвести полностью это высказывание на другом языке» [47, р. 6–7]. С коммуникативной точки зрения, билингв – это тот, кто способен полноценно взаимодействовать в вербальной сфере с носителями и того, и другого языка, достигая взаимопонимания.

Тем самым можно сказать, что любой человек, освоивший второй (помимо родного) язык, – билингв.

Более строгий содержательно-ноуменальный критерий сформулирован в рамках философского подхода к феномену билингвальности. Согласно позиции британского философа Б. Рассела, можно выделить пассивное и активное владение языком: в первом случае речь идет только о понимании, второй предполагает способность порождения текстов. Соответственно этому «имеются две ступени в процессе усвоения иностранного языка: первая – когда вы понимаете его только благодаря переводу на свой язык, и вторая – когда вы умеете уже “думать” на иностранном языке» [10, с. 69–70]³. Исходя из этого

¹ Американский лингвист Уриэль Вайнрайх (1926–1967) родился в Вильно, его дед по матери, известный еврейский врач и общественный деятель Цемах Шабад, выступил для К. И. Чуковского прототипом *доброто доктора Айболита* [19].

² Рассматривая классическое определение билингвизма, американский лингвист Э. Хауген обращает внимание на то, что «в этом определении ничего не говорится об уровне их владения этими языками, о степени различия между языками, об условиях их употребления» и других нюансах [15, с. 61]. Это важно, и мы к этому еще вернемся.

³ Особую (исключительную) ситуацию представляет собой овладение ребенком в процессе социализации родным языком – первым языком в его жизни, когда перевод как таковой (логически – первая, по Б. Расселу, стадия овладения языком) фактически невозможен, так как «ребенок, еще не владеющий языком», сразу «должен начинать со второй ступени», и, как замечает Б. Рассел, «его успехи хорошо рекомендуют способности детского интеллекта» [11, с. 69–70].

критерий билингвальности «нужно искать не в способности говорить на другом языке как таковой, а в способности человека порождать мысли на данном языке. Критерием же способности мыслить на языке является способность формулировать предложения или тексты непосредственно на данном языке в противоположность переводу ранее построенного на другом языке высказывания» [13, с. 175–176].

Данное обстоятельство позволяет поставить вопрос о том, начиная с какого (содержательно) момента можно говорить о формировании у субъекта билингвальности.

В модели социализации американского философа У. Куайна в освоении языка первично предложение, не слово: семантика слов воспринимается ребенком в контексте предложений, и именно формирование способности создавать семантически значимые конструкции из слов¹ выступает маркером того, что ребенок научился говорить [54, р. 2–15, 61–72]. При этом философ отмечает, что процесс этот во многом имплицитен и предельно версифицирован в индивидуальном измерении: «...никто из нас не учит родной язык одинаковым образом, и каждый из нас в известном смысле продолжает учиться языку на всем протяжении своей жизни» [7, с. 15].

В свете этого подхода убедительна позиция, согласно которой говорить о билингвальности становится возможным с того момента, как «человек, усваивающий второй или последующий язык, приобретает способность выразить мысль, правильно построив предложение на этом языке независимо от своего первого языка» [13, с. 178].

Билингвизм в его многообразии

Типология билингвизма чрезвычайно дифференцирована. Прежде всего следует различать искусственный (или учебный, бесконтактный) билингвизм (как замечает Дж. Эдвардс, в этом «смысле большинство людей в мире могут изъясняться на более, нежели одном языке» [38, р. 28]) и билингвизм естественный (бытовой, или контактный). Естественный билингвизм имеет место в том случае, когда освоение языков осуществляется в условиях прямого пребывания в языковых средах – «через длительное непосредственное общение» [11, с. 95]. Иными словами, при естественном билингвизме «второй язык билингва является усвоенным, а не выученным» [11, с. 67], он возникает спонтанно в условиях повседневных языковых коммуникаций. В отличие от этого искусственный билингвизм формируется в контексте специально организованного обучения, что требует осознанного целеполагания, сознательного

¹ Переосмысливая терминологию И. А. Ричардса, разработанную в контексте течения *новой критики*, У. Куайн называет эту процедуру «взаимооживлением предложений» [8, с. 12–14].

применения разработанных методов и, разумеется, вполне конкретных волевых усилий¹.

Между тем, по оценке Э. Хаугена, особый интерес с точки зрения двуязычия представляет именно «детство человека, то есть тот период, когда языковые системы только формируются», и в этом плане «детское двуязычие обычно признается наиболее ценным» [15, с. 65].

В этом плане в рамках естественного билингвизма выделяют также ситуацию, о которой можно сказать, что билингвизм формируется непосредственно в процессе социализации (акцент на субъекте) и что социализация происходит в контексте овладения обоими языками (акцент на культуре). Описанная М. Данези ситуация, когда «ребенок оказывается перед лицом двух языков с рождения, имея достаточно образцов каждого из них», и потому «начинает функционально применять оба языка, если социальный и/или семейный контекст поощряет их повседневное использование» [36, р. 9], вполне может быть принята как дефиниция естественного сформировавшегося и впоследствии реально практикуемого билингвизма. Разумеется, это может происходить только в такой двуязычной среде, которая воспроизводится и поддерживается одновременно и на бытовом уровне (повседневная языковая практика), и на уровне официальном (документы, мероприятия государственного значения, СМИ). Тем самым ребенок с рождения оказывается в ситуации билингвизма и формируется как билингвальный. В случае социализации ребенка в двуязычной среде формирование естественного (стихийного) билингвизма на ранних этапах может происходить и без рефлексивного осознания процедуры параллельного освоения двух языков (при переходах между языковыми средами разговорная практика перестраивается машинально) и осознается позднее.

Важен и масштаб рассмотрения: выделяют двуязычие групповое (употребление нескольких языков определенной социальной общностью) и индивидуальное (использование индивидуумом нескольких языков, каждый из которых предпочитается в соответствии с определенной коммуникативной ситуацией) [35, р. 372–379].

Кроме того, принято дифференцировать активных билингвов, владеющих навыками генерации устных и письменных текстов на втором языке, и пассивных, обладающих в отношении второго языка лишь навыками понимания устной речи и чтения, а наряду с названными категориями индивидуумов, активно пользующихся двумя языками, французский психолингвист Ф. Грожан выделяет также *дремлющих билингвов*, то есть тех, кто знает два языка, но один из них практически не применяет [44, р. 286].

Важно, что в любом случае «билингвы – это не просто сумма полных или неполных монолингвов, а люди, обладающие уникальной и специфической

¹ Точно так же мультилингв, социализированный в полиязыковой среде, то есть изначально выросший как говорящий на нескольких языках, отличается от полиглота, сознательно изучившего более шести языков.

лингвистической конфигурацией» [42, р. 259]. В силу этого исследователи билингвизма Дж. Ф. Хамерс и М. Бланк говорят даже об особой онтологии билингвальности [45, р. 50–81].

Для каждого конкретного билингва всегда можно выделить язык социализации и *второй язык* – не родной, но столь же широко им употребляемый. И если исходно билингвизм трактовали как владение обоими языками на одном уровне (то есть вторым – как родным), то последующее уточнение термина заключалось в том, что, по определению чешского лингвиста Б. Гавранека, необходим учет *степени владения* вторым языком [4, с. 96–97].

Таким образом, возникает проблема количественной градации двуязычия как феномена. Совершенно естественно, что степень владения языком социализации может быть принята на этой шкале за максимум, а степень владения вторым варьируется в самом широком диапазоне: от близкой к нулю – до приближающейся к максимуму. Британский лингвист В. Дж. Кук в подобном контексте сравнивает В. В. Набокова, который писал целые романы на втором языке, владея им на том уровне виртуозности, которым может похвастаться не всякий носитель этого языка как родного, и туриста который едва может заказать кофе в ресторане [34, р. 3]. Но ведь и этот косноязычный турист не может быть оценен как монолингв, – действительно, вопрос в степени билингвальности. Ф. Грожан даже полагает, что поскольку языки практикуются билингвом в различных сферах, то и степень владения ими применительно к этим сферам будет, соответственно, разной, и сравнивать эти уровни владения языками друг с другом в общем плане некорректно. К примеру, в профессиональной сфере билингв может успешно практиковать английский, а в религиозной жизни – испанский, в то время как при попытках сделать наоборот окажется совершенно беспомощным в языковом отношении. Ф. Грожан называет это специализированным использованием языков [43].

Американская исследовательница С. Дж. Томасон говорит о различии между широко понятым билингвизмом, предполагающим свободное владение «всеми четырьмя традиционными навыками – говорение, понимание на слух, чтение и письмо», и билингвизмом в узком смысле этого слова, когда речь идет о «регулярном использовании двух языков, но не в полной и не в равной мере владении ими» – вплоть до минимального владения хотя бы одним из названных базовых умений [56, р. 3–4].

Несмотря на то что известный американский ученый-лингвист Л. Блумфилд в свое время полагал невозможным точное определение степени владения вторым языком, при которой говорящий может считаться билингвом [1, с. 56], тем не менее существует немало методик такого определения, предлагаются различные критерии для этой процедуры и есть целая система шкал градации билингвизма и, соответственно, большое число разных типов билингвов – в зависимости от степени владения вторым языком. Среди параметров, в рамках которых должен оцениваться уровень билингвизма, Дж. Ф. Хамерс,

например, выделяет не только уровень компетентности в обоих языках, но также когнитивную организацию билингва, возраст овладения им вторым языком¹, степень использования второго языка в повседневной жизни, принадлежность билингва к этнической, демографической и иным группам, а также социальный статус обоих языков [46]. С чем, безусловно, согласны все исследователи, так это с тем, что во главу угла следует ставить практические умения, но никак не знание языковых правил: ребенок овладевает родным языком задолго до школьных уроков, ориентируясь на прецеденты говорения. Один из основоположников лингвистической философии Г. Райл сравнивает владение языком с умением играть в шахматы: если ребенок играет, соблюдая правила игры, никого не заботит, может ли он эти правила эксплицитно сформулировать [9, с. 50].

Так или иначе, на сегодняшний день считается признанным, что абсолютное владение внутриязыковыми тонкостями и предельная беглость в использовании обоих языков не являются необходимыми для того, чтобы субъект трактовался в качестве билингва. По выражению Э. Хаугена, в типичном случае двуязычный говорящий фактически «располагает менее чем двумя, но более чем одной (языковой. – М. М.) системой» [15, с. 62]. Таким образом, абсолютные билингвы, в равной степени владеющие двумя языками, – это случай экстремальный, а никак не типичный.

Поскольку билингв способен говорить на обоих языках, не смешивая их (не нарушая правила ни одного, ни другого), филологами поставлен вопрос «о наличии некоего общего организующего принципа, обеспечивающего отделенность языков в психике двуязычного индивида» [6, с. 255]. Канадский психолог и философ П. Колерс описывает две версии трактовки данного принципа. Согласно первой гипотезе (*shared hypothesis*), «элементы действительности кодируются только один раз в жизни, при первом восприятии, и имеется некое общее хранилище следов восприятий, из которого “черпает” каждый из языков, известных двуязычному носителю», – в таком случае оба языка, «известные двуязычному говорящему, представляют собой два независимых инструмента, с помощью которых он черпает из общего хранилища, а восприятия, первоначально зарегистрированные через посредство одного языка, могут беспрепятственно извлекаться из памяти и описываться непосредственно на другом языке, если только это допускают правила его грамматики» [6, с. 255]. Альтернативная гипотеза (*separated hypothesis*), напротив, гласит, что «элементы действительности кодируются и хранятся в памяти вместе с элементами того языка, сквозь призму которого они были восприняты, и что каждый язык имеет, таким образом, свое особое хранилище следов восприятий» [6, с. 254], – в этом случае «невозможно непосредственно <...> извлечь из памяти некоторое переживание, пользуясь не тем языком, на котором оно было

¹ Э. Хауген полагает что именно детское двуязычие является наиболее прочным [15, с. 65].

закодировано» [6, с. 255]. Иначе говоря, либо слова каждого из языков равно сопрягаются сознанием с десигнатом соответствующего понятия, либо это характерно только для языка социализации, а в отношении всех последующих языков осуществляется своего рода перевод: *десигнат – слово родного языка – и лишь затем слово второго языка*.

С философской точки зрения очевидно, что именно лексемы языка социализации непосредственно коррелируют с реалиями объективного мира. Известный русский лингвист И. А. Бодуэн де Куртэне выразил это метафорически и исчерпывающе: «Если в одной голове укореняется несколько “языков”, то они имеют общую “родину”» [2, с. 139]. Если же иметь в виду не содержательную, но эмоциональную сторону вопроса, то следует усмотреть рациональное зерно в позиции У. Лэмберта, Дж. Гавелки и С. Кросби, согласно которой «человеку, говорящему на двух языках, вероятно, в свое время пришлось усвоить по две разных словесных реакции на каждый денотат» [8, с. 241], что, разумеется, маркирует и дифференцирует лексемы в эмоциональном отношении.

Безусловно, финальной инстанцией при контакте языков является сознание индивида, то есть «местом осуществления (языкового. – М. М.) контакта являются индивиды, пользующиеся языком» [3, с. 22]. В свете этого в системе отсчета индивида выделяют *координативный (сбалансированный или интегральный)* и *субординативный (несбалансированный или доминантный)* виды билингвизма. При координативном билингвизме субъект владеет обоими языками в равной степени: «...оба языка выступают как равнофункциональные параллельные системы» [14, с. 388], то есть на уровне как лексических наборов, так и грамматических правил «первый и второй языки билингва автономны в его сознании и не смешиваются в его речевой практике» [11, с. 97]. В отличие от этого при субординативном билингвизме уровни компетенции субъекта в отношении языков различны: «...говорящий воспринимает второй язык через родной язык, несмотря на отличия этих языков» [11, с. 220].

В «Словаре психологии» Американской психологической ассоциации субъект, чье владение двумя языками таково, что «его или ее навыки в каждом языке соответствуют навыкам носителей языка того же возраста» [26], определяется как *сбалансированный билингв*. Согласно данным американской «Энциклопедии билингвизма и двуязычного образования» *сбалансированные (координативные) билингвы*, в равной степени владеющие обоими языками, встречаются крайне редко, так как большинство билингвальных субъектов все же воспринимают один из языков как базовый [27, р. 12].

В очень близком контексте американский психолингвист Дж. К. Бок усматривает разницу между матричным (*embedded – внедренным* в сознание) языком и языком гостевым (*guest*) [31, р. 163–186].

Фактически критерием дифференциации здесь выступает *язык мышления*: при координативном билингвизме билингв думает на том из двух языков, на котором он говорит в данный момент, при субординативном же имеет место

своего рода базовый язык (именно *язык мышления*), с которого говорящий как бы осуществляет своего рода внутренний, латентный перевод, то есть второй язык как бы встраивается в первый.

Известный русский лингвист академик Л. В. Щерба выделял также *чистый билингвизм*, приводя в качестве примера сосуществование русского и французского языков у «старой аристократии, получавшей французский язык от гувернеров и гувернанток, ни слова не знавших по-русски», и *билингвизм смешанный*, при котором языки свободно сменяют друг друга [22, с. 174]. В случае чистого билингвизма «оба языка образуют <...> две автономные области в мышлении лиц, ставших двуязычными таким путем», при этом «обученные этим способом люди хоть и говорят довольно бегло на обоих языках, но им всегда очень трудно найти эквивалентные термины двух языков... они могут объяснить, что значит та или иная фраза, то или иное слово, но всегда затрудняются его перевести» [21, с. 67].

Согласно его позиции, при смешанном билингвизме «нормально происходит в той или иной степени смешение двух языков, их взаимопроникновение», и «в наиболее выраженных случаях этого рода» люди не только свободно говорят на обоих языках, но два языка «образуют в уме лишь одну систему ассоциаций», что являет собой особый тип сосуществования языков [21, с. 68], таким образом фактически «создается своеобразная форма языка, при которой каждая идея имеет два способа выражения, так что получается в сущности единый язык, но с двумя формами. Люди при этом не испытывают никаких затруднений при переходе от одного языка к другому: обе системы соотнесены у них друг ко другу до последних мелочей» [20, с. 314–315].

В связи с этим Л. В. Щерба называл смешанный билингвизм «langue à troistermes» – *трехзначным языком*, в котором одно понятие сопрягается с лексемами двух разных языков: «...каждому значению соответствуют два способа выражения», которые могут взаимно заменяться, употребляясь «один вместо другого» [22, с. 174]¹. Тут порой даже определить непросто, который язык второй, а который – первый.

Смешанный билингвизм оценивается филологами как «идеальный случай владения родным и вторым языком, которые существуют в сознании говорящего как равноправные коммуникативные системы, не смешиваемые при восприятии (анализе) и синтезе речи» [11, с. 195–196].

Аналогично этой позиции Э. Хауген выделяет применительно к индивиду также координированное (coordinate) и составное или композиционное (compound) двуязычие, понимая «под первым такое, при котором человек располагает двумя отдельными системами, а под вторым такое, при котором языковые системы подверглись хотя бы частичному слиянию» [15, с. 65].

¹ Иногда Л. В. Щерба использует также выражение «langue mixte a deux termes» – *смешанный язык с двумя терминами* [21, с. 68].

Механизм мыслительных процессов билингвального субъекта

По данным современной лингвистики, в основе речевого поведения билингва лежит сложный механизм переключения кода (code switch), который не тождественен просто смене одного языка на другой при переходе в иную языковую среду, но предполагает возможность параллельного использования каждого языка в конкретной разговорной ситуации¹.

В системе отсчета билингвизма итальянский психолог и педагог Р. Титоне рассматривает переключение кода как «альтернативное использование двух или более языков в одном высказывании или разговоре», то есть и изменение кода может происходить равно как внутри предложения (*intrasentential*), так и между предложениями (*intersentential*) [57, p. 135].

Практически это означает, что в рамках кодового переключения возможно «использование единиц разных уровней одного языка (морфем, слов, словосочетаний, предложений) в высказывании на другом языке» [18, с. 63–79]. Иными словами, переключение кода – это то, что позволяет говорить не об испанско-английском (когда английская лексика вкраплена в испанскую канву), но о Spanglish (основанном не на механическом соединении разнородных языковых средств, но о своего рода «конвергенции» [40, p. 47]); аналогично – не о польско-английском, но о Ponglish и т.п.

Важно, что в процессе переключения кодов билингв не нарушает правил ни того, ни другого языка, однако при этом «гибко» и «адаптивно» рекомпоновывает их, создавая общую конструкцию разговора или высказывания, в которой нет ни ошибок, ни путаницы, но использованы все ресурсы, предоставляемые обоими языками, все их экспрессивные преимущества – для достижения нужного коммуникативного эффекта [40, p. 18, 106, 177]. По оценке канадской исследовательницы Ш. Поплак, «именно эквивалентность ограничений в переключении кода может быть использована как мера степени способности двуязычия» [53, p. 581].

Соответственно, можно говорить о разных вариантах переключения кода [51]. Сравнивая масштаб этой вариативности, британская исследовательница П. Гарднер-Клорос строит динамическую метафору клина, минимум (нулевой уровень) которого задают простые лексические заимствования в речи говорящего, а максимум – сходимости возможностей обоих языков до «точки слияния» при достижении максимальной экспрессивности [40, p. 59].

Большой интерес вызывает феномен запуска процесса переключения. Триггером переключения кода может выступить не только внелингвистические (задаваемые социокультурным контекстом), но и интралингвистические факторы. Так, австралийский лингвист М. Клайн предложил интралингвисти-

¹ Американский исследователь Р. Нордквист справедливо отмечает, что апплицировать данный термин сугубо к речевой практике гораздо корректнее, нежели к процессу письма, поскольку в процессуальности последнего не идет речь о мгновенном переключении [52].

ческую теорию триггеринга, согласно которой переключение кода может быть спровоцировано словами, которые имеют сходную форму и значение в двух языках [33]. Нидерландские исследователи М. Брёсма и К. Де Бот, анализируя запуск переключения кода, рассматривают в качестве триггера минимальные предикации – вплоть до отдельных лексем [32]. Развивая эту идею, П. Мюйскен отмечает, что «использование слова из другого языка может легко вызвать другой материал из этого языка», причем не только как следствие его применения, но и «в преддверии этого слова» [51, р. 11].

Принципиальным вопросом в анализе переключения языкового кода является вопрос функционального соотношения языков. К. Соарес и Ф. Грожан полагают, что у билингвов не только всегда актуализированы оба языка, но и в каждом акте речи они всегда *просматривают* оба лексикона, контекстно выбирая речевой инструментарий [55, р. 380–386]. Эта идея была проверена в ходе специальных экспериментов, результаты которых подтвердили, что «двуязычные испытуемые действительно находились в двуязычном режиме с переключением кодов» [55, р. 381]. П. Гарднер-Клорос и Д. Уинфорд согласны в том, что в реальной разговорной практике не имеет места двоичный выбор: два кода взаимодействуют, не являясь ни дискретными, ни изолированными [40, р. 70; 58, р. 126–167].

Таким образом, переключение кодов предполагает не режим *включен – выключен* в отношении каждого из двух языков, но, напротив, нахождение каждого из двух языков в активном состоянии¹, причем говорящий идентифицирует себя не с одним из них, но сразу с двумя, то есть в данном случае невозможно выделить «матричный язык» [40, р. 47], или *язык мышления*. Более того, как полагает Р. Титоне, процесс переключения предполагает и осознанные, и неосознанные моменты [57, р. 135]. Американский лингвист Д. Уинфорд описывает этот процесс посредством понятия *смещение* [58, р. 247–253].

С течением времени в ходе смены поколений двуязычного общества², а именно при передаче языков от родителей детям в ходе социализации, могут возникать новые версии переключения кода («смещенный код с новыми структурами»), что в перспективе трансформирует параметры самого двуязычия [30, р. 27].

Поскольку процесс переключения языкового кода обеспечивается глубинными механизмами функционирования сознания, постольку его изучение связано и на психолингвистику, и на нейролингвистику [42]. В силу того что переключение кода осуществляется в социальном контексте и во многом детерминировано со стороны как социальной ситуации в целом, так и социальной

¹ О. Гарсия и А. М. Лин предполагают также возможным наличие двух режимов функционирования сознания билингва: как режим попеременного включения каждого из двух языков, так и режим одновременной интегрированной работы обеих языковых систем [39].

² Прямо на язык просилось *3 цягам часу, в ходе смены поколений...* – вот это и есть переключение кода.

позиции говорящего, феномен переключения кода изучается с социологической точки зрения [40, р. 91; 58; р. 110–114, 117–119] и с применением методологического инструментария социологии [24, р. 38–42], причем в рамках и макро-, и микросоциологии [50].

В целом именно феномен переключения кода на сегодняшний день стал, по оценке П. Гарднер-Клорос, тем центром, вокруг которого фокусируется современное изучение билингвизма [40], причем, как показывает французский лингвист А. Табуре-Келлер, изучение билингвизма – задача далеко не только лингвистики, но – не в меньшей степени – и социальных дисциплин [12, с. 170–182].

Стиль мышления билингва

Аргументируя «важность быть двуязычным», Дж. Эдвардс в своей одноименной работе обосновывает ее чрезвычайно комплексно: «...в психологических, когнитивных, психолингвистических, социальных, психологических, социологических, социокультурных и лингвистических рамках» [38, р. 28–42]. Соответственно, мы вправе ожидать отличий и в динамике личности билингва, не сводящихся только к вербальным практикам.

В исследованиях, которые проводятся на стыке лингвистики, психологии, педагогики и методики преподавания языка как второго, билингвы изучаются системно: наряду с лингвистическими аспектами двуязычия анализируется культурный контекст овладения вторым языком [34], рассматриваются когнитивные процессы, связанные с освоением и использованием второго языка [28; 48], векторы влияния двуязычия на процессы личностного развития двуязычного ребенка [46], на стыке детской психологии и лингвистики оформляется онтобилингвология [17].

Психологами доказано, что полилингвизм и билингвизм в частности способствуют интеллектуальному развитию¹, отмечают также более раннее развитие способностей у билингвального ребенка [37; 59].

Так, анализируя связь билингвизма с интеллектуальным развитием, американская исследовательница двуязычного образования, когнитивного и языкового развития В. Гонсалес отмечает, что «одновременное изучение двух языков дает преимущества в умственном и лингвистическом развитии» [41, р. 75]. По оценке Дж. Эдвардса, «расширение “языкового репертуара”» личности

¹ В самом начале изучения билингвизма к нему относились настороженно и даже полагали, что он вносит в сознание сумбур [6]. Э. Хауген, однако, оценивает подобные утверждения как «сомнительные» [15, с. 64], и продвижение исследований показало, что это не так. Как пишет Дж. Эдвардс, «старая идея о том, что билингвизм расщепляет интеллектуальный потенциал и ведет к убыванию когнитивных способностей, уже давно отправлена на пенсию, ей на смену пришел иной взгляд» [38, р. 28]. Признано, что «жонглирование в одном разуме двумя языками» требует особых навыков, но именно это и формирует более богатое сознание и расширенные инструментальные возможности интеллекта [49].

«усиливает осознание себя в контексте культуры» и обеспечивает «большую когнитивную гибкость и более разносторонний ум» [38, р. 28]. Эту же мысль последовательно проводят американские исследователи К. Бакер и В. Э. Райт в фундаментальной работе, посвященной феномену билингвизма в образовании [25]. Дж. Ф. Хамерс и М. Бланк также говорят о высоком когнитивном развитии билингвов [45, р. 82–99]. Такими авторами, как А. Кекскес, С. Маттеус, В. Йип, убедительно обосновано, что двуязычие позитивно сказывается на сообразительности, развитии памяти, скорости реакции, логике, математических навыках; билингвы, как правило, хорошо учатся и лучше других усваивают абстрактные науки [48; 59]. Более того, «экспериментальные данные свидетельствуют о том, что у билингвов выше показатели нейропластичности, плотности серого вещества и целостности белого вещества, обеспечивающего взаимодействие двух полушарий» [13, с. 174], а освоение второго языка способствует расширению функциональных возможностей коры головного мозга, обуславливая успешность когнитивных процессов в целом [28, р. 145–166; 37, р. 65–92; 41; 46, р. 70–98; 48, р. 1–6; 55, р. 380–386].

Еще академик Л. В. Щерба отмечал «колоссальное образовательное значение двуязычия» [20, с. 316–317]. Кроме того, билингвизм (и уровень грамотности в пользовании обоими языками), по формулировке В. Гонсалес, «оказывает положительное влияние на процесс изучения третьего языка, вне зависимости от его типологии» [41, р. 75]. Также само освоение третьего языка протекает гораздо быстрее и легче [5, с. 98]. На сегодняшний день доказано, что это касается не только процессов социализации у детей [29], но имеет значение и для взрослых [48, р. 1–6; 49].

Эксперты к тому же отмечают «возможность билингвизма повышать металингвистические способности», что активизирует «взаимосвязи между металингвистической компетентностью и языковой способностью» и «является ключевым компонентом когнитивного развития» [14, с. 389].

Американский исследователь А. Р. Диболд строит в отношении билингва прикладную модель «интеллектуального опыта», которая показывает, что такой опыт дает двуязычному субъекту «преимущества, которыми не пользуется одноязычный», и постоянный опыт работы с двумя языковыми системами обеспечивает «умственную гибкость, превосходство в формировании понятий и более разнообразный набор умственных способностей» [37, р. 81]. Анализируя даже коммуникации между людьми, говорящими на разных языках (например, если двое, не знающие языка друг друга, говорят на третьем), американский лингвист М. Эрард отмечает, что «такие коммуникации между теми, кто не является носителем языка, всегда способствуют структурированию человеческого опыта» [23, с. 15].

Открытое для билингва обогащение палитры возможностей выразить себя благотворно сказывается и на социальных практиках, обеспечивая расширение диапазона презентации себя в различных социальных ситуациях. Ф. Грожан

полагает, что использование более одного языка существенно расширяет диапазон моделей поведения [43; 44].

Действительно, если говорящий на одном языке может выбирать только между стилями речи одного этого языка, то для билингва, как отмечает Р. Титоне, открыта возможность вариативного использования двух языков, что, безусловно, расширяет возможности самовыражения для билингва [57, р. 135]. В свете этого билингвизм обеспечивает субъекта более богатым выбором поведенческих стратегий. Дж. Ф. Хамерс и М. Бланк отмечают наличие более широкой сети социальных коммуникаций у билингвов, а также их «языковую валоризацию» [45, р. 100–107].

Соответственно, способность к быстрому переключению кода обеспечивает такое языковое поведение билингва, которое позволяет ему бóльшую социальную мобильность, повышает коммуникативный потенциал и, соответственно, обогащает социальный опыт, что открывает для такого человека и новые поведенческие парадигмы, и новые социальные возможности.

В свете этого Ф. Грожан трактует билингвизм не только как языковой феномен, но и как фактор жизни двуязычного субъекта в целом: возможность варьирования языковых практик непосредственно связана с многослойностью персональной идентичности субъекта¹ и выступает одним из инструментов ее презентации и тем самым собственно реализации. И билингв в отношении персональной идентичности существенно расширяет веер возможностей как в построении ее, так и в плане презентации в социальном контексте².

В. Дж. Кук даже полагает возможным говорить о билингве как «другом типе человека», не тождественном просто «монолингву с дополнительными возможностями» [34, р. 4]. Тем самым феномен билингвизма обретает антропологическую размерность.

Нельзя не отметить, что билингвизм открывает и негативные перспективы в языковом развитии: в первую очередь, несимметричный статус языков в социуме. Если же говорить вне социально-политического контекста, фокусируясь лишь на когнитивных аспектах двуязычия, вполне уместно повторить за академиком Л. В. Щербой (а классик говорил об интеллектуальном потенциале и широте мышления билингвов), что можно «лишь завидовать тем народам, которые силою вещей осуждены на двуязычие» [20, с. 317]. Хотя такой взгляд, безусловно, не может быть оценен как всесторонний, так как сужает рассмотрение феномена двуязычия до сугубо когнитивного аспекта, однако социокультурный аспект билингвизма требует своего отдельного рассмотрения.

¹ Как остроумно формулирует Э. Хобсбаум, «ментальные идентичности человека – это не ботинки, которые мы можем носить за раз только одну пару» [16, с. 50].

² Разумеется, функцию формирования, объективного проявления и сознательной презентации идентичности выполняет любой язык, но монолингв, в отличие от билингва, не имеет такого спектра возможностей для презентации многопрофильной идентичности: в его языковом инструментарии – только стилевые средства варьирования.

Список использованных источников

1. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфильд. – М. : Либроком, 2010. – 610 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
2. Бодуэн де Куртэнэ, И. А. К критике международных искусственных языков / И. А. Бодуэн де Куртэнэ // Избр. тр. по общему языкознанию : в 2 т. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2. – С. 139–140.
3. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртэнэ, 2000. – 264 с.
4. Гавранек, Б. К проблематике смешения языков / Б. К. Гавранек // Новое в лингвистике / ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты. – С. 94–112.
5. Емельянова, Я. Б. Различные подходы к оценке влияния билингвизма на интеллектуальное развитие личности / Я. Б. Емельянова // Вестн. Челябин. госуд. пед. ун-та. Сер.: Педагогика и психология. – 2010. – № 2. – С. 91–102.
6. Колерс, П. Межязыковые словесные ассоциации / П. Колерс // Новое в лингвистике / ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты. – С. 254–277.
7. Куайн, У. В. О. Слово и объект / У. В. О. Куайн. – М. : Логос : Праксис, 2000. – 386 с.
8. Лэмберт, У. Зависимость двуязычия от условий усвоения языка / У. Лэмберт, Дж. Гавелка, С. Кросби // Новое в лингвистике / ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты. – С. 241–254.
9. Райл, Г. Понятие сознания / Г. Райл. – М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуал. кн., 1999. – 408 с.
10. Рассел, Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел. – М. : Республика : Терра : Кн. клуб, 2000. – 464 с. – (Библиотека философской мысли).
11. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
12. Табуре-Келлер, А. К изучению двуязычия в социологическом плане / А. Табуре-Келлер // Новое в лингвистике / ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты. – С. 170–182.
13. Таскаева, Е. Б. Билингвизм сквозь призму философской рефлексии / Е. Б. Таскаева // Идеи и идеалы. – 2018. – Т. 1, № 3 (37). – С. 171–181.
14. Теоретико-методологические основы классификации и типологизации билингвизма / Б. А. Булгарова [и др.] // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Вопр. образования: языки и специальность. – 2017. – № 3. – С. 384–392.
15. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике / ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты. – С. 61–80.
16. Хобсбаум, Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Э. Хобсбаум // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 49–59.
17. Чиршева, Г. Н. Введение в онтобилингвологию / Г. Н. Чиршева. – Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2000. – 194 с.
18. Чиршева, Г. Н. Кодовые переключения в общении русских студентов / Г. Н. Чиршева // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2008. – Вып. 6. – С. 63–79.
19. Чуковский, К. И. Как я написал сказку «Доктор Айболит» [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский // Пионерская правда. – 1967. – 31 марта. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20120514102906/http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/aibolit.htm> – Дата доступа: 22.12.2021.
20. Щерба, Л. В. К вопросу о двуязычии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 313–318.
21. Щерба, Л. В. О понятии смешения языков / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – С. 60–74.
22. Щерба, Л. В. Очередные проблемы языковедения / Л. В. Щерба // Изв. Акад. наук Союза ССР: отд. лит. и языка. – 1945. – Т. 4, вып. 5. – С. 173–186.

23. Эрард, М. Феномен полиглотов / М. Эрард. – М. : Альпина Бизнес Букз, 2013. – 384 с.
24. Azez, A. L. Code-Switching Among the Inhabitants of Amman Jordan: Domains, Reasons and Attitudes / A. L. Azez, B. A. Nashash. – Amman : Middle East University, 2020. – 89 p.
25. Baker, C. Foundations of Bilingual Education and Bilingualism / C. Baker, W. E. Wright. – 6th ed. – Bristol : Multilingual Matters, 2017. – 512 p.
26. Balanced bilingual [Electronic resource] // Dictionary of Psychology / American Psychological Association, APA. – Mode of access: [https:// dictionary.apa.org/bilingualism](https://dictionary.apa.org/bilingualism) – Date of access: 22.12.2021.
27. Balanced bilinguals // Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education / eds.: C. Baker, S. P. Jones. – Clevedon : Multilingual Matters, 1998. – P. 12–14.
28. Bialystok, E. Cognitive Processes of 2L Users / E. Bialystok // Portraits of the L2 User / ed. V. J. Cook. – Clevedon : Multilingual Matters, 2002. – P. 145–166.
29. Bialystok, E. Language Processing in Bilingual Children / E. Bialystok. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991. – 251 p.
30. Bickel, B. Syntactic mixing across generations in an environment of community-wide bilingualism / B. Bickel // 48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Leiden, September 2–5, 2015): Book of Abstracts. – Leiden : Leiden Univ. Centre for Linguistics, 2015. – P. 27.
31. Bock, J. K. Closed-class immanence in sentence production / J. K. Bock // Cognition. – 1989. – № 31. – P. 163–186.
32. Broersma, M. Triggered codeswitching: A corpus-based evaluation of the original triggering hypothesis and a new alternative / M. Broersma, K. De Bot // Bilingualism: Language and Cognition. – 2006. – № 9 (1). – P. 1–13.
33. Clyne, M. Dynamics of Language Contact: English and Immigrant Languages / M. Clyne. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – XV, 282 p. – (Cambridge Approaches to Language Contact).
34. Cook, V. J. Background to the L2 User / V. J. Cook // Portraits of the L2 User / ed. V. J. Cook. – Clevedon : Multilingual Matters, 2002. – P. 1–28.
35. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – 3^d rev. ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. – 524 p.
36. Danesi, M. Living with two languages / M. Danesi // On the Bilingual Person / ed. R. Titone. – Canadian Society for Italian Studies: Biblioteca di Quaderni d'italianistica, 1989. – P. 9–10.
37. Diebold, A. R. The Consequences of Early Bilingualism in Cognitive Development and Personality Formation / A. R. Diebold // On the Bilingual Person / ed. R. Titone. – Canadian Society for Italian Studies: Biblioteca di Quaderni d'italianistica, 1989. – P. 65–92.
38. Edwards, J. The importance of being bilingual / J. Edwards // Bilingualism: Beyond Basic Principles. Festschrift in Honour of Hugo Baetens Beardsmore / eds.: J. M. Dewaele, A. Housen, L. Wei. – Clevedon : Multilingual Matters, 2003. – P. 28–42. – (Multilingual Matters ; Vol. 123).
39. García, O. Translanguaging in bilingual education / O. García, A. M. Y. Lin // Bilingual and Multilingual Education / eds.: O. García, A. M. Y. Lin. – Cham : Springer, 2017. – P. 117–130. – (Encyclopedia of Language and Education).
40. Gardner-Chloros, P. Contact and Code-Switching: The Handbook of Language Contact / P. Gardner-Chloros. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. – 254 p.
41. Gonzalez, V. Language and Cognitive Development in Second Language Learning: Educational Implications for Children and Adults / V. Gonzalez. – Boston : Allyn and Bacon, 1999. – 310 p.
42. Grosjean, F. A psycholinguistic approach to code-switching: the Recognition of guest words by bilinguals / F. Grosjean // One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching / eds.: L. Milroy, P. Muysken. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – P. 259–274.
43. Grosjean, F. Bilingual: Life and Reality / F. Grosjean. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 2010. – 276 p.
44. Grosjean, F. Bilingualism, individual / F. Grosjean // Concise Encyclopaedia of Educational Linguistics / ed. B. Spolsky. – Oxford : Elsevier Science Ltd., 1999. – P. 284–290.

Билингвизм в когнитивной проекции: язык мышления и процедуры code switch

45. Hamers, J. F. *Bilinguality and Bilingualism* / J. F. Hamers, M. Blanc. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. – 477 p.
46. Hamers, J. F. A Sociocognitive model of bilingual development / J. F. Hamers // *J. Lang. Soc. Psychol.* – 2004. – Vol. 23, № 1. – P. 70–98.
47. Haugen, E. *The Norwegian Language in America: a Study in Bilingual Behavior* / E. Haugen. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 1969. – 699 p.
48. Kecskes, I. Cognitive approaches to bilingualism: introduction to the special issue / I. Kecskes // *Int. J. Bilingualism.* – 2005. – Vol. 9, № 1. – P. 1–6.
49. Kroll, J. F. Juggling two languages in one mind [Electronic resource] / J. F. Kroll // *Psychological Science Agenda (American Psychological Association)*. – 2008. – Vol. 22, № 1. – Mode of access: <https://www.apa.org/science/about/psa/2008/01/kroll> – Date of access: 22.12.2021.
50. McClure, E. Macro- and micro-sociolinguistic dimensions of codeswitching in Vingard (Romania) / E. McClure, M. McClure // *Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives* / ed. M. Heller. – Berlin ; New York ; Amsterdam : Mouton de Gruyter Publisher, 1988. – P. 25–52. – (Contributions to the Sociology of Language ; Vol 48).
51. Muysken, P. *Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing* / P. Muysken. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. – XVI, 306 p.
52. Nordquist, R. Learn the Function of Code Switching as a Linguistic Term [Electronic resource] / R. Nordquist // ThoughtCo. – Mode of access: [https://www.thoughtco.com/code-switching-language-1689858#:~:text=Code%20switching%20\(also%20code-switching,-mixing%20and%20style-shifting](https://www.thoughtco.com/code-switching-language-1689858#:~:text=Code%20switching%20(also%20code-switching,-mixing%20and%20style-shifting) – Date of access: 14.12.2021.
53. Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL: toward a typology of code-switching / S. Poplack // *Linguistics.* – 1980. – № 18, Iss. 7–8. – P. 581–618.
54. Quine, W. V. *Pursuit of Truth* / W. V. Quine. – Cambridge ; Massachusetts ; London : Harvard Univ. Press, 1990. – 128 p.
55. Soares, C. Bilinguals in a monolingual and a bilingual speech mode: The effect on lexical access / C. Soares, F. Grosjean // *Memory & Cognition.* – 1984. – № 12 (4). – P. 380–386.
56. Thomason, S. G. *Language Contact: An Introduction* / S. G. Thomason. – Edinburgh Univ. Press, 2001. – 320 p.
57. Titone, R. From Bilingual to Mixtilingual Speech: Code-Switching Revisited / R. Titone // *On the Bilingual Person. Canadian Society for Italian Studies* / ed. R. Titone. – Biblioteca di Quaderni d'italianistica, 1989. – P. 135–139.
58. Winford, D. *An Introduction to Contact Linguistics* / D. Winford. – Bodmin : MPG Books Publishing Ltd. : Blackwell Publishing Ltd., 2003. – 440 p.
59. Yip, V. *The Bilingual Child: Early Development and Language Contact* / V. Yip, S. Matthews. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. – XXII, 295 p.

В. И. Павлюкевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В работе исследуется эпистемологическая ценность логической культуры мышления в контексте формирования и функционирования языка и познания. Раскрываются явные и имплицитные формы логической культуры. Эксплицируются философско-эпистемологическая значимость и модальный статус логических отношений.

Ключевые слова: философия познания, логическая культура мышления, явная форма логической культуры, имплицитная форма логической культуры, логические отношения, модальный статус логических отношений, логико-эпистемологические аспекты познания

V. Pavlyukevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

LOGICAL KNOWLEDGE IN EPISTEMOLOGICAL ASSESSMENT

In the work the epistemological value of the logical culture of thinking in the context of the formation and functioning of language and cognition is investigated. Explicit and implicit forms of logical culture are revealed. Philosophical and epistemological significance and modal status of logical relations are explicated.

Keywords: philosophy of knowledge, logical culture of thinking, explicit form of logical culture, implicit form of logical culture, logical relations, modal status of logical relations, logical and epistemological aspects of knowledge

Логика относится к фундаментальным достижениям человеческой культуры. Она является существенным фактором языковой коммуникативной деятельности, явно или имплицитно содержится во всех актах рационального оперирования информацией. Как отчетливо осознаваемое явление культуры мышления, а в последующем как эпистемологически ценная область теоретического знания логика сформировалась в знаковый исторический период, который К. Ясперс назвал осевым временем (VIII–II вв. до н. э.). Это период, когда закладывался эпистемологически-цивилизационный базис развития человечества на многие последующие века, «когда, – как отмечает А. А. Ивин, – произошел резкий поворот в истории, появился человек современного типа и образовалась как бы ось мировой истории» [1, с. 618].

Логическая культура мысли в контексте формирования и функционирования языка и познания

Логическая культура мышления начинает формироваться вместе с языком. Чтобы язык как знаковая система выполнял смыслоформирующую, коммуникативную, социально-организационную и познавательную функции, он должен соответствовать определенным требованиям. Одним из наиболее важных среди этих требований является семантическая структурированность языка и его выражений. Потребность и практика общения способствуют формированию смыслового, семантически структурированного аспектов языка.

В ходе многотысячелетнего использования языка в качестве средства коммуникации и выражения мыслей постепенно происходит осознание, что некоторые мысли, выраженные в языке, сочетаются, то есть совместимы друг с другом, а некоторые – нет. Одни мысли каким-то образом обосновывают другие. Оказывается, что не только материальные предметы в мире как-то взаимосвязаны, но мысли и языковые формы их выражения тоже нередко связаны и некоторым образом зависят друг от друга в логико-семантических аспектах.

Для развернутого раскрытия эпистемологической значимости логической культуры мышления целесообразно рассмотреть логику в широком контексте философской методологии, ценностей познания и культуры.

Существенной характеристикой философии является ее нацеленность на исследование и раскрытие возможностей концептуального осмысления реальности и выявление важнейших факторов ориентации человека в бытии и своей деятельности с учетом прошлого, настоящего и предполагаемого будущего. При этом реальность понимается в самом широком смысле: материальная, идеальная; объективная, субъективная; реальность для отдельного человека, для социальной группы, прослойки, касты, стран, государств и народов. Все это рассматривается и трактуется с учетом конкретного исторического периода, социального типа общества, стиля мышления эпохи, специфики мышления индивидов и человеческих сообществ, общей картины мира и множества других аспектов социального и эпистемологического характера.

Теоретическая логика, согласно европейской культурной традиции, начинается с трудов Аристотеля. Характеризуя философско-эпистемологическую ценность логической культуры мышления, Стагирит утверждает: «...исследование начал умозаключения также есть дело философа, т. е. того, кто изучает всякую сущность вообще, какова она от природы...» [2, с. 125].

Эпистемологическую ценность логического знания, логической культуры мышления отмечали и подчеркивали после Аристотеля многие знаменитые исследователи. Так, авторы одной из известнейших книг, вышедшей во Франции на рубеже Средневековья и Нового времени (XVII в.), «Логика, или Искусство мыслить» Антуан Арно и Пьер Николь утверждают, что «логика есть искусство верно направлять разум в познании вещей, к коему прибегают как

для того, чтобы обучиться этому самим, так и для того, чтобы обучить других» [3, с. 30]. И. Кант трактует логику как науку о необходимых законах рассудка и разума [4, с. 120]. Дж. Ст. Милль, характеризуя значимость логики в исследовательской деятельности, отмечает, что эта наука является великим преследователем запутанного и темного мышления, что она рассеивает туман, скрывающий от нас наше невежество и вынуждающий нас думать, что мы понимаем предмет в то время, когда мы его не понимаем [5]. В. Минто тоже подчеркивает практическую значимость логики в процессе познания как средства, удерживающего нас от заблуждений: «Именно существование заблуждений и вызывает потребность в логике; она имеет значение как практическая наука, предохраняя ум от заблуждений. Исторически она именно так и произошла» [6, с. 25].

Во всех приведенных характеристиках и оценках логики отчетливо просматривается ее философско-эпистемологическая значимость. Фундаментальное определение этой науки, существенное для осмысления ее эпистемологической, философско-методологической ценности, дал Г. Фреге: «Логика есть наука о наиболее общих законах бытия истины» [7, с. 307]. Это определение указывает на эпистемологическую глубину целей логики и ее сущностную связь с философией познания.

Явная и имплицитная формы логической культуры

Рассматривая логику в широком контексте философии познания и интеллектуальной деятельности в целом, можно достаточно определенно отметить, что существуют различные формы реализации логической культуры мышления. Среди многих вариантов проявления логической культуры мысли здесь будут рассмотрены две формы: явная и имплицитная. Их можно различать на основании наличия или отсутствия какой-либо фиксации логических средств и методов, используемых в ходе рассуждения, развертывания и развития идей и концепций.

Явная форма логической культуры предполагает осознание, а нередко формулировку и фиксацию логических средств, используемых в рассуждении, в ходе развертывания и обоснования каких-то идей, теорий, концепций. Данная форма логического знания реализуется преимущественно в сфере теоретических исследований, когда есть необходимость указать основания каких-либо ходов в рассуждении.

На имплицитном уровне логической культуры мышления не формулируются, не фиксируются методы, средства, логические правила, схемы, законы, которые используются, предполагаются, подразумеваются в ходе рассуждения, диалога, развития идей, построения концепций и теорий. Как правило, на имплицитном уровне эти средства не констатируются, а иногда вообще и не осознаются.

Разграничение имплицитной и явной форм логической культуры мышления происходило постепенно, по мере развития логического знания и становления его в теоретическом виде. В общем плане логику можно охарактеризовать как науку, системным образом исследующую рассуждения, выявляющую их типы, основания, критерии и условия приемлемости, обоснованности. В связи с этим существенно отметить, что логика анализирует формы и способы оперирования языковыми смысловыми конструктами в процессе интеллектуальной коммуникации и познавательной деятельности.

Важность имплицитной формы логической культуры легко просматривается в известном утверждении Г. В. Ф. Гегеля, согласно которому, если бы люди не умели мыслить, не освоив законы логики, то с ними дело обстояло бы так же плохо, как если бы они не умели переваривать пищу, не овладев соответствующими знаниями по физиологии. Следует заметить, что это касается не только логических аспектов мышления. Подобным образом дело обстоит и в других областях человеческой деятельности. Например, в сфере архитектуры люди добивались выдающихся результатов, строили грандиозные сооружения задолго до того, как И. Ньютоном были открыты законы тяготения и влияние их на движение тел, а соответственно, и на устойчивость физических конструкций.

Широкая сфера реализации имплицитной формы логической культуры – это повседневное общение, беседы, диалоги, обсуждения каких-либо проблем, вопросов, всевозможные диспуты и ток-шоу. Крайне занудным показался бы человек, который всегда в ходе живой беседы формулировал бы все основания, в силу которых делается какое-либо высказывание, указывал бы схемы своих рассуждений и требовал бы этого от собеседников. В ходе коммуникации за пределами научного познания потребность в такой логической тщательности и строгости возникает крайне редко.

Иногда может создаваться впечатление, что в живом повседневном общении, беседе не появляется никакой специальной потребности в логике. На самом же деле логическая культура мысли лежит в основе любой рациональной интеллектуальной деятельности, подразумевается в любом акте рационального оперирования смысловыми конструктами.

Логическая культура мысли по значимости, по проявлению в некотором смысле похожа на воздух, который мы в основном не замечаем и обращаем специальное внимание, когда с ним возникают какие-то затруднения. Отчасти подобным же образом в ходе коммуникации, исследовательского развертывания мысли обстоит дело и с логикой. Когда все в коммуникации, в концептуальном построении, в смысловом логико-семантическом плане происходит корректно, логические аспекты этих процессов, как правило, не замечаются. На них обращается внимание при возникновении каких-то смысловых неувязок либо логико-семантической некорректности.

Аналогия с воздухом является конечно неполной: в некоторых простейших случаях логико-семантических неувязок, некорректностей в коммуникации, в изложении мыслей логические ошибки, как и перебои с воздухом, фиксируются сразу. Однако если проблемы с воздухом ощущаются всегда тотчас же, то логико-семантические некорректности порой остаются имплицитными. Иногда их выявление требует особого внимания и достаточно высокого уровня логико-семантической культуры, в истории познания известен знаменитый пример такого рода. В Древней Греции в IV в. до н.э. некто Эпименид много критиковал жителей острова Крит, давая им самые нелестные характеристики. При том он особо отмечал, что все критяне лжецы. Наблюдательный и остро мыслящий Евбулид, подметив, что сам Эпименид является критянином, усмотрел в этом имплицитную логико-семантическую проблему и сформулировал парадокс Эпименида: если критянин утверждает, что все критяне лжецы, то каким – истинным или ложным – является это его утверждение. В последующем эта проблема вошла в историю познания как знаменитый «Парадокс лжеца»: истину или ложь говорит человек, утверждающий «Я лгу»? Этот круг вопросов вызвал немало дискуссий и споров. В методологии познания данный парадокс привлекает интерес и в настоящее время.

Одной из сфер проявления и реализации логической культуры в имплицитной форме являются энтимемы. В широком смысле энтимема – рассуждение с пропущенными частями. Считается, что пропущенные части подразумеваются и в силу этого не формулируются явно. Иногда пропущенными могут быть какие-либо посылки, иногда – заключение. Имплицитно в некоторых случаях подразумевается, что пропущена какая-либо из посылок и заключение. Энтимемы широко вошли в обиход, но далеко не всегда собеседники могут восстановить все пропущенные части используемых ими в разговоре энтимем.

Энтимемой являются, например, строки известной песни: «В хоккей играют настоящие мужчины. Трус не играет в хоккей». Прочитав или услышав эти слова, в большинстве случаев говорят, что из данных двух утверждений следует, что трус – не настоящий мужчина. На самом деле такого следования нет. С помощью круговых схем Л. Эйлера в силлогистике легко показать, что высказывание «Трус не настоящий мужчина» логически не следует из приведенных двух высказываний из известной песни. Но это нетрудно показать и без схем, на простейших содержательных примерах. Если, допустим, человек, не умеющий кататься на коньках, не играет в хоккей (среди этих людей могут быть гимнасты, штангисты, боксеры, инженеры, артисты, режиссеры, ученые и др.), значит ли это (следует ли из этого), что он – не настоящий мужчина? Очевидно, что нет. Дело в том, что в составляющих энтимему песенных строках из первого высказывания «В хоккей играют настоящие мужчины», взятого в качестве посылки, выводится как заключение «Трус не играет в хоккей», а утверждение «Трус не настоящий мужчина» является пропущенной второй

посылкой, которая подразумевается. Без данной посылки утверждение «Трус не играет в хоккей» не следует из первого высказывания «В хоккей играют настоящие мужчины».

Энтимемой является и известное изречение, приписываемое обычно Аристотелю: «Платон – друг, но истина дороже». На самом деле у Стагирита нет утверждения с точно таким содержанием. В «Никомаховой этике» у Аристотеля присутствует рассуждение, которое в нестрогом пересказе имеет следующее содержание: некоторые утверждения, с которыми Аристотель не вполне согласен и считает их неистинными, сделаны уважаемым автором; но хотя этот автор и дорог Аристотелю, предпочтение следует отдавать истине. «Ведь хотя и то и другое дорого, долг благочестия – истину чтить выше» [8, с. 59]. При этом по контексту подразумевается, что идеи, с которыми Аристотель в данном случае не согласен, высказаны Платоном. Таким образом, если раскрыть логико-семантические аспекты широко используемого утверждения, ставшего афоризмом: «Платон – друг, но истина дороже», то это энтимема, которая имеет две пропущенные подразумеваемые части. Этими частями являются посылка – «Как друг он мне дорог» и заключение – «В случае расхождения того, что сказано Платоном, с истиной, предпочтение все же следует отдавать истине».

Энтимемами являются (во всяком случае, могут быть интерпретированы как энтимемы) известные изречения: «Дареному коню зубы не смотрят», «Не в свои сани не садись», «Тише едешь – дальше будешь» и многие другие пословицы и поговорки, аккумулирующие бытовую народную мудрость.

Следует, конечно же, учитывать, что одной из имплицитных форм реализации логической культуры мысли является интуиция. В сфере логического познания интуиция нужна исследователю так же, как математику, физику, инженеру, архитектору, полководцу, поэту, дирижеру, режиссеру и любому человеку, занимающемуся каким-либо поиском нового в соответствующей области деятельности.

В теоретической логике образцов явного использования логических средств познания, конечно же, много: построение логических концепций, теорий, систем, доказательство теорем и т.д. В качестве одного из примеров можно отметить, что на высоком теоретическом уровне в сфере философско-логических и социогуманитарных исследований широко и эффективно в явной форме специально целевым образом разрабатываемые логические средства и методы применяются в трудах выдающегося логика и философа А. А. Зиновьева «Логика науки» [9], «Логическая физика» [10], «Фактор понимания» [11] и др.

В целом логические средства познания, применяемые в явной и имплицитной формах, способствуют повышению уровня исследовательской культуры, имеют богатую историю эффективного использования в гуманитарных и естественнонаучных изысканиях.

Явная и имплицитная формы характерны не только для узкоспециальных логических аспектов знания, но и для логико-методологической культуры и развития познания в целом, в широком эпистемологическо-социальном контексте. Со времен Древней Греции широкую известность приобрела тема, связанная с софизмами. Софизмами считаются рассуждения, внешне якобы правильные, но содержащие какую-либо скрытую логическую ошибку. (Логические ошибки могут быть тоже явными и имплицитными.) Ошибка может быть легко заметной, но бывает и весьма завуалированной. Софизмы обычно трактуются как уловки, хитрости, разновидность интеллектуального мошенничества. Софистика в этом контексте характеризуется как явление отрицательное. Однако на софизмы можно посмотреть и с иной позиции. Так, А. А. Ивин отмечает, что «они имеют и другую функцию, являясь своеобразной формой осознания и словесного выражения проблемной ситуации» [12, с. 795]. Таковыми являются, например, проблемы отождествления объектов в связи с их постоянной изменчивостью и изменчивостью мира в целом, проблемы уяснения вопроса о том, что считать доказанным и ряд других. В данном контексте софизмы можно трактовать как «неизбежную на определенном этапе развития мышления неявную форму постановки проблемы» [12, с. 796]. В качестве одного из таких примеров можно взять, пожалуй, самый знаменитый софизм, который называется «Рогатый»: «То, что ты не потерял, ты имеешь; рога ты не потерял, значит, ты имеешь рога».

Нетрудно заметить, что данный софизм имплицитно содержит правильную схему рассуждения. Кроме того в данном софизме имплицитно указывается, что в случае использования ложных (сомнительных, неточных, неясных, двусмысленных) посылок правильная схема рассуждения может привести к ложному заключению. Очевидно, что двусмысленной является здесь фраза «ты не потерял». В одном смысле может подразумеваться «имел и не потерял», в другом – просто отсутствие факта потери. В первом случае вторая посылка «Рога ты не потерял» ложна, то есть в рассуждении с правильной схемой используется ложная посылка, что в итоге и ведет к ложному заключению. Во втором случае ложной будет первая посылка, что тоже здесь ведет к ложности заключения.

Иногда имплицитные истины требуют для своего выявления особых, сложных ходов мысли, порой же необходимо просто некоторое внимание к фактам. Известно, что при осуждении Сократа первое голосование решало вопрос о его виновности или невиновности. По имеющимся в литературе сведениям указывается, что число голосовавших было 501 [см. 13]. Из них за признание Сократа невиновным было подано 220 голосов. Для полного оправдания Сократу не хватило 31 голоса [13, с. 696, сноска 43].

После этого было выступление Сократа, в котором он обосновывал свою невиновность, но не выразил раскаяния, считая, что в силу ложности обвинений для раскаяния нет оснований. Затем последовало голосование по вопросу:

приговаривается ли Сократ к смерти? За такой приговор из того же состава участвовавших в голосовании отдали свой голос, как отмечается в некоторых исторических источниках [13, с. 696, сноска 50], на 80 человек больше, чем за признание Сократа виновным. Это значит, что 80 участников суда проголосовали за смертный приговор тому, кого они только что признавали невиновным. Причиной явилось отрицание Сократом своей вины, в обоснование чего он приводил доводы, которые, по его мнению, указывали на ложность обвинения. Очевидно, что Сократ в силу своей убежденности в ложности обвинения считал признание вины лицемерием и слабостью. На это он пойти не захотел даже перед угрозой смертного приговора.

Определенная имплицитность присутствует и в знаменитом тезисе Р. Декарта: «Мыслю, следовательно существую» (*Cogito, ergo sum*). Здесь из посылки «мыслю (я мыслю)», выводится заключение «существую (я существую)». Это вполне может трактоваться как энтимема, в которой подразумевается еще одна посылка: «если мыслю, то существую (если я мыслю, то я существую)».

Кратко можно отметить, что явные и имплицитные формы реализации исследовательских идей взаимодействуют и гармонично дополняют друг друга в процессе развития познания. Их трактовка нередко связана с широким эпистемологически-социальным контекстом.

Модальный статус логических отношений

Существенной эпистемологической характеристикой логических отношений между высказываниями, указывающей на их модальный статус, на их связь с модальностями, является их производность от законов логики, что важно отметить в широком контексте формирования и развития логической культуры познания.

Все важнейшие логические отношения между высказываниями можно определить на базе законов логики. Методологически целесообразно показать взаимосвязь логических отношений и законов логики в развернутом виде, что и делается в следующих дефинициях.

D 1. Формулы A и B совместимы по истинности, е.т.е. (если и только если) $\neg (A \wedge B)$ – не закон логики.

D 2. Формулы A и B несовместимы по истинности, е.т.е. $\neg (A \wedge B)$ – закон логики.

D 3. Формулы A и B совместимы по ложности, е.т.е. $A \vee B$ – не закон логики.

D 4. Формулы A и B несовместимы по ложности, е.т.е. $A \vee B$ – закон логики.

D 5. Из формулы A логически следует формула B, е.т.е. $A \rightarrow B$ – закон логики.

D 6. Из формулы A логически не следует формула B, е.т.е. $A \rightarrow B$ – не закон логики.

D 7. Формула A логически подчиняет формулу B , е.т.е. $A \rightarrow B$ – закон логики и $B \rightarrow A$ – не закон логики.

D 8. Формулы A и B логически эквивалентны, е.т., $A \rightarrow B$ – закон логики и $B \rightarrow A$ – закон логики.

D 9. Формулы A и B находятся в отношении противоречия, е.т.е. $\neg (A \wedge B)$ – закон логики и $A \vee B$ – закон логики.

D 10. Формулы A и B находятся в отношении противоположности, е.т.е. $\neg (A \wedge B)$ – закон логики, $A \vee B$ не закон логики, $A \rightarrow B$ – не закон логики и $B \rightarrow A$ – не закон логики.

D 11. Формулы A и B находятся в отношении подпротивоположности, е.т.е. $A \vee B$ – закон логики, $\neg (A \wedge B)$ – не закон логики, $A \rightarrow B$ – не закон логики и $B \rightarrow A$ – не закон логики.

D 12. Формулы A и B логически независимы, е.т.е. $\neg (A \wedge B)$ – не закон логики, $A \vee B$ – не закон логики, $A \rightarrow B$ – не закон логики и $B \rightarrow A$ – не закон логики.

Выяснение связей логических отношений с законами логики позволяет отметить один из аспектов в трактовке статуса так называемых основных логических законов (законов непротиворечия, исключенного третьего и тождества). В истории развития логики, методологии и философии интерес к этим законам периодически повышается и их значимость подчеркивается. В то же время нет ни одной сколько-нибудь богатой логической системы, которая была бы построена с использованием в качестве аксиом только этих законов. Имеются системы, в которых отсутствует закон непротиворечия и/или закон исключенного третьего. Тогда в каком смысле их можно считать основными (как они нередко характеризуются)?

Одним из оснований для такой их трактовки, по-видимому, может считаться то обстоятельство, что первоначально в истории логики, как это видно на примере известного логического квадрата, все важнейшие логические отношения определялись на базе отношений совместимости (несовместимости) по истинности, совместимости (несовместимости) по ложности и логического следования (неследования). Но на эти отношения как раз и указывают данные законы: закон непротиворечия – на несовместимость двух противоречащих друг другу высказываний по истинности; закон исключенного третьего – на несовместимость таких высказываний по ложности. Закон же тождества фиксирует простейший и существенный случай отношения логического следования.

Модальный статус логических отношений можно эксплицировать их непосредственной редукцией к модальностям, что осуществляется в следующих дефинициях.

Dm 1. Формулы A и B совместимы по истинности, е.т.е. $\diamond (A \wedge B)$.

Dm 2. Формулы A и B несовместимы по истинности, е.т.е. $\neg \diamond (A \wedge B)$.

Dm 3. Формулы A и B совместимы по ложности, е.т.е. $\diamond (\neg A \wedge \neg B)$.

Dm 4. Формулы A и B несовместимы по ложности, е.т.е. $\neg \diamond (\neg A \wedge \neg B)$.

Dm 5. Из формулы A логически следует формула B, е.т.е. $\neg \diamond (A \wedge \neg B)$.
(Это соответствует известному определению К. И. Льюисом «строгой» импликации.)

Dm 6. Из формулы A логически не следует формула B, е.т.е. $\diamond (A \wedge \neg B)$.

Dm 7. Формула A логически подчиняет формулу B, е.т.е. $\neg \diamond (A \wedge \neg B)$ и $\diamond (B \wedge \neg A)$.

Dm 8. Формулы A и B логически эквивалентны, е.т.е. $\neg \diamond (A \wedge \neg B)$ и $\neg \diamond (B \wedge \neg A)$.

Dm 9. Формулы A и B находятся в отношении противоречия, е.т.е. $\neg \diamond (A \wedge B)$ и $\neg \diamond (\neg A \wedge \neg B)$.

Dm 10. Формулы A и B находятся в отношении противоположности, е.т.е. $\neg \diamond (A \wedge B)$, и $\diamond (\neg A \wedge \neg B)$, и $(\diamond (A \wedge \neg B) \wedge \diamond (B \wedge \neg A))$.

Dm 11. Формулы A и B находятся в отношении подпротивоположности, е.т.е. $\diamond (A \wedge B)$, и $\neg \diamond (\neg A \wedge \neg B)$, и $(\diamond (A \wedge \neg B) \wedge \diamond (B \wedge \neg A))$.

Dm 12. Формулы A и B логически независимы, е.т.е. $\diamond (A \wedge B)$, и $\diamond (\neg A \wedge \neg B)$, и $\diamond (A \wedge \neg B)$, и $\diamond (B \wedge \neg A)$.

Ясно, что, используя взаимоопределимость модальностей необходимости и возможности, предложенные определения логических отношений можно перестроить на базе модальности «необходимо».

В качестве краткого заключения следует отметить, что логические отношения – одна из центральных тем и существенных проблем логической науки. С осознанием и уяснением логических отношений связано формирование логической культуры мышления в процессе формирования и функционирования языка. Через наличие и выявление тех или иных логических отношений осуществляется реализация имплицитной и явной форм логической культуры мышления и гармоничное сочетание этих форм в познании. Предложенная здесь экспликация модального статуса логических отношений и их непосредственной связи с законами логики способствует раскрытию философско-эпистемологической ценности логической науки и логической культуры мышления в философии познания.

Список использованных источников

1. Ивин, А. А. Осевое время / А. А. Ивин // Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – С. 618.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1976–1983. – Т. 1. – 1976. – С. 63–368.
3. Арно, А. Логика, или Искусство мыслить / А. Арно, П. Николь. – М. : Наука, 1991. – 415 с.
4. Кант, И. Логика. Пособие к лекциям / И. Кант // Трактаты и письма / И. Кант. – М. : Наука, 1980. – С. 319–444.
5. Милль, Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Дж. Ст. Милль ; пер. с англ. под ред. В. Н. Ивановского. – М. : изд. Г. А. Лемана, 1914. – LXXXI, [2], 880 с.

6. Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – СПб. : Комета, 1995. – 464 с.
7. Фреге, Г. Логика и логическая семантика : сб. тр. / Г. Фреге ; . пер. с нем. Б. Бирюкова. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
8. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1976–1983. – Т. 4. – 1983. – С. 53–295.
9. Зиновьев, А. А. Логика науки / А. А. Зиновьев. – М. : Мысль, 1971. – 270 с.
10. Зиновьев, А. А. Логическая физика / А. А. Зиновьев. – М. : Наука, 1972. – 192 с.
11. Зиновьев, А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М. : Алгоритм Экспо, 2006. – 528 с.
12. Ивин, А. А. Софизм / А. А. Ивин // Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарика, 2004. – С. 795–796.
13. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. : пер. с древнегреч. / Платон ; общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.]; авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев ; примеч. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1990–1994. – Т. 1. – 1990. – 860 с.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 141.319.8:165.742:572.1

Поступила в редакцию 21.03.2022

Received 21.03.2022

В. Н. Калмыков

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
Гомель, Беларусь

СУЩНОСТЬ И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ТРАНСГУМАНИЗМА

Многообразие философской проблематики обуславливает сложную структуру целостной философии. Философия, предметом которой являются отношения «человек – мир» и «человек – человек», исследует всеобщие основания существования человека в мире, вырабатывает ориентации его жизнедеятельности, поднимается до осознания целей и смысла жизни индивидуума. Одним из звеньев (разделов) философии является философская антропология. В статье обсуждаются вопросы о сущности и природе человека, о проявлениях современного антропологического кризиса. Одним из средств преодоления антропологического кризиса выступает трансгуманизм. Автор выдвигает задачу продемонстрировать неоднозначные последствия трансгуманизма. В противовес традиционному взгляду на сущность человека, его биосоциальную природу в статье дается более универсальная структура человека (природно-социо-духовная) и поднимается вопрос о возможных двумерной и трехмерной моделях человека.

Ключевые слова: философская антропология, трансгуманизм, сущность человека, природа человека, антропологический кризис, модель, социальность, процессуальность

V. Kalmykov

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

ESSENCE AND NATURE OF HUMAN AND CONTRADICTIONS OF TRANSHUMANISM

The variety of philosophical issues determines the complex structure of an integral philosophy. Philosophy, the subject of which is the relationships “human – the world” and “human – human”, explores the universal foundations of human’s existence in the world, develops the orientation of human’s vital activity, reaches the awareness of the goals and meaning of life. One of the parts (sections) of philosophy is philosophical anthropology. The author’s aim is to discuss issues about the essence and nature of man, about the demonstration of the modern anthropological crisis. One of the means of overcoming

anthropological turmoil is transhumanism. The author puts forward the task of demonstrating the ambiguous consequences of transhumanism. In contrast to the traditional view of the essence and the biosocial structure of person, the article provides a more universal picture of human (natural-socio-spiritual) and raises the question of possible two-dimensional and three-dimensional models of human.

Keywords: *philosophical anthropology, transhumanism, human essence, human nature, anthropological crisis, model, sociality, processuality*

Проблематикой человека занимались многие мыслители. Выделим взгляды лишь некоторых философов. Сократ избрал принципом своих размышлений суждение «Познай самого себя» и определил суть антропного принципа: мир создан так, чтобы в нем мог существовать человек. Аристотель первым ввел термин «антропология». Этот античный философ полагал, что человек есть общественное животное, наделенное разумом, нравственно совершенствующееся в справедливом государстве, выдвинул идею последовательного усложнения организации живых существ («лестницы существ»). Аристотель дал набор признаков (сторон, элементов) человека: природность (животное), социальность (общественное животное, совершенствующееся в государстве), разумность, нравственность и динамичность (диалектический подход к человеку).

Средневековый мыслитель Фома Аквинский видел в человеке единство тела и души, рассматривал его как существо, промежуточное между животным и ангелом. В человеке философ усматривал трагическую расколотость (противоречивость. – В. К.): он владеет божественным даром – свободной волей и одновременно находится в зависимости от своих страстей и влечений. Таким образом, человек понимался как сумма сторон (тела и души) и как развивающийся процесс (через противоречивость). В Новое время было обращено внимание на внутренний мир человека. Б. Паскаль отмечал, что человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – мыслящее существо, это и чудовище, и чудо, бессмысленный земляной червь и хранитель истории, сор и слава Вселенной [1, с. 110]. Аналогично рассуждал и Ж.-Ж. Руссо: человек – испорченное животное, но размышляющее.

Позже к аристотелевскому термину «антропология» И. Кант добавил слово «философская». Данное дополнение было значимым, так как человека изучают многие научные дисциплины, а немецкий мыслитель имел в виду познание человека с позиций философии. Исходя из понимания человека как существа, принадлежащего двум мирам – природной необходимости и нравственной свободы, И. Кант разграничивал философскую антропологию в физиологическом и прагматическом отношениях. Физиологическая антропология дает представление о том, что делает естественная природа из человека, а прагматическая – что человек делает из себя сам [2, с. 35]. Конечно, человек не только продукт природы, о чем писал философ, но и сам оказывает воздействие на нее.

Суть более позднего (конец XIX в.) толкования понятия «философская антропология» сводится к учению о природе и сущности человека. Г. В. Ф. Гегель полагал, что свою духовную сущность человек реализует, преодолевая природность, через включение в многообразие отношений общественной жизни (семья, собственность, государство, право и т.д.). Согласно Ф. Энгельсу, человек всей плотью и кровью принадлежит природе. Однако главное в характеристике человека – социальная обусловленность. В рамках социальности проявляется такая черта человека, как духовное проникновение в мир. Ф. Энгельс отметил: орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше (и глубже. – *В. К.*), чем глаз орла [3, с. 148].

Философская антропология в XX в. приобрела интегративный характер. Так, Э. Кассирер определил человека как животное, изобретшее символы и живущее в их мире, а М. Шелер утверждал, что человек есть существо открытое, находящееся в становлении. Н. А. Бердяев полагал, что миры обыденной жизни, религиозный, научный, художественный, хозяйственный, политический кладут печать на формирование личности. Как и предшествующие философы, русский мыслитель видел диалектическую противоречивость человека: он ограничен и бесконечен, потенциально заключает в себе все, но реализует лишь немного. Он есть существо, недовольное собой и способное себя перестраивать. Человек, согласно А. Гелену, изначально был обречен на труд по причине своей природной слабости. Ключевыми при описании интегративного человека у этого философа выступают понятия «действие» (связано с категорией «труд»), «сообщество», «культура». Г. Плеснер описывал человека в единстве его биофизических и духовных сторон, а управление своей жизнью человек осуществляет на базе культуры. Достигнув чего-либо, человек не может успокоиться и стремится к самоизменению [4, с. 84].

Первый президент Римского клуба, исследовавшего глобальные модели развития человечества, А. Печчеи, анализируя тотальную технизацию жизни в своей книге «Человеческие качества», отметил необходимость «человеческой революции» через развитие интеллектуальных, чувственных и телесных способностей человека [5]. Глава 7 данного произведения так и называется: «Человеческая революция». Автор подчеркивает, что «через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно использовать огромный потенциал современной цивилизации “для благих целей”», при этом «определяющее значение в любом человеческом предприятии имеют качества самих действующих лиц» [5, с. 14, 48]. Свой скромный вклад в разработку идеи о значении человеческих качеств внес и автор настоящей статьи в брошюре «Научно-технический прогресс и развитие новых качеств работника» [6], выполнив анализ тенденции интеллектуализации труда, развития компетентности, творчества, организаторских способностей, ориентации на знания, самостоятельности, инициативности, соединения в человеке функций исполнителя и организатора, осознания самооценности своего существования и др.

Современная философская антропология анализирует все слои жизни человека (инстинкты, влечения, эмоции, интеллект, разнообразные способности и т.п.), изучает межличностные отношения, акты признания «другого», взаимоприобщения благодаря сопереживанию или общности языка и т.п. По мнению ряда философов, задача состоит в том, чтобы с помощью физиологии, медицины и психотехники сделать труд более здоровым, приспособить вещественный элемент производительных сил к субъективному фактору производства – человеку. Для контроля над научно-техническим прогрессом важны как внешние меры – совершенствование способа общественной жизни, так и внутреннее усилие человека, при котором он исходит из своего разума, эмоций, воли, любви и других движений души, тем самым достигая целостности личности и гармонии мира.

Философская антропология выявляет основы и сферы человеческого бытия, индивидуальности (уникальности) и коммуникативности личности, смысл существования человека, его творческих и стандартных возможностей, сущности и природы и др. Человек – продукт среды (естественной и социальной) и одновременно автор (актор) истории и мира культуры. Осмысливая и оценивая реальность, он выступает как действующий игрок (актер), выполняющий различные функции (роли) на сцене истории, является производительной, социальной, политической и духовной силой общества. Важнейшими формами человеческого бытия выступают труд, мышление, речь, нравственность, разнообразные виды практики, самосозидание и др. Модусами существования человека являются отчуждение, страх, страдание, фантазия, игра, любовь и др.

Остановимся на проблеме выяснения сущности и природы человека и назовем некоторые точки зрения философов по этому вопросу. Человеческая сущность выражается, согласно Б. Спинозе, через желания, а по мнению Л. Фейербаха – в общении. Указывается, что человек – пучок привычек (Ч. С. Пирс); существо, наделенное, в отличие от животных, религиозностью (Веркор), способное оценивать, наделять смыслом личности, предметы, явления [7, с. 511]. Если Сократ определял человека через его самодостаточность, а Р. Декарт и И. Кант сводили человеческую сущность к субъективности, то К. Маркс ее представил парадигмой интерсубъективности. Наиболее распространенной в литературе является позиция, согласно которой сущность человека, по Марксу, есть совокупность всех общественных отношений [8, с. 3].

Впрочем, некоторые авторы расширительно интерпретируют концепцию К. Маркса по вопросу о сущности человека. Так, П. Н. Кондрашов указывает, что если попытаться систематизировать взгляды немецкого философа, то родовая сущность человека оказывается следующей:

в онтологическом аспекте как универсальность, то есть независимость от ограничений, налагаемых природой и инстинктами;

в социально-философском – как ансамбль общественных отношений;

в экзистенциальном – как страдание, как способность к переживанию своего бытия-в-мире и равнодушного отношения к миру;

в социально-историческом – как темпоральность и историчность, ибо человек находится в абсолютном движении становления;

в философско-антропологическом – определение родовой сущности человека через практику.

Под практикой (праксисом) понимается свойственное только человеку диалектическое единство (тотальность) материальной и психической (целеполагающей, рассудочной, ментальной, когнитивной, эмоциональной) социальной предметной преобразующей активности человека [9, с. 39, 41].

Если сущность раскрывает внутреннюю, глубинную, фундаментальную основу человека, то природа – многообразие проявлений человека, совокупность важнейших его признаков.

Человеку по природе свойственны следующие черты:

он земное творение (лишь опосредованно человек является продуктом космоса, ибо планета Земля – составная часть космической эволюции);

входя в естественную природу, человек вычленяется из нее и возвышается над ней, то есть бытие человека социально-природное;

как и высшие животные, человек имеет психику;

это существо, определяемое влечениями, связанными с продолжением рода, поддержанием жизнедеятельности организма, механизмами питания и т.п.;

человек обладает рассудком, разумом, ценностями, этическими и эстетическими качествами;

он существо общительное, коммуникативное, символическое, сочетание сознательного и бессознательного [10, с. 151, 152].

Назову еще характеристики природы человека:

поскольку человек включен в культуру и разнообразные знаково-символические системы, он есть не только естественное, но и искусственное существо [11, с. 3];

человек – развитая психоэмоциональная система, ему присущи умение хранить историко-культурные ценности, а также сочетание когнитивной гибкости и шаблонизации в познании и деятельности;

нацеленность и на массовое производство, и на клиентную ориентацию. Последнее выражается в том, что процесс производства персонализируется, соответственно происходит демассификация рынка.

С одной стороны, человек встраивается в гомотехногенную систему, растворяется в ней, а с другой – производство становится ментальным, все больше проявляется личностное начало. В экономике сосуществуют две тенденции: она интернационализируется и вместе с тем децентрализуется, что позволяет более глубоко и быстрее реагировать на изменяющиеся запросы населения и внедрять новшества.

Сущность и природа человека дополняют друг друга и в целом дают целостную картину бытия человека.

Человек представляет собой не только совокупность, ансамбль сторон, элементов, характеристик (вещь), но и развивающийся процесс. Так, человек эпох дикости и варварства был умелым, рассудочным, говорящим, оперирующим простыми орудиями труда. Человек цивилизованный дополнительно приобретает новые свойства: он уже гражданин, опирающийся на право, технологический, политический, познающий научно и т.д. Наука и философия утверждают, что эволюция человека продолжается: действует стабилизационный и сдвигающий естественный отбор, происходит изменение психофизических функций [12, с. 144], осуществляется эволюция нейронных систем мозга.

На общем фоне прогресса и усложнения человека имеет место и противоположная тенденция. За последние сто лет человек вырос в среднем на 10 сантиметров, но в условиях роста техносферы стал физически слабее и менее выносливым, менее подвижным, что порождает дисбаланс между физическим и умственным развитием. Массовое использование различных добавок в продукты питания нарушает сложившийся химический состав организма. Переконструирование биологической основы человека (усиление умственных и физических способностей, улучшение функционирования нервной системы, стрессовые нагрузки и т.д.) открывают новую зону риска. У некоторых людей происходит утрата смысла существования в условиях «пограничного», неопределенного состояния социума и человека. К антропологическому кризису ведут также рост девиантного поведения, падение нравов на фоне роста прагматизма, абсолютизация вещей и денег в отрыве от иных ценностей, чрезмерное распространение виртуального общения взамен живого, а также нетрадиционного, отклоняющегося от естественного интимного поведения.

Затронем ныне часто обсуждаемую проблему противоестественного интимного поведения у части людей. Искусство, отражая реальную жизнь, на протяжении сотен лет воспекает дуализм мужского и женского начал. У писателя эпохи Возрождения Дж. Боккаччо в «Декамероне» во множестве разных тем царит Эрос. Поэт XX века С. Есенин – приверженец естественных отношений между представителями противоположных полов:

Я среди женщин тебя не первую...
Немало вас.
[13, с. 153]

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну.
[14, с. 165]

Одним из путей преодоления антропологических проблемных неурядиц, по мнению ряда ученых, выступает трансгуманизм (от лат. *trans* – сквозь, через и *homo* – человек) – философская концепция и международное движение,

опирающееся на идею улучшения свойств человека (физических, умственных, эмоциональных и др.) с помощью науки и передовых технологий. Директор Центра развития демократии и верховенства закона в Стэнфордском университете Ф. Фукуяма в первое десятилетие XXI в. в книге «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции» писал о грядущем «конце человека», превращающегося в постчеловека, а видный представитель французского структурализма М. Фуко размышлял о «конце человеческого».

Проблемное поле трансгуманизма «питается», прямо или косвенно, идеями выдающихся представителей постнеклассической философии.

Анализируя эпоху XX века, постнеклассические философы называют достоинства этого временного периода: стремительное развитие техники, науки, индустрии развлечений, бытового комфорта, и т. д. Вместе с тем исследователи характеризуют черты этого времени как «незрелость и утомление», что порождает опасности: средства жизни превосходят ее цели; объективные образования культуры обретают самостоятельное развитие и становятся чуждыми субъективной культуре. Х. Ортега-и-Гассет жизнь сравнивал с кораблекрушением, размышлял о проблеме «жизненной дезориентации», выражающейся в том, что жизнь индивида приобрела неопределенность, а ценности стали размытыми [15, с. 309].

Наиболее известные современные представители трансгуманизма – Ф. М. Эсфендиари, Р. Эттингер, М. Мински, Э. Дрекслер и др. Один из основателей трансгуманистического движения футуролог Ф. М. Эсфендиари (FM-2030) был убежден, что искусственные органы тела, культура освободят человека от его современных страданий, определял транслюдей как новых существ, порожденных из современных прорывов в науке и технике, и считал необходимым планирование будущего [16]. Специалист в области нанотехнологий, теоретик создания молекулярных нанороботов Э. Дрекслер придумал термин «серая связь», чтобы описать то, что может произойти, если гипотетически самовоспроизводящаяся молекулярная нанотехнология выйдет из-под контроля человека. Он предложил идею «ассемблера», который будет в состоянии построить копию себя и других объектов произвольной сложности [17]. Итак, согласно трансгуманизму, проблематичность и процессуальность современного мира сопровождается проблематичностью и динамизмом человека в мире.

Последствия распространения идей трансгуманизма в обществе противоречивы. Включение в человеческое тело искусственных органов – различных протезов, кардиостимуляторов, разумно и необходимо для повышения продолжительности жизни и эффективности функционирования организма. Однако проблемной является оценка вживления чипа в человеческий мозг, ведь это принципиально меняет сам способ общения, включения индивида в общество. Кроме того, существо с чипом с большей долей вероятности будет подвержено зомбированию. Трансгуманисты делают ставку на переконструирование

естественной основы человека (усиление умственных и физических способностей, улучшение функционирования нервной системы и т.д.). Но при перестройке каких-то генов, программирующих определенные свойства организма, возможно искажение других свойств, нарушение естественного саморазвития организма. Следует учитывать также то, что применение современных технологий может создать резкое различие между индивидами, так как лишь богатые люди могут воспользоваться дорогостоящими новейшими достижениями науки.

Главное достоинство трансгуманизма состоит в том, что он нацелен на гуманизацию (антропоморфизацию) экономической деятельности. Смысл антропоморфизации выражается в следующем: технические средства, содержание труда должны способствовать проявлению свойств и природы человека и учитывать его возможности и способности. Экономическое развитие связано с состоянием человека, его здоровьем, образованием, профессиональными навыками и способностями, то есть техносфера и креативная работоспособность индивида дополняют друг друга. Успех достигается тогда, когда квалификация работника и уровень техники, содержание труда в целом соответствуют друг другу. По мнению Д. И. Дубровского, «постчеловек» в позитивном смысле может трактоваться как неочеловек, который развивает более широкое и глубокое видение реальности, новые цели и способы деятельности и укорененности в бытии. В человеческом сознании сохраняются фундаментальные ценностные структуры истины, творчества, любви, нравственного благородства, но в интенционально-смысловом плане они обретают более глубокое и во многом новое экзистенциальное значение [18, с. 12].

Согласимся с компромиссной, взвешенной точкой зрения на природу трансгуманизма: в процессе биотехнологической эволюции «человек не перестает быть человеческим существом, но становится все более технологизированным человеческим существом. Когда мы говорим о техночеловеке как результате такой эволюции, мы отнюдь не отождествляем его ни с постчеловеком, ни с биороботом. Техночеловек не приходит на смену человеку разумному, но является ступенью его развития – технологизированным человеком разумным» [19, с. 13].

Современный человек становится не только все более технологизированным, познающим и действующим научно, усложняющимся, но и в целом принципиально сохраняющим свою естественно-социо-духовную природу. Это – идеал и, как можно надеяться, все более противоречиво, с различными отклонениями утверждающаяся реальность.

В литературе превалирует взгляд на характеристику модели человека, согласно которому человек есть «биосоциальное существо» [20, с. 410; 21, с. 79]. К биологической и социальной составляющим порой добавляется духовный компонент и утверждается, что природа человека «интегративна – единство био-, социодуховных начал» [22, с. 128].

Природное в человеке, его тело, на наш взгляд, не сводится к биологическому. Один из основателей электрофизиологии Л. Гальвани обнаружил у животных и человека электрическое поле, а немецкий физиолог Г. Х. Бергер – существование электрических потенциалов, генерируемых мозгом. Британский философ Б. Рассел писал, что человек – частица физического мира, его тело, подобно остальной материи, состоит из электронов и протонов [23, с. 66]. В природном организме человека, помимо биологических и физических процессов, протекают также химические реакции. Кроме того, индивид еще выполняет функции механизма. Механические движения есть результат активности мышц, а мышечные (физические) усилия человека возникают благодаря биохимическим процессам. Последние разворачиваются в том числе в зависимости от состояния человеческой психики. Функционирование тела связано с работой мозга и нервной системы, а через них – с психикой, с духовной жизнью индивида, с состоянием наших чувств, мыслей, настроений. Вместе с тем работа духа в известном пределе зависит от здоровья человека. Все творимое и переживаемое человеком содержит духовное: замысел, цель, мотив, интерес или иное побуждение к действию. При этом биологическая составляющая выступает «ядром», главным звеном природного в человеке, что в некоторой степени оправдывает взгляды тех философов, которые понимают человека как биосоциальное существо.

Таким образом, на наш взгляд, возможны двумерная или трехмерная модель природы человека. Первая включает в себя природное и социальное в человеке, где духовное включено в социальное, ибо духовное «пронизывает» экономическую, социальную и политическую сферы социума. В трехмерной модели человека духовное выступает как особая самостоятельная субстанция (духовная жизнь, духовная сфера общества). Все фундаментальные структурные уровни природы человека находятся в состоянии совместного функционирования, взаимно подчинены друг другу.

Список использованных источников

1. Паскаль, Б. Мысли / Б. Паскаль. – М. : изд. имени Сабашниковых, 1995. – 480 с.
2. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Сочинения : в 6 т. – М. : Мысль, 1963–1966. – Т. 6. – 1966. – 743 с.
3. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1987. – 272 с.
4. Философская антропология // Современная философия: словарь и хрестоматия. – Ростов н/Дон : Феникс, 1995. – 511 с.
5. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи ; пер. с англ. О. В. Захаровой. – М. : Прогресс, 1980. – 302 с.
6. Калмыков, В. Н. Научно-технический прогресс и развитие новых качеств работника / В. Н. Калмыков. – М. : Наука и техника, 1976. – 72 с.
7. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Инфра-М, 1997. – 575 с.
8. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.]. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 3. – 1955. – С. 1–4.

9. Кондрашов, П. Н. Марксова концепция становления целостности человека / П. Н. Кондрашов // *Вопр. философии.* – 2020. – № 5. – С. 36–48.
10. Калмыков, В. Н. *Философия : учеб. пособие* / В. Н. Калмыков. – Минск : Выш. шк., 2020. – 320 с.
11. Лекторский, В. А. Возможны ли науки о человеке? / В. А. Лекторский // *Вопр. философии.* – 2015. – № 5. – С. 3–15.
12. Брызгалина, Е. В. Генетика человека, социогуманитарное познание и практика / Е. В. Брызгалина // *Филос. науки.* – 2015. – № 2. – С. 144–147.
13. Есенин, С. А. *Собрание сочинений : в 3 т.* / С. А. Есенин. – М. : Правда, 1970. – Т. 1. – 353 с.
14. Есенин, С. А. *Собрание сочинений : в 3 т.* / С. А. Есенин. – М. : Правда, 1970. – Т. 2. – 447 с.
15. Ортега-и-Гассет, Х. Письмо к немецкому другу / Х. Ортега-и-Гассет // *Современная философия: словарь и хрестоматия.* – Ростов н/Дон : Феникс, 1995. – 511 с.
16. FM-2030. Are You a Transhuman?: Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World / FM-2030. – Grand Central Pub, 1989. – 227 p.
17. Drexler, E. Engines of Creation: The Coming Era of Nanotechnology / E. Drexler. – Anchor, 1987. – 320 p.
18. Наука. Технологии. Человек : материалы «круглого стола» // *Вопр. философии.* – 2015. – № 9. – С. 5–39.
19. Алексеева, И. Ю. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека / И. Ю. Алексеева, В. И. Аршинов, В. В. Чеклецов // *Вопр. философии.* – 2013. – № 3. – С. 12–21.
20. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1980. – 444 с.
21. *Основы философии : учеб. пособие для вузов / рук. автор. колл. и отв. ред. Е. В. Попов.* – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 320 с.
22. *Философия и методология науки : учеб. пособие* / Ч. С. Кирвель [и др.]. – Минск : Выш. шк., 2012. – 639 с.
23. Рассел, Б. Почему я не христианин: избр. атеистические произведения / Б. Рассел. – М. : Политиздат, 1987. – 334 с.

М. А. Сокол

Фонд поддержки юридического образования и науки
имени профессора Сокола Степана Федоровича, Минск, Беларусь

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Сегодня диалог, возникающий на границе с дружесью, становится моделью языка, мысли, сознания, личности, общества, культуры, истории. Такое понимание диалога явилось мощным импульсом в развитии социально-философской мысли на пути интеграции: научной реальностью стало понимание личности как «диалогического Я», в лингвистике возникла диалогическая семантика, в социологии изучается диалогическая структура общества, существует диалогическая эстетика, педагогика, антропология и т.п. Диалог становится ведущим методом и методологией социальной философии и гуманитарных наук в целом.

Ключевые слова: диалог, диалогичность, диалогизм, язык, диалогическое общение, диалогическое взаимодействие, речь, социальный контекст

M. Sokol

Foundation for the Support of Legal Education and Science
named after Professor Stepan Fedorovich Sokol, Minsk, Belarus

DIALOGICAL PHILOSOPHY OF LANGUAGE IN DOMESTIC AND FOREIGN STUDIES

Today, dialogue is becoming a model of language, thought, consciousness, personality, society, culture, history, emerging on the border with otherness. Such an understanding of dialogue was a powerful impetus in the development of socio-philosophical thought on the path of integration: the understanding of the individual as a “dialogical self” became a scientific reality, dialogic semantics appeared in linguistics, the dialogic structure of society is studied in sociology, there is dialogic aesthetics, pedagogy, anthropology, etc. Dialogue is becoming the leading method and methodology of social philosophy and the humanities in general.

Keywords: dialogue, dialogism, dialogism, language, dialogic communication, dialogic interaction, speech, social context

Все идеи, связанные с общением, и ряд других, раскрывающих представления о человеке, мире, познании, образуют единый теоретический контекст, в котором появилась теория диалога, разработанная русским философом М. М. Бахтиным. До сих пор ведутся ожесточенные споры об истоках и источниках этой теории. Показательным в этом отношении является отдельный

том (vol. 97) «Bakhtin/ Bakhtin: The Archives and Beyond» американского ежеквартального журнала «South Atlantic Quarterly» [1, с. 172], в котором М. М. Бахтина называют двуликим Янусом, прибегая к метафоре, использованной самим философом по отношению к языку. Наиболее полную картину теоретических источников диалогической концепции языка и коммуникации можно найти в примечаниях и комментариях составителей академического издания трудов мыслителя, начатого к его 100-летию в 1995 г.

Диалогическая концепция языка, изложенная М. М. Бахтиным в его фундаментальном труде «Марксизм и философия языка», весьма показательна и может рассматриваться как диалог-спор с монологической концепцией языка швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра. Эти две модели языка представляют язык антиномически: с одной стороны, как статическую структуру, «набор инструментов», имеющийся у любого говорящего, которым он пользуется по определенным правилам; с другой стороны, как динамический интересубъективный процесс, в котором происходит становление и языка, и самих говорящих [2, с. 19].

На семиотическом уровне принципиальная разница в этих подходах заключается в том, как решается вопрос об условиях появления языковых знаков, так как понимание знака как единства означаемого и означающего (формы и содержания) одинаково и у М. М. Бахтина, и у Ф. де Соссюра. Для русского философа знаки не существуют самостоятельно, вне совместной социальной деятельности людей. Они появляются только как часть этой деятельности, в пределах которой они действительно используются для замещения чего-то другого, как посредники, как *medium*. М. М. Бахтин решительно отвергает понимание языка в качестве абстрактной системы знаков и рассматривает дифференциальную сторону знака в широком контексте социальной практики. «Абстрактный объективизм» языковой системы Ф. де Соссюра для русского ученого – фикция, такая же, как и индивидуальный речевой акт. Индивидуальное высказывание – *parole* – не является индивидуальным фактом, не допускающим социологического анализа в силу своей индивидуальности, так как общие черты всех индивидуальных речевых актов порождают социальные результаты. Реальностью языка выступает речевое взаимодействие – «речевая цепь высказываний», в которой каждое звено, то есть высказывание, социально. «Бытие, отраженное в знаке, не просто отражено, но преломлено в нем... скрещением разнонаправленных социальных интересов в пределах одного знакового коллектива» [2, с. 28]. Мысль о знаковом преломлении бытия в потоке высказываний очень важна для понимания еще одного расхождения со швейцарским лингвистом – в толковании значения, или означаемого. Для Ф. де Соссюра значение – это отношение данного знака к другим знакам. Для М. М. Бахтина значение возникает только в месте контакта знака с реальностью, социальным контекстом. Значение полностью определяется контекстом. «В сущности, – пишет русский философ, – сколько контекстов употреб-

ления данного слова, столько его значений» [цит. по: 2, с. 175]. Поэтому множественность значений – конститутивный признак слова [2, с. 180].

Значение диалогично по природе и «принадлежит слову, находящемуся между говорящими, то есть оно осуществляется только в процессе ответного, активного понимания» [2, с. 185]. Слова играют важную роль в живом процессе социального взаимодействия, где значение всегда сопровождается оценкой, «ценностным акцентом», в то время как структурализм «онтологизировал» и превратил значение «в идеальное бытие, отрешенное от исторического становления» [2, с. 187]. «Значение, – утверждает мыслитель, – в сущности, ничего не значит, а лишь обладает потенцией, возможностью значения в конкретной теме» [цит. по: 2, с. 188], которая принадлежит целому высказыванию.

Понятие значения играет важную роль в философии языка М. М. Бахтина. С традиционной точки зрения эта идея может показаться теоретически несостоятельной. Если значения не зафиксированы и не тождественны для всех говорящих, то как можно понять окружающий мир? Другими словами, это, казалось бы, приводит к ситуации, при которой возможно такое же бесконечное множество значений, как и ситуаций общения, то есть к релятивистскому положению «все, что угодно», когда любое выражение может иметь любое значение. Однако возможность значения несовместима с релятивизмом или субъективизмом. Диалогическая философия языка – это теория значения как употребления. Возможность значения возникает из социальной деятельности, она не рождается только в силу индивидуального желания или воли, интенции. Напротив, значение следует рассматривать как типичный, конвенциализованный способ деятельности в определенных социальных ситуациях. В связи с этим можно вспомнить, что австрийский философ Л. Витгенштейн считал свое исследование направленным «не на явления, а, можно сказать, на возможности явлений. То есть мы напоминаем себе о типе высказывания, повествующего о явлениях» [3, с. 154]. Близкие идеи высказывал и французский исследователь Р. Барт, считавший, что слово не имеет значения, оно – только возможность значения, приобретаемого в конкретном тексте. Более того, каждое новое прочтение текста создает новое значение, читающий как бы пишет свой собственный текст заново [4, с. 189].

Обобщая споры между М. М. Бахтиным и представителями структурализма, американский исследователь наследия русского философа К. Эмерсон подчеркивает, что он смотрел на мир, в котором мы живем, как мир потенциальной формы. Реализация формы не происходит мгновенно, как раскрытие чего-то предсуществующего: отдельные элементы формы проявляются как результат осмысления, работы, морального выбора. Чтобы выжить, они нуждаются в контексте – «питательной среде» [5, с. 191]. Эта же мысль подчеркивается и в работах Н. К. Бонецкой о М. М. Бахтине [6, с. 79].

Таким образом, основные расхождения в подходах к языку у Ф. де Соссюра и М. М. Бахтина сводятся к двум моментам: 1) чем определяется значение языковых знаков и 2) существуют ли прямые, непосредственные отношения между означаемыми и означающими. Если для швейцарского исследователя ответы на эти вопросы даются на абстрактном, понятийном уровне, благодаря чему объект лингвистики получает четкие границы, то для русского ученого ответы на эти же вопросы – на границе с реальной речевой практикой, с социальным контекстом речевого взаимодействия конкретных говорящих. Отсюда – живая связь общения, познания и самопознания, объединяющая роль диалога, конститутивная роль контекста и огромный творческий потенциал самой диалогической модели языка. Последний момент особенно важен при рассмотрении художественного текста, так как позволяет не только продемонстрировать прототипичность диалога в творчестве, но и проанализировать сам текст как модель творческого процесса [7, с. 204].

Наряду с серьезными расхождениями во взглядах на язык, Ф. де Соссюра и М. М. Бахтина удивительно сближает синхронический подход к его анализу. На фоне преобладавшего в начале XX в. сравнительно-исторического языкознания (изучения языка в диахронии) интерес к тому, как функционирует язык в обществе, обеспечивая понимание, стабильность и преемственность в этом обществе, означал решительный поворот и смену общего курса социально-философских и лингвистических исследований. Ф. де Соссюр и М. М. Бахтин делали лишь разные акценты в своих исследованиях синхронического аспекта языка. Если первого интересовали прежде всего вопросы функционирования языка как коммуникативной системы в целом, то второй сосредоточил свое внимание на коммуникативном процессе, процессе языкового творчества. И в этом плане их подходы дополняют друг друга [7, с. 242].

Интерес М. М. Бахтина к языковому и литературному творчеству объясняет и его пристальное внимание к тому направлению философии языка, которое он назвал «индивидуалистическим субъективизмом». Крупнейшими представителями этого направления являются В. Гумбольдт, А. А. Потенбня, К. Фосслер, Л. Шпитцер и Б. Кроче, которые оказали огромное влияние на развитие философской, лингвистической и эстетической мысли в Европе и России. Подробно анализируя взгляды каждого из них, М. М. Бахтин выделяет то общее в их подходе к языку, что позволяет их объединить: рассмотрение индивидуально-творческой природы языка. Признавая язык как «непрерывный процесс становления», то есть творчества, философ в корне расходится с этим направлением в отношении среды творчества. Для него это – социальная среда речевого взаимодействия, так как «творчество языка не совпадает с художественным творчеством», хотя его и нельзя понять «в отрыве от наполняющих его идеологических смыслов и ценностей». По мнению М. М. Бахтина, индивидуальный речевой акт – это «*contradictio in adjecto*» [8, p. 15]. Утверждая, таким образом, социальную природу творчества и языка в целом, русский

мыслитель вместе с тем не отвергает ни одну из анализируемых им теорий целиком; он лишь подчеркивает, с чем согласен и с чем не согласен в рассматриваемых теориях: «Индивидуалистический субъективизм прав в том, что единичные высказывания являются действительной конкретной реальностью языка и что им принадлежит творческое значение в языке. Но индивидуалистический субъективизм не прав в том, что игнорирует и не понимает социальной природы высказывания и пытается вывести его из внутреннего мира говорящего как выражение этого мира. Структура высказывания и самого выражаемого переживания – социальная структура. Стилистическое оформление высказывания – социальное оформление, и сам речевой поток высказываний, к которому действительно сводится реальность языка, является социальным потоком. Каждая капля в нем социальна, социальна и вся динамика его становления» [8, p. 23].

Далее философ отмечает, что это направление, как и структурализм Ф. де Соссюра, «исходит из монологического высказывания», и при этом выделяет подход представителя эстетического идеализма Л. Шпитцера, анализирующего разговорную речь «в тесной связи с условиями говорения и прежде всего – с постановкой собеседника», но без «принципиально-социологических выводов» [8, p. 42].

Русский мыслитель опирается в своих исследованиях на замечания, находки и открытия в области языкового творчества – на работы не только К. Фосслера и Л. Шпитцера, но и таких философов эстетического направления, как Ф. Шеллинг, Ф. Шлегель, Ф. Фишер и др. Так, через все сочинения М. М. Бахтина проходит мысль Ф. Шлегеля о том, что «романы – это сократические диалоги нашего времени [8, p. 123]. Русский философ не раз подчеркивает идею о том, что истоки его понимания романа как «полифонического» жанра – в диалогах Сократа [8, p. 139].

Споры о природе языка ведутся с незапамятных времен. Существует ли он (язык) как идеальный объект до коммуникации или получает жизнь только в реальном общении? Идеологические и методологические корни этих вопросов уходят в античные споры между логикой и риторикой, Платоном и софистами. Различные проявления этих споров лишь подчеркивают сложную природу языка, существование его в двух ипостасях: реальной и умообразной, в дихотомии: язык и речь, *langue* и *parole*, *ergon* и *energeia*. Вопрос сегодня переформулируется: его классическая постановка в духе диалектики, то есть как противопоставления, взаимоисключения (или/или), уступает место диалогической постановке, то есть сопоставительной (и...и).

Европейская научная традиция складывалась в рамках формально-логического понятийного аппарата, идущего от Аристотеля и закрепленного Р. Декартом в жестком принципе тождества ($A=A$). Эта картезианская рациональность исключает возможность видеть объект в его других проявлениях. Все объекты самотождественны, анализируются изолированно, в противопостав-

лении друг другу, без учета их взаимодействия. Познающий их субъект – центральная фигура в мире познания (*Cogito, ergo sum*) [8, p. 141]. Вследствие картезианской рациональности язык предлагалось изучать либо как систему знаков (Ф. де Соссюр и все разновидности структурализма), либо как живую речь (К. Фосслер, Л. Витгенштейн, французский постструктурализм).

Теориями, прокладывающими мост (*a bridging theory*) между этими двумя подходами к изучению языка, считаются русская философия имени, идущая от Платона, И. Канта, В. Гумбольдта, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, а также диалогическая философия М. Бубера, Ф. Розенцвейга, Э. Розеншток-Хюсси и М. М. Бахтина, ведущая начало от тех же источников мысли [9, с. 23].

В теории диалога М. М. Бахтина творчески переработаны все идеи, связанные с участием языка в общении, познании мира и становлении сознания, то есть личности. Он впервые показал единство коммуникации и когниции на примере словесного творчества.

Непосредственным предшественником М. М. Бахтина является М. Бубер, который в своем программном сочинении «Я и Ты» излагает основную идею философии диалога: Я является не субстанцией, а отношением с Ты, благодаря чему осуществляется истинное предназначение человека [9, с. 36]. Речь, являющаяся основой человеческого бытия, согласно М. Буберу, признается «истинным признаком межчеловеческого сосуществования». Само бытие понимается как диалог между Богом («вечным Ты») и человеком, человеком и миром. Отношение между Я и Ты рассматривается не как субъективное событие, так как Я не представляет (не субъективирует) Ты, а встречает его. Понятие «между» подчеркивает разрыв как особую дистанцию между Я и Ты, являющуюся тем местом, где реализуется истинное бытие человека диалогического, где раскрываются те черты личности, которые несводимы к ее ментальным, физическим, психическим свойствам. «Истинный разговор, то есть каждая аутентичная реализация отношения между людьми, означает соглашение инаковостей» [9, с. 64].

Другой диалогист Ф. Розенцвейг так сформулировал принцип диалогического мышления: «С точки зрения Нового мышления, я мыслю, следовательно, я говорю. Говорить – это значит: говорить с кем-то и мыслить для кого-то другого, причем, этот Другой всегда – определенный Другой, который, в отличие от немого Всеобщего, не только зритель, но и живой участник речевого события, способный ответить на равных» [10, с. 176].

Философский аспект теории диалога М. М. Бахтиным изучается наиболее активно. С именем русского философа связывают завершение полосы теоретического «завала» (*logjam*) в гуманитарных исследованиях, созданного постструктуралистскими теориями, например такими, как деконструкция (Ж. Деррида), материальность как радикальная дружба (П. де Ман), которые подорва-

ли основу смысла в анализе языка и текста, и начало нового этапа в развитии гуманитарных наук [11, с. 513].

Как отмечает М. Н. Эпштейн, в развитии гуманитарных наук прослеживаются три периода, три этапа. На *первом этапе* в эпоху Возрождения появляется само понятие *humanitas*, выделение человека и человеческого из внешнего мира, из всего другого в этом мире. На *втором этапе* (рубеж XIX–XX вв.) феномен человека был проанализирован с точки зрения присутствия Другого внутри Я. Другой в интерпретации К. Маркса, З. Фрейда является представителем отчужденного материального производства, экономических условий, бессознательного, спонтанно детерминирующих и завладевающих человеческим Я. Структурализм и постструктурализм в духе семиотики Ф. де Соссюра интерпретировали эту другость как «те лингвистические механизмы, которые предопределяют форму и значение речевых актов» [11, с. 523]. *Третий этап*, к которому мы приблизились сейчас, называется «трансгуманитарным», так как он охватывает как человеческое (в узком, ренессансном смысле) Я, так и внечеловеческое, дегуманизованное другим (как это постулируется гуманитарным знанием XX в.) Я. Это трансгуманитарное знание направлено на изучение способности человека к самотрансценденции, к делению Я на «я-для-себя» и «я-для-другого» [12, с. 111].

Согласно М. М. Бахтину, «это аналогично проблеме самосознания человека. Совпадает ли сознающий с познаваемым? Другими словами, остается ли человек только с самим собою, то есть одиноким? Не меняется ли здесь в корне все событие бытия человека? Это действительно так. Здесь появляется нечто абсолютно новое: надчеловек, над-я, то есть свидетель и судья всего человека (всего я), следовательно, уже не человек, не я, а другой» [13, с. 89]. Этот другой внутри, «свидетель и судья», «надчеловек» – абсолютно свободен и выражается в слове. «Истина, правда, – заключает философ, – присущи не самому бытию, а только бытию познанному и изреченному» [13, с. 93].

На этом основании М. Н. Эпштейн заключает, что положение надчеловека в открытом пространстве между познающим и познаваемым оказывается, таким образом, в сфере творческого и ответственного самосознания, которое включает возможность самообмана и не-знания [11, с. 520].

Феномен человека, человечности конституируется, таким образом, и внечеловеческими («бессознательными», «негуманными» структурными силами – семиотическими, генетическими, экономическими и др.) аспектами, которые входят в потенциальное поле трансгуманитаристики. Следовательно, другость, которая раньше воспринималась как дегуманизирующий фактор, теперь может снова использоваться как самотрансценденция человечности. Как подчеркнул М. М. Бахтин, это не имеет ничего общего с «инобытием». «Нет, появилось нечто абсолютно новое, появилось надбытие» [14, с. 176].

Таким образом, мыслитель и здесь восстановил целостность гуманитарного подхода к человеческому сознанию, ликвидировав теоретический разрыв,

образовавшийся в результате деконструкции буржуазного идеологического дискурса. В заслугу М. М. Бахтину ставится также проблематизация границы – развитие буберовского понятия «между» как связи, отношения и решающий фактор становления языкового знака. Русский философ решительно раздвигает границы семиозиса за счет включения в процесс становления знака пограничных явлений – всего, с чем соприкасается язык – широкий социокультурный контекст, рассматривая, таким образом, семиозис как результат взаимодействия знака с контекстом.

Этот процесс совпал с бурным развитием «диалогических» технологий, то есть помогающих расширить возможности диалогического взаимодействия людей в обществе и мире. Современное состояние и понимание коммуникации как речевого взаимодействия значительно обогатилось благодаря информационным технологиям, позволяющим снимать пространственные и временные ограничения для общения; даже языковые барьеры преодолеваются новой мультимедийной технологией. Благодаря Интернету расширилась не только география взаимодействия, но и социальная среда общения: люди с ограниченными физическими возможностями могут полноценно общаться и быть востребованными в любой деловой или общественной сфере. Используются возможности новых технологий и в образовании: уже очевидны результаты дистанционного обучения (*distance education*), – и здесь взаимодействие учителя и ученика, преподавателя и студента строится на основе диалогических моделей.

Язык – самый существенный показатель всеобщности диалогизма: он и средство общения, и возможность познания, и способ самовыражения. В языке – суть бытия, источник духовной энергии человека. М. М. Бахтин пишет: «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться. Абсолютная смерть (небытие) есть неслышанность, непризнанность, невспомянность. Быть значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [15, с. 254]. Философ связывает концептуализацию общения в терминах диалогических отношений с развитием личностного начала в истории, литературе и языке: «...открытие человека-личности и его сознания... не могло бы совершиться без открытия новых моментов в слове, в средствах речевого выражения человека. Раскрылся глубинный диалогизм слова» [15, с. 356].

Выражая себя в диалоге, человек организует и всю свою жизнь как диалог: «Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершимый диалог. Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает

вает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [16, с. 245].

Значение диалогической философии М. М. Бахтина, дискурсивная сущность его подхода к языку и культуре стали более ясными на фоне дискурсивных исследований М. Фуко, Ж. Деррида, Л. Витгенштейна, с которыми его сравнивают на Западе. Эти «властители дум» в гуманитарных науках нашего времени обозначили переход от старого мышления к новому, от картезианской рациональности к новой «коммуникативной» (Ю. Хабермас), к новому «направлению внимания» (Л. Витгенштейн), через «деконструкцию» отношений идеологии, власти и языка (Ж. Деррида), с помощью «дискурсивных стратегий» (М. Фуко), к «диалогическому взаимодействию» (М. М. Бахтин) как основе всеобщего понимания людей.

Методологическое значение диалогизма М. М. Бахтина заключается в утверждении принципа отношения (диалога) в исследовании языковых проблем, что предполагает перенесение в фокус анализа явлений речевого взаимодействия, новую методику и новую основу анализа (реальный поток высказываний), а также новую языковую стратегию (взаимодействие «голосов»). При этом следует иметь в виду один важный момент, отмеченный в диалогической методологии М. М. Бахтина французским теоретиком структурализма в литературоведении Ц. Тодоровым. Подход русского философа не предполагает обычного развития теории по принципу: тезис – антитезис – синтез. Любая работа М. М. Бахтина не является частью целого, а как бы сама вбирает в себя целое, исследование в каждой части как бы начинается заново, что и дало основание Ц. Тодорову назвать этот исследовательский принцип «повтором» [17, с. 354]. Но М. М. Бахтин не повторяет один и тот же тезис.

«Глубинный диалогизм слова» как объект анализа не является застывшим знаком и в то же время исключает диалектический метод, неизбежно ведущий к единственному заключению. М. М. Бахтин нигде не делает заключительных выводов, не ставит окончательной точки, его дискурс – «открытая целостность». Мыслитель исследует не конкретный объект, а процесс, переплетение отношений, в котором общий, знаковый смысл неотделим от коммуникативного контекста, социального взаимодействия и отношения к специфическим идеологическим ценностям и ориентациям. Рассматривая практически один и тот же объект во всей его сложности, но в разных аспектах, М. М. Бахтин неизбежно повторяет основные положения своего метода.

С принципом повтора связана и еще одна особенность научного метода М. М. Бахтина – его апофатика (греч. *ἀποφατικός* «отрицательный»), то есть следование принципу невыразимости истины иначе, как в акте откровения, предполагающая амбивалентное чтение, «вспять-чтение», так как тексты философа построены на неочевидной логике; в них «мерцание» второго смыслового плана обеспечено не механизмами «эзопова языка» или очевидной иронии

(самоиронии) автора, оно укоренено в самом «письме» как исходный принцип» [17, с. 351]. Этот принцип представлен в иной интерпретации как «возвращение» [17, с. 354]. Повторы, «возвращение» и некоторая амбивалентность неизбежны и при изложении его концепции.

Дискурсивная теория диалога, изложенная М. М. Бахтиным необычным языком, спокойным «голосом», диалогическим стилем, – сама «установлена на собеседника» и представляет собой анализ языка, литературы и культуры в целом как результат осмысления длительного поиска этической культуры, которая была бы современной, демократичной и эстетически направленной. Неслучайно в этой теории есть загадочная категория «не-алиби в бытии». Так обозначена неизбежная единственная позиция ответственности-ответственности, которую человек занимает, живя среди других людей. Он не может уклониться (найти алиби) от общения с теми, кто обращается к нему, встречается на его пути. Он должен быть готовым ответить, то есть совершить ответственный поступок. «Ответственный поступок и есть поступок на основе признания должествующей единственности. Это утверждение не-алиби в бытии и есть основа действительной данности-заданности жизни. Только не-алиби в бытии превращает пустую возможность в ответственный действительный поступок (через эмоционально-волевое отнесение к себе как активному)» [14, с. 286].

Человек, таким образом, обречен на ситуацию диалога и несет ответственность за то место в пространстве и времени, которое он занимает. Эта позиция диктует внимание и заинтересованность в Другом как единственную возможность через разделенное (*shared*) слово и разделенный мир. Ц. Тодоров, один из первых интерпретаторов диалогизма М. М. Бахтина, под влиянием его «диалогического принципа», предложил пересмотреть все антропологические категории в соответствии с двумя моделями социального взаимодействия: «внимательный взгляд» (*the gaze*) и «столкновение» (*the fray*) [17, с. 350]. Эти две модели подчеркивают тот факт, что диалогическая философия М. М. Бахтина, воспринятая на Западе как дающая надежду формула жизни, сама по себе предполагает дружость, необходимость других, отличных от данной формулы, подходов. Ибо только в дружости можно обрести смысловую ценность. Нужно уважать Другого, автономность каждого и признавать универсальность человеческих ценностей. Сегодняшние трудности, стоящие перед человечеством, требуют осознания того факта, что все мы взаимозависимы в нашем мире, который, как заброшенный сад (т. е. невращенный, незавершенный), нуждается в общем внимании – его можно взрастить только совместными усилиями, путем взаимодействия, кооперативного диалога. Для такого диалога нужны универсальная мораль, энтузиазм и любовь [17, с. 354].

Единственный путь к кооперативному диалогу – через реальное сотрудничество, взаимодействие, ведущее к созданию общей основы для понимания, взаимного обогащения и расширения кругозора. И это сотрудничество должно

строиться не столько по законам логики, сколько по законам практики, игры, мифа, основанных на воображении, интуиции, эмпатии – всего, что связано с целостным восприятием мира и возвращением человека к живительным истокам, к единению, к всемирному братству.

Современные коммуникативные теории свидетельствуют, что на ментальном уровне в условиях совместного решения задач происходит нейтрализация противопоставлений как ментальных миров в целом (свой мир – чужой мир), так и отдельных концептов, ментальных структур. Происходит согласование этих структур, введение в свой мир чужих концептов, сближение миров и идентичностей, когда Я становится Другим, не только в смысле «на чужом месте», но и обновленным, обогащенным через других. Все это делает возможным понимание как интерсубъективное разделение (*sharing*) убеждений, то есть системы концептов или концептуальной картины мира, что исключено при диалектическом подходе, ведущем к признанию одной истины.

Список использованных источников

1. Панич, А. О. Бахтин с кавычками и без / А. О. Панич // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 2001. – № 1. – С. 172–179.
2. Волошинов, В. В. Михаил Михайлович Бахтин / В. В. Волошинов. – М. : Лабиринт, 1993. – 188 с.
3. Витгенштейн, Л. Культура и ценность. О достоверности / Л. Витгенштейн. – М. : АСТ : Астрель : Мидгард, 2010. – 256 с.
4. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
5. Emerson, C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin / C. Emerson. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1997. – 350 p.
6. Бонецкая, Н. К. Русская софиология и антропософия / Н. К. Бонецкая // Вопр. философии. – 1995. – № 7. – С. 79–97.
7. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр ; пер. с фр. А. М. Сухотина. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
8. Damasio, A. R. Descartes' Error: Emotion Reason, and the Human Brain / A. R. Damasio. – New York : Avon Books, 1994. – 146 p.
9. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. – М. : Высш. шк., 1993. – 173 с.
10. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – 2816 с. – 4 т.
11. Эпштейн, М. Методы безумия и безумие метода / М. Эпштейн // Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М. : Новое лит. обозрение, 2004. – С. 512–540.
12. Плеханова, Т. Ф. Текст как диалог / Т. Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 251 с.
13. Бахтин, М. К философии поступка / М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – [Вып. 2]. – С. 86–118.
14. Бахтин, М. Проблемы творчества Достоевского / М. Бахтин. – Л. : Прибой, 1929. – 244 с.
15. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – М. : Совет. Россия, 1979. – 416 с.
16. Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
17. Тодоров, Ц. Семиотика литературы / Ц. Тодоров // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 350–354.

М. Г. Шатерник

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

РЕЧЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ МОРАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Целью статьи является определение речевых параметров моральной коммуникации. Для реализации поставленной цели, помимо базового этико-философского подхода, используются прагматические, лингвистические и семантические средства анализа моральной коммуникации. Речь рассматривается как обладающий имманентными характеристиками инструмент коммуникации, его структура и функциональные особенности оказывают существенное влияние на понятийно-смысловой результат коммуникации. Охарактеризованы целевой, жанровый, аргументативный, экспрессивный, текстовый и контекстный параметры моральной коммуникации, установлены их структурные и формальные характеристики.

Ключевые слова: моральная коммуникация, целевой параметр, жанровый параметр, аргументативный параметр, экспрессивный параметр, текстовый параметр, контекстный параметр

M. Shatsernik

Institute of Philosophy National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

DISCOURSIVE PARAMETERS OF MORAL COMMUNICATION

The purpose of the article is to determine the discursive parameters of moral communication. Discourse is considered as a communication tool with immanent characteristics, in which its structure and functional features have a significant impact on the conceptual and semantic result of communication. The paper characterizes teleological, genre, argumentative, expressive, textual and contextual parameters of moral communication. Their structural and formal characteristics are established.

Keywords: moral communication, teleological parameter, genre parameter, argumentative parameter, expressive parameter, textual parameter, contextual parameter

Введение

Актуальность изучения моральной коммуникации обусловлена тем, что в ней происходит моральное самовыражение субъектов, а также установление, легитимация, совершенствование, обогащение, развитие моральных концептов, что при правильной организации коммуникации приводит к повышению уровня стабильности, доверия и взаимопонимания в обществе.

Речевые параметры моральной коммуникации оказывают принципиальное влияние на ее понятийно-смысловой результат. Именно поэтому исследование

параметров моральной коммуникации с использованием средств этики, прагматики, лингвистики и семантики позволяет познать способы и механизмы ее осуществления, что приводит к повышению ее эффективности и безопасности. В частности, цели моральной коммуникации охарактеризованы в статье Е. В. Беляевой, которая отмечает, что решающей в моральной коммуникации проблемой является «морально-ценностное несовершенство человека, общества и мира, а целевой установкой – исправление данного положения вещей» [1, с. 23]. Как правило, причинами, побуждающими к моральной коммуникации, становятся несоответствие ситуации представлениям субъекта о должном положении вещей; расхождение субъективного представления о должном с предлагаемым обществом или определенной группой моделями нравственности; сомнения в собственных моральных качествах или нравственных поступках. Стратегической целью моральной коммуникации является устранение зла и создание критериев нравственности или безнравственности для тех или иных обстоятельств [2].

Тем не менее представляется необходимым дополнить исследование моральной коммуникации изучением ее речевых параметров, которые оказывают значительное влияние на ее понятийно-смысловой результат.

Речевые параметры моральной коммуникации

Жанровый параметр коммуникации тесно сопряжен с ее целью. Каждый конкретный жанр предстает как совокупность речевых актов, объединенных целевыми установками коммуникации, связанными с определенными коммуникативными ситуациями. Особенности того или иного речевого жанра определяются типом коммуникации, которая в нем реализуется, поэтому моральной коммуникации должны соответствовать определенные жанры.

Речевые жанры различаются по типам коммуникативных установок, по способу участия партнеров, их ролевым отношениям, характерам реплик. Среди жанров можно выделить монологические и диалогические, репрезентирующие кооперацию или конфликт, устные и письменные.

К монологическим жанрам моральной коммуникации относится такая древняя форма, как *проповедь*, «чтение морали». Этот жанр речи задается воспитательной ситуацией, предполагающей наличие авторитетного морального субъекта, сообщающего заповеди и дающего оценки внимающему слушателю. Целью моральной коммуникации является внушение определенного нормативно-ценностного содержания тому, кто в силу своего низкого морального статуса не способен осмыслить его самостоятельно. Хотя во многом речевой моральной коммуникации свойственны высказывания, которые «не сообщают адресату речи новую информацию, но актуализируют в его сознании известное, но забытое или сознательно игнорируемое» [3, с. 178].

Разновидностью проповеднического жанра можно считать *лекции на этические темы и политические выступления*, содержащие моральную аргу-

ментацию. Поскольку любой разговор на нравственные темы предполагает проповедование добра и обличение зла, утверждение должного и осуждение неправильного, то данный жанр, будучи по форме монологическим, предполагает внутреннюю полемику.

Чаще всего моральная коммуникация носит диалогический характер и предполагает обмен репликами между участниками, так как нормативно-ценностное содержание морали проясняется и утверждается благодаря обсуждению. Часто течение моральной коммуникации сопровождается переменой ролей между носителем и исполнителем должного, «поскольку оба участника попадают под действие нормы и моральная санкция, которая должна нести на себе печать обоснованности, требует снятия субъективистских настроений и отказа от немотивированных эмоциональных реакций и упорства ради упорства» [3, с. 178]. Однако участники коммуникации могут иметь как кооперативную, так и конфликтную стратегию поведения.

Например, в жанре *беседы* участники могут стремиться к согласию, но могут быть и настроенными на отстаивание своей позиции. При кооперативной стратегии в диалоге или полилоге происходит обмен сообщениями о личностных моральных интересах каждого из участников для установления нравственных отношений, таких как дружба, взаимная симпатия, посредством разделения моральных взглядов и убеждений, а также для оказания конструктивного влияния на собеседника. В процессе общения участники беседы обмениваются мнениями на различные социальные темы, тем самым выражая свою позицию относительно соответствующей моральной проблемы, руководствуясь социокультурными стереотипами, «выработанными веками приоритетами и ценностными ориентирами, общечеловеческими абсолютными истинами и нормами жизни. Соответственно, данный вид диалогической модальности называется аксиологической» [4, с. 63]. Также немаловажное значение имеет коммуникативная компетенция участников беседы, которая определяется знанием социальных норм этикета.

При кооперативной установке в беседе характерен обмен сведениями о личностных интересах каждого из участников. Этому жанру свойственна высокая степень значимости личностной позиции, готовность к пониманию и приятию позиции другого, апелляция к нравственным устоям, нормам справедливости и морали. Такая беседа предполагает душевное «созвучие», совпадение нравственных позиций, одобрение со стороны друг друга, взаимные комплименты, искренние признания.

Конфликтная стратегия в беседе может быть направлена на отстаивание своей нравственной позиции. Она характеризуется высокой степенью неприятия других мнений, а также чувством морального негодования. Конфликтный вариант беседы может реализоваться в том случае, если участники обладают различными социально-ролевыми статусами, например между учителем и учеником или между коллегами, имеющими разный «корпоративный вес». Она

представляет собой предписывающий разговор: увещевания, требования, приказы, советы, моральные наставления, рекомендации, просьбы, убеждения в чем-либо.

Конфликтная установка проявляется в глаголах: *советую, рекомендую, убеждаю, умоляю, настаиваю, приказываю, требую, прошу* и т.д. Конфликтная стратегия беседы, осложненная коммуникативной некомпетентностью ее участников, может привести к отказу исполнять должное действие или даже к открытому противостоянию. Однако данный тип беседы может быть вполне конструктивным при условии соблюдения участниками беседы рамок приличия и взаимоуважения. Более того, он является наиболее откровенным, поскольку его участники высказывают позиции, по которым есть расхождения, что позволяет прояснить интересубъективное содержание моральных норм.

Нарочито конфликтная стратегия разговоров направлена на причинение обиды и унижения в результате выяснения межличностных отношений, ссор, упреков, обвинений, перебранки. В данном случае речевой формой выражения агрессии может стать насмешка или даже прямое оскорбление. Такой тип беседы обычно аморален, так как наносит моральный вред всем ее участникам.

Наконец, такой тип беседы, как праздное речевое общение (бесцельный обмен мнениями, новостями, сведениями), может быть иллюстрацией негативного воплощения моральной коммуникации, в которой моральность утрачивается по причине отсутствия актуальных моральных интенций. Как считает Н. Д. Арутюнова, «наиболее паразитическая форма разговора о ценностях – сплетни» [5, с. 652].

К письменному монологическому жанру моральной коммуникации относится *дневник*, в котором осуществляется становление и прояснение морального самосознания личности. В дневниках осуществляется саморефлексия собственного морального состояния, его критика и корректировка.

Письменным диалогическим жанром является *письмо с моральным контентом*, которое предстает как отсроченная во времени беседа, позволяет собеседнику сконцентрироваться на собственных идеях, тщательно обдумать ответ. Специфика электронной переписки и блоггерства как переписки со многими, подчас анонимными собеседниками заключается в том, что адресант послания свободно выражает собственное мнение без страха быть морально осужденным в своем кругу общения; переписка в мессенджерах и SMS (англ. *short message service* – «услуга коротких сообщений») отличается исключительной эмоциональностью выражения морали посредством смайлов и прочих визуальных образов.

Именно поэтому отношение к моральной коммуникации имеют самые различные речевые жанры. Такая коммуникация проникает в той или иной степени во все жанры речи, но некоторые из них особенно благоприятны для выражения морального содержания.

Аргументативный параметр моральной коммуникации реализуется в связи с задачей «воздействия на адресата при помощи различных языковых средств» [6, с. 22], то есть направлен на формирование у адресата ожидаемого адресантом отклика. В аргументации акцент делается на том, чтобы «представить свою позицию в привлекательном для аудитории виде посредством использования риторических приемов и особых (риторических) рассуждений» [7, с. 8].

Как отмечал А. А. Ивин, аргументация в моральной коммуникации осуществляется посредством как логики абсолютных оценок, так и логики сравнительных оценок (логики предпочтений) [8]. В рамках логики абсолютных оценок логическое значение «хорошее/плохое» устанавливается при помощи взаимного определения. Объект является хорошим, когда его отсутствие негативно ценно, плохим – когда его отсутствие позитивно ценно. Например: быть здоровым хорошо, только если быть больным плохо. В рамках логики предпочтений «лучшее/худшее» также взаимопределимы: один объект лучше другого только тогда, когда второй хуже первого.

Согласно логике моральной аргументации, «частное моральное повеление обосновывается при помощи ссылки на общую норму; в свою очередь, общая норма обосновывается через принцип, а моральные принципы – в рамках целой системы моральных представлений определенного морального дискурса. При этом обоснование (оправдание) самой системы моральных представлений осуществляется за ее пределами» [9, с. 1].

Данные формальные принципы мышления в рамках моральной коммуникации дополняются идеей, что в процедуре обоснования и доказательства морального тезиса связь, «которая устанавливается между эксплицитной посылкой и точкой зрения, является не формальной, а прагматической» [10, с. 11]. Таким образом, итог аргументации во многом зависит от очевидной для участников полезности или действенности обосновываемого тезиса.

Специфичными для моральной коммуникации аргументативными приемами являются: убеждение, обоснование, оценка, пример, ссылка, цитирование. Все они направлены не только на рациональное понимание адресатом сути морального правила, но предполагают моральный отклик со стороны совести и сердца. Убеждение при моральной коммуникации осуществляется через информирование о возможных моральных или нравственных последствиях (*тебе будет стыдно за свои поступки; как ты будешь людям в глаза смотреть; а если все так будут поступать; прислушайся к своему сердцу*). Обоснование состоит в интерпретации уже принятого сообщения или подтверждении источника получения информации посредством приведения общеизвестных доводов о добре и зле. Основными и наиболее распространенными «типами морального оценивания являются семантические вершины: хорошее (правильное) и плохое (неправильное)» [11, с. 82]. Оценка представлена речевыми актами предположения, одобрения/неодобрения, утверждения, а также

комментирующими высказываниями эмоционально-оценочного характера – гнева, радости, сожаления, разочарования.

Другими словами, моральная аргументация санкционирует «специфический способ отношений между людьми, отличный от иных типов нормативной регламентации межличностных связей, складывающихся в сфере общепринятых обычаев, права, политики и т.д.» [12, с. 91]. В частности, моральный пример в высказывании приводится с целью обоснования предполагаемого последствия обсуждаемой ситуации. Делается вывод о том, что данная ситуация в соответствии с приведенным примером обычно влечет позор, душевные страдания, нравственное осуждение и т.д. Ссылка на авторитетное в нравственном отношении лицо либо цитирование написанного им текста с точным указанием на источник помогает достичь максимального эффекта воздействия на адресата.

Экспрессивный параметр моральной коммуникации проявляется в силе эмоционального воздействия, часто выраженной в интонации. Б. Л. Яворский отмечает, что слово без интонации лишено значения, и утверждает, что интонационная речь является проекцией процесса мышления и жизненного волевого импульса [13, с. 45]. Экспрессивный параметр репрезентирует способность оказывать на собеседника воздействие. Экспрессия рассматривается как единство выражения и передачи сообщения (информативный аспект), чувства и эмоций (эмотивный аспект), волеизъявления говорящего (волюнтативный аспект) [14].

Информативный аспект экспрессии моральной коммуникации не является приоритетным. Экспрессия коммуникации предполагает выражение внутреннего состояния говорящего, его эмоций, оценок, отношения к происходящему. Эмотивный и волюнтативный аспекты репрезентируются одобрением (в форме благоговения, сочувствия, солидарности, восхищения) и осуждением (в форме обвинения, разоблачения, возмущения). Посредством экспрессии в моральной коммуникации формируются иллокутивные акты, которые являются речевыми действиями критики, предупреждения, рекомендации [15, с. 44]. Волюнтативными интенциями коммуникации являются: выражение сочувствия, побуждение, критика, обвинение, разоблачение. Волюнтативный аспект экспрессии реализует волеизъявление, которое осуществляется в моральном высказывании посредством имманентного требования говорящего – даже оценочное суждение является императивным, требующим изменить поведение, ситуацию.

Текстовый параметр в контексте речи определяется типами текстов, производимых в коммуникации. Обычно текст морального произведения принадлежит одному автору и как продукт письменного творчества отражает законченную моральную позицию или сложившуюся систему ценностных представлений, но одновременно предполагает Другого как реципиента текстового сообщения.

Среди основных характеристик текста выступают: целостность, связность, диалогичность, текстовая модальность [16, с. 11]. Целостность морального текста выражается в том, что смысл целого произведения не сводится к сумме семантических свойств отдельных его элементов. Текст предстает как завершенное сообщение, выражающее единый моральный смысл.

Связность текста коммуникации реализуется в двух различных видах. *Первый вид* – глобальная связность, которая достигается посредством деления текста на заголовки, содержащие отдельно акцентируемые элементы, цитаты морального содержания, текст в тексте, стиль и форму речи морального произведения. Большинство художественных литературных текстов имеет в своей основе мораль (мораль басни) как смысловой стержень, обеспечивающий целостность и связность произведения. Нередко мораль является основным смысловым стержнем, связывающим весь текст произведения: например, в случае, когда смысл повествования становится понятен лишь в последнем предложении, когда открывается моральная позиция автора. *Второй вид* – локальная связность, которая достигается посредством повтора основных смысловых единиц разных уровней текста.

Диалогичность всякого текста была отмечена еще М. М. Бахтиным. Она может быть как внутренней, так и внешней. Внутренняя диалогичность отражается посредством диалогической обращенности текста к потенциальному моральному реципиенту. Она также может проявляться и в монологических приемах рассуждения (смене смысловых позиций, точек зрения), в обращениях автора к читателю морального текста, риторических вопрошаниях о правильном и должном и т.д. Внешняя диалогичность проявляется в различного рода переключках с другими моральными текстами и нравственными парадигмами, отражая тем самым межтекстовую полемику.

Моральная модальность в тексте проявляется в том, как автор интерпретирует отношения между описываемой ситуацией, побудившей к возникновению морального произведения, и ее элементами, носящими ту или иную моральную окраску. Основным средством выражения модальности является «категория производителя речи, центр которой субъективно-модальное местоимение я» [17, с. 3], то есть авторская позиция по тому либо иному вопросу морали.

Моральной коммуникации свойственно воспроизведение текстов, ориентированных на побуждение человека к морально-нравственному совершенствованию. Стилистически эти тексты репрезентируются в нравоучительных нарративах, нравственных повествованиях, целью которых является превознесение добра над злом, должного над сущим. Назидательные тексты (нотации, проповеди, нравоучения, нравственные обличения, заповеди на скрижалях и в священных текстах, художественная литература, отражающая моральные интенции автора и моральные характеристики персонажей) направлены на демонстрацию несовершенства человека и мира и побуждение к нравствен-

ному их преобразованию. Текстам, репрезентирующим моральную коммуникацию, присущи серьезность и высокий стиль.

Тексты моральной коммуникации отличаются интенцией к выражению и доказательству своей личной моральной позиции и подразумевают диалог с моральной позицией читателя.

Контекстный параметр предполагает, что у текста моральной коммуникации есть некоторый социальный контекст (контекст автора и его ситуация, контекст взаимодействия с Другим, их совместная ситуация, контекст взаимодействия данного текста с другими текстами, с условиями, в которых он был написан, и т.д.). Согласно Т. ван Дейку, среди контекстуальных аспектов можно выделить «личный, общественный, институциональный/формальный, неформальный, а также позиции (роли, статусы и т.д.), свойства (пол, возраст и т.д.), отношения (превосходство, авторитет и т.д.), функции (отец, слуга, судья и т.д.)» [18, с. 23]. Значимым контекстом моральных высказываний выступает экзистенция личности, мир личностно значимых состояний и событий, с которыми соотносится высказывание.

Экзистенциальный контекст моральной коммуникации предполагает субъективные переживания. Императивные и оценочные суждения в области морали погружены в личный психологический контекст и проговариваются в нем. Это вполне соответствует сложившейся в этической мысли традиции, содержащей рассуждения о месте страстей, аффектов и прочих психологических проявлений в организации «правильной жизни».

Общественный и институциональный контексты моральной коммуникации задаются царящими в обществе нравами и институтами, в рамках которых эти нравы культивируются. Одно и то же высказывание может иметь различный моральный смысл в зависимости от конкретной ситуации, в которой оно будет произнесено. Религиозная и политическая обстановка, степень либеральности законодательства оказывают значимое контекстное влияние на итог моральной дискуссии. Таким образом, контекстом моральной коммуникации могут выступать как социальные ситуации, так и эмоциональные состояния участников. Специфическим контекстом моральной коммуникации является наличие другого человека, наделенного моральным сознанием и способного понять, оценить, принять либо осудить позицию морального субъекта.

Выводы

Моральная коммуникация нацелена на обнаружение и исправление отклонений от морали, установление справедливости при помощи определенных речевых жанров (устных и письменных, монологических и диалогических, репрезентирующих кооперацию или конфликт), в которых высока значимость личностной позиции. Аргументация при моральной коммуникации осуществляется посредством апелляции к нормам и моральным ценностям как общим

основам тезиса, ориентирована вызвать нравственный отклик у адресата и апеллирует к моральным нормам и ценностям, нравственным авторитетам, совести. Экспрессия моральной коммуникации проявляется в информативном аспекте (информационное содержание), эмотивном аспекте (чувства и эмоции), волюнтаривном аспекте (волеизъявление говорящего) и показывает высокую степень эмоциональности и оценочности высказываний. Текстовый параметр выражается в диалогичности позиции автора, в обращенности к потенциальному моральному реципиенту, а также в том, что моральная составляющая обеспечивает смысловое связывание текста в целое. Контекстом речевого морального произведения является конкретная ситуация, послужившая толчком для его создания, контекст взаимодействия автора с Другим, их совместная ситуация, контекст взаимодействия данного текста с другими текстами, с условиями, в которых он был написан.

Список использованных источников

1. Беляева, Е. В. Параметры морального дискурса / Е. В. Беляева // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2016. – № 2. – С. 20–26.
2. Шатерник, М. Г. Моральный дискурс как предмет этико-философского исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / М. Г. Шатерник ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2021. – 20 с.
3. Звада, О. В. К вопросу языковых репрезентаций морального дискурса / О. В. Звада, Л. П. Позняк // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 176–181.
4. Культура русской речи : учебник / С. И. Виноградов [и др.] ; отв. ред.: Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М. : Норма : Инфра-М, 1998. – 549 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – XV, 895 с.
6. Ким, Г. А. Структурно-прагматические особенности аргументативного дискурса: на материале русского и немецкого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Г. А. Ким ; Челябин. гос. ун-т. – Тюмень, 2011. – 24 с.
7. Зайцев, Д. В. Теория аргументации и их практические реализации [Электронный ресурс] / Д. В. Зайцев // Радио.ru. – 2015. – Вып. 14. – Режим доступа: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/783/2015-15-01-Зайцев.pdf> – Дата доступа: 01.02.2020.
8. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.
9. Разина, Е. В. Мораль и право: проблема взаимодействия и взаимодополнения [Электронный ресурс] / Е. В. Разина // Концепт : науч.- метод. электрон. журн. – 2017. – Прил. 39, вып. 7. – Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2017/970845.htm?view> – Дата доступа: 25.02.2020.
10. Капполь, О. С. Предисловие редактора / О. С. Капполь // Важнейшие концепции теории аргументации : сборник / отв. ред. О. С. Капполь ; пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2006. – С. 11–13.
11. Звада, О. В. Когнитивные аспекты языка морали [Электронный ресурс] / О. В. Звада // Magister Dixit. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-aspekty-yazyka-morali/viewer> – Дата доступа: 23.02.2020.
12. Звада, О. В. Парадоксальность языка морали [Электронный ресурс] / О. В. Звада // Актуальные проблемы филологии : материалы II Междунар. науч. конф., Краснодар, февр. 2016 г. : в 2 ч. / редкол.: И. Г. Ахметов (гл. ред.) [и др.]. – Краснодар, 2016. – Ч. 2. – С. 90–93.

Речевые параметры моральной коммуникации

13. Яворский, Б. Л. Избранные труды : в 2 т. / Б. Л. Яворский ; под общ. ред. Д. Д. Шостаковича. – М. : Совет. композитор, 1964–1987. – Т. 2, ч. 1 : Избранные труды / предисл. И. С. Рабиновича ; ред. И. Саца, И. С. Рабиновича ; предисл. И. Саца. – 1987. – 366 с.
14. Русанова, И. Ю. Основы языкознания [Электронный ресурс] / И. Ю. Русанова // РРТ онлайн. – Режим доступа: <https://ppt-online.org/7447> – Дата доступа: 25.02.2020.
15. Звада, О. В. Некоторые речевые акты, отражающиеся в моральных высказываниях / О. В. Звада // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. Сер.: Филология. – 2017. – № 2, т. 1. – С. 40–45.
16. Головкина, С. Х. Лингвистический анализ текста : материалы в помощь учителю-словеснику / С. Х. Головкина, С. Н. Смольников. – Вологда : Вологод. ин-т развития образования, 2006. – 119 с.
17. Солганик, Г. Я. Очерки модального синтаксиса / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта, 2010. – 136 с.
18. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М. : Благовещ. гуманитар. колледж, 2000. – 308 с.

Т. Н. Буйко¹, Сяоянь У²

¹Белорусский государственный университет физической культуры, Минск, Беларусь

²Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТЕЛЕСНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В КИТАЕ

В статье представлены результаты исследования понятия телесности, являющегося в методологическом аспекте важнейшей компонентой социально-философского исследования физической культуры и спорта как уникального цивилизационного явления. Авторы выполнили контент-анализ состояния проблемы в Китайской Народной Республике и Республике Беларусь и пришли к выводу о необходимости совместного развития данного социально-философского направления.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, общество, история, телесность, телесный подход, личность, методология, социальная философия

T. Bouiko¹, Xiaoyan Wu²

¹Belarus State University of Physical Culture, Minsk, Belarus

²Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

BODY APPROACH TO RESEARCH FOR PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN CHINA

The article presents some results of investigation of the concept of corporality which in methodological aspect is the most important component of the socio-philosophical study of physical culture and sport as a unique civilizational phenomenon. The authors performed a brief theoretical analysis of the state of the problem in the People's Republic of China and the Republic of Belarus and came to the conclusion that it is necessary to jointly develop this philosophical direction.

Keywords: physical culture, sport, society, history, corporality, body approach, personality, methodology, social philosophy

Выполненный нами контент-анализ проблематики современной философии выявил неожиданно высокую степень философского интереса китайских философов к проблемам спорта и физической культуры. При этом китайские исследователи спорта с позиций социальной философии однозначно объявляют свой подход «телесным взглядом». Особо следует отметить, что китайские философы подчеркивают роль «западных философских игр» и «западной теории игры» в актуализации древневосточного понимания единства тела и духа. Экспликация структурно-функциональных характеристик телесного подхода («телесного взгляда») в современных социально-гуманитарных и философ-

ских исследованиях физической культуры и спорта в Китайской Народной Республике (КНР) – это одна из главных задач белорусско-китайских исследований, решение которой требует анализа публикаций последних десятилетий. В данной статье мы представляем результаты первого этапа аналитической работы.

Спорт и физическая культура как культурные практики (а именно, программы деятельности по развитию различных форм двигательной активности человека) являются предметом научно-теоретической рефлексии как социально-гуманитарных наук, так и социальной философии [1]. Важнейшим в методологическом плане понятием для социально-гуманитарного исследования спорта является понятие телесности. Учитывая методологическую функцию социальной философии по отношению к социально-гуманитарным наукам, представляется весьма целесообразной философская работа по экспликации потенциальных возможностей понятия телесности как для социально-гуманитарных исследований спорта, так и для обогащения методологии естественнонаучных исследований этой сферы.

Более того, понятие телесности имеет все основания стать основой междисциплинарного синтеза естественнонаучных и социально-гуманитарных методов в исследовании деятельности в сфере физической культуры и спорта. Этот методологический синтез абсолютно необходим в исследовании объектов физической культуры и спорта, где невозможно игнорировать телесность культуры, где внебиологические, социокультурные, программы двигательной активности и ценности интериоризируются непосредственно в физическое тело человека. Именно такой подход к исследованию физической культуры и спорта получил в КНР название «телесный взгляд».

Прежде всего необходимо подчеркнуть амбивалентность термина «телесность», объединяющего в себе фактически два понятия:

- 1) социокультурное и духовное измерения (аспекты проявления) физического тела человека (социокультурное тело, духовное тело);
- 2) обусловленность социокультурной реальности физическими и физиологическими свойствами человеческого тела.

Концептуализация понятия телесности в философии осуществлялась в обратном порядке, и термин «телесность» постклассическая философия связывала именно со вторым смыслом: как проявления физического, телесного, бытия человека в самых разных формах культуры, даже самых отдаленных от этого (физического) бытия сферах духовной культуры. Именно в постановке проблемы телесности культуры заключается заслуга постмодернистской философии, в частности предложенной ее представителями программы конструктивизма [2; 3].

Но научно-педагогическая общественность приняла вторую, более понятную ей интерпретацию данного термина, обозначив им известное явление зависимости физических телесных характеристик от социально-исторических,

профессиональных и уникально-индивидуальных факторов, определяющих бытие конкретного тела в конкретном социальном пространстве-времени. Это позволяет определить физическую культуру в самом прямом смысле, а именно как проявление, отражение в теле человека (то есть в природном, физическом объекте) культуры – программ деятельности, ценностей, моральных норм, всего того, что не дано природой, а формируется в ходе становления человека в качестве социокультурного существа. Культура впечатана в природное, физическое, тело от самых простых базовых норм (прямохождение, еда с помощью приборов и т.д.) до самых высоких проявлений человеческого духа (достоинство, честь, свобода). Человеческое тело выступает носителем всех этих культурных качеств: оно одухотворено не только в смысле жизни, но и в смысле духа как культурного фактора.

Второе понятие телесности раскрывается как отражение физического тела, физических и биологических параметров человеческого бытия во всех сферах культуры, вплоть до самых духовных и возвышенных. Но если в философии, например, это обстоятельство можно игнорировать (что и делалось долгое время, до «антропологического поворота»), то в сфере физической культуры эта «сцепка» природных и культурных составляющих не то, что не подлежит сомнению (в пользу природы!), но даже не осознается. По этой причине двигательная активность рассматривается просто как физический (природный), а не культурный процесс, что и закреплено в русскоязычном парадоксальном словосочетании «физическая культура».

Если последовательно ориентироваться на второе понятие телесности (кстати, оно было первым в философии, но не в культуре в целом), то необходимо признать, что физическая культура – это совокупность культурных, неприродных, внебиологических программ развития физического тела человека, его двигательной активности. Именно такое, широкое, понятие физической культуры как культуры двигательной активности человека в свое время предлагалось обозначать термином «телесная культура» [4]. Программы функционирования и развития двигательной активности – это культурные, внебиологические и, тем более, не физические феномены, которые тем не менее конкретно фундированы телесными (физическими и биологическими) факторами человеческого бытия, телом.

Вместе с тем культура – это и постоянный выход за пределы биологического бытия. Этот аспект физической культуры в полной мере отражается в понятии спорта как преодоления природных ограничений (до какой степени – это отдельный вопрос) в соревновательной деятельности, в сфере культурной работы с телом. Это значит, что программы двигательной активности задаются не только социокультурными потребностями, но и развиваются сами по себе, внутри этой сферы. В этом и состоит культуросозидательная и человекотворческая роль спорта [5].

Такая концептуализация понятия телесности в коннотации с широким понятием физической (телесной) культуры фундирует стратегию социально-гуманитарных исследований, которая получила название телесного (нетрадиционного, неинструментального) подхода к исследованию функционирования физической культуры в социуме. Телесный подход позволяет увидеть в физической культуре культурное пространство формирования телесности человека, а не только и не столько развития его природных свойств, то есть физических качеств. С такой точки зрения физическая культура – не парадоксальное словосочетание (природная культура), а место встречи, синтеза тела и духа, точка формирования целостного личности – пункт сборки целостного человека, Альфа и Омега культуры. Как уже было отмечено, в современной терминологии социально-философских исследований человека такое широкое понятие физической культуры и отражается термином «телесная культура», которое рассматривается как базовое понятие культуры. Именно таким является подлинное место физической культуры, соответствующее ее реальному значению в культуре – Альфа и Омега: физическая культура является началом вхождения Человека в культуру, началом формирования человеческой телесности (начиная с прямохождения!), а именно путем освоения культурных программ двигательной активности, несущих в себе и другие ценности культуры (Альфа); физическая культура, физическое состояние каждой отдельной личности отражает ее уровень культуры в целом: если культурные ценности усвоены личностью, то они проявляются в ее теле (Омега).

Прямым следствием данного подхода является необходимость методологического синтеза естественнонаучных и социально-гуманитарных методов в соответствующих исследованиях объектов физической культуры, поскольку в этой сфере нельзя игнорировать ни культурную, ни природную составляющие человеческого бытия. Особенно актуальным такой методологический синтез, фундируемый социально-философской концептуализацией понятия телесности, представляется в психолого-педагогических и социально-антропологических исследованиях физической культуры и спорта.

Как было уже отмечено, ракурс рассмотрения физической культуры и спорта, определяемый в настоящем исследовании как телесный подход, в русскоязычной литературе чаще всего обозначается общими терминами «неинструментальный подход», «нетрадиционный подход» к исследованию спорта. В исследованиях же китайских специалистов данный подход прямо определяется как «телесный взгляд» на спорт. При этом контент-анализ проблематики современной социальной философии КНР и социально-гуманитарного научного познания в целом выявил весьма высокую степень интереса китайских исследователей к проблемам спорта и физической культуры.

Прежде всего следует отметить, что китайские философы подчеркивают роль «западных философских игр» и «западной теории игры» в актуализации традиционного древневосточного понимания единства тела и духа. Так,

в диссертационном исследовании «Объяснение природы спорта в контексте теории игр западной философии» автор Ян Юнь доказывает эффективность социально-гуманитарного исследования спорта с точки зрения «западных теорий игры». Применяя методологию, основанную на теории игры, автор рассматривает природу и сущность спорта на основе пяти понятий: конкуренция, аудитория, правила, честь и свобода [6, с. 13–14]. Сущность конкуренции состоит в активации возможностей собственного физического поведения человека, его двигательной активности и в контроле конкурентного поведения других, что в итоге придает человеку жизненную силу. Поэтому распространение и развитие спорта основывается на соперничестве людей и должно способствовать развитию этого чувства. Участие зрителей оживляет спортивное действие, поэтому спорт – это не только игра для спортсменов, но и общение с аудиторией. Данное обстоятельство также существенно для понимания спорта. Спортивные правила и нормы (правила игры) являются необходимым условием функционирования и развития любого вида спорта, обеспечивающим равенство спортсменов и справедливость соревнований. Спортивная честь выступает как проявление в спорте человеческого достоинства и социального уважения, что во многом обуславливает внутреннюю мотивацию людей заниматься спортом. Свобода спорта означает для спортсмена свободу постоянно исследовать границы своих возможностей в различных сферах двигательной активности. Все перечисленные понятия, характеризующие сущность спорта, отражают систему важнейших ценностей социального бытия человека, регулируя жизненную силу и мышление человека, раскрывая его потенциал. Исходя из этого Ян Юнь обосновывает необходимость исследования спорта как важнейшего социокультурного феномена, укорененного в предельных основаниях человеческого бытия, которые фиксируют неразрывное единство духовных и физических его составляющих.

Именно необходимость актуализации этого единства отмечает Чэнь Цзи-чэнь, когда ставит своей задачей «исследование развития спортивной культуры моей страны (Китай. – *Авт.*) с точки зрения традиционного китайского “взгляда на тело”» [7, с. 709]. Решая эту задачу, он доказывает, что основными характеристиками понятия тела в китайской культуре являются: целостность «Я», единство субъективности и объективности, динамичность. Согласно этой концептуальной модели, «тело – это система, которая вмещает жизнь, жизнь и жизнь...», являясь «отправной точкой для понимания вещей» [7, с. 709].

Единство тела и духа, культивируемое в китайской философии на протяжении веков, является весьма важной нравственной, гуманистической основой развития спорта в современном Китае. Ян Цзысюань предполагает, что спортивная культура современного Китая сформировалась на основе традиционного китайского взгляда на тело, представленного конфуцианством, даосизмом и традиционной медициной, еще в доциньский период [8]. Концепция

тела конфуцианства неразрывно связана с понятиями смирения, вежливости и саморефлексии. Конфуций пропагандирует идею воспитания тела, а не соревнования в силе и мужестве, построенного на физическом противостоянии. Поэтому спортивный этикет, базирующийся на конфуцианстве, предполагает совершенствование спортивных результатов в единстве с нравственным воспитанием. Даосизм, утверждая идею «управления бездействием», фактически обосновывает телесность физической культуры – то есть внебиологических программ развития двигательной активности человека. Конфуцианство и даосизм, по мнению исследователя, являются основой правильного решения проблемы нравственного развития профессиональных спортсменов. В целом, как доказывает Ян Цзысюань, в традиционной китайской культуре преследуется цель «изучения этикета перед изучением искусства и изучения нравственности перед боевыми искусствами» [8, с. 188]. Идея культивирования нравственности и нравственного воспитания в спорте остается актуальной и для современного спорта. Традиционная же китайская медицина противостоит спортивной травматизации, что положительно сказывается на развитии физической культуры и спорта.

Конкретизация этих установок применительно к новейшей истории Китая была осуществлена Чжан Дачжи, который исследовал новейшую историю Китая с точки зрения взаимодействия политики и спорта в развитии китайской телесности. Так, в [9] исследователь рассматривает влияние политических факторов на физическое тело человека в разные исторические периоды. Исторические варианты этого влияния он и называет политикой тела, которая в свою очередь формирует спортивную культуру общества. Изменение ценностей спортивной культуры и соответственно изменение физического тела человека под влиянием культурных факторов – интересный аспект истории общества, которая буквально отражается в теле, формируя его телесность, его социокультурное тело. Для подтверждения своей мысли Чжан Дачжи цитирует М. Фуко, который писал, что «тело является носителем социальных и исторических событий», а политика тела состоит в господстве над телом со стороны господствующего класса; отношение же человека к своему телу отражает всю культуру общества, способствуя ее трансляции и развитию [9, с. 22]. Спорт, по мнению китайского исследователя, является самым непосредственным проявлением культуры тела. С исторической точки зрения процесс изменения роли китайских видов спорта в развитии телесности можно представить в виде последовательности ряда этапов: начиная от древних этических требований к контролю поведения человека в единоборствах до современного этапа, который является продолжением развития социокультурного тела под влиянием военного национализма и революционных преобразований в сфере здравоохранения. На всех этапах китайской новейшей истории социокультурные процессы стимулировали трансформацию спортивных ценностей. Поэтому, по мнению Чжан Дачжи, использование «политики тела», а более широко –

«телесного взгляда» для исследования спорта является весьма перспективной методологической программой.

Результаты реализации «телесного взгляда», основанного на актуализации единства физического и духовного аспектов человеческого бытия, в социально-историческом исследовании китайского спорта китайский ученый представил уже в своей диссертации «Генеративная (общая) логика телесного взгляда на современный китайский спорт» (2015) [10]. Объектом этого исследования Чжан Дачжи определил процесс «формирования современного китайского спортивного телосложения». Используя в процессе исследования методы сравнительного анализа и «рассеянной перспективы», он выявляет логику формирования и изменения взглядов на тело в истории Китая – от Опиумной войны (1840 г.) до современности. В истории Китая Чжан Дачжи выделяет четыре этапа: 1) Древний Китай (до 1840 г.), 2) от Опиумной войны до основания Китайской Народной Республики (1840–1945 гг.), 3) от основания Китайской Народной Республики до конца Культурной революции (1945–1970 гг.) и 4) общества рыночной экономики, то есть от конца Культурной революции до настоящего времени (после 1970 г.). Эти периоды китайской истории, по мнению ученого, являются тем социальным фоном, который влияет на развитие человеческого организма (тела). Интересно, что в основу своей исторической ретроспективы Чжан Дачжи кладет теорию идеальных типов М. Вебера.

В Древнем Китае, который, согласно М. Веберу, представлял собой традиционный тип общества, истина о том, что разум управляет телом, не оспаривалась и в даосизме, и в конфуцианстве, и в легизме. Влияние этого взгляда на соотношение тела и разума продолжилось до наших дней.

С началом Первой опиумной войны (1840–1842 гг.) в Китае, раздираемом внутренними противоречиями, страдающем от нехватки материальных ресурсов и внешних проблем, постепенно осознается важность спорта (физической культуры) для укрепления тела. Интеллектуалы того времени, такие как Кан Ювэй, Лян Цичао, в сотрудничестве с руководством страны осуществили ряд политических реформ, направленных на укрепление государственной безопасности, которые потерпели крах. Анализ руководством страны неудачных политических решений привел к осознанию того, что главной причиной провала этих реформ была серьезная проблема с физической подготовкой людей. Для решения этой проблемы китайское руководство приняло решение рекомендовать развивать различные виды спорта, что послужило началом так называемой «революции физической трансформации», столь необходимой для спасения страны. Таким образом, физическая трансформация в этот период в китайском обществе была инициирована руководством страны и явилась, с одной стороны, своеобразной политической акцией, направленной на укрепление народа и спасение страны, а с другой – эмоциональным действием, по Веберу.

После основания Нового Китая вследствие скудости материальных ресурсов государству пришлось административными методами организовывать и мобилизовывать людей для занятий спортом (физкультурой) с целью укрепления их физической формы. В то время быстро распространялась так называемая «широковещательная гимнастика» (утренняя гимнастика), упражнения которой сочетали в себе особенности западной и японской гимнастических систем. Эта гимнастика долгое время широко использовалась руководством национальных организаций для улучшения физической подготовки трудовых коллективов. При этом для достижения максимальной производительности труда на различных предприятиях необходимо было использовать женский труд: само государство, таким образом, возглавило «женскую революцию», которая отменила концепцию деформированных тел с бинтованием женских ног и позволила женщинам выйти из состояния зависимости от мужчин. В этот период человеческое тело стало инструментом государства, что соответствует идеальному типу общества, основанного на инструментальном социальном действии и переходящего от традиционного к обществу ценностно-рационального социального действия (по М. Веберу).

После известных социально-экономических реформ Ден Сяопина китайский народ вошел в общество рыночной экономики, в индивидуализированное общество. Это привело к личностной трансформации взгляда на тело, а спорт стал важным средством для достижения каждой личностью своих собственных целей. Благодаря западным веяниям в КНР пришли многие новые для Китая виды спорта, и физическая культура перестала ограничиваться гимнастическими тренировками. В современном обществе разнообразие видов спорта позволяет людям выбирать способ досуга и развлечений. При этом происходит стратификация спортивного потребления: представители разных социально-экономических слоев общества, выбирают разные виды спорта. Например: бомонд – гольф, рабочий класс – бодибилдинг и т.д. Таким образом, в соответствии с типологизацией М. Вебера, общество ценностно-рационального действия трансформируется в общество целерационального действия.

Для данного типа общества характерна целеполагающая деятельность личности и собственный выбор средств достижения своих целей. В связи с этим весьма показательным представляется актуализация философского значения традиционного китайского вида спорта тайцзи-цюань, который символизирует собой единство духа и тела и позволяет сформировать сильную и позитивную личность, способную к целерациональному социальному действию. Как отмечает Сяндун Е, философия традиционного спорта тайцзи-цюань в наибольшей степени «соответствует современному мышлению людей в отношении тела», поскольку упражнения тайцзи-цюань позволяют «посредством тела воспринимать и улучшать духовный мир». По мнению исследователя, «традиционный китайский вид спорта представляет собой своего рода единство тела и духа, что полностью отличается от разделения тела и духа, как это

описано в западной философии» [11, с. 3]. Еще более контрастное противопоставление традиционного европейского разделения телесных и духовных аспектов человеческого бытия и их китайского единства предлагают Яцзянь Си, Цзяньминь Сян, Гохуа Чжэн. Они отмечают, что в китайской культурной традиции тело рассматривается как ценностный носитель человеческого существования, несущий в себе материальную основу нравственности. Поэтому нравственное воспитание как процесс обретения знания «быть человеком» состоит в таком развитии этого человека, которое объединяет тело и разум [12, с. 93].

Вместе с тем китайские исследователи обратили внимание на происшедшую в западной (европейской) постклассической философии трансформацию отношения к телу, которую они определяют как «корпоратизацию» европейской философской мысли. В частности, Ли Чонг считает, что при решении проблемы дуализма тела и духа в философии сознания весьма эффективной может быть феноменологическая методология с ее понятием интересубъективности, которое позволяет достичь идеального состояния единства тела и духа. Описывая долгий и трудный путь «корпоратизации» постклассической европейской философии от Э. Гуссерля до Ж. Делёза, исследователь утверждает, что китайские философы уже в доциньский период сформировали четкую концепцию соотношения физического и ментального, взяв за основу именно тело, двигательную активность, практический опыт, полагая все это необходимым в следовании по пути дао. Тем самым китайская философия «с древних времен установила центральное положение тела во Вселенной, построила модель мира с помощью тела, сформировав на этой основе социальную этику и обосновав этим стремление к духовной трансценденции» [13, с.82]. Эта концепция оказывается весьма актуальной для современной культуры, к чему трудными дорогами теоретизирования пришла и европейская философия.

Интерпретации физической культуры и спорта китайскими философами, а также подходы к исследованию этих социокультурных явлений, фундированные традиционным «единством тела и духа», в современной терминологии определяются ими как «телесный взгляд на спорт». И это удивительным образом оказывается созвучным современному европейскому философскому вниманию к понятиям телесной (физической в широком смысле) культуры и телесности культуры как присутствия и проявления телесного бытия человека в самых разных социокультурных сферах, вплоть до высокодуховных. Однако понятие телесности пока не стало основой понятийно-терминологического инструментария исследователей социокультурной реальности, и, соответственно, телесный подход не вошел в методологический обиход исследований физической культуры и спорта.

В практике подготовки специалистов в области физической культуры и спорта постоянно воспроизводится западноевропейская рационалистическая традиция разделения физического и духовного бытия человека: естествен-

нонаучная методология в исследовании физических возможностей человеческого тела остается доминирующей, несмотря на сильную гуманитарную составляющую физкультурного образования. Особенно это ощущается на стадии подготовки кадров высшей научной квалификации: например, педагогические диссертационные исследования физического воспитания и спортивной тренировки имеют естественнонаучную методологическую ориентацию. Речь не идет об исчерпанности возможностей естественнонаучной методологии в спортивно-педагогических исследованиях – они далеко не исчерпаны. Дело, по нашему мнению, в том, что спортивная педагогика как научная дисциплина одной из первых столкнулась с необходимостью синтеза методологических программ естествознания и социально-гуманитарных наук в научно-исследовательском мышлении, что является особенностью современной постнеклассической науки. Основой такого синтеза и выступает понятие человеческой телесности, которое отражает социально-культурное измерение физического тела человека и одновременно обусловленность социокультурной реальности физическими и физиологическими свойствами человеческого тела. Ценность человеческой телесности вместе с тем является важнейшим мировоззренческим ориентиром в профессиональной культуре не только исследователя педагогических проблем физической культуры и спорта, но и спортивного педагога-практика. Поэтому столь важным и актуальным для нас представляется изучение «телесного взгляда» на физическую культуру и спорт в китайской философии и социально-гуманитарном научном познании в целом.

На основании изложенного мы считаем необходимым продолжение работы по выявлению методологического потенциала понятия телесности для социально-гуманитарных и естественнонаучных исследований физической культуры и спорта, а также по обоснованию значения понятия телесности как основы методологического междисциплинарного синтеза в современных исследованиях физической культуры и спорта. Экспликация структурно-функциональных характеристик телесного подхода в современных социально-гуманитарных и философских исследованиях физической культуры и спорта в Китае – это одна из задач белорусско-китайского сотрудничества на ближайшие годы. В данной статье мы представили лишь несколько исследований китайских философов, которые, по нашему мнению, являют собой примеры направлений актуализации интереса китайской философии к одной из своих традиционных проблем единства тела и духа в условиях возрастающего значения физической культуры и спорта в жизни современного китайского общества.

Список использованных источников

1. Передельский, А. А. Физическая культура и спорт в отражении философских и социологических наук / А. А. Передельский. – М. : Спорт, 2016. – 417 с.
2. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 606 с.

3. Матурана, У. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – М. : Прогресс-традиция, 2001. – 224 с.
4. Быховская, И. М. Homo somaticos: аксиология человеческого тела / И. М. Быховская. – М. : Едиториал УРСС, 2000. – 208 с.
5. Буйко, Т. Н. Методологический потенциал понятия телесности в исследованиях физической культуры и спорт: современная философия о человекоосозидающей функции спорта / Т. Н. Буйко // Ученые записки: сб. рец. науч. тр. / редкол.: Т. Д. Полякова (гл. ред.) [и др.] ; Белорус. гос. ун-т физ. культуры. – Минск : БГУФК, 2016. – Вып. 19. – С. 20–25.
6. 杨韵.西方哲学游戏论视域下的体育本质解释.南京:南京师范大学 [Юнь Ян. Объяснение природы спорта в контексте теории игр Западной философии / Юнь Ян ; Нанкин. пед. ун-т. – Нанкин, 2015. – 116 с.].
7. 陈子晨."身"的概念结构及与中国传统身体观的联系.西安:中国心理学会成立90周年纪念大会暨第十四届全国心理学学术会议 [Чэнь Цзичэнь. Концептуальная структура «тела» и ее связь с традиционным китайским представлением о теле / Чэнь Цзичэнь // 90-я юбилейная конференция Китайской психологической ассоциации и 14-я Национальная академическая психологическая конференция. – Пекин, 2011. – С. 709].
8. 杨紫暄.中华传统“身体观”视域下我国体育文化发展研究.湖南:体育大视野期刊 [Ян Цзысюань. Исследование развития спортивной культуры моей страны с точки зрения традиционного китайского «взгляда на тело» / Ян Цзысюань // Спорт. журн. широкого видения. – 2011. – № 10. – С. 188–190].
9. 张大志.近代以来中国体育文化中的身体政治.成都:成都体育学院学报 [Чжан Дачжи. Политика тела в китайской спортивной культуре с новейших времен / Чжан Дачжи // Журн. Ин-та физкультуры Чэнду. – 2013. – № 4. – С. 19–24].
10. 张大志.中国近现代体育身体观的生成逻辑.苏州:苏州大学 [Чжан Дачжи. Общая логика развития телесного взгляда на современный китайский спорт / Чжан Дачжи ; Сучжоус. ун-т. – Сучжоу, 2015. – 107 с.].
11. 叶向东.浅谈身体观视域下太极拳的哲学意蕴分析.北京:文体用品与科技期刊 [Сяндун Е. Разговор о философском анализе тайцзи-цюань с точки зрения взгляда на тело / Сяндун Е // Канцеляр. принадлежности и науч. журн. – 2021. – № 19. – С. 3–4].
12. 席亚健, 项建民, 郑国华.中西身体观: 身体之于道德建构的历史与逻辑. 上海: 上海体育学院学报 [Яцзянь Си. Китайские и западные взгляды на тело: история и логика нравственного построения тела / Яцзянь Си, Цзяньминь Сян, Гоуа Чжэн // Журн. Шанх. ин-та физ. воспитания. – 2020. – № 5. – С. 89–93].
13. 李重.身体的澄明之途--对西方哲学中的“身体性”问题的思考[J].西安:西安交通大学学报 [Ли Чонг. Путь прояснения телесного мышления по вопросу «тела» в западной философии / Ли Чонг // Журн. Ун-та Сиань Цзяотон. – 2006. – № 5. – С. 76–82].

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 1/14

Поступила в редакцию 04.01.2022

Received 04.01.2022

Т. Г. Румянцева

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Предпринята попытка очертить круг актуальных проблем, с которыми сталкивается сегодня историко-философская наука. Некоторые вопросы возникли не сегодня, а накопились за предшествующие десятилетия. Другие связаны с теми вызовами, которые появились уже в XXI в. и исходят из самого общества либо же обусловлены изменениями, произошедшими непосредственно в данной философской дисциплине. Среди такого рода проблем следует отметить: значение истории философии для самой философии, соотношение истории философии и других гуманитарных дисциплин, проблемы терминологии и отношение к архивам, основной вопрос философии, а также те, которые касаются ряда стереотипов и штампов, сложившихся в предшествующие десятилетия.

Ключевые слова: история философии, история философии и философия, соотношение истории философии и других гуманитарных дисциплин, проблемы терминологии, работа в архивах, основной вопрос философии, идеализм, немецкая классическая философия

T. Rumyantseva

Belarusian State University, Minsk, Belarus

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN HISTORY-PHILOSOPHICAL RESEARCH

It attempts to outline the range of topical problems that historic-philosophical science faces today. Some of them did not arise today, but accumulated over the previous decades; a number of others are connected with the new challenges that appeared already in the 21st century and emanate from society itself, or are caused by changes acting from within

* В статье кратко подводятся итоги ряда дискуссий, в которых принимала участие автор, выступая с докладами на международных «Кантовских чтениях» в Калининграде (2004, 2009, 214, 2019 гг.), международных гегелевских конгрессах (Познань, 2006, Варшава 2021), научной конференции Института философии Российской академии наук («История философии: вызовы XXI века, 2012), ряде конференций факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета и Института философии Национальной академии наук Беларуси и др.

this philosophical discipline. Among such problems it should be noted: the significance of the history of philosophy for philosophy itself, the relationship between the history of philosophy and other humanities, the problems of terminology and attitude to archives, the main question of philosophy, as well as those that relate to a number of stereotypes and stamps that have developed in previous decades.

Keywords: *history of philosophy, History of philosophy and philosophy, relation of history of philosophy and other humanities, problems of terminology, work in the archives, main question of philosophy, idealism, German classical philosophy.*

В данной статье предпринята попытка очертить круг актуальных проблем, с которыми сталкивается сегодня историко-философская наука. Некоторые из них возникли не сегодня, а накопились за предшествующие десятилетия; ряд других связан с вызовами, возникшими уже в XXI в., и исходят либо из самого общества, либо связаны с изменениями в самой философской дисциплине.

К числу такого рода проблем, которые традиционно входили в корпус историко-философского знания и которые тем не менее по-прежнему продолжают вызывать многочисленные дискуссии, относится проблема, связанная с выяснением *значения истории философии для самой философии.*

Здесь традиционно существует несколько точек зрения. Согласно первой, ведущей свои истоки еще от Г. В. Ф. Гегеля, история философии и философия тождественны друг другу, так как философия это и есть движение духа к самосознанию, в процессе которого важен не только итог, но и весь путь во всей его полноте и необходимости составляющих его ступеней. Поэтому вопрос о значении истории философии для философии в таком контексте становится избыточным и просто отпадает, ведь «изучение истории философии есть изучение самой философии» [1, с. 93].

Другая точка зрения берет начало от И. Канта, который считал, что до него вообще не было никакой философии. Поэтому он отрицал значение каких-либо предшествующих учений для его критической философии. Так, посвятив в своей знаменитой первой «Критике» всего три странички изложению истории этих учений, философ отмечал, что «вся сделанная с точки зрения природы чистого разума работа в целом кажется ему зданием, но лежащим в руинах», что «многие века не могли доставить полное удовлетворение человеческому разуму в вопросах, всегда возбуждавших жажду знания, но до сих пор занимавших его безуспешно» [2, с. 630, 632]. И. Кант, в частности, полагал, что, разработав свой критический метод и направив философию на путь науки, он обеспечит окончательное решение всех проблем. А если такого метода до него не было, то и говорить о влиянии истории философии не представляется возможным. Хотя мы хорошо помним о влиянии на немецкого мыслителя философии Д. Юма, который «прервал его догматическую дремоту». Неслучайно и то, что в качестве эпиграфа к своей главной книге И. Кант взял слова из про-

изведения Ф. Бэкона «Великое восстановление наук», а в молодости восхищался трактатами Ж.-Ж. Руссо, идеи которого также повлияли на формирование его взглядов. По пути, проложенному немецким философом, уже в XX в. пошли представители аналитической философии, которые предприняли попытку с помощью анализа языка превратить философию в строгую науку, способную разрешить все проблемы и потому не нуждающуюся в каких-либо историко-философских экскурсах.

И хотя сегодня существуют многочисленные сторонники двух отмеченных нами точек зрения (Г. В. Ф. Гегеля и И. Канта), преобладающей является все же та, согласно которой мы, как карлики Бернарда Шартрского, стоим на плечах великанов и только поэтому можем видеть дальше их. Как отмечал В. С. Стёпин, «без знания истории философии, без изучения оригинальных текстов создателей новых философских идей, концепций, систем, без понимания того, как исторически развивалось философское знание, невозможно стать философом» [3, с. 20]. Более того, излагая любую новую идею, философ всегда использует и в качестве своей аргументации, и в качестве иллюстрирующих эту идею ссылок соответствующий историко-философский материал, без чего сегодня его работа становится невозможной. Главное, чтобы история философии сохраняла актуальность и оставалась источником новых открытий.

К числу насущных и часто обсуждаемых историко-философских проблем относят сегодня и проблему *соотношения истории философии и других гуманитарных дисциплин*. Речь идет о том, что тенденция к междисциплинарности, широко распространенная в современной науке, пока еще недостаточно присутствует в историко-философских исследованиях. Значительной точкой роста для развития данного научного направления могло бы стать включение в историко-философский дискурс работ по теории идей или интеллектуальной истории А. Лавджоя, а также результатов исследований в области структурной лингвистики и так называемых философствующих историков (Р. Коллинз и др.). Хотя, надо заметить, что в последние годы в России стали появляться работы по этой теме.

Большое место в комплексе теоретико-методологических проблем истории философии занимают сегодня также вопросы, связанные с употреблением *терминологии*. Это касается применения сложившегося здесь достаточно поздно (XVII–XIX вв.) набора категорий, терминов и понятий к философским и предфилософским учениям древности – античной и средневековой традиции, а также к философским учениям Востока. Чаще всего в этом контексте упоминаются такие категории, как *онтология*, *гносеология*, *аксиология*, *эпистемология* и т.п. Так, согласно одному из самых авторитетных российских историков философии Н. В. Мотрошиловой, для «грамотной» историко-философской работы «непозволительно прибегать к изначальным терминологическим модернизациям» [4, с. 199]. С ее точки зрения, которую поддерживают сегодня многие исследователи, должно стать запретным «оснащение» работ

по истории античной мысли заголовками вроде «Гносеология Гераклита» или же «Онтология Платона» и тем более «Онтологические идеи философов древней Индии» [4, с. 199]. Аргументом здесь служит положение о том, что до начала XVII в. такого понятия, как «онтология», вообще не существовало, а термин «гносеология» появляется только в XIX в. У философов древности мы встречаем совсем другое деление философии – на такие дисциплинарные области, как физика, логика и этика. Даже во времена И. Канта превалировали «рациональные» космология, психология и теология. Тем не менее, ставший привычным для нас понятийно-категориальный аппарат столь прочно и основательно закрепился в историко-философской науке, что почти невозможно отказаться от применения современных философских категорий и терминов при описании мысли даже далеко отстоящих от нас эпох.

То же самое можно отнести и к так называемым инокультурным философским традициям. Так, ведущие специалисты-востоковеды отмечают сегодня, что историко-философский дискурс в отношении этих традиций можно отнести к «зоне повышенного риска» и что мы несправедливо продолжаем помещать тексты этих культур в систему координат европейской философии. Увы, гегелевская европоцентристская модель, согласно которой на Востоке (Индия и Китай) существовали лишь предфилософские представления, а также убеждения таких философских корифеев уже XX в., как М. Хайдеггер и Э. Гуссерль о тесной связи философии лишь с западной цивилизацией, продолжают оставаться и сегодня общепринятыми для многих авторов. При этом трудно сказать, является ли эта точка зрения выражением их принципиальной позиции или же ее следует воспринимать как некомпетентность этих авторов. Хотя, достаточно убедительной здесь является позиция российского философа В. К. Шохина, согласно которой следует все же «различать границы самого европоцентризма». Он, в частности, полагает, что «если под ним понимать “предвзятое” принижение Востока, якобы по определению не могшего дорастить до “настоящей философии” (и способного лишь на отдельные “философемы”), которая по определению могла начаться только в Греции как родине науки и демократии, то такая позиция действительно основывается преимущественно на элементарной некомпетентности и непонимании того, что есть философия как таковая» [5, с. 305].

Действительно, порой очень непросто определить, как поступать в данной ситуации, ибо вряд ли европейский автор способен выйти за границы собственного философского языка. Тем более что представители иных культур сами часто используют «кальки» европейского языка при изложении собственных взглядов, особенно в тех случаях, когда они вступают в диалог со своими западными коллегами. Кстати, виднейшие российские востоковеды В. Г. Лысенко, М. Т. Степанянц и другие предлагают вообще «выкинуть на свалку истории... колониальную оппозицию “Восток–Запад”», а вместе с ней и мифическое понятие «Восток», которое, как они считают, нивелирует важнейшие

культурные и цивилизационные различия, существующие внутри этого географического ареала [6, с. 243].

Очень важной некоторые историки философии признают необходимость работы в *архивах*. Так, один из виднейших в сегодняшней России специалистов в области немецкой философии А. Н. Круглов прав, когда пишет о том, что отечественные философы (а это относится и к нашим белорусским авторам) в противовес историкам и филологам, вообще не изучают в вузе специальные исторические дисциплины и методы работы с источниками. Поэтому они «лишь случайным образом могут обладать необходимыми навыками для работы в них» [7, с. 291]. Правда, при этом ученый сетует и на то, что, в отличие от западноевропейских коллег, российские философы не располагают столь образцовыми и первоклассными собраниями сочинений русских мыслителей и что выполнить эту задачу без архивной работы совершенно невыполнимо. Однако реализовать эти начинания А. Н. Круглов считает слишком утопичной задачей как в силу состояния российских архивов, так и из-за отсутствия достаточного количества опытных специалистов. Думается, что такого рода проблемы имеют место и в белорусской истории философии. К числу уже перечисленных трудностей можно добавить и то, что наша республика больше России пострадала в годы Великой Отечественной войны, когда значительная доля архивных материалов была или утеряна, или уничтожена. С этим автор этой статьи сама столкнулась, работая в библиотеках Беларуси и собирая материал об исследованиях кантианского наследия в послереволюционный и чуть более поздний – межвоенный период нашей истории [8]. Кстати, историко-философские исследования самого А. Н. Круглова являются подтверждением того факта, какой существенной точкой роста является работа в архивах [9].

Очень важен, на наш взгляд, и учет фактов, связанных со сложившимися в советские годы и до сих пор воспроизводимыми догмами и штампами относительно тех или иных историко-философских проблем и эпох. Это связано с тем, что характер и исследований, и преподавания философии и истории философии в традиции советской высшей школы вплоть до конца XX в. обуславливался рядом деформирующих содержательных особенностей мировоззренческого и идеологического порядка. Как показывает практика, это не везде и не полностью утратило свое значение и сегодня в учреждениях высшей школы нашей страны. Речь идет в том числе и о продолжающемся акцентировании *противопоставления материалистической и идеалистической традиций* в изучении философии с осознанным предпочтением только материализма. А ведь даже В. И. Ленин писал в свое время, что «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм» [10, с. 248]. Следует иметь в виду, что в большинстве своем историки философии не только пересмотрели, но и решительно отказались от так называемой «борьбы двух партий»

в философии и противостояния материализма и идеализма как движущей силы развития философии.

Отсюда вытекает и необходимость отказа от акцентирования внимания и на *основном вопросе философии* – об отношении материи и сознания. Мы связываем его обычно с «делением философов на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос» [11, с. 283]. И хотя постсоветская историко-философская наука, казалось бы, отвергла это упрощенное представление Ф. Энгельса о том, что все философы занимались решением именно этого единственного вопроса, в учебниках он по-прежнему воспроизводится в том статусе, который ему был придан в марксистско-ленинской философии. На самом деле философы решали и продолжают решать «целый ряд *основных вопросов философии*», как писал патриарх советской истории философии Т. И. Ойзерман [12, с. 450]. Более того, для многих философов этот вопрос вообще не был основным.

Разумеется, вопрос об отношении духовного и материального имел место и в эпоху Просвещения, и в немецком идеализме XVIII–XIX вв. Он решался в разных редакциях и формулировках, чаще всего в формате разрешения противоположности между бытием и сознанием. Однако только в марксизме данный вопрос приобрел принципиальный смысл и аксиологическую нагруженность. Как полагает М. А. Можейко, ему был придан статус именно вопроса, то есть «такой логической формы, которая в отличие от проблемы предполагает возможность не только исчерпывающе финального, но и правильного ответа». А такой подход к философии, пишет она, «инспирирует ее редукцию к доктринальному учению, продуцируя такие модусы ее существования, как программно-концептуальные кодексы и вопросно-ответная катехитика – вопрос-ответ...» [13, с. 750].

В связи с этим следует отметить еще один момент, обусловленный наличием укоренившегося в отечественной философской литературе негативного (и порой воинственно-отвергающего) стереотипа в подходе к самому термину *идеализм*, а также к его использованию для описания конкретных мыслителей и их философских позиций. Российская исследовательница Т. Ф. Быкова полагает, в частности, что такое пренебрежительно-негативное истолкование и употребление указанного термина без учета специфического исторического и интеллектуального контекста ведет «к значительным заблуждениям и неверным обобщениям, граничащим с ошибочными интерпретациями многих философских учений» [14, с. 242]. Такого рода представление об идеализме как о чем-то заведомо ошибочном во многом сложилось под влиянием многолетней марксистско-ленинской критики идеалистической философии как таковой. Хотя нельзя не заметить, что такое же критическое отношение к данному философскому направлению имело место и на Западе, в англо-американской аналитической философии и ряде других школ и направлений. Т. Ф. Быкова

полагает, что при таком подходе явно игнорируется тот факт, что идеализма как некоей общей концепции, идеи и принципы которой были бы присущи всем его представителям, не существует. В самом деле, даже И. Кант, включив во второе издание «Критики чистого разума» небольшой раздел под названием «Опровержение идеализма», анализировал не идеализм как таковой, а идеализм Р. Декарта, который он определил как проблематический, а субъективный идеализм Д. Беркли назвал догматическим и т.п. Свою же разновидность идеализма он охарактеризует как трансцендентальный. Речь поэтому должна идти скорее о существовании самых различных разновидностей и модификаций идеализма, которые и следует подвергнуть специфическому анализу в каждом отдельном конкретном случае.

Еще одним стереотипом, по-прежнему воспроизводимым в историко-философском дискурсе, когда речь заходит о выявлении динамики и тенденций развития и приращения знаний, является определенного рода представление о соотношении понятий «центр – периферия». Привычным здесь по-прежнему остается мысль о том, что доминирующие парадигмы философского знания разрабатывались только в академических центрах официальной философии. Хотя в действительности новации достаточно часто появлялись именно на периферии – в смежных, соприкасающихся с философией сферах духовной культуры. Речь идет о так называемых философах-маргиналах типа Ф. Ницше, С. Кьеркегора и др. В их творчестве действительно можно увидеть или отметить существенные точки роста философского знания, недогматичность интеллектуальных поисков и т.п. В последнее время, правда, наблюдается и противоположная тенденция – устойчивое стремление ввести Ф. Ницше в академический дискурс, предоставляя ему законное место среди философов-классиков. Тем самым возникает серьезная опасность потери того, что составляет своеобразие личности этого философа и его идей. Об этом, в частности, заявляла Ю. В. Синеокая в предисловии к книге «Ницше сегодня», которая вышла к 175-летию со дня рождения немецкого философа и демонстрирует актуальность его идей для XXI в. [15, с. 35].

Среди проблем, возникновение которых связано с вызовами, появившимися уже в 2020-е годы и исходящими из самого общества, следовало бы отметить ту, которая возникла в связи с распространившимся в ряде стран Запада, и прежде всего в США, движением «Black Lives Matter» (BLM, в пер. с англ. «Жизни черных важны»). Это воплотившееся в самых различных формах движение, которое ставит своей целью отстоять права афроамериканцев, добиться равного права для всех граждан и выявить истоки рабства, коснулось и философии. Речь идет о том, что, в работах философов, начиная с античных времен, находят высказывания относительно неравенства людей, неприемлемые с точки зрения реалий современного мира. И если раньше такого рода проблемы освещали в рамках академических дискуссий сами философы, то

сегодня их обсуждение переместилось с арены университетских кафедр на страницы популярных газет, журналов и даже в телевизионные шоу.

Вслед за вниманием к деятельности политиков в фокусе оказались ученые и философы прошлого, которых сегодня призывают к ответственности за когда-то высказанные суждения. Отсюда становится актуальным вопрос о том, как сами философы должны реагировать на эту ситуацию, как им изучать и преподавать историю философии в условиях сегодняшнего дня. Участники круглого стола, состоявшегося 14 октября 2020 г. в Институте философии Российской академии наук на тему «История западной философии в контексте Black Lives Matter», а также авторы ряда статей, посвященных этой же проблематике, живо откликнулись на такого рода вызовы. Они заявили, что нельзя закрывать глаза и делать вид, что философия должна оставаться вне подозрений, а развернули обширную дискуссию об отношении к расизму в философии [16]. Результаты этих дискуссий получили широкий резонанс в кругу историков философии, показав, в частности, что актуальность этой проблематики не означает, что следует полностью переписать историю философии и призвать к ответственности Аристотеля, Д. Юма или же И. Канта с Г. В. Ф. Гегелем. Так, В. В. Васильев призвал понять, что некоторые из действительно принадлежащих им расистских высказываний следует все же считать не выражением их личных взглядов, а отнести к заблуждениям тех эпох, в которые они творили, поэтому вряд ли стоит их за это жестоко наказывать. И хотя философ, в отличие от простого обывателя, всегда отличался способностью подняться над ограниченностью своего времени и прорваться сквозь контекст эпохи, не все из них оказались способными выдержать этот экзамен. Другое дело, что здесь надо в каждом конкретном случае выяснять, является ли та критика, которой подвергают, к примеру, Аристотеля, Д. Юма или И. Канта, всего лишь данью современной моде или за ней действительно стоят те или иные несовместимые с современными реалиями высказывания о неравенстве рас и народов. При этом опять же следует опираться на оригинальные тексты самих этих авторов, а не использовать прямолинейные и упрощенные клише, растиражированные в популярных изданиях. Думается, что эта проблема еще долго будет оставаться актуальной для историков философии, мотивируя их в том числе и к пересмотру многих закрепившихся в этой науке стереотипов относительно позиций тех или иных мыслителей прошлого.

К числу актуальных проблем, которые обсуждают сегодня историки философии, относятся и те, которые связаны с переосмыслением ряда догм и стереотипов, сложившихся в советские времена относительно места и значения отдельных знаковых персоналий и целых философских эпох. Многие из них продолжают воспроизводиться и сегодня в нашей прежде всего учебной литературе. Отмечу лишь некоторые из них, касающиеся, в частности, *немецкой классической философии*. Интерес именно к этой философской традиции связан с тем, во-первых, какое место и значение ей традиционно отводилось в качестве

одного из важнейших теоретических источников марксистско-ленинской философии, а во-вторых, что именно она вот уже на протяжении нескольких десятилетий является предметом исследования и преподавания автора данной статьи. Анализ этих стереотипов важен еще и потому, что за последние годы как в России, так и за рубежом сложился качественно иной ее образ. Думается, что отечественная мысль не должна оставаться и здесь в стороне от результатов этих исследований.

Первый из этих стереотипов касается самого *названия* данной традиции, ее своего рода «идентификационной» метки. По словам М. Ф. Быковой, само «выражение “немецкая классическая философия”, становится весьма проблематичным и требует уточнения» [14, с. 212–213]. Еще радикальнее звучат слова В. К. Шохина, который отмечает а) «долгожданную усталость» от стереотипа «немецкая классическая философия»; б) идеологическое происхождение этого термина и в) тот вред, который он наносит изучению самой немецкой философии [5, с. 303].

Как известно, впервые данное словосочетание ввел в научный оборот Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886 г.). Затем оно перекочевало почти во все учебники философии и стало образцовым для учебных курсов, основательно закрепившись в советской литературе. В немецкую классическую философию этот философ включал, однако, не только идеалистические системы И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля, но и материалистическое учение Л. Фейербаха. Именно последний, по словам того же Ф. Энгельса, существенно превзошел всех своих предшественников, став своего рода «посредствующим звеном» между философией Гегеля и теорией классиков марксизма.

Как Ф. Энгельс, так и классики марксизма в целом использовали словосочетание «немецкая классическая философия», чтобы показать, что они взяли из нее все лучшее и превзошли даже самого Л. Фейербаха, пытавшегося поставить ее на материалистическую почву. Однако при таком подходе из немецкой классики выпадают важные фигуры, во многом определявшие интеллектуальный климат XVII – первой четверти XIX в. в Германии и других европейских странах, – Г. Лейбниц, Ф. Якоби, Ф. Шлейермахер, К. Рейнгольд, А. Шопенгауэр и, наконец, И. Гёте и Ф. Шиллер. Более того, если обратиться к немецкоязычной и англоязычной философским традициям, то здесь было принято говорить не о классической немецкой философии, а о немецком идеализме или метафизическом идеализме. Тем не менее именно в таком, энгельсовском, понимании немецкая классическая философия читается и сегодня, воспроизводя имманентно заложенное в ней толкование ее значения как непосредственного источника марксистско-ленинской философии. Наиболее адекватным и отвечающим современному уровню развития историко-философской науки термином для обозначения данного этапа в развитии западноевропейской мысли является «немецкий идеализм второй половины XVIII – первой

трети XIX в.». Именно под таким названием и читается сегодня курс студентам на факультете философии и социальных наук в Белорусском государственном университете.

Есть, правда, один момент, уже упомянутый в данной статье: сложившееся в отечественной философской литературе негативное отношение к самому термину «идеализм» с его пренебрежительно-отрицательным истолкованием и употреблением, в том числе и по отношению к этой философской традиции.

Объем настоящей публикации не позволяет более подробно развернуть и показать ряд других стереотипов, которые до сих пор воспроизводятся в литературе применительно к немецкому идеализму. Поэтому перечислим их кратко в назывном порядке. Речь идет, в частности, о том, что *в немецкой философии, начиная со дня смерти Г. В. Лейбница (1716 г.) и до публикации первого издания кантовской «Критики чистого разума» (1781 г.) якобы вообще был провал*. Поэтому, мол, И. Канту пришлось создавать свое учение чуть ли на пустом месте. Однако новейшие исследования показывают, что середина XVIII в. в Германии была чрезвычайно интеллектуально насыщенной эпохой, и И. Кант своим главным вопросом в «Критике чистого разума» «Как возможна метафизика как наука?» фактически продолжил, а не начал, длившуюся в стране в течение нескольких десятилетий дискуссию *о статусе, роли и возможности метафизики* [9].

Следует упомянуть и о воспроизводимой в советской научной и учебной литературе, часто используемой и сегодня схеме о «*генеалогической преемственности*», наличии цельности и имманентной логики в развитии немецкой классической философии. При этом полагается также, что всем представителям данной интеллектуальной традиции было присуще единое проблемное поле, сходное понимание системообразующих идей и понятий и т.п. Эта схема также не полностью соответствует реальному положению дел; скорее мы имеем здесь дело «с пестрым многообразием конкурирующих версий развертывания философского дискурса» [17, с. 209].

Во многом благодаря К. Марксу в нашей философии прижилось еще одно клише, ставшее поистине канонической объяснительной схемой, а именно, что немецкую классику следует рассматривать исключительно как *интеллектуальный эквивалент Великой французской революции*. В своей статье «Философский манифест исторической школы права» (1842) он так и охарактеризовал философию Канта как «немецкую теорию французской революции», противопоставив ее воззрениям реакционного романтика юриста Г. Гуго. Не отрицая наличия определенной связи между революционным характером тогдашней европейской истории и немецкой мыслью того времени, следует тем не менее помнить, что главная книга И. Канта «Критика чистого разума» (1781 г.), в которой были фактически разработаны все основополагающие принципы его философии, вышла в свет задолго до событий Великой Французской революции (1789–1799 гг.). Не следует также забывать, как неоднозначно отно-

сился к этой революции и сам немецкий мыслитель, осуждавший право народа на восстание. Г. В. Ф. Гегель же в своей «Феноменологии духа», даже несмотря на юношеское преклонение перед революцией во Франции, не пожалел красок для описания ужасных и роковых злоключений сознания после того, как его захватило упоение «абсолютной свободой и ужаса», а также ощущение общности воли [18, с. 314]. Исследования последних лет, прежде всего работы уже упомянутого А. Н. Круглова, показывают, что немецкую философию этой эпохи следует рассматривать как *имманентный продукт внутреннего развития*, итог мощных интеллектуальных движений, разворачивавшихся в духовной жизни самой Германии, как развитие тех новых идей, которые были высказаны предшественниками И. Канта [9].

Решительно пересматривается сегодня и место И. Канта в качестве непосредственного предтечи и основоположника немецкого идеализма, а также как философа, заложившего основы той исторической формы диалектики, с которой обычно ассоциируется немецкая классика, особенно в ее гегелевской редакции. Такого рода идеи все чаще звучат в историко-философских работах последних десятилетий, и к ним нельзя не прислушаться [19]. Речь идет о том, что немецкий мыслитель разработал и придерживался совершенно особой версии идеализма, в принципе отличающейся от той, которую развивали его последователи. А его трансцендентальная диалектика никак не может быть принята в качестве истока ни гегелевской, ни марксистской диалектики. Философ придавал ей исключительно негативное значение, характеризуя ее как «логику иллюзий» и неизбежное заблуждение разума, пытающегося постигнуть сверхчувственное. И. Кант полагал, что противоречия, в которые впадает разум при отсутствии у него дисциплины, таят для него огромную опасность и потому должны быть преодолены во что бы то ни стало. Что же касается его ближайших последователей, то, начиная с И. Г. Фихте, противоречие становится источником и движущей силой развития, а диалектика – универсальным методом исследования и теорией развития всего сущего.

Разумеется, проблемы, с которыми сегодня сталкивается историко-философская наука, отнюдь не исчерпываются теми, которые были обозначены в рамках данной статьи. Более того, особый акцент на проблемы, связанные с переосмыслением ряда стереотипов и догм, сложившихся вокруг немецкой классической философии, обусловлен пристальным вниманием автора именно к этой философской эпохе. Хотя статья явно не ограничивается рассмотрением только их. Были затронуты и иные насущные вопросы современного историко-философского знания. Речь идет о его отношении и к самой философии, и к другим философским и гуманитарным дисциплинам, анализу тех противоречий и трудностей, которые возникли, как уже отмечалось, не сегодня, а накопились за предшествующие десятилетия. Показано также, что некоторые из актуальных проблем стали своего рода ответом на те новые вызовы,

которые появились уже в XXI в. и исходят из самого общества. Это, в частности, показывают дискуссии об отношении философии к расизму в контексте движения «Black Lives Matter», цель которых выяснить, как философы должны сегодня реагировать на эту ситуацию и как им изучать и преподавать историю философии в условиях сегодняшнего дня.

Автор допускает мысль о том, что не все читатели единодушно согласятся с некоторыми из его суждений, и потому приглашает всех специалистов в области истории философии (и не только их) к диалогу для обсуждения актуальных проблем этой науки и ее будущего в XXI в.

Список использованных источников

1. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии : в 3 кн. / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993–1994. – Кн. 1. – 1993. – 349 с.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : ЭКСМО, 2007. – 736 с.
3. Стёпин, В. С. Почему история философии важна для философии? / В. С. Стёпин // История философии: вызовы XXI века / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М. : Канон+, 2014. – С. 19–34.
4. Мотрошилова, Н. В. Что делать с устоявшейся привычкой обозначать более поздними терминами древние или более ранние учения? / Н. В. Мотрошилова // История философии: вызовы XXI века / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М. : Канон+, 2014. – С. 196–200.
5. Шохин, В. К. Комментарии / В. К. Шохин // История философии: вызовы XXI века / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М. : Канон+, 2014. – С. 302–308.
6. Лысенко, В. Г. Европоцентризм как тормоз современных историко-философских исследований / В. Г. Лысенко // История философии: вызовы XXI века / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М. : Канон+, 2014. – С. 237–245.
7. Круглов, А. Н. Архивы как помощь и препятствие для историка философии / А. Н. Круглов // История философии: вызовы XXI века / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М. : Канон+, 2014. – С. 290–293.
8. Румянцева, Т. Г. И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периода / Т. Г. Румянцева // Кантовский сборник. – 2021. – Т. 40, № 3. – С. 127–149.
9. Круглов, А. Н. Тетенс, Кант и дискуссии о метафизике в Германии второй половины XVIII века / А. Н. Круглов. – М. : Феноменология – Герменевтика, 2008. – 440 с. ; Его же. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы // Вопр. философии. – 2020. – № 5–6. – С. 169–189, 192–209 ; Его же. Кант как немецкий теоретик французской революции: возникновение догмы в марксистско-ленинской философии // Кантовский сборник. – 2021. – Т. 40, № 3. – С. 63–92.
10. Ленин, В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по философии истории» // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М. : Политиздат 1967–1975. – Т. 29 : Философские тетради. – 1969. – 595 с.
11. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Сочинения: [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1955–1981. – Т. 21. – 1961. – С. 269–317.
12. Ойзерман, Т. И. Кант и Гегель: опыт сравнительного исследования / Т. И. Ойзерман. – М. : Канон +, 2008. – 520 с.
13. Можейко, М. А. Основной вопрос философии / М. А. Можейко // История философии : энциклопедия. – Минск : Книж. дом, 2002. – С. 750–751.
14. Быкова, Т. Ф. О философском проекте немецкого идеализма / Т. Ф. Быкова // Историко-философский ежегодник. – 2011. – № 1. – С. 242–267.

15. Ницше сегодня : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. – 2-е изд. – М. : Изд. дом ЯСК, 2019. – С. 7–41.
16. Чалый, В. А. Иммануил Кант – расист или колониалист? / В. А. Чалый // Кантовский сборник. – 2020. – Т. 39, № 2. – С. 94–98.
17. Резвых, П. В. В поисках нового образа немецкой классической философии / П. В. Резвых // История философии: вызовы XXI века / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М. : Канон+, 2014. – С. 207–210.
18. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1992. – 444 с. ; История философии / под ред. В. В. Васильева [и др.] – М. : Акад. проект, 2008. – 783 с. ; Панафидина, О. Н. Трансцендентализм И. Канта и немецкий идеализм (К вопросу о некоторых стереотипах экспликации кантовской теоретической философии) / О. Н. Панафидина // Вопр. философии. – 2011. – № 4. – С. 177–186 ; Румянцева, Т. Г. Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля / Т. Г. Румянцева. – Минск : Выш. шк., 2015. – 271 с.

Д. В. Малахов

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**«ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС НАУКИ» М. ХАЙДЕГГЕРА
В ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВАХ
КОНСТИТУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.
ЧАСТЬ I. ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ**

Статья посвящена проблеме конституирования ценностно-мировоззренческих оснований исторической памяти. Работа носит теоретико-методологический характер и основывается на феноменологическом анализе субъекта научного и философского знания как конститутивного элемента различных форм актуализации исторической памяти в пространстве социума и культуры. В качестве основы методологического подхода к синтезу позитивно-теоретического и философско-герменевтического видов научного знания выступает концепция экзистенциального генезиса науки М. Хайдеггера, ключевое значение в предлагаемой интерпретации которой полагается в субъектно-фундированной онтико-онтологической корреляции исторической фактичности и смыслополагания события, имеющего привилегированный ценностно-мировоззренческий статус в жизни общества.

Ключевые слова: историческая память, мировоззрение, Великая Отечественная война, Холокост, феноменология, темпоральность, трансценденция, коммеморация, социум, субъект, экзистенциальный генезис науки, подручность, дисфункциональность, онтический модус, онтологический модус

D. Malakhov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**“EXISTENTIAL GENESIS OF SCIENCE” BY M. HEIDEGGER
IN THE VALUE-WORLDVIEW PERSPECTIVES
OF THE CONSTITUTION OF HISTORICAL MEMORY.
PART I. TEMPORALITY AND TRANSCENDENCE**

The article is aimed at the problem of constituting the value and ideological foundations of historical memory. The work is theoretical and methodological and is based on a phenomenological analysis of the subject of scientific and philosophical knowledge as a constitutive element of various forms of actualization of historical memory in the space of society and culture. The basis of the methodological approach to the synthesis of positive-theoretical and philosophical-hermeneutic types of scientific knowledge is the concept of the existential genesis of science by M. Heidegger, central in the proposed interpretation is perceived on the subject-based ontic-ontological correlation of historical factuality and the meaning of an event that has a privileged value-worldview status in the life of society.

Keywords: *Historical Memory, Worldview, Great Patriotic War, Holocaust, Phenomenology, Temporality, Transcendence, Commemoration, Society, Subject, Existential Genesis of Science, Readiness-to-Hand / Being-ready-to-Hand, Dysfunctionality, Ontic mode, Ontological mode*

В исследованиях, посвященных формам коммеморации (*Commemoration*) – освоения и трансляции событий прошлого в социальном пространстве памяти, принято разграничивать историческую и национально-культурную память. Историческая память ориентирована на воспроизводство события в научном, образовательном и символическом пространствах генерирования общественно значимых смыслов. В отличие от национально-культурной памяти, коммеморация исторического события как форма личностной и социальной самоидентификации оказывается более насыщенной эпистемологически. Она предусматривает такие значимые для институциональной науки и системы образования процедуры, как освоение грантов, конференции, публикационную активность, формирование научных коллективов, методологическое совершенствование воспитательно-образовательного процесса. В системе образования и в институтах гражданского общества актуализация исторической памяти осуществляется обычно в деятельности патриотических и поисковых отрядов и обществ, занятых организациями исторических реконструкций. Формирование же самоидентификации социума посредством актуализации национально-культурной памяти в значительно большей степени ориентируется на чувственно-эмоциональную сферу, процесс формирования национальной самоидентичности может, как показывает современный опыт отдельных стран Восточной Европы, идти вразрез с данными исторической науки, скажем, в интересах политического прагматизма.

Формирование ценностно-мировоззренческих основ исторической памяти в современном белорусском обществе имеет ряд отличительных черт: события, в отношении которых осуществляется коммеморация, сами по себе имеют универсальный ценностный ранг. Не секрет, что в белорусском обществе историческая память, в отличие от памяти национально-культурной, сосредоточивается в основном на событиях 1941–1945 гг. Действительно, трудно спорить с тем, что такие события, как Великая Отечественная война, «огненные деревни», нацистские лагеря смерти, Холокост могут рассматриваться как определяющие *новое начало* человеческого бытия. События эти носят фундаментальный характер для общественного исторического сознания, но при этом являются относительно новым предметом философских исследований. Интуиция говорит нам, что актуализация исторической памяти в отношении указанных событий является важнейшим ценностно-мировоззренческим рефлексивным актом мышления.

Данная рефлексия опирается не только на известные логико-когнитивные процедуры исторического исследования, но и на сущностные интенции,

в которых формы актуализации исторической памяти рассматриваются в качестве *жизнеутверждающего* акта в пространстве социума. Усилие по актуализации памяти как комплекса смыслопорождающих интенций переводит, по верному замечанию М. К. Мамардашвили, структуры выявления и дескрипции фактической стороны воспоминаний в необходимый в контексте обретения модуса понимающей собственное историческое бытие экзистенции: «...в мире, в котором мы что-то испытываем, есть какая-то точка, в которой описание останавливается, не может идти дальше, и в этой точке должен совершиться какой-то акт, дополнительный. **Акт жизни**, дополнительный к наблюдению» [6, с. 233]. Конституирование исторической памяти как *акта жизни* представляется автору настоящей статьи осуществимым в контексте применения методологии феноменологической философии – разнопланового направления философской мысли, которое тем не менее едино в приоритетном понимании статуса *субъекта* научного знания и социального действия.

Феноменологические интенции в отношении привилегированного ценностного статуса субъекта познания не могут быть имплементированы в эпистемологию в прямом смысле этого слова. Вместе с тем возможность опосредованной интеграции существует, когда речь заходит о формах присутствия философского знания в структурах мировоззрения, в особенности в его ценностных основаниях. Факт принадлежности личности ученого к той или иной форме мировоззрения не в состоянии оказывать непосредственное влияние на характер устанавливаемого им научного факта или научной истины в виде теории. Однако в отношении социально-гуманитарных наук мировоззренческие основания способны генерировать определенные ценностные опции, например, личную *расположенность* субъекта познания к жизненному миру человека, его повышенную *чувствительность* к сложным экзистенциальным проблемам личности и социума, которые, безусловно, обнаруживают себя в полноте научного анализа и в определяющем ход исследований выборе приоритетного предмета научного познания. Как справедливо замечает В. А. Лекторский, «именно “Я” есть инстанция принятия свободных решений. Лишь при наличии единства сознания возможна ответственность за поступки, которые немислимы в том случае, если сознание распадается на фрагменты, если прошлое не связывается с настоящим и будущим» [3, с. 14].

Феноменологическая методология, разумеется, не бесспорна. Однако, как показывает история феноменологического движения, несомненен факт беспрецедентного углубления субъективной и, шире, личностной составляющей процесса познания в феноменологически ориентированной философии. Как полагает Н. М. Смирнова, «феноменологически сознание – не только объект в мире, но и *субъект для мира*, необходимое условие для любой вещи являться как объект – так, в каком смысле он существует *для* сознания, – через его “наделение смыслом”» [8, с. 60]. По верному замечанию Д. Гинева в отношении замысла гуссерлевской феноменологии как обоснования *возможности* пози-

тивных наук, «критическое снятие забытости субъекта – привилегия единственно трансцендентального *Egologie* <...> призванной раскрыть то, что остается нетематизированным в научном исследовании» [2, с. 91]. Действительно, феноменологическая поглощенность проблемой «трансцендентального», как и трансцендентальная составляющая процесса научного познания в целом, по мнению американского философа науки и феноменолога Д. Коккельманса, свидетельствует отнюдь не о *забытости объекта* и «не является формой опровержения науки, скорее доскональным исследованием предпосылок ее существования и обоснованности (a “transcendental” concern is not a denial of science, but precisely presupposes its existence and legitimacy)» [16, p. 15]. В настоящей работе феноменологический компонент представлен фундаментальной онтологией М. Хайдеггера. Описываемый немецким философом в «Бытии и времени» (§ 69 «Временность бытия-в-мире и проблема трансценденции мира» [10, с. 356–366]) *экзистенциальный генезис науки*, в основу которого полагаются различные формы компенсации утрачиваемого привычного распределения конкретно-исторического человеческого бытия (*Dasein*) в мире сущих вещей и смыслов, предполагает ситуацию *кризиса*, который может носить как личностный, так и исторический характер. *Da-* («вот», «так») подразумевает экзистенциальную, темпорально-онтологическую, артикуляцию «тут», «здесь» *бытия* в модусах фундаментальных экзистенциалов, которая, как будет показано далее, имеет трансцендентный телеологический конституент. Вследствие этого наиболее аутентичным представляется написание *Dasein* как *здесь-бытие-вот*, однако до момента прояснения характера артикуляции/актуализации конкретно-временного бытия в контексте конституирования исторической памяти мы для удобства будем писать *здесь-бытие*.

Эта действительно *экзистенциальная* по своей сути концепция весьма отлична от привычных логико-семантической и историко-когнитивной методологий исследования науки и методов социологии науки. Как справедливо отмечает Коккельманс, «Хайдеггер никогда не был поглощен поднимаемыми позитивными науками логическими и методологическими вопросами, он никогда не пытался приобрести аргументированный тип знания в отношении этих обширных владений “философии науки”. Его основной вопрос был только о том, как потребность в научном знании современного типа приобретает для западного человека первостепенную значимость, порождая образ, в соответствии с которым он мыслит, действует и живет» [16, p. 18] (перевод наш. – Д. М.). Замысел экзистенциального генезиса науки эксплицируется М. Хайдеггером следующим образом: «Если мы в ходе экзистенциально-онтологических анализов спрашиваем о “возникновении” теоретического раскрытия из усматривающего озабочения, то здесь уже заложено, что не онтическая история и развитие науки, ее фактические стимулы и ближайшие целеполагания делаются проблемой. Разыскивая онтологический генезис теоретической установки, мы спрашиваем: каковы лежащие в бытийном устройстве присутствия

(так В. В. Бибихин переводит *Dasein*. – Д. М.), экзистенциально необходимые условия возможности того, что присутствие способно экзистировать способом научного исследования? Эта постановка вопроса нацелена на экзистенциальное понятие науки. От него отличается “логическое” понятие, понимающее науку во внимании к ее результату и определяющее ее как “обосновательную взаимосвязь истинных, т. е. значимых тезисов”. Экзистенциальное понятие видит в науке способ экзистенции и тем самым модус бытия-в-мире, раскрывающий, соотв. размыкающий сущее, соотв. бытие» [10, с. 357].

Концепция экзистенциального генезиса науки базируется на существовании трех типов экзистенциальных модусов, преобладание каждого из которых обуславливается необходимостью сохранения жизнеспособности и смысла бытия сущего и собственного *здесь-бытия*: обыденно-озабоченный модус поведения, теоретико-объективирующий (онтический) модус, герменевтико-феноменологический (онтологический) модус.

Обыденно-озабоченный модус поведения. «Подручность» (*Zuhandenheit*) вещей и образуемых ими контекстуальных смыслов сущего, которыми окружен человек, означает их функциональность, или инструментальность, – возможность обеспечения жизненности «заботы» (*die Sorge*) *здесь-бытия* как понимающего в подручности сущего собственное бытие человеческого начала и как конкретного мирового (в том числе исторического) горизонта осуществления Бытия. Это озабоченное пребыванием в понятном и расположенном к нему мире сущих вещей, их разноплановых контекстов и смыслов обыденное существование, которое следует, скорее, именовать поведением, располагает определенной конститутивной формой в отношении организации сущего. Как отмечает Д. Гинев, обыденное существование «“встроено” в мир как конфигурация из динамически взаимосвязанных контекстов использования инструментов (т. е. обыденно употребляемых вещей) для достижения определенных (контекстуально значимых) целей», притом что «целостность этой конфигурации (или то, что Хайдеггер называет “мировостью мира” – *der Weltlichkeit der Welt*) <...> можно описать в отношении к способам “подручного артикулирования” контекстов и конфигураций из контекстов» [2, с. 93]. То есть обыденная озабоченность как поведенческо-познавательный модус экзистенции характеризуется доминированием «функционально-утилитарного аспекта» [2, с. 93] деятельности; это – *дореклексивное Cogito* в пространстве непосредственно-жизненных смыслов, которое не входит *вовнутрь* бытия сущего конститутивными онтологическими актами, его озабоченность не носит характера феноменологического конституирования своего *бытия-в-мире* (*In-der-Welt-Sein*) как понимающего собственные предельные основания и экзистирующего исходя из них *здесь-бытия*. Указанный модус *здесь-бытия*, располагающий достоверностью функциональных связей с окружающим и естественным образом преданным ему миром, не только не располагает формами научно-теоретического познания или философско-герменевтического мышления, но и не

имеет в них необходимости, потребность в конститутивных актах порождения *принципиально новых, иных* смысловых композиций сущего и собственного бытия отсутствует.

Своеобразным стартом процесса научного познания выступает утрата функционально-контекстуальной подручности. В возникающей вследствие этого тотальной *дисфункциональности* (деинструментализации) человеческое *здесь-бытие* погружается в ситуацию глубокого экзистенциального кризиса понимания смысла своего *бытия-в-мире*. При этом подручность уже освоенного сущего сменяется безразличной к *здесь-бытию* его фактической «наличностью». Как полагает Д. Гинев, тотальность кризиса имеет своего рода телеологическую темпорально-кумулятивную составляющую, согласно которой «“выключение” определенной инструментальной подручности из тотальности обыденной озабоченности означает “деактивирование” определенного функционально-инструментального контекста (или конфигурации из контекстов), которое ведет к постепенному “демундаизированию”, “размировлению-обезмириванию” (*Entweltlichung*) обыденного бытия-в-мире, т. е. к постепенному разрушению мировости мира как горизонта существования» [2, с. 93].

Существует два вида преодоления дисфункциональности, которым соответствуют **онтический** (теоретико-объективирующий) и **онтологический** (герменевтико-феноменологический) модусы научного знания. В обоих случаях существенным выступает тот факт, что преодоление дисфункциональности понимается М. Хайдеггером в ранге абсолютно приоритетной экзистенциальной проблемы – необходимости утвердить подручность как смысл сущего в целом и *здесь-бытия* заново. Индифферентное восприятие утраты подручности оказывается невозможным, поскольку под угрозу ставится само существование *здесь-бытия*, которое «никогда не имеет способа бытия вещей лишь наличных внутри мира» и в принципе не может быть удостоверено в своем бытии «способом обнаружения наличности» [10, с. 43].

Теоретико-объективирующий (онтический) модус экзистенции. В качестве компенсации возникшей дисфункциональности *здесь-бытие* предпринимает, по М. Хайдеггеру [10, с. 361], «переключение» модуса самообнаружения и самоуверения в мире сущего из обыденно-озабоченного в теоретико-объективирующий (логико-когнитивный), превращая тем самым «выключенную инструментальную подручность из “наличности” в тематическую данность, т. е. в нечто, которое возможно и нужно изучать, исследовать и анализировать ввиду объективирования тех его свойств, которые сделали его дисфункциональным» [2, с. 93]. Тем самым функционально-контекстуальная подручность трансформируется в *как бы иную* подручность, но уже тематически-объективированную, формируемую *рефлексивным Cogito*: «Целое этого наброска, к которому принадлежит артикуляция бытийной понятности, ведомое ею очертание предметной области и разметка соразмерной сущему концептуальности, мы именуем тематизацией. Она имеет целью высвобождение

внутримирно встречного сущего таким образом, что оно может “преднестись” чистому открытию, т. е. стать объектом. Тематизация объективирует. Она не впервые “пролагает” сущее, но высвечивает его таким образом, что оно поддается “объективному” допросу и определению» [10, с. 363]. По мнению Д. Гинева, хайдеггеровская «объективирующая тематизация в научном исследовании является конституированием семантической модели <...> в рамках уже проецированного мира» [2, с. 99], где «уже проецированный мир» артикулирует отграничение и в последующем изоляцию научного знания от интеллектуальной деятельности иного типа. Своеобразное замыкание тематически-объективирующего, теоретического модуса *на себе* как на *особой* духовной деятельности означает, по всей видимости, необходимое условие создания принципиально новой исторической формы экзистенции – корреляции *здесь-бытия* с объектами эпистемологии, конституитивность которых, в свою очередь, переводит наличность сущего в его эпистемологическую «подручность». Непосредственно-осмысленная *жизненность* мира как горизонта подручности, таким образом, уступает место конституируемой с целью преодоления (компенсации) дисфункциональности подручности *иного типа* – логико-семантического *универсума* позитивной науки. (В конечном счете, это и есть, по М. Хайдеггеру, проект науки эпохи модерна.)

Универсализация тематически-утилитарного рассмотрения сущего, в отличие от его универсального как «всевозможного», «разнопланового» функционально-утилитарного использования, указывает на реализуемую в онтическом модусе своеобразную *подмену* – искусственное *уподобление* тематизированной универсальности сущего его *изначальной* функционально-контекстуальной подручности. Однако уподобление приводит отнюдь не к формированию *новой* подручности. Согласно М. Хайдеггеру, онтический модус конституирует универсум унифицированного в ценностном контексте, то есть *индифферентного* по отношению к *здесь-бытию* сущего. Онтический модус инициирует возникновение экзистенциальной установки, в которой «закрываются глаза не только на инструментальный характер встречного сущего, но заодно на то, что принадлежит всякому подручному средству: его место. Оно становится безразличным. Не то чтобы наличное вообще потеряло свое “местоположение”. Место становится пространственно-временным положением, “точкой мира”, которая не отличается от любой другой. Здесь заложено: ограниченная мироокружением множественность мест подручного средства не просто модифицируется в чистую множественность точек, но мироокружное сущее вообще обезграничивается. Темой становится Вселенная наличного» [10, с. 361–362].

Альтернативой наращиванию унифицирующей индифферентности сущего как комплекса тематизаций выступает *герменевтико-феноменологический (онтологический) модус экзистенции*, раскрывающийся в качестве конституитивного для *здесь-бытия*. Возможность преодоления тематической индифферентности сущего полагается посредством введения в герменевтико-фено-

менологический модус экзистенции *онтологической структуры «экстазиса» сущего*, бытие которого, в отличие от конституируемого онтическим модусом, становится мыслимым не благодаря теоретическому объективированию, но *включению экстазиса сущего в экстатичность самого человеческого здесь-бытия*. Это – принципиальный момент, его аутентичное понимание предполагает нетривиальное определение экзистенции онтологического модуса как стремления восстановить утраченную подручность сущего не только и исключительно для собственного «комфортного» ориентирования в мире, но, скорее, *для самого сущего и в конечном счете для самого Бытия*. Тогда реинтеграция подручности будет основана не на переключении его наличности в тематически-объективируемую конститутивную тотальность предметов научного познания как «чистой множественности точек», но на актуализации различных *темпоральных* пластов мирового сущего («временения временности Мира») как композиций «мест бросков» *здесь-бытия в расположенные* к таким «экзистенциальным броскам» сгустки смыслов – значимые *места* мира.

Согласно А. Б. Паткулю, темпоральность в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера «оказывается предельным онтологическим смыслом сущего, которому в понимании дается бытие», в качестве же фундаментальных элементов временности «экстазисы представляют собой некоторые всегда уже состоявшиеся и никогда, пока это сущее существует, не прекращающееся иступление *вовне*» [9, с. 185]. Действительно, «экзистенциально-временное условие возможности мира лежит в том, что временность как экстатичное единство имеет нечто подобное горизонту. Экстазы суть не просто прорывы к... Скорее к экстазу принадлежит “к у д а” прорыва. Это к у д а экстаза мы называем горизонтной схемой. <...> Единство горизонтных схем настоящего, бышести и актуальности основано в экстатичном единстве временности. Горизонт целой временности определяет то, на что фактично экзистирующее присутствие сущностно разомкнуто. С фактическим присутствием всякий раз в горизонте настоящего набросана какая-то способность быть, в горизонте бышести разомкнуто “уже-бытие”, а в горизонте актуальности раскрыто озаботившее. Горизонтное единство схем экстазов делает возможной исходную взаимосвязь между с - т е м - ч т о б ы - отношениями и р а д и - ч е г о. <...> Как актуальность в единстве временения временности возникает из настоящего и бышести, так равносходно с горизонтами настоящего и бышести временит горизонт актуальности. Поскольку временит присутствие, есть также и мир. Временя в аспекте своего бытия как временность, присутствие на основе ее экстатично горизонтного устройства есть по существу “в мире”. Мир ни наличен, ни подручен, но временит во временности. Он “присутствует” с этим в н е - с е б я экстазов. Если никакое присутствие не экзистирует, нет и “вот” никакого мира» [10, с. 365].

В отношении этой крайне сложной конструкции *здесь-бытия-вот* важно понимание того, что для конституирования сущего как *онтологически расположенного к здесь-бытию мира* необходимо темпоральное со-измерение онтологии сущего и *здесь-бытия*. Фактически, возникающая герменевтическая подручность подразумевает обнаружение сущего в качестве смысла его бытия, а также смыслов *здесь-бытия*. Конститутивные акты смыслополагания базируются не на вычленимых сегментах индифферентно-организованного и тематически-определенного сущего, но на *экстатической самоданности сущего, встречающего экзистенцию как бы бросающего себя к пониманию вовнутрь сущего здесь-бытия-вот*. Это уже не просто и не только функциональная, но смыслополагающая конститутивная подручность пребывающего в мире горизонта *предназначенности* сущего для понимания, горизонтов возможного *самораскрытия* сущего в *экстазисе-экзистенции* прошлого, настоящего, будущего. Темпоральность, таким образом, оказывается структурой трансцендирования смысла в мир сущего.

Какова в данном случае природа телеологии? В «Бытии и времени», как известно, многое было оставлено на потом и реализовано М. Хайдеггером в конце 30-х годов XX в. в написанном «в стол» труде «*Beiträge zur Philosophy (Vom Ereignis)*» [15], который многие исследователи считают второй главной книгой мыслителя, развивающей изложенные в «Бытии и времени» идеи [1, с. 96]. Иными словами, подразумевает ли телеология герменевтико-феноменологического модуса возможность вариативных определений *горизонта* самого экзистенциального генезиса науки? В своих предыдущих работах мы указывали на телеологическую составляющую хайдеггеровского замысла экспликации историчности *здесь-бытия* и *самого Бытия (Seyn)*, начинание которого, на наш взгляд, и было предпринято в «Бытии и времени». Нами рассматривались истоки формирования такой специфической формы *здесь-бытия*, как экзистенции *человека-хранителя сущего* [4, с. 191–192, 199], описываемой немецким мыслителем в «Гераклите» [11], и *человека-хранителя самого Бытия (Seyn)* «как своей исконно-новой и сокровенной *собственности*» [14, с. 30]. Особый акцент нами был сделан на таких новаторских идеях, как тезис *об онтологической нужде Бога* в «*Beiträge zur Philosophy (Vom Ereignis)*» (в русскоязычной версии «К философии (О событии)» [12, с. 505–510]), который позднее нашел подтверждение в «Черных тетрадах (1938–1939)» о том, что определяющим началом историчности *здесь-бытия* является «Нужда Бога, а в ней – он сам» [13, с. 79]; телеологический конституент смысла *здесь-бытия-вот* эксплицировался в концепции о даре человеческой сущности самому Бытию как его *спасению* [5, с. 63–66, 72–73].

В работах [4, 5] мы подчеркивали значение той формы *нужды*, которую М. Хайдеггер определяет как онтологическую, или, в отдельных текстах, как экзистенциальную нужду в таком сущем, которое воспринимается, осваивается и освобождается человеком; в таком сущем, с которым человек, транс-

цендирующий себя в качестве понимающего сущего, вступает в интимную бытийную связь, поскольку пребыть *совместно с другими* сущими означает воспринять от самого Бытия дар собственной самости и, в свою очередь, осуществить подобный дар в отношении сущего и самого Бытия. По всей видимости, именно указанный вид «нужды», никоим образом не тождественный необходимости преодоления функционально-контекстуальной дисфункциональности, инициирует темпорально-онтологическую форму *заботы* герменевтико-феноменологического модуса, в которой, в отличие от обыденно-озабоченного поведения, степень реинтеграции подручности определяется возможностью *со-бытия* человека-хранителя, возмещающего нужду сущего, другого человека, Бытия, Бога в даре собственной сущности.

Исходя из этих глубоко ценностных и носящих мировоззренческий ранг интенций М. Хайдеггера, возникает непосредственно связанный с темой настоящей работы вопрос: является ли *релевантным* трансцендирование смысла положений, содержащихся в предложенной интерпретации *горизонта* экзистенциального генезиса науки, в социальное пространство коммеморации, конститутивными элементами которого выступают ценностно-мировоззренческие основания исторической памяти?

С одной стороны, онтический и онтологический модусы как рефлексивные структуры бесп проблемно коррелируются с понятием «мировоззрение», в отличие от дорефлексивного модуса обыденно-озабоченного поведения, которому соответствует понятие «мировосприятие». С другой стороны, возможность *социализации* хайдеггеровского *здесь-бытия-вот* в феноменологической литературе ставится под сомнение: М. Хайдеггер традиционно противопоставляется таким представителям социальной феноменологии, как А. Шютц, Э. Левинас, П. Рикёр, Ю. Тишнер, П. Бергер. Феноменология этих мыслителей явно ориентирована на конституирование социального мира, М. Хайдеггер же, в особенности после недавнего опубликования «Черных тетрадей», представляется в послевоенной Европе едва ли не социопатом. Вместе с тем такой авторитетный феноменолог, как Ж.-Л. Нанси, утверждает, что для М. Хайдеггера «*Dasein*, то есть человек, в своем основании *mit* – с, вместе. Таким образом, *Mitsein*, быть вместе, конститутивно для *Dasein*» [7, с. 121]. В свою очередь В. В. Бибахин также отмечает конститутивный характер *Mitsein*: «Присутствие есть прежде всего *In-der-Welt-sein*, бытие в мире; оно всегда *Mitsein*, бытие с другими» [1, с. 99].

Таким образом, адаптация структур экзистенциального генезиса науки к социальной философии представляется в принципе легитимной, риск связан лишь с рассмотрением феномена исторической памяти, что, насколько нам известно, предпринимается впервые. Основанием к такому шагу выступают философско-методологические перспективы конституирования форм преодоления социально-культурных дисфункциональностей по образцу и в дополнение к указанным в экзистенциальном генезисе формам. В данном случае

релевантность эксплицируется предельной, или, по свойственному Э. Гуссерлю выражению, *абсолютной* значимостью для мышления и экзистенции выбора субъективных и intersубъективных форм репрезентации исторического события *сверхценностного* ранга. В противном случае – тривиализации или прагматизации событий Великой Отечественной войны, лагерей смерти и Холокоста – релевантность недостижима, как недостижимо *здесь-бытие-вот* «человека-хранителя» в случае непонимания характера онтологической нужды самого *здесь-бытия*.

Что означает быть субъектом памяти о событиях подобного рода? По всей видимости, ценностно-мировоззренческой характеристикой субъекта памяти, помимо естественно предполагаемого широкого кругозора и научно-ориентированного исторического знания, выступает глубокая связь с историческим событием, внутренняя расположенность к темпоральному экстазису *самоданности* события как смысла – его *осовремениванию* в собственной экзистенции. Данное утверждение представляется по существу релевантным герменевтико-феноменологическому модусу, однако, в нашем случае релевантность предполагает сопряжение обоих рефлексивных модусов, в противном случае историческая эпистемология рискует превратиться в индифферентно-отвлеченное от социальной жизни теоретизирование, а феноменологическая герменевтика – в песочный замок, сложенный из личных фантазий и аффективных по своей сути претенциозных социальных проектов. Поэтому с целью конкретизации предлагаемой нами формы релевантности во второй части статьи мы обратимся к теории и практике коммеморации последних десятилетий.

Список использованных источников

1. Биbihин, В. В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» / В. В. Биbihин // Вопр. философии. – 2005. – № 4. – С. 114–128.
2. Гинев, Д. Философская идентичность науки в постметафизической перспективе / Д. Гинев // Вопр. философии. – 2002. – № 3. – С. 89–104.
3. Лекторский, В. А. Умер ли человек? / В. А. Лекторский // Человек. – 2004. – № 4. – С. 10–16.
4. Малахов, Д. В. К истоку «негативности» в философии Мартина Хайдеггера / Д. В. Малахов // Вопр. философии. – 2016. – № 7. – С. 189–202.
5. Малахов, Д. В. Мыслимость Откровения: к событию Шоа / Д. В. Малахов // Reflexio. – 2021. – № 1 (Т. 14). – С. 38–82.
6. Мамардашвили, М. К. Психологическая топология пути. Марсель Пруст «В поисках утраченного времени» / М. К. Мамардашвили. – СПб. : РХГИ, 1997. – 560 с.
7. Нанси, Ж.-Л. Каким может быть сообщество после краха коммунизма, на волне подъема коммунитаризмов?: интервью Николая Трюону / Ж.-Л. Нанси ; пер. с фр. Л. Медведевой // Topos. – 2013. – № 1. – С. 117–127.
8. Смирнова, Н. М. Феноменология в парадигме натуралистического поворота / Н. М. Смирнова // Вопр. философии. – 2021. – № 12. – С. 56–66.
9. Паткуль, А. Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера / А. Б. Паткуль. – СПб. : Наука, 2020. – 810 с.

«Экзистенциальный генезис науки» М. Хайдеггера

10. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Ad Marginem, 1997. – 452 с.
11. Хайдеггер, М. Гераклит / М. Хайдеггер ; пер. с нем. А. П. Шурбелева. – СПб. : Владимир Даль, 2011. – 503 с.
12. Хайдеггер, М. К Философии (О событии) / М. Хайдеггер ; пер. с нем. Э. Сагетдинова. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. – 640 с.
13. Хайдеггер, М. Размышления VII–XI (Черные тетради, 1938–1939) / М. Хайдеггер ; пер. с нем. А. Б. Григорьева. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 528 с.
14. Хайдеггер, М. Размышления XII–XV (Черные тетради, 1939–1941) / М. Хайдеггер ; пер. с нем. А. Б. Григорьева. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. – 344 с.
15. Heidegger, M. Beiträge zur Philosophy (Vom Ereignis) / M. Heidegger. – Gesamtausgabe. – Bd. 65. – Frankfurt a/Main : Vittorio Klostermann, 1989. – 513 S.
16. Kockelmans, J. J. Heidegger and Science / J. J. Kockelmans. – Boston : Univ. Press of America, 1985. – 309 p.

И. Е. Прись

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ Д. ДЕННЕТА КАК КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

Мы интерпретируем интенциональный реализм Д. Деннета как разновидность контекстуального реализма, делающего различие между идеальным и реальным, а также между вопросом о реальности и вопросом о природе той или иной реальности. Онтология реальных паттернов американского философа – чувствительная к контексту онтология. Деннетовский интенциональный станс играет роль нормы, позволяющей идентифицировать реальные паттерны в контексте. Д. Деннет фактически предлагает контекстуальный (нормативный) подход к тождеству.

Ключевые слова: интенциональный реализм, контекстуальный реализм, реальные объекты, идеальные объекты, реальные паттерны, интенциональный станс, контекстуальная онтология, нормативное тождество

I. Pris

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

D. DENNETT'S INTENTIONAL REALISM AS A CONTEXTUAL REALISM

We interpret D. Dennett's intentional realism as a kind of contextual realism, making a distinction between the ideal and the real, and between the question of reality and the question of the nature of this or that reality. The ontology of real patterns of the American philosopher is a context-sensitive ontology. Dennett's intentional stance plays the role of a norm for identifying real patterns in context. Dennett actually offers a contextual (normative) approach to identity.

Keywords: intentional realism, contextual realism, real objects, ideal objects, real patterns, intentional stance, contextual ontology, normative identity

Введение

В настоящем исследовании мы устанавливаем сходства между контекстуальным реализмом (далее к-реализм) Ж. Бенуа и интенциональным (умеренным, прагматическим) реализмом Д. Деннета, который также можно трактовать как разновидность перспективизма. Для обоих философов онтология прагматична в том смысле, что то, что существует, определяется тем, что важно, имеет значение для субъекта и определяет, как выражается Д. Деннет, его «интенциональный станс (*stance*)», который играет роль перспективы [1]. Для Ж. Бенуа интенциональность – «формат описания», и она не может быть отде-

лена от нормативности [2; 3]. Ранее свой к-реализм французский философ также называл интенциональным реализмом [2]. Онтология Д. Деннета – онтология «реальных паттернов» (*real patterns*), определяемых при помощи интенциональных стансов [4]. На наш взгляд, реальные паттерны играют ту же роль, что и контекстуальные объекты, идентифицируемые при помощи норм (концептов), в рамках к-реализма [2; 3; 5; 6]. Для Ж. Бенуа онтология чувствительна к контексту [5; 6].

Абстрактное vs конкретное. Идеальное vs реальное

Прагматический подход Д. Деннет применяет, в частности, к онтологии убеждений и вообще «абстрактных объектов». Убеждения как ментальные состояния и, например, центры тяжести американский философ относит к абстрактным объектам. Понятие абстрактного объекта многозначно. Под абстрактными объектами мы будем понимать объекты, которые не являются пространственно-временными (конкретными). В частности, абстрактные объекты (например, математические объекты) не могут вступать в причинно-следственные отношения, причинным образом взаимодействовать друг с другом или конкретными объектами.

Абстрактные объекты мы отличаем от «идеальных объектов». Идеальными объектами мы называем нормы (правила, концепты), предназначенные для измерения той или иной (соответствующей области) реальности, идентификации соответствующих реальных объектов, которые определяются как объекты, то есть приобретают свою определенность (но не реальность – реальными они были изначально), лишь в результате их измерения/идентификации. Строго говоря, идеальные объекты не объекты. Они не реальны, а укоренены в реальности, нормативной практике, своих «языковых играх», реальных объектах. В этом смысле они не фикции, существуют, реальны в слабом смысле.

Таким образом, идеальные объекты могут быть конкретными и абстрактными, а абстрактные объекты могут быть реальными. Например, сингулярный концепт, позволяющий идентифицировать этот конкретный реальный стол, – идеальный конкретный «объект» (идеальный «стол»). Правило для нахождения центра тяжести – идеальный абстрактный «объект» (идеальный «центр тяжести»). Идентифицируемый (реализуемый) при помощи этого правила тот или иной центр тяжести – реальный абстрактный объект. Этот объект можно рассматривать как объект математический или физический (если физическая интерпретация центра тяжести играет роль, важна).

Реализм vs антиреализм

Реалисты утверждают, что убеждения (*beliefs*) – реально существующие ментальные состояния. В свою очередь элиминативисты заявляют, что убеждения – это нейрологические процессы, а ментальные состояния как таковые

не существуют или в лучшем случае это приближенное (ненаучное) описание нейропроцессов в рамках обыденной (народной, *folk*) психологии. Аналогичным образом элиминативистскую позицию можно занять по отношению, например, к существованию обыденных макроскопических объектов, а также по отношению к центрам тяжести. Элиминативист будет утверждать, что макроскопические объекты и центры тяжести реально не существуют, а существуют лишь некоторые совокупности атомов.

Для Д. Деннета как реалиста убеждение «объективно», но может быть обнаружено лишь в рамках интенционального станса (установки). Все, что нужно, чтобы действительно и по-настоящему «верить», что *p*, – это быть интенциональной системой, то есть системой, поведение которой надежно предсказуемо, исходя из понимания ее как рационального/интенционального агента, имеющего убеждения и, в частности, убеждение, что *p*, желания и другие ментальные состояния, то есть в рамках обыденной психологии. Таким образом, приписывание убеждений имеет логический статус. (Поэтому «убеждения» можно приписать и неодушевленным предметам.) Понятие внутреннего представления производно: «Дело не в том, что мы приписываем (или должны приписывать) убеждения и желания только тем вещам, в которых мы находим внутренние репрезентации, а, скорее, в том, что когда мы обнаруживаем некий объект, в отношении которого работает интенциональная стратегия, мы пытаемся интерпретировать некоторые его внутренние состояния или процессы как внутренние репрезентации. Только роль какой-либо внутренней особенности вещи в регулировании поведения интенциональной системы может сделать ее репрезентацией» [1, p. 32].

Сравним точку зрения к-реализма применительно к реальности убеждений и других сущностей с позицией Д. Деннета.

Метафизика в контексте

К-реалист согласится с Деннетом, что разногласия между философскими позициями имеют место в рамках общего согласия относительно принимаемой как реалистами, так и антиреалистами естественной онтологической установки, утверждающей, согласно А. Файну, истинность наших центральных обыденных и научных утверждений [7]. Расхождения начинаются, если погружаться в метафизику. Причем сами метафизические позиции, на наш взгляд, могут быть контекстуализированы, то есть им может быть придан точный смысл в определенном контексте (при определенных условиях).

К-реализм плюралистичен по своей сути. Так, в одном контексте некий неконцептуализированный «кусочек» реальности – ментальное состояние в смысле обыденной психологии убеждений и желаний. Оно не элиминируется и не редуцируется к чисто нейробиологическому процессу. В другом контексте – это нейробиологический процесс. При чисто нейробиологическом взгляде ментальность

становится незаметной просто потому, что идентифицируется другой аспект реальности. Но это не значит, что сама по себе она не существует. В третьем контексте убеждение как ментальное состояние тождественно соответствующему нейрологическому процессу. Это то, что утверждает правильно (контекстуально) понятая теория тождества.

Убеждение интенционально и имеет пропозициональное содержание. Нейрологический процесс не интенционален; он ни на что не направлен и не имеет пропозиционального содержания. Каким образом две такие разные вещи могут быть тождественны друг другу? К-реализм утверждает их тождественность в контексте относительно контекстуальной нормы. Это нормативное тождество – тождество как витгенштейновская языковая игра. Тождество нормативно (то есть контекстуально): оно истинно относительно контекстуальной нормы, позволяющей идентифицировать один и тот же объект при помощи двух различных описаний. Убеждение как ментальное состояние и нейрологический процесс оказываются двумя аспектами одного и того же убеждения.

Парафразируя слова Т. Уильямсона об интуиционистской логике, скажем так: если бы элиминативист просто утверждал, что убеждения – нейрологические процессы, он бы просто ограничивал свое знание (такими процессами) [8]. Но элиминативист также заявляет, что там, где можно говорить о ментальных состояниях, есть лишь нейрологические процессы или что ментальных состояний как таковых вообще не существует. Например, для П. Смита убеждения (как ментальные состояния) фикции, подобны призраку [9]. В этом случае он допускает ошибку.

Таким образом, согласно к-реализму, не всё относительно, а элиминативист ошибается. Но к-реализм также отвергает «сильный реализм». Например, для реализма Ф. Дрекке убеждения реальны, и их реальность того же вида, что и реальность, например, клеток и вирусов [10]. С американским философom можно согласиться лишь в том смысле, что убеждения не менее реальны, чем клетки и вирусы. Однако природа убеждений отличается от природы клеток и вирусов – она не того же вида. И реальное убеждение как ментальное состояние идентифицируется в контексте (строго говоря, о клетках и вирусах можно сказать то же самое, но все-таки о них в гораздо большей мере можно сказать, что они «там, во внешнем мире»). Но это не значит, что убеждения фиктивны, как это полагает П. Смит. Таким образом, к-реализм отвергает онтологическую дихотомию традиционного реализма и элиминативизма.

Природа реальности

Подобно к-реалисту, Д. Деннет пытается преодолеть эту дихотомию. Он предлагает решение вопроса о реальности убеждений при помощи аналогии между этим вопросом и вопросами типа вопроса о реальности центров тяжести.

У философов нет единого мнения насчет того, относятся ли центры тяжести к нашей онтологии. Одни считают, что центры тяжести реальны, тогда как другие рассматривают их как фикции. Аналогичные вопросы ставит и решает Ж. Бенуа в рамках своего к-реализма. Например, он считает, что ответ на вопрос о том, существуют ли дыры, зависит от контекста. Абсолютного ответа нет. В одном практическом контексте они существуют, тогда как в другом – отсутствуют. При этом природа дыр, очевидно, не материальна (хотя некоторые философы пытаются интерпретировать дыры именно с материальной точки зрения, например, в терминах того материала, в котором имеются дыры). Не следует смешивать вопрос о реальности с вопросом о природе реальности.

Сказанное, на наш взгляд, частично объясняет, почему аналогия Д. Деннета была отвергнута как теми, кто признает центры тяжести за реальные (Ф. Дрекке считает, что они полезные и, следовательно, реальные абстракции), так и теми, кто это отрицает, но, быть может, признает, что центры тяжести удобные фикции (П. Смит). Они смешивают вопрос о природе тех или иных объектов с вопросом о их реальности. Природа убеждений, разумеется, отличается от природы центров тяжести. Но это не значит, что вопрос о реальности убеждений принципиально отличается от вопроса о реальности центров тяжести. Подобно тому, как с точки зрения контекстуального подхода Ж. Бенуа реальность дыр зависит от контекста, реальность центров тяжести зависит от контекста. И, как мы уже утверждали, реальность убеждений как ментальных состояний тоже зависит от контекста. Те, кто однозначно утверждают реальность или нереальность некоторых сущностей, просто догматизируют фиксированный контекст, фиксированную онтологию.

Еще одной причиной непризнания аналогии может быть смешение идеального и реального, которые относятся к разным категориям. Если один из реальных абстрактных объектов осознанно или неосознанно трактовать как идеальный, то между ним и другим реальным объектом не будет никакой аналогии. Между идеальными центрами тяжести и реальными ментальными состояниями (убеждениями) действительно нет никакой аналогии, так как они относятся к разным категориям.

Полезные vs бесполезные объекты

Рассматривая вопрос о реальности, Д. Деннет, делает различие между двумя отношениями к абстрактным объектам, таким как центры тяжести: научное и метафизическое (в этом Деннет следует Дрекке¹). Первое отношение

¹ Ф. Дрекке реалист относительно центров тяжести. В то же время он предупреждает: «Нужно иметь очень ясное представление о том, что есть центры тяжести, *прежде* чем их принимать буквально, *прежде* чем решать, быть или не быть реалистом относительно центров тяжести» [10, р. 511]. То есть реальность центров тяжести, как уже было нами сказано, обусловлена корректными языковыми играми употребления этого понятия.

предполагает употребление (*use*) понятий (а «употребление», заметим, всегда контекстуально), тогда как второе забывает об их употреблении, абсолютизирует некоторое одно употребление или отрывает понятие от своего употребления. Абсолютизирующая метафизика не делает различия между полезными (употребляемыми) и бесполезными (не употребляемыми) объектами, то есть она приписывает объектам, имеющим разные практические статусы, один и тот же метафизический статус. О языке, который не употребляется, Л. Витгенштейн говорит, как о языке на отдыхе. О том, что не имеет употребления, можно сказать, что его существование не имеет значения, то есть оно не реально, потому что то, что реально, может быть идентифицировано лишь в контексте, то есть в употреблении. То, что идентифицируется в контексте, не предопределено, хотя и реально, независимо от своей идентификации. На наш взгляд, так можно интерпретировать позицию Д. Деннета.

Реализм Д. Деннета

Свой реализм американский философ еще называет «умеренным реализмом» (*mild realism*). Он отличает его от «индустриального сильного реализма» Д. А. Фодора, «регулярного сильного реализма» Д. Дэвидсона, «мягче мягкого ирреализма» (радикального перспективизма и релятивизма) Р. Рорти, согласно которому образец лишь в глазах зрителя, элиминативизма П. Черчленда. Реализм Деннета располагается между реализмом Дэвидсона и релятивизмом Рорти, ближе к Дэвидсону. При этом Деннет не рассматривает точки зрения Фодора и Черчленда как однозначно ложные. Для него эти формы реализма просто требуют своего эмпирического подтверждения. То есть, как мы уже сказали, им можно придать смысл при определенных условиях, в контексте. Перспективизм Рорти, напротив, игнорирует эмпирические данные. Это не позволяет отделить интенциональный станс от «астрологического станса», то есть псевдостанса, который не укоренен в реальности.

Как уже было сказано, интенциональная стратегия Д. Деннета состоит в том, что приписывание убеждений и намерений (интерпретационизм) обосновывается тем, что это позволяет предсказывать поведение системы. Успех в предсказании зависит от наличия «реальных паттернов» (образцов, *patterns*) – понятие, которое вводит Деннет. Там, где нет паттернов (образцов), а есть лишь случайность, ничего нельзя предсказать. Для Д. Деннета, как и для Д. Дэвидсона, образец идентифицируется (*discernible*) (дается, наблюдается, описывается) в наблюдаемом поведении агента, когда его подвергают «радикальной интерпретации» в рамках интенционального станса. (Напротив, элиминативист в качестве образца принимает не поведение агента (системы), а некоторый нейробиологический процесс.) В этом смысле выбор паттерна зависит от наблюдателя, его перспективы, «идиосинкразических прагматических оснований». В зависимости от своей перспективы и, в частности, своих интересов

разные субъекты в одних и тех же данных могут идентифицировать разные паттерны. В отличие от реализма Дэвидсона, реализм Деннета учитывает возможность существования двух или больше конфликтующих паттернов для одних и тех же данных. Д. Деннет пишет: «Когда два человека сталкиваются с одними и теми же данными, они могут воспринимать различные паттерны в них, но поскольку у нас могут быть различные интересы и точки зрения, эти различия не считаются разногласиями. Или, во всяком случае, не должны» [4, р. 35]. Вопрос о том, кто прав, снимается именно тем, что эти паттерны относятся к разным перспективам (контекстам). Каждый субъект просто имеет дело со своей реальностью, знание о которой он может применить на практике¹. Реальность их паттернов подтверждается, если отношение к паттернам как к реальным объектам повышает шансы на успех. Например, шансы выигрыша в игре, в которой делаются ставки, – в этом случае оба игрока могут сказать, что их паттерны реальны.

В частности, убеждения как ментальные состояния, центры тяжести и другие объекты как реальные паттерны идентифицируются при помощи соответствующих интенциональных стансов. Но деннетовская онтология реальных паттернов не является релятивизмом. Ответ на вопрос о том, есть ли у субъекта данное убеждение, не зависит от субъекта (наблюдателя, зрителя). Как пишет П. Смит, для Д. Деннета «принять интенциональный станс и интерпретировать агента как действующего в соответствии с некоторыми убеждениями мнениями и желаниями – это выявить в его действиях образец, который действительно там» [9]. Паттерны реальны. Они не создаются выбранной перспективой – интенциональным стансом. Последний просто играет роль инструмента наблюдения. Поэтому, как пишет Деннет, «другие существа с другими органами чувств или другими интересами могут с легкостью воспринимать паттерны, которые мы не в состоянии воспринимать. <...> Паттерны будут там все время, но просто невидимы для нас» [4, р. 34].

Интенциональный станс как норма и реальные паттерны

С точки зрения к-реализма интенциональный станс Деннета, таким образом, играет роль контекстуальной (то есть внутренней, а не навязанной извне) нормы, измеряющей реальность. В зависимости от контекста интенциональный станс будет тем или другим и, соответственно, будет идентифицирован тот или иной объект – реальный паттерн. Интенциональный станс идеален. Он реален лишь в смысле своей укорененности в реальности, то есть наличия

¹ Стандартный научный реализм предполагает описание природы в соответствии с ее реальными соединениями (*joints*), как если бы природа имела predetermined, раз и навсегда фиксированную структуру. Успешное употребление противоречащих друг другу идеализированных моделей входит в противоречие с таким представлением.

реальных образцов (паттернов), реализуемых им и позволяющих делать предсказания. Идентификация реального объекта – «наполнение» соответствующей интенции, то есть удовлетворение ассоциированной с ней нормы. Другими словами, идентификация происходит в рамках интенциональной перспективы (поэтому реализм интенциональный, а не метафизический), укоренение которой в реальности позволяет также говорить об интенциональном реализме в смысле реализма интенциональности как реальной интенциональности, а не псевдоинтенциональности (два аспекта одного и того же интенционального реализма выделяются в результате смещения акцента с одного слова на другое в выражении «интенциональный реализм»).

Но как установить, что мы действительно наблюдаем реальный паттерн? Д. Деннет пишет: «Всякое улучшение по сравнению с побитовым в описании данных, есть описание в данных реального паттерна. <...> В некоторых данных паттерн существует – реален, – если *имеется* описание этих данных, которое более эффективно, чем побитовое отображение, независимо от того, может ли кто-либо его произвести» [4, р. 33–34]. С точки зрения к-реализма речь идет об идентификации реального объекта (в контексте) при помощи нормы (правила, концептуальной схемы). Если есть, что идентифицировать, то достаточно передать лишь информацию об этом объекте, а не полную побитовую информацию – таковая будет излишней. Тот факт, что в известном смысле выбор объекта зависит от нас, не означает, что он нами создается. Для американского философа тот факт, что паттерны могут быть обнаружены только разумными существами, способными сформировать интенциональные стансы, и частично состоят из «субъективных» реакций субъекта, сделаны, как он говорит, «на заказ для наших нарциссических интересов» [1, р. 39], не означает, что они не объективны.

По самой своей природе паттерны несовершенны, не полны, содержат «неинтерпретируемые провалы». Поэтому объективное присутствие одного паттерна не исключает объективное присутствие другого. Это справедливо как для внешних, так и для внутренних паттернов. Например, возможны альтернативные интенциональные стансы интерпретации убеждения, так что нельзя однозначно сказать, какое убеждение реально имеет субъект (или система). Содержание деконтекстуализированных убеждений может быть неопределенным. Отсутствие у убеждений абсолютной идентичности означает, что не существует некоего глубинного факта, позволяющего установить их идентичность. Последняя зависит от интенционального станса, который может варьироваться, хотя и произвольным образом, так как успех или неудача в его выборе объективны.

Вопрос об абсолютной идентичности убеждений Д. Деннет относит к «пустым вопросам». С точки зрения к-реализма «пустые вопросы» относительно убеждений возникают, если норма, позволяющая сделать различие между

наличием убеждения и его отсутствием, не определена. Любой паттерн можно всегда поместить в иной контекст и интерпретировать по-другому. К-реализм понимает несовершенство паттернов в том смысле, что они не абсолютны, а контекстуальны. Возможна их реконтекстуализация, в результате которой они превращаются в другие паттерны.

Нормативность тождества

Вопросы о несовершенстве, неполноте, идентичности и плюрализме паттернов имеют прямое отношение к контекстуальной (нормативной) теории тождества, которую фактически предлагает Д. Деннет, цитируя пример Д. Парфита: «Предположим, что определенный клуб существует в течение нескольких лет, проводя регулярные встречи. Затем встречи прекращаются. Несколько лет спустя некоторые члены этого клуба создают клуб с тем же названием и теми же правилами. Мы спрашиваем: “Эти люди вновь создали тот же самый клуб? Или они просто основали другой, точно такой же клуб?” На этот вопрос может быть ответ. У первоначального клуба могло быть правило, объясняющее, как после такого периода небытия его можно воссоздать. Или у него могло быть правило, препятствующее этому. Но предположим, что такого правила нет, как нет и юридических фактов, подтверждающих любой из ответов на наш вопрос. И предположим, что люди, вовлеченные в процесс, если бы они задали наш вопрос, не дали бы на него ответа.

Тогда ответа на наш вопрос не будет. Утверждение “Это один и тот же клуб” не было бы ни истинным, ни ложным» [11, р. 213; 1, р. 41].

Выражаясь в терминах к-реализма, тождество между А и В не абсолютно, а зависит от контекста, то есть от контекстуальной нормы тождества. А тождественно В, если и только если в данном контексте норма тождества такова, что относительно этой нормы А тождественно В (А «то же самое», что и В). В частности, норма может быть задана эксплицитно в виде правила (в примере у первоначального клуба могло быть правило, объясняющее, как его можно воссоздать). Если же норма не определена, утверждение «А тождественно В» будет неопределенным. Как говорит Д. Деннет, в этом случае вопрос о тождестве будет «пустым вопросом». Таким образом, может не быть никакого ответа на поставленный вопрос просто потому, что ответ на него не имеет смысла. Следовательно, может не быть и никакого потенциального знания, которого у нас пока что нет, но которое можно было бы получить. В этом случае нельзя сказать, что мы что-то не знаем¹.

¹ Применительно к квантовой механике на тех же основаниях (отсутствие укорененной в реальности нормы) можно утверждать, что нет смысла говорить о том, что существуют скрытые параметры, значения которых мы не знаем, как это утверждает интерпретация Бомы, то есть что реальность содержит в себе некое скрытое и в принципе недоступное нам знание.

Заключение

Таким образом, мы интерпретировали интенциональный реализм Д. Деннета как разновидность контекстуального реализма, делающего различие между идеальным и реальным, а также между вопросом о реальности и вопросом о природе той или иной реальности. Онтология реальных паттернов Деннета – чувствительная к контексту онтология. Деннетовский интенциональный станс играет роль нормы, позволяющей идентифицировать реальные паттерны в контексте. Д. Деннет фактически предлагает контекстуальный (нормативный) подход к тождеству.

Список использованных источников

1. Dennett, D. C. *The Intentional Stance* / Daniel C. Dennett. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1989. – 400 p.
2. Benoist, J. *Éléments de philosophie réaliste* / J. Benoist. – Paris : Vrin, 2011. – 180 p.
3. Benoist, J. *Logique du phénomène* / J. Benoist. – Paris : Hermann, 2016. – 224 p.
4. Dennett, D. *Real patterns* / D. Dennett // *The Journal of Philosophy*. – 1991. – Vol. 88, № 1. – P. 27–51.
5. Benoist, J. *Making ontology sensitive* // J. Benoist // *Cont. Philos. Rev.* – 2012. – Vol. 45, Iss. 3 (Spec. Iss. : *Contemporary French Phenomenology*). – P. 411–424.
6. Benoist, J. *Toward a Contextual Realism* / J. Benoist. – Harvard Univ. Press, 2021. – 216 p.
7. Fine, A. *The Natural Ontological Attitude* / A. Fine // *Scientific Realism* / ed. J. Leplin. – Berkeley : Univ. of California Press, 1984. – P. 83–107.
8. Прись, И. Е. Реализм и сначала знание : интервью с Тимоти Уильямсоном / И. Е. Прись // *Сибир. филос. журн.* – 2021. – Т. 19, № 3. – С. 175–204.
9. Smith, P. *Wit and Chutzpah*. Review of “The Intentional Stance” and Jerry A. Fodor’s “Psychosemantics” / P. Smith // *Times Higher Education Supplement*. – 1988. – P. 22.
10. Dretske, F. *The Stance Stance*. Commentary on “The Intentional Stance” / F. Dretske // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1988. – Vol. XI. – P. 511–512.
11. Parfit, D. *Reasons and Persons* / D. Parfit. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1984. – 560 p.

С. І. Санько

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь

**ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНАМЕТАФІЗІКІ:
СТ.-ГР. ΟΥΣΙΑ : БЛР. ІСНАСЦЬ : НЯМ. WESEN**

У артыкуле разглядаецца семантычная эвалюцыя старагрэчаскіх, славянскіх і нямецкіх слоў, якая прыводзіла да развіцця метафізічнага канцэпта ІСНАСЦЬ. Паказана, што зыходным пунктам гэтай эвалюцыі было значэнне 'ўнутранае', якое семасіялагічна суадносілася са значэннямі 'ўласнасць' і 'жытло разам з гаспадаркай, дом'. Менавіта ў сваёй сядзібе чалавек мог па-гаспадарску рупліва апекавацца сваімі рэчамі, выкарыстоўваць іх наводле іх прызначэння і тым самым зышчаць іх уласную існасць. Гэта стварала ўмовы для пераносу ўяўлення аб трывалай, нязменнай умове існавання на ўсё існае і развіцця ў, здавалася б, чыста эканамічным паняцці метафізічнага сэнсу «існасці» і «ісціны».

Ключавыя словы: этнаметафізіка, семантычная эвалюцыя, канцэпт, этымалогія, існае, існасць, ісціна

С. И. Санько

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

**ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНОМЕТАФИЗИКИ:
ДР.-ГР. ΟΥΣΙΑ : БЛР. ІСНАСЦЬ : НЕМ. WESEN**

В статье рассматривается семантическая эволюция древнегреческих, славянских и немецких слов, которая привела к развитию метафизического концепта СУЩНОСТЬ. Показано, что отправной точкой этой эволюции было значение 'внутреннее', которое семиологически соотносилось со значениями 'собственность' и 'жилище вместе с хозяйством, дом'. Именно в своей усадьбе человек мог рачительно заботиться о своих вещах, использовать их в соответствии с их назначением и таким образом осуществлять их собственную сущность. Это создавало условия для переноса идеи прочного, неизменного условия существования на все сущее и развития в, казалось бы, чисто экономическом понятии метафизического смысла «сущности» и «истины».

Ключевые слова: этнометафизика, семантическая эволюция, концепт, этимология, сущее, сущность, истина

S. San'ko

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**ELEMENTS OF ETHNOMETAPHYSICS:
OLD GREEK *ΟΥΣΙΑ* : BELARUSIAN *ІСНАЦЬ* : GERMAN *WESEN***

The article deals with the semantic evolution of ancient Greek, Slavic and German words, which led to the development of the metaphysical concept of ESSENCE. It is shown that the starting point of this evolution was the meaning 'internal', which was semiologically correlated with the meanings 'property' and 'housing together with household, house'. It was in his homestead that a person could diligently take care of his things, use them in accordance with their appointment and thus realize their own essence. This created the conditions for transferring the idea of a lasting, unchanging condition of existence to all things and development in a seemingly purely economic concept of the metaphysical meaning of "essence" and "truth".

Keywords: *ethnometaphysics, semantic evolution, concept, etymology, being, essence, truth*

Этымалогія гаціць шлях гісторыі паняццяў.
*Фрыдрых Ніцше*¹

Цэнтральным пунктам любой метафізікі з'яўляецца пытанне аб усім існым у цэлым, якое захоплівае самога таго, хто запытвае, у яго істоце². Першымі гэтымі пытаннямі арупіліся старажытныя грэкі. Антычны погляд на ўсё існае ў цэлым самым непасрэдным чынам звязаны са спецыфічнай рэфлексійнай устаноўкай антычнага грэка ў стаўленні да роднай мовы. З вялікай упэўненасцю можна сцвярджаць, што ў вузлавых пунктах сама старажытнагрэчаская філасофія была вынікам больш або менш глыбокай рэфлексіі над роднай мовай. Здзіўляе тая ступень даверу да мовы, які рабіў гэтую філасофію наогул магчымай.

Паводле традыцыі, першым паняцце існасці ў філасофію ўвёў Платон³. Ён узяў гэтае слова з гутарковай мовы, дзе *ἡ οὐσία* азначала перш за ўсё «маёмасць», «уласнасць», «валоданне» [21, р. 9–18]⁴. У пісьмовай старагрэчаскай мове гэтае слова адносна позняе – яно не трапляецца ў ранніх грэчаскіх аўтараў да Герадота [33, S. 188]. З'яўляецца яно толькі ў творах трагікаў V ст. да н. э. Сафокла, Эўрыпіда, Арыстафана, а таксама ў лагографа (сачыніцеля прамоў) Лісія. У гэтым гутарковым значэнні слова ўжывалася і самім Платонам, а таксама Арыстотэлем. Так, у прыватнасці, у 8-й кнізе дыялогу «Дзяржава» Платон

¹ «Die Etymologie bahnt eine Geschichte des Begriffs an» [30, S. 395].

² «Метафізіка ёсць запытанне, у якім мы імкнемся пранікнуць пытаннямі ўглыбкі сукупнага цэлага існага і запытаем так, што пры гэтым мы самі, хто запытвае, узнятым пытаннем ставімся пад пытанне» [27, S. 13].

³ Дэталёва гэтае пытанне разгледзеў галандскі даследчык Г. Г. Бергер [21]. Гл. таксама [5, с. 241–246].

⁴ А таксама 'дабро', 'пажыткі', 'асноўны капітал', 'нерухомая маёмасць'.

выкарыстоўвае яго ў сэнсе «маёмасць», дзе гаворка ідзе пра маёмасны цэнз у алігархічным полісе (Plato *De Rep.* 8.551b). У тым жа сэнсе яно ўжываецца ў дыялогу «Горгій»: *ὕπὸ δὲ τῶν ἐχθρῶν περισυλᾶσθαι πᾶσαν τὴν οὐσίαν* – «ад ворагаў, якія адымаюць усю маёмасць» (Plato *Gorg.* 486b–c), а таксама ў дыялогу «Федр»: *οὐσίας ... ἀπολλυμένης* – «страта маёмасці» (Plato *Phaedr.* 252a) і інш.

У старабеларускай мове слова *истизна*, *изстизна*, *изтизна* азначала 'ўласнасць', а вытворнае ад яго *истизный* мела значэнне 'ўласны'. Апроч таго, слова *истець* ужывалася ў значэнні 'ўласнік' [3, с. 183–184]. Аналагічна ў польскай мове: польск. *iscina*, стар. *iscizna* 'ўласнасць'.

Верагодна, ужо ў агульнаславянскі перыяд у вытворных ад праслав. **jьstь* развіліся значэнні 'асноўны капітал', 'сапраўдная (без працэнтаў) сума грошай', а таксама 'ісціна', 'сапраўднасць' [18, с. 242, 246].

Падобныя суадносіны бачым у нямецкай мове, дзе *Wesen* 'існасць' яўна звязана з *Anwesen* 'невялікі маёнтак, зямельны ўчастак, вясковы двор, падворак, сядзіба' [31, S. 34, 788; 28, S. 152].

Зыходзячы з дадзенага кола значэнняў беларускі лінгвіст В. У. Мартынаў прапанаваў гіпотэзу аб паходжанні ст.-слав. слова *истьба* 'ізва, драўляная пабудова' з праслав. **jьstьba* 'нерухомая маёмасць, гаспадарка' < **jьstь-ba* [6, с. 121–125], сустрэтую калегамі, праўда, досыць прахалодна, найперш па фармальных меркаваннях¹. Аднак менавіта гэтак рашэнне, як будзе ясна з далейшага, уяўляецца дастаткова матываваным.

Прынята трактаваць ст.-гр. *οὐσία* як вытворнае ад дзеепрыметніка цяперашняга часу жаночага роду *οὐσα* дзяслова *εἶμι* «ёсць, існую» [23, S. 449]. Так яго трактуе і М. Хайдэгер [28, S. 152]. Падобная сітуацыя з ням. *Anwesen* і ст.-слав. *истина*, праслав. **jьstina*, літ. *esmė* 'сутнасць, існасць'. Так, *Anwesen* трактуецца як наміналізаваны інфінітыў страчанага дзяслова *anwesen* 'быць тут, каля або ў (чымсьці), быць улучаным у нешта'. Дзеепрыметнік *anwesend*, які захавалася ў нямецкай мове, азначае 'прысутнае, наяўнае, існае, якое знаходзіцца ў распараджэнні' [29, р. 174]. Былі спробы трактаваць праслав. **jьstь* як вытворнае ад дзяслова **es-* 'быць' [18, с. 246]. Апошняя супастаўленне выклікала справядлівую крытыку, і былі зроблены шматлікія спробы вытлумачыць праслав. *jьstь* інакш.

Так, *jьstь* параўноўвалі з латыш. *īsts, īstens, īstans* 'сапраўдны, правадзейны', якія ў сваю чаргу звязваюць з *īksts* 'тое самае', літ. *aiškus, yškus, iščias, eiškus* і г.д. 'яўны, ясны, уцямны', арм. *isk* 'сапраўды' і далей з праслав. **jьsk-* : **ěsk-* (адкуль **jьskra* 'іскра') і **(j)ěsnь* 'ясны' [12, с. 140; 14, с. 565–566; 22, S. 3]. Праформу *jьstь* раскладалі на **jьz(iz) + sto-* (ад **stā-* 'стаяць') падобна да лац. *ex-sistere* 'існаваць'. Апошнім часам прызнанне атрымала гіпотэза У. М. Тапарова аб тым, што праслав. *jьstь* уяўляе кампазіцыю займеннікаў **is-to* 'той самы, менавіта той' падобна да лац. *iste*, умбр. *esto-* 'гэты, той' [8, с. 80–86].

¹ «...Застаецца няясным суф., а таксама семантыка» [18, с. 244]. Аднак, што датычыць суфікса, то слова **jьstь-ba* ўтворана гэтаксама, як і праслав. **otro-ba* 'ўтроба, унутранасць'.

Аднак усе прапанаваныя дагэтуль версіі¹ трэба прызнаць хоць і верагоднымі, але да канца не здавальняючымі, перадусім з-за непрасветленасці семантыкі.

Іншая магчымасць вынікае з параўнання праслав. *jьstь* з літ. *įscios* ‘утроба, улонне, чэрава, унутранасць’. Гэтае слова мае іншабалтыйскія адпаведнікі: латыш. *ikša* ‘ўнутраны бок’, *ikšas* pl. ‘унутранасці’, ст.-прус. *instran* ‘нутраны тлушч’. Бліжэйшыя адпаведнікі ў германскіх мовах наступныя: ст.-паўн. *īstr*, *īstra* ‘нутраны тлушч’ (< **en-s-tro-*), сяр.-н.-ням. *inster* ‘унутранасці забітай жывёлы’, н.-в.-ням. дыял. *inser* ‘унутраная частка жывёліны, прызначаная для ежы’ (< **ents-(t)ro-*). Да праформы **en-s-tro-* таксама ўзводзіцца латыш. *īstri* ‘ныркі’. Усходнебалтыйскія словы са значэннем ‘унутранасці’ не маюць *-r-*. Для іх узнаўляюцца праформы **entiā*/**enstjo-* [35, S. 314; 9, с. 54–55].

У славянскіх мовах таксама дастаткова шырока прадстаўлены формы з *-r-*, але без *-s-*: праслав. **ętro* ‘печань; унутранасць’ < **en-tro*, утворанае прыназоўнікам-прыстаўкай **en-* і фармантам *-tr-* з прасторава-кампаратыўнай функцыяй: балг. *япрѣ*, славен. *jětra*, ст.-чэш. *játry*, чэш. *játra*, словц. *jatrá*, в.-луж. *jatra*, н.-луж. *jětša*, цслав., ст.-рус. *амро*; звязана чаргаваннем з **qtrь* ‘ун-утр’, **qtroba* ‘ўтроба’ і далей са ст.-гр. *έντερα* ‘ўнутранасці, кішкі’, *έντερον* ‘кішка, чэрава, улонне, матка, унутранасць, сэрцавіна, ядро», ст.-інд. *ántaras* ‘унутраны’, *antrám* ‘унутранасці’, авест. *antara-* ‘ўнутраны’, лац. *interus* ‘унутраны’ [17, с. 71–73; 13, с. 90–91; 35, S. 313–314]. Аднак і наадварот ёсць формы з *-s-*, але без *-r-*: **jьsto*, род. п. *jьstese* ‘ўнутранасці’, а таксама ‘нырка’, для якога шукаецца этымалогія, не звязаная з канцэптам ‘унутранае’ [18, с. 242].

Першы адзначыў магчымую сувязь **jьstь* з **jьsto* Р. Ф. Брандт. У сваіх заўвагах да этымалагічнага слоўніка Ф. Міклошыча даследчык адзначыў: «Я думаю, што прыметнік **исть** роднасны з назоўнікам **исто** нырка, машонка, і што асноўнае значэнне яго было ўнутраны (адсюль сардэчны, шчыры, пэўны, сапраўдны)» [1, с. 79]. Аднак далей Р. Ф. Брандт не развіў гэтае сваё назіранне. Пазней спробу звязаць гэтыя два словы на іншых падставах зрабіў В. У. Мартынаў [6, с. 95, 124–125]. А. Ф. Жураўлёў не адхіляе такую магчымасць, прыводзіць іншамоўныя тыпалагічныя паралелі, хаця ў цэлым падтрымлівае версію У. М. Тапарова [8].

Але пры больш пільным разглядзе у праслав. **jьstь* і **jьsto* адкрываюцца больш глыбокія сістэмныя семасіялагічныя сувязі.

На нашу думку, ёсць падставы бачыць у праслав. **jьstь* развіццё праформы **ηsto-* < **ensto-* са значэннем ‘унутранае’. Развіццё пачатковага *η-* тут такое самае, як і ў праслав. **ьmę* ‘імя’ < **η-men-* < **en-men-* ‘унутранае’, тое, што ўкладаецца, накладаецца [15, с. 387; 18, с. 227–228]. Словаўтваральная аналогія праслав. **jьstь* і **ьmę* аказваецца зусім не выпадковай. Тут прасвечваюць блізкія прасторавыя інтуіцыі, якія асабліва выразна адбіліся ў словазлучэнні **η-men-* & **dhē-* ‘класці, на(у)кладаць імя’ (параўн. ст.-гр. *ὀνοματο-*

¹ Агляд версій гл.: [36; 4].

θετης ‘творца імёнаў’, ст.-інд. *nāma-dha-* ‘той, хто дае імя’, *nāma-dhéya* ‘абрад імянакладання’) – тэхнічным тэрміне, звязаным з абрадамі імянавання, напрыклад, нованароджанага дзіцяці, чалавека пры пераходзе яго ў чарговую ўзроставую ці сацыяльную групу [10, с. 148]. У беларускай каляднай песні знаходзім адбітак гэтай даўняй традыцыі: «На вашым дварэ дрэва стаяла, / А на тым дрэве цісова крваць. / На той крваці Божая Маці, / Божая Маці сына радзіла. / Сяджаліся, раду радзілі, / Раду радзілі, чым імя накласць...» [2, с. 23].

З гледзішча метафізікі сувязь паняцця *існасці* (ст.-блр. *ис(т)ность, истость*) з паняццем унутранага цалкам заканамерная. Нават інтуітыўна *існасць* заўсёды разумеецца як унутрана ўласцівая аб’екту, рэчы характарыстыка, у адрозненне ад іх знешніх, феноменальных характарыстык. Так, у Дж. Лока: «**Існасць** можа прымацца за само існаванне нечага, паколькі яно ёсць тым, чым яно ёсць. І такім чынам **унутраная**, але, як правіла (па сутнасці), невядомая канстытуцыя рэчаў, ад якой залежаць іх адкрываныя якасці, можа быць названа іх **існасцю**»¹ [32, р. 196].

Найбольш яўна гэта выражана ў анталогіі Г. В. Ф. Гегеля, найперш у «Вучэнні аб існасці» яго вядомай «Навуцы логікі». Так, «**унутранае** вызначаецца як **існасць**» («das **Innere** als **Wesen** ... bestimmt ist») [24, S. 173]. «У выніку **ўнутранае** ёсць завяршэннем **існасці** паводле формы. **Існасць**, паколькі вызначаецца менавіта як **унутранае**, улучае ў сябе незавершанасць і як судачыненне з сваім іншым ёсць толькі знешняе; аднак апошняе ёсць таксама не толькі быццё або існаванне, але і тое, што суадносіцца з **існасцю** або **ўнутраным**» («Das **Innere** ist somit die Vollendung des **Wesens** der Form nach. Das **Wesen**, indem es nemlich als **Innres** bestimmt ist, enthält es, daß es mangelhaft und nur ist, als Beziehung auf sein anderes, das Aeussere; aber dieses ist eben so nicht nur Seyn oder auch Existenz sondern als auf das **Wesen** oder das **Innere** sich beziehend») [24, S. 174]. «**Унутранае** вызначаецца як форма рэфлексаванай у сябе непасрэднасці або **існасці**, тады як знешняе вызначаецца як форма быцця» («Das **Innere** ist als die Form der reflektirten Unmittelbarkeit oder des **Wesens**, gegen das Aeussere als die Form des Seyns bestimmt») [24, S. 172].

Прапанаваная этымалогія славянскіх метафізічных канцэптаў адкрывае новыя магчымасці для вытлумачэння ст.-гр. *οὐσία* не як вытворнага ад *οὐσα*, дзеепрыметніка цяперашняга часу жаночага роду ад *εἶμι* ‘я ёсць, існую’, а як вытворнага ад незафіксаванага слова, утворанага паводле той самай мадэлі, што і згаданыя ўсходнебалцкія словы: *οὐσα* < **ovtja*, падобна да таго, як *μοῦσα* ‘Муза, багіня спеваў і паэзіі’ можа тлумачыцца з **μouvtja* [23, S. 261], якое ў сваю чаргу да і.-е. **men-ti-* ад **men-* ‘мысліць, быць у стане душэўнага ўзрушэння’ [35, S. 726–728], або ад **μouvtja* < і.-е. **mendh-* ‘накіроўваць свой розум ці ўвагу, быць жвавым’ [35, S. 730]². Аналогія падтрымліваецца наступ-

¹ Тут і далей пераклад і шрыфтавое вылучэнне мае. – С. С.

² Іншыя версіі абмяркоўваюцца ў [11].

нымі суадносінамі форм: *οὐσα/οὐσία* : *μοῦσα/*μουσία* (як у *ἀ-μουσία* 'не-культурнасць, не-пісьменнасць, не-адукаванасць'). Першай версіі з -τ- належыць аддаць перавагу па семантычных меркаваннях.

Калі прапанаваная інтэрпрэтацыя слушная, то да шэрагу **jъsto* і *οὐσία* можа быць дададзена таксама ст.-інд. *ásta, ástaka* 'дом', *astyā* 'тое самае'. Класічны слоўнік санскрыту [34, р. 122] звязвае гэтыя словы з дзеясловам *as* з шырокім дыяпазінам значэнняў 'быць', 'жыць', 'існаваць', 'прысутнічаць', 'мець месца', 'адбывацца', 'пражываць', 'знаходзіцца', 'належаць', 'станавіцца' і інш. [34, р. 117]. Аднак слоўнік Ю. Покарнага змяшчае іх у лему **nes-* 'яднацца; быць абароненым', засноўваючыся на скрай пашыральнай семантыцы 'радзіма', 'месца жыхарства' [35, S. 766]. Тое самае, што да іран. **asta-* 'прытулак', 'хатні агмень', 'дом', 'жытло' (< **ṛstó-* < **nes-/ṛs-* 'яднацца'; 'ратавацца, хавацца') [7, с. 234].

Больш натуральна для *ásta, astyā* таксама ўзнаўляць праформы **ṛsto-* < **ensto-* і **ṛstjo-* < **enstjo-*.

Апазіцыя ўнутранага і знешняга (адпаведна свайго і чужога), апасродкаваная граніцай, з'яўляецца адной з фундаментальных апазіцый культуры. І не выпадкова ўяўленне аб «унутраным» у індаеўрапейскіх мовах суадносіцца з рэканструяваным намі значэннем 'унутранае' для славянскіх канцэптаў, такіх як блр. ІСНАЕ, ІСНАСЦЬ, ІСЦІНА, у іх сувязі з канцэптамі ДОМ, ЖЫТЛО, НЕ-РУХОМАЯ МАЁМАСЦЬ.

Семасіялагічна значэнне 'ўнутранае' рэгулярна стасуецца са значэннямі 'дом, дома, у доме, у памяшканні': арыйскае (інд.-іп.) **antara-* 'ўнутраны, унутраная частка нечага', але і армуры (дыялект) *nēr* 'дом' < **antar(i)ja* [7, с. 163]; ст.-гр. *ἐντός* 'унутры', але і 'ў доме', а таксама *τά ἐνδῖνα* 'ўнутранасці', *τό ἐνδῖον* літаральна 'жытло'.

Між тым значэнне 'зне, знадворку' таксама рэгулярна суадносіцца са значэннямі 'дом', 'жытло', 'памяшканне', часта праз суадносіны з канцэптам ГРАЊІЦА, задаваным значэннем 'праход, які зачыняецца і адчыняецца' – дзверы, веснічкі, вароты: ст.-гр. *θύραζε* (< **θύρα-(σ)δε*) 'вонкі, прэч; зне, знадворку' пры *θύρα* 'дзвер, веснічка', множны лік *θύραι* 'двухстворкавыя дзверы, вароты'.

Такім чынам, «знешняе» – гэта найперш тое, што знаходзіцца па-за домам, за дзвярыма, у двары, але таксама і па-за межамі двара як абжытай прасторы. Невыпадкова словы *дзвер* і *двор* узыходзяць да адзінага этымону: праслав. **dvьrь*, ст.-слав. *двьрь* (< і.-е. **dhur-/dhur-*) – старажытнае індаеўрапейскае слова, якое мае адпаведнікі ў стараіндзейскай, грэчаскай, лацінскай, армянскай, тахарскай В, албанскай, балцкіх і германскіх мовах і звязанае чаргаваннем галосных з праслав. **dvorь*, ст.-слав. *дворь* (< і.-е. **dhur-/dhur-*) [16, с. 169–172]. Беларускае *знадворкавы* 'знешні' дэманструе акурат гэтакія суадносіны.

У М. Хайдгера паняцці дома, пражывання і існасці часта суадносяцца ў асадах адзінага дыскурсу. Напрыклад: «Мысленне ўзводзіць ДОМ быцця,

у якім зазор быцця заўсёды лёсавызначальна размяшчае **існасць** чалавека ў **пражыванне** ў ісціне быцця. Гэтае **пражыванне** ёсць **існасцю** “быцця-у-свеце”... Там адсылка да “**ўнутры-быцця**” як “**пражывання**” ніякая не этымалагічная забава. Адсылка ў лекцыі 1936 года да слоў Гельдэрліна “Цалкам заслужана і ўсё ж паэтычна пражывае / чалавек на гэтай зямлі” – гэта не ўпрыгожванне думкі, якая ратуецца ад навукі ў паэзію. Гутарка пра дом быцця – гэта не перанос вобраза “дому” на быццё, але хутчэй з належным чынам прадуманай **існасці** быцця мы зможам асэнсаваць аднойчы, што такое “дом” і “**пражываць**» («Das Denken baut am **Haus** des Seins, als welches die Fuge des Seins je geschickhaft das **Wesen** des Menschen in das **Wohnen** in der Wahrheit des Seins verfügt. Dieses **Wohnen** ist das **Wesen** des “In-der-Welt-seins”... Der dortige Hinweis auf das “**In-Sein**” als “**Wohnen**” ist keine etymologische Spielerei. Der Hinweis in dem Vortrag von 1956 auf Hölderlins Wort “Voll Verdienst, doch dichterisch wohnt / der Mensch, auf dieser Erde” ist keine Ausschmückung eines Denkens, das sich aus der Wissenschaft in die Poesie rettet. Die Rede vom Haus des Seins ist keine Übertragung des Bildes vom “Haus” auf das Sein, sondern aus dem sachgemäß gedachten **Wesen** des Seins werden wir eines Tages eher denken können, was “**Haus**” und “**wohnen**” sind») [25, S. 358].

Нямецкі філосаф хоць і быў схільны прымаць пашыраную трактоўку *Wesen* як дэрыват і.-е. **es-* ‘быць, існаваць’ [28, S. 152], у вышэй прыведзеным фрагменце, па сутнасці, узнаўляе архаічную семантыку слоў *Anwesen* і *Wesen*, паколькі насамрэч гэтыя словы паходзяць з і.-е. кораня **ues-* ‘знаходзіца дзе-небудзь пэўны час, пражываць’, адкуль ст.-інд. *vāsati* ‘пражываць’, *vāstu* ‘месца, жытло, дом’, ст.-гр. *ἵσθημι* (з **ues-ti-*) ‘знаходзіца, пражываць’, (*F*)*ἄστυ* ‘горад’, тах. В *ost* ‘дом’ і інш. [35, S. 1170–1171].

Старажытны сэнс нямецкага *Wesen* захоўваецца яшчэ ў такім кампазіце, як *Hauswesen* ‘дом, сям’я, хатняя гаспадарка’. Ён свядома абыгрываецца ў сачыненні М. Хайдэгера «Што завецца мысленнем?» («Was heisst Denken?»): «Калі мы кажам “**прысутнічаць**”, то разумеем слова “**ісціцца**” як дзеяслоў, а не як назоўнік. Ужытае і запісанае ў апошнім сэнсе [як назоўнік] “**прысутнасць**” называе **прысутнае**: сялянскую сядзібу з прылеглай нерухомасцю. Таксама гара ёсць нерухомасць свайго роду. Ужытае як дзеяслоў слова “**ісціцца**” – гэта старавярхнямецкае “*wesan*”. Гэта тое ж самае слова, што і “доўжыцца”, і азначае: заставацца (дзе-небудзь), трываць. *Wesan* суадносіцца са стараіндыйскай асновай *vāsati*, г. зн. **ён пражывае, трывала знаходзіцца дзе-небудзь. Абжытае называецца жытло**» («Sagen wir **anwesen**, dann verstehen wir das Wort »**wesen**« verbal, nicht als Substantivum. Im letzteren Sinne gebraucht und groß geschrieben, nennt »**Anwesen**« ein **Anwesendes**, ein Bauerngut mit seinen Liegenschaften. Auch das Gebirge ist eine Liegenschaft eigener Art. Das verbal gebrauchte Wort »**wesen**« ist das althochdeutsche »*wesan*«. Es ist das selbe Wort wie »*währen*« und bedeutet: bleiben. *Wesan* gehört zum Stamm des altindischen *vāsati*, d.h. **er wohnt, er weilt**. Das **Bewohnte** heißt das **Hauswesen**») [26, S. 239–240].

Ідэя нерухомасці, трываласці «ўнутранага» як нельга лепей выражана ў вядомым па ўсёй Нямецчыне вершаваным выслоўі: *Mag draußen die Welt ihr Wesen treiben, mein Heim (Haus) soll meine Ruhstatt bleiben*, што можна перакласці як: *Знадворку можа свет мітрэнжыць нораў свой, прыстанішчам майго спакою мусіць заставацца дом мой*, або сцісла: *Няхай знадворку свет віруе, у маім доме хай пакой пануе*.

У грэкаў адрознівалі дом як *οἶκος* ад дома ў больш вузкім сэнсе як *δομος* ‘дом, будынак, пакой’. *Οἶκος* часта разумелася як ‘уся маёмасць’. Так, у Амонія-граматыка, лексікографа пачатку V ст. н. э., верагодна, з Александрый ў лексіконе, які яму прыпісваецца, суадносіны *οἶκος* і *οὐσία* пададзены наступнай формулай: *οἶκος μὲν λέγεται ἢ πᾶσα οὐσία* – «маёмасць жа, кажуць, – гэта ўся ўласнасць» [20, р. 99]. Але гэтак жа і ў беларускай мове *дом* азначае і ‘будынак для жылля’, і ‘жылое памяшканне разам з гаспадаркай, сядзіба’, у адрозненне ад *хаты* ці *істочкі* (ст.-блр. *изба, истобка*) [3, с. 28–30, 188–189].

Менавіта ў сваёй сядзібе чалавек мог па-гаспадарску рупліва апекавацца сваімі рэчамі, выкарыстоўваючы іх паводле іх прызначэння і тым самым зышчаючы іх уласную існасць. У гэтай ахавана-адкрытай воласці ісцілася існасць існага, і ў ёй бяспечна мог пражываць чалавек паводле сваёй існаснасці. Тым лягчэй было перанесці гэтае ўяўленне аб трывалай, нязменнай умове існавання на ўсё існае і развіць у, здавалася б, чыста эканамічным паняцці метафізічны сэнс «існасці» і «ісціны».

Скарачэнні

авест. – авестыйскае	стар. – старое
арм. – армянскае	ст.-блр. – старабеларускае
балг. – балгарскае	ст.-гр. – старагрэчаскае
блр. – беларускае	ст.-інд. – стараіндыйскае
в.-луж. – верхнелужыцкае	ст.-паўн. – старапаўночнае
дыял. – дыялектнае	ст.-прус. – старапрускае
і.-е. – індаеўрапейскае	ст.-рус. – старарускае
інд.-ір. – інда-іранскае	ст.-слав. – стараславянскае
іран. – іранскае	ст.-чэш. – старачэшскае
латыш. – латышскае	сяр.-н.-ням. – сярэдніжненямецкае
лац. – лацінскае	тах. В – тахарскае В
літ. – літоўскае	умбр. – умбрыйскае
н.-в.-ням. – нованіжненямецкае	цслав. – царкоўна-славянскае
н.-луж. – ніжнелужыцкае	чэш. – чэшскае
ням. – нямецкае	Plato <i>De Rep.</i> – Plato <i>De Republica</i>
польск. – польскае	Plato <i>Gorg.</i> – Plato <i>Gorgias</i>
праслав. – праславянскае	Plato <i>Phaedr.</i> – Plato <i>Phaedrus</i>
славен. – славенскае	
слвц. – славацкае	

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Брандт, Р. Ф. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича / Р. Ф. Брандт. – Варшава : Тип. Марии Земкевич, 1891. – С. 41–216. – (Отд. отт. из «Русского филологического вестника»).
2. Беларускі фальклор у сучасных запісах: традыцыйныя жанры: Гомельская вобласць. – Мінск : Універсітэцкае, 1989. – 384 с.
3. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1996. – Вып. 14 : ИГДЕ – КАТУЮЧИЙ. – 301 с.
4. Журавлев, А. Ф. По поводу истины: (семантикотипологический комментарий) / А. Ф. Журавлев // Эволюции смыслов / А. Ф. Журавлев. – М. : Изд. дом ЯСК, 2016. – С. 247–259.
5. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика / А. Ф. Лосев. – Харьков : Фолио ; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 624 с.
6. Мартынов, В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры: к проблеме прародины славян / В. В. Мартынов. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1963. – 248 с.
7. Расторгуева, В. С. Этимологический словарь иранских языков : в 3 т. / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000–2007. – Т. 1 : а – ā. – 2000. – 327 с.
8. Топоров, В. Н. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) / В. Н. Топоров // Краткие сообщения Института славяноведения. – М., 1958. – Вып. 25. – С. 74–88.
9. Топоров, В. Н. Прусский язык : словарь : в 5 т. / В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1975–1990. – Т. 3 : I – K. – 1980. – 384 с.
10. Топоров, В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности / В. Н. Топоров // Славянское и балканское языкознание : сборник. – М. : Наука, 1986. – [Вып. 10] : Проблемы диалектологии. Категория посессивности. – С. 142–167.
11. Топоров, В. Н. *Μοῦσαι* «Музы»: соображения об имени и предистории образа: (к оценке фракийского вклада) / В. Н. Топоров // Из работ московского семиотического круга / сост. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – С. 257–299.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 2 : Е – Муж. – 1986. – 672 с.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 3 : Муза – Сят. – 1987. – 832 с.
14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 4 : Т – Яшур. – 1987. – 864 с.
15. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Т. 3 : Г – I. – 408 с.
16. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М. : Наука, 1979. – Вып. 5 : *dělo—*dъgъlь. – 222 с.
17. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М. : Наука, 1979. – Вып. 6 : *e – *golva. – 222 с.
18. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М. : Наука, 1981. – Вып. 8 : *xa – *jъvъlga. – 252 с.
20. Ammonius. De differentia adfinium vocabulorum / Ammonius. – Lipsiae : Apud Ioann. Avg. Gottl. Weigel, 1822. – lvi, 226, 224 p.
21. Berger, H. H. Ousia in de dialogen van Plato: een terminologisch onderzoek / Herman H. Berger. – Leiden : E. J. Brill, 1961. – 326 p.
22. Fraenkel, E. Litauisches etymologisches Wörterbuch / Ernst Fraenkel. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag ; Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. – Bd. 1 : A – privekiūoti. – xxiii, 656 S.

23. Frisk, H. Griechisches etymologisches Wörterbuch : in 3 Bde / Hjalmar Frisk. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1960–1972. – Bd. 2 : Krabbatos –Polis. – 1970. – 576 S.
24. Hegel, G. W. F. Werke : Vollständige Ausgabe : in 18 Bde / Georg Wilhelm Friedrich Hegel ; Hrsg. v. L. Boumann [u. a.]. – Berlin : Duncker und Humblot, 1832–1845. – Bd. 4 : Wissenschaft der Logik. – xii, 243 S.
25. Heidegger, M. Brief über den «Humanismus» / M. Heidegger // Gesamtausgabe I. Abteilung : Veröffentlichte Schriften, 1914–1970 / M. Heidegger. – Frankfurt a/Main : Vittorio Klostermann, 1976. – Bd. 9 : Wegmarken. – S. 313–364.
26. Heidegger, M. Was heisst Denken? / M. Heidegger // Gesamtausgabe I. Abteilung : Veröffentlichte Schriften, 1914–1970 / M. Heidegger. – Frankfurt a/Main : Vittorio Klostermann, 2002. – Bd. 8 : Was heisst Denken? – 271 S.
27. Heidegger, M. Die Grundbegriffe der Metaphysik: Welt, Endlichkeit, Einsamkeit / Martin Heidegger. – Frankfurt a/Main : Vittorio Klostermann, 2004. – 544 S.
28. Heidegger, M. Zollikoner Seminare : Protokolle, Zwiegespräche, Briefe. 3., um Register ergänzte Auflage / Martin Heidegger ; Hrsg. v. M. Boss. – Frankfurt a/Main : Vittorio Klostermann, 2006. – xxx, 381 S.
29. Inwood, M. J. A Heidegger Dictionary / Michael J. Inwood. – Oxford : Wiley-Blackwell, 1999. – 283 p.
30. Nietzsche, F. Nietzsche Werke : Kritische Gesamtausgabe / Friedrich Nietzsche ; begr. v. G. Colli, M. Montinari ; weitergeführt v. W. Müller-Lauter, K. Pestalozzi ; Hrsg. v. F. Bornmann. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1993. – Abt. II. – Bd. 3 : Vorlesungsaufzeichnungen (SS 1870 – SS 1871) / bearb. von F. Bornmann, M. Carpitella. – 441 S.
31. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Friedrich Kluge. – 22. Aufl. / mithilfe v. M. Bürgisser, B. Gregor völlig neu bearb. v. E. Seebold. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1989. – lxxv, 822 S.
32. Locke, J. An essay concerning human understanding : in 3 vols., 4 bks. / John Locke. – Edinburgh : Printed by A. Donaldson and J. Reid, 1765. – Vol. 2. – xviii, 329 p.
33. Martin, G. Platons Ideenlehre / Gottfried Martin. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1973. – 296 S.
34. Monier-Williams, M. A Sanskrit-English Dictionary. Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages / Monier Monier-Williams. – Delhi : Motilal Banarsidass Publishers, 2005. – x, 1333 pp.
35. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch : in 2 Bds. / J. Pokorny. – Bern ; München : Francke Verlag, 1959. – Bd. 1. – 348 S.
36. Stang, Chr. S. L'adjectif slave istъ / Chr. S. Stang // Nordisk Tidskrift for Sprogvidenskap. – 1949. – T. XV. – S. 343–351.

Г. Ч. Лянькевич

Минский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова,
Минск, Беларусь

**СОКРАТОВСКИЙ ДИАЛОГ ДВУХ УЧЕНЫХ И ДОКТОРОВ:
О ВОЗЗРЕНИЯХ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ
СУДЗИЛОВСКОГО (РУССЕЛЯ) И СУНЬ ЯТСЕНА**

Статья посвящается известным ученым-гуманитариям и выдающимся политическим деятелям – белорусу Николаю Судзиловскому (Русселю; 1850–1930) и его китайскому товарищу Сунь Ятсену (1866–1925), первым президентам Гавайской республики и Китайской Республики соответственно. Анализируется эволюция их воззрений по вопросам прогрессивного и независимого развития народов, обеспечения их социально-экономического и политического суверенитетов.

Ключевые слова: конституция, типология общественного развития, образовательные системы, политические организации, независимость народов и государств

G. Lyankevich

Minsk Branch of Plekhanov Russian University of Economics,
Minsk, Belarus

**SOCRATIC DIALOGUE BETWEEN TWO SCIENTISTS AND DOCTORS:
VIEWS AND COOPERATION OF NIKOLAI SUDZILOVSKI (RUSSEL)
AND SUN YAT-SEN**

The article is dedicated to well-known humanities scholars and outstanding political figures – belarusian Nikolai Sudzilovski (Russel; 1850–1930) and his chinese friend Sun Yat-sen (1866–1925), the first Presidents of the Hawaiian Republic and China Republic. The evolution of their views on the issues of progressive and independent development of peoples, ensuring their socio-economic and political sovereignty is analyzed.

Keywords: constitution, typology of social development, educational systems, political organizations, independence of peoples and states

В Конституции Республики Беларусь, принятой на Республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., отмечается, что народ Беларуси сознает себя «полноправным субъектом мирового сообщества» [1, с. 3]. 15 марта 2022 г., в День Конституции, Республика Беларусь стала жить по обновленному Основному Закону. Президент страны Александр Григорьевич Лукашенко на торжественной церемонии во Дворце Независимости подписал Решение республиканского референдума. «Народ Беларуси сделал свой выбор. Выбор в пользу эволюционных преобразований политической системы... Народ проявил

мудрость и национальную зрелость», – отметил в своем выступлении Глава нашего государства. Принятая новая редакция Конституции призвана «оберегать наше суверенное право жить и развиваться как нация на своей исторической земле», – подчеркнул А. Г. Лукашенко [2, с. 3]. Вместе с тем на Первом белорусском философском конгрессе (2017), на наш взгляд, справедливо отмечалось, что Республика Беларусь в своем регионе – «единственная страна, придерживающаяся... линии модернизации, которая по своим типологическим характеристикам приближается к китайской модели... В Восточной Европе этот пример в определенном смысле исключительный» [3, с. 47]. Общностью принципов внутренней и внешней политики, совпадением взглядов на важнейшие проблемы во многом было обусловлено интенсивное развитие всесторонних связей Беларуси и Китая в последние десятилетия. Причем такое состояние отношений в значительной степени было предопределено многими тенденциями и событиями прошлого, в том числе и начального этапа советско-китайских отношений, когда по приглашению Сунь Ятсена в Китай стали прибывать многочисленные советники, военные и гражданские специалисты из СССР.

К сожалению, не только в публикациях в теоретических журналах, но и в ряде энциклопедических изданий не раскрывается тема белорусско-китайского сотрудничества в эпоху Сунь Ятсена – первого президента Китайской Республики [5]. Были, правда, и некоторые исключения [6]. К ним можно отнести и отдельные исследования белорусских ученых о деятельности в Китае могилевчанина Николая Константиновича Судзиловского (1850–1930) [4].

Белоруса и китайца объединяла во многом общая судьба. Их идейной близости способствовала и общая профессия врача, а также сравнительно схожее образование, в котором в XIX в. доминировали (не только в России, но в Китае и Румынии) европейские традиции. Педагоги медицинских институтов, университетов и колледжей, тем более англиканской школы, в которой учился Сунь Ятсен, опирались в своих теоретических воззрениях на аристотелизм, а отчасти – и на предшественников Аристотеля, включая Платона и Сократа. По мнению выдающегося исследователя античной философии А. Ф. Лосева, передовые ученые и педагоги прошедших эпох хотя и производили «беспощадный анализ платонизма», часто использовали привычный для них сократовско-платоновский «метод острейшего критицизма и... некончающейся диалектики» [7, с. 62, 63]. Этот философский метод унаследовали в борьбе за справедливое мироустройство Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, а также их ученики, «подтолкнувшие массы к решительным действиям» [8, с. 39]. Среди их последователей оказались Николай Судзиловский и Сунь Ятсен.

Н. К. Судзиловский и его близкие друзья, включая Л. Г. Дейча, П. Б. Аксельрода (они же были и соратниками Г. В. Плеханова, дружбой с которыми он очень дорожил), получили блестящее образование. Несколько учебных заведений окончил и Сунь Ятсен. Друзья, с которыми и у которых он учился,

позже оказывали большую помощь китайскому однокашнику и даже спасали его от верной гибели (например, в 1896 г. в Лондоне от ареста и расправы Сунь Ятсена спас бывший преподаватель института англичанин доктор Кэнтли).

Но между Сунь Ятсеном и его друзьями, включая Н. К. Судзиловского, были и большие различия. Различия между Н. К. Судзиловским и Сунь Ятсеном были обусловлены не только их происхождением, национальной принадлежностью, условиями жизни в разных странах. Сказывалась и 16-летняя разница в возрасте (они родились соответственно в 1850 и 1866 гг.). Многим отличались и общественно-политические условия в их родных странах. Россия до и после русско-японской войны и революции 1905 г. представляла собой достаточно быстро развивающуюся державу с колониальными амбициями. Китай же был полуколониальной страной, на большей части которой царили еще полуфеодальные порядки и многочисленные интервенты как из США, так и из стран Европы, среди которых была и Россия.

Вместе с тем многие исследователи отмечали, что империя, возглавляемая Романовыми, которые спешили получить часть своего «пирога» в Китае и на Дальнем Востоке, была раздираема глубокими общественно-политическими противоречиями. Нередко здесь, особенно в портовых городах и городах западной части страны, участниками крайних социальных течений становились дети из семей чиновников, достаточно консервативных и проникнутых высоким сознанием долга. «Часто цель у отца и детей, по словам Н. О. Лосского, была одна и та же – добро в общественной жизни. Но одни пытались ее достичь путем добросовестного исполнения своих обязанностей, а другие считали необходимым для этого изменить коренным образом весь общественный строй» [9, с. 34]. К таким семьям в полной мере относилась и семья Судзиловских. Детство Николая Константиновича прошло в Могилеве, в доме отца-дворянина, который служил секретарем Могилевской губернской палаты гражданского и уголовного суда. В семье воспитывалось 8 детей, Николай был самым старшим и самым способным из них. Для сравнения: в семье пристава Витебской губернии Онуфрия Лосского родилось 15 детей, из которых долгожителем и самым знаменитым стал средний ребенок – Николай, родившийся в 1870 г. Дети и могилевского, и витебского чиновников очень гордились своими отцами, ставшими для них нравственным примером. Но жизнь детей под влиянием общественно-политических условий России сложилась во многом противоречиво и даже трагически.

Еще более тяжелой была жизнь китайской молодежи. Однако именно это обстоятельство привело юношу Сунь Ятсена на Гавайские острова, где чуть позже жил и стал президентом республики (сената) доктор Николас Руссель (псевдоним Н. К. Судзиловского). Более того, пусть и в разные годы, но будущие товарищи по революционной судьбе жили в одном и том же городе – Голлулу. Именно здесь в жизни белорусского и китайского эмигрантов произошли события, которые во многом повлияли на их дальнейшую жизнь,

предопределили судьбу и последующие дружеские отношения, а также, возможно, состоялась первая их встреча, когда Сунь Ятсен полулегально посещал Америку.

Состоятельный китаец Сунь Май, старший брат Сунь Ятсена, разбогатевший в 1870-х годах (как и многие китайцы) на Гавайских островах, определил своего младшего брата в миссионерскую школу в Гонолулу, обучение в которой велось на английском языке. В 1881 г. Сунь Ятсен окончил школу с отличием и в 1883 г. на несколько лет был отправлен братом в Китай. Китайский революционер высоко оценивал значение города Гонолулу в своей жизни¹. Позже он писал: «Здесь крупный порт является в то же время и столицей... Поэтому китайцы, проживающие здесь (в отличие от китайцев – жителей Сан-Франциско. – Г. Л.) обладают политическим сознанием» [цит. по: 10, с. 17]. При этом население островов, которые подвергались экспансии со стороны США, было настроено враждебно по отношению к американцам. Не являлись исключением в проявлении таких же чувств к захватчикам, плантаторам и коммерсантам из США и китайские эмигранты. Чувства враждебности к США еще более усилилось у Сунь Ятсена, когда после окончания английского колледжа в Китае он вновь прибыл по вызову брата на Гавайи. Англичане, многие из которых ревниво относились к независимости США, помогли Сунь Ятсену окончить еще несколько учебных заведений – медицинскую школу, а позже и медицинский институт (1892 г., с дипломом лучшего студента) [10, с. 12].

А в это время будущий товарищ Сунь Ятсена предавался на Гавайях мечтам (и многое делал для их осуществления) о переселении на острова Тихого океана безземельных крестьян Северо-Западного края Российской империи, то есть обездоленных людей со своей родины – Беларуси [4, с. 160, 161]. Правда, осознание Николаем Судзиловским своей «беларускасці» (как и, например, Николаем Лосским и многими другими выходцами из Беларуси) появится не сразу, а постепенно, особенно во время проживания в Америке и Азии.

Однако успешная фермерская жизнь (в прямом и переносном смысле слова, когда многие известные в Европе, Азии и США люди, включая выдающихся писателей и ученых, считали своим долгом встретиться с доктором Русселем) перестала удовлетворять Николая Константиновича. Он видел бесчеловечную колонизаторскую политику США в регионе, целями которой было уничтожение коренных народов Гавайских островов² и получение за счет эксплуатации «цветных» народов максимальной прибыли. Вскоре Н. К. Судзиловский (Руссель) под политическим псевдонимом Каука Лукини вступает в жестокую политическую борьбу с белыми колонизаторами из США [4, с. 168–177]. Промежуточным итогом этой борьбы стало его избрание в 1900 г. в парламент Гавайской республики. Уже в следующем, 1901 г. доктор и революционер стал

¹ В августе 1894 г., когда Н. К. Судзиловский (Руссель) уже второй год находился на Гавайях, Сунь Ятсен начал здесь создавать революционные организации китайцев.

² За 100 лет коренное население здесь уменьшилось в 10 раз и составило в 1898 г. 30 тысяч.

первым президентом Гавайской республики (сената Территории Гавайи). Он был поддержан победившей на выборах в парламент партией канаков [4, с. 174]. К этому времени белорусский народник стал не только гражданином республики, но, можно сказать, и гражданином Мира.

Не менее ценным был опыт, полученный Сунь Ятсеном во время пребывания в США и на Гавайях. «Американская» тематика еще долго волновала и белоруса, и китайца во время их последующей переписки и личного общения в Азии, главным образом в Японии. По мнению философа и историка М. И. Иосько, впервые открывшего белорусскому читателю многие теоретические работы, журнальные и газетные статьи Н. К. Судзиловского (Русселя), воззрения последнего «по меньшей мере являлись новаторскими... даже для таких высокоразвитых стран, как Англия, США» [4, с. 164]. Доктор Судзиловский (Руссель) высказывал твердое убеждение в том, что постановка медицинского обслуживания и здравоохранения в целом в любой стране обусловлена политическим и общественно-экономическим строем, тесно связана с развитием общественной мысли. Основываясь на этом убеждении, он «призывал трудящихся, прогрессивную интеллигенцию бороться за государственное здравоохранение, за организацию активного наступления на проказу, сифилис и другие социальные болезни» [4, с. 164]. Ученый считал, что необходимо радикальным образом изменить условия жизни людей, прежде всего следует обеспечить рабочих сносным жильем, законодательно закрепить и наладить охрану безопасности труда, ввести материальное обеспечение трудящихся в случае их болезни и т.д. «Здоровье – это первое благо, которым цивилизованное общество может и должно обеспечить своих граждан», – считал доктор Руссель, призывая правительства США и других стран, которых «несправедливо называют цивилизованными», к практическим мерам по улучшению здравоохранения народов [4, с. 164].

Исследования Н. К. Судзиловского (Русселя) и его американских друзей – выходцев из России, включая И. А. Гурвича¹, а также бежавшего из Сибири Л. Дейча – соратника Г. В. Плеханова, и др., показывают, что в 90-е годы XIX в. и начале XX в. они старались рассказать как можно большему числу читателей о насильственном присоединении Гавайев к США. Николай Константинович только в 1901–1905 гг. опубликовал три брошюры и свыше 10 статей на английском языке. Ряд его больших материалов поместили русские и многие иностранные газеты, в том числе в Азии. Н. К. Судзиловский (Руссель) разоблачал неприкрытый расизм, ставший основой политики, которую проводили по отношению к коренным жителям белые колонизаторы, видевшие в аборигенах людей низшего сорта [4, с. 166–167].

Сегодня неожиданно актуальным для народов соседних с Беларусью стран стало свидетельство Николая Константиновича о земельных аферах иност-

¹ В конце своей жизни И. А. Гурвич (1860–1924) подарил свою библиотеку Белорусскому государственному университету.

ранных радетелей «о благе» народов, которых они считают людьми второго сорта. Аборигенов иностранные пришельцы вытесняли с плодородных участков земли. Постепенно земли полностью переходили в руки колонизаторов. «Две трети территории, – писал Н. К. Судзиловский (Руссель), – принадлежат какому-нибудь десятку собственников, главным образом миссионерам и их потомкам. Большая часть, например, самого большого острова Гавайи принадлежит одному лицу» [4, с. 167].

Наконец, мы подошли к очень актуальному и обсуждаемому в переписке Н. К. Судзиловского (Русселя) и Сунь Ятсена вопросу об отношении США к колониальным и полуколониальным народам. Дело в том, что Николай Константинович в 1906 г. опубликовал на английском языке в Японии статью по обозначенной проблеме. Публикация вызвала поддержку и горячее одобрение у Сунь Ятсена и других китайских революционеров [4, с. 252; 10, с. 51, 52]. В связи с этим в начале ноября 1906 г. Сунь Ятсен писал ее автору в Токио: «Я прочитал Вашу интересную статью “Китайская проблема” с большим вниманием. Она произвела на меня глубокое впечатление... Я редко встречал европейца, который заходит так далеко, чтобы защищать практически так, как это делаете Вы, идею возрождения Китая и подъема миллионов его угнетенных до уровня нормального человеческого существования...» (Мы подчеркнем: этим чуть ли не единственным европейцем был наш выдающийся земляк Н. К. Судзиловский. – *Г. Л.*)

И далее Сунь Ятсен уточнял свою позицию: «Я боюсь, что китайская проблема в настоящее время еще не может привлечь внимания ни Америки, ни Европы, но не могу не выразить Вам благодарности за Ваше благородное выступление в защиту Китая...» [4, с. 252]. Здесь, вероятно, необходимо пояснить, что незадолго до этого письма (целый ряд писем не сохранился) Сунь Ятсен, очень критически относившийся к политике США, все же вынужден был приезжать в эту страну (по поддельному свидетельству о рождении на Гавайях, где он имел родственников и проходил обучение) с целью создания организаций и сбора средств для китайских революционеров (в чем, кстати, весьма преуспел). Большой шаг вперед китайский революционер к этому времени сделал и в теоретической разработке своей программы¹. Он достиг успехов и в создании организации «Объединенный союз», одним из лидеров которого стал во время переписки с Н. К. Судзиловским (Русселем). В названном письме Сунь Ятсен заявил очень откровенно и определенно о преданности и уважении к старшему товарищу². При этом Сунь Ятсен в достаточно мягкой

¹ Позже программа стала широко известна как «три народных принципа» (национализм, народовластие и народное благосостояние).

² По форме это письмо напоминает первые письма В. И. Ленина к Г. В. Плеханову; у названных двух пар революционеров разница в возрасте была почти одинаковой – 16 и 14 лет соответственно.

форме высказывал свои убеждения в том, что США не способны на бескорыстную помощь Китаю¹.

Примечательно, что примерно в то же время о проблемах борьбы с империализмом, колониализмом, а также о классовом противостоянии размышлял и Г. В. Плеханов, который в качестве примера использовал ситуацию, сложившуюся на тот момент в Китае. Статью, ставшую в начале 1900-х годов книгой, он начал писать незадолго до I съезда РСДРП, который состоялся в Минске в 1898 г. Поражение произошедшего в Китае восстания, позже названного в Европе «Боксерским» (у восставших символом был «кулак»), закончилось капитуляцией маньчжурского правительства, которое приняло ультимативные требования империалистов 8 стран. В связи с этим Г. В. Плеханов писал: «Идя в Пекин, союзные европейско-американско-японские войска были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы занятие китайской столицы совершилось бы без пролитой крови, но... ни на одну минуту не покидали мысли о ее занятии». И далее: «...цель не может измениться от того, что люди (в том числе из империалистических правительств. – Г. Л.) стремятся достигнуть ее с наименьшими усилиями» [11, т. 2, с. 498]. (Кстати, после победы над восставшими и проведения нескольких карательных операций в пригородах Пекина союзники заставили китайцев ставить памятники и мемориальные плиты в память о погибших офицерах оккупационной армии.)

В этот период США почти одновременно вели войны еще с двумя странами, а 2–3 тыс. человек, составлявшие американские части в Пекине (из 70 тыс. союзных войск), были представлены опытными офицерами, в частности очень жестким и решительным генералом Э. Р. Чаффи. Русскими же частями в таком же по численности составе, как и американские, командовал достаточно пожилой военачальник Н. П. Линевиц, ставший позже главкомом всех вооруженных сил России на Дальнем Востоке вместо проигравшего японцам войну генерала А. Н. Куропаткина.

Вскоре после окончания «союзной» войны с Китаем американцы (отчасти и англичане) стали активно заигрывать с китайскими властями и даже с молодыми революционерами. В 1908 г. США заявили, что свою долю контрибуции жертвуют в пользу китайских студентов, а за год до смерти Сунь Ятсена, в 1924 г., вообще отказались от всяких выплат². В планы империалистов существенные изменения внесла Первая мировая война, в ходе которой исчезли четыре колониальные империи.

Что же касается «игры» Сунь Ятсена с американцами, то она не была исключением в мировой политике, в которой враг твоего врага временно считался союзником. Вспомним, как действовали сравнительно хорошо знавшие

¹ Мы полагаем, и это следует из более ранних статей Н. К. Судзиловского (Русселя), о которых уже упоминалось, что бывший доктор и свергнутый президент Гавайской республики знал США не хуже китайского политического деятеля.

² По договору Китай должен был выплачивать контрибуцию 40 лет – с 1901 по 1941 год (!).

США Л. Д. Троцкий и В. И. Ленин, которые так же использовали в разных ситуациях потенциал американцев. Позже достаточно успешно применяли в своих целях ресурсы США и другие марксисты, включая И. В. Сталина и Дэн Сяопина.

Однако вернемся к ноябрю 1906 г., когда Н. К. Судзиловский (Руссель) и Сунь Ятсен, готовясь к личной встрече (она произошла в начале 1907 г.), вновь обменялись письмами. Китайский революционер писал: «Я, может быть, не совсем понимаю Вас с Вашим обращением к американским капиталистам, но с точки зрения его гуманности оно имеет хорошую сторону». При этом Сунь Ятсен подчеркивал, что «капиталисты не так наивны, чтобы совершить коммерческое самоубийство, помогая Китаю создавать свою промышленность и завоевывать независимость». «Я совершенно уверен, – продолжал китайский политический деятель заочный диалог, – что при проявлении малейшего интереса с нашей стороны в этом направлении раздадутся крики о темной опасности в капиталистическом лагере и не только в Америке, но и в Европе. Держать Китай в вечном экономическом подчинении – вот их главная цель» (подчеркнуто нами. – Г. Л.). Сунь Ятсен, по оценке М. И. Иосько, был, безусловно, прав [4, с. 253]. По нашему же мнению, китайский революционер был прав отчасти, во всяком случае не безусловно и не абсолютно. Для того чтобы убедиться в этом, сегодня не надо ехать в Китай. Достаточно было посетить Выставку, посвященную 100-летию Компартии Китая в Минске. Представленные на ней материалы (см., например, книги «Продовольственная безопасность Китая», «Ядерная безопасность в Китае», Пекин, 2019), а тем более исторические документы свидетельствуют о том, как искусно использовало правительство Китая противоречия, складывавшиеся между СССР с одной стороны и США, другими капиталистическими странами – с другой. Да и сам Сунь Ятсен во многом изменил свое мнение, когда чуть позже успешно лавировал между интересами США, Великобритании, Франции и Японии, а затем – между СССР и странами капитала. Однако если рассматривать идеи Сунь Ятсена в философском аспекте, что называется, в исторической перспективе, то сегодня как никогда отчетливо стали видны «главные цели» США и коллективного Запада (о которых говорили и писали еще сто лет назад китайский и белорусский революционеры).

Какие же выводы можно сделать из вышеизложенного? Во-первых, Сунь Ятсен (в отличие от Н. К. Судзиловского (Русселя), возглавившего республику, поглощенную США) с ясной теоретической программой с одной стороны и постоянным лавированием между политическими силами внутри страны и мощными внешними угрозами – с другой смог постепенно вывести Китай на начальную траекторию и путь независимого развития. В этом же русле сегодня можно рассматривать не только «линию модернизации» (см.: [3, с. 47], но и политическую стратегию Республики Беларусь, которую Глава государства неоднократно излагал, в том числе в программной речи на торжественном

собрании во Дворце Республики: «Мы знаем, что, пока гордимся своей историей, своим народом, своей страной, мы будем свободны. До тех пор, пока у нас родная земля и историческая память, мы – народ» [12, с. 1].

Во-вторых, используя исторический опыт сотрудничества и общие типологические характеристики и черты, о которых упоминалось в начале статьи, мы можем и должны развивать не только многоплановые белорусско-российские, но и белорусско-китайские отношения [3, с. 20–26]. Согласимся и с китайскими исследователями в том, что так же как наши соотечественники в Китае, так и многие китайцы в прошлом отличились в Советской России, а позже в СССР и БССР. Причем не только в труде, но и в бою, что нашло, кстати, свое отражение в ряде мемуарных и художественных произведений (см., например, повесть М. Булгакова «Китайская история»). Сегодня особенно уместно отметить и героизм других китайцев, в том числе летчика Тана Дуо, участвовавшего в освобождении Минска и многих городов Беларуси в годы Великой Отечественной войны [13, с. 100]. Он был награжден высшим советским орденом, названным именем В. И. Ленина, – человека, который был дорог китайским коммунистам так же, как и их боевым соратникам-красноармейцам.

В-третьих, необходимо более активно развивать научные связи с учеными России, Китая и других дружественных Республике Беларусь стран. В Беларуси в последние годы прошли научные форумы с участием китайских ученых, появились новые работы, посвященные белорусско-китайским экономическим, политическим, научным и культурным связям. Исследователи отмечают также, что в Беларуси Китай воспринимается все более позитивно, а население проявляет большой интерес к китайской культуре, образу жизни, развитию науки и техники. Растет интерес и к китайскому языку [14, с. 94, 99].

Мы убеждены в том, что в современной сложной международной обстановке и в столь противоречивое время, которое переживает человечество, может являться примером для подражания дружба и диалог белоруса Николая Константиновича Судзиловского (Руссея) и китайца Сунь Ятсена. Этот диалог звучал и должен звучать «как свидетельство того, что люди разных национальностей могут не только жить в мире, но и сотрудничать», причем весьма эффективно [4, с. 253]. При этом, как считают многие исследователи, необходимо учитывать, что, в ближайшие десятилетия мир изменится принципиально. Био-, нано-, информационно-коммуникационные технологии станут определяющими. Причем в этих направлениях «промедление на старте может стоить не только призового места, но даже и самой возможности продолжить гонку: догнать ушедших вперед становится все сложнее». Поэтому так актуально «умение выбрать и сфокусироваться на области собственной специализации, равно как и на способности объединять усилия с партнерами» [15, с. 25] на основе национальной специфики (завет Сунь Ятсена) и обладания конкурентными преимуществами страны.

Наконец, хотелось бы скорректировать вывод, сделанный в ходе Первых Плехановских чтений, прошедших в 2019 г. в Минском филиале Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Их участники, включая ученых Института философии НАН Беларуси, отмечали, что В. И. Ленин не был первым марксистом России. Более того, многие годы патриархом марксизма и своим учителем Владимир Ильич считал Георгия Валентиновича Плеханова. И это, очевидно, соответствует истине. Однако в докладах и в ходе дискуссий на Вторых Плехановских чтений отмечалось, что Г. В. Плеханов в силу возраста и других обстоятельств не мог осуществить свою юношескую мечту – встретиться и побеседовать с К. Марксом. Однако среди друзей Георгия Валентиновича был наш земляк из Могилева Николай Константинович Судзиловский (Руссель). В своих диспутах с К. Марксом и Ф. Энгельсом, в которых обсуждались перспективы польской революции, как показало время, оказался прав наш белорусский народник – достаточно молодой в то время человек Николай Судзиловский. Случилось же это в 1875 г. Свидетельством верности его предсказаний стали события 1920–1939 гг., а также первых десятилетий XXI в. Эти обстоятельства особенно важно учитывать сегодня, когда в Республике Беларусь состоялись мероприятия, посвященные Дню народного единства – 17 сентября. Святому празднику воссоединения белорусского народа, которому так стремились помешать прежние и современные наследники «революционной» Польши [см.: 16, с. 57–59, 133–137], пора занять свое достойное место на политическом Олимпе нашей страны.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
2. А. Г. Лукашенко. Новая страница нашей истории / А. Г. Лукашенко // Беларус. думка. – 2022. – № 3. – С. 3.
3. Национальная философия в глобальном мире : сб. материалов Первого белорус. филос. конгресса (Республика Беларусь, г. Минск, 18–20 окт. 2017 г.) : доклады : в 2 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Институт философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2017. – Т. 1. – 314 с.
4. Иосько, М. И. Николай Судзиловский-Руссель: жизнь, революционная деятельность и мировоззрение / М. И. Иосько. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 336 с.
5. Кітай // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1991–2004. – Т. 8. – 1999. – С. 297–310.
6. Сунь Ятсен // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1991–2004. – Т. 15. – 2002. – С. 270.
7. Лосев, А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона / А. Ф. Лосев // Собр. соч. : в 4 т. : пер. с древнегреч. / Платон. – М. : Мысль, 1990–1994. – Т. 1 / вступ. ст. А. Ф. Лосева ; примеч. А. А. Тахо-Годи. – 1990. – С. 3–63.
8. Адуло, Т. И. Социальность как объект философского осмысления / Т. И. Адуло // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 29–49.
9. Философы Лосские: летописцы малой и большой родины / сост.: Г. Ч. Лянькевич, В. И. Павлов. – Минск : Право и экономика, 2018. – 238 с.

10. Тихвинский, С. Л. Завещание китайского революционера / С. Л. Тихвинский. – М. : Политиздат, 1986. – 224 с.
11. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Политиздат, 1956–1957 ; Соцэкгиз, 1958. – 5 т.
12. Лукашенко, А. Г. Быть свободными! Быть белорусами! / А. Г. Лукашенко // Беларусь сегодня: СБ. – 2022. – 5 июля. – С. 1.
13. Чжан Инлин. Китайская этническая группа в Беларуси / Чжан Инлин // Беларусь. думка. – 2019. – № 11. – С. 98–103.
14. Цао Цин. Восприятие имиджа Китая в странах ЕАЭС / Цао Цин // Беларусь. думка. – 2019. – № 12. – С. 94–100.
15. Мясникович, М. В. Становление общего рынка Евразийского союза и национальное развитие / М. В. Мясникович // Эволюционные трансформации экономики Беларуси / М. В. Мясникович. – Минск : Беларус. навука, 2016. – С. 287–315.
16. Елисеев, А. Б. Вторые Плехановские чтения / А. Б. Елисеев // Георгий Плеханов и его соратники, друзья, оппоненты... / сост.: Г. Ч. Лянькевич, В. А. Васильцов. – Минск : Право и экономика, 2022. – 146 с.

А. Ю. Дудчик

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ДИССЕРТАЦИИ ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ
В БССР 1950–1980-х: СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ДИСЦИПЛИН
И ТРАНСФЕР ЗНАНИЯ**

В статье опробованы относительно новые для отечественной истории философии стратегии количественного изучения больших массивов философских текстов и изучения процессов трансфера философских идей на материале белорусской философии второй половины XX в. В ходе исследования было проанализировано свыше 800 диссертаций по философским наукам, защищенным в БССР в 1950–1980-е годы. Представлена общая классификация диссертаций в соответствии с их специальностями, определены наиболее популярные области философского знания: диалектический и исторический материализм, теория научного социализма и коммунизма, история философии, прикладная социология. Выявлены наиболее популярные темы, идеи и направления, включенные в процессы интеллектуального трансфера в белорусской философии рассматриваемого периода. Они связаны с социальной и политической проблематикой североамериканского и западноевропейского обществ. Из конкретных направлений наиболее популярными являются: североамериканская философия и социология, немецкая философия в целом, античная философия, британская философия. Отдельно следует выделить ряд работ, связанных с проблематикой стран социалистического лагеря (история философии, социальные и культурные процессы).

Ключевые слова: белорусская философия, советская философия, диссертации по философии, трансфер идей, культурный трансфер

A. Dudchik

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**DISSERTATIONS ON PHILOSOPHICAL SCIENCES IN BSSR 1950–1980:
SPECIALIZATION OF DISCIPLINES AND TRANSFER OF KNOWLEDGE**

The article tests relatively new for the national history of philosophy strategies for the quantitative study of large numbers of philosophical texts and the study of the processes of transfer of philosophical ideas on the material of Belarusian philosophy of the second half of the 20th century. Over 800 dissertations on philosophical sciences defended in the BSSR in the 1950–1980^s were analyzed. A general classification of dissertations according to their specialties is presented, the most popular areas of philosophical knowledge are identified: dialectical and historical materialism, the theory of scientific socialism and communism, the history of philosophy, applied sociology. The most popular themes, ideas and

trends included in the processes of intellectual transfer in the Belarusian philosophy of the period under review have been identified. They are connected with the social and political problems of North American and Western European societies. The most popular ones are: North American philosophy and sociology, German philosophy in general, ancient philosophy, British philosophy. A number of works related to the problems of the socialist countries (the history of philosophy, social and cultural processes) also were presented.

Keywords: *Belarusian philosophy, Soviet philosophy, dissertations in philosophy, transfer of ideas, cultural transfer*

Современные историко-философские исследования тяготеют к междисциплинарному подходу, активно взаимодействуя со смежными дисциплинами: историей науки, социологией знания, наукометрическими исследованиями и др. Использование новых методов позволяет расширить традиционное поле изучения. В частности, ряд современных исследований демонстрирует интерес к комплексному изучению философской деятельности в определенный период. Так, исследователи не ограничиваются наиболее значимыми и репрезентативными фигурами или направлениями, но стремятся представить максимально широкую и объемную панораму философской активности, включающую наибольшее количество философских текстов и проектов.

Как подчеркивал один из классиков истории идей А. Лавджой, «еще одной особенностью изучения истории идей, как я ее понимаю, является то, что преимущественно она обращается к проявлениям тех или иных идей-единиц в коллективной мысли больших групп людей, а не только в учениях или мнениях небольшого количества глубоких мыслителей или знаменитых писателей... Короче говоря, прежде всего она интересуется идеями, получившими широкое распространение, утвердившимися во множестве голов» [1, с. 24]. При этом акцент в современных исследованиях может делаться не только на традиционно изучаемых монографиях и научных статьях, но и на других философских текстах: учебники, планы курсов, служебные документы. В качестве примера зарубежных исследований можно привести изучение публикаций во французских философских журналах Л. Пэнто [2] или анализ содержания философских курсов в немецких университетах У. Шнайдера [3; 4]. На наш взгляд, имеет смысл осуществить подобную работу и для белорусской институализированной философской традиции 1950–1980-х годов. Изучение именно этого временного периода позволит получить общее представление о динамике философского знания в Беларуси в целом. При этом диссертации по философским наукам (как сами тексты диссертаций, так и их авторефераты) являются достаточно репрезентативным материалом. Они хорошо отражают нормативные представления о значимых областях и темах для философского изучения, именно с целями диссертационных исследований во многом соотносятся публикации статей и монографий. Одновременно с этим предписанная структура диссертационных работ позволяет формализовать их изучение и обобщить полученные результаты.

Кроме того, процесс развития определенной национальной или региональной интеллектуальной традиции осуществляется под влиянием достаточно большого количества разнообразных факторов. Применительно к истории философской мысли Беларуси (как и истории белорусской культуры как таковой) часто выделяют в качестве значимого факт внешних влияний. Для адекватного и разностороннего анализа подобных явлений имеет смысл использовать специальные концептуальные и методологические средства. Одним из подобных средств, на наш взгляд, может быть подход к изучению культурного трансфера, основы которого заложены специалистами французской Высшей школы социальных исследований (М. Эспань [5–7], М. Вернер [8], В. Берелович и др.). При этом необходимы определенные дополнения и развитие данного подхода с учетом, во-первых, его применения к области истории философии и, во-вторых, белорусской специфики.

Программа изучения процессов и феноменов культурного трансфера является относительно молодой (возникла в 1980-е годы) и достаточно активно развивающейся областью исследования, обладающей междисциплинарным статусом. Первоначально понятие «культурный трансфер» применялось преимущественно для исследований в области истории культуры (прежде всего литературы, а также философии), но в дальнейшем стало использоваться по отношению к более широким проблемным полям и на сегодняшний день вполне может рассматриваться как самостоятельная область исследований, чьей принципиальной характеристикой можно назвать междисциплинарность. Это позволяет обращаться к проблемам и методам самых разных дисциплин – культурологии, социологии, антропологии, лингвистики, истории искусства и т.д. При этом важно отметить, что процессы культурного трансфера могут играть как положительную, так и отрицательную роль (например, способствуя навязыванию одной культуры или препятствуя развитию другой культуры), причем часто эти аспекты достаточно тесно взаимосвязаны друг с другом. В этом отношении программа изучения культурного трансфера затрагивает целый ряд актуальных проблем: политической и национальной идентичности, культурной иерархии, глобализации в области культуры, феноменов культурной креолизации и гибридизации и т.д.

На наш взгляд, вполне уместным будет сравнение понятия трансфера с другим, весьма популярным в отечественной историко-философской традиции понятием – понятием рецепции, имеющим достаточно длительную и вполне успешную историю использования, в частности в рамках изучения белорусской философской мысли (см. работы В. Ф. Шалькевича [9], А. А. Легчилина [10], Е. О. Подолинской [11]). Как правило это понятие используется для анализа определенного влияния идей, понятий, концепций в рамках философских школ, национальных или региональных традиций мысли, авторских философских систем. В связи с этим следует отметить, что анализ соотношения упомянутых понятий «культурный трансфер» и «рецепция» осуществлялся

и представителями подхода изучения первого. Так, в материалах общей дискуссии [12] одной из конференций, посвященных процессам культурного трансфера в XVI в., наряду с другими затрагивался вопрос о соотношении этих двух понятий.

Не отрицая важности и эвристической значимости более традиционного в гуманитарных науках понятия рецепции для изучения интеллектуальной культуры в целом, в ходе дискуссии был сформулирован и ряд отличий между данными понятиями, что позволяет в некоторых случаях использовать понятие культурного трансфера как более удобное для исследования. Так, понятие культурного трансфера основывается на понимании характера взаимодействия между сторонами в процессе обмена как более динамическом и разнонаправленном по сравнению с понятием рецепции. В частности, усвоение определенных идей, понятий, концепций предполагает не только их пассивное восприятие, но и достаточно активную деятельность по выбору, переводу, интерпретации и т.п. В этой ситуации более уместно вести речь не просто о чтении, но о прочтении, не просто об усвоении, но и освоении и даже присвоении (в позитивном значении делания значимым для себя) и т.п. Трансфер идей может приобретать разные формы: критического изучения, перевода, комментирования, реферирования и т.д. При этом понятие трансфера позволяет сделать акцент на процессуальной составляющей взаимодействия, избегая при этом проведения четких границ (например, между субъектом и объектом, системой и средой, субъектами взаимодействия и т.д.) и не всегда оправданного гипостазирования отдельных элементов процесса. Наконец, использование понятия культурного трансфера основывается на широком понимании культуры (объединяя в этом понятии сферу высокой интеллектуальной культуры и культуру материальную, а также повседневную жизнь и т.д.). Это, в свою очередь, предполагает рассмотрение и широкого социально-культурного контекста: материальных артефактов, технических приспособлений, социальных институтов и практик, что является весьма существенным расширением предметного поля исследования по сравнению с классическими представлениями об истории философии и соответствует современным тенденциям в этой сфере. Следовательно, наряду с другими современными подходами (история идей, интеллектуальная история, социология знания и т.д.) изучение процессов культурного трансфера может стать хорошим дополнением к классическим методам историко-философских исследований.

Отметим, что подход исследования процессов культурного трансфера уже использовалась нами как в рамках научных работ, так и в учебном процессе. Так, в 2021 г. было опубликовано учебное пособие, в основу которого как раз и положена методология изучения культурного трансфера [13]. На наш взгляд, наиболее репрезентативные результаты позволяет получить анализ не только отдельных, пусть и наиболее ярких, случаев культурного трансфера, но и больших выборок данных. Подобный подход соответствует и одной из тенденций

в современных исследованиях в области истории философии. Далее нами будет дана общая характеристика («эскиз» в терминологии Л. Пэнто) диссертаций по философским наукам в БССР в 1950–1980-е годы с последующим анализом трансфера зарубежного философского знания, который осуществлялся в этих работах.

На основании работы в архивах Национальной библиотеки Беларуси было установлено, что всего за период 1949–1990 гг. было защищено 823 кандидатские и докторские диссертации по философским наукам.

Следует отметить, что после окончания Великой Отечественной войны защиты диссертаций по философии в БССР начались с 1952 г.¹ Авторефераты диссертационных работ содержат информацию об учреждении, в котором осуществлялась защита (Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина либо Академия наук Белорусской ССР). В ряде случаев называется кафедра университета или отделение Академии наук (иногда без указания самой институции). При этом в разных работах фиксируются разные названия одной и той же кафедры. Например, в некоторых работах указывается кафедра истории философии и логики, тогда как в других – кафедра истории философии. Часть работ содержит информацию о научном руководителе исследования.

Общий перечень диссертационных работ по философским работам приводится в «Библиографии диссертаций, защищенных в Белорусской ССР за 1945–1955 годы» [14]. Этот весьма ценный библиографический документ дает общее представление о диссертационных работах, защищенных в послевоенный период. Однако перечень работ по философии содержит некоторые неточности. Так, в списке указаны работы И. Козловского «Дружба народов СССР – движущая сила советского общества» и А. Б. Лопотко «Диалектический материализм о материи», которые отсутствуют в каталоге Национальной библиотеки Беларуси. При этом в библиотечном каталоге, например, присутствует работа З. И. Исмагулова со схожим названием «Дружба народов СССР – движущая сила советского общества: (На примере казах. народа)» [15]. Поиск в Интернете по данным названиям также не принес результатов. Возможно, данные работы все же существовали, но по каким-то причинам были изъяты из фондов библиотеки.

Отметим, что диссертации в данный период (вплоть до 1967 г. включительно) еще не имеют указания научных специальностей, но в соответствии с их содержанием они (конечно, с определенной долей условности) могут быть отнесены к тем или иным разделам советского философского знания. Для удобства нами будет использоваться классификация философских дисциплин, введенная в Советском Союзе в конце 1960-х годов. Наибольшее количество

¹ В 1950-е по философским наукам защищались только кандидатские диссертации, защита диссертаций на звание доктора философских наук осуществлялись за пределами республики, как правило – в Москве.

работ могут быть отнесены к области истории философии – 9. Следует подчеркнуть, что работы по логике были написаны в контексте известной «дискуссии о логике», которая затрагивала проблему соотношения диалектического и формального типов логики. Эта дискуссия активно велась на страницах журнала «Вопросы философии», а ее результатом стала редакционная статья «К итогам обсуждения вопросов логики» [16], на которую ссылаются авторы диссертационных работ.

Отметим относительно неожиданное наибольшее количество работ по истории философии, большая часть из которых посвящена истории философской мысли Беларуси. Исходя из анализа содержания диссертационных работ в целом, можно говорить об определенной замкнутости их тематики, сконцентрированной преимущественно на собственно марксистско-ленинской проблематике. Другие философские направления (определяемые как «истинный» социализм, идеалистический и метафизический подход) представлены в качестве объектов критики.

Всего за период 1952–1968 гг. было защищено 104 диссертации.

С 1968 г. в СССР начинает использоваться номенклатура научных специальностей для философских наук. Анализ становления функционирования советской классификационной системы для философских наук представлен в работе М. Р. Дёмина [17, с. 492–493]. Определенная преемственность в области классификации философских наук с советской системой сохраняется и в современной белорусской философии [18].

Для периода 1968–1971 гг. используется следующая номенклатура:

- 09.620 Диалектический и исторический материализм;
- 09.621 Теория научного коммунизма;
- 09.622 История философии;
- 09.623 Марксистско-ленинская эстетика;
- 09.624 Марксистско-ленинская этика;
- 09.625 Научный атеизм;
- 09.626 Логика;
- 09.627 Философские вопросы естествознания.

В период 1969–1971 гг. было защищено всего 64 диссертации. Количественное соотношение защищенных диссертаций по специальностям указано в табл. 1, процентное соотношение приведено в табл. 2.

В период 1972–1990 гг. используется следующая номенклатура:

- 09.00.01 Диалектический и исторический материализм;
- 09.00.02 Теория научного социализма и коммунизма;
- 09.00.03 История философии;
- 09.00.04 Марксистско-ленинская эстетика;
- 09.00.05 Марксистско-ленинская этика;
- 09.00.06 Научный атеизм, религия (история и современность)

Диссертации по философским наукам в БССР 1950–1980-х

Таблица 1

Шифр и название специальности	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
09.620 Диалектический и исторический материализм	31	2	33
09.621 Теория научного социализма и коммунизма	9	1	10
09.622 История философии	3	1	4
09.623 Марксистско-ленинская эстетика	8	0	8
09.624 Марксистско-ленинская этика	1	0	1
09.625 Научный атеизм	5	1	6
09.626 Логика	2	0	2
09.627 Философские вопросы естествознания и техники	0	0	0
Всего	59	5	64

Таблица 2

Шифр и название специальности	Кандидатские диссертации, %	Докторские диссертации, %	Всего, %
09.620 Диалектический и исторический материализм	52,5	40	51,5
09.621 Теория научного социализма и коммунизма	15,3	20	15,6
09.622 История философии	5,1	20	6,3
09.623 Марксистско-ленинская эстетика	13,6	0	12,5
09.624 Марксистско-ленинская этика	1,7	0	1,6
09.625 Научный атеизм	8,5	20	9,4
09.626 Логика	3,3	0	3,1
09.627 Философские вопросы естествознания и техники	0	0	0
Всего	100	100	100

09.00.07 Логика;

09.00.08 Философские вопросы естествознания и техники;

09.00.09 Прикладная социология;

09.00.10 Философские проблемы политики.

Было защищено 655 диссертаций. Количественное соотношение защищенных диссертаций по специальностям указано в табл. 3, процентное соотношение приведено в табл. 4.

Количественное соотношение защищенных диссертаций по специальностям философского профиля за период 1969–1990 гг. указано в табл. 5, процентное соотношение за этот же период приведено в табл. 6.

Таблица 3

Шифр и название специальности	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
09.00.01 Диалектический и исторический материализм	219	40	259
09.00.02 Теория научного социализма и коммунизма	191	19	210
09.00.03 История философии	54	3	57
09.00.04 Марксистско-ленинская эстетика	7	2	9
09.00.05 Марксистско-ленинская этика	16	0	16
09.00.06 Научный атеизм, религия (история и современность)	24	1	25
09.00.07 Логика	1	0	1
09.00.08 Философские вопросы естествознания и техники	16	5	21
09.00.09 Прикладная социология	57	0	57
09.00.10 Философские проблемы политики	0	0	0
Всего	585	70	655

Таблица 4

Шифр и название специальности	Кандидатские диссертации, %	Докторские диссертации, %	Всего, %
09.00.01 Диалектический и исторический материализм	37,6	57,14	39,7
09.00.02 Теория научного социализма и коммунизма	32,9	27,14	32,3
09.00.03 История философии	9,3	4,29	8,85
09.00.04 Марксистско-ленинская эстетика	1,2	2,86	1,4
09.00.05 Марксистско-ленинская этика	2,9	0	16
09.00.06 Научный атеизм, религия (история и современность)	4,3	1,43	3,9
09.00.07 Логика	0,2	0	0,15
09.00.08 Философские вопросы естествознания и техники	1,7	7,14	3,3
09.00.09 Прикладная социология	9,9	0	8,8
09.00.10 Философские проблемы политики	0	0	0
Всего	100	100	100

Таблица 5

Название специальности	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
Диалектический и исторический материализм	250	42	292
Теория научного социализма и коммунизма	200	20	220
История философии	57	4	61
Марксистско-ленинская эстетика	15	2	17
Марксистско-ленинская этика	17	0	17

Диссертации по философским наукам в БССР 1950–1980-х

Окончание табл. 5

Название специальности	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
Научный атеизм; Научный атеизм, религия (история и современность)	29	2	31
Логика	3	0	3
Философские вопросы естествознания и техники	16	5	21
Прикладная социология	57	0	57
Всего	644	75	719

Таблица 6

Название специальности	Кандидатские диссертации, %	Докторские диссертации, %	Всего, %
Диалектический и исторический материализм	38,7	56	40,6
Теория научного социализма и коммунизма	31,1	26,6	30,6
История философии	8,9	5,3	8,5
Марксистско-ленинская эстетика	2,3	2,7	2,4
Марксистско-ленинская этика	2,6	0	2,4
Научный атеизм; Научный атеизм, религия (история и современность)	4,5	2,7	4,3
Логика	0,5	0	0,4
Философские вопросы естествознания и техники	2,5	6,7	2,9
Прикладная социология	8,9	0	7,9
Всего	100	100	100

Таким образом, на основании полученных данных можно назвать наиболее популярные научные направления:

диалектический и исторический материализм – 40,6 % работ (38,7 % кандидатских и 56 % докторских);

теория научного социализма и коммунизма – 30,6 % работ (31,1 % кандидатских и 26,6 % докторских);

история философии – 8,5 % работ (8,9 % кандидатских и 5,3 % докторских);

прикладная социология – 7,9 % работ (8,5 % кандидатских).

В соответствии с приведенными дисциплинарными классификациями рассмотрим динамику трансфера философского знания в два этапа.

Первый этап включает в себя период 1952–1971 гг. Как уже отмечалось, за этот период было защищено 164 диссертации. Если говорить о содержании диссертационных работ в целом, то для них характерна определенная замкнутость тематики, сконцентрированной преимущественно на собственно марксистско-ленинской проблематике. Другие философские направления (традиционно определяемые как «буржуазные») представлены в качестве объектов

критики (отдельно следует отметить определенное снижение полемического накала в текстах и названиях работ: если первоначально речь шла преимущественно о «борьбе», то в дальнейшем начинает преобладать «критика»). В целом обращение к идеям домарксистской традиции либо современной немарксистской философии является достаточно редким. Тем не менее некоторые диссертационные исследования затрагивали следующие темы и аспекты зарубежной философии (в хронологическом порядке): идеи «подлинного» социализма; утопический коммунизм во Франции в XVIII в.; общественно-политические и философские взгляды А. Мицкевича; методология позитивизма и постпозитивизма; социологическая мысль Франции XVIII–XIX вв.; взгляды Л. Крживицкого; христианские учения о смысле и цели человеческой жизни; ранний утопический социализм.

Второй этап охватывает 1972–1991 гг. За этот период было защищено 655 диссертаций по различным специальностям философских наук. Трансфер зарубежных идей осуществлялся в этот период более активно, включая преимущественно следующие научные направления: история философии; теория научного социализма и коммунизма; диалектический и исторический материализм.

Остановимся подробнее на конкретных специальностях.

Так, в рамках специальности «История философии» происходит обращение к следующим темам и направлениям: немецкая философия в целом (немецкие философы второй половины XVIII в., И. Кант, Г. Гегель, В. Дильтей, Э. Кассирер, Э. Гуссерль), античная философия (раннегреческая диалектика, логические идеи, Аристотель), североамериканская философия (Ч. Моррис, Дж. Сантаяна) и социология, британская философия (Дж. Э. Мур, К. Поппер), французская философия XVII–XVIII вв. (Н. Мальбранш, движение просветителей), Х. Ортега-и-Гассет, А. Камю, феноменологическая социология, философия латиноамериканского католицизма. Несколько работ посвящены темам, связанным с философией социалистических стран: история философии Польши (4 работы), марксизм в странах Ближнего Востока, а потом Кубы.

Специальность 09.00.02 «Теория научного социализма и коммунизма» затрагивает следующие темы: современная буржуазная футурология, неокOLONиализм, неоконсерватизм, сионизм, империализм, советология, ревизионизм, социал-реформизм, рейганизм, демократическое движение и Коммунистическая партия США, социальные проблемы капиталистического общества, манипулирование массовым сознанием, деятельность эмигрантов (на примере Латвии). Несколько работ посвящены темам, связанным с общественными процессами в странах социалистического лагеря (страны Совета экономической взаимопомощи, Польша, Чехословакия, Куба, Демократическая Республика Конго).

В диссертациях по специальности 09.00.01 «Диалектический и исторический материализм» рассматриваются следующие темы: североамериканская

социология и политология (темы социальной мобильности, человеческой агрессивности, среднего класса, технологического детерминизма, политизации политической культуры, «организованного общества»), феномен контркультуры в США, психоанализ, концепция Г. Маркузе, философская герменевтика, философия неотомизма, религиозные концепции взаимодействия общества и природы, проблема гармонизации отношений «человек – природа». Несколько работ посвящены анализу идейных и социальных процессов в странах социалистического лагеря: Куба (3 работы), Чехословакия.

В работах, относящихся к другим специальностям, исследуются следующие темы: идеология сионизма, специфика раннего христианства, ислам, современный протестантизм, философские взгляды Д. Дидро (научный атеизм, религия (история и современность)), философия Г. Гегеля (марксистско-ленинская эстетика), философия А. Бергсона (марксистско-ленинская этика), взгляды Т. Котабринского (логика), философия Э. Х. Бароны (философские вопросы естествознания и техники).

Таким образом, можно назвать наиболее популярные темы, идеи и направления, включенные в процессы интеллектуального трансфера белорусской философии рассматриваемого периода. Они связаны с социальной и политической проблематикой североамериканского и (в меньшей степени) западноевропейского обществ. Из конкретных направлений наиболее популярными являются: североамериканская философия и социология, немецкая философия в целом, британская философия. Отдельно отметим ряд работ, связанных с проблематикой стран социалистического лагеря (история философии, социальные и культурные процессы).

Основной стратегией освоения идей зарубежной философии является процедура «критики буржуазной философии». При этом важно отметить, что в позднесоветский период собственно критико-полемика составляющая исследования часто отходила на второй план, принимая характер воспроизведения определенных формальных схем и риторических формул. Здесь можно обратиться к понятию «нормализации» позднесоветских дискурсивных практик, которое использует антрополог А. Юрчак [19]. Для этих практик характерным становится использование официальной риторики вне жестко заданного идеологического контекста. Сами процедуры «критики буржуазной философии», по мнению В. Куренного, становятся близкими к «имманентному» варианту историко-философского изучения, то есть подробной реконструкции философских построений в рамках их собственной логики и языка описания [20, с. 9]. Таким образом, преобладающей формой трансфера зарубежных идей выступали процедуры критического осмысления. Отметим, что данный случай не является чем-то исключительным. Например, М. Эспань отмечает, что многие идеи немецкой философии во Франции первоначально воспринимались в критическом ключе.

Отдельно следует отметить развитие дисциплины «Прикладная социология» как части корпуса философских наук. Диссертационные работы по прикладной социологии за рассматриваемый период в основном посвящены эмпирическим исследованиям и в явной форме обращения к зарубежным идеям не содержат. Тем не менее анализ исследовательской и учебной литературы того времени позволяет сделать вывод, что процессы трансфера зарубежных идей осуществлялись и здесь. Как и в случае с философскими дисциплинами в целом, преобладающей формой трансфера зарубежных идей являлась процедура «критики буржуазной социологии». Данная тематика была достаточно распространена в советской научной периодике по социологии в целом: статьи, относящиеся к данной рубрике, занимали 4-е место по общему количеству среди всех социологических публикаций в период 1970–1980-х годов [21, с. 104]. Более подробно эти вопросы рассмотрены нами в отдельных публикациях [22; 23].

Таким образом, в ходе исследования была опробована относительно новая для отечественной истории философии стратегия изучения процессов трансфера философских идей на материале белорусской философии 2-й половины XX в. При анализе был задействован достаточно большой массив философских текстов: свыше 800 диссертационных работ по философским наукам. Обращение к подобным выборкам и использование новых методов позволяет расширить традиционное историко-философское поле изучения, предоставляя более широкую и объемную панораму философской активности, которая включает наибольшее количество философских текстов и проектов. При этом диссертации по философским наукам (как сами тексты исследований, так и их авторефераты) являются достаточно репрезентативным материалом. Они хорошо отражают нормативные представления о значимых областях и темах для философского изучения, именно с целями диссертационных исследований во многом соотносятся публикации статей и монографий. Одновременно с этим предписанная структура диссертационных работ позволяет формализовать их изучение и обобщить полученные результаты.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в качестве отправной точки для конкретных исследований по определенной специальности, проблематике, философскому направлению и т.д. Более того, поскольку философские науки в советский период во многом включали в себя проблематику социальных и политических наук, на основе полученных результатов вполне возможно проведения специальных или междисциплинарных исследований по развитию белорусских социальных и политических наук. Если же сосредоточить свое внимание преимущественно на философских науках, то вполне возможно дальнейшее исследование с привлечением дополнительных категорий текстов и жанров философских работ. Это, в свою очередь, позволит продемонстрировать конкретные механизмы и стратегии, вписывающие белорусское интеллектуальное пространство в европейский, и – шире –

мировой философский контекст. Изучение процессов культурного трансфера дает возможность скорректировать несколько одностороннюю субъект-объектную схему, показывая белорусскую философскую традицию не только в ситуации пассивной рецепции определенных внешних влияний, но как активно вовлеченную в сложные и многообразные процессы взаимодействия в рамках общеевропейских процессов. Выявление конкретных направлений и содержания процессов трансфера может позволить более успешно и адресно взаимодействовать с зарубежными философскими традициями. Более того, эксплицитный анализ процессов трансфера на примере предшествующих исторических периодов может способствовать более рефлексивному осуществлению подобных процессов в настоящем, а также прогнозировать их развитие и даже оказывать определенное воздействие на их содержание, формы и направление в будущем.

Список использованных источников

1. Лавджой, А. Великая цепь бытия: история идеи / А. Лавджой. – М. : Дом интеллект. кн., 2001. – 376 с.
2. Пэнто, Л. Эскиз философского поля Франции в 1960–1980-е гг. / Л. Пэнто // Логос. – 2004. – № 3–4. – С. 218–240.
3. Schneider, U. J. Philosophie und Universität. Historisierung der Vernunft im 19. Jahrhundert / U. J. Schneider. – Hamburg : Felix Meiner Verlag, 1999. – 408 S.
4. Шнайдер, У. И. Преподавание философии в немецких университетах в XIX веке / У. И. Шнайдер // Логос. – 2004. – № 3–4. – С. 61–90.
5. Эспань, М. Франко-немецкий культурный трансфер / М. Эспань // История цивилизации как культурный трансфер / М. Эспань. – М. : Новое лит. обозрение. – С. 35–374.
6. Espagne, M. Der theoretische Stand der Kulturtransferforschung / M. Espagne // Schmale, W. Kulturtransfer : kulturelle Praxis im 16. Jahrhundert / W. Schmale. – Innsbruck : StudienVerlag : Institut für Geschichte, Universität Wien, 2003. – S. 63–75. – (Wiener Schriften zur Geschichte der Neuzeit ; Bd. 2).
7. Espagne, M. Die Rolle der Mittler im Kulturtransfer / M. Espagne // Kulturtransfer im Epochenbruch Frankreich – Deutschland 1770 bis 1815 / Hrsg.: H.-J. Lüsebrink, R. Reichardt. – Leipzig : Leipziger Universitätsverlag, 1997. – Bd. 1. – S. 309–330.
8. Werner, M. Dissymmetrien und symmetrische Modellbildungen in der Forschung zum Kulturtransfer/ M. Werner // Kulturtransfer im Epochenbruch Frankreich – Deutschland 1770 bis 1815 / Hrsg.: H.-J. Lüsebrink, R. Reichardt. – Leipzig : Leipziger Universitätsverlag, 1997. – Bd. 1. – S. 139–155.
9. Шалькевич, В. Ф. Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века / В. Ф. Шалькевич, А. А. Легчилин // Кант между Западом и Востоком: к 200-летию со дня смерти и 280-летия со дня рождения Иммануила Канта : тр. междунар. семинара и междунар. конф. : в 2 ч. / под ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград, 2005. – Ч. 1. – С. 87–98.
10. Легчилин, А. А. Рецепция немецкой философии в Беларуси и Литве в XIX веке / А. А. Легчилин // Историко-философские исследования в регионе Восточной Европы: опыт, задачи, социокультурное значение : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 24 апр. 2013 г. – Минск, 2013. – С. 68–77.
11. Падалінская, А. А. Рэцэпцыя ідэй Антычнасці ў філасофскай думцы сярэднявечнай Беларусі / А. А. Падалінская // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / В. Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2008–. – Т. 1 : Эпоха Сярэднявечча. – 2008. – С. 414–440.

12. «Kulturtransfer» – Europäische Geschichte gegen den Strich nationaler Mythen (Podiums-diskussion in den «Wiener Vorlesungen») / Н. Ehalt [u. a.] // Schmale, W. Kulturtransfer : kulturelle Praxis im 16. Jahrhundert / W. Schmale. – Innsbruck : StudienVerlag : Institut für Geschichte, Universität Wien, 2003. – S. 9–40. – (Wiener Schriften zur Geschichte der Neuzeit ; Bd. 2).

13. Анталогія філасофскай думкі Беларусі : дапаможнік : у 3 т. – Мінск : БДУ, 2017–. – Т. 2, ч. 1 / склад.: А. А. Лягчылін [і інш.]; пад рэд. А. А. Лягчыліна, А. Ю. Дудчыка. – 2021. – 223 с.

14. Библиография диссертаций, защищенных в Белорусской ССР за 1945–1955 годы / Акад. наук Белорус. ССР, Фундамент. б-ка им. В. Г. Белинского ; [сост. Л. А. Осипчик ; под ред. А. Г. Хохлова]. – Минск, 1958. – 87 с.

15. Исмагулов, З. И. Дружба народов СССР – движущая сила советского общества: (на примере казах. народа) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / З. И. Исмагулов ; М-во высш. образования СССР, Казах. гос. ун-т им. С. М. Кирова. – Алма-Ата, 1955. – 15 с.

16. К итогам обсуждения вопросов логики // Вопр. философии. – 1951. – № 6. – С. 143–149.

17. Дёмин, М. Р. Дилемма профессии: советские институты и современная университетская философия в России / М. Р. Дёмин // Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред.: А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – С. 483–507.

18. Дудчик, А. Ю. Дисциплинарные трансформации белорусской академической философии в постсоветский период: (на материале диссертационных работ 1991–2013 гг.) / А. Ю. Дудчик // Филос. науки. – 2016. – № 7. – С. 149–152.

19. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение : пер. с англ. / А. Юрчак ; предисл. А. Беяева. – М. : Нов. лит. обозрение, 2014. – 604 с.

20. Куренной, В. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии / В. Куренной // Логос. – 2004. – № 3–4. – С. 3–29.

21. Greenfeld, L. Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union / L. Greenfeld // Annu. Rev. Sociol. – 1988. – № 14. – P. 99–123.

22. Дудчик, А. Ю. Трансфер и критическое осмысление зарубежных идей в области философии в Беларуси 1970–1980-х гг. / А. Ю. Дудчик // Философия и социальные науки в современном мире : материалы междунар. науч. конф. к 30-летию фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 сент. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Ф. Гигин (пред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 53–57.

23. Dudchik, A. The birth of sociology from the spirit of (critique of bourgeois) philosophy?: the Belarusian case in the 1960s through 1980s / A. Dudchik // State of Affairs. – 2017. – Issue 2 (13) : Sociology under State Socialism. – P. 93–118.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

УДК 101.1+37.01

Поступила в редакцию 25.04.2022

Received 25.04.2022

А. Л. Куиш

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА, ПРОЦЕДУРА

На основе представлений об исследовательском процессе в философии и методологии науки формируется методология исследования образования. Разрабатывается методологический подход для изучения данного феномена в парадигмальном контексте, который включает в себя философские, научно-педагогические и дисциплинарные методы. Для практического применения обозначенного подхода предлагается процедура исследования.

Ключевые слова: философия и методология науки, философия образования, методологический подход, методологическая рамка исследования, методы исследования, процедура исследования

A. Kuish

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

EDUCATION INVESTIGATIONS: METHODOLOGY, METHODICS, PROCEDURE

On the basis of ideas about the research process in the philosophy and methodology of science, a methodology for the study of education is formed. A methodological approach is being developed to study this phenomenon in a paradigm context, which includes philosophical, scientific, pedagogical and disciplinary methods. For the practical application of the indicated approach, a research procedure is proposed.

Key words: philosophy and methodology of science, philosophy of education, methodological approach, methodological framework of research, research methods, research procedure

Введение

Образование является сложным объектом для исследования, поскольку обладает разветвленной структурой, выполняет широкий спектр функций, глубоко интегрировано в социальные процессы, тесно связано с условиями бытия и особенностями развития личности. Для достаточно полного описания образования в конкретную историческую эпоху, определения тенденций его

развития необходимо владеть системой общих теоретических представлений о нем, которые могут быть получены в результате его исследований, в процессе которых должны анализироваться сущность образования, его место, роль и функции в социальных процессах, структура и развитие, взаимодействие с социумом и личностью, проблемы, связанные с организацией образовательного процесса и использованием педагогических технологий. Для разработки исследовательского аппарата следует осуществить постановку проблем, выбрать цели и задачи исследования, определить анализируемые свойства объекта и учесть особенности его развития. Совокупность всех этих действий позволяет проявить картину образования для той или иной эпохи и социальной общности.

Исследование любого сложного объекта предполагает разработку специальной методологии. Это непосредственно касается и образования. Для решения этой задачи составим общетеоретические представления о методологии, методике, процедуре исследования, методологическом подходе и исследовательской методологической рамке; определим образование как объект исследования, с выявлением аспектов, уровней, сторон данного объекта, которые должны быть изучены; а также займемся формированием методологической системы, включающей в себя научные и философские методы и основывающейся на принципах, которые определяют направления и границы исследовательского процесса, а также предложим процедуру применения этой методологии к исследованию образования в русле обозначенных целей и задач.

Теоретические аспекты методологии исследования

Анализу проблем научной методологии уделяют внимание многие исследователи (см., например, [1, 6, 8, 11–15]). Основываясь на представлениях этих ученых, выскажем кратко свою точку зрения на данный предмет. Мы будем понимать *методологию* в общем смысле как систему подходов, способов и методов исследования объекта. Исходя из указанных работ в рассматриваемой системе можно выделить уровни исследования: философский, общенаучный, частнонаучный, дисциплинарный. В ином смысле можно говорить о теоретическом и практико-ориентированном уровнях описания объекта. Уместно также упомянуть об онтологическом и методологическом аспектах его исследования, когда в рамках первого аспекта осуществляется характеристика самого объекта, а в рамках второго – разрабатывается методология его исследования. Важным для нас является изучение статического и динамического состояний объекта (то есть находящегося в состоянии покоя или развития). Также в названных работах описываются конкретные методы исследования, его процедура, формирование методологических подходов.

Говоря об онтологическом и методологическом аспектах исследования образования, следует отметить, что первый аспект дает представление о нем как

об объекте, второй – как о процессе его исследования [5]. В структуре исследовательского процесса можно выделить следующие этапы: формирование онтологических представлений об образовании, разработка методологии его исследования, ее применение и получение результата. Онтологические представления – это общие и системные представления об образовании, методология – это способ его исследования, ее применение – это процесс исследования, результат – это полученные новые знания. Элементы методологического подхода к исследованию образования выстраиваются в порядке изучения его от общих черт к конкретным, от выявления его основных свойств и анализа его как целостности – к изучению его составляющих, элементов, свойств и особенностей.

В онтологическом аспекте содержатся ответы на вопросы, что есть образование и каковы его современный статус, место и роль в обществе, его цели и задачи, содержание и структура. Ответы на эти вопросы связаны с современным состоянием общества, уровнем развития его техногенной сферы, экономической и политической составляющими, коммуникациями, системой отношений и связей, с пониманием того, что представляет собой современный человек с его местом и ролью в обществе, мировоззрением, устремлениями, целями и задачами. Методологический аспект отвечает на вопрос, каким способом следует исследовать поставленные проблемы, используя философские, междисциплинарные, научные (антропология, социология, экономика и др.), педагогические методы, как обобщить и синтезировать полученные результаты, концептуализировать их, сделать соответствующие выводы и прогнозы в отношении трансформации образовательной системы.

На основе сказанного определим понятие *методологического подхода* как систему методов, адаптированных под исследование конкретного объекта. То есть если перед нами стоит задача исследовать некоторый объект (в нашем случае – образование), то для эффективного его изучения мы должны сформировать методологический подход, в структуру которого входят общие представления об объекте, система методов его исследования, процедура. Формирование данного подхода зависит от поставленных целей и задач. Согласно им выбирается ракурс анализа объекта, подбираются методы, выстраивается логика исследования и формулируется процедура. То есть мы будем понимать методологический подход как некоторый конкретный, комплексный, системный инструмент, исследовательский аппарат, адаптированный под изучение определенных свойств предмета, включающий в себя философские, научные, дисциплинарные методы.

Иногда в отечественной (но в большей степени в западной) литературе по методологии науки рассматривают еще один инструмент исследования – *методологическую исследовательскую рамку*. Она формируется с помощью инструментария общей методологии научного исследования, которая представляет собой набор подходов, способов, исследовательских методов, из которых

мы выбираем то, что нам нужно на данный момент для изучения конкретных свойств объекта или решения определенной проблемы. Между тем выбор не является спонтанным. Мы должны под это исследование подвести теоретическую базу, включающую в себя описание объекта, определение цели и задач исследования, разработку его понятийного аппарата; формулирование принципов, опорных элементов и структуры исследования, составление представлений об ожидаемых результатах. Также следует подготовить практическую составляющую исследования как систему способов и методов, процедуру. Всё это, представленное в системной форме и разработанное под конкретные задачи исследования объекта, мы называем *методологической рамкой*.

Иными словами, методологическая рамка – это система представлений, понятий, принципов, средств, методов, которые специально разрабатываются для исследования конкретного объекта, решения некоторой проблемы. Конечно, о терминологии можно спорить. Можно пытаться использовать некоторые из терминов, которые, в частности, предлагает В. К. Лукашевич – методологический каркас, инструментарий, арсенал, конструкция и т.п. Мы же в качестве рабочего названия выбираем обозначенное нами (методологическая рамка), тем более что оно коррелирует с западной терминологией. Понятно, что данный инструмент требует своего дальнейшего совершенствования, предметом которого должны стать его содержание, структура, особенности его использования как в исследовательской деятельности, так и в разработке моделей и концепций, в решении конкретных практических проблем не только образования, но и иных сфер человеческой деятельности.

Общее с методологическим подходом здесь заключается в том, что исследовательская рамка тоже имеет комплексный характер, но представляет собой более конкретный, направленный исследовательский инструмент, более узкий. В ней содержатся только те методы, которые на данный момент необходимы для изучения тех или иных свойств объекта, представленные в системной форме. Она более мобильна, нежели методологический подход, и ее легче и быстрее можно создавать под конкретные задачи исследования. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что исследовательская рамка формируется на основе методологического подхода. Оба эти инструмента мы предлагаем использовать в процессе анализа образования. Их разработка основана на представлениях об исследовательском процессе в философии и методологии образования, который был презентован нами ранее в [5]. Мы будем использовать оба этих понятия в зависимости от контекста исследования. Там, где достаточно определения базовых элементов исследовательского процесса, его опорных точек для получения высокой точности и конкретности результатов, – уместно использовать методологическую рамку, там же, где требуется общность, системность и полнота представлений о предмете, уместнее говорить о методологическом подходе.

Чтобы охватить все стороны, исследование образования должно проводиться на разных уровнях. Можно сформировать комплекс методологических подходов, каждый из которых рассматривает отдельные стороны объекта, с тем чтобы впоследствии интегрировать результаты и составить достаточно полное и комплексное представление об образовании. Отчасти такая задача решается и в настоящем исследовании, так как необходимо составить общее представление о современном образовании, которым мы будем оперировать для разработки образовательной концепции. В частности, нам придется исследовать образование в философском, социальном, личностном, историческом, педагогическом аспектах. Однако главной нашей задачей является исследование парадигмального аспекта образования и все связанные с этим понятия вопросы, в частности само понятие образовательной парадигмы, ее структуры, места, роли и функций в образовательном процессе, ее функционирования и развития.

Методологический подход в исследовании образовательных процессов

Обратимся к формированию методологического подхода для исследования образования в парадигмальном контексте. Для этого будем использовать знания из области философии и методологии науки об исследовательском процессе, в структуре которого можно выделить философский, общенаучный, частнонаучный и дисциплинарный уровни исследования. В таком же плане, но по отношению к образованию, можно говорить о таких уровнях, как философский; научный (с позиций социально-гуманитарных дисциплин: социологии, экономики, антропологии, политологии и др.); педагогический; дисциплинарный (с позиций областей педагогического знания, таких, например, как образовательные технологии и методика, содержание и структура образовательного процесса, формы его организации, системы контроля качества, управления и др.). Каждый из этих уровней дает нам собственное представление о предмете, которые, будучи интегрированными, составляют достаточно целостное и полное видение объекта нашего исследования в его функционировании и развитии.

Очень важным элементом исследования является постановка проблем, выбор целей и задач, от чего зависит выбор актуальных аспектов, свойств и сторон изучаемого объекта, разработка соответствующего методологического аппарата; адекватность, актуальность и полезность полученных результатов.

В своей работе при выборе методологии мы будем основываться на поставленных цели и задачах. Напомним, что наша главная цель – исследование современной образовательной парадигмы и ее внедрение в образовательную практику. Соответственно это и определяет ракурс исследования, формирует его направления, позволяет выбирать анализируемые аспекты и свойства

образования. Обратимся к краткой характеристике выявленных нами методологических уровней исследования образования. Прежде всего, для нас важны представления о его сущности, поскольку понимание того, чем является образование, накладывает отпечаток на его социальный статус, функции в обществе и по отношению к личности, на его содержание, реализацию в виде тех или иных организационных форм, определяет его свойства. Поэтому вначале следует, используя философскую методологию, выявить и охарактеризовать его сущностные свойства. Философская методология понадобится нам также для исследования концептуальных оснований образования, описания онтологического и динамического аспектов его развития.

С помощью методологии и понятийного аппарата философии образования изучаются такие его свойства, как сущность и структура, место и роль в обществе, функции и основополагающие принципы, цели и задачи, процесс его функционирования и развития. Существуют различные философско-методологические подходы к исследованию образования, которые основываются на философских течениях, учитывают изучаемые свойства и качества образования, в какой социальной среде и эпохе оно функционирует. Например, Т. Д. Скуднова предлагает использовать культурологический, парадигмальный, философско-антропологический подходы [10].

В исследовании образования и разработке моделей его развития Н. Л. Худякова рекомендует использовать следующие подходы:

- 1) системный, позволяющий подойти к изучению и построению образовательного процесса как к целостности;
- 2) генетический, основанный на ориентации на всеобщие закономерности развития;
- 3) антропологический, исходящий из направленности на закономерности развития человека как такового;
- 4) культурологический, учитывающий закономерности социокультурного развития человека и взаимодействия различных культур;
- 5) аксиологический, использующий закономерности развития ценностного мира человека;
- 6) деятельностный, основанный на закономерностях организации человеком деятельности;
- 7) гносеологический, опирающийся на закономерности познания человеком действительности.

Как указывает исследователь, наиболее качественно образовательный процесс может быть изучен и спроектирован только на основе согласованного применения всех подходов. В связи с этим основной целью философии образования является раскрытие содержания философских знаний, лежащих в основе каждого из подходов, и их согласование по отношению к целям проектирования определенного типа образования. Эту цель философии образования

можно реализовать через опору на онтологический подход и структурно-генетический метод исследования [16].

На научном уровне образование изучается с позиций социально-гуманитарных наук. Эти исследования направлены на анализ таких аспектов образования, как социальный, антропный, экономический, политический, социологический, антропологический, психологический и др. С помощью соответствующих дисциплин можно проанализировать связь образования с обществом, с личностью в процессе их функционирования и развития, взаимодействия друг с другом. Между тем следует отметить важный момент: образование, его цели и задачи, его функции, содержание, образовательные формы и т.п. в значительной степени зависят от состояния, целей и интересов общества и личности. Это значит, что для формирования представлений о системе образования, образовательном процессе следует прежде всего исследовать эти понятия в историческом и современном контекстах, в их функционировании и развитии.

Наукой, которая занимается исследованием внутренней структуры и динамики образования, является *педагогика*. Хотя ее часто и относят к научно-социально-гуманитарному знанию, между тем она является наукой интегративной, междисциплинарной и включает в себя, кроме научной, существенные философскую, культурную и творческую компоненты. Педагогика презентует образование как функционирующую структуру с ее технологиями и методиками, системой организации, особенностями развития и функционирования. Если философия и многие иные научные области знания рассматривают образование по большей части с его внешней стороны в системе социальных и личностных отношений, то педагогика исследует его преимущественно изнутри, причем педагогическое знание, как правило, отличается существенной прикладной составляющей. Следует согласиться с В. В. Краевским, который утверждает, что педагогика отличается тем, что является специализированной областью знания, изучающей образование с помощью специально созданной для этого методологии. Эта область выступает как особая, социально и личностно детерминированная, характеризующаяся педагогическим целеполаганием и педагогическим руководством деятельность по приобретению человеческих существ к жизни общества, в ходе которого осуществляется усвоение личностью социального опыта и ее собственное развитие [3].

Исследование процесса развития образования

Выше мы акцентировали внимание на изучении образования преимущественно как функционирующего объекта. Однако в контексте нашей работы особенно важным является анализ процесса развития образования как движения по пути его дальнейшего совершенствования. В этом случае, как предполагается, исследование должно быть направлено на процесс формирования новой парадигмы на основе образовательного идеала и концепции [4]. То есть

разработка представлений о развитии образования тоже имеет несколько этапов, связанных с переходами на новые уровни: от образовательного идеала к парадигме.

Все эти теоретико-методологические элементы представлены в теоретической конструкции, которую мы называем *концептуальные основания образования* и которая является системой философско-теоретических представлений об образовании, отвечающих на вопросы: в чем заключается его сущность, каковы его место и роль в обществе, его функции, принципы организации, как оно связано с обществом и личностью, каковы особенности его функционирования и развития и др. Концептуальные основания образования базируются на философском и научном знании о нем, педагогической теории и практике. На их фундаменте осуществляется определение способов организации педагогической деятельности, выбор образовательных технологий, разработка практических моделей и механизмов. В структуру концептуальных оснований входят такие понятия, как образование, образовательный идеал, концепция, доктрина, стратегия, модель, образовательная парадигма. Для полного описания образования в конкретную историческую эпоху, определения тенденций его развития необходимо владеть системой общих теоретических представлений о нем, содержащихся в концептуальных основаниях, и иметь представления об обществе и личности в образовательном контексте, которые можно получить в результате исследования. Синтез данных представлений позволяет проявить картину образования для каждого государства, эпохи с учетом перспектив.

Охарактеризуем кратко некоторые ключевые элементы концептуальных оснований.

Образовательный идеал является целостным, теоретически обоснованным и практически реализуемым представлением о том, каким мы хотим видеть образование в перспективе. Он несет в себе черты совершенства, завершенности, эстетичности. При приближении к реальности черты совершенства начинают уступать теоретической обоснованности и реализуемости. Что касается разработки образовательного идеала, то одним из элементов, на основании которого он создается, являются *образы образования*, в которых, по словам А. П. Огурцова, реализуются различные подходы в трактовке, анализе, интерпретации, определении понятия образования. Их источником являются философские учения, разнообразие которых обуславливает многообразие форм современного образования [9]. Они задают более или менее конкретное представление об образовательной действительности, определяя методологию ее исследования. В настоящее время существует широкий спектр таких учений, исходя из которых можно строить множество различных концепций и парадигм образования в зависимости от той или иной культуры, социальной среды, исторической, политической и экономической ситуации. Образовательный идеал является объектом синтетическим и включает в себя, кроме рациональных,

ценностные, эстетические, интуитивные компоненты. Он является одной из главных эстетико-теоретических основ образовательной концепции и парадигмы.

Под концепцией, как правило, понимают определенную теоретическую конструкцию, которая разрабатывается для описания некоторого объекта, процесса или явления, а также определения принципов, выражения замысла и плана его совершенствования и развития (см., в частности, [2]). Имея в виду концепцию, мы будем понимать целостное, системное, рациональное и содержательное представление о системе образования, ее функционировании и путях развития. Если применить это понятие, например, к отечественной системе образования, то в нем должны содержаться сведения о том, на каких принципах и положениях должна основываться данная система, каковы должны быть ее свойства и особенности, в каком направлении и каким способом должно идти ее дальнейшее развитие. Концепция является теоретической основой парадигмы.

В настоящее время понятие парадигмы широко используется в среде философов и ученых, занимающихся философскими проблемами образования, а также исследованиями в области педагогической науки. Под *образовательной парадигмой* мы будем понимать систему представлений, норм, способов и методов деятельности педагогического сообщества по решению стоящих перед ним задач. Таким образом, в структуре парадигмы можно выделить научно-философский, социально-культурный и практико-деятельностный компоненты. Она представляет собой системное образование, выполняющее широкий спектр функций по регламентации, организации, обеспечению и поддержанию образовательного процесса, направлению его деятельности в конкретное русло, обусловленное системой определенных теоретических представлений. Парадигма является конечным продуктом разработки концептуальных оснований образования, в ней в системной форме представлены все составляющие, которые получают свою реализацию в образовательной деятельности.

Парадигма формируется на основе образовательного идеала и концепции, исходит из практики и является теоретико-практическим, организующим и направляющим деятельность образования элементом, который включает в себя, с одной стороны, представления о том, чем является образование, его концептуальность, теоретические положения, принципы, и с другой – практическую составляющую: методологию их реализации в практике, фактологию, опыт функционирования в социальной и личной реальности.

Логика и процедура исследования

Скажем несколько слов о процедуре исследования образования как объекта и как процесса его развития. Исходя из данных философии и методологии науки (см., например, [8]), *процедуру исследования* некоторого объекта мы будем понимать как логическую последовательность шагов по реализации ранее

разработанной методологии исследования данного объекта. То есть для исследования проблем образования мы должны составить некоторую схему на основе разработанного нами методологического подхода. Действуя в соответствии с ней, мы сможем провести все необходимые исследовательские процедуры в определенной последовательности и получить результат, который может быть подвергнут впоследствии научному анализу.

Характеризуя применение данной исследовательской процедуры на практике, мы сошлемся на истоки научной методологии, берущие свое начало от Р. Декарта и Ф. Бэкона. В первом случае предлагается исследовательский путь от общего к частному, от теории к практике, когда определяются базовые принципы, строится теоретическая схема, из которых логическим путем выводятся те или иные положения, имеющие отношение к практике. Во втором – мы движемся от частного к общему, от эмпирического к теоретическому, когда изучение свойств и особенностей образования, процесса его становления и развития дает нам необходимые знания о нем, которые, будучи проанализированы и обобщены, выводят нас на философско-теоретический уровень представлений о предмете. Два этих подхода как правило используются при исследовании образования, диалектически дополняя друг друга, что существенно повышает его эффективность, дает более точные знания об исследуемом объекте. Каждый из этих подходов применяется в соответствии с контекстом исследования, а полученные каждым из них результаты можно использовать для корректировки и согласования с результатами другого подхода, тем самым в процессе исследования идет развитие как теоретической, так и практической компонент знания.

В предлагаемом нами методологическом подходе мы с помощью философской методологии прежде всего сформируем общефилософские представления об образовании, а затем последовательно на основе знаний из области социально-гуманитарных наук и педагогики будем исследовать его основные свойства и особенности, последовательно обобщая это знание и встраивая его в существующие теоретические структуры. Согласно такой логике вначале следует определить сущность самого понятия образования, выделить его основные аспекты, черты и свойства, которые необходимо исследовать. Полученное новое знание должно быть представлено в системном и целостном виде, давая более глубокие представления об объекте.

Говоря об анализе процесса развития образования, логические шаги исследовательской процедуры будут выглядеть следующим образом. Прежде всего изучается и проектируется образовательный идеал, на основе которого строится концепция, затем с учетом полученного знания разрабатывается новая образовательная парадигма, определяется стратегия развития образования, создаются формы, модели и механизмы его функционирования.

Последовательность исследования конкретных проблем образования может быть разной, поскольку оно проводится с позиций различных областей

знания. Важно, чтобы результаты этого процесса были синхронизированы, систематизированы и обобщены в рамках философии образования для получения общей картины знания об образовании, определения его ключевых свойств и особенностей. Такой анализ результатов позволяет выявить недостатки проведенных исследований, наметить пути их исправления, а также определить новые направления поиска. Для нас предпочтительным видится путь, когда после формирования методологии, определения исследуемых аспектов и свойств образовательной системы, отражающих ее функционирование в условиях современной эпохи, в современном обществе и по отношению к личности, реализуется процедура исследования. Мы выбираем этот путь потому, что в этом случае можно получить более упорядоченный, системный, организованный процесс исследования и избежать тупиковых направлений, хаотичности в исследовательском процессе.

В соответствии с предложенными нами представлениями процедуру исследования можно схематично изложить следующим образом:

описание объекта исследования, выделение исследуемых свойств и особенностей;

представление образования с позиций философских учений, состояния аксиологической, духовно-нравственной сфер общества, культуры в целом;

исследование социального аспекта образования с учетом современных факторов и условий (современной социальной структуры, развивающихся в обществе технологий, доминирующих социально-политических ситуаций, экономических отношений, глобализации и проч.);

анализ образования в личностном контексте с позиций формирования личности, с учетом ее потенциала, потребностей, устремлений;

изучение процессов, идущих в самом образовании, с позиций педагогического знания;

анализ и обобщение полученных результатов, составление представлений о сущности образования, осуществление попытки формулировки его определения;

оценка перспектив использования полученных результатов в образовательной теории и практике;

разработка на основе полученных результатов новых образовательных форм, моделей и механизмов.

Так, с нашей точки зрения, должен выглядеть процесс исследования образования в парадигмальном контексте: начиная с изучения самого объекта, постановки исследовательских целей и задач, продолжая разработкой методологии его исследования, изучения его как социального феномена и заканчивая решением проблем его функционирования и развития в современную эпоху.

Список использованных источников

1. Берков, В. Ф. Методология науки. Общие вопросы : учеб. пособие / В. Ф. Берков. – Минск : РИВШ, 2009. – 396 с.
2. Концепции образования / под ред. М. А. Гусаковского, А. А. Полонникова. – Минск : БГУ, 2013. – 170 с.
3. Краевский, В. В. Философия образования в системе научного знания / В. В. Краевский // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Философия. – 2003. – № 2. – С. 21–29.
4. Куиш, А. Л. Личность и ее образование в условиях современных социальных реалий / А. Л. Куиш // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2021. – Вып. 8. – С. 149–157.
5. Куиш, А. Л. Философия и методология образования в концептуализации образовательных процессов / А. Л. Куиш // Филос. исследования. – Минск : Беларус. навука, 2020. – Вып. 7. – С. 221–234.
6. Левко, А. И. Методология науки: социально-культурный анализ / А. И. Левко. – Минск : Бестпринт, 2012. – 193 с.
7. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
8. Лукашевич, В. К. Философия и методология науки / В. К. Лукашевич. – Минск : Соврем. шк., 2006. – 320 с.
9. Огурцов, А. П. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А. П. Огурцов, В. В. Платонов. – СПб. : РХГИ, 2004. – 520 с.
10. Скуднова, Т. Д. Философско-антропологический фундамент современного педагогического образования / Т. Д. Скуднова // Философия права. – 2008. – № 6. – С. 32–35.
11. Современная философия науки: знание, рациональность, ценности, в трудах мыслителей Запада : учеб. хрестоматия / сост., пер., вступ. ст., ввод. замечания и коммент. А. А. Печенкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд. корпорация «Логос», 1996. – 400 с.
12. Старжинский, В. П. Методология науки и инновационная деятельность : учеб. пособие / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – Минск : Новое знание, 2013. – 327 с.
13. Старжинский, В. П. Гуманизация инженерного образования: философско-конструктивный подход / В. П. Старжинский. – Минск : ООО «Ремико», 1994. – 196 с.
14. Стёпин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
15. Философия науки : учеб. пособие для аспирантов / отв. ред. Т. П. Матяш. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 496 с.
16. Худякова, Н. Л. О структуре философии современного образования / Н. Л. Худякова // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 11 (149). – С. 77–82.

Л. Г. Титаренко¹, П. С. Аветисян²

¹Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

²Российско-Армянский университет, Ереван, Армения

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПАНДЕМИИ COVID-19*

В статье под философским углом зрения рассматривается проблема влияния таких мировых тенденций, как цифровизация и пандемия COVID-19. Изложены основные принципы и направления дальнейшего развития философии образования в современных условиях. Объясняется, почему наиболее важными являются такие принципы обучения, как его ориентированность на студента, создание оптимальной образовательной среды для самореализации молодежи, и активное использование в образовании информационно-коммуникационных технологий. Пандемия рассматривается как движущая сила дальнейшей цифровизации системы высшего образования (СВО) и роста ее привлекательности для иностранных студентов. На примере Беларуси и Армении показано, как эффективное внедрение этих принципов может способствовать повышению конкурентоспособности национальных СВО и повышению их международного престижа на глобальном уровне.

Ключевые слова: философия образования, цифровизация обучения, пандемия, обучение, ориентированное на студента, международная конкурентоспособность систем высшего образования

L. Titarenko¹, P. Avetisyan²

¹Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

²Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia

THE PHILOSOPHY OF EDUCATION IN THE EPOCH OF DIGITALIZATION AND COVID-19 PANDEMIC

The article discusses the problem of influencing such global trends as digitalization and pandemic COVID-19 on the sphere of higher education within the scope of philosophy (under the angle of philosophy). The main principles and directions of further development of higher education in the current conditions are presented. It is explained why such principles of education as student-oriented learning, creation of the optimal educational environment for self-realization of youth, and active using in education the information-communication technologies are the most important. Pandemic can be viewed as a driving force of further digitalization of the system of higher education and its attractiveness for the

* Статья подготовлена при финансовой поддержке государственной программы научных исследований Республики Беларусь (договор № 696/97) и гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (№ Г21АРМ-020).

foreign students. Case study of Belarus and Armenia show how the effective implementation of these principles can contribute to the competitiveness of the national systems of higher education and increase their international prestige on a global level.

Keywords: *philosophy of education, pandemic, digitalization of education, student-oriented learning, international competitiveness of systems of higher education*

Современное общество нуждается в образованных молодых гражданах, способных внести эффективный вклад в экономику, политически активных и готовых отвечать за свои поступки, а также инновационно ориентированных в любой сфере жизнедеятельности. Формирование такого гражданина – сложный комплексный процесс и одновременно результат деятельности многих социальных институтов. Одна из ведущих позиций в этом процессе принадлежит сфере образования. Именно благодаря образованию молодые люди получают необходимые в современном обществе знания и навыки, приобретают компетенции для будущей практической деятельности в условиях построения Индустрии 4.0 [1] и цифровизации повседневной жизни.

Новые условия существования глобального общества, включающие ускоренную цифровизацию различных сфер жизнедеятельности на фоне дальнейшего развертывания пандемии коронавируса (COVID-19), обуславливают необходимость определенного пересмотра концептуальных основ современной философии образования, уточнения ее основных принципов и положений. Роль философии в процессе осмысления новых социальных и иных проблем, решаемых институтом образования в условиях пандемии и отчасти вызванных ею, трудно переоценить. Пандемия коронавируса, соединенная с другим мощным фактором – цифровизацией, – подтолкнула философов и других социальных мыслителей к концептуализации и продвижению таких понятий, как «чрезвычайная ситуация», «биополитика», «техностресс» и т.п. Важный мировоззренческий вопрос, связанный с цифровизацией обучения, соотносится с рассмотрением новейших технологий либо как средства смягчения неравенства в образовании либо, напротив, усиливающего его (неравенство) за счет неравного доступа разных групп обучающихся к этим технологиям [2, р. 381]. Обсуждение проблемы цифрового неравенства убеждает ученых, что новые технологии не в состоянии существенно изменить социальную стратификацию и неравенство доступа к качественному образованию, хотя для некоторых групп студентов они открывают дорогу к новым ресурсам и раскрытию своих способностей. Более того, цифровизация, которая проявляется в изменении педагогической деятельности, внедрении новых средств обучения и массового дистанционного обучения, стала важным аспектом образовательной трансформации [3]. Образуется цепочка, требующая философского осмысления: пандемия COVID-19 резко повысила интерес общества к проблемам медицины и биотехнологий, ускорила цифровизацию и тем самым вызвала необходимость осмысления новых статусов человека в биотехногенном мире,

в котором теперь он вынужден существовать. Таким образом, философский дискурс призван помочь в осознании важности не только существующих фактов как таковых, но и в понимании того, почему их восприятие отдельными индивидами, социальными группами и обществом в целом различно.

Философия образования не остается замкнутой в собственном пространстве. Посредством ряда механизмов она воздействует (иногда противоречиво) на общественное сознание, а также на принятие государственных решений в сфере образования, которые будут определять перспективу развития этого социального института.

В конце 2021 г. белорусское правительство утвердило Концепцию развития образования, которая призвана быть руководящим документом в этой сфере до 2030 года. В документе определены цели, принципы, задачи и направления образования для каждого его уровня. Концепция ориентирована на то, чтобы образование по-прежнему совмещало функции обучения и воспитания и предоставляло необходимые, равные для всех условия с целью успешного формирования молодых людей как граждан и профессионалов [4]. Среди многих идей в этом документе указаны хорошо известные (такие как непрерывность и инклюзивность образования, полный охват молодежи, развитие у нее «гибких навыков», важных для любой профессии), которые практически уже внедрены в белорусское образование. Это те идеи и подходы, которые приняты во всем мире, то есть отражают глобальные тенденции развития сферы образования. Актуальным и наиболее инновационным в концепции образования является: 1) ориентация на личность обучающегося, 2) создание условий для творческой самореализации молодежи и 3) ее привлечения в сферу информационно-коммуникационных технологий. На наш взгляд, именно эти три идеи во многом определяют и современную философию образования.

Стержень этой области философии – ориентация на личность обучаемого, что означает не только индивидуальный подход к каждому, но и учет его образовательных интересов, личных особенностей, помощь в развитии способностей и направление молодого человека на путь реализации талантов. Этот принцип в начале XX в. ввел в практику обучения американский философ и педагог Джон Дьюи, который первым обосновал необходимость ориентации обучения на обучаемого, связал обучение с практикой и провозгласил его жизненной необходимостью [5]. Тем самым исследователь существенно развил теорию и философию образования по сравнению со своими предшественниками [2, р. 386]. Сегодня актуальность данного подхода связана с тем, что он соединен с цифровыми технологиями и реализуется в условиях погруженности молодежи в виртуальную реальность, социальные сети, которые по многим параметрам становятся для молодых людей более важной средой, чем социальная реальность. Даже в этих условиях, когда каждый студент находится под непредсказуемым влиянием множества социальных сетей, педагог

должен уметь находить к обучаемому индивидуальный подход, способствующий развитию его креативного потенциала [6].

В отличие от прежней (коллективной) направленности процесса обучения, когда всем студентам предлагались одни и те же задания и использовались общие педагогические подходы, современная педагогика становится качественно иной. Педагог будет ориентироваться на интересы конкретного обучаемого, подбирать для него индивидуальные задания, а также создавать среди студентов группы молодых единомышленников для проектной работы по дисциплине, будь то физика, математика или социология.

Другие важные приоритеты современной философии образования – создание благоприятных условий для развития и успешной реализации личностного потенциала и самореализации студентов. Однако хорошо известно, что только личность может воспитать другую личность. Это значит, что педагоги сами должны быть высокопрофессиональными, всесторонне развитыми и творческими личностями, которые могли бы заинтересовать молодых людей и своим примером, и знаниями, и вовлеченностью в процесс научного познания. Как утверждают специалисты, педагог новой формации должен быть драйвером устойчивого развития общества, носителем актуальных компетенций, мотивированным на свою работу, критически мыслящим специалистом [7, с. 202]. При отсутствии таких педагогов и пассивности студентов (как в условиях активного использования цифровых методов обучения, включая дистанционные формы, так и в традиционных условиях) вкупе с их недостаточной мотивированностью на обучение субъектность студентов в процессе образования будет проявляться весьма умеренно. Поэтому создание адекватной образовательной среды для роста субъектности и педагогов, и студентов – необходимая задача философии образования [8, с. 93].

Если вывести новый философский подход к образованию на более высокий уровень рассмотрения, а именно на межстрановой и глобальный, то следует отметить, что и в других странах мира – как в ближайшем окружении, так и дальнем зарубежье – эти принципы одинаково актуальны, ибо они рефлексировать сложившуюся ситуацию цифровизации в условиях пандемии и перспективы развития мира в будущем [9; 10]. Как считает К. Шваб, пандемия предоставила «узкое окно возможностей для перезагрузки нашего мира, чтобы создать более здоровое, справедливое и процветающее будущее». И в этой перезагрузке институт образования будет ключевым фактором построения этого общества [11]. Продолжение цифровизации и реформирования систем высшего образования (СВО) – это актуальная задача, стоящая на повестке дня современных государств и межгосударственных объединений, которые и самостоятельно, и коллективно ищут новые пути и средства развития высшего образования, желая сделать его инновационным, активным, инклюзивным и мобильным, а образовательную среду – дружественной студенту и открытой для его самореализации [12]. Все эти задачи должны вывести участвующих

субъектов образования на более конкурентоспособный уровень. Иначе говоря, цифровизация, ускоренная в условиях пандемии, должна стимулировать рост качества образования и его привлекательности для иностранных студентов.

Международная конкурентоспособность включает в себя такие индикаторы, как международные рейтинги вузов и количество иностранных студентов, выбирающих эти вузы для обучения. Считается, что чем выше рейтинг, тем более притягательным становится данный вуз для иностранных студентов. Раскроем это положение на примере Беларуси и Армении как двух стран – участниц Евразийского экономического пространства, заинтересованных как в росте позиций национальной СВО внутри страны, так и в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и за его пределами. Как показывают исследования, вовлечение отдельных вузов и СВО всех стран ЕАЭС в международное образовательное пространство позитивно влияет на качество образовательного процесса и статус отдельных высших учебных заведений страны – участницы Союза [13; 14]. Пока единый образовательный рынок стран ЕАЭС не создан; и влияние Болонской системы ощущается в этих странах сильнее, чем влияние стран – участниц Союза. Как показывает опыт Армении, включение в европейское образовательное пространство страны, не обладающей мировой конкурентоспособностью, ведет к деструктивным последствиям (миграции студентов в страны Европейского союза) и не способствует росту качества образовательной среды в своей стране [15, с. 7].

Выход на международный рынок образования предполагает следование общим правилам глобальной конкуренции. В последнее десятилетие (и особенно в последние годы) сильное влияние на выбор учебного заведения оказывают такие факторы, как оценка иностранными студентами качества обучения и уровня использования цифровых технологий в процессе обучения. Как показывают результаты международного исследования 67 тысяч иностранных студентов, проведенного в 2018 г. в 63 университетах разных стран мира, где обучались эти иностранцы, среди пяти основных причин выбора конкретного места для обучения 65 % респондентов назвали цифровые технологии и 64 % – компетентность профессорско-преподавательского состава, от которого напрямую зависит и качество всего обучения. В числе оставшихся трех основных причин выбора были позиции, не связанные напрямую с качеством обучения, но важность которых очевидна: наличие в университете избранной студентом специальности, доступность платы за обучение и стоимости проживания в регионе, где расположено учебное заведение [16]. Очевидно, что если бы данное исследование включило иностранных студентов, обучающихся в странах ЕАЭС, то ими были бы названы те же факторы, что и студентами в других регионах мира. В любом случае цифровизация входит в лидирующие критерии, благодаря которым иностранные студенты выбирают конкретный вуз для обучения. Исследование, проведенное в Белорусском государственном университете (БГУ) среди студентов-иностранцев в рамках совместного

научного проекта Беларуси и Армении, также подтвердило, что цифровизация (наряду с другими критериями) оценивается иностранными студентами очень высоко [17, с. 353]. По этой причине оценка иностранцами дистанционных методов и форм обучения даже более позитивная, чем у белорусских студентов: в условиях пандемии иностранцы считают более безопасным большинство занятий проводить онлайн. Как результат, число иностранных студентов, обучающихся в БГУ, с каждым годом увеличивается.

Среди множества рейтингов, созданных для замера конкурентоспособности учебных заведений, в странах ЕАЭС к наиболее популярным относится QS EECA (Emerging Europe and Central Asia). Среди 450 представленных в рейтинге вузов из стран Центральной и Восточной Европы и Средней Азии по расчетам на 2022 год БГУ впервые занял 22-е место, опередив не только другие белорусские вузы, но и многие вузы стран-соседей. Российско-Армянский университет также улучшил свой рейтинг и поднялся на 131-е место – самое высокое среди вузов Армении [18]. Это серьезные успехи, которые свидетельствуют о большой работе обоих вузов. В то же время обе страны сильно отстают от России: пять российских университетов вошли в топ-10 лучших учебных заведений региона, а Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова много лет подряд удерживает в рейтинге 1-е место. Более тесная образовательная интеграция стран – участниц ЕАЭС могла бы способствовать росту конкурентоспособности вузов всех этих стран, поскольку обмен опытом, участие в образовательных и научных коллаборациях, обмен преподавателями входят в число критериев вычисления рейтинга. Философия образования у всех университетов, находящихся сверху списка, общая. Она состоит во введении в практику тех принципов, которые были раскрыты в данной статье. Однако ресурсы у вузов и стран неравные. Видимо, этот фактор может сдерживать рост качества образования в Армении и Беларуси. Для решения этой проблемы необходимо развивать более тесную образовательную интеграцию в рамках Евразийского союза, а также вкладывать в развитие сферы образования дополнительные финансовые инвестиции.

Список использованных источников

1. Воронкова, В. Г. Становление и развитие цифровых технологий как фактор реализации четвертой промышленной революции / В. Г. Воронкова, Т. В. Тесленко // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2020. – № 2. – С. 4–11.
2. Guhin, J. Why Study Schools? / J. Guhin // Handbook of Classical Sociological Theory / eds.: S. Abrutyn, O. Lizardo. – Cham : Springer, 2021. – 714 p.
3. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования / И. С. Батракова [и др.] // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 8–9. – С. 9–19.
4. Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/roundtable/view/kontseptsija-razvitiija-sistemy-obrazovanija-respubliki-belarus-do-2030-goda-1404> – Дата доступа: 15.12.2021.

5. Dewey, J. *Democracy and Education: in Introduction to the Philosophy of Education* / John Dewey. – New York : Macmillan Company, 1916. – 434 p.
6. Бабосов, Е. М. Роль креативной личности в развитии сетевого общества / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 300 с.
7. Ефимова, Г. З. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции / Г. З. Ефимова, А. Н. Сорокин, М. В. Грибовский // *Образование и наука*. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 202–230.
8. Захарова, У. С. Субъектность студентов в условиях очного и дистанционного обучения: взгляд преподавателей / У. С. Захарова, К. А. Вилкова // *Современная зарубежная психология*. – 2020. – Т. 9, № 3. – С. 87–96.
9. Vincent-Lancrin, S. *Coronavirus and the future of learning: Towards a new EdTech industry?* [Electronic resource] / S. Vincent-Lancrin // OECD. – Mode of access: <https://oecdeditoday.com/coronavirus-future-learning-new-edtechindustry/> – Date of access: 10.07.2020.
10. Adedoyin, O. B. *Covid-19 pandemic and online learning: the challenges and opportunities* [Electronic resource] / O. B. Adedoyin, E. Soykan // *Interactive Learning Environments*. – Mode of access: <https://www.researchgate.net/publication> – Date of access: 04.09.2020.
11. Schwab, K. *The Great Reset* [Electronic resource] / K. Schwab. – 2020. – Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2020/06/now-is-the-time-for-a-great-reset/> – Date of access: 25.08.2020.
12. Аветисян, П. С. Свободная образовательная среда – основа интеллектуального человеческого капитала в условиях цифровой экономики / П. С. Аветисян, Н. М. Геворкян // *Экономика региона*. – 2020. – № 16 (2). – С. 494–506.
13. Аветисян, П. С. О некоторых проблемах реформирования высшего образования в постсоветских странах в свете Евразийской интеграции / П. С. Аветисян, Г. Е. Галикян, М. И. Заславская // *Научная мысль*. – 2016. – № 4 (22). – С. 5–15.
14. Модернизация систем высшего образования Беларуси и Армении в контексте процессов евразийской и европейской интеграции: проблемы и перспективы / Л. Г. Титаренко [и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Титаренко, М. И. Заславской. – Минск : БГУ, 2019. – 175 с.
15. Аветисян, П. С. Единое образовательное пространство в контексте евразийской интеграции: проблемы и перспективы / П. С. Аветисян, М. И. Заславская, Г. Э. Галикян // *Россия: тенденции и перспективы развития : материалы конф., Москва, 1–31 дек. 2016 г.* / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН ; отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2016. – С. 106–113.
16. Moran, J. *QS International Student Survey: What drives an international student today?* [Electronic resource] // J. Moran. – 2018. – Mode of access: <http://www.iu.qs.com/qs-international-student-survey-what-drives-an-international-student-today/> – Date of access: 25.08.2018.
17. Титаренко, Л. Г. Укрепление образовательной интеграции как реализация национального интереса в росте образовательной конкурентоспособности Республики Беларусь / Л. Г. Титаренко, Е. Е. Подоляк // *Материалы междунар. науч. конф. «Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь»*. – Минск : БГУ, 2021. – 431 с.
18. *QS ECEA University Rankings 2022* [Electronic resource] // *World University Rankings*. – Mode of access: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/eeca-rankings/2022> – Date of access: 20.12.2021.

Д. А. Смоляков

Белорусско-Китайский исследовательский центр философии и культуры
Линнаньского педагогического университета и Института философии
Национальной академии наук Беларуси, Чжэньцзян, Китай

КРИТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Изучаются современные подходы к концептуализации феномена интернационализации высшего образования посредством критики глобализации. Рассматриваются типологические различия в понимании глобализации, а также исследуется критика этого феномена, посредством отождествления с вестернизацией и модернизацией. Делается вывод о том, что современная социально-гуманитарная наука концептуализирует понятие интернационализации высшего образования через противопоставление глобализации, как универсализации, реализованной на принципах вестернизации.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, глобализация, вестернизация, модернизация

D. Smaliakou

Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture of Lingnan Normal University
and Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Zhanjiang, China

CRITICISM OF GLOBALIZATION IN CONCEPTUAL MODELS OF INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION

Modern approaches to the conceptualization of the phenomenon of internationalization of higher education through the criticism of globalization are investigated. There were analyzed typological differences in the understanding of globalization, as well as a critique of this phenomenon by identification with westernization and modernization. It is concluded that modern social and humanitarian science conceptualizes the concept of internationalization of higher education through the opposition to globalization as a universalization implemented on the principles of westernization.

Keywords: internationalization of higher education, globalization, westernization, modernization

Введение

Для современной науки интернационализация высшего образования выступает одним из наиболее актуальных направлений исследований в области социально-гуманитарных дисциплин, включая социальную философию, так как проливает свет на фундаментальные особенности происходящих изменений в социальном развитии современного общества. На Западе и в Российской

Федерации исследования интернационализации высшего образования являются одним из наиболее востребованных направлений научного поиска, в том числе и философского анализа, включая такие направления, как марксизм, постмодернизм, аналитическая философия. С начала 2010-х годов рассматриваемая проблематика входит в круг наиболее актуальных направлений и для отечественной науки как в рамках ее постоянного фокуса на модернизацию, так и в порядке естественного внимания к макропроцессам мирового развития.

Традиционно исследования интернационализации высшего образования опираются на концептуальные наработки устоявшегося круга авторов, во главе которого находятся канадо-американская исследовательница Дж. Найт и нидерландский философ образования Х. де Вит. За прошедшие 30 лет ими создан корпус научных работ, посвященных теоретическим аспектам интернационализации высшего образования, который опирается на такие монографии, как «Стратегии интернационализации высшего образования: сравнительное исследование Австралии, Канады, Европы и США» (1994 г.) [1], «Качество и интернационализация в высшем образовании» (1999 г.) [2], «В направлении к глобальному: определяя тренды и драйверы международного образования» (2012 г.) [3], «Настольная книга международного высшего образования» (2012 г.) [4]. На концептуальном фундаменте перечисленных работ развиваются исследования в Китае. Наиболее глубоко данный феномен исследовал Чэнь Сюэфэй, рассматривающий интернационализацию высшего образования как мегатренд нового тысячелетия [5].

Рецепция перечисленных трудов в русскоязычное научное пространство происходила даже быстрее и глубже нежели в Китайской Народной Республике (КНР). Среди авторов, популяризовавших западные концепции интернационализации высшего образования в русскоязычной среде, можно упомянуть О. Грауманн, Л. В. Дубовицкую, А. Дуранзик, В. Э. Куприянову-Ашину. На основе критики западных концепций или в порядке их развития с учетом особенностей гуманитарной науки и философии в России важно упомянуть работы В. М. Филиппова [6], О. А. Береговой [7], П. М. Сарафановой [8], И. Б. Стукаловой [9], А. В. Акульшиной [10] и др. Перечисленных авторов объединяет критическое восприятие происходящих в мире процессов социального развития в целом и высшего образования в частности.

Обозревая результаты работы по данному направлению, приходится констатировать, что за 30-летний период разработки проблемного поля так и не было создано конвенционального понимания сущности рассматриваемого феномена. Данное состояние исследований в отношении интернационализации высшего образования нередко обозначается понятием «хаос дефиниций». Вместе с тем имеется и важный конвенциональный момент, обеспечивающий общее исследовательское начало как на Востоке, так и на Западе, а именно противопоставление феноменов глобализации и интернационализации.

Тщательное изучение особенностей такого противопоставления позволит более четко понять смещение фокуса на глобализацию и одновременно прояснить причины и условия возникновения концепта интернационализации, а также попытаться объяснить его популярность.

Концептуальный фундамент исследований интернационализации высшего образования

В научной литературе устоялся конвенциональный подход к исследованию фундаментальных характеристик интернационализации высшего образования посредством установления генезиса этого явления и последующего философского осмысления его особенностей. На данный момент в научной литературе доминируют два подхода к установлению происхождения интернационализации высшего образования. Первый, разделяемый меньшинством исследователей, исходит из установки, что в том или ином виде интернационализация существует со времен основания университетов в средневековой Европе, являясь неотъемлемой частью их истории и культуры. Большинство, напротив, полагает, что интернационализация высшего образования – это явление последнего десятилетия XX в., а Средневековье и Новое время в этом отношении не могут браться в расчет, так как в указанные периоды не существовало национальных государств, как отсутствовал и сам концепт нации.

Объединяет описанные подходы фокус на глобализацию как исток активной фазы интернационализации высшего образования. В рамках первого подхода в Средневековье обнаруживаются истоки международного измерения высшего образования в качестве предтечи интенсификации тех процессов, которые полностью раскрылись в эпоху глобализации. Второй подход, напротив, подчеркивает фундаментальную инаковость второй половины XX в. от предыдущих эпох, так как именно в этот промежуток времени был создан полноценно глобальный тренд социального развития человечества. Оба подхода сходятся в общем фокусе на глобализации как точке отсчета современной эпохи мирового развития, воспринимая ее в качестве основополагающего элемента в концептуальном описании интернационализации высшего образования.

Стоит отметить, что сформировано и альтернативное представление о феномене интернационализации высшего образования, в рамках которого установлена связь между генезисом интернационализации высшего образования и разрушением империалистической системы мира [11]. Тем не менее авторская концепция интернационализации высшего образования, сформированная на основе критики колониализма, останется за скобками данного рассмотрения, позволив полностью сконцентрироваться на критике глобализации в актуальных концепциях интернационализации высшего образования.

Противопоставление концептов глобализации и интернационализации

Противопоставление глобализации и интернационализации появляется вместе с первыми попытками концептуализации интернационализации высшего образования в течение последнего десятилетия XX в. Достаточно быстро такой подход обрел популярность, так как через противопоставление глобализации обосновывал необходимость введения в научный оборот нового термина и сформировал магистральный вектор теоретической разработки предмета. Возникла убежденность, что глобализация и интернационализация – это два концепта, которые не объясняют по-разному один и тот же процесс, но обозначают совершенно разные явления, обладающие разной природой и произведенные из разных источников [12, p. 108].

Тем не менее различия между глобализацией и интернационализацией могли обосновываться по-разному. Интернационализация интерпретировалась в качестве первого этапа глобализации, в рамках которого одно национальное сближается с другим национальным, чтобы впоследствии обрести унифицированное единство. Другие интерпретации указывают, что интернационализация является не первой стадией глобализации, но приметой заката национальных государств, указывающей на переход к началу глобализации, реализованный через господство блоков и альянсов, размывающих национальные границы.

Иным концептуальным подходом является прямое противопоставление глобализации и интернационализации. В этом варианте интернационализация имеет скорее диалектическую, нежели генетическую связь с глобализацией, а потому не предшествует ей, а наследует ее. При таком понимании интернационализации глобализация воспринимается как негативное явление. Соответственно «бескорыстная» интернационализация рождается из противления глобализации, как гуманистический пример существования иных, в том числе нематериальных, выгод. Здесь интернационализация, конечно, понимается в качестве идеалистического антитезиса глобализации, рожденного в условиях прямого взаимодействия национальных субъектов.

Х. де Вит подчеркивает, что высшее образование – это национальный феномен, а его интернационализация – также национальное явление, формирующееся через взаимодействие с другим национальным. Глобализация, наоборот, игнорирует национальное, обращая внимание на сходство, а не на различия [13, p. 13]. Как замечают исследователи интернационализации образования У. Бранденбург и Х. де Вит, в современном мире интернационализация представляется «белым рыцарем высшего образования» [14], неким концептом, отсылающим к миру и взаимопониманию, в то время как глобализацию следует отнести к универсализации и стиранию различий. Дж. Найт указывает, что если глобализация – это трансграничный обмен знаниями, технологиями,

людскими ресурсами, идеями и т.д., то интернационализация высшего образования представляет собой один из путей национального ответа на достижения глобализации в целях сохранения уважения к национальным особенностям [2, р. 14].

Другие ученые, в том числе классик философии образования Ф. Альтбах, наоборот, полагают, что университеты всегда существовали в глобальной среде. По мысли исследователя, глобализация в том или ином виде всегда существовала на уровне академической среды, сменялись лишь формы и концептуальные рамки глобализации: средневековая модель университета в XIX в. сменилась на немецкую модель, которая в XX в. была замещена англосаксонской. С этой точки зрения не государства, а сами университеты формируют тренд на интернационализацию, причем делают это инстинктивно в связи с тем, что международное измерение – это врожденная идея университета, к которой он так или иначе будет стремиться в своем развитии. Согласно представленному подходу, интернационализация понимается не столько национальным рефлексом на глобализацию, сколько способом справиться с ней, приняв на вооружение ее инструменты [15]. В этом смысле интернационализация выступает особым типом рецепции глобализации или особым видом глобализации, распространяемом на уровне институтов и механизмов высшего образования.

Типология подходов к глобализации

Формирование противопоставления глобализации и интернационализации в различных концепциях варьируется, так как по-разному интерпретируется сам феномен глобализации. В рамках осмысления интернационализации высшего образования обнаруживаются три социально-философские модели глобализации, которые можно обозначить как интеграционную, универсалистскую и стадиальную.

Первый подход изложен Э. Гидденсом, где глобализация видится механизмом «толкания и перетягивания» векторов централизации и интеграции, то есть в определенном смысле глобализация – это компромисс между суверенитетом и стабильностью национальных систем [16, р. 73]. В рассматриваемой схеме государства делегируют часть своего суверенитета наднациональным органам управления, получая взамен рост влияния внутри национальных границ. Такая глобализация реализуется через частичную унификацию, предлагая место для межнационального взаимодействия, которое и погружается в концептуальные рамки интернационализации.

Второй подход рассматривает глобализацию в качестве исторического развития христианской модели универсализма, сущность которой заключается в улучшении мира прежде всего за счет стандартизации и унификации, в особенности измерительных систем. Особенно ярко эти процессы проявили себя

в картографии, которая самым тщательным образом искоренила влияние биометрических или культурных особенностей наблюдателя на понимание получаемой информации [17, с. 21]. В этом случае глобализация неразрывно связывается с вестернизацией, понимаемой как культурное влияние Европы на Восток, заключающееся в обезличивании локальных особенностей местных культур. При таком понимании глобализации интернационализация воспринимается как естественное сопротивление обезличиванию, направленное на сохранение национальных особенностей.

Третий подход, который можно назвать стадиальным, описывает глобализацию в категориях эволюции, представляя ее этапом развития человеческого общества, приходящим на смену национальным государствам и политическим блокам. Представленный взгляд на глобализацию увязывается с такими мыслителями, как А. Тойнби, С. Хантингтон, В. И. Вернадский, через которых передается идея прогресса. В этом смысле всемирная история видится естественным замещением различных стадий развития, неминуемо приводящих к глобальному человечеству, преодолевшему былые противоречия.

Исходным пунктом понятой таким образом глобализации выступает эволюционная неизбежность развития человеческого общества, в результате которого рождается универсальный человек общемировой культуры. В этом отношении интернационализация выступает очередным этапом эволюции человечества, который в зависимости от мировоззрения того или иного исследователя завершает либо предваряет глобализацию.

Глобализация как модернизация

Несмотря на столь различное восприятие глобализации, среди исследователей интернационализации высшего образования возникло устойчивое убеждение в том, что ее сущность базируется на принудительной модернизации, часто понимаемой в категории вестернизации. Благодаря такому восприятию глобализации устанавливается взаимосвязь между мировоззрением и модернизацией, что позволяет критически анализировать глобализацию и на основе такой критики выстраивать концепт интернационализации.

Немецкий социолог и философ У. Бек манифестирует модернизационный потенциал глобализации, полагая, что большая часть эксклюзивных технологий и ноу-хау и находится в распоряжении ограниченного количества наиболее развитых стран [18]. На основе указанной посылки Д. Митчелл и С. Нильсен рассматривают глобализацию как явление, вызванное технологическими прорывами в транспортной и коммуникационной сферах, где глобальные авиаперевозки, скоростные поезда и интернет-технологии обеспечили быструю доступность перемещений и контактов, что привело к молниеносному распространению идей, мнений и инноваций [19]. Содиректор Центра исследований международного образования (Канада), исследователь интернационализации

образования К. Бек представляет глобализацию в виде системы мирового информационного обмена, как глобальное информационное окружение человека, формирующее понимание его места в мире, вне якоря национальной идентичности [20, р. 134]. Американский социально-культурный антрополог, социолог и философ А. Аппадураи глобализацию рассматривает как модернизацию в виде адаптации традиции к увеличению мобильности людей, технологий, капитала, информации, идей и политических взглядов [21, р. 296–297].

На указанной идейной основе шведский философ Й. Штер концептуально объяснил механику интернационализации, которая заключается в переносе инноваций и компетенций от развитых стран в менее развитые [21]. Одновременно устанавливается и противопоставление между глобализацией и интернационализацией в рамках такого переноса. Канадская исследовательница интернационализации высшего образования Дж. Найт напрямую указывает, что глобализация отсылает к денационализации, вестернизации или модернизации, в то время как интернационализация является ответом на эти процессы как путь сохранения локальной идентичности [22, р. 18]. В этом смысле интернационализация высшего образования выступает в качестве особого вида модернизации, который, в отличие от жесткой глобализации, с уважением относится к локальным особенностям, а потому направлен на сохранение элементов локальной традиции, но адаптируя ее к современной повестке.

Таким образом, рассмотрение глобализации как жесткой модернизации открывает возможности для концептуализации термина «интернационализация высшего образования». При обращении к проблеме мировоззрения и критике национальной универсализации перед теоретиками интернационализации высшего образования открываются возможности по обоснованию новых подходов к модернизации, которые основаны не на универсализации, а на сохранении национальных особенностей, что подразумевает не отказ от национальной идентичности, но некое усовершенствование ее путем привнесения актуального научного знания из развитых стран.

Выводы

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что критика глобализации выступает важнейшим механизмом построения концепций интернационализации высшего образования. Несмотря на различные интерпретации феномена глобализации, имеется конвенциональное понимание взаимосвязи между указанным феноменом и процессом модернизации, который понимается в жестких категориях унификации, или мировоззренческого принуждения, такого как вестернизация. На основе критики подобной модернизации формируется концепция интернационализации высшего образования как «щадящей» модернизации, которая заключается в переносе инноваций и компетенций из развитых в развивающиеся страны с учетом и сохранением локальных особенностей,

позволяющих модернизировать локальную идентичность, не отказываясь от нее. В связи с этим интернационализация высшего образования интерпретируется как ответ на вызовы глобализации, в частности на ее универсализирующее воздействие, позволяя как обосновать значимость самого концепта интернационализации, так и объяснить генезис этого явления.

Вместе с тем указанный подход не объясняет саму структуру переноса инноваций от развитых стран в развивающиеся, заменяя идеалистическим восприятием материалистическую природу данного феномена. Механическое противопоставление глобализации и интернационализации концептуализирует, но не объясняет сущность происходящих в мире процессов. Выход из такой ситуации видится в критической теории, исследующей переход от мирового колониализма к постколониальной ситуации, что позволяет существенно прояснить изменения как в восприятии модернизации, так и в структуре межнационального взаимодействия, освобожденного от стягивающих оков империалистических континуумов.

Список использованных источников

1. Wit, H. de. *Strategies for Internationalisation of Higher Education: a Comparative Study of Australia, Canada, Europe and the United States of America* / H. de Wit. – Amsterdam : EAIE Secretariat, 1994. – 176 p.
2. Wit, H. de. *Quality and Internationalisation in Higher Education: Institutional Management in Higher Education* / H. de Wit, J. Knight ; Org. for Econ. Co-operation and Development. – Paris : OECD, 1999. – 268 p.
3. Stiasny, M. *Going Global: Identifying Trends and Drivers of International Education* / M. Stiasny. – London : Emerald Group Publ., 2012. – 250 p.
4. *The SAGE Handbook of International Higher Education* / eds.: D. Deardorff [et al.]. – California : SAGE Publ., 2012. – 552 p.
5. 高等教育国际化:跨世纪的大趋势, 2002, 261页, 作者:陈学飞出版社:福建教育出版社 [Чэнь Сюэфэй. Интернационализация высшего образования: мегатренд столетия / Чэнь Сюэфэй. – М. : Фуцзян. образоват. изд-во, 2002. – 261 с.].
6. Филиппов, В. М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы / В. М. Филиппов // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения.* – 2015. – № 3. – С. 203–210.
7. Береговая, О. А. Интернационализация высшего образования в условиях глобализации / О. А. Береговая, В. И. Кудашов // *Перспективы науки и образования.* – 2019. – № 3 (39). – С. 31–43.
8. Сарафанова, П. М. Новый подход к управлению интернационализацией высшего образования / П. М. Сарафанова // *Гос. упр. электрон. вестн.* – 2015. – № 51. – С. 104–123.
9. Стукалова, И. Б. Интеграция в сфере высшего образования: предпосылки и условия / И. Б. Стукалова // *Вестн. Марийс. гос. ун-та.* – 2017. – Т. 11, № 3 (27). – С. 40–47.
10. Акульшина, А. В. Интернационализация высшего образования и национальные интересы: пути гармонизации / А. В. Акульшина, Д. В. Галушко // *Вестн. Нижегород. ун-та. Сер.: Соц. науки.* – 2015. – № 3 (39). – С. 165–171.
11. Смоляков, Д. А. Интернационализация высшего образования: теория, практика, перспективы / Д. А. Смоляков ; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 223 с.

12. The Globalization of Higher Education / The Soc. for Research Into Higher Education ; ed. P. Scott. – Buckingham : Open Univ. Press, 1998. – 134 p.
13. Wit, H. de. Internationalization of Higher Education in the United States of America and Europe: a Historical, Comparative, and Conceptual Analysis / H. de Wit. – Westport : Greenwood Press, 2002. – 270 p.
14. Brandenburg, U. The end of internationalization / U. Brandenburg, H. de Wit // Intern. Higher Education. – 2010. – № 62. – P. 15–17.
15. Altbach, P. Globalization and the university: realities in an unequal world / P. Altbach // Tertiary Education and Management. – 2004. – Vol. 10. – P. 3–25.
16. Giddens, A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1990. – 188 p.
17. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман ; [пер. с англ. М. Л. Коробочкина]. – М. : Весь мир, 2004. – 185 с.
18. Beck, U. What Is Globalization? / U. Beck. – Cambridge : Polity, 2000. – 192 p.
19. Mitchell, D. Internationalization and globalization in higher education / D. Mitchell, S. Nielsen // Globalization Education and Management Agendas / ed. H. Cuadra-Montiel. – London, 2012. – P. 3–22.
20. Beck, K. Globalization/s: reproduction and resistance in the internationalization of higher education / K. Beck // The Canad. J. of Education. – 2012. – Vol. 35, iss. 3. – P. 133–148.
21. Appadurai, A. Disjuncture and difference in the global cultural / A. Appadurai // Econ. Media, Culture & Communication. – 1990. – Vol. 7, iss. 2. – P. 295–310.
22. Stier, J. Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism / J. Stier // Globalisation, Societies and Education. – 2004. – Vol. 2, iss. 1. – P. 83–97.
22. Knight, J. Internationalization of Higher Education in OECD / J. Knight // Quality and Internationalisation in Higher Education / ed. H. de Wit. – Paris : OECD Publ., 1999. – P. 13–29.

Цзимао Го

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО СПОРТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Интернационализация высшего спортивного образования как глобальный социокультурный феномен приобретает все большее значение в исследованиях социальной философии. В статье рассматриваются существующие рамки интерпретации интернационализации высшего спортивного образования в русскоязычных, англоязычных и китайских источниках. Делается вывод, что общим моментом выступает манифестация перехода от традиционного образования к современному в рамках преодоления проблем эпохи колониализма (милитаризации, европоцентризма, глобального влияния).

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, социальная философия, спортивное образование, модернизация

Ji-mao Guo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE INTERNATIONALISATION OF HIGHER SPORTS EDUCATION AS AN OBJECT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL RESEARCH

The internationalization of higher sports education as a global socio-cultural phenomenon is gaining more and more importance in the studies of social philosophy. The article examines the existing framework for interpreting the internationalization of higher sports education in Russian, English and Chinese sources. It is concluded that the common moment of different scientific views is the manifestation of the transition from traditional to modern education in the framework of overcoming the problems of the era of colonialism (militarization, Eurocentrism, global influence).

Keywords: internationalization of higher education, social philosophy, sports education, modernization

В XXI веке наука и техника продолжают активно развиваться, способствуя дальнейшей глобализации, движимой экономическими, политическими и культурными стимулами. Поскольку многосторонний подход все чаще доминирует в мировой академической практике, а международные обмены в области образования и науки стали важной составляющей глобального социального развития, интернационализация, в том числе высшего спортивного обра-

зования, стала актуальной исследовательской задачей, требующей всестороннего научного осмысления.

Будучи глобальным социокультурным явлением, спорт обладает универсальными ценностями, преодолевающими религиозные, национальные и этнические различия как в телесном, так и в духовном измерениях. Описанные обстоятельства стимулируют высшее спортивное образование все глубже погружаться в международный контекст, формируя устойчивую интернациональную среду своего развития. В этом контексте актуальность приобретают исследования, направленные на поиск новых направлений ускорения межнационального взаимодействия внутри академической среды, способных обеспечить взаимопонимание как на межнациональном уровне, так и на уровне взаимодействия академических институций в рамках совместных академических проектов и программ.

В научных работах можно встретить различные и иногда взаимоисключающие интерпретации интернационализации высшего образования. Это явление рассматривается как инструмент продвижения конкретных национальных интересов [1, с. 203]; механизм, используемый для совершенствования академической репутации конкретного университета [2]; «люксовый элемент» национальной системы образования [3, с. 35], демонстрирующий успешность и богатство государства. Для некоторых исследователей обсуждаемый феномен представляется состоянием, другие понимают его как процесс, третьи – как доктрину [4, с. 84].

Относительно времени возникновения интернационализации в научных исследованиях сложились две позиции. Меньшинство ученых считают, что интернационализация существует с момента основания университетов в средневековой Европе и является неотъемлемой частью их истории и культуры [5]. В этом смысле интернационализация, понятая исключительно как международное измерение, не может рассматриваться как новое явление. Вместе с тем делается обязательная оговорка, что о действительном ее развитии можно говорить лишь с начала 1980-х годов [6]. Большинство ученых, наоборот, полагают, что интернационализация высшего образования – это феномен, который возник исключительно в последнее десятилетие XX в. [7, с. 74, 77]. В связи с симметричностью появления глобализации и интернационализации указанные явления нередко сравниваются, но редко отождествляются [8].

Осмысляя концептуальные основы интернационализации высшего образования, белорусский исследователь Д. А. Смоляков исходит из иной перспективы, а именно обращает внимание на деколонизацию и разрушение империалистической системы мира как условия возникновения интернационализации. В этом контексте генезис интернационализации высшего образования обусловлен изменением роли на мировой арене европейских государств, которые преодолели колониальный контекст и оказались вынужденными искать новые точки национальной конкурентоспособности, обусловив актуальность

повестки международной интеграции и совершенствования качества высшего образования [9]. Успешный опыт европейских стран активно распространился на глобальном пространстве, обусловив механизм интернационализации высшего образования через единство интеграционных процессов и совершенствование качества высшего образования.

Используя представленную методологическую рамку, данное исследование ставит своей целью проанализировать особенности интернационализации высшего спортивного образования. В связи с этим на основе анализа научной литературы необходимо выявить направления развития интернационализации высшего спортивного образования, а также объяснить их многообразие. Достижение поставленной цели предполагает необходимость изучения имеющихся научных источников для определения базовых подходов к осмыслению интернационализации высшего спортивного образования и чтобы очертить в первичном приближении основные теоретические параметры происходящих в этой сфере процессов.

В существующей научной литературе сущность интернационализации высшего спортивного образования исследуется посредством анализа роли и места заинтересованных сторон в развитии данного явления. В минувшие эпохи основным мотивирующим фактором развития высшего спортивного образования выступала необходимость совершенствования военной подготовки войск и военных формирований. В настоящее время отпала необходимость в милитаризации общества, в связи с чем военный фокус спортивного образования потерял былую актуальность. Поэтому современные учреждения высшего спортивного образования ориентируются на подготовку учителей физической культуры и спортсменов, то есть тех профессионалов, которые раскрывают свой потенциал и развивают компетенции не на поле боя, а в учреждениях образования, спортивных организациях или на площадках глобальных спортивных мероприятий.

Указанные изменения обусловили необходимость развития международного взаимодействия, так как быстро развивающаяся индустрия спорта и физической культуры все активнее требует совершенствования качества подготовки выпускников учреждений высшего образования, включая компетенции в рамках знания иностранных языков, культур и международных стандартов. Между тем спорт стал важным интеграционным направлением, объединяющим национальные субъекты в рамках проведения глобальных спортивных мероприятий, функционирования спортивных клубов и команд, а также популяризации всемирных движений, как, например, Олимпизм. Исходя из этого основной заинтересованной стороной интернационализации высшего образования выступает не армия, а общество, что очерчивает конкретную теоретическую рамку профильных исследований.

По мере возрастания влияния международных спортивных мероприятий на глобальную и локальную политическую повестку национальные субъекты

становятся более требовательными к развитию качества спортивного образования. В русскоязычных источниках указанный вектор развития интернационализации высшего спортивного образования представляется одним из магистральных. В. И. Филонов и А. В. Юдина определяют феномен Олимпийских игр как базовую площадку для международного взаимодействия национальной власти, включая отдельных политиков и международные организации [10]. А. С. Арьян с соавторами также рассматривают крупные спортивные события как особое направление развития гуманитарной и внешнеполитической деятельности, как инструмент политического влияния и средство преодоления современных конфликтов [11]. Д. А. Долгова утверждает, что Олимпийские игры являются лучшим инструментом национальных субъектов для достижения геополитических целей и улучшения национального имиджа [12].

Перечисленные авторы отмечают, что современное возрождение Олимпийских игр связывается с интерпретацией спорта как нового универсального пространства глобальной коммуникации, установления дружеских связей между народами путем улучшения взаимопонимания между ними. Такое восприятие также отсылает к смещению понимания сути спортивного образования, целью которого является физическое совершенствование не в военных, но в соревновательных целях. В этом отношении спорт воспринимается скорее политическим инструментом, нежели элементом военной подготовки, и в этом ключе геополитические факторы начинают доминировать в национальной повестке, направляя внимание на международную среду. Усиливающийся со временем развлекательный аспект спорта дополнительно расширяет пространство для развития международного взаимодействия, что не может игнорировать сфера высшего образования.

И политический, и развлекательный факторы способствуют усилению внимания к качеству обучения в рамках высшего спортивного образования. В связи с этим политическая элита уделяет большее внимание спортивным результатам, играя роль важнейшей заинтересованной стороны в улучшении качества высшего спортивного образования. При такой интерпретации интернационализация высшего спортивного образования заключается в расширении научных исследований, изучении международного спортивного законодательства, улучшении подготовки спортсменов и тренеров, участвующих в международных спортивных мероприятиях, и т.д.

Вопрос качества высшего спортивного образования находится в постоянном фокусе русскоязычных исследователей. Так, А. В. Бышевская обеспокоена тем, что участвующие в международных соревнованиях студенты сталкиваются с трудностями в плане понимания иностранных языков и культур, в то время как лучшее знакомство с особенностями принимающей соревнования страны может существенно улучшить готовность спортсменов и тренеров добиваться успеха [13]. Вместе с тем развитие интернационализации высшего спортивного образования в рамках международных академических проектов,

таких как «Эразмус+», «Кампус Франс», «Фулбрайт», «ДААД» и других, все еще отстает от уровня интернационализации классических университетов [14]. В связи с этим предпринимаются попытки по расширению международного взаимодействия спортивных вузов в Евразийском регионе, что воспринимается решающим фактором развития качества обучения [15].

С точки зрения осмысления интернационализации высшего спортивного образования в англоязычных источниках доминирует вектор на критику европоцентризма, а также ценностей универсализма. Авторы соглашаются, что современная система высшего спортивного образования сформирована на основе культурных и духовных приоритетов западного понимания спорта и физической культуры. Вместе с тем подобный универсализм в спорте отсылает к религиозному универсализму колониальной эпохи, когда западные миссионеры посредством христианства распространяли европоцентризм в глобальном пространстве [16]. В этом смысле универсальность западного восприятия спорта и физической культуры стала результатом западного колониального воздействия, что становится неприемлемым в современном постимпериалистическом мире, ценностно ориентированном на политическое, правовое и гендерное равенство. Концепт европейского или западного сменяется концептом глобального, а потому универсального не с точки зрения исключительности развития той или иной западной империи, но в силу универсальности прав человека и личности. В области спорта востребованными становятся глобальные мероприятия, глобальные менеджеры, глобальные спортсмены, то есть те специалисты, которые демонстрируют компетенции не внутри устоявшихся национальных нарративов, но в глобальном пространстве, освобожденном от расового и цивилизационного разделения.

В англоязычной литературе спорт рассматривается как глобальная индустрия, где спортивные университеты играют важную роль формирования и распространения глобальных компетенций [17]. Если эпоха колониализма обеспечивала доминанту европейской культуры, которая транслировала европейский универсализм внутри известных цивилизационных установок, как, например, фало-, лого-, европоцентризм, то современный глобальный контекст старается преодолеть указанные ограничения, обеспечив свободу личности.

Стоит отметить, что эта кросс-культурная компетенция в спортивном менеджменте основана на новом типе универсального, который не предусматривает особого внимания к локальным культурным и языковым особенностям с точки зрения их глубокого понимания, но сохраняет уважение к ним. В этом смысле глобальное высшее спортивное образование является проявлением глобализации в ее постмодернистском измерении, что, однако, соответствует пониманию интернационализации как пересечения векторов международной интеграции и совершенствования качества высшего образования.

Напряжение между концептами глобализации и интернационализации, возникающее в разрыве между универсальным и локальным, выступает важным фокусом критического подхода к современной универсализации [18]. Интернационализация преодолевает несовершенство глобализации, обеспечивая в рамках высшего спортивного образования уважение и понимание разнообразия спортивных традиций, которые рассматриваются не как препятствие к взаимопониманию, но как ее мотивация в виде интереса к национальному достоянию. Д. Роу отмечает, что привязанность спорта к производству национальных различий может, напротив, конструктивно отвергать объятия глобального [19]. Культурные различия в спорте могут служить важным фундаментом интернационализации спортивного образования, став преодолением проблем глобализации как универсализации.

В китайских источниках международное измерение спортивного образования, как правило, воспринимается в двух контекстах: западном и китайском. Китайские авторы исходят из того, что физическая культура как общемировое явление имеет региональные и национальные особенности, что обуславливает интерес к их изучению в рамках современного высшего образования.

Известный спортивный теоретик Йи Цзяндун рассматривает китайскую физическую культуру с социально-исторической точки зрения, обнаруживая в ней духовные, этические, фольклорные, религиозные, военные элементы национальной культуры китайцев, а также западные заимствования в виде соревновательного, универсального, персонализирующего и развлекательного начал [20, с. 316]. В этом контексте физическая культура Китая выступает диалектическим единством традиций Запада и Востока.

Указанное диалектическое единство разделяется китайским философским сообществом, но разными исследователями интерпретируется по-разному. В целом обнаруживаются два подхода ко времени и условиям его установления. В первом случае западное влияние связывается с европейским колониализмом XIX – начала XX в., который обеспечил проникновение западной физической культуры в страну посредством религиозного миссионерства и новых форм военной подготовки [21, с. 31–35]. Во втором случае данное единство формируется в 1980-е годы в рамках реализации реформ открытости и модернизации Китая в новую эпоху. Рассматривая взаимную интеграцию западной и китайской физических культур в контексте реформ открытости, речь не идет исключительно о перенимании, но скорее о взаимопроникновении, так как в это же время значительно возрастает интерес китайского общества к традиционным китайским видам физической культуры, включая боевые искусства и дыхательную гимнастику.

В начале XXI в. интернационализация высшего спортивного образования становится важным приоритетом национального развития Китайской Народной Республики (КНР), становясь частью таких всекитайских проектов, как «Великое возрождение китайской нации», «Сообщество человеческой судьбы»,

«Здоровый Китай» и «Спортивная держава» [22]. Приоритет общих правил в рамках современного спорта роднит его с проектом «Сообщества человеческой судьбы», который заключается в обеспечении равенства прав при сохранении уважения к национальным особенностям [23]. В практической плоскости спорт выступает одним из направлений общемировой интеграции, а потому является важным элементом реализации инициативы «Один пояс и один путь», в рамках которой подписано большое количество договоров о сотрудничестве и приняты программы академических и молодежных обменов.

Еще одним направлением интернационализации высшего спортивного образования КНР является развитие системы Институтов Конфуция как средства глобального распространения китайской культуры, в том числе ее спортивной составляющей (боевые искусства и традиционная гимнастика). В отчете о глобальном имидже Китая за 2019 год китайская кухня, медицина и у-шу рассматриваются зарубежными респондентами в качестве важнейших элементов национальной культуры китайцев. В связи с этим Чжу Дун отмечает, что современное высшее спортивное и педагогическое образование Китая отличает внимание к обеспечению лингвокультурных компетенций выпускников университетов [24]. Способность высшего спортивного образования быть интернационализированным обуславливает не только возможности национальной спортивной и педагогической сфер адаптировать международные инновации, но и обеспечивать интерес к китайской культуре на мировом пространстве.

Таким образом, общим моментом рассмотрения интернационализации высшего спортивного образования выступает интенция к смене образовательной парадигмы от универсализма к глобальному взаимодействию. Русскоязычные авторы видят такой переход в замене военного соперничества на соперничество в рамках глобальных спортивных соревнований (например, Олимпийские игры). В этой перспективе интернационализация высшего спортивного образования заключается в формировании устойчивой международной среды, служащей повышению качества образования, что в свою очередь улучшает результаты выступлений спортсменов и работы тренеров.

Англоязычные источники скорее сосредоточены на переходе от приоритета распространения европоцентризма к формированию глобальной среды, включающей не только международные спортивные мероприятия, но и международные спортивные университеты. Такая парадигма опирается на смену фокуса образования с идеологического просвещения к формированию компетенций глобального менеджмента, то есть способности выпускника университета работать и быть конкурентоспособным в разных языковых и культурных средах.

Китайские авторы в своих исследованиях ориентируются на переход от глобального влияния к глобальному сотрудничеству, что выражается в смене образовательного фокуса от перенимания к взаимопониманию и взаимодей-

ствию. Новый фокус уже реализуется в различных национальных проектах, включая инициативы «Один пояс и один путь», «Сообщества человеческой судьбы», «Здоровый Китай», и представляет собой интернационализацию в двух основных плоскостях: 1) адаптация международного опыта в целях модернизации собственной спортивной и педагогической сфер, 2) распространение китайской культуры посредством глобального интереса к традиционной физической культуре Китая, включая боевые искусства и традиционную гимнастику.

В целом, определяя важность вклада интернационализации в повышение качества высшего спортивного образования, рассмотренные исследования уделяют недостаточно внимания влиянию отмеченных изменений на социальную модернизацию общества. Вместе с тем для таких развивающихся стран, как КНР, вектор социальной модернизации особенно актуален. В связи с этим следует продолжить исследования не только в аспекте природы и условий диалектического единства влияний Запада и Востока в китайской спортивной культуре, но и последующих эффектов такого единства в отношении развития высшего спортивного образования Китая и общей социальной модернизации китайского общества. Такое осмысление должно реализовываться в рамках популяризации здорового образа жизни и ценности спорта как новой арены глобальной политической конкуренции, а также с учетом реинтерпретации традиционной физической культуры Китая в рамках отражения национальных особенностей китайцев в глазах иностранцев и с точки зрения внутрикитайского понимания сущности и истоков национальной идентичности.

Список использованных источников

1. Филиппов, В. М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы / В. М. Филиппов // Вестн. РУДН. Сер.: Междунар. отношения. – 2015. – № 3. – С. 203–210.
2. Блинова, Е. А. Интернационализация высшего образования в условиях глобализации / Е. А. Блинова // Вестн. ун-та. – 2014. – № 13. – С. 233–240.
3. Wit, H. de. Internationalization of higher education: A study for the European Parliament / H. de Wit ; ed. F. Hunter. – Brussels : European Parliament Policy Department B: Structural and Cohesion Policies, 2015. – 321 p.
4. Stier, J. Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism / J. Stier // Globalisation, Societies and Education. – 2004. – № 2 (1). – P. 83–97.
5. Altbach, P. G. Globalization and the university: realities in an unequal world / P. G. Altbach // Tertiary Education and Management. – 2004. – № 10. – P. 3–25.
6. Knight, J. Updated definition of internationalization / J. Knight // Int. Higher Education. – 2003. – № 33. – P. 2–3.
7. Wit, H. de. Globalisation and internationalisation of higher education / H. de Wit // Int. J. Educational Technol. in Higher Education. – 2011. – № 8 (2). – P. 241–248.
8. Altbach, P. G. The Internationalization of Higher Education: Motivations and Realities / P. G. Altbach, J. Knight // J. Studies Int. Education. – 2007. – № 11. – P. 290–305.

Интернационализация высшего спортивного образования

9. Смоляков, Д. А. Философские основания интернационализации высшего образования / Д. А. Смоляков // *Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук.* – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 135–144.
10. Филонов, В. И. Спорт как важная составляющая политического имиджа государства / В. И. Филонов, А. В. Юдина // *Вестн. ПАГС.* – 2018. – № 4. – С. 103–111.
11. Ароян, А. С. Роль и влияние спорта на национальную безопасность / А. С. Ароян, Е. А. Довгань, Ю. Е. Довгань // *Гос. и муницип. упр. Учен. зап.* – 2019. – № 1. – С. 222–227.
12. Долгова, Д. А. Влияние спорта на международный авторитет государства / Д. А. Долгова // *Актуальные проблемы соврем. междунар. отношений.* – 2017. – № 10. – С. 129–135.
13. Бышевская, А. В. Проблемы социокультурной адаптации студентов-спортсменов, выезжающих на международные соревнования / А. В. Бышевская // *Физ. воспитание и спортив. тренировка.* – 2020. – № 1 (31). – С. 159–164.
14. Бышевская, А. В. Повышение конкурентоспособности образовательной среды вуза в сфере физической культуры и спорта / А. В. Бышевская // *Учен. зап. Ун-та им. П. Ф. Лесгафта.* – 2020. – № 5 (183). – С. 66–70.
15. Грец, Г. Н. Интеграционные процессы высшей школы в спортивной отрасли на евразийском пространстве / Г. Н. Грец, А. В. Юденков, А. В. Бышевская // *Бизнес. Образование. Право.* – 2019. – № 3 (48). – С. 304–311.
16. Fischer-Tine, H. Fitness for Modernity? The YMCA and physical-education schemes in late-colonial South Asia (circa 1900–40) / H. Fischer-Tine // *Modern Asian Studies.* – 2018. – Vol. 53, № 2. – P. 1–48.
17. Masteralexis, L. Enhancing sport management education with international dimensions including language and cultural training / L. Masteralexis, M. McDonald // *Journal of Sport Management.* – 1997. – Vol. 11, № 1. – P. 97–110.
18. Danylchuk, K. The Internationalization of Sport Management Academia: Rising to the Challenge / K. Danylchuk // *Critical Essays in Sport Management.* Routledge / eds.: A. Gillentine, R. E. Baker, J. Cuneen. – New York, 2017. – P. 149–161.
19. Rowe, D. Sport and the Repudiation of the Global / D. Rowe // *International Review for the Sociology of Sport.* – 2003. – Vol. 38, № 3. – P. 281–294.
20. 易剑东. 体育文化学 / 北京体育大学出版社 [Цзяндун И. Физическая культура / Цзяндун И. – М. : Изд-во Пекин. ун-та физ. культуры, 2006. – 352 с.].
21. 苏竞存. 中国近代学校体育史 / 人民教育出版社 [Цзинчунь Су. История школьной физической культуры в новой истории Китая / Цзинчунь Су. – М. : Изд-во народного образования, 1994. – 236 с.].
22. 赵富学. 体育成为中华民族伟大复兴标志性事业的历史递进、现实逻辑与发展愿景 / 西安体育学院学报 [Фусе Чжао. Историческое развитие, коннотационная логика и видение развития спорта как важной причины великого омоложения китайской нации / Фусе Чжао // *Журн. Сиан. ин-та спорта.* – 2021. – Т. 38, № 4. – С. 385–394].
23. 于思远, 刘桂海. 体育与构建人类命运共同体: 机理与路径 / 体育科学 [Сиюань Юй. Спорт и создание сообщество единой судьбы человечества: механизм и путь / Сиюань Юй, Гуйхай Лю // *Журн. спортив. науки.* – 2019. – Т. 39, № 9. – С. 82–88].
24. 朱东, 马克蒂姆, 姜熙. 中西方不同视角下武术国际化发展的现状和未来 / 体育科学 [Дун Чжу. Настоящее и будущее международного развития у-шу с разных точек зрения Китая и Запада / Дун Чжу, Тим Марк, Си Цзян // *Журн. спортив. науки.* – 2010. – Т. 30, № 6. – С. 20–29].

В. А. Максімовіч

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь

**КАНЦЭПТУАЛЬНА-АКСІЯЛАГІЧНЫЯ ДАМІНАНТЫ
Ў КАНТЭКСТЕ АДРАДЖЭНСКАЙ ПАРАДЫГМЫ ТВОРЧАСЦІ
ПАЧАТКУ XX ст.**

З пазіцыі філасофска-культуралагічнага аналізу праведзена абгрунтаванне канцэптuallyна-аксіялагічных дамінантаў як індыхатараў асноўнага сэнсу твора ў фокусе выяўлення каштоўнасных імператываў, іх ролі і значэння як сродку маральнага, сацыяльнага, культурнага і светапогляднага самавызначэння. Сцвярджаецца, што аксіялагічныя дамінанты ўтрымліваюць у сабе кансалідуючы патэнцыял і выступаюць у якасці мастацкай мадэлі сацыяльнага жыцця, лакалізаванага ў канкрэтных сэнсаўтварэннях і канцэптах, што дазваляе вызначыць характар асобнай і мастацкай карціны свету, сфарміраваць уяўленне аб спецыфіцы суб'ектна-аб'ектных адносін у культураадукацыйных працэсах і літаратурна-мастацкіх практыках пачатку XX ст.

Ключавыя словы: канцэптuallyна-аксіялагічныя дамінанты, кансалідацыя грамадства, ідэалагема, нацыянальныя каштоўнасці, камунікацыя, адраджэнскі пафас творчасці, грамадскі ідэал, гістарычная памяць

В. А. Максимович

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

**КОНЦЕПТУАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В КОНТЕКСТЕ
ВОЗРОЖДЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ТВОРЧЕСТВА НАЧАЛА XX в.**

С позиций философско-культурологического анализа проведено обоснование концептуально-аксиологических доминант как индикаторов основного смысла произведения в фокусе выявления ценностных императивов, их роли и значения как средства нравственного, социального, культурного и мировоззренческого самоопределения. Утверждается, что аксиологические доминанты содержат в себе консолидирующий потенциал и выступают в качестве художественной модели социальной жизни, локализованной в конкретных смыслообразах и концептах, что позволяет определить характер личностной и художественной картины мира, сформировать представление о специфике субъектно-объектных отношений в культурообразовательных процессах и литературно-художественных практиках начала XX в.

Ключевые слова: концептуально-аксиологические доминанты, консолидация общества, идеологема, национальные ценности, коммуникация, возрожденческий пафос творчества, общественный идеал, историческая память

V. Maximovich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

**CONCEPTUAL AND AXIOLOGICAL DOMINANTS IN THE CONTEXT
OF THE REVIVAL PARADIGM OF CREATIVITY AT THE BEGINNING
OF THE 20th CENTURY**

From the standpoint of philosophical and cultural analysis, the substantiation of conceptual and axiological dominants as indicators of the main meaning of the work is carried out in the focus of identifying value imperatives, their role and significance as a means of moral, social, cultural and ideological self-determination. It is claimed that in the work of Ya. Kupala axiological dominants contain a consolidating potential and act as an artistic model of social life, localized in specific semantic images and concepts, which allows us to determine the nature of the personal and artistic picture of the world, to form an idea of the specifics of subject-object relations in cultural processes and literary and artistic practices of the early 20th century.

Keywords: *conceptual and axiological dominants, consolidation of society, ideologeme, national values, communication, renaissance pathos of creativity, social ideal, historical memory*

Класічныя творы нязменна пазначаны гуманістычным пафасам, спачуваннем і павагай да чалавека, яго экзістэнцыі, зваротам да вышэйшых каштоўнасцей сацыяльнага парадку, працэсаў самапазнання, самаідэнтыфікацыі, якія адбываюцца ў тым ліку і дзякуючы анталагічнаму і этычнаму патэнцыялу, якім валодае класіка. Менавіта гэта акалічнасць дазваляе гаварыць аб літаратурацэнтрызме беларускай культуры, аб узнікненні ўмоў для духоўнага самавыяўлення нацыі.

У літаратуры пачатку ХХ ст. выразна выявілася жаданне спасцігнуць сутнасныя асновы быцця, раскрыць духоўныя канстанты і рэаліі ўласнай культуры, якія маюць адметнае каштоўнасна-сэнсавае нападзенне.

Варта заўважыць, што вялікім патэнцыялам у выяўленні сістэмы каштоўнасцей, звязаных са светапогляднымі прыярытэтамі творчай асобы, валодае і аксіялагічны аналіз, які закліканы выяўляць эмацыянальна-каштоўнасныя прыярытэты аўтара, устанаўліваць яго адносіны да акаляючага свету і да сябе самога. У мастацкім творы праз прызму вобразна-пачуццёвага ўвасаблення ўзнаўляецца аўтарская карціна свету, якая адлюстроўвае этнічныя, эстэтычныя, этычныя ўяўленні, філасофскія погляды і каштоўнасныя прыярытэты прадстаўнікоў пэўнай супольнасці. Каштоўнасная карціна свету дазваляе выявіць аксіялагічныя прыярытэты аўтара, раскрыць асаблівасці выражэння мастацкага ідэалу, ацаніць свет і сябе ў свеце ў дыхатаміі добра/зла, справядлівага/несправядлівага, належнага/імавернаснага.

Аксіялагічны аналіз заключаецца ў выдзяленні і інтэрпрэтацыі кантэкстаў, што дае падставу меркаваць пра эвалюцыю каштоўнасных сэнсаў прадстаў-

нікоў той ці іншай супольнасці, устанавіць каштоўнасныя каардынаты, працэсы і вынікі ацэначнай дзейнасці чалавека ў моўных практыках, вызначыць аксіялагічныя дамінанты з улікам разнастайных структур і форм іх культурна-гістарычнага ўвасаблення. У нашым канкрэтным выпадку ён звязаны з аналізам мастацкіх твораў, якія характарызуюцца каштоўнасна-сэнсавай ангажаванасцю і маюць цесную сувязь з актуальнымі грамадска-палітычнымі рэаліямі, што прадугледжвае неабходнасць больш уважанага падыходу да ідэнтыфікацыі і трактоўкі іх сэнсавага значэння. Згаданы аналіз мае на ўвазе выяўленне тых каштоўнасцей, якія складаюць і прэзентуюць каштоўнасную карціну аўтара (твора, сістэмы вобразаў-канцэптаў, міфалагем і ідэалагем) дзякуючы сваім кагнітыўна-сэнсавым матывацыйным структурам як выразнікам суб'ектыўна-ацэначных адносін да жыццёвых рэалій, што дае магчымасць вызначыць аксіялагічныя дамінанты асобаснай (аўтарскай) і нацыянальнай каштоўнаснай карцін свету. У тэксце мастацкага твора, як вядома, адсутнічаюць дакладныя дэфініцыі, вызначэнні, фармулёўкі каштоўнасцей, а змяшчаецца «выражэнне перакананняў або вераванняў таго, хто прамаўляе, на аснове яго каштоўнасных матывацыйных адносін... у дыскурсіўнай прасторы...» [1, с. 45]. Праз вобразна-метафарычнае ўзнаўленне жыццёвага матэрыялу аўтар прапануе мастацкі тэзаўрус сваіх каштоўнасцей і такім чынам скіроўвае чытача да таго, каб заняць у адносінах да прапанаванага сваю ўласную каштоўнасную пазіцыю.

Аксіялагічны аналіз прадугледжвае выяўленне аксіялагічных дамінант. Разгледзім дадзенае паняцце больш падрабязна.

Тэрмін «дамінанта» шырока распаўсюджаны ў такіх навукках, як фізіялогія, біялогія, псіхалогія, сацыялогія, практычная педагогіка, лінгвістыка, сучасная псіхалінгвістыка, філасофія, функцыянальная граматыка і г.д. У сувязі з гэтым існуе шмат дэфініцый. У адпаведнасці са слоўнікавым вызначэннем дамінанта – пануючая ідэя, асноўная прыкмета або найважнейшая складовая частка чаго-небудзь, ядро тэксту, індикатар асноўнага сэнсу. Гэта «ядзернае», сутнаснае значэнне з тэксту, якое «нясе самастойную інфармацыю, з'яўляецца індикатарам асноўнага сэнсу» [2, с. 104].

З наўнага тэзаўрусу азначэнняў мы прывядзем толькі тыя з іх, якія так ці інакш звязаны з аналізам мастацкага твора: 1) «...адзін з членаў сінанімічнага раду, які выбіраецца як носьбіт галоўнага значэння, падпарадкоўвае сабе ўсе дадатковыя сэнсавыя і стылістычныя адценні значэння, што выражаюцца іншымі членамі раду» [3, с. 66]; 2) «...кампанент твора, які прыводзіць у рух і вызначае адносіны ўсіх іншых кампанентаў» [4, с. 411]; 3) «...галоўная сэнсавая частка тэксту. Яна выражаецца словамі, на мове ўласных думак, з'яўляецца вынікам перапрацоўкі тэксту ў адпаведнасці з індывідуальнымі асаблівасцямі чытача, выяўлення асноўнай задумы аўтарам, сэнсавага значэння дамінанты» [5, с. 88]; 4) дамінанта тэксту – «узровень пераўтварэння тэксту пасля перакадзіравання прачытанага зместу з дапамогай ключавых слоў і сэнсавых радоў; этап якаснага пераўтварэння тэксту, калі мозг фарміруе паведам-

ленне самому сабе, надаючы яму найбольш зручную і зразумелую форму» [6, с. 123].

Дамінанта як псіхалагічнае паняцце было ўведзена вядомым псіхафізіёлагам А. А. Ухтомскім у 1923 г. Яно (паняцце) азначае часова пануючую (ад лац. *dommare* – пануючы, асноўны, галоўны) рэфлекторную сістэму, ад якой залежыць работа нервовых цэнтраў арганізма ў пэўны адрэзак часу, што ў сваю чаргу задае накіраванасць паводзінам. Паводле А. А. Ухтомскага, дамінанта вызначае не толькі паводзіны арганізма, але і характар успрымання свету [7, с. 35]. Калі ўспрымаць мастацкі твор як непарыўнае адзінства аб'ектыўнага і суб'ектыўнага, вынік уздзеяння рэальнай рэчаіснасці і ўзнаўленне яе аўтарам (пісьменнікам, мастаком), то аксіялагічная дамінанта, прадстаўленая ва ўмоўна-метафарычнай, сімвалічнай форме, запускае розныя механізмы рэагавання на гэта ўздзеянне, якія актывізуюцца або ўпершыню ствараюцца на аснове гэтай дамінанты, г. зн. вызначаюцца характарам і скіраванасцю мастацкага праламлення грамадскага запыту.

Аксіялагічная мастацкая дамінанта цесным чынам звязана з канцэптуальнай дамінантай «як факусуемым кампанентам мастацкага твора, які трансфармуе, прыводзіць у рух і вызначае адносіны ўсіх іншых кампанентаў» [8, с. 79]. Канцэпты як з'явы культуры, паводле сучасных падыходаў, уяўляюць сабой калектыўныя каштоўнасці, базавыя элементы калектыўнай свядомасці, якія знаходзяць сваё своеасаблівае праламленне ў індывідуальных свядомасцях прадстаўнікоў пэўнай нацыянальнай культуры. Разам з аксіялагічнымі канцэптуальнымі дамінантамі закліканы аказваць свой уплыў на характар успрымання свету, рэцэптыўнае спасціжэнне закладзеных у глыбіннай структуры тэксту ідэй і значэнняў, інакш кажучы, спрыяць далейшаму выхаду рэцыпіента на змястоўна-канцэптуальнае расчытанне ўнутраных сэнсаў наяўнага дыскурсу, уплываючы на працэс фарміравання аксіялагічных канстант сацыякультуры. Пры гэтым варта памятаць, што аўтар у сваім творы адлюстроўвае толькі тыя фрагменты, тыя пазіцыі, якія яму зразумелыя і блізкія, выкарыстоўвае тыя моўныя, стылістычныя элементы, якія напоўнены асобасным сэнсам і найбольш поўна выражаюць эмацыянальны стан, каштоўныя прэрагатывы.

Зыходзячы з гэтага аксіялагічныя і канцэптуальныя дамінанты можна аднесці да стрыжнёвых канцэптаў, якія выступаюць у ролі цэнтральнай, арганізуючай адзінкі канцэптуальнай сістэмы нацыянальна-культурнага і індывідуальна-аўтарскага самавыяўлення. Яны складаюць семантыка-аксіялагічную дамінанту тэксту, а таксама могуць утвараць значныя для яго інтэрпрэтацыі скразныя апазіцыі. У такой трактоўцы гэтыя дамінанты ў большай ступені суадносныя з паняццем ключавых слоў. Ключавыя словы ў мастацкім творы – гэта такія апорныя словы, якія акумуляюць асноўны сэнс тэксту, з'яўляюцца яго семантычным і кампазіцыйным цэнтрам і спрыяюць тым самым вызначэнню галоўных сэнсавых і семантыка-стылістычных канстантаў. Дамінанта

ўспрымаецца ва ўсіх прыведзеных вызначэннях як цэнтр, ядро тэксту, індыкатар асноўнага сэнсу.

Відавочна тое, што ў плане асаблівасцей структурна-кампазіцыйнай пабудовы мастацкага твора паняцце дамінанты ў большай ступені адпавядае такому паняццю, як ключавы элемент тэксту. Асобнае слова, словазлучэнне, выраз або цэлы сказ, якія выступаюць у ролі дамінанты, непасрэдна звязаны з выяўленнем асноўнага сэнсу пэўнай часткі тэксту або цэлага твора. З пазіцыі аксіялогіі дамінанта адлюстроўвае каштоўнасці, якія з'яўляюцца вядучымі фактарамі развіцця гуманітарнай культуры асобы як сродку маральнага, сацыяльнага, культурнага і светапогляднага самавызначэння. Да таго ж гэта тое, што выступае ў ролі сэнсаўтваральнага дэтэрмінанта, маркёра асноўнай ідэі твора, важнага канцэптазначнага складніка, які спрыяе ідэнтыфікацыі яго зместу і праблемнай накіраванасці.

Аксіялагічныя дамінанты ў кантэксце нашага даследавання ў першую чаргу, як было сказана, суадносяцца з адраджэнскай тэматыкай у літаратуры пачатку ХХ ст. Пануючае месца ў ёй займаюць не тыя феномены, што маюць трансэндэнтны, гранічна абстрагаваны характар і суадносныя з імператывам абавязковасці, бяспрэчнасці, а канцэптавыя формы, якія выступаюць у ролі своеасаблівых класіфікацыйна-ацэначных эталонаў, маркёраў. Аксіялагічныя дамінанты змяшчаюць у сябе шматстайныя модусы каштоўнасных адносін, што знаходзіць сваё праламленне ў такіх сэнсава блізкіх паняццях, як мастацкі ідэал, каштоўнасны арыентацыі, каштоўнасная пазіцыя аўтара. З дапамогай прадметна-вобразных сэнсавых словаформаў, што характарызуюцца пэўнай ступенню выражанасці эмоцыягенных маркёраў, прадстаўленых у паэтычнай мове, стылістыцы, рытміцы і строфіцы, пісьменнік стварае сваю мастацкую версію вобраза свету, выказвае ўласнае стаўленне да рэчаіснасці. Вельмі важна, каб гэтыя аксіялагічныя маркёры, якія выступаюць у якасці канцэптазначных ідэалагічных сімвалаў-рэпрэзэнтантаў, карэлявалі з сэнсавым значэннем грамадскага ідэалу, што з'яўляецца важнай перадумовай эмацыянальнай кансалідацыі грамадства. Выяўленая ў тэксце прысутнасць умоўнага плана, сімвалічных дыспазіцый з'яўляецца сігналам, які забяспечвае рух суб'екта інтэрпрэтацыі ад аб'ектыўнай рэальнасці (тэкставых першасных намінацый) да суб'ектыўнай (падтэксту) і далейшаму выхаду на змястоўна-канцэптualaнае выяўленне ўнутрана запатэнцыяваных сэнсаў. Вось чаму для аксіялагічнай дамінанты абавязковай умовай выяўлення сэнсу (сэнсаў) з'яўляецца ўключэнне яе ў кантэкст тэкстуальнасці, г. зн. такіх адносін тэкстаўтваральных элементаў, у якіх кожны з'яўляецца неабходным і гучыць у ансамблевым адзінстве з іншымі.

Варта ў гэтай сувязі падкрэсліць, што аксіялагічныя дамінанты ў мастацкай творчасці, у адрозненне ад аксіялагічных асноў, маюць большую асобную, эмацыянальна-ацэначную афарбаванасць. Гэта не статычныя, канстантныя, што характарызуюцца структурна-сэнсавай «завершанасцю», вобразы,

якія маюць у сваёй аснове інтэнцыянальную быццёва-анталагічную накіраванасць, звязаную з выражэннем вечных тэм і праблем. Падобныя вечныя праблемы маюць месца быць, калі духоўна-эмацыянальным і структурным цэнтрам верша становіцца аўтар твора, які канцэнтруецца перш за ўсё на ўласным духоўным і экзістэнцыяльным вопыце, звяртаецца да самааналізу і самарэфлексіі. У дадзеным выпадку ён у большай ступені імкнецца да самавыяўлення, да раскрыцця свайго ўласнага ўнутранага свету, псіхічнага стану, светапогляду. Акцэнт тут робіцца на лірызацыю вершаванага сюжэту з апорай на свае ўнутраныя каштоўнасныя прыярытэты і інтэнцыі («падзеі свядомасці» па М. Бахціну), на падставе якіх фарміруецца карціна навакольнага свету, што ўвасабляецца ў мастацкім тэксце. Мастак як бы самаізаляецца, цалкам захоплены рэфлексіяй, адмысловым сузіраннем свайго ўнутранага стану, які ў дадзены момант замяшчае яму ўвесь свет.

Аксіялагічныя дамінанты, якія ўзнікаюць з прычыны суб'ектна-аб'ектнага падыходу, наадварот, закліканы выражаць сацыяльна значныя, актуальныя сэнсы, будучы ўмоўна-метафарычнымі выразнікамі «долі людскай» / грамадска-гістарычнай сітуацыі, адлюстроўваючы ідэі і думкі сваіх сучаснікаў і прэзентуючы мастацкую карціну ўзаемазвяззей і ўзаемаадносін з'яў аб'ектыўнай рэальнасці. Таму дапушчальна сцвярдзенне, што аксіялагічныя дамінанты выступаюць у якасці мастацкай мадэлі сацыяльнага жыцця, лакалізаванага ў канкрэтных сэнсавобразах і канцэптах. У іх знаходзяць сваё мастацкае прапаламленне супярэчнасці і канфлікты ў дынаміцы сацыяльнай рэальнасці праз раскрыццё ўнутранай энергіі разважанняў і перажыванняў творчай асобы, якая ў сілу сваёй крэатыўнай прыроды імкнецца спасцігнуць сутнасць сацыяльных чаканняў па ўсталяванні справядлівых правілаў грамадскага сужыцця. У ідэале аксіялагічныя дамінанты, уяўляючы сабой прыватны выпадак сцвярдзення сапраўднай духоўнай каштоўнасці, заключаюць у сабе гіпатэтычную магчымасць пераходу грамадства на больш высокі ўзровень культуры і цывілізацыі.

Стаўленне аўтара да адлюстраванага ў творы раскрываецца праз сістэму суб'ектна-аб'ектных і інтэрсуб'ектных узаемаадносін. Гэта заўвага, на наш погляд, адыгрывае канцэптуальную ролю пры вызначэнні асновасутнасных характарыстык аксіялагічнай дамінанты мастацкага твора. Патэнцыйная прысутнасць у творы аксіялагічнай дамінанты мае на ўвазе магчымасць выхаду на дыялагічную платформу, зварот да «іншага» («іншых»), вострую неабходнасць у наладжванні духоўна-інтэлектуальнага дыялагічнага кантакту аўтара з «іншым» (рэцыпіентам – чытачом – слухачом – лакацыяй людзей – грамадствам). Такі кантакт неабходны ў сілу празмернай актуальнасці, грамадскай значнасці прапанаванай для абмеркавання праблемы, якая не проста ставіцца, а патрабуе свайго апэратыўнага вырашэння, ажыццяўлення, увасаблення ў рэальным жыцці.

Пераважнымі канцэптуальна-аксіялагічнымі дамінантамі (канцэптуальныя і аксіялагічныя дамінанты мэтазгодна разглядаць у якасці сумежных паняццяў і ўніверсальнай аднаго ментальнага, кагнітыўнага ўзроўню) у беларускай літаратуры пачатку ХХ ст. становяцца мастацкія ідэалагемы свабоды і волі. Яны выступаюць у ролі шматузроўневых канцэптаў, у структуры якіх актуалізуюцца ідэалагічна маркіраваныя канцэптуальныя прыкметы, што заключаюць у сабе вольналюбівыя памкненні нацыі і народа. «Свабода і воля – ключавыя словы ў мастацкім лексіконе двух волатаў беларускай літаратуры – Янкі Купалы і Якуба Коласа. У іх творчасці гэтыя словы-паняцці вельмі цесна суседнічаюць і ўнутрана ўзаемазвязваюцца з балючай, клопатнай думкай пра лёс і жыццё заняволенага народа і чалавека» [9, с. 107], – слухна заўважае В. П. Жураўлёў.

Па сцвярджэнні даследчыкаў, ідэалагема як светапоглядна насычанае абагульняючае паняцце рэпрэзентуе базавыя ідэалагічныя ўстаноўкі і каштоўнасці і з прычыны гэтага мае важнае значэнне для ідэнтыфікацыі энсасавага зместу тэксту [10, с. 34]. Так, Н. І. Клушына разумее пад ідэалагемай «цэнтральнае паняцце публіцыстыкі», «адзінку камунікатыўнай стылістыкі», «базавую інтэнсіўнальную катэгорыю публіцыстычнага тэксту і публіцыстычнага дыскурсу», якая задае «пэўны ідэалагічны модус любому публіцыстычнаму тэксту»; нарэшце, ідэалагема, разгледжаная ў парадыме камунікатыўнай стылістыкі, – гэта «асноўная аўтарская ідэя, якая мае палітычнае, эканамічнае або сацыяльнае значэнне, дзеля якой ствараецца тэкст» [11, с. 38–39]. А. Р. Малышава асабліва падкрэслівае, што «ідэалагема як ментальная адзінка характарызуецца нацыянальнай спецыфічнасцю, дынамічнасцю семантыкі, павышанай аксіялагічнасцю, частотнасцю і разнастайнасцю спосабаў рэпрэзентацыі знакамі розных семіятычных сістэм, у тым ліку і моўнай. Ужыванне вербальных маркёраў ідэалагемы – ключавага слова, клішэ, устойлівых метафар і пад. – з’яўляецца адным са спосабаў яе моўнай рэалізацыі» [10, с. 35].

Ярка выражанай «ідэалагемнай» скіраванасцю характарызуецца верш Янкі Купалы «Ворагам Беларускай». Гэта адзін з найярчэйшых ранніх узораў публіцыстычна-пафаснай патрыятычнай лірыкі паэта, канцэнтраванае выяўленне агульнанародных ідэалаў, мастацкае абгрунтаванне запытаў перадавых сіл нацыянальна-вызваленчага руху ў Беларусі. Праз сістэму настойлівых пытанняў і сцвярджалых адказаў паэт выказвае сваё ўнутранае перакананне ў перамозе справядлівых патрабаванняў народа па ўсталяванні цывілізацыйных асноў жыццядзейнасці. Верш адрозніваецца строга вытрыманай інтанацыйна-сінтаксічнай формай арганізацыі паэтычнай мовы, унутранай раскаванасцю і эмацыянальнай экзальтаванасцю выказвання, павышанай маўленчай градацыяй. Аксіялагічныя прыярытэты аўтара раскрываюцца дзякуючы ўнушальнаму паэтычнаму рэгістру метафар і ўвасабленняў («Напасцю, лаянкай напраснай / Грудзей не варта мазаліць! / Не пагасіць вам праўды

яснай: / Жыў беларус і будзе жыць»), праз сістэму эпітэтаў («Не столькі “хамскія”
натуры / На карках вынеслі сваіх! / І свіст даносчыкаў пануры, / Паверце,
не запудзіць іх!» [12, с. 134]). У наступнай частцы верша назіраецца эфект
спадзення напружання, на змену яму ідзе рытмічна сцвярдзальная інтанацыя,
якая месцамі мяжуе з інтанацыяй клічнай, жыццесцвярдзальнай, што змяшчае ў сабе момант найвышэйшай эмацыянальнай кульмінацыі, з прыкметнымі
ноткамі патэтычна-ўрачыстага крэшчэнда. Заключная страфа скандэнсавала ў сабе ўсю сілу аптымістычнай упэўненасці паэта ў перамогу светлага пачатку: «К свабодзе, роўнасці і знанню / Мы працярэбім сабе след! / І будзе ўнукаў панаванне / Там, дзе сягоння плача дзед!» [12, с. 134].

Красамоўнай прайвай «стратэгіі абуджэння», удасканалення сродкаў эстэтычнага і псіхалагічнага ўздзеяння на рэцыпіента выступае настойліва паўтаральны зварот паэта да ўсяго комплексу грамадзянскіх пачуццяў, маральных і этычных каштоўнасцей. Пра гэта сведчыць шырокая і багатая вобразная палітра твораў. Здавалася б, на самым прадвесні ХХ стагоддзя, калі Беларусь спакваля пачала заяўляць пра сябе словамі яе песняроў, Янка Купала ў вершы «Маладая Беларусь» («Гэй ты, гэі, Беларусь, маладая старонка...» (1909)) прароча апавяшчаў пра спраўджаную волю і славу Беларусі, якая паўстала «не з вясёласці яснай, не з ясных палацаў, / А з канаючай крыўды ў пахіленай хатцы, / Вызываная праўдай, таптанай, жывой...» [13, с. 47]. Нястрымнае і непераможнае жаданне ашчаслівіць людзей, напоўніць іх сэрцы «гартам, надзеяй», паказаць «ім жыцця іх праўдзіву зару», дапамагчы ім выйсці з хітрасплеценага лабірынта беспрасвецця, векавечнага заняпаду, занядбанна свайх праў і свабод, збудзіцца ад летаргічнага сну, бяспамяцтва і безнадзейнасці было галоўным унутраным стымулюючым фактарам жыццятворчасці паэта.

Першаступеннай станавілася задача мастацкім словам узварухнуць, абудзіць гістарычна прыспаную свядомасць народа з тым, каб наладзіць з ім духоўную дыялагічную сувязь, заклікаць да суразмоўя, да супольнага супрацьстаяння жыццёвым злыбедам, да пошукаў светланосных шляхоў у будучыню. Выпрацоўка стрыжнёвага нацыянальнага ідэалу стала зладзённым патрабаваннем часу і аб'ектыўнай гістарычнай заканамернасцю. Толькі супольнымі намаганнямі, пры ўмове кансалідацыі ўсяго грамадства можна было дасягнуць мэты.

Разам з тым творчая свядомасць Янкі Купалы характарызуецца катэгарычнай нязгодай з такім станам рэчаў, калі людзьмі авалодвае апатыя, страх, роспач, абьякавае звыканне з жыццёвым бязладдзем. Паэт заклікае да гатоўнасці рашучага супрацьстаяння неспрыяльным, гнятлівым абставінам, да выказвання сваёй нязгоды з гістарычнымі рэаліямі нацыянальнага заняпаду. У вершы «Беларускія сыны», напісаным у рэчышчы адраджэнскага пафасу, уласна словазлучэнне «беларускія сыны» набывае ў кантэксце паэтычнага цэлага канцэптазначнае гучанне, наўпрост звязанае з працэсам выпявання нацыянальнай

ідэі, што знайшло сваё канкрэтнае ўвасабленне ў імкненні да незалежнай дзяржавы, раўнапраўнага існавання паміж Захадам і Усходам, у паслядоўным выражэнні нацыянальнай апазіцыі чужому панаванню і вернасці прынцыпам нацыянальнай незалежнасці Беларусі.

Вобразам-антыподам «беларускім сынам» у купалаўскіх творах выступае не толькі чужынец, але і чужак: «<...> ў нашым краі пануе чужак» («На нашым...», 1919), «разбойны чужаніца» («Свайму народу», 1918), «чужыя бадзякі» («Паўстань...», 1919), «сусед паганы» («Як цені», 1918), «паганцы», суседзі, якія «нябожна паганьбілі нас» («На біблейныя матывы», 1920), «груганы», што «продкаў косці рвуць» («На сход!», 1918) і іншыя пярэратыўныя (якія маюць негатыўную ацэнку) фрагменты канатацыі.

Як мы бачым, аксіялагічныя дамінанты, якія ўяўляюць сабой пераважна мастацкае выражэнне грамадска значнага эквіваленту, могуць быць абумоўлены і крызіснымі зрухамі ў свядомасці творчага суб'екта, які перажывае глыбінныя душэўныя ўзрушэнні. Але і ў гэтым выпадку падобныя душэўныя афекты інспіраваны знешнімі прычынамі, абумоўлены ў большай ступені дынамічна-хаатычным характарам грамадскіх працэсаў.

Ступень адэкватнага мастацкага ўзнаўлення ўнутраных узрушэнняў шмат у чым залежыць ад светапогляднага фактару, сістэмы перакананняў і прыярытэтных ідэалагем самога аўтара. Як правіла, у лірыка-публіцыстычных творах, дзе выразна можна акрэсліць, структураваць сістэму аксіялагічных дамінант, важнае значэнне набывае камунікатыўны аспект, звязаны з мадэляваннем грамадскіх ідэалаў і каштоўнасцей, якія маюць практыка-арыентаваны характар. Пры гэтым аўтары звяртаюцца да розных мастацкіх стратэгіяў у вырашэнні сацыяльна-псіхалагічных канфліктаў, дэманструюць свае пазіцыі ў абарону чалавечай годнасці, сваё непрыманне тыраніі і гвалту. Падобную «мяцежную» лінію можна прасачыць у творчасці Янкі Купалы, цесна спалучанай з каштоўнасцямі, г. зн. духоўным перажываннем свайго быцця ў свеце, непазбежным зваротам да экзістэнцыяльных, сэнсажыццёвых, нацыянальных аспектаў быцця. Літаратура, мастацтва, як гэта бачылася Купалу, павінны спрыяць сацыяльнай, грамадзянскай актыўнасці мас, усведамленню імі сваіх законных праў і свабод, магчымасці творчай самарэалізацыі.

З літаратурай, якая непасрэдна заключае ў сабе кансалідуючы пачатак, найпрост звязаныя культурныя пераўтварэнні, закліканыя змяніць духоўны свет чалавека. Менавіта ўсведамленне датычнасці да адзінай сацыякультурнай прасторы было істотнай першапрычынай духоўнай інтэграцыі грамадства, яго эвалюцыі і далучэння да заваёў чалавечай цывілізацыі. Я. А. Гарадніцкі справядліва заўважае, што ў паэзіі Янкі Купалы першага дзесяцігоддзя XX ст. «у яшчэ большай ступені разгортваецца шматгалоссе, у якім увасабляюцца чаканні і надзеі беларусаў як нацыі, якая ў гэты час імкнецца заняць годнае

месца між іншымі народамі, сцвердзіць сваё неад’емнае права на паўнату нацыянальнага быцця. Купалаўскі лірычны голас у многіх выпадках зліваецца або цесна пераплятаецца з галасамі яго шматлікіх і шматаблічных герояў, прадстаўляючы калектыўную самасвядомасць народа ў яе эстэтычных праявах» [14, с. 95].

Вялікія надзеі паэт ускладаў на моладзь, з якой ён звязваў будучыню роднага краю, выказваючы ўпэўненасць, што толькі яна абудзіць «прыспаныя сілы» і пакліча «на вольны прастор». З моладдзю звязвалася адначасова цяжкая, але і ганаровая задача зрабіць свой народ сапраўдным гаспадаром роднай зямлі, чаго не здолелі дамагчыся ранейшыя пакаленні: «Ты на бацькоўскім, моладзь, кургане / Узнясеш незадабыты пасад, / Што расточыць сваё панаванне / На ўвесь край, дзе сягне твой пагляд» [15, с. 190–191]. Верш мае шмат імператыўных канструкцый, у якіх выяўлены гістарычны аптымізм паэта ў правату святой справы адраджэння Радзімы: «Схамянайся ж ты, моладзь арліна! / Ў бок другі віхры веяць прымуць, / Бяры светач, ідзі за судзьбінай, / Ідзі з словам святым: Беларусь!» [15, с. 191].

Янка Купала з самага пачатку сваёй працы на ніве беларускага адраджэння ставіў сабе грандыёзную задачу, якая звязвалася з нацыянальным будаўніцтвам, з ліквідацыяй любых формаў адчужанасці, варожасці, адасобленасці – усяго таго, што перашкаджала нацыянальнай кансалідацыі, працэсу набыцця нацыянальнай ідэнтычнасці, ідэнтыфікацыі. Без усякага сумнення, літаратура, уласна творчасць мелі для яго надзвычайную сацыяльную важкасць у плане фарміравання грамадскай свядомасці, вызначэння свайго жыццёвага статусу, сваіх адносін да самых розных фактаў і рэалій рэчаіснасці.

У цэнтры ўвагі беларускага класіка нязменна стаялі пытанні нацыянальнага самавызначэння, нацыянальнай ідэнтыфікацыі, наладжвання і ўдасканалення ўсіх сфер грамадскага жыцця. Думка паэта ўсё больш схілялася да таго, што ў грамадскім развіцці павінны адбыцца нейкія істотныя перамены, якія пераканаюць чалавека ў тым, што многае ў яго жыцці залежыць не толькі ці не столькі ад нейкага непераадольнага фатуму, недарэчных выпадковасцей або дзеянняў стыхійных сіл, колькі ад яго самога. Купала надаваў велізарнае значэнне суверэннай асобе, якая ўсведамляе сваю чалавечую годнасць як найвышэйшую каштоўнасць. Разняволеная творчая асоба, для якой арганічна ўласціва пачуццё свайго гонару, годнасці і маральнай адказнасці і якая ўсведамляе сваю ўнікальнасць і права на фарміраванне, развіццё, самараскрыццё і запатрабаванасць сваіх творчых сіл, у мастацкай канцэпцыі паэта ўвасабляла сабой ўзор дзейсна-пазітыўнага развіцця ўсіх грамадскіх бакоў жыцця.

Згодна з Купалам, літаратура – гэта магутны сродак камунікацыі, наладжвання дыялогу з людзьмі, з народамі, незаменная магчымасць праз мастацкае слова выказаць самае набалелае, глыбіннае, сутнаснае, абудзіць нацыянальную

свядомасць, гістарычную памяць, акрэсліць духоўныя арыенціры. Для паэта сутнасна важным з'яўлялася тое, каб яго творчасць была адэкватна ўспрынята людзьмі, якія належаць да адной этна-нацыянальнай і культурнай прасторы, каб яна стала арганічнай часткай іх жыццёвага вопыту.

Для Прарока беларускага адраджэння асаблівую значнасць набывала праблема паэтычнага адрасата, здольнасць, унутраная настроенасць чытача з народа зразумець змястоўнае, праблемнае напаўненне яго твораў, спасцігнуць сутнасць выказанага. Паэт быў вельмі зацікаўлены ў фарміраванні адзінай культурна-камунікатыўнай прасторы, якая б выяўляла, генерывала ідэю адзінства, узаемасувязі, пераемнасці ўсіх складнікаў сацыяльнага арганізму. Па яго глыбокім перакананні, усведамленне далучанасці кожнага суб'екта да адзінай культурнай прасторы адкрывае магчымасць дасягнуць адзінства поглядаў, сумеснага дзеяння ў кірунку рашэння найважнейшых задач культурнага і дзяржаўнага будаўніцтва. Адзінае культурнае поле было заклікана спрыяць фарміраванню індывідуальнай і нацыянальнай самасвядомасці і дазваляла актывізаваць унутраныя рэзервы і накіраваць іх на стваральную дзейнасць. Мастацкае слова, пры адсутнасці іншых форм грамадска-культурнай практыкі, насамрэч брала на сябе інтэграцыйныя функцыі, звязаныя са стварэннем нацыянальнай карціны свету, мастацкай панарамы культурна-гістарычнага працэсу, з выяўленнем маральна-духоўных імператываў і каштоўнасцей, пазнавальна-рэфлексіўных інтэнцый, вызначэннем агульнай культурабудаўнічай стратэгіі, здольнай забяспечыць паўнаватаснае і поўнафарматнае існаванне ўсіх грамадскіх інстытутаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов / Е. Ф. Серебrenникова [и др.]. – М. : Тезаурус, 2011. – 352 с.
2. Тороп, П. Тотальный перевод / П. Тороп. – Тарту : Науч. поиск, 1995. – 256 с.
3. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 99 с.
4. Мукаржовский, Я. Литературный язык и поэтический язык / Я. Мукаржовский // Пражский лингвистический кружок : [сб. ст.] / сост. Н. А. Кондрашов. – М. : Прогресс, 1967. – С. 406–432.
5. Андреев, О. А. О «новой реальности» языкознания / О. А. Андреев // Филологические науки. – 1984. – № 4. – С. 80–92.
6. Доминанта // Словарь лингвистических терминов / В. Н. Ярцева [и др.]. – М. : Akademia, 2001. – С. 52.
7. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб. : Питер, 2002. – 448 с.
8. Шумейко, Ю. А. Концептуальная доминанта в лингвокультуре и художественном тексте / Ю. А. Шумейко // Заметки ученого. – 2016. – № 1. – С. 79–80.
9. Жураўлёў, В. П. У пошуках духоўных ідэалаў: на матэрыяле беларускай літаратуры XIX – пачатку XX ст. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; пад рэд. У. В. Гніламёдава / В. П. Жураўлёў. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 191 с.

Канцэптуальна-аксіялагічныя дамінанты ў кантэксце адраджэнскай парадгмы

10. Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева // Полит. лингвистика. – 2009. – № 4(30). – С. 32–40.
11. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста: (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Клушина. – М., 2008. – 62 с.
12. Купала, Я. Поўны збор твораў : у 9 т., 10 кн. / Янка Купала. – Мінск : Маст. літ., 1995–2003. – Т. 1 : Вершы, пераклады, 1904–1907 / прадм. У. Гніламёдава. – 1995. – 462 с.
13. Купала, Я. Поўны збор твораў : у 9 т., 10 кн. / Янка Купала. – Мінск : Маст. літ., 1995–2003. – Т. 2 : Вершы, пераклады 1908–1910. – 1996. – 342 с.
14. Гарадніцкі, Я. А. Па абодва бакі тэксту: увасабленні, інтэрпрэтацыі / Я. А. Гарадніцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 272 с.
15. Купала, Я. Поўны збор твораў : у 9 т., 10 кн. / Янка Купала. – Мінск : Маст. літ., 1995–2003. – Т. 3 : Вершы, пераклады 1911–1914. – 1997. – 342 с.

В. В. Фурс

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕДИАКУЛЬТУРЫ В ЦИФОВУЮ ЭПОХУ**

В статье представлен обзор основных черт медиакультуры в цифровую эпоху, в частности визуальности и трансмедийности. Предпринята попытка ревизии структурно-семиотического подхода для определения его релевантности в исследовании феноменов трансмедийного сторителлинга и трансмедийности. Представлен обзор ключевых областей гуманитарного знания, в которых структурно-семиотический подход получил наибольшее распространение, а также критика притязаний структурализма на создание новой онтологии, предпринятая в работе Умберто Эко «Отсутствующая структура». Рассмотрены перспективы междисциплинарных исследований в области гуманитарного знания – теории коммуникации, визуальной культуры и анализа дискурса. Представлены изменения культурного и исследовательского ландшафта, связанные с возникновением новых медиа. В частности, анализируются понятия конвергентной и партиципаторной культуры, проводится различие между ними, основное же внимание уделяется феномену трансмедийности и особенностям структурно-семиотического подхода к его исследованию.

Ключевые слова: *структурно-семиотический подход, конвергентная культура, партиципаторная культура, трансмедийный сторителлинг, трансмедийность*

V. Furs

Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**STRUCTURAL-SEMIOTIC APPROACH TO THE MEDIA CULTURE STUDIES
IN THE DIGITAL ERA**

The article provides an overview of the main features of media culture in the digital era, in particular, visuality and transmedia. An attempt was made to revise the structural-semiotic approach to determine its relevance in the study of the phenomena of transmedia storytelling and transmedia. Provides an overview of the key areas of humanities in which the structural-semiotic approach has received the greatest distribution, as well as a critique of the ontological structuralism made by Umberto Eco's in "The Absent Structure". Examines the prospects for interdisciplinary research in the field of humanities – communication theory, visual culture and discourse analysis. Presents the changes in the cultural and research landscape associated with the emergence of new media. In particular, the concepts of convergence and participatory culture are analyzed, a distinction is made between them, while the main attention is paid to the phenomenon of transmedia and the peculiarities of the structural-semiotic approach to its study.

Keywords: *structural-semiotic approach, convergence culture, participatory culture, transmedia storytelling, transmediality*

Введение

Современная медиакультура, основанная на широком использовании интернет-технологий, существенным образом изменила культурный и социальный ландшафт. С распространением новых медиа появляются новые формы взаимодействия, требующие серьезного осмысления. В настоящее время массовую коммуникацию уже невозможно рассматривать как линейный, однопользовательский процесс передачи информации от производителя к потребителю. Слияние отдельных медиаиндустрий в более крупные медиакорпорации вносит существенные изменения в понимание интеллектуальной собственности и авторских прав, а также ломает старую систему лицензирования. Возникает новая, конвергентная культура, в которой медиаконтент транслируется через многочисленные медиаплатформы. Одновременно с конвергенцией медиаиндустрий происходит и конвергенция потребителей, которые из анонимной, разобщенной и разбросанной в географическом отношении аудитории превращаются в сообщества единомышленников, предпринимающих совместные усилия по поиску информации и ее дальнейшему распространению. Активность членов аудитории позволяет говорить о культуре участия, а потребители медиаконтента сами становятся его производителями (просьюмерами).

Гуманитарное знание и проблема метода: структурализм

Еще в 30-е годы XX в. Э. Гуссерль в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» высказал озабоченность статусом философии. Позиция, определяемая немецким философом как «позитивистская редукция науки к науке всего лишь о фактах» [2, с. 19] выводит из поля научного (=объективного) исследования вопросы, которые «являются животрепещущими для человека, подверженного в наши злосчастные времена крайне судьбоносным превращениям: вопросы о смысле или бессмысленности всего этого человеческого вот-бытия» [2, с. 20]. Это противостояние между философией как общим фундаментом частных наук, придающим смысл наукам о фактах, скрепляющим и обеспечивающим их общей целью, составляет предмет размышлений философа.

Между тем сама специфика гуманитарного знания делала невозможным искусственную пересадку методов точных наук: требовался метод, при помощи которого можно было бы выявить общие закономерности и одновременно сохранить уникальность того или иного объекта. Одной из попыток преодоления описательного характера гуманитарного знания стал структурализм. Возможность противопоставления в рамках речевой деятельности языка как явления коллективного, социального и речи как индивидуального акта «воли и понимания» позволила швейцарскому лингвисту Ф. де Соссюру определить язык как систему знаков и выявить его сущностные характеристики. Высказанная же им идея относительно возможности создания семиологии как науки,

изучающей жизнь знаков в обществе, стала определяющей для дальнейшего распространения структуралистской методологии на различные области гуманитарного знания.

Знакомство с идеями Ф. де Соссюра позволило французскому исследователю К. Леви-Строссу применить методы структурной лингвистики для анализа систем родства, выявить структуру мифов и в целом преодолеть описательный характер этнографии, преобразовав ее в этнологию.

Выявление бинарных оппозиций между элементами внутри системы родственных отношений явилось лишь отправным пунктом для распространения структуралистской методологии на различные области гуманитарного знания. Не ограничиваясь лишь системами родства, французский ученый попытался выявить и другие оппозиции, наиболее глобальной из которых оказалась оппозиция Природы и Культуры. Опираясь на работы Э. Дюркгейма и М. Мосса, К. Леви-Стросс обосновал важность феномена запрета инцеста, рассматривая его в качестве феномена одновременно биологического и социального, который знаменовал переход от природного существования к культурному.

Как указывает в «Истории структурализма» Ф. Досс, «леви-строссовский переворот заключается в де-биологизации феномена, в изъятии его одновременно из схемы простого кровосмешательства и этноцентристских моральных рассуждений. Структуралистская гипотеза производит здесь смещение объекта для того, чтобы восстановить в нем в полной мере его трансактивный, коммуникативный характер, который устанавливается с брачным союзом. Он делает отношения родства первичной основой социального воспроизводства» [8, р. 37–38].

Структурализм с его идеей абстрактных моделей, которые созданы на основе выявления константного набора связанных устойчивыми отношениями элементов, оказался методом, пригодным для сведения к общему знаменателю разрозненных фактов, накопленных в этнографии, искусствоведении, литературоведении, психоанализе и даже в философии.

Так, в литературоведении структурализм позволил сместить акцент с фигуры автора как центра всех смыслов, транслируемых через литературное произведение, на само произведение, замкнутый универсум, все элементы которого неслучайны, а повествуемые события связаны между собой строгой логикой причинно-следственной связи. Еще в «Морфологии волшебной сказки» В. Проппа [4], предвосхитившего структуралистское литературоведение и оказавшего несомненное влияние на него, был строго очерчен круг действующих лиц и предложена последовательность выполняемых ими функций. Знаменательным событием для закрепления структуралистской методологии в исследованиях массовой культуры (уже не только в области художественной литературы, но и кинематографа) стал выход в 1966 г. № 8 журнала «Коммюникасьон» («Communications»). В опубликованной в этом номере статье «Введение в структурный анализ повествовательных текстов» французский семиолог

Р. Барт, опираясь на теорию уровней, описанную Э. Бенвенистом в рамках лингвистики, устанавливает гомологию между предложением (как единицей лингвистики) и текстом, полагая, что «со структурной точки зрения всякий повествовательный текст строится по модели предложения, хотя и не может быть сведен к сумме предложений...» [1, с. 200]. Продолжая аналогию с системой языка, Барт говорит об уровнях повествовательного текста и о двух классах единиц (функциях как дистрибутивных единицах и индексах как единицах интегративных). Операция по вычленению дистрибутивных единиц в повествовательном тексте позволяет продемонстрировать закономерность поведения персонажей и неслучайность описываемых событий: каждый выбор, осуществляемый персонажем из как минимум двух возможных вариантов, является звеном в повествовательной цепочке. Изъятие хотя бы одного звена из такой цепочки рискует нарушить всю повествовательную логику. В представленной Р. Бартом концепции чередования дистрибутивных единиц повествовательного текста прослеживается очевидная аналогия с коммуникацией «человек – компьютер»: предлагаемый компьютерной программой выбор из нескольких возможных действий детерминирует следующий этап этой коммуникации.

Рассмотрение структурной лингвистики в качестве модели для исследования других знаковых систем культуры получило название лингвосемиотики. В рамках лингвосемиотической парадигмы любое явление рассматривалось как разновидность текста, способного подвергаться членению на отдельные единицы. Между тем, попытки механического переноса лингвистических понятий на область визуальных высказываний, проведение аналогий между так называемыми естественными языками и языками, планом выражения которых служили визуальные образы, продемонстрировали определенную ограниченность такого подхода. Камнем преткновения, в частности, стало понятие артикуляции. Определяя язык через обязательное наличие устойчивого двойного членения (артикуляции), не предполагающего замены единиц одного уровня единицами другого уровня, К. Леви-Стросс допускал возможность говорить о языках искусства. В частности, это допущение касалось фигуративной живописи и тональной музыки, в то время как в нефигуративной живописи можно было выделить лишь единицы первого членения. У. Эко, выявивший это противоречие в рассуждениях К. Леви-Стросса, подверг сомнению обязательное наличие двойного членения в силу существования коммуникативных кодов с различными типами членения либо вообще без артикуляции, а также кодов, в которых уровни артикуляции не являются неизменными [7, с. 147]. Во избежание терминологической путаницы У. Эко предложил оставить название «язык» за словесными кодами (то есть кодами с бесспорным двойным членением), тогда как за всеми прочими знаковыми системами закрепить название «код» [7, с. 148].

Парадоксальным образом эффективность структуралистского метода оказалась возможной в силу изъятия «человеческой» компоненты из гуманитарного познания: идея о безграничной власти «структур» и, как следствие, «децентрация субъекта» / смерть человека / смерть автора. Так, французский философ, теоретик культуры и историк М. Фуко выдвинул тезис о смерти человека как сосредоточия, источника всех смыслов и последовательно продвигал идею, особенно в работах археологического и генеалогического периодов своего творчества, о власти структур – как в науке, так и в общественной жизни. В «Археологии знания» он определил субъекта в качестве «позиции, которую может и должен занимать любой индивид, чтобы быть субъектом высказывания» [9, р. 126], что означало предзаданность всех речевых манифестаций индивида, его подчиненность порядку дискурса.

Увлеченность представителей гуманитарных и социальных наук структуралистской парадигмой, предлагавшей видение мира в оптике бинарных оппозиций, была критически осмыслена в работе У. Эко «Отсутствующая структура». Одним из ключевых тезисов, выдвинутых автором в предисловии к данной работе, объединившей его исследования по визуальной семиотике, уже публиковавшиеся ранее по отдельности, является критика ряда французских структуралистов (прежде всего, К. Леви-Стросса) в их стремлении трансформировать структурализм из общегуманитарной методологии в философию. «Дело в том, – пишет У. Эко, – что как раз во Франции и возобладало желание скрыть тот факт, что структурализм – это метод, и очень плодотворный, выдав его – более или менее осознанно – за некую философию, видение мира, онтологию» [7, с. 6]. «Онтологический структуралист», как называет У. Эко К. Леви-Стросса, последовательно выявляя структуры, стремится дойти до некоторого предела, обнаружить «структуру структур», «код кодов», «Пра-код», «Пра-систему», которая, присутствуя во всякой семиотической манифестации, подтверждает существование некоего потаенного начала. Однако, полагает автор указанной книги, если такая Пра-система существует, то она уже не может быть системой, и даже если бы это и было так, то ее невозможно было бы обнаружить.

«Философским следствием признания Пра-системы, – заключает У. Эко, – будет отрицание структурного метода в качестве метода познания реальности. Если структурный метод опирается на Пра-систему, тогда реальность, опознаваемая в качестве структуры, есть псевдореальность и никакие структурные модели Истине ни к чему. Структурные модели только маскируют Истину» [7, с. 12]. Онтологический структурализм попадает в расставленную им самим ловушку: «Если Последняя Структура существует, то она не может быть определена: не существует такого метаязыка, который смог бы ее охватить. А если она как-то выявляется, то она – не Последняя» [7, с. 24].

Между тем этот тезис не должен стать источником пессимизма и поводом отказаться от попыток исследовать язык. Это, скорее, повод для того, чтобы

отказаться от «онтологического структурализма» и поиска Пра-кода, от констатации незыблемости структур и принять постструктуралистскую идею о подвижной структуриации. «Всякое исследование структур коммуникации выявляет не какую-то залегающую в глубине структуру, а отсутствие структуры, локус непрестанной “игры”» [7, с. 23].

Критическая позиция, занимаемая У. Эко, касается не столько структурализма как исследовательского метода, общего для всей области наук о человеке, сколько необоснованности его притязаний на создание новой онтологии. Пришедший на смену структурализму (но не отменивший его) постструктурализм с его установкой на понимание мира как текста, понятием интертекстуальности, а в коммуникативном аспекте – со смещением акцента с источника (адресанта, отправителя) на получателя (читателя, зрителя) – предложил свободу интерпретации как своего рода выход из-под тотальной власти структур и навязываемых смыслов. Косвенным образом эта постструктуралистская установка нашла свое отражение в партиципаторной культуре (культуре участия), о которой речь пойдет в следующем разделе статьи.

Перспективы междисциплинарных исследований: теория коммуникации, анализ дискурса, визуальная культура

По мнению автора данной статьи, при всей жесткости и определенной ограниченности структурализма одной из его несомненных заслуг является преодоление дисциплинарных границ в гуманитаристике и введение в область систематического научного исследования тех объектов, которые прежде оставались за ее пределами либо становились предметом исследования лишь эпизодически.

Эти две тенденции – междисциплинарность и открытость исследовательского поля для новых объектов, – как представляется, оказываются определяющими для научного познания в целом и для гуманитарного познания в частности.

Одним из наиболее очевидных примеров, демонстрирующих слияние этих двух тенденций, является формирование междисциплинарного поля наук об информации и коммуникации на стыке кибернетики, социологии, лингвистики. Методологической основой этих наук стали три модели:

1) *кибернетическая модель* (каноническая схема коммуникативного акта К. Шеннона и У. Уивера, а также идеи Н. Виннера об обратной связи в природе, обществе и в коммуникации человек – машина / машина – машина);

2) *эмпирико-функционалистский подход* (модель коммуникативного акта, предложенная Г. Лассуэллом для исследования массовой коммуникации);

3) *структуралистский метод* (модель коммуникативного акта Р. Якобсона в соотнесенности с шестью функциями языка).

Эффективность междисциплинарного подхода, в результате которого стала возможной общая теория коммуникации, обусловила возникновение и других

междисциплинарных конфигураций – анализа дискурса, визуальных исследований, исследований медиа и пр.

Для каждого из этих новых направлений гуманитарного и социального знания можно выделить следующие характерные черты:

наличие общего предмета исследования (коммуникация/дискурс/визуальность/масс-медиа и т.д.);

применение методов, сложившихся в рамках отдельных дисциплин либо создание нового, кумулятивного, подхода к анализу исследуемого объекта;

создание новых научных школ, объединяющих ученых из различных дисциплин;

институционализация вновь возникших направлений, их закрепление в качестве учебных дисциплин в университетах и колледжах.

Так, в конце 60 – начале 70-х годов XX в. возникает Французская школа анализа дискурса. Опираясь на философские идеи М. Фуко и Л. Алюссера, лингвистику Ф. де Соссюра и психоанализ Ж. Лакана, М. Пешё и другие представители данной школы (лингвисты, социологи, историки) исследовали проявление отношений власти и идеологии в дискурсе. Весьма емкую и точную характеристику данного подхода дал П. Серио, определив его как «психоанализ текста»: «Опираясь на научность лингвистики и на менее твердую научность исторического материализма, следовало раскрыть фундаментальную неустойчивость текстов, которые являются продуктами идеологической работы так же, как сон является продуктом психической работы, подчиняющейся определенным законам. Идет ли речь о неосознанных интересах желания или об интересах какого-либо социального класса, в обоих случаях “аналитик” должен был иметь в качестве предмета своего исследования процесс формирования иллюзии» [5, с. 23].

Позднее, в 90-е годы XX в., возникает еще одна школа – «Критический анализ дискурса», исследовательские методы которой основываются на риторике, лингвистике текста, социолингвистике, антропологии, когнитивных науках, философии, социальной психологии, прикладной лингвистике и т.д.

Также примером может служить такое направление, как «визуальные исследования» (*visual studies*). Говоря о кризисе в традиционном искусствоведении, Н. Мазур отмечает, что во второй половине XX в. происходит расширение объекта искусствоведения: он обогащается за счет искусства повседневности, предоставляемого кинематографом и фотографией, а также за счет «промышленных искусств» – таких как реклама и дизайн. Вместе с расширением объекта происходит и трансформация теоретических основ искусствоведения: произведения искусства, как классического, так и нового, анализируются не только с точки зрения определенных эстетических канонов, но также с позиций левой философии, психоанализа, гендерной теории и пр. Вместе с тем происходившие как в самом искусстве, так и в теории изменения не были поддержаны всеми теоретиками искусства без исключения, что в 1980–1990-е годы привело

к расколу в искусствоведении. Из этого раскола мнений возникло новое направление – «визуальные исследования», или «визуальная культура». Между тем, как отмечает Н. Мазур, среди сторонников этого направления с самого начала не было единства в понимании не только предмета и методов, но и в отношении самого названия: в итоге был предложен вариант «исследования визуальной культуры» [3]. Представленная в статье Н. Мазур панорама современных направлений в исследовании визуальности демонстрирует также и расхождение в вопросе методологии: используются различные методы в зависимости от того, что именно понимается под предметом исследования. Вместе с тем нельзя не признать, что введение визуальности в исследовательское поле является весьма перспективным и плодотворным, позволяя открывать все новые объекты и экспериментировать с методами и концепциями, сложившимися в других сферах гуманитаристики.

Попытка систематизации методов исследования визуального была принята в работе британского философа и писателя Дж. Роуз «Визуальные методологии: введение в интерпретацию визуальных материалов» [14]. Исследователь рассмотрела ряд методологий, позволяющих выявить смыслы, транслируемые при помощи изображений. Дж. Роуз фактически использует понятие коммуникативного акта, что позволяет ей распределить различные подходы по трем большим категориям: производство изображений (отправитель), собственно изображения (сообщение) и аудитория (получатель). Кроме того, в каждой категории автор выделяет три аспекта, или модальности: технологическую, композиционную и социальную [14, р. 13].

Так, исследование технологической модальности производства предполагает, в частности, выявление того, как «технологии, используемые при создании изображений, определяют их форму, значение и эффект» [14, р. 14]. Композиционная модальность предполагает выявление зависимости изображений от условий их производства (в частности, принадлежность изображений к определенному жанру). Социальная модальность устанавливает связь между производством изображений и социально-экономическим, политическим и культурным контекстами.

Наличие определенных формальных компонентов в самом изображении зависит от использования той или иной технологии. Другие компоненты могут зависеть от социальных практик. Исследование композиционного решения (например, в постановочной фотографии) позволяют выявить способы, посредством которых происходит манипуляция зрительским восприятием.

Еще одна группа исследований касается аудитории. Результаты анализа технологических аспектов показывают, каким образом определенные технологии создания и демонстрации изображений контролируют зрительское восприятие. Исследование композиционных аспектов раскрывает, каким образом «формальная аранжировка элементов изображения диктует, как изображение будет видеться зрителями» [14, р. 25]. Наконец, изучение социального аспекта

устанавливает зависимость зрительского восприятия от конкретного места демонстрации изображения (кинотеатра, галереи, музея, домашней обстановки и пр.).

Такое распределение исследований визуальности по трем большим категориям продемонстрировало также и возможности использования понятий и методов из других междисциплинарных областей, в частности теории коммуникации и анализа дискурса. Кроме того, по-прежнему актуальными для исследования визуальной культуры остаются структурализм, постструктурализм и семиотика.

В целом же можно сказать, что коммуникационная парадигма в настоящее время является одной из самых востребованных: многие междисциплинарные исследования в гуманитаристике опираются на каноническую схему коммуникативного процесса, задействуя в качестве объекта один из его элементов.

Новые медиа и изменения культурного и исследовательского ландшафта: конвергенция, участие, трансмедийность

Современная эпоха характеризуется американским философом и культурологом Г. Дженкинсом как время конвергентной культуры, а также культуры партиципаторной (культуры участия). В книге «Конвергентная культура: где сталкиваются старые и новые медиа» автор пишет: «Под конвергенцией я понимаю поток контента через многочисленные медиа-платформы, кооперацию между многочисленными медиаиндустриями и миграцию аудиторий медиа, готовых отправиться куда угодно в поисках различного рода развлечений. В мире медиаконвергенции каждая важная история рассказывается, каждый бренд продается, каждый потребитель соблазняется через многочисленные медиаплатформы» [12, р. 2–3].

Конвергенция культуры, по мысли Г. Дженкинса, представляет собой ситуацию, в которой, с одной стороны, соединяются экономический интерес медиа-производителей – владельцев не отдельных, разрозненных средств массовой коммуникации, а медиаконцернов, в собственности которых находятся различные медиа, а с другой – культурные запросы пользователей медиа, которые из пассивной массовой аудитории превращаются в активных участников процесса массовой коммуникации. Культуру, в создании которой принимают участие не только производители, но и члены аудитории, американский исследователь называет партиципаторной (то есть культурой участия). Различие между конвергентной и партиципаторной культурой Г. Дженкинс видит в следующем. В первом случае мы имеем дело с объединением (конвергенцией) производителей с одной стороны и потребителей – с другой. Потребители объединяются в силу того, что отдельный индивид уже не в состоянии справиться с потоком информации, так что ее потребление становится коллективным процессом (Г. Дженкинс использует здесь введенное французским фило-

софом П. Леви понятие коллективного интеллекта). Однако в случае конвергентной культуры потребитель так и остается потребителем. Во втором случае, когда речь идет о партиципаторной культуре, мы имеем дело с ситуацией превращения потребителя в создателя медиаконтента (просьюмера). Примером тому могут служить так называемые фанфики, или фан-фикшн, – сочинения, созданные фанатами определенной медиафраншизы по мотивам популярных произведений на некоммерческой основе. Авторы книги «Партиципаторная культура в сетевую эпоху» пишут: «Партиципаторная культура – это культура с относительно низкими барьерами для художественного выражения и гражданской вовлеченности, сильная поддержка для создания и распространения чьих-либо произведений, а также своего рода неформальное менторство, поскольку то, что известно более опытным потребителям, передается новичкам. Партиципаторная культура – это та культура, где члены аудитории верят, что их вклад важен, и ощущают, в определенной степени, социальную связь друг с другом (по крайней мере, их заботит, что другие люди думают о созданном ими)» [11, р. 3].

Одной из наиболее важных особенностей эпохи новых медиа является радикальная трансформация классической линейной схемы процесса массовой коммуникации, в результате которой становится возможной полноценная обратная связь, что как раз достаточно отчетливо проявляется в случае трансмедийного сторителлинга¹. Если ранее массовая коммуникация предполагала однонаправленный процесс передачи информации от производителя к потребителю, то с распространением новых медиа члены массовой аудитории трансформируются из потребителей/пользователей в просьюмеров/продьюзеров, то есть активных создателей своего собственного контента или же распространителей контента через социальные сети. Примером такой активности являются различные фэндомы – объединения фанатов медиафраншиз, популярных личностей и т.д., в которых происходит интенсивный обмен информацией относительно «объекта поклонения».

В «Конвергентной культуре» Г. Дженкинс говорил прежде всего о трансмедийном сторителлинге как способе рассказывания историй с целью охвата, по возможности, максимально большой аудитории. В последнее же время происходит увеличение числа исследований, посвященных более широкому понятию трансмедийности.

Нельзя не согласиться с замечанием М. Фримана и Р. Р. Гамбарато – авторов вступительной статьи к коллективной монографии по трансмедийности, которые указывают, что «трансмедийность – зонтичный термин, наиболее

¹ Г. Дженкинс дает следующее определение: «Трансмедийный сторителлинг представляет собой процесс, при котором связанные между собой элементы вымысла систематически распространяются по разным медиаканалам с целью создания единого и программируемого переживания истории. В идеале каждое средство массовой коммуникации вносит собственный уникальный вклад в развитие истории» [13].

фундаментальным образом описывающий “все более популярную производственную практику использования многочисленных медиатехнологий для представления информации через ряд текстуальных форм”, – понимается как коммерческая практика, обеспечивающая потоки доходов и многочисленные развлечения» [10, р. 37–38].

Эти исследователи также отмечают, что «трансмедийность остается важным понятием для осознания фундаментальных сдвигов, которые внесены цифровыми медиатехнологиями в медиаиндустрию и в отношения с аудиторией медиа» [10, р. 38].

Вместе с тем М. Фриман и Р. Р. Гамбарато указывают на одно обстоятельство, важное с точки зрения научного исследования трансмедийности: такое исследование не является на данный момент (и вряд ли сможет стать таковым в будущем) узко дисциплинарным – в том числе и потому, что трансмедийность не является исключительно «привилегией» индустрии развлечения и области художественного вымысла, но проникает также и в такие практики производства текстов, как журналистика, реклама, PR и пр. Как следствие, трансмедийность исследуется с различных позиций – в терминах сторителлинга, маркетинга, возможных/вымышленных миров, журналистики, активизма, медиаграмотности и т.д. Тем самым и само определение трансмедийности не является фиксированным и одним и тем же для различных исследователей.

Между тем данное обстоятельство не должно являться препятствием для изучения феномена трансмедийности: напротив, как уверяют авторы статьи, трансмедийность должна исследоваться не в рамках определенной науки, а с использованием междисциплинарных подходов. «Если трансмедийность на самом деле означает различные вещи в различных частях земного шара для различных индустрий, культур, искусств и дисциплин, то как можно классифицировать столь различные интерпретации и несхожие производственные практики в качестве одного и того же феномена? Сделать это успешным и ответственным образом означает переосмыслить трансмедийность, отдаляясь от узкоспециальных дисциплинарных определений, основанных только лишь на сторителлинге, или только на развлечении, или только на маркетинге. На самом деле это означает попытку артикулировать всеобъемлющую идею трансмедийности, однако при этом такую, которая все еще сохраняет свою специфичность для различных контекстов» [10, р. 39].

В коллективном исследовании «Навигатор «Рутледжа» по исследованиям трансмедиа» представлен широкий спектр индустрий, характерной чертой которых в настоящее время является трансмедийность: телевидение, телесериалы, комиксы, художественные фильмы, документалистика, книгоиздательство, игры, музыка, журналистика, спорт, социальные платформы, селебрити, достопримечательности. Все эти индустрии, несмотря на различия между ними, используют трансмедийный подход к созданию и распространению контента,

задействуя как онлайнные, так и оффлайнные виды активности. И те и другие виды являются одинаково важными, в то время как онлайнные активности обеспечивают более быстрый и повсеместный доступ к контенту, а также охват большей аудитории, между тем оффлайнные активности помогают достичь более высокой степени иммерсивности, культивируют чувство принадлежности и эмоциональный отклик членов аудитории.

Заключение

Трансмедийный сторителлинг, не являясь феноменом исключительно эпохи новых медиа, тем не менее может рассматриваться как ключевой прием создания и продвижения медиаконтента. Между тем превалирующее количество исследований данного феномена и, шире, феномена трансмедийности демонстрирует актуальность структурно-семиотического подхода. Более подробное исследование специфики данного подхода, а также связанных с ним (в частности, структурной нарратологии) было представлено в нашей статье «Методы исследования трансмедийных нарративов» [6], поэтому здесь автор ограничится только несколькими замечаниями.

Применение структурно-семиотического метода к анализу совокупности произведений, образующих так называемые трансмедийные франшизы, позволяет выявить специфику этого подхода, а также связанных с ним методов. Это касается, в частности, функций действующих лиц, предложенных В. Проппом: так, в многосезонных сериалах актант Герой, будучи величиной постоянной, может включать в себя несколько персонажей, тогда как актант Злодей чаще всего является величиной переменной (в каждом сезоне, а иногда и в каждой серии, герою противостоит новый злодей/злодеи). Драматические арки многосезонных сериалов образуют своеобразную иерархию [6].

Применение структурного анализа Р. Барта [1] к трансмедийным повествованиям позволяет выявить специфику их дистрибутивных единиц. Те же многосезонные сериалы демонстрируют не только иерархическую структуру дистрибутивных единиц (ядерных функций и функций-катализаторов), но также их взаимные трансформации в том случае, если они располагаются на разных уровнях иерархии.

Такие виды транстекстуальных связей, как интертекстуальность, паратекстуальность и гипертекстуальность, в трансмедийных франшизах также имеют ряд особенностей. Так, можно говорить о внешней и внутренней интертекстуальности: первая отсылает к текстам вне франшизы, вторая же устанавливает связи и взаимные отсылки между текстами внутри нее. Паратекстуальность выступает в трех разновидностях – трансмедийной, рекламной и ориентирующей. Что касается гипертекстуальности, то благодаря данному виду межтекстовых связей может происходить как расширение мира истории, так и его удвоение (как в случае с пародийными переводами) [6].

Трансмедийный сторителлинг вносит изменения в традиционную схему межсемиотического перевода, модифицируя план содержания и при этом заботясь о сохранении единообразия в отношении эстетической формы.

Ключевое понятие логической линии семиотики – семиозис – также оказывается релевантным для исследования трансмедийных повествований: каждое новое произведение медиафраншизы функционирует как интерпретанта для всех предшествующих ее историй.

Таким образом, можно заключить, что структурализм и семиотика по-прежнему остаются методами, пригодными для исследования коммуникации в цифровую эпоху.

Список использованных источников

1. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествований / Р. Барт // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Изд. группа «Прогресс», 2000. – С. 196–238.
2. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 400 с.
3. Мазур, Н. Исследования визуальной культуры: история и предыстория [Электронный ресурс] / Н. Мазур. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-vizualnoy-kultury-istoriya-i-predystoriya/viewer> – Дата доступа: 10.12.2021.
4. Пропп, В. Морфология волшебной сказки / В. Пропп. – М. : Лабиринт, 2001. – 192 с.
5. Серю, П. Как читают тексты во Франции / П. Серю ; пер. с фр. И. Н. Кузнецовой // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : [сборник]. – М. : Прогресс, 1999. – С. 12–53.
6. Фурс, В. Методы исследования трансмедийных нарративов / В. Фурс // Мир через экран(ы) / Е. Я. Марголит [и др.] ; науч. ред.: Л. М. Немченко, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2021. – С. 137–168.
7. Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Изд. дом «Петрополис», 1998. – 432 с.
8. Doss, F. Histoire du structuralisme / F. Doss. – Paris : Editions la Découverte, 1991. – Т. 1 : Le Champ du signe, 1945–1966. – 489 p.
9. Foucault, M. L'Archéologie du savoir / M. Foucault. – Paris : Gallimard, 1969. – 282 p.
10. Freeman, M. Introduction: Transmedia Studies – Where Now? / M. Freeman, R. Rampazzo Gambarato // The Routledge Companion to Transmedia Studies / eds.: M. Freeman, R. Rampazzo Gambarato. – New York ; London : Routledge, 2019. – P. 37–52.
11. Jenkins, H. Participatory Culture in a Network Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce and Politics / H. Jenkins, M. Ito, D. Boyd. – Cambridge : Polity Press, 2016 (Kindle ed.). – 214 p.
12. Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide / H. Jenkins. – New York : New York Univ. Press, 2006. – 318 p.
13. Jenkins, H. Transmedia Storytelling 101 [Electronic resource] / H. Jenkins. – Mode of access: http://henryjenkins.org/2007/03/transmedia_storytelling_101.html – Date of access: 14.12.2021.
14. Rose, G. Visual Methodologies: An Introduction into Interpretation of Visual Materials / G. Rose. – London : Sage Publ., 2001. – 229 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

II КОНФЕРЕНЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ И ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ

Согласно своему Уставу Белорусское философское общество (БФО) 14 апреля 2022 г. провело очередную, уже вторую по счету, конференцию. Общество было создано 11 апреля 2017 г., его деятельность направлена на сохранение, развитие, популяризацию и пропаганду философского, научного и культурного наследия, формирование условий для деятельности исследователей, педагогов, работающих в сфере философии и смежных дисциплин.

В работе конференции приняли участие большинство членов Общества, представляющих регионы и научные центры Беларуси. Во время открытия заседания заместитель председателя БФО А. А. Лазаревич огласил Приветственное слово Председателя Президиума НАН Беларуси В. Г. Гусакова, в котором руководитель Академии указал на важность общественной деятельности профессиональных научных сообществ, отметил результаты работы Общества, актуализировал новые задачи и направления его деятельности.

Выступление заместителя председателя Белорусского философского общества, директора Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревича на открытии конференции

II Конференция Белорусского философского общества: подведение итогов

К началу работы конференции была выпущена брошюра «РОО «Белорусское философское общество»: история, современность, перспективы», в которой рассказано о деятельности БФО, определены перспективы его развития.

Итоговый доклад о работе Белорусского философского общества за отчетный период представил ученый секретарь А. Л. Куиш. В докладе нашли отражение основные вехи развития БФО за указанный период.

Было отмечено, что за пять лет активной деятельности Общества проведена большая работа по становлению и развитию организации, укреплению ее статуса в белорусской и международной философской, научной и культурной среде. Общество выступило организатором и приняло участие во множестве республиканских и международных научных форумов, среди которых следует выделить Первый белорусский философский конгресс, Международную юбилейную научную конференцию «Философия и вызовы современности», посвященную 90-летию образования Института философии НАН Беларуси.

В рамках деятельности Общества были реализованы многие исследовательские, образовательные и просветительские проекты, издано большое количество научной и популярной литературы.

Также активно осуществляется поддержка молодежи: организуются школьные олимпиады по философии, конкурсы среди студентов и магистрантов на лучшую работу. Поддерживаются инициативы по проведению семинаров, лекций, круглых столов.

Во время дискуссии

Белорусское философское общество поддерживает тесные связи и организует совместные мероприятия с другими организациями, такими, в частности, как Республиканское общественное объединение «Белая Русь», Республиканское общественное объединение защиты прав человека, Белорусская православная церковь и др. Постоянны и активны международные связи БФО с российскими, казахстанскими, украинскими, китайскими коллегами. Благодаря активному научному взаимодействию организация стала узнаваемой и завоевала авторитет не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Обсуждение итогов работы Общества вылилось в широкую дискуссию, в которой приняли участие директор Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревич, доктора философских наук А. И. Зеленков, В. А. Салеев, В. И. Чуешов. От регионов выступили кандидаты философских наук В. А. Одиноченко (Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины) и П. П. Крусъ (Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина).

О планах развития Общества на ближайшие пять лет выступил его председатель академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов. В своем докладе Евгений Михайлович отметил тот значимый путь, который прошла организация, указал на недостатки и наметил перспективные планы на предстоящий период. Председатель БФО отметил, что одной из главных задач является развитие организационной структуры Общества: улучшение деятельности президиума и бюро, укрепление контактов с региональными группами, активизация их инициатив, оказание информационной, консультационной и организационной помощи. Обозначил планы по проведению новых научных форумов, изданию научной, популярной и просветительской литературы.

В процессе работы конференции был выбран новый состав президиума и контрольно-ревизионной комиссии и награждены наиболее активные члены Общества за их плодотворную общественную деятельность: В. А. Одиноченко, Л. В. Кривицкий, А. Л. Куиш, С. Г. Доронина.

Особым моментом в работе конференции стало награждение победителей школьных олимпиад по философии, которые приехали со всех регионов страны. Молодые ребята получили призы и дипломы в присутствии своих старших коллег, маститых и известных философов. Награды вручил председатель БФО академик Е. М. Бабосов.

Закончилась конференция презентацией новых книжных изданий Института философии НАН Беларуси, подготовленных с участием БФО.

Следует особо отметить душевную атмосферу во время работы конференции. Люди собрались не только поделиться своим опытом, наметить планы на будущее, но и пообщаться, поговорить друг с другом в неофициальной, творческой атмосфере. Ощущение поддержки со стороны Общества, чувство общественной солидарности дает его членам большой заряд энергии и оптимизма.

II Конференция Белорусского философского общества: подведение итогов

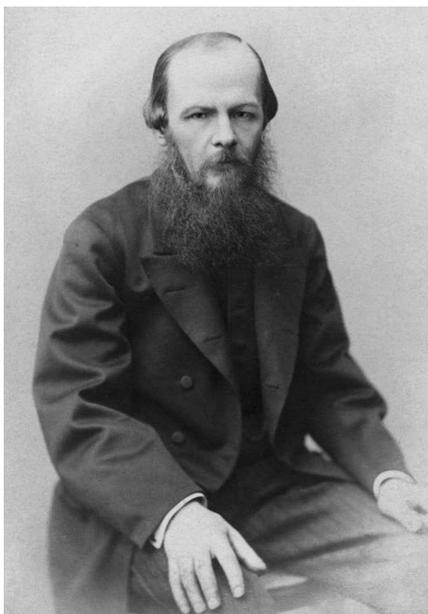
Вручение награды одному из победителей олимпиады по философии среди школьников

Белорусское философское общество является молодой развивающейся общественной организацией. Мы уверены, что действуя сообща, опираясь на накопленный ценный опыт, ощущая поддержку со стороны партнерских общественных организаций, представителей государственных органов, мы успешно справимся со всеми поставленными задачами.

Мы приглашаем в свои ряды всех неравнодушных к развитию отечественной культуры и философии граждан. При нашей поддержке они смогут в полной мере реализовать свой творческий потенциал, духовно совершенствоваться, открывать для себя новые горизонты вековой мудрости, которую нам дает философия.

*А. Л. Куши,
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси,
ученый секретарь Белорусского философского общества*

К ЮБИЛЕЮ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В ноябре 2021 г. во всем мире отмечалось 200-летие со дня рождения великого русского писателя, публициста, уникального мыслителя и религиозного философа Федора Михайловича Достоевского, творческое наследие которого навсегда вошло в мировое научное знание. В ознаменование этой юбилейной даты Национальная академия наук Беларуси совместно с Постоянным Комитетом Союзного государства и Белорусской православной церковью провела Международный круглый стол «Ф. М. Достоевский – выдающийся писатель, философ и религиозный мыслитель: к 200-летию классика русской и мировой литературы». Организаторами мероприятия выступили Институт философии НАН Беларуси, Институт литературоведения имени Янки

Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси.

С приветствиями к участникам круглого стола обратились Председатель Президиума НАН Беларуси академик В. Г. Гусаков, Патриарший Экзарх всея Беларуси, митрополит Минский и Заславский Вениамин, руководитель Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь Э. Ф. Крусткалн. В своих выступлениях они отметили непреходящее значение творческого наследия Ф. М. Достоевского для всего мыслящего человечества, принимая во внимание масштабность тем и проблем, поднятых великим классиком, особо подчеркнув символичность проведения этого значимого мероприятия в Беларуси, где находится село Достоево, известное как родовое гнездо Достоевских. С XVI в. ведет свое начало на белорусской земле этот уникальный род, к которому принадлежал великий классик, чье творческое наследие способствует объединению и укреплению гуманитарных связей народов не только двух стран Союзного государства, но и представителей международного культурного сообщества.

Выступление с приветственным словом руководителя Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь Э. Ф. Крусткална

В юбилейном мероприятии приняли участие ведущие российские, белорусские, французские, польские и украинские ученые, представители Белорусской православной церкви, творческой интеллигенции: лауреат Государственной премии Республики Беларусь, писатель Г. В. Марчук; академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов; главный научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук В. М. Гуминский; проректор по научной работе Российской христианской гуманитарной академии, доктор философских наук, профессор Д. В. Масленников; доцент кафедры филологии Московской духовной академии, доктор культурологии Д. В. Макаров; профессор Гданьского университета, председатель Гданьского отдела Литературного общества имени Адама Мицкевича, доктор филологических наук Збигнев Казьмерчик и другие исследователи.

В процессе работы в трех секциях «Гуманистические идеи и общечеловеческие ценности в творчестве Федора Достоевского на просторах Союзного государства», «Наследие Ф. М. Достоевского: философские аспекты» и «Религиозные темы и мотивы в творчестве Ф. М. Достоевского» ученые обратились к обсуждению ключевых литературоведческих, философских и религиозных аспектов творческого наследия писателя, определению его значимости для мировой литературы, философии, религиозной мысли, эстетики и культуры, для развития современного гуманитарного знания.

Исследователи в обстоятельных докладах представили осмысление известных романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы», которые входят в так называемое великое пятикнижие, отражающее сугубо авторское осмысление сложнейших философских вопросов о человеке, соотношении в нем разумного и неразумного начал, его месте в мире и обществе, нравственном величии свободы человека и опасностях ее крайних форм проявления. Были рассмотрены особенности персоналистской метафизики писателя, заключенной в границы иррационально-мистического трагизма, а также специфика влияния Ф. М. Достоевского как предтечи экзистенциализма на развитие белорусской психологической прозы.

В фокусе исследовательского внимания оказались затронутыми вопросы религиозного мироощущения писателя и мыслителя, понимания им религиозной веры, взаимоотношений человека и Бога, роли религии в жизни общества, которые являются фундаментальными составляющими его художественной системы. Функционируют эти вопросы в сложноуровневом взаимодействии принципов христианской метафизики и философских компонентов онтологии писателя, доминантой которой всегда выступал антропологический принцип, определяющий антиномию социокультурных ценностей и норм, а также религиозной этики, трансформированных в творческом наследии Достоевского.

Широко была рассмотрена философско-литературная публицистика, зафиксированная в уникальном для русской и мировой литературы моно-журнале «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского. Она отражает авторское осмысление актуальных для XIX века проблем России и Европы, европейской цивилизации и культуры, стремление мыслителя оппонировать тому процессу европеизации, который протекал в противоречивых реалиях его эпохи, а также национальной самобытности и национального самосознания, определения места и роли России в мировой истории и мировом сообществе, имеющих непреходящее значение для современности в понимании важнейших социально-политических изменений.

Особый интерес участников научного мероприятия вызвали выступления академика Е. М. Бабосова «Мой Достоевский: субъективные размышления о философской поэтике великого писателя, мудреца и провидца», доктора философских наук Д. В. Масленникова «Достоевский как основоположник суверенной философии права России», доктора культурологии Д. В. Макарова «Религиозная проблематика в романе Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” (проблемы покаяния и воскрешения героя)», доктора филологических наук Т. Е. Автухович «А. Славовский vs Ф. Достоевский, или Быт без бытия», кандидата филологических наук Л. Л. Авдейчик «“Три речи в память Достоевского” Вл. Соловьева: к вопросу метакритической оценки жизни и творчества писателя», кандидата филологических наук З. В. Дроздовой «Хрысціянскія асновы светасузірання Ф. Дастаеўскага: “сатанінскі” чалавек у творчасці

мастака», кандидата культурологии А. С. Мартысевич «Ф. М. Достоевский как предшественник религиозной философии экзистенциализма», архимандрита Саввы (Мажуко) «Миролобызающий идеал в романе “Братья Карамазовы”». Доклады отражают анализ, существенно дополняющий научные изыскания в осмыслении указанных тем и проблем, включенный в широкий контекст исследовательской мысли второй половины XIX – начала XXI в. Важно отметить, что докладчики не только значительно углубили понимание фундаментальных вопросов, отраженных в художественном и публицистическом наследии писателя, выявляя факт доминирования позитивных интенций, нравственного идеала в аксиологии Ф. М. Достоевского, но и представили выражение определенных субъективных точек зрения, актуализирующих новые вопросы в осмыслении неоднозначных фактов творческой деятельности и жизни, противоречивой личности писателя, используя широкое цитирование ценного документального материала для иллюстрации собственных теоретических построений.

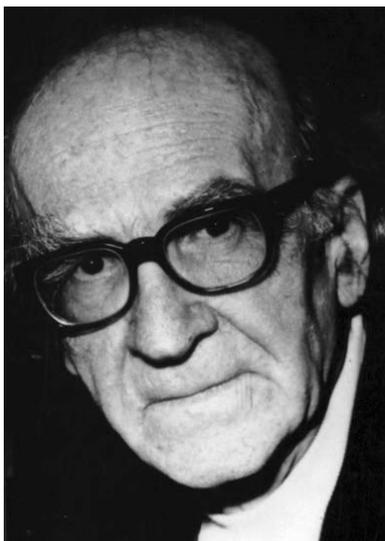
Необходимо подчеркнуть, что выступления участников международного круглого стола основаны на великолепном знании не только произведений Ф. М. Достоевского, но и теоретических работ по достоевковедению, о чем свидетельствует содержательный уровень представленных докладов, в которых выявлены существенные константы в определении мировоззренческих, эстетических, религиозно-философских и социально-политических взглядов русского писателя и философа, его неординарной личности и судьбы.

Следует также отметить литературно-поэтическую композицию «Слово о Достоевском» (автор сценария – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси И. И. Морозова), которая явилась своеобразным кратким экскурсом в биографию писателя в стихах и прозе, блестяще исполненную лауреатами республиканского творческого конкурса юных чтецов «Живая классика» 2021 года Ильей Саковичем и Алексеем Дубовским, а также научным сотрудником Института литературоведения имени Янки Купалы НАН Беларуси Натальей Баханович. Ярким и запоминающимся стало выступление музыкальной капеллы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси под руководством Г. П. Цмыг. Прозвучавшие классические произведения непосредственно были связаны как с романным творчеством Ф. М. Достоевского, так и с его поэтическими и музыкальными предпочтениями.

Участники круглого стола отметили важность проведения подобного рода научных мероприятий, способствующих не только расширению исследовательского взгляда на творческое наследие выдающегося классика русской и мировой литературы, но и укреплению межкультурных и научных связей международного значения.

*И. И. Морозова,
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси*

**ФИЛОСОФСКОЕ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ МЫСЛИТЕЛЯ
К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. ЭЛИАДЕ**

27 апреля 2022 г. в Институте философии НАН Беларуси прошел Международный круглый стол «Феноменология мифа и религии М. Элиаде и тенденции развития современного религиоведения: к 115-летию со дня рождения выдающегося мыслителя». Мероприятие было посвящено выдающемуся религиоведу XX в., создателю Чикагской школы сравнительного религиоведения М. Элиаде (1907–1986), который внес значительный вклад в развитие современного религиоведения, философии мифа и гуманитарных наук в целом, а также в теоретическое рассмотрение современных проблем религиоведческого знания. В данном круглом столе приняли участие известные ученые-исследователи из Беларуси и России.

В начале мероприятия заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси А. Ю. Дудчик озвучил приветственное слово академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, академика А. А. Ковалени. В нем отмечалось, что работы М. Элиаде внесли весомый вклад в общемировые исследования религии и мифологии, заложили фундамент оригинальной религиозно-философской концепции. Директор Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревич отметил, что данное мероприятие является знаковым для Института философии НАН Беларуси, а также для всего научного сообщества нашей страны, поскольку это первый посвященный исследованиям румынского философа, историка религии, этнографа и писателя круглый стол, который проводится в академическом Институте философии и в Республике Беларусь. По мнению А. А. Лазаревича, в настоящее время становится очевидной значительная роль религиоведческого дискурса в решении таких вопросов, как духовное самоопределение индивида в трансформирующихся условиях, сохранение культурной, этнической памяти и наследия, выработка стратегий развития культурной, религиозной жизни.

Академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов, приветствуя участников круглого стола, высказал мысль о том, что в творчестве М. Элиаде активно культивиру-

Во время работы Международного круглого стола (слева направо): академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов, директор Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревич, заместитель директора Института философии НАН Беларуси по научной работе А. Ю. Дудчик и старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси Н. А. Никоневич

ется идея синтеза множества центров, что более конкретно выражается в соединении божественного и земного. В своих трудах философ выстраивает многогранный, многокачественный, многоаспектный теоретический синтез мироздания и действующего в нем человека. В этом интегральном синтезе сопрягаются в единую космологическую целостность божественное и человеческое, сакральное и профанное, вечное и преходящее, земное и небесное, бытие и небытие, абсолютное и относительное. Таковы отличительные особенности и глубинная сущность, по мнению Е. М. Бабосова, гуманистического философско-религиоведческого творчества М. Элиаде.

В докладе доктора философских наук, профессора В. А. Салева осуществлено осмысление понятия культуры в свете философской концепции М. Элиаде, выделены две проблемы в наследии мыслителя: философия мифа и философия сакрального. Определено, что философия М. Элиаде открывает новые возможности для направлений гуманитарных исследований, совмещающих историческое с психологическим, а религиозное – с эстетическим. Главный редактор научно-теоретического журнала «Религиоведение», доктор философских наук, профессор А. П. Забияко (Амурский государственный университет) поделился своим опытом знакомства с идеями М. Элиаде, отметил взаимо-

Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь, доктор философских наук, профессор В. А. Салеев

связь воззрений мыслителя и его жизненного пути, личного, экзистенциального опыта. Им было указано на то, что понятие ностальгии проходит через все творчество известного ученого. Согласно подходу М. Элиаде, важно вернуться к прошлому; человек способен выйти за рамки истории и времени.

Доктор философских наук, профессор философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова И. П. Давыдов очертил задачи религиоведческого исследования социальных функций мифа с опорой на методологию П. Г. Богатырева, выделил такие свойства мифа по М. Элиаде, как быть историей, быть сакральным повествованием, быть инструментом познания, быть реконструкцией священной истории. Докладчик указал, что главной функцией мифа оказывается функция «разрушения» индивидуального исторического времени во имя реактуализации «Великого времени» первоначала всего сущего. И. П. Давыдов подчеркнул, что взгляды М. Элиаде на функции мифа эволюционируют, но их ядро, выраженное в концепции «Аспектов мифа», константно. В выступлении старшего научного сотрудника сектора философии религии Института философии РАН, доктора философских наук Т. С. Самариной отмечалось, что религия – это когнитивная способность человека. Необходимо искать точки соприкосновения между двумя исследовательскими программами – феноменологией религии и когнитивным религиоведением.

Заведующий Отделом философии Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат философских наук, доцент С. В. Мельник акцентировал внимание на весомом вкладе М. Элиаде в развитие сравнитель-

ного религиоведения и попытался определить место сравнительного религиоведения в процессах гармонизации межрелигиозных отношений. Старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, кандидат философских наук, доцент Н. А. Никонович в своем докладе, посвященном анализу онто-феноменологического проекта М. Элиаде, отметила, что современное религиоведческое знание характеризуется эпистемологической многомерностью, постановкой ряда гносеологических и методологических проблем. Ею было указано на то, что феноменология религии М. Элиаде содержит интенции на рассмотрение религиозного опыта «изнутри», а также религиозного во взаимозависимости его структурных констант, как феноменологических, так и субстанциальных. Применительно к исследованию сущности религиозного познания в целом и онто-феноменологическим конструкциям М. Элиаде в частности Н. А. Никонович предложено использование термина «интронэпистема» (внутренняя эпистема), которая присуща самой природе мифо-религиозного опыта.

В докладе кандидата философских наук, доцента кафедры философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины В. А. Одиноченко акцентировалось внимание на проблеме времени у М. Элиаде. Время рассматривается румынским философом как характеристика реальности, указывающая на смену состояний и их длительность. Священное время, о котором говорит М. Элиаде, имеет циклический характер. Оно периодически возобновляется через соответствующие ритуалы. Ритуалы служат воссозданию реальности и, соответственно, сакрального времени. Проректором по научной и учебно-методической работе Тобольской духовной семинарии, кандидатом исторических наук, кандидатом богословия, доцентом А. А. Гороховым исследовались проблемы йахвизма и христианства в религиоведении М. Элиаде. Докладчик отметил, что в современной западной культуре произошла утрата единой цели и смысла истории. Для выхода из кризиса западной культуре необходимо постигать мир арахайских народов.

В выступлении заведующего Отделом философии культуры Института философии НАН Беларуси, кандидата философских наук С. И. Санько была подчеркнута роль М. Элиаде в доказательстве аутентичного происхождения так называемых дуалистических космогоний в культурах народов Юго-Восточной и Восточной Европы, а также западных и поволжских финно-угров, народов Сибири и Алтая. На основе анализа большого фактического материала из Евразии, Полинезии, Северной Америки М. Элиаде обосновал гипотезу о палеолитическом происхождении ядра космогонических дуалистических мифов, что оказало стимулирующее влияние на изучение балто-славянской духовной культуры. Проректор по научной работе Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета,

кандидат богословия, доцент С. И. Шатравский рассмотрел вопросы о том, чем отличается священное в буддизме от священного в других религиях. Священное в контексте индийской культуры не всегда отождествляется с божественным, а часто просто с достойным и добродетельным. В рамках христианства священное становится таковым только при его причастности к божественному. Старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и рекламы Белорусского государственного университета культуры и искусств, старший преподаватель Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета М. А. Коденев проанализировал наследие М. Элиаде в контексте деятельности междисциплинарного дискуссионного клуба «Эранос». М. Элиаде и программу клуба, по мнению выступавшего, сближали универсалистский подход; стремление уйти от ужаса истории; критика культуры; немодернистская модель мира.

Помощник ректора, специалист по учебно-методической работе факультета философии, богословия, религиоведения Русской христианской гуманитарной академии, магистр религиоведения К. А. Можайская в своем докладе «Феноменология смерти в западноевропейском эзотеризме» указала на то, что смерть рассматривается как принципиально ускользающий феномен. Это контакт двух реальностей: наличной и трансцендентной. Смерть, по М. Элиаде, – это конец одного образа жизни и начало другого, символ перехода из одного состояния в другое, паттерн для всех значимых перемен в жизни человека. Старшим научным сотрудником Института философии НАН Беларуси, кандидатом филологических наук, доцентом И. И. Морозовой были проанализированы аспекты литературно-художественного творчества М. Элиаде на примере романа «Майтрейи». Отмечено, что литературное произведение написано в жанре автобиографической прозы, в рамках традиционного реализма, в котором мистический элемент не становится доминантой, характерной для фантастического реализма М. Элиаде. Роман строится на контрасте обыденного европейского и восточного сознания, противопоставлении психологии и социального поведения индианки и европейца, проходящей через любовный роковой поединок. В заключительном докладе научного сотрудника Института философии НАН Беларуси Д. В. Куницкого прозвучали идеи о специфической встрече православной и западной цивилизаций в рамках формирования и становления М. Элиаде как личности. В ходе доклада была поставлена проблема проникновения в феноменологию религии, а также критиковался подход к познанию религиозного через нерелигиозное.

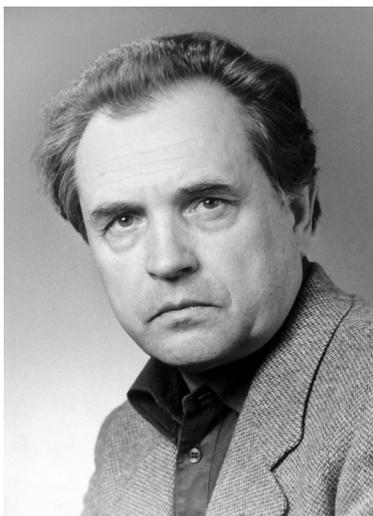
Таким образом, в докладах белорусских и российских участников были рассмотрены аспекты литературного творчества румынского мыслителя, теоретические проблемы религиоведения, взаимосвязь феноменологии религии и когнитивного религиоведения, а также ключевые вопросы философии мифа и религии М. Элиаде – проблемы времени, сакрального, дуальные космогонии

Философское и религиоведческое наследие М. Элиаде

и т.д. Прозвучавшие на круглом столе темы важны как для дальнейшего развития исследований в области философии мифа и религии М. Элиаде, так и для продуцирования новых подходов в области религиоведения и сопряженных с ним дисциплин. Данный круглый стол, участие в котором приняли известные российские и белорусские ученые, послужит отправной точкой в осмыслении конфигураций религиоведческого знания в целом и феноменологического подхода М. Элиаде в частности.

*Н. А. Никонович,
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси*

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИЛОСОФ, ЛОГИК, СОЦИОЛОГ, ПИСАТЕЛЬ.
ОН ШЕЛ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗИНОВЬЕВ
(1922–2006)**

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Александра Александровича Зиновьева, выдающегося мыслителя нашего времени.

А. А. Зиновьев – яркая фигура в советской, российской и мировой философии. Он родился 29 ноября 1922 г. в д. Пахтино Чухломского уезда Костромской губернии. Участник Великой Отечественной войны. Имел боевые награды – ордена и медали. В 1946 г. после демобилизации поступил на философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ), который с отличием закончил в 1951 г.

После обучения в аспирантуре в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)». Коллеги А. А. Зиновьева в воспоминаниях о его творчестве отмечают, что защита продолжалась два дня и прошла в острой дискуссионной обстановке, а завершал ее диссертант в Высшей аттестационной комиссии СССР. Одной из причин такой ситуации явилось наличие в диссертации идей о существенной значимости средств и методов формальной логики в методологии «Капитала» К. Маркса наряду с методами диалектики, диалектической логики. Следует учесть, что в то время диалектика, диалектическая логика на официальном уровне трактовались как методологический базис, теоретическая основа советской идеологии и всего познания. Согласно известному утверждению В. И. Ленина, диалектика, логика и теория познания – одно и то же, «не надо трех слов». Формальная логика в этом контексте обычно рассматривалась как нечто второстепенное, в лучшем случае вспомогательное. Поэтому оценка ее средств и методов как существенно значимых в методологии «Капитала» К. Маркса являлась чем-то вызывающим. Ученому удалось все же показать продуктивность своего подхода, точность анализа и обоснованность результатов исследования. В итоге после бурной дискуссионной защиты диссертация была отправлена в спецхран.

В 1955–1976 гг. А. А. Зиновьев работал в Институте философии АН СССР. В 1962 г. защитил докторскую диссертацию. В 1963–1976 гг. как профессор преподавал логику на философском факультете МГУ. В 1965–1967 гг. был заведующим кафедрой логики. В 1965–1975 гг. являлся членом редколлегии журнала «Вопросы философии».

Он положил начало развернутым исследованиям в Советском Союзе проблем многозначной и модальной логик, теории логического следования, внеся свой значительный вклад в развитие этих областей познания. А. А. Зиновьев разработал методы и средства логического анализа языка науки, на базе чего раскрыл ряд проблем философии и методологии познания в сфере физики, социологии и науки в целом. Развил идею комплексной логики, сочетающей логический, гносеологический и онтологический аспекты исследования. Результаты его логико-философских разработок этого периода изложены в монографиях: «Философские проблемы многозначной логики» (1960), «Логика высказываний и теория вывода» (1962), «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Комплексная логика» (1970), «Логика науки» (1971), «Логическая физика» (1972). Монографии ученого вызвали огромный интерес не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Они были переизданы на немецком и английском языках.

А. А. Зиновьев создал очень сильную философско-логическую школу. У него всегда было много советских и зарубежных аспирантов. Его ученики сейчас успешно ведут исследовательскую деятельность на высоком уровне в России и за рубежом. Одним из наиболее ярких представителей его школы был А. А. Ивин – в последующем выдающийся логик и философ.

В 1976 г. А. А. Зиновьев опубликовал в Швейцарии большой сатирико-социологический роман «Зияющие высоты», в котором остро критически представлено общество позднего советского периода. Талантливо написанная книга получила широкий отклик на Западе.

После выхода книги он был уволен с работы, лишен наград, степеней и званий. Уехал с семьей за рубеж, проживал в Мюнхене. При этом А. А. Зиновьев не считал себя диссидентом. Журналистам, называвшим его «жертвой режима», он разяснял: «Нет, режим – моя жертва». (Он умел выразить интересную мысль неожиданным образом.) За рубежом Александр Александрович вел исследовательскую работу философско-социологического и литературно-публицистического характера. В этот период им написаны такие произведения, как «Светлое будущее» (1978), «Мы и Запад» (1981), «Коммунизм как реальность» (1982), «Гомо советикус» (1982), «Нашей юности полет» (1983), «Иди на Голгофу» (1985) и др.

Об уровне философско-методологического и литературно-социологического творчества мыслителя убедительно говорят следующие обстоятельства. Известный французский философ, социолог и политолог Р. Арон в 1982 г. выдвинул А. А. Зиновьева за книгу «Коммунизм как реальность» в качестве

претендента на премию Алексиса де Токвиля. (Эта премия считается высшей международной наградой в сфере социологических исследований.) Еще одним претендентом был знаменитый философ и социолог Карл Поппер. Премия была присуждена А. А. Зиновьеву. Оценивая социологические романы русского философа, многие называют его ярким продолжателем в современных социальных условиях традиций сатирического творчества Ф. Рабле, Дж. Свифта, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Александр Александрович избран иностранным членом Финской, Итальянской, Баварской академий.

Перестройку в Советском Союзе А. А. Зиновьев воспринял критически. Он считал, что постепенно накапливавшиеся проблемы, которые привели Советский Союз в начале 80-х годов XX в. к кризисной ситуации, были проблемами управления. Их нельзя было решать путем разрушительного применения рыночных методов Запада. Философ характеризовал успехи советского периода как исторически наиболее высокие достижения России в масштабах мирового политического процесса. Методы, использовавшиеся руководством страны для перестройки, в значительной мере связанные с подражанием западному рынку, не соответствовали той огромной специфической социальной системе, гигантскому государству, которым являлся Советский Союз. С началом перестройки А. А. Зиновьев издает резко критические произведения «Горбачевизм» (1988), «Катастрофка» (1988), «Смута» (1994) и др. Исследуя западный путь развития, как он называет «Западнизм», издает книги «Запад» (1995), «Глобальный человек» (1997) и др.

В начале 1990-х годов А. А. Зиновьев был восстановлен в гражданстве, степенях и званиях, а в 1999 г. вернулся в Россию. Работал профессором МГУ, вел активную научную деятельность. Ученый принимал участие в Российских философских конгрессах. Его идеи, разработки этого периода нашли выражение в ряде известных книг: «Распутье» (2005), «Фактор понимания» (2006) и др. VIII Российский философский конгресс в 2022 г. посвящен 100-летию выдающегося философа А. А. Зиновьева.

Для творчества А. А. Зиновьева характерно определенное движение против течения, против настроений, идей и мнений, охвативших широкие социальные круги, значительное множество исследователей. Но это не желание «лишь бы вопреки». Его движение в идеях и делах против течения, даже когда речь шла о широко распространенных тенденциях, концепциях, мнениях, базировалось на выявлении во всем, к чему направлялась его исследовательская мысль, чего-то существенного и важного, что не замечено, упущено другими. Он не был человеком толпы, потока, тренда, общепринятой парадигмы. В идеях, делах и поступках он придерживался сформулированного им принципа: «Я – это государство», с учетом соответствующих аспектов суверенитета.

В 2002 г. А. А. Зиновьев приезжал в Минск, выступал с развернутыми докладами в большом актовом зале Национальной академии наук Беларуси и в Белорусском государственном университете. В научном сообществе Беларуси

высоко ценят творческие достижения Александра Александровича Зиновьева. Выдающийся белорусский и российский философ академик В. С. Стёпин в публикации, посвященной творчеству А. А. Зиновьева¹, отмечал: «У А. А. Зиновьева, с одной стороны, удивительно сочеталось его умение увидеть изменения в культуре, построить свои антиутопии, которые часто пророчески предсказывали будущее, развивать философские идеи в форме литературы, а, с другой стороны, создавать профессиональные философские работы, строго научно обосновывая каждое положение, четко расчлняя смыслы, формулируя проблемы, что свойственно науке и что представлено в его логико-философских исследованиях. В этом отношении можно сказать: да, это был действительно великий философ».

*А. А. Лазаревич, директор
Института философии НАН Беларуси,
В. И. Павлюкевич, научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси*

¹ Стёпин В. С. А. А. Зиновьев как ученый и философ // Логико-философские исследования. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. Вып. 4. С. 4–11.

**ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО И ЧЕЛОВЕКА:
К 90-ЛЕТИЮ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА НАН БЕЛАРУСИ
Л. Ф. ЕВМЕНОВА**

В текущем году исполняется 90 лет со дня рождения замечательного белорусского философа, ученого, педагога и литератора, члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси, доктора философских наук, профессора Леонида Федоровича Евменова.

Леонид Федорович родился 22 июля 1932 г. в г. Чериков Могилевской области. Его путь в науку начался в Белорусском государственном университете, который он окончил в 1955 г. Продолжением стези знаний и научно-организационного мастерства стала учеба в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Именно отсюда берут начало три линии его творческой биографии: научная, преподавательская и общественная. Каждая из них отмечена яркими

событиями личной и общественной жизни, ответственными задачами и миссиями. Так, в 1955–1958 гг. Л. Ф. Евменов работал секретарем Минского городского комитета ЛКСМБ. В 1961–1970 гг. он старший преподаватель, доцент Минского государственного педагогического института иностранных языков. Одновременно в 1963–1964 гг. проходит стажировку во Франции, в знаменитом на весь мир университетском центре Сорбонна. В 1970–1971 гг. Л. Ф. Евменов – лектор ЦК КПБ. В 1971–1974 гг. он снова работает за рубежом, представляя Советский Союз и Белорусскую ССР в отделе философских наук Департамента гуманитарных наук и культуры Секретариата ЮНЕСКО. Вслед за этим мы видим Л. Ф. Евменова на посту делегата БССР в Комиссии ООН по правам человека, председателя этой комиссии.

Пройдя веку 40-летия, Леонид Федорович обращает пристальное внимание на реализацию накопленного потенциала исследователя, организатора науки. С 1975 г. Л. Ф. Евменов – доцент, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета. В 1977 г. защитил докторскую диссертацию, в 1979 г. получил ученое звание профессора. С 1979 г. на протяжении многих лет работал заведующим Отделом научной информации по гуманитарным наукам АН БССР, заведующим сектором научно-методологических проблем

информации. В 1991 г. избран членом-корреспондентом Академии наук БССР (с 1997 г. – Национальной академии наук Беларуси). С 2002 г. работал в должности профессора, возглавлял кафедру философии и политологии Белорусского института правоведения. С 2009 г. – главный научный сотрудник Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси.

Выполняя ответственные исследовательские и дипломатические функции, Леонид Федорович принимал участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, в работе Генеральной конференции ЮНЕСКО, в многочисленных международных форумах по правам человека (в том числе во Всемирной конференции по правам человека в 1993 г.), заслужил широкий международный авторитет и признание. Одно из свидетельств этого авторитета – объявление Л. Ф. Евменова «Человеком года» (1998–1999, 1999–2000) по номинации Международного библиографического центра (Кембридж, Великобритания).

В поле исследовательского интереса известного ученого были важнейшие идейные коллизии западной философии XX–XXI вв., теоретические основы философии политики и права в ракурсе реализации принципа достоинства и фундаментальных прав человека, системно-диалектический анализ глобального развития и осмысление стратегических принципов эволюции международных отношений в условиях новых интеграционных пространств, возникших в первые десятилетия XXI в. Об этом свидетельствуют заголовки основных подготовленных им книжных изданий: «Диалектика и революция» (Минск, 1964), «Философия антимарксизма и диалектика» (Минск, 1981), «Антигуманистические тенденции современного буржуазного искусства» (Минск, 1983), «Актуальные проблемы контрпропаганды» (Минск, 1985), «Тотальный кризис и права человека» (Минск, 1996), «Международная идеология прав человека: проблемы – решения» (Минск, 2000), «Глобализация: конвергенция – достоинство и права человека» (Минск, 2015), «Логика достоинства и свободы личности» (Минск, 2016) и многих других. В целом же из-под пера Л. Ф. Евменова вышло более 200 научных и научно-публицистических работ, а также книг поэзии.

Период творческого расцвета и концептуальной зрелости мыслителя пришелся на эпоху конца XX – начала XXI в. В отечественной гуманитаристике данный период ознаменовался быстрой сменой ценностно-мировоззренческих ориентиров и понятийного ландшафта. В этих условиях остро востребованными оказались присущие Леониду Федоровичу творческие компетенции: широкая философская эрудиция, способность видеть широкую дискурсивную перспективу, грамотно ориентироваться в многоголосии теоретических подходов и стилистик.

В решении научных задач Л. Ф. Евменову, безусловно, помогал твердый нравственный императив, созданный им прежде всего для самого себя, но также и для всех, кто выбирает путь философской рефлексии. Этот императив

гласит: в центре любого построения должен находиться Человек, а в эпицентр проблематики человека должна быть поставлена идея прав, достоинства и свободы личности. Достоинство человека, его не формально декларированные, а реально осуществляемые права – это и важнейший индикатор состояния общественной системы, и основание для стратегического прогноза ее эволюции.

Л. Ф. Евменов был убежден, что внимание к ценностным императивам международных отношений, приверженность в политике нравственным идеалам, призванным обеспечить выживание и развитие человеческого рода, творческое раскрепощение и рост каждой отдельной личности, – это единственный путь разрешения противоречий между странами, народами, культурами. Доказательство правоты этого убеждения – плодотворные и доброжелательные дискуссии представителей самых разных культурно-политических мировоззрений, традиций и культур на полях научно-практических форумов, организованных при непосредственном участии ученого: это международный круглый стол «Республика Беларусь – Европейский союз: стратегия взаимодействия в исторической перспективе» (2010), международные научно-практические конференции «Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства» (2013), «Межнациональное согласие и толерантность – ценностная основа евразийской интеграции» (2014) и др.

Присущий Леониду Федоровичу Евменову организаторский талант, его живая и предельно интеллигентная манера общения, способность вдохновить и объединить вокруг себя молодежь, доброжелательность и высокий профессионализм навсегда останутся в нашей памяти, будут служить достойным примером для последующих поколений.

*А. А. Лазаревич,
директор Института философии НАН Беларуси,
кандидат философских наук, доцент*

АНАТОЛИЮ ИЗOTOВИЧУ ЗЕЛЕНКОВУ – 75 ЛЕТ

В этом году выдающемуся философу и педагогу, доктору философских наук, профессору, заслуженному деятелю науки Республики Беларусь, профессору кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (БГУ) Анатолию Изотовичу Зеленкову исполнилось 75 лет.

Родился А. И. Зеленков 24 января 1947 г. в д. Старый Крупец (ныне агрогородок Крупец) в Гомельской области. В 1966 г. Анатолий Изотович поступает на отделение философии исторического факультета БГУ, которое с отличием заканчивает в 1971 г.

В годы учебы он активно участвовал в конкурсах научных студенческих работ, был членом университетской сборной по легкой атлетике, занимал должность заместителя секретаря комитета комсомола университета.

Именно в Институте философии и права АН БССР (ныне Институт философии НАН Беларуси), в аспирантуру которого поступил Анатолий Изотович, начал раскрываться его талант оригинального исследователя. В апреле 1975 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Отрицание как методологический принцип научного познания».

После защиты диссертации Анатолий Изотович приходит на кафедру философии гуманитарных факультетов БГУ которая позднее трансформируется в кафедру философии и методологии науки. В 1986 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Философско-методологический анализ проблемы предметности в научном познании», став одним из пяти докторов философских наук СССР моложе 40 лет. В следующем, 1987 г. ему было присвоено звание профессора по специальности «Философия».

С 1992 по 1996 г. Анатолий Изотович Зеленков занимал должность проректора по учебной работе БГУ. Однако он не оставил руководство кафедрой, продолжая работу на общественных началах. С 1997 по 2005 г. А. И. Зеленков занимал должность декана философско-экономического факультета, на базе

которого в 1999 г. по его инициативе был создан факультет философии и социальных наук.

Данный период был крайне насыщенным и продуктивным. Под руководством Анатолия Изотовича Зеленкова значительно расширяется кафедра философии, а также созданная в 1991 г. научно-исследовательская лаборатория социально-экологических и философско-культурологических исследований. Происходит расширение проблемного поля исследований, создаются новые научные проекты, увеличивается штат квалифицированных преподавателей.

А. И. Зеленков является автором более 300 научных работ, среди которых ряд актуальных монографий на различные темы: философия и методология науки, социальная экология, концепция устойчивого развития, глобализация, проблемы гуманитарного образования и др. Его труды издаются как в Беларуси, так и за рубежом: в Польше, Германии, Франции, США, Словакии, Болгарии и других странах.

Важную роль играет педагогическая деятельность А. И. Зеленкова. Многие годы он проводит лекции и семинары по социальной философии, философии глобализации, теории познания, философии и методологии науки, с которыми выступает не только в БГУ, но и во многих зарубежных университетах и образовательных центрах России, Украины, Польши, Испании, США, Китая, Монголии и других стран. Именно под его руководством и при личном участии была создана целая серия инновационных учебных и учебно-методических пособий по различным разделам философского знания для студентов, магистрантов и аспирантов, внедряются в учебный процесс новейшие методы преподавания социально-гуманитарных дисциплин.

Долгое время Анатолий Изотович возглавлял Совет по защите докторских диссертаций по философии в БГУ. Под его руководством было написано и защищено более 25 кандидатских и докторских диссертационных исследований. Ученики талантливого педагога и ученого работают на руководящих и преподавательских должностях в крупных университетах, научных и образовательных центрах Беларуси. Большое внимание Анатолий Изотович уделяет популяризации философского знания среди молодежи, инициировав создание на базе факультета философии и социальных наук БГУ совместно с академическим Институтом философии Школы юного философа «Пайдейя».

Вклад Анатолия Изотовича в научную и педагогическую деятельность получил заслуженное признание в стране и за рубежом. Он является дважды академиком – Петровской Академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург) и Украинской Академии политических наук. Решением Международного биографического центра при Кембриджском университете (Англия) в 1993 г. удостоен Почетной награды XX столетия за достижения в области философии и методологии науки. В Беларуси Анатолий Изотович был награжден орденом Почета, удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Беларусь», является лауреатом премии имени В. И. Пичеты, неоднократно

Анатолию Изотовичу Зеленкову – 75 лет

награжден почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь, Фонда фундаментальных исследований Республики Беларусь и Белорусского государственного университета. Среди его наград – нагрудный знак «Выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь», Почетная грамота Национального собрания Республики Беларусь.

Значимым результатом творческого сотрудничества А. И. Зеленкова с Институтом философии НАН Беларуси является создание в 2013 г. филиала возглавляемой ученым кафедры в академическом Институте философии. Регулярно участвуя в качестве организатора в проводимых в Институте крупных международных конференциях по философии и методологии познания, Анатолий Изотович выступает на пленарных заседаниях с фундаментальными докладами по актуальным проблемам философии и современного цивилизационного развития. Большую роль в популяризации философского знания играет его деятельность в качестве заместителя председателя Белорусского философского общества.

В Институте философии НАН Беларуси хорошо знают философа и педагога, доктора философских наук, профессора А. И. Зеленкова, по достоинству ценят его талант исследователя и преподавателя.

От всей души желаем Вам, дорогой Анатолий Изотович, неисчерпаемой энергии, крепкого здоровья, счастья, благополучия и новых творческих свершений.

*Академик А. А. Коваленя,
академик-секретарь Отделения гуманитарных наук
и искусств НАН Беларуси,
А. А. Лазаревич,
директор Института философии НАН Беларуси*

ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ ЛУКАШЕВИЧ: К 75-ЛЕТИЮ

25 августа 2021 г. исполнилось 75 лет известному белорусскому философу, методологу науки, доктору философских наук, профессору, главному научному сотруднику Института философии НАН Беларуси Владимиру Константиновичу Лукашевичу.

Владимир Константинович родился в д. Иваново Несвижского района на Минщине в трудные послевоенные годы. Пытливый ум и стремление к знаниям привели юношу на философский факультет Белорусского государственного университета. После окончания вуза вся его творческая и научная деятельность были отданы философской науке.

В 1975 г. Владимир Константинович поступил в аспирантуру Института философии АН БССР и занялся исследованием метода моделирования в человеческой деятельности. Эта тематика остается актуальной до настоящего времени. Исследования завершились успешной защитой кандидатской диссертации в 1979 г. и публикацией монографии «Модели и метод моделирования в человеческой деятельности» (1983). В работе были изучены сфера и границы метода моделирования, выполнен анализ вопросов становления общенаучного понятия модели.

Постепенно от исследований, посвященных методам моделирования, Владимир Константинович перешел к расширению проблемного поля и обобщенному изучению научного метода как такового. Объектами его внимания становятся теория научного познания, концептуальное взаимодействие наук, принцип единства мира и развития в обосновании научного метода, научный прогресс, метод как форма реализации творческого потенциала субъекта науки и др. В 1992 г. эти исследования были подытожены в успешно защищенной докторской диссертации на тему «Научный метод: структура, обоснование, развитие», где ученым было раскрыто свое видение целостного научного направления. В. К. Лукашевич становится ведущим методологом республики.

В середине 1990-х годов внимание Владимира Константиновича привлекла нанотехнологическая бифуркация в развитии науки и техники. Исследователь публикует несколько работ, где рассуждает о будущем техногенной цивилизации. Следует вспомнить о научно-организационной и общественной деятель-

ности В. К. Лукашевича на посту вице-президента Белорусского философского общества в этот же непростой для нашей науки период.

Кроме научной работы Владимир Константинович много лет посвятил педагогической работе, передавая свои знания и опыт студенческой молодежи. Анатомия научного метода, философия и методология науки, основы методологии научных исследований, философия в целом нашли отражение в многочисленных учебных и учебно-методических пособиях. Много лет (1996–2013) Владимир Константинович заведовал кафедрой философии Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, а затем был на ней профессором. Заметный вклад был внесен ученым в подготовку научных кадров высшей квалификации.

В настоящее время в фокусе внимания Владимира Константиновича Лукашевича находятся проблемы формирования инновационного пространства, его структурно-функциональные параметры и ресурсный потенциал; научный прогресс в целом, его традиционные и современные измерения. В своей монографии «Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске» (2019) исследователем были проанализированы интенциональные особенности и специфика форм креативного взаимодействия типов знания, обеспечивших системогенез науки и ее прогрессирующее развитие.

Главными чертами характера ученого и педагога Владимира Константиновича Лукашевича всегда были поиск истины, профессионализм и добросовестность. Занимаясь областью методологии науки, он досконально изучил ее предмет, обозначил его роль и место в системе философских исследований. Это нашло отражение в ряде монографических изданий и научных статей, подготовленных в стенах Института философии НАН Беларуси и за его пределами.

Заслуги Владимира Константиновича Лукашевича были высоко оценены научным и педагогическим сообществом. Он был удостоен Диплома I степени Республиканского конкурса молодых ученых (1978 г.); золотой медали ВДНХ (1986 г.); нагрудного знака «Отличник образования Республики Беларусь» (2006 г.); медали Франциска Скорины (2011 г.) и, наконец, за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую работу, подготовку научных кадров высшей квалификации, научные исследования в области логики и методологии науки, значительный вклад в развитие отечественной философско-методологической школы и в связи с 90-летием Института философии НАН Беларуси – нагрудного знака отличия имени В. М. Игнатовского НАН Беларуси.

Желаем Вам, уважаемый Владимир Константинович, здоровья, новых творческих успехов, душевного благополучия и комфорта!

*А. А. Лазаревич,
директор Института философии НАН Беларуси,
А. В. Колесников,
заведующий Отделом философии информационных
и когнитивных процессов Института философии НАН Беларуси*

ФАКТОР ПОКОЛЕНИЙ В ФИЛОСОФСКОЙ НАУКЕ

Философия является важной составляющей национальной академической системы. По своей сути она представляет собой основание всего возводимого здания современной научной картины мира. Научное познание не развивается само по себе. Науку делают люди. Институт философии Национальной академии наук Беларуси – относительно небольшое учреждение, но при этом исполняющее важную миссию интеграции усилий в направлении развития философского знания в нашей республике. Кадровый состав академического института выполняет эту важную функцию уже более 90 лет.

Существует теория смены поколений, утверждающая, что основные мировоззренческие принципы имеют некоторую тенденцию к циклическим повторениям через определенные исторические периоды. Это обусловлено, в частности, тем, что основа базовых мировоззренческих взглядов закладывается в сознании человека в достаточно раннем детском возрасте. Причем, по мнению ряда исследователей, значительная роль в этом процессе принадлежит старшему поколению – бабушкам и дедушкам. Поэтому некоторые ментальные установки имеют тенденцию повторяться и оказывают влияние на весь сложный нелинейный процесс социальной динамики.

В истории Института философии НАН Беларуси периодизация смены поколений также имеет место. Так совпало, что в текущем академическом 2021–2022 году шесть сотрудников научного учреждения синхронно переступили 60-летний рубеж. Среди них заведующие отделами, ведущие научные сотрудники и специалисты. Нынешние «шестидесятники» являются в основном воспитанниками и учениками патриархов белорусской философской науки академиков Е. М. Бабосова, Д. И. Широканова, известных белорусских философов старшего поколения Н. И. Жукова, Э. М. Сороко, С. П. Трофименко. На их формирование как ученых оказали влияние такие яркие личности, как Г. А. Жебит, А. К. Манеев.

Философом невозможно стать, получив университетский диплом с соответствующей записью. Философский склад ума формируется на протяжении длительного периода жизни человека под влиянием накопленного опыта и постоянной практики познания. К философии нужно прийти. В этом специфика философского знания. Оно должно быть прочувствовано, прожито и осмыслено. Поэтому сформировавшийся ученый-философ входит в период своей научной зрелости достаточно поздно. Как раз к этому рубежу подошли наши

юбиляры. Именно сейчас они формулируют и выдвигают свои главные идеи и концепции, которые лягут очередными ступенями на трудной дороге философского познания и займут свое достойное место в здании белорусской философской науки.

Это поколение исследователей застало еще то время и ту особую творческую атмосферу, которая присутствовала в среде академических научных институтов советского времени. Эта специфическая атмосфера была описана в прекрасных книгах А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке». Для многих аспирантов, младших, да и старших научных сотрудников в то время понедельник действительно начинался в субботу, а вынужденное отлучение от научного творческого процесса на выходные воспринималось, скорее, как наказание, чем как поощрение. Это было время горячих научных дискуссий, бесконечных споров о науке, человеке, устройстве мира, будущем... Тогда мы умели мечтать. Это то, чего, возможно, так не хватает в наше нынешнее время, ибо мечта – это первый вариант плана, а искренние и горячие желания имеют свойство сбываться.

Поколение ученых, которые сейчас перешагивают 60-летний рубеж, пережило так называемую перестройку, в значительной степени разрушившую атмосферу советских НИИ, где, возможно, было разное, но, несомненно, было и искреннее и бескорыстное научное творчество. Перестройка «прокатилась» и по судьбам ученых, раскидав представителей научного сообщества. Многие ушли из науки. Кто-то нашел себя в новых сферах деятельности, но рискнем утверждать, что большинство ушли в никуда. Немногие нашли в себе силы остаться в науке. К ним относятся и наши «шестидесятники».

Поздравляем наших юбиляров

Игорь Евгеньевич Прись, кандидат философских наук, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Отдела теории познания и методологии науки. Его исследования посвящены философским проблемам современной физики и теории познания. Он является автором монографий «Контекстуальность онтологии и современная физика» (2020), «Бозон Хиггса, квантовые струны и философия физики» (2021), «Знание в контексте» (2022) и многочисленных статей в отечественных и зарубежных изданиях.

15 декабря 2021 г. свое 60-летие отметил *Андрей Витальевич Колесников*, кандидат философских наук, заведующий Отделом философии информационных и когнитивных процессов. Сфера научных интересов охватывает философский космизм, цифровую философию, синергетику, компьютерное моделирование динамики сложных систем, в частности клеточных автоматов и фрактальных структур. Свою методологию и полученные результаты А. В. Колесников успешно применяет для анализа динамики социальных систем, к примеру на пространстве Евразии. Автор многочисленных публикаций в бело-

русских и зарубежных журналах, коллективных монографий, а также недавно увидевшей свет монографии «Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума» (2022).

26 января 2022 года юбилей отпраздновала *Татьяна Владимировна Зайковская*, научный сотрудник Отдела философии культуры, технический секретарь совета по защите диссертаций. Исследования ученого связаны с изучением специфики деятельности религиозных организаций в условиях современного информационного общества.

31 января ряды «шестидесятников» пополнил *Сергей Иванович Санько*, кандидат философских наук, заведующий Отделом философии культуры. Научные интересы – семиотика культуры, реконструкция мировоззренческих, когнитивных и аксиологических основ традиционной культуры белорусов (белорусской этнофилософии). В 2019–2020 гг. являлся научным руководителем отдельного проекта фундаментальных и прикладных научных исследований НАН Беларуси «Белорусская этнофилософия в системе национальной культуры». Цикл публикаций научного коллектива был номинирован по итогам 2021 г. на конкурсе НАН Беларуси «Топ-10». Результаты исследований нашли отражение в коллективной монографии «Трошкі бліжэй да Сонца, трошкі далей ад Месяца: беларуская народная філасофія» (1-е издание увидело свет в 2021 г., 2-е издание – в 2022 г.).

21 марта 2022 г. 60 лет исполнилось *Валерию Александровичу Максимовичу*, доктору филологических наук, профессору, заведующему Отделом философии литературы и эстетики, литературоведу, критику, поэту. Автор монографий «Беларускі мадэрнізм: эстэтычная самаідэнтыфікацыя літаратуры пачатку XX стагоддзя» (2001), «Нацыянальны космас класікі: дыялог традыцый і наватарства ў творчасці Янкі Купалы і Якуба Коласа» (2008), «Шляхам спазнання існасці: літаратурны працэс другой паловы XIX – пачатку XXI ст. у постацях» (2011), «Нацыянальная мастацкая традыцыя ў кантэксце гуманітарнай бяспекі Беларусі» (2019), учебников и многочисленных публикаций в научных журналах Беларуси и зарубежья. Исследовательскую работу В. А. Максимович совмещает с преподавательской деятельностью и поэтическим творчеством.

1 мая 2022 г. свой 60-летний юбилей отметил *Александр Леонтьевич Куши*, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела философии культуры, докторант Института философии НАН Беларуси. Сфера научных интересов – методология научного познания и философия образования. Юбилей является секретарем Республиканского общественного объединения «Белорусское философское общество», а также секретарем редколлегии ежегодного сборника научных статей «Философские исследования». В последнее время исследования сосредоточены на концептуальных основаниях образования: сущности, структуре, методологическом потенциале, определении струк-

Фактор поколений в философской науке

туры методологического аппарата исследования понятия образование. А. Л. Куиш является автором многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях.

Все юбиляры проводят активную исследовательскую и организационную работу, наиболее полно раскрывая свой творческий потенциал. Они являются одним из главных звеньев в цепи поколений исследователей.

Поздравляем наших коллег с юбилеем, желаем здоровья и вдохновения для достижения новых вершин в науке, раскрытия новых исследовательских горизонтов, передаче своего ценного опыта, лучших академических традиций молодому поколению.

*А. В. Колесников,
кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси,
С. И. Санько,
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси*

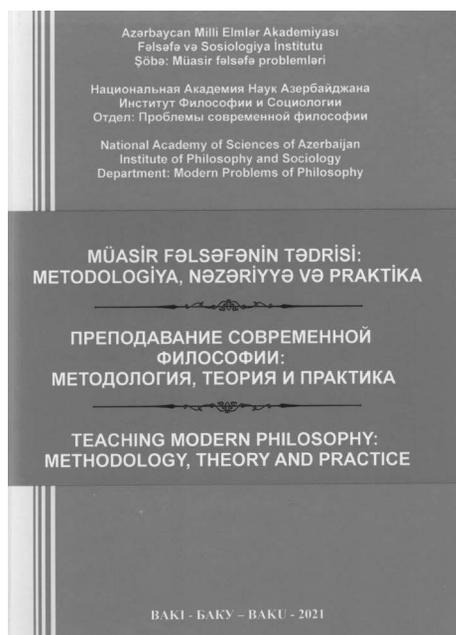
РЕЦЕНЗИИ

О СОСТОЯНИИ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПУТЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ¹

Рубеж XX–XXI вв. представляет собой переходную историческую эпоху со всеми вытекающими последствиями для человечества. «В такие эпохи, – указывает известный русский историк философии Г. Г. Майоров, – особенно остро ощущается и величие, и хрупкость человеческой цивилизации, ее высокая ценность и в то же время отсутствие твердых гарантий ее дальнейшего сохранения. Подобное ощущение у одних людей порождает панические и эсхатологические настроения, у других, более мужественных и вместе с тем более гуманных, оно вызывает потребность во что бы то ни стало спасти культуру, защитить разум от надвигающегося хаоса, уберечь веру в непреходящее добро от натиска разбушевавшегося зла»².

Особенно сильно такого рода ощущение у лиц творческих профессий, преимущественно у философов.

Уже в течение более десяти лет в Институте философии и социологии Национальной академии наук Азербайджана реализуется масштабный проект, посвященный теоретическому осмыслению актуальных проблем азербайджанской и мировой философской мысли. В ходе его реализации издано 12 коллек-

¹ Рецензия на: Müasir fəlsəfənin tədrisi: metodologiya, nəzəriyyə və praktika = Преподавание современной философии: методология, теория и практика = Teaching Modern Philosophy: Methodology, Theory and Practice / науч. ред.: Али Абасов, Абульгасан Аббасов, Нигина Шермухамедова. Баку : Нац. акад. наук Азербайджана ; Ин-т философии и социологии, 2021. 786 с.

² Майоров Г. Г. Судьба и дело Бозция // Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты / отв. ред., сост. и авт. ст. д-р филос. наук Г. Г. Майоров. М. : Наука, 1990. С. 315.

тивных монографических работ. Последняя из этой серии книга охватывает дискуссионную в наши дни тему философского образования¹.

Прежде всего отметим полиэтнизм авторского коллектива представленной монографии: в ее подготовке приняли участие ученые из Азербайджана, Беларуси, Германии, Грузии, России, США, Турции, Узбекистана, Украины, что позволило вынести на суд читателей довольно целостную картину состояния философии, а также специфики ее преподавания в разных государствах, хотя авторами все же в большей степени уделено внимание постсоветскому интеллектуальному пространству, что вполне объяснимо: философия за последние три десятилетия подверглась столь решительному преобразованию на этом пространстве, как в никаком ином месте на нашей планете. При этом, отмечают авторы издания, произошедшие изменения заслуживают как позитивной, так и негативной оценки, с чем нельзя не согласиться.

В качестве одной из позитивных сторон преобразования данной дисциплины на постсоветском пространстве выделена ставшая для философов реальностью возможность избавиться от выполнения идеологической функции, социального заказа, обрести свободу творчества, включиться в освоение тех философских направлений, которые получили развитие в Европе и Америке и которые в советскую эпоху подвергались целенаправленной, но не всегда достаточно аргументированной критике (позитивизм, экзистенциализм, прагматизм, феноменология, герменевтика и другие течения). Прекратилось характерное ранее порицание идеалистических направлений в философии и таким образом фактически снят с повестки дня «основной вопрос философии». Более того, стала допустимой критика материализма, как диалектического, так и исторического, то есть учения К. Маркса и его последователей, чем тут же не преминули воспользоваться многие бывшие его активные пропагандисты. Наряду с «плюрализмом мнений» получила практическую реализацию идея синтеза разработок различных философских школ и течений в одно универсальное философское учение. Не взаимная критика, а, напротив, компромисс и согласие заявлено многими исследователями в качестве кредо современного философствования.

В рецензируемом монографическом издании представлены различные взгляды и подходы к философии, способам ее преподавания и освоения. При этом в нем отражен ряд общих выводов, объединивших исследователей.

Во-первых, это касается обеспокоенности авторов за будущее философии. Большинство из них пришли к заключению о снижении престижа философии. Как отмечает профессор Дагестанского государственного университета Мустафа Билалов, «происходящие в настоящее время в высшей школе реформы оказывают весьма отрицательное воздействие на статус философии как учебной дисциплины в российском образовании... Рациональное философское

¹ Преподавание современной философии: методология, теория и практика.

мышление вытесняется из культурного пространства, вместе с ним уходит престиж философии и науки в целом»¹.

Во-вторых, снижается теоретический уровень философских разработок. Азербайджанский ученый Таги Баширов указывает на схоластичность, пустословие, псевдонаучность, оторванность от жизни и практики многих современных философских исследований. Но «если схоластика средних веков имела свое историческое оправдание, а средневековая наука и философия, по меркам своего времени, была на высоком уровне развития, то схоластичность некоторых современных философских исследований является научным анахронизмом»².

Причины сложившейся ситуации с философскими дисциплинами объясняются по-разному. Одни авторы называют личностные факторы, связанные с некомпетентностью преподавателей, в лекционных курсах которых «изложение философии зачастую весьма догматично, слабо связано со специализацией студентов»³, а также с равнодушием чиновников, рассчитывающих лишь «с помощью административных рычагов, в принудительном порядке»⁴ обеспечивать на должном уровне образовательный процесс; другие отмечают разбалансированность общественных устоев.

На наш взгляд, нынешняя ситуация с философией обусловлена не только личностными факторами. Отчасти она связана с запущенной в свое время «сверху» идеологической установкой, нацеленной на радикальное «переформатирование» отечественной философии, на устранение ее «советскости». Это фактически означало устранение самой философии, поскольку предлагалось полностью отказаться от разработок прошлых лет, даже от имевших место фундаментальных трудов в области истории философии, гносеологии, логики, этики и эстетики, и переориентироваться на освоение зарубежного философского опыта. В итоге философам постсоветского пространства пришлось начинать работу чуть ли не с нуля. Здесь обнаруживаются явные отличия: кто-то избрал феноменологию, кто-то – постмодернизм, кто-то – европейский вектор, а кто-то – вектор Азии. Это и понятно – этнический фактор в данном случае играл не последнюю роль.

В книге не только отмечаются имеющие место недостатки в исследовании философской проблематики и преподавании учебных дисциплин. Исходя из собственного опыта авторы стремятся внести конкретные предложения по улучшению ситуации в области философского сегмента духовной культуры (при этом саму идею необходимости сохранения философии в качестве учебной дисциплины авторы книги не подвергают сомнению).

¹ Преподавание современной философии: методология, теория и практика. С. 473.

² Там же. С. 536.

³ Там же. С. 492.

⁴ Там же.

Выделим имеющиеся в книге отдельные конкретные предложения по дальнейшему развитию философии как важнейшего сегмента духовной культуры.

Прежде всего указано на необходимость возратить философии ее научный статус, который был ею утрачен в 1990-е годы. В этом плане нельзя не согласиться с выводом азербайджанского ученого профессора Абульгасана Аббасова о том, что «без наличия адекватной эпистемологии, отвечающей требованиям исторического времени, не может идти речь о какой-то профессиональной философии»¹. Именно поэтому «есть острая потребность в коренной интенсификации разработок в области эпистемологии и философии науки, в совместных системных и последовательных усилиях в этом направлении»². При этом философы обязаны уважительно относиться «к творчеству видных ученых-специалистов в других областях науки», так как это «весьма значимо для философии и философов»³.

Авторы книги обращают внимание на неудовлетворительное состояние понятийно-категориального аппарата современной философии. Порой для придания «научности» своему тексту авторы осознанно нагружают его громоздкой терминологией, становясь на путь «глубокомысленной мимикрии»⁴. Это касается в частности и азербайджанской философии, которая в последнее время насыщается арабизмами и фарсизмами. Вполне естественно, что созданные таким путем громоздки в лингвистическом плане конструкции не привлекают, а, наоборот, отталкивают студентов. Требуется, к тому же, системный подход к используемому в учебном процессе категориальному аппарату философии, более строгое определение содержания используемых понятий.

Если в советское время учебные курсы по философии выстраивались сугубо на базе материализма (диалектического материализма), то сейчас в качестве их основания, исходного посыла зачастую выступают разнообразные философские системы, причем порой взаимоисключающие. Например, онтология выстраивается на одной философской школе, эпистемология – на другой и т.д. Это не позволяет сформировать в мировоззрении студентов системную картину зарождения и исторического развития философии как дисциплины. Именно поэтому «основная трудность преподавания философии и истории философии в целом в новом социокультурном контексте – это предмет философии как дисциплины, наличие различных и противоречивых взглядов на содержание ее категориального аппарата»⁵, что в результате снижает «побуждение учеников думать, делать выбор и обосновывать свой выбор научными и логическими аргументами»⁶.

¹ Преподавание современной философии: методология, теория и практика. С. 17.

² Там же.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Там же. С. 154.

⁶ Там же.

Несмотря на обилие разнообразных точек зрения, авторы считают, что при подготовке учебного курса следует стремиться выстроить его в системном виде, а это достигается путем раскрытия логики исторического процесса развития философии. Усвоение студентами объективной логики развития философии будет способствовать формированию у них логического мышления, зарождению интереса «к постижению сущности исследуемого объекта, к поиску объективной истины, к умению получить истину». Но не истину в готовом виде – “полную” и “окончательную”. Философия необходима для того, чтобы помочь человеку уяснить логику самого мыслительного процесса. Важно понять, почему именно так, а не иначе, шел мыслительный процесс на уровне индивида, отдельных социальных институтов и общества в целом. И здесь нельзя не сказать о той интеллектуальной миссии, которую способна, и обязана, выполнять диалектика»¹.

Особого внимания заслуживает учебная литература. «Учебник философии, – отмечают Али Абасов и Таги Баширов, – прежде всего должен учить умению думать, обсуждать, дискутировать, быть толерантным, творчески и критически осмысливать проблемы сегодняшнего дня»². Более того, «сегодня реально существует необходимость в создании синтетического, комплексного учебника, содержащего в себе некий минимум гуманитарных знаний, объединенных системным образом и характеризующийся своей практической направленностью»³.

Авторы не могли обойти своим вниманием Болонскую систему образования, на которую постепенно перешли постсоветские государства. Ей дана неоднозначная оценка. Доктор философских наук, профессор Мустафа Билалов (Дагестан) считает, что «для восстановления бывшего мировоззренческого и методологического статуса философии в российском образовании необходима государственная воля, основанная на концептуально-целостной общественной идеологии. Необходим отказ от технократической Болонской системы и переход к гуманистической культуроцентристской парадигме современного образования, в котором ключевые позиции отводятся преподаванию философии с учетом инновационных методик и практик интерактивного обучения на основе информационных технологий»⁴.

В монографии сконцентрировано внимание на самом процессе обучения и получения философской специальности. Своей фундаментальностью выделяется раздел «Современная философия: проблемы и перспективы развития»⁵, авторами которого являются известные азербайджанские ученые – доктор философских наук, профессор Али Абасов и доктор философии, доцент Таги Ба-

¹ Преподавание современной философии: методология, теория и практика. С. 367.

² Там же. С. 487.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 471.

⁵ Там же. С. 486–615.

широв. В данном разделе решается задача «сравнения традиционных и новых курсов преподавания философии, поднимаются проблемы современного философского образования, выявляются ментальные детерминанты философской исследовательской и преподавательской деятельности, определяются так называемые “идолы” современного философского познания и личностные ограничения философа психологического и мировоззренческого уровня»¹.

Поднята проблема приема, а вернее, подбора студентов на философские факультеты. Правомерно обращается внимание на уникальность философской специальности: не всякий человек в состоянии ею заниматься. Поэтому требуется изменить существующую практику приема студентов: «При приеме на философскую специальность необходимы тесты открытого типа, позволяющие проверять умение абитуриентов самостоятельно, творчески мыслить»². Используемая в настоящее время тестовая система не дает возможности выявить задатки абитуриента к философскому мышлению.

Авторы книги указывают на «деидеологизацию» философии, свободу философского творчества как позитивное достижение перестроечной эпохи. С этим умозаключением нельзя не согласиться. Однако не следует абсолютизировать «деидеологизацию», о которой публично заявляют многие политики, а на практике стремятся максимально утвердить на мировом пространстве в качестве единственно верной и единственно, якобы, гуманной собственную идеологию то ли в виде «всеобщих прав», исключающих взаимные обязательства, то ли в виде «всеобщих ценностей», исключающих национальные устои как, по их мнению, архаичные. Думается, вне идеологии развитие современного общества не мыслимо, что, собственно, подтверждается бурными политическими процессами в мире в первую четверть XXI в. Освобожденную постсоветскими философами нишу «идеологического обеспечения» политических процессов тут же заняли и успешно культивируют другие специалисты – политологи, социологи и историки. Решительный уход философов от социальной практики, попытка сосредоточиться на собственных дисциплинарных вопросах, а тем более их отказ от признания научного статуса философии, способной (и обязанной) теоретически обеспечивать более-менее устойчивое развитие общества, как раз и стали одной из причин снижения ее престижа. И как не напомнить в связи с этим крылатое высказывание Эпикура, в котором приводится простая и в то же время столь мудрая, апробированная самой жизнью мысль: «Пусты слова того философа, которыми не врачуеться никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезней души»³. Да и некоторые западноевропейские философы пришли к мысли о снижении

¹ Преподавание современной философии: методология, теория и практика. С. 486.

² Там же. С. 487.

³ Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. М. А. Дынника. М. : Госполитиздат, 1955. С. 232.

социального статуса философии по причине ее отрыва от социальной практики, то есть ее пассивности. Так, во всяком случае, считает французский философ Ж. Бенуа¹.

Определенное место в книге занимает анализ философских оснований систем образования, сформировавшихся в государствах дальнего зарубежья. В частности, доктор философских наук, профессор В. В. Зинченко (Украина) раскрывает сущность философии образования в США. Отмечено, что американская модель системы образования, с одной стороны, базируется на идеях бихевиоризма и необихевиоризма и ориентирована в основном на подготовку качественных исполнителей, аналитическое мышление которым вовсе не обязательно. С другой стороны, система образования США базируется на платформе философии прагматизма и неопрагматизма. Здесь уже задачи образования видятся «в количественном росте способностей, качеств (прежде всего интеллектуальных) и индивидуального опыта личности как главного условия самореализации»². «Выдвигая достижение успеха как главную цель человеческой жизни, – указывает автор, – сторонники прагматической концепции философии образования сводят успех только к индивидуальным рамкам человеческой жизни, освобождая человека от необходимости ставить высокую цель, стремиться к социальному идеалу. Согласно ей, в каждой конкретной ситуации человек стремится к достижению своей индивидуальной цели, а потому нужно, исходя из способностей, довольствоваться достигнутым положением. Напротив, неопрагматики считают, что помимо этого образовательный процесс предполагает также развитие творческих способностей человека, что требует умелой организации человеческой деятельности (качественного управления образованием)»³.

В заключение отметим следующее. В предисловии книги ее научный редактор доктор философских наук, профессор Али Абасов сетует на то, что не всё из намеченного проекта удалось реализовать. Но нельзя не считаться с тем фактом, что сам проект был задуман чрезмерно масштабным, предполагавшим охватить предельно широкий круг проблемных вопросов, начиная от анализа опыта постсоветского периода преподавания философии с его методологией и методикой, и заканчивая вопросами философского обеспечения современной политики и геополитики. Конечно, даже при всем желании, реализовать его в одной книге не представлялось возможным. Поэтому при оценке итогов своего труда редколлегия, думается, изрядно скромничает: и ею, и авторами проделана огромная работа по осмыслению состояния современной философской мысли. Издание дает целостную панорамную картину функционирующей философии, то есть философии культуры на современном этапе ее

¹ Benoist J. Quelques réflexions sur comment penser le monde aujourd'hui. Réponses a Jing Xie // *Phàsis: European Journal of Philosophy*. 2018. № 5. P. 139.

² Преподавание современной философии: методология, теория и практика. С. 401.

³ Там же. С. 401–402

О состоянии современного философского образования и путях повышения

исторического развития, и, несомненно, послужит хорошим импульсом к дальнейшему обсуждению ее проблематики, станет подспорьем для исследователей и педагогов в их профессиональной работе. Наконец, представленная монография заостряет внимание на том, что древнейшую дисциплину, названную «философия», следует не столько критиковать, сколько всячески поддерживать. Она того заслужила своей непростой многовековой историей и той особой ролью, которую она сыграла в формировании интеллектуального потенциала человечества.

*Т. И. Адуло, доктор философских наук, профессор,
заведующий Отделом социально-философских и антропологических исследований
Института философии НАН Беларуси*

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОДИНАМИКА В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ¹

Недавно увидела свет коллективная монография «Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ» под общей редакцией доктора философских наук Т. И. Адуло², в которой отражены научные результаты последних лет в области социальной философии одного из структурных подразделений Института философии Национальной академии наук Беларуси.

В издании прежде всего убедительно показана возросшая актуализация системного философско-теоретического понимания механизма функционирования современного социума для прогнозирования общественных процессов (*первая* глава). «Осуществить это, – указывается в работе, – можно путем диалектического синтеза двух планов исследования социума – абстрактно-теоретического и конкретно-исторического. Абстрактно-теоретический план предполагает разработку понятийно-категориального аппарата философии истории»³. В связи с этим отмечается важность создания системы понятий и категорий. Но абстрактно-теоретическое исследование общества базируется на конкретно-историческом материале. «Поэтому только диалектический синтез абстрактно-теоретического и конкретно-исторического планов исследования позволяют ученому раскрыть сущность социума и на базе этого спрогнозировать его динамику»⁴ – такова исходная базовая идея монографии, с которой нельзя не согласиться.

Авторами монографии обоснована важность создания системы понятий и категорий, отвечающей требованиям современной исторической эпохи, и в ка-

¹ *Рецензия на:* Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ / Т. И. Адуло [и др.] ; под общ. ред. Т. И. Адуло ; Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. Минск : Беларус. навука, 2022. 408 с.

² Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ.

³ Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ. С. 4.

⁴ Там же.

честве одной из ключевых категорий предложена «социальность», раскрыты ее сущность и динамика. Феномен социальности представлен как объективное явление – в виде системы «исторически складывающихся и воспроизводящих себя взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, которая определяет типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса»¹. Данная категория призвана воспроизвести в мышлении познающего субъекта феномен социальности во всех формах его бытия и исторического развития, а следовательно, и сам механизм функционирования общества в конкретные исторические эпохи. Именно поэтому социальность подана в качестве важнейшего объекта теоретического анализа для философов и ученых-гуманитариев в целом.

В работе проведен анализ «узловых точек» развития феномена социальности и ее идеального воспроизведения в мысли человечества. Представлены два аспекта данного феномена. Во-первых, раскрыта логика развития идеи социальности в философской мысли. Во-вторых, осуществлена корреляция философского и исторического осмысления указанной категории с самим историческим процессом, то есть соотнесены логическое и историческое. Наконец, выявлена специфика развития социальности в белорусском обществе за последние три десятилетия с учетом тех глобальных изменений, которые в нем произошли в результате перевода хозяйственной жизни (экономического базиса) на так называемый рыночный путь развития

В книге осуществлено теоретическое осмысление социальных коллизий современного социума. Выявлены объективные и субъективные онтологические основания нестабильности современного мира. Показано, что объективные основания нестабильности проистекают из онтологии самих общественных процессов – атрибутивного характера социальных противоречий, вне которых развитие социального организма проблематично. Субъективные основания нестабильности общества связаны с деятельностью самих участников социальных процессов – людей, начиная с рядовых граждан и заканчивая политиками и государственными деятелями.

Во *второй* главе в философском ключе дана панорамная картина экономической ситуации в Беларуси, проведен анализ экономической модернизации страны в контексте современных динамичных процессов в мире, указаны ее внешние и внутренние источники. Признана важность и возможность использования в Беларуси научных и технологических наработок зарубежных стран, но при этом обращено внимание на необходимость ответственного подхода руководителей всех рангов к зарубежным инвесторам и их экономико-политическим проектам, дабы не повторить печальный опыт деиндустриализации России. Главным источником экономической модернизации признаны внутренние ресурсы – финансы, наука и отечественный интеллектуальный капи-

¹ Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ. С. 41.

тал, который следует максимально активизировать. Авторы исходят из факта значительно возросшей роли интеллекта в общественном развитии и признают усиливающуюся борьбу за интеллектуальные ресурсы закономерностью современной эпохи. Нельзя не согласиться с выводом, согласно которому в XXI в. борьба за интеллект потеснит борьбу за природные ресурсы, рынки сбыта продукции и станет доминантой в системе межгосударственных отношений.

Также теоретически обоснован вывод о том, что национальный интеллект может быть сформирован только за счет усилий собственной нации. Поэтому ускоренное развитие наукоемкого отечественного производства и более интенсивный перевод на новую технологическую основу традиционных отраслей народного хозяйства – это не только гарантия дальнейшего развития экономических устоев государства, но и эффективное противодействие санкциям, все чаще используемым сильными государствами по отношению к более слабым государствам. Но реализация данного проекта может быть обеспечена интеллектуально развитым человеком. Формирование интеллекта нации – важнейшая задача, решение которой не следует откладывать.

В *третьей* главе монографии представлено авторское осмысление социально-философских, социально-нравственных и этико-психологических проблем семьи. Признан неоспоримым тот факт, что, как и ранее, в XXI в. воспроизводство человека будет происходить в семье. Под углом зрения динамики социальности осуществлен системный анализ трансформации института семьи в современную историческую эпоху. Показано, что происходящие ныне системные трансформации белорусского общества влекут за собой изменения института семьи, затрагивая ее сущностные характеристики и специфику функциональных свойств (репродуктивных, воспитательных, экономических, коммуникативных и др.).

Четвертая глава издания содержит анализ политического поведения человека. Отмечена фрагментированность такого поведения, несмотря на преодоление государственных границ и создание общепланетарной возможности распространения и потребления информации. Показано, что всеобщность и мобильность общения приводят к формированию узких идеологических и политических групп, где их участники связаны не по территориальному принципу, а в соответствии со своими идеологическими и ценностными пристрастиями, по единству социального интереса. В этом смысле политическое поведение не имеет четко выраженных границ, они стираются. Формируется новая система самого политического участия: от радикального терроризма, теряющего принцип локальности, до активизма, ищущего международную поддержку.

В плоскости динамики социальности проанализированы отдельные процессы глобализации, связанные с созданием наднациональных институтов, усилением влияния транснациональных корпораций, деятельностью международных медиа. Эти процессы нередко приводят к перераспределению функ-

ций управления, принятия решений на уровне отдельного государства и его регионов.

Выявлена направленность трансформации природы власти от так называемой жесткой силы (*hard power*) к мягкой силе (*soft power*), что позволяет производить более скрытую форму лоббирования и продвижения решений. Внешние демократические институты уменьшают собственное влияние, в то время как неформальные лоббистские центры и институты его увеличивают.

Значительное внимание в монографии (*пятая* глава) уделено философскому анализу человека в пространстве новых медиа – проанализированы социальные и гуманитарные аспекты информационной безопасности, проблемы толерантности и интернет-агрессии в глобальной и белорусской медиасреде, подходы и перспективы повышения медиакультуры в белорусском обществе, актуальные в наши дни вопросы формирования и развития критического мышления в медиатизированном обществе.

Наконец, в *шестой*, заключительной главе книги, рассмотрены духовные факторы предвосхищения социальных рисков и гармонизации общественных отношений, к которым отнесены милосердие, сострадание, сочувствие и др. Осмыслен также опыт патриотического воспитания прошлых эпох.

Таким образом, представленные в монографии материалы дают более-менее целостную картину социально-экономического и политического развития Беларуси за последних 30 лет, а также раскрывают динамику современного мирового сообщества. Как одну из позитивных сторон книги отметим то, что в ней предвосхищена грядущая глобальная социодинамика.

В заключение хотелось бы сказать о еще одной сквозной мысли рецензируемой монографии, суть которой – важность сохранения научного статуса и действенной сущности философии, «дальнейшее ее служение науке и истине»¹. По заключению авторов, философия призвана «в силу своей компетенции помочь теоретикам, политикам-практикам и простым людям разобраться по существу с происходящими в современном социуме коллизиями, помочь им отыскать из веера потенциально возможных вариантов единственно верный путь выхода из глобального социального кризиса, свидетелями, непосредственными участниками и заложниками которого многие из нас оказались»².

Полагаем, что данная монография окажется востребованной научными работниками социально-гуманитарной сферы и руководителями-практиками.

*О. А. Романов, доктор философских наук, профессор,
председатель Республиканского общественного объединения «Белая Русь»*

¹ Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ. С. 380.

² Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян Паркев Сергеевич, доктор философских наук, профессор, проректор по науке Российско-Армянского университета, parkev.avetisyan@rau.am;

Адуло Тадеуш Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий Отделом социально-философских и антропологических исследований, Институт философии НАН Беларуси, tadoul@mail.ru;

Амоненко Сергей Александрович, аспирант, Институт философии НАН Беларуси, sergey.amonenko@mail.ru;

Бабосов Евгений Михайлович, академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси;

Божанов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет;

Буйко Татьяна Николаевна, доктор философских наук, доцент, Белорусский государственный университет физической культуры;

Го Цзимао, аспирант, Институт философии НАН Беларуси, 940259062@qq.com;

Дудчик Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси, dudchik@philosophy.by;

Игнатов Владимир Константинович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, ivk110857@gmail.com;

Калмыков Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, kvn2201@gmail.com;

Коваленя Александр Александрович, академик НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси;

Колесников Андрей Витальевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий Отделом философии информационных и когнитивных процессов, Институт философии НАН Беларуси, andr61@mail.ru;

Ксенофонов Владислав Анатольевич, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук, Военная академия Республики Беларусь, nksena777@gmail.com;

Куиш Александр Леонтьевич, кандидат философских наук, доцент, докторант, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, alkuish@mail.ru;

Куксачёв Николай Николаевич, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, kuksachou@philosophy.by;

Лазаревич Анатолий Аркадьевич, кандидат философских наук, доцент, директор Института философии НАН Беларуси, a.a.lazarevich@gmail.com;

Лукашевич Владимир Константинович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;

Лянькевич Григорий Чеславович, кандидат философских наук, доцент;

Максимович Валерий Александрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом философии литературы и эстетики, Институт философии НАН Беларуси, valery.maximovich@gmail.com;

Малахов Данила Владимирович, кандидат философских наук, докторант Института философии НАН Беларуси, danmalakhov08@mail.ru;

Можейко Марина Александровна, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет культуры и искусств, marina-mojeiko@yandex.by;

Морозова Инесса Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, inesmorozova@bk.ru;

Никонович Наталья Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, ol_ra@list.ru;

Одиноченко Виктор Александрович, кандидат философских наук, доцент, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, adzin28@gmail.com;

Павлюкевич Вадим Иосифович, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;

Петровский Петр Сергеевич, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, petrovskipt@yandex.ru;

Прись Игорь Евгеньевич, кандидат физико-математических наук, доктор философии, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, frigpr@googlemail.com;

Романов Олег Александрович, доктор философских наук, профессор, председатель Республиканского общественного объединения «Белая Русь»;

Румянцева Татьяна Герардовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, t.rumyan30@gmail.com;

Санько Сергей Иванович, кандидат философских наук, заведующий Отделом философии культуры, Институт философии НАН Беларуси, siarhey.sanko@gmail.com;

Смоляков Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Белорусско-Китайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета и Института философии НАН Беларуси, докторант Института философии НАН Беларуси, d.smaliakou@live.com;

Сокол Марина Анатольевна, кандидат психологических наук, директор Фонда поддержки юридического образования и науки имени профессора Степана Федоровича Сокола, докторант Белорусского государственного университета, marlinaku05@mail.ru;

Сороко Эдуард Максимович, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, eduard_soroko@mail.ru;

Титаренко Лариса Григорьевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, larissa@bsu.by;

Сведения об авторах

У Сяоянь, аспирант, Институт философии НАН Беларуси, 1121326252@qq.com;

У Цзиаци, аспирант, Институт философии НАН Беларуси, 1114845956@qq.com;

Фурс Вероника Владимировна, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, veronikafurs@gmail.com;

Червинский Александр Сергеевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, a.chervinski@gmail.com;

Шатерник Михаил Григорьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, 33mg@mail.ru;

Широканов Дмитрий Иванович, академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

**Редакционная коллегия приглашает авторов к публикации
в сборнике научных трудов Института философии НАН Беларуси
«Философские исследования»**

Тематические приоритеты (рубрики):

Проблемы онтологии и теории познания
Философия истории
Философские проблемы социальной динамики
Философско-антропологические исследования
Философско-методологические проблемы науки и техники
Философия культуры
Историко-философские исследования

Требования к оформлению работ

Объем печатного материала должен составлять от 0,4 до 0,8 авт. л. (или 16 000–32 000 знаков с пробелами). Текст предоставляется в формате Word for Windows rtf, шрифт Times New Roman, кегль 14, абзацный отступ 1,0, выравнивание справа и слева, все поля – 2 см, межстрочный интервал одинарный, страницы не нумеруются.

Следуя через один интервал, в статье помещаются следующие элементы ее структуры:

УДК в верхнем левом углу;

посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора;

посередине строки строчными буквами – место работы автора, город, страна;

посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи (не более двух строк);

резюме на русском языке;

ключевые слова на русском языке;

посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора по-английски;

посередине строки строчными буквами – место работы автора, город, страна по-английски;

посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи по-английски;

резюме по-английски;

ключевые слова по-английски;

Информация для авторов

основной текст, ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках: номер источника, номер страницы (например, [10, с. 795]); нумерация источников – в порядке цитирования или в алфавитном;

посредине строки жирным шрифтом – название «Список использованных источников»;

список использованных источников, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 / СТБ 7.208-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Рисунки к статье предоставляются в формате jpg или tiff.

В конце статьи приводятся данные автора на русском и английском языке: полностью фамилия, имя и отчество; ученая степень, звание, должность, место работы, телефон для контактов, адрес почтовый и электронный.

К статье прилагается рецензия, заверенная учреждением рецензента.

Если основной материал представляемой в редакцию статьи ранее был опубликован, то ссылка на эту публикацию обязательна. Для работ магистрантов и аспирантов требуется рекомендация научного руководителя.

Редколлегия вправе отклонять материалы, не соответствующие тематике сборника, требованиям к научному уровню, объему, оформлению и корректуре.

Статьи, оформленные согласно указанным требованиям, в распечатанном виде принимаются по адресу: 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, Институт философии НАН Беларуси, комн. 803 и одновременно направляются в электронном виде на e-mail: journal@philosophy.by с названием файла, имеющего следующую структуру: Фамилия ИО_Название статьи.

Справки по телефонам: +375 17 378-29-25, +375 17 355-18-77.

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Основан в 2014 году

Выпуск 9

Редактор *И. А. Старостина*
Художественный редактор *Д. А. Комлев*
Технический редактор *М. В. Савицкая*
Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 21.09.2022. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 36,73. Уч.-изд. л. 30,0. Тираж 100 экз. Заказ 177.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск.